Т.2

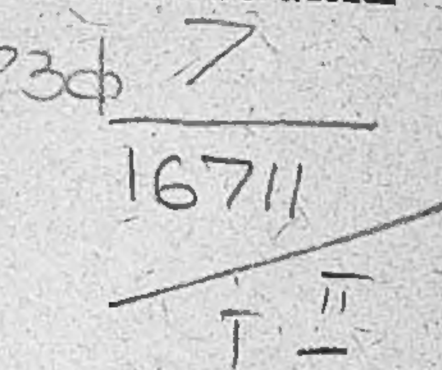
1900 г

ИСТОРІЯ

КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

и

ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

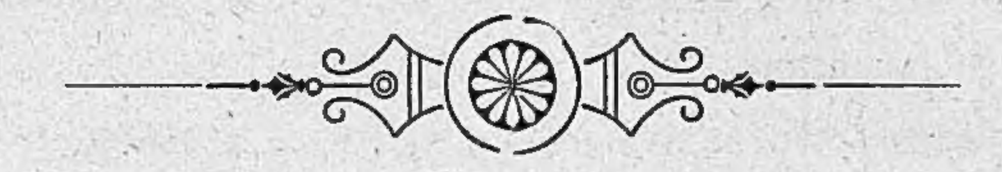

Н. Ѳ. Дубровинъ.

ИСТОРІЯ
КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ
и
ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

ТОМЪ II.

(Съ картами и планами).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза",
Большая Подъяческая, № 39.
1900.

СОДЕРЖАНІЕ.

XIII.

Приближеніе арміи князя Меншикова къ Севастополю. — Рескрипты императора. — Отношеніе кн. Меншикова къ войскамъ. — Князь П. Д. Горчаковъ. — Его положеніе въ арміи. — Дѣятельность союзниковъ. — Первые раненые въ Севастополѣ. — Расположеніе союзной арміи противъ Севастополя. — Раздѣленіе ея на корпуса: осадный и обсерваціонный. — Состояніе союзныхъ армій. — Болѣзни. — Усиленіе Севастопольскаго гарнизона. — Выселеніе семействъ изъ Севастополя. — Рекогносцировка генерала Краснова. — Состояніе полуострова на пространствѣ между Евпаторіей и Севастополемъ. — Блокада Евпаторіи. — Составъ евпаторійскаго гарнизона.

Во все это время о кн. Меншиковѣ не было ни слуху, ни духу; въ Севастополѣ никто не зналъ, гдѣ онъ находится. Въ городѣ ходили самые разнообразные толки: одни говорили, что онъ на Мекензіевой горѣ имѣлъ дѣло съ непріятелемъ; другіе, что онъ отступаетъ къ Бахчисараю, наконецъ третьи утверждали, что русскія войска дрались съ союзниками въ Чоргунскомъ ущельѣ. Конечно, ни тѣ, ни другіе не были справедливы, но всѣ сходились на томъ, что кн. Меншиковъ оставилъ Севастополь на произволъ судьбы.

Мнѣніе это было вполнѣ справедливо.

Со дня сраженія на р. Алмѣ, кн. Меншиковъ, въ своихъ донесеніяхъ императору, постоянно повторялъ, что главною цѣлью его будущихъ дѣйствій будетъ обезпеченіе и защита города отъ непріятельскихъ покушеній, а между тѣмъ, покинувъ Севастополь, князь оставался неподвиженъ, до 17-го сентября, и не имѣлъ никакихъ извѣстій ни о непріятелѣ, ни о положеніи гарнизона. Чтобы получить какое-либо свѣдѣніе о томъ, что дѣлается въ городѣ, кн. Меншиковъ отправилъ въ

Севастополь лейтенанта Стеценко, поручивъ ему сказать, кому слѣдуетъ, что армія *дня черезъ два покажется въ виду* [1]).

Пройдя всю ночь по глубокимъ и лѣсистымъ балкамъ, Стеценко на утро 16-го сентября прибылъ въ Севастополь и явился къ Корнилову. Послѣдній, въ подтвержденіе своихъ словъ, сказанныхъ войскамъ наканунѣ, объѣхалъ съ посланнымъ князя Меншикова всю оборонительную линію.

„Всѣ разспрашивали меня,—пишетъ Стеценко,—что дѣлаетъ армія, гдѣ она, зачѣмъ ушла изъ Севастополя въ такое время, а адмиралъ (Корниловъ) въ ободреніе гарнизона говорилъ, что я привезъ извѣстіе изъ арміи о прибытіи новыхъ подкрѣпленій“.

На слѣдующее утро лейтенантъ Стеценко отправился обратно въ главную квартиру.

Между тѣмъ находившійся въ авангардѣ генералъ-маіоръ Жабокритскій, получивши свѣдѣніе о переходѣ непріятеля на южную сторону, послалъ разъѣзды къ р. Качѣ, Бельбеку и два эскадрона гусаръ съ двумя сотнями казаковъ къ Мекензіевой горѣ. Извѣстія, доставленныя разъѣздами, подтвердили справедливость слуховъ о передвиженіи непріятеля. Тогда кн. Меншиковъ рѣшился двинуться со своими войсками къ сѣверной сторонѣ Севастополя и 17-го сентября расположился на высотахъ между Севастополемъ и Бельбекомъ. Все еще сомнѣваясь въ совершенномъ оставленіи непріятелемъ сѣверной стороны города, князь Меншиковъ призвалъ къ себѣ поручика гусарскаго Саксенъ-Веймарскаго полка Линтварева и передалъ ему скатанную въ шарикъ записку своего адъютанта барона Виллебранта, къ Корнилову, съ просьбою перевезти всѣ полковые обозы на сѣверную сторону города, куда и обѣщался прибыть съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня. Снабдивъ Линтварева проводникомъ, князь Меншиковъ приказалъ ему отправиться въ Севастополь, и, въ случаѣ если попадетъ въ плѣнъ, то проглотить записку. Линтваревъ исполнилъ порученіе и принесъ въ главную квартиру извѣстіе, что путь къ сѣверной сторонѣ совершенно свободенъ [2]).

Съ ранняго утра слѣдующаго дня пароходы и гребныя суда, съ

---

[1]) Рукописи о Севастоп. оборонѣ, т. I, 223.

[1]) Арбузовъ. Воспоминанія о войнѣ на Крымскомъ полуостровѣ (рукоп.).

трехъ южныхъ пристаней, перевозили обозы нашей арміи съ южной стороны города на сѣверную, а вдали приближались войска, тянувшіяся по дорогѣ отъ Инкермана. Малочисленный Севастопольскій гарнизонъ съ радостію смотрѣлъ на подходившія къ нему подкрѣпленія. Около двухъ часовъ по полудни кн. Меншиковъ пріѣхалъ на сѣверную сторону города и остановился на батареѣ № 4-го.

Встрѣтившись съ Корниловымъ, князь жаловался на малочисленность своихъ войскъ и считалъ непріятеля гораздо сильнѣе, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Онъ говорилъ, что хочетъ опять оставить Севастополь и, предоставивъ его собственнымъ средствамъ, предпринять новое движеніе, но какое,— онъ не высказывалъ.

— Если это будетъ,—замѣтилъ Корниловъ—то прощай Севастополь. Если только союзники рѣшатся на что-нибудь смѣлое, то они насъ задавятъ. Держаться съ войсками въ Севастополѣ весьма можно и держаться долго; но безъ войскъ дѣло другое.

Князь обѣщалъ созвать военный совѣтъ, но потомъ измѣнилъ свое намѣреніе и военнаго совѣта не созывалъ. Повидимому, онъ не рѣшилъ еще тогда, что ему предпринять и какъ дѣйствовать.

„Самый важный вопросъ здѣсь въ настоящую минуту,—писалъ онъ князю Долгорукову [1]),—состоитъ въ томъ, чтобы знать, будутъ ли состоящія подъ моимъ начальствомъ войска употреблены для защиты мѣста (города), или должны быть готовыми къ полевымъ дѣйствіямъ. Числительное превосходство нашихъ противниковъ и ихъ войска, пріученныя къ войнѣ, даютъ имъ значительный перевѣсъ, коего предвидѣніе вѣроятно заставитъ меня слѣдовать первому предположенію. Я не приступлю однакоже къ этому, какъ по зрѣломъ обсужденіи положенія дѣлъ: пока я въ состояніи поддержать гарнизонъ“.

---

[1]) La grande question du moment ici est de savoir si les troupes sous mes ordres seront employées à la défense de la place ou à tenir la campagne.—La supériorité numérique de nos adversaires et leurs troupes aguerries, leur donnent des chances favorables dont la prévision me portera probablement à suivre le premier de ces partis.—Je ne le ferai cependant qu'après un mur examen de la situation; en attendant, je suis à partie de soutenir la garnison (Письмо кн. Меншикова кн. Долгорукову 18-го сентября 1854 г.).

*

Недовольство все еще отражалось на лицѣ и во всѣхъ поступкахъ кн. Александра Сергѣевича. Онъ съ недовѣрчивостію встрѣчалъ всѣхъ лицъ, пріѣзжавшихъ въ главную квартиру, въ особенности флигель-адъютантовъ, присылаемыхъ изъ Петербурга. На послѣднихъ онъ смотрѣлъ какъ на тайныхъ наблюдателей за его дѣйствіями [1]) и старался пріискать имъ занятія внѣ главной квартиры, поручая наблюденіе за госпиталями, подвозкою пороха, продовольствія и проч.

Князь не отвѣчалъ на письма и вопросы кн. М. Д. Горчакова и почти ничего не доносилъ въ Петербургъ.

„Ты такъ скупъ на подробности,—писалъ императоръ,—что я никакъ не въ состояніи судить о настоящемъ положеніи твоемъ, ни обороны Севастополя [2])...

„Газеты полны оффиціальныхъ донесеній про сраженіе на р. Алмѣ, тогда какъ отъ тебя, кромѣ четырехъ строкъ и словесныхъ разсказовъ Грейга и Альбединскаго, я ничего не получилъ. Требую подробнаго и правдиваго донесенія; стыдно, что я не въ состояніи о сю пору ничего отвѣчать на всѣ эти реляціи голосомъ истины; и здѣсь наше молчаніе никому, и справедливо, не понятно, а мнѣ тягостно.

„Пора этому положить конецъ [3]).

„Теперь долженъ тебѣ откровенно признаться,—писалъ въ третій разъ въ Бозѣ почившій императоръ [4]), что, писавъ тебѣ уже не разъ про необходимость мнѣ знать, что происходитъ, и прождавъ цѣлый мѣсяцъ подробнаго донесенія о сраженіи при Алмѣ, мнѣ крайне было странно и непріятно вчера ничего подобнаго не получить отъ тебя, вопреки даннаго мною тебѣ приказанія... Ты меня ставишь въ лицѣ Россіи въ самое непріятное положеніе, ибо всякій знаетъ мою откровенность и что не въ обычаѣ моемъ скрывать истину, какъ бы ни была горька. Теперь же ни-

---

[1]) «Я чувствовалъ,—доносилъ ротмистръ Шеншинъ,—что чѣмъ болѣе сокращу свое пребываніе въ главной квартирѣ, тѣмъ скорѣе избѣгну случая подать поводъ къ тому, что я пріѣхалъ наблюдателемъ». — Арх. канц. воен. министерства, д. № 111.

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ кн. Меншикову отъ 27-го сентября. Арх. канц. воен. минис., д. № 102.

[3]) Собственноруч. письмо императора отъ 3-го октября.

[4]) Въ собственноруч. письмѣ отъ 10-го октября.

то не понимаетъ причины моего страннаго и никому не понятнаго молчанія, тогда какъ всѣ иностранныя газеты полны самыхъ мелочныхъ подробностей всего, что происходило у непріятеля и частію у насъ... Мы же все молчимъ и даже не въ состояніи отвѣчать на все это. Никто не подозрѣваетъ, что причиной сему то, что я самъ отъ тебя ничего не знаю, какъ словесно. Сознайся, любезный Меншиковъ, что тутъ нѣтъ приличія и что на тебя не похоже ставить меня въ столь непріятное положеніе. И такъ въ послѣдній разъ прошу и приказываю тебѣ писать мнѣ подробно все. Мнѣ одному подобаетъ рѣшить, что подлежитъ тайнѣ или слѣдуетъ сдѣлать гласнымъ, а никому другому“.

Во всѣхъ рѣчахъ князя Меншикова было что-то безотрадное; видно было, что онъ не довѣряетъ ни начальникамъ, ни войскамъ. Князь, впрочемъ, не скрывалъ своего мнѣнія и позволялъ себѣ нѣкоторыя выходки, оскорбительныя для тѣхъ, которые грудью своею заслонили Севастополь на Алмѣ, тамъ же сохранили ему доброе имя и безропотно переносили всѣ лишенія.

Встрѣтивъ на сѣверной сторонѣ Севастополя на другой день послѣ Алминскаго сраженія Московскій полкъ, князь Александръ Сергѣевичъ обратился къ нему съ ѣдкимъ укоромъ.

— Благодарю васъ за отрицательную храбрость,—сказалъ онъ, обращаясь къ полку.

— Рады стараться, ваша свѣтлость!—отвѣчали солдаты, не понявшіе упрека.

Командующій войсками не стѣснялся въ обвиненіяхъ и всѣ неудачи сваливалъ на своихъ подчиненныхъ и на войска.

„Князь Михаилъ Горчаковъ, — писалъ князь Меншиковъ [1]),—назна-

---

[1]) Le Prince M. Gortchakaff a chargé le colonel Batesatoul d'accompagner le général Korff pour parer, comme il le pense, aux inconvéniens d'une capacité douteuse de ce général.—Malheureusement cette expression pourrait s'appliquer à beaucoup d'autres... J'ai ordonné de faire sortir journellement des petites troupes de Sevastopol non pas tant pour inquièter l'ennemi que pour les aguerrir au feu, car il est désespérant de voir les émotions produites par les boulets ennemis qui passent par dessus la tête des bataillons sans pourtant les toucher.—(Письмо кн. Меншикова князю Долгорукову 24-го сентября 1854 г.).

чилъ полковника Батезатула сопровождать генерала Корфа, для подкрѣпленія, какъ онъ думаетъ, сомнительной способности этого генерала. Къ несчастію, это выраженіе можетъ прилагаться ко многимъ другимъ... Я приказалъ ежедневно дѣлать вылазки изъ Севастополя небольшими партіями, не столько для того, чтобы безпокоить ими непріятеля, сколько для того, чтобы пріучить войска къ огню, ибо приходишь въ отчаяніе, когда видишь смущеніе, производимое непріятельскими снарядами, которые летаютъ надъ головами батальоновъ, не касаясь ихъ".

Возводя такое обвиненіе на войска, князь Александръ Сергѣевичъ, поселившійся на сѣверной сторонѣ города, видѣлъ однако же, что по южную сторону рейда смотрятъ на тѣ же войска совершенно иначе, что тамъ всѣмъ извѣстны „удалые подвиги нашихъ" солдатъ: боцмана 32-го экипажа Халюты, двухъ казаковъ № 67-го полка, разъѣзда гусаръ, цѣпи 34-го экипажа, унтеръ-офицера Бутырскаго полка Лапина, Минскаго полка унтеръ-офицера Никифора Петрова, съ 8-ю человѣками, 45-го экипажа унтеръ-офицера Петренко и многихъ другихъ... Эти подвиги не могли оставаться незамѣченными тѣми, кто стоялъ у дѣла и понималъ его.

„Вчера,—писалъ Корниловъ въ приказѣ по гарнизону,—былъ въ Севастополѣ флигель-адъютантъ Государя Императора, отправляющійся въ С.-Петербургъ. Царь нетерпѣливо желаетъ знать все о приступѣ враговъ къ дорогимъ для него городу и флоту Черноморскому. Я поручилъ доложить Его Величеству, что войска рвутся сразиться и на всякомъ шагу выказываютъ свою удаль; что они, по примѣру отцовъ, не хотятъ и знать о числѣ непріятелей, а обѣщаютъ отстоять довѣренное имъ Государемъ сокровище".

Послѣ такихъ словъ кн. Меншикову не оставалось ничего болѣе, какъ подтвердить слова Корнилова; нѣсколько дней спустя послѣ вышеприведеннаго письма онъ писалъ: „Духъ въ войскахъ поднялся, и я имѣю надежду, что они будутъ драться хорошо" [1]).

Такое противорѣчіе съ самимъ собою составляло, въ этотъ промежутокъ времени, особенность командующаго войсками. Меншиковъ, послѣ

---

[1]) L'esprit des troupes est remonté et j'ai l'espoir qu'elles se battront bien».—Письмо кн. Меншикова князю Долгорукову 3-го октября 1854 г.

высадки союзниковъ, былъ далеко не тотъ князь Александръ Сергѣевичъ, которымъ его знали и видѣли у Анапы и подъ Варною въ 1829-мъ году, не тотъ, какимъ онъ былъ до появленія непріятеля, не тотъ, который предвидѣлъ многія обстоятельства и почти совершенно точно указалъ мѣсто высадки. Теперь это былъ человѣкъ, подавленный силою обстоятельствъ, недовѣрчивый до крайности, недовольный своимъ положеніемъ и всѣми окружающими. „Что чрезвычайно тяжело было узнать, — писалъ князь Долгоруковъ [1]) въ отвѣтъ на письмо кн. Меншикова,—такъ это то, что вы мало увѣрены въ искусствѣ вашихъ генераловъ и даже сомнѣваетесь въ храбрости вашихъ войскъ. Понятно, что подобное убѣжденіе должно неблагопріятно отозваться на всѣхъ дѣлаемыхъ распоряженіяхъ“.

Богъ не проститъ князю Александру Сергѣевичу за несправедливое обвиненіе русскаго солдата, не проститъ за укоръ, что войска на Алмѣ дрались дурно [2]). Полки Владимірскій, Великаго Князя Михаила Николаевича, Минскій и Московскій, долгое время одни удерживали наступленіе шестидесяти-тысячной арміи и были растрепаны непріятелемъ. Значитъ ли это драться дурно? Владимірцы три раза отстаивали свои знамена, остальные полки сдѣлали бы то же, но не ихъ вина, что, не введенные въ дѣло, они остались праздными зрителями геройскаго сопротивленія своихъ товарищей...

Кн. Меншиковъ жаловался, что у него нѣтъ штаба, говорилъ, что всѣхъ лицъ его главной квартиры можно пересчитать по пальцамъ, а между тѣмъ самъ онъ никого не просилъ о сформированіи штаба. Правда, онъ ходатайствовалъ о назначеніи къ нему отдѣльныхъ лицъ, которыя тотчасъ же и назначались. Вельможа, стяжавшій себѣ славу дипломата, воина и администратора, князь Александръ Сергѣевичъ, извѣстный всему мыслящему русскому міру своимъ широкимъ умомъ, смотрѣлъ на учрежденія штабовъ съ усмѣшкою.

— Обойдемся,—отвѣчалъ онъ обыкновенно на предложеніе организовать штабъ въ полномъ его составѣ.

---

[1]) Князю Меншикову 30-го сентября 1854 г.

[2]) Письмо кн. Меншикова военному министру отъ 24-го сентября 1854 г. Тамъ же.

Такой взглядъ, какъ и все оригинальное, встрѣчался многими съ особымъ восторгомъ.

— Ай-да князь Александръ Сергѣевичъ,—кричали они,—вотъ баринъ-то—все самъ.

Въ такомъ взглядѣ хотѣли видѣть желаніе трудиться лично, не взваливая на другихъ, желаніе видѣть огромныя способности, обширныя умственныя и физическія средства кн. Меншикова. Это было бы вполнѣ справедливо, но не при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ теперь находился. Кн. Меншиковъ самъ былъ убѣжденъ въ необходимости сформированія штаба, но упорно молчалъ и кто знаетъ, можетъ быть въ ожиданіи, что другіе предложатъ ему то, что самъ просить считалъ щекотливымъ. Онъ не ошибся въ своихъ ожиданіяхъ; и тутъ на выручку ему явился князь М. Д. Горчаковъ, обратившійся объ этомъ съ просьбою къ военному министру кн. Долгорукову. „Я писалъ ему,—говоритъ онъ въ одномъ изъ писемъ кн. Меншикову [1]),—чтобъ организовалъ для васъ родъ сухопутнаго штаба, потому что не возможно командовать, кормить и снабжать всѣмъ необходимымъ 100.000 человѣкъ, съ тремя или четырьмя офицерами, которые у васъ находятся“.

Конечно, огромный штабъ составляетъ бремя и вредъ для арміи, по русской пословицѣ: „у семи нянекъ дитя всегда безъ глазу“, но и отсутствіе штаба у князя Меншикова привело его ко многимъ упущеніямъ и прежде всего къ тому, что, среди окружающихъ его лицъ, онъ не находилъ почти никого, съ кѣмъ бы могъ посовѣтоваться, на кого могъ бы положиться. Онъ теперь созналъ, что бываютъ такія положенія человѣка, когда онъ не успѣваетъ даже только приказывать и требовать исполненія своихъ приказаній, что въ такихъ случаяхъ необходимо раздѣлить трудъ, довѣриться людямъ, пользоваться ихъ совѣтами и не пренебрегать поговоркой: „умъ хорошо, а два еще лучше“.

Князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ былъ единственнымъ лицомъ, пользовавшимся расположеніемъ командующаго войсками и заслужившимъ его довѣріе.

— Je n'ai pas un seul général,—говорилъ князь Меншиковъ,—outre

---

[1]) Отъ 3-го октября 1854 г. Воен.-Учен. Арх., д. № 4253 ч. II.

le Prince Gortchakoff, mais à nous deux nous avons 140 ans, et si nous sommes malades ou blessés je ne sais ce qui en sera [1]).

— Le vieux Gortchakoff,—писалъ онъ [2]),—qui me seconde bien loyalement et moi, nous suffisons à peine pour le courant des dispositions à faire.

Несмотря однакоже на такое довѣріе князя Александра Сергѣевича, кн. Горчаковъ былъ недоволенъ своимъ положеніемъ. Онъ считался начальникомъ всѣхъ войскъ, расположенныхъ въ окрестностяхъ Севастополя [3]), но на дѣлѣ имъ вовсе не былъ. Кн. Меншиковъ, сохраняя съ нимъ самыя лучшія личныя отношенія, вовсе не желалъ, чтобы онъ пріобрѣлъ въ арміи дѣйствительное значеніе отдѣльнаго начальника, хотя и подчиненнаго ему, но все-таки имѣющаго свой опредѣленный кругъ дѣйствій. Меншиковъ постоянно совѣтовался съ кн. Горчаковымъ, но распоряжался прямо отъ себя и весьма часто не сообщая даже ему объ отданныхъ приказаніяхъ. Такое двусмысленное положеніе, быть начальникомъ по названію и не имѣть въ сущности никакой дѣятельности, тяготило кн. Горчакова и дѣлало его недовольнымъ своимъ положеніемъ. Замѣтивъ это неудовольствіе, кн. Меншиковъ, самъ находившійся при войскахъ на сѣверной сторонѣ, какъ бы въ доказательство своего расположенія и полнаго довѣрія, отдалъ новый приказъ, которымъ назначилъ кн. Горчакова командующимъ, какъ всѣми безъ исключенія войсками дѣйствующаго отряда, такъ и вновь прибывающими къ Севастополю.

„Объявляя о семъ по ввѣреннымъ мнѣ войскамъ,— писалъ онъ, — предписываю всѣмъ начальникамъ дѣйствующаго отряда—всѣ приказанія генерала кн. Горчакова исполнять какъ бы мои“.

Положеніе дѣлъ отъ этого нисколько не измѣнилось.

---

[1]) Я не имѣю ни одного генерала кромѣ кн. Горчакова, но намъ обоимъ вмѣстѣ 140 лѣтъ, и если мы заболѣемъ или будемъ ранены, я не знаю, что тогда будетъ! Письмо ротм. Шеншина воен. минист. 24-го сентября 1854 г. № 1. Арх. канц. воен. минис., д. № 111.

[2]) Старый Горчаковъ, который помогаетъ мнѣ очень честно, и я едва успѣваемъ дѣлать текущія распоряженія. Письмо кн. Меншикова воен. минис. отъ 18 сентября. Воен.-Учен. Арх., д. № 4254 ч. II.

[3]) Приказаніе по дѣйствующему отряду на 10 сен. 1854 г. Арх. главнаго штаба.

Находясь самъ безотлучно при войскахъ дѣйствующаго отряда, кн. Меншиковъ оставлялъ кн. Горчакова безъ всякой дѣятельности и тѣмъ заставилъ послѣдняго просить ввѣрить его начальству хотя самый ничтожный отрядъ, но съ тѣмъ, чтобы быть дѣйствительнымъ его начальникомъ. Но кн. Меншиковъ отстранялъ эти желанія, старался не замѣчать ихъ и повидимому не хотѣлъ разлучиться съ кн. Горчаковымъ, чтобы имѣть на кого опереться въ трудныхъ обстоятельствахъ.

Обстоятельства эти не были еще такъ трудны, какъ казались они самому главнокомандующему. Севастополь, безъ его участія, пережилъ уже столь трудныя минуты, что теперь, съ приходомъ войскъ, считалъ свое положеніе настолько обезпеченнымъ, что могъ бороться съ непріятелемъ и если не отстоять совершенно городъ, то отсрочить его паденіе на довольно продолжительное время.

Отсутствіе рѣшимости и энергіи союзниковъ было ручательствомъ за нѣкоторый успѣхъ въ дѣлѣ обороны.

Занявъ треугольникъ, образуемый ущельемъ Черной рѣчки, Балаклавою и Херсонесскимъ маякомъ, англо-французы въ теченіе двухъ дней оставались на прежнихъ своихъ позиціяхъ и занимались только однѣми рекогносцировками. Аванпосты и кавалерійскіе разъѣзды ихъ, еще 15-го сентября, появились въ виду города, на Симферопольской и Балаклавской дорогахъ, а вслѣдъ за тѣмъ французы показались на высотахъ противъ Балаклавской дороги и близъ хуторовъ Сарандинаки и Хомутова. Они расположились на возвышенностяхъ къ юго-западу отъ бастіона № 4-го, между дорогами въ Балаклаву и Георгіевскій монастырь. Во то же самое время суда французской эскадры заняли Камышевую и Казачью бухты.

17-го сентября, изъ Севастополя видно было, что непріятель расположился въ двухъ лагеряхъ: одинъ на лѣсистой высотѣ надъ хуторомъ Хомутова, другой на высотѣ противъ старой Балаклавской дороги. Около полудня одинъ изъ непріятельскихъ отрядовъ двинулся по направленію къ маяку и соединился съ пароходами [1]).

По приказанію генералъ-адъютанта Корнилова по непріятельскимъ лагерямъ былъ открытъ огонь съ батарей, бастіоновъ и съ корабля

---

[1]) Письмо-журналъ Корнилова отъ 17-го сентября. Жандръ, 234.

„Ягудіилъ", поставленнаго въ глубинѣ Южной бухты. Снаряды съ послѣдняго и съ бастіона № 4-го ложились такъ далеко, что непріятель принужденъ былъ отодвинуться нѣсколько назадъ.

Въ тотъ же день, около трехъ часовъ по полудни, три непріятельскихъ парохода и винтовая шкуна подошли съ Александровской батареѣ и открыли огонь бомбами. Батарея № 10-го, Александровская и Константиновская отвѣчали имъ. Часа черезъ полтора стрѣльба прекратилась, и непріятель отошелъ, не причинивъ намъ почти никакого вреда. Снаряды съ пароходовъ большею частію не попадали въ цѣль: то не долетали, то перелетали, и только одна бомба, пущенная съ винтовой шкуны, разбила на батареѣ № 10-го одинъ лафетъ и ранила двухъ человѣкъ. Это были первые раненые въ Севастополѣ. На слѣдующее утро, 18-го сентября, почти на всѣхъ высотахъ, окружающихъ городъ, видно было движеніе небольшихъ непріятельскихъ отрядовъ. Одинъ изъ нихъ появился противъ Малахова кургана, но на весьма дальнемъ разстояніи. Замѣтно было, что, производя рекогносцировку, непріятель, въ то же время, слѣдилъ за нашими войсками, показавшимися на Бельбекскихъ высотахъ. Спустя нѣкоторое время 4-я французская дивизія, подъ начальствомъ генерала Форе, подвинулась вправо и остановилась лагеремъ между Сарандинакиною балкою и Стрѣлецкою бухтою. Въ этотъ день непріятельскій флотъ двигался съ Качи къ Херсонесу, при чемъ французы завладѣли всѣми бухтами.

Съ занятіемъ бухтъ Херсонесскаго полуострова взаимное положеніе союзныхъ армій вполнѣ опредѣлилось. Французы приняли на себя атаку Городской, а англичане—Корабельной стороны. Сообразно съ такимъ рѣшеніемъ и обѣ арміи союзниковъ были раздѣлены на два корпуса: осадный и обсерваціонный. Въ составъ осаднаго корпуса французской арміи вошли 3-я и 4-я пѣхотныя дивизіи, начальство надъ которыми было ввѣрено генералу Форе. Послѣдній, остановившись верстахъ въ трехъ отъ города, расположилъ свой лагерь отъ Стрѣлецкой бухты до Сарандинакиной балки, слѣдовательно противъ 7-го, 6-го, 5-го и 4-го бастіоновъ. На лѣвомъ флангѣ, упираясь въ Стрѣлецкую бухту, стали четвертая, а на правомъ, примыкая къ Сарандинакиной балкѣ, третья, пѣхотныя французскія дивизіи; позади послѣдней были устроены два парка инженерный и артиллерійскій; а за парками расположилась главная квартира французской арміи.

Правѣе французовъ до самой Черной рѣчки, противъ Инкермана расположились англичане, также не ближе трехъ верстъ отъ города. Непосредственно къ французамъ, у Сарандинакиной балки, примыкала 3-я англійская дивизія Ингленда, правѣе ея стала 4-я дивизія Каткарта и легкая Броуна. На обрывахъ Сапунъ-горы, противъ Инкермана видна была 2-я дивизія Лесси-Эванса. Вторую линію англичанъ составляли: 1-я дивизія герцога Кембриджскаго, часть англійской кавалеріи, инженерный и артиллерійскіе парки, расположенные позади легкой дивизіи Броуна.

Для усиленія и обезпеченія осадной арміи отъ нападеній нашихъ войскъ, со стороны Балаклавской равнины и долины Черной рѣчки, назначался обсерваціонный корпусъ, составленный изъ 1-й и 2-й французскихъ пѣхотныхъ дивизій и двухъ резерныхъ конныхъ батарей, подъ общимъ начальствомъ генерала Боске. Расположившись на трудно доступныхъ обрывахъ Сапунъ-горы, Боске сталъ фронтомъ къ Балаклавѣ и къ Федюхинымъ горамъ, имѣя правѣе себя восемь батальоновъ турецкой арміи, составлявшей общій резервъ какъ обсерваціоннаго, такъ и осаднаго корпусовъ союзниковъ.

Размѣстившись такимъ образомъ, союзники приступили къ выгрузкѣ съ судовъ боевыхъ припасовъ, орудій и другихъ матеріаловъ, необходимыхъ для осады. Англичане выгружали ихъ изъ Балаклавской гавани, а французы изъ бухтъ Херсонесскаго полуострова.

Прошло нѣсколько дней, а въ непріятельскомъ лагерѣ не замѣтно было никакой перемѣны, точно будто пришли они полюбоваться на Севастополь и посмотрѣть на изумительную дѣятельность, съ которою возводились укрѣпленія.

Не рѣшаясь двинуться на штурмъ, англо-французы предпочли правильную осаду, для открытія которой необходимы были продолжительныя приготовленія. Всѣ потребности для войскъ находились на судахъ, выгрузка которыхъ отнимала много времени. Первое время, какъ французы, такъ и англичане нуждались почти во всемъ: они вышли на берегъ съ тѣмъ, что могли поднять на себѣ; совершили свое движеніе на южную сторону налегкѣ и можно сказать въ однихъ только мундирахъ, которыхъ они не снимали въ теченіе нѣсколькихъ дней: въ нихъ дѣлали переходы, въ нихъ сражались, въ нихъ и спали.

Запасъ продовольствія истощился, и потому, утвердившись въ Балаклавѣ и на Херсонесскомъ полуостровѣ, англо-французы прежде всего должны были позаботиться объ обезпеченіи себя жизненными потребностями, необходимыми для сбереженія здоровья войскъ, и безъ того уже ослабленныхъ различнаго рода болѣзнями.

Холера въ особенности производила значительное опустошеніе въ союзныхъ арміяхъ. По свидѣтельству многочисленныхъ иностранныхъ корреспондентовъ, со времени высадки, съ 1-го и по 23-е сентября, т. е. въ теченіе трехъ недѣль, союзники потеряли, только отъ одной холеры, столько же людей, сколько было убито въ дѣлѣ при р. Алмѣ. У однихъ англичанъ ежедневно заболѣвало по 150 и болѣе человѣкъ. Причиною столь большаго развитія болѣзни въ англійской арміи было неудовлетворительное состояніе интендантской части. Попеченіемъ его войска были обезпечены лишь настолько, чтобы не умереть отъ голода. Во французской арміи, гдѣ части интендантская и медицинская были устроены лучше, и число заболѣвающихъ было значительно менѣе. Но и здѣсь лишенія, встрѣчаемыя на каждомъ шагу, ослабляли войска, чувствовавшія недостатокъ во всемъ необходимомъ.

Продовольствіе англо-французовъ было не обильно; матеріальныя средства также весьма скудны. До 22-го сентября англійскія войска не имѣли палатокъ; солдаты и офицеры проводили сырыя и весьма холодныя ночи на чистомъ воздухѣ. Бивуачная жизнь подъ открытымъ небомъ вредно дѣйствовала на союзниковъ.—„Едва-ли найдется хоть одинъ офицеръ,—писали въ англійскихъ газетахъ,—который былъ бы совершенно здоровъ. Кто не страдаетъ отъ припадка холеры и простуды, у того навѣрное ревматизмъ. Надо сказать правду, британская армія много потерпѣла“.

Надежды на скорое поправленіе къ лучшему не было. Транспортныя суда, слѣдовавшія съ грузомъ изъ Турціи, принуждены были бороться съ бурями; многія изъ нихъ погибли, не достигнувъ назначенія, другія приходили только съ частью груза, похоронивъ остальной въ волнахъ Чернаго моря. Такъ, англичане въ разное время и на разныя суда посадили въ Турціи 300 лошадей, а привезли въ Крымъ только двѣ [1]).

---

[1]) Матеріалы, вып. III, 224 и 225.

Опасеніе, что бури могутъ прекратить подвозъ, заставляло союзниковъ отправлять все въ большомъ количествѣ, въ особенности съѣстные припасы. Но и эта мѣра немного помогала дѣлу, по крайней мѣрѣ въ первое время утвержденія ихъ на южной сторонѣ Севастополя. Запасъ снарядовъ у высадившихся былъ недостаточенъ; туры и фашины пріобрѣтались съ большимъ затрудненіемъ; съѣстные припасы сильно вздорожали. За свѣчу англичане платили по 2 шилинга (60 к.), за бутылку водки 17 шилинговъ (5 р. 10 к.), а за старое истертое одѣяло 2 ф. 10 шилинговъ (15 р. с.). Балаклава представляла собою видъ грязнаго города. Двѣ ея улицы—единственное ровное мѣсто между моремъ и крутыми скалами—были завалены телѣгами, военными снарядами, продовольственными и медицинскими припасами. Городъ былъ переполненъ больными и скитавшимися грязными и голодными турками.

Высаженные почти безъ всякаго запаса продовольствія, турки, по собственнымъ ихъ показаніямъ, со времени дѣла при р. Алмѣ и до 10-го октября (28-го сентября) получили только по нѣскольку сухарей на человѣка. Они бродили по англійскому лагерю и подбирали объѣдки солдатской пищи. Эти несчастные были въ такомъ положеніи, что считали лучшимъ для себя исходомъ дезертировать изъ арміи и передавались въ наши руки заразъ по нѣскольку человѣкъ. Передававшіеся были убѣждены, что нигдѣ не можетъ быть хуже, чѣмъ у нихъ, и что всякая перемѣна въ ихъ положеніи приведетъ къ лучшему.

Ослабленіе союзной арміи болѣзнями и лишенія, испытываемыя ею, подали впослѣдствіи поводъ главнокомандующимъ свалить на нихъ всю вину и выставить ихъ причиною медленности, съ которою они приступали къ осадѣ города. Нельзя не замѣтить, что англичане встрѣчали въ этомъ гораздо болѣе затрудненій, чѣмъ французы, потому что лагерь англійскихъ войскъ находился значительно далѣе отъ моря, чѣмъ французскихъ. Англичанамъ приходилось выгружать свои орудія и осадныя принадлежности въ Балаклавѣ и потомъ тащить ихъ въ лагерь, расположенный вдали отъ города. Всѣ средства перевозки, всевозможныя повозки, а въ особенности руки и спины англійскихъ солдатъ и матросовъ были употреблены въ дѣло, для доставки въ лагерь орудій, снарядовъ, туровъ и проч. Это очень изнуряло войска, не привыкшія къ подобнымъ лишеніямъ. „Всѣ наши солдаты очень исхудали,—писалъ

одинъ изъ англійскихъ корреспондентовъ [1]);—пыль и потъ, накопившіеся на нихъ, въ теченіе долгаго времени, придаютъ имъ самый невзрачный видъ. Платья ихъ, которыхъ они не перемѣняли уже нѣсколько недѣль, невозможно и отчистить. Какъ прикажете мыться, когда воды такъ мало, что и пить нечего?“ Стаканъ воды продавался по три шилинга (90 к.).

Недостатокъ въ водѣ былъ слишкомъ ощутителенъ. Офицеры, не говоря уже о солдатахъ, по цѣлымъ недѣлямъ не мыли лица, не мѣняли бѣлья и были похожи, по выраженію ихъ соотечественника, на вороньихъ пугалъ. Одежда и бѣлье плѣнныхъ, въ особенности англичанъ, были въ отвратительномъ видѣ. Вообще въ карманахъ британцевъ было много золота, но удобства для жизни никакого. Не удивительно послѣ того, что не только осадныя работы, но и самое приготовленіе къ нимъ шло весьма медленно, что союзники сами давали намъ средство оглядѣться, исправить старые грѣхи и прорѣхи и, укрѣпившись по мѣрѣ возможности, встрѣтить врага должнымъ образомъ.

Князь Меншиковъ, оставивъ свое намѣреніе вновь уйти изъ Севастополя, рѣшился остаться на сѣверной сторонѣ и подкрѣпить южную тремя полками 17-й пѣхотной дивизіи: Московскимъ, Бородинскимъ, 3-мя батальонами Тарутинскаго полка [1]) и двумя легкими № 4-го и № 5-го батареями 17-й артиллерійской бригады.

Съ утра 19-го сентября четыре парохода перевозили эти полки въ городъ, изъ котораго многіе жители, воспользовавшись открытіемъ сообщенія, спѣшили удалиться въ глубь Крыма или уѣхать въ южныя губерніи Россіи. Севастополь видимо пустѣлъ; обозы съ имуществомъ тянулись длинною вереницею по направленію отъ Севастополя къ Бахчисараю, и въ скоромъ времени вся дорога до самаго Перекопа была запружена телѣгами, нагруженными домашнею утварью, дѣтьми и женщинами. Это было полное переселеніе почти-что цѣлаго и довольно многолюднаго города, торопившагося укрыться отъ опасности и избѣжать отъ плѣна, весьма возможнаго въ ихъ положеніи.

---

[1]) Матер., вып. III, 259.

[2]) Четвертый батальонъ этого полка еще ранѣе былъ въ составѣ Севастопольскаго гарнизона.

Переселенцы ѣхали на лошадяхъ, волахъ и даже на верблюдахъ; женамъ и семействамъ небогатыхъ офицеровъ выдавались средства на выѣздъ изъ города. Покидавшіе Севастополь разъѣзжались въ разныя стороны: одни оставались на время въ Симферополѣ, другіе достигали до Перекопа, Николаева, а иные и далѣе—въ сосѣднія губерніи. Переселенцы разносили теперь болѣе утѣшительныя и успокаивающія извѣстія.

„Грустно и тяжело было въѣхать въ Крымъ,—писалъ преосвященный Иннокентій [1]),—находя вездѣ безурядицу и упадокъ духа, но изъ Крыма уже можно было выѣхать съ лицомъ не печальнымъ, и не безъ твердой надежды. Если видимо было, что дѣло наше доходило до крайности, то ощутительно также было, что верхъ кризиса уже пройденъ, что солнце поворотило на насъ,—съ зимы на лѣто“.

Съ переправою на южную сторону трехъ полковъ 17-й пѣхотной дивизіи, въ распоряженіи самого кн. Меншикова осталась только одна слабая по составу 16-я пѣхотная дивизія, два полка 14-й пѣхотной дивизіи, два черноморскихъ казачьихъ пѣшихъ батальона и одинъ Черноморскій резервный линейный батальонъ. Вся численность этого отряда простиралась до 15.534 человѣкъ [2]).

Очевидно, что съ этими войсками нельзя было предпринять никакого наступательнаго движенія, и слѣдовательно князь Меншиковъ, силою обстоятельствъ прикованный къ Севастополю, принужденъ былъ ограничиваться только подкрѣпленіемъ гарнизона южной стороны и пополненіемъ его убыли. Онъ имѣлъ возможность располагать лишь одною кавалеріею, которая, оставаясь свободною, могла быть употреблена для наблюденія за непріятелемъ, для обезпеченія собственныхъ сообщеній и отчасти для успокоенія края.

Для наблюденія за непріятелемъ и пресѣченія сообщенія его съ татарами, необходимо было содержать Евпаторію въ тѣсной блокадѣ. Съ этою цѣлью генералъ-лейтенанту Корфу, слѣдовавшему въ Крымъ съ 32-мя эскадронами резервной уланской дивизіи и батареею артиллеріи, было послано на встрѣчу приказаніе: по прибытіи къ Перекопу идти къ г. Евпа-

[1]) Генералу Анненкову. Арх. канц. воен. минис., по секретной описи, дѣло № 78.

[2]) Арх. канц. воен. минис. по снаряженію войскъ, дѣло № 110 (а).

торіи, стараться прогнать оттуда непріятеля, водворить порядокъ между жителями и наблюдать за сообщеніемъ между Симферополемъ и Перекопомъ [1]).

Между тѣмъ нѣсколько ранѣе прибытія уланской дивизіи кн. Меншиковъ отправилъ въ Евпаторійскій уѣздъ генерала Краснова съ казачьимъ полкомъ.

Назначивъ Краснова 2-го походнымъ атаманомъ казачьихъ войскъ, въ Крыму расположенныхъ, Хомутовъ писалъ кн. Меншикову, что „генералъ сей весьма надежный, славный, боевой, служилъ и дрался во всѣхъ углахъ“.

Краснову приказано было взять изъ Маріуполя и станицы Новониколаевской (на Кривой косѣ) два полка № 55-го и 61-го и слѣдовать съ ними въ Крымъ [2]). На дорогѣ Красновъ получилъ приказаніе кн. Меншикова, вступивъ на Крымскій полуостровъ, обезпечить сообщеніе между Симферополемъ и Перекопомъ и привести жителей къ покорности, въ особенности въ Евпаторійскомъ уѣздѣ.

„Непріятель,—писалъ кн. Меншиковъ [3]),—высадивъ войска свои между Евпаторіею и р. Алма, съ передвиженіемъ своимъ впередъ, вѣроятно, оставилъ свое депо. Угроженіе и даже самое нападеніе было бы полезно“.

Пройдя Чонгарскій мостъ, Красновъ направилъ полки № 55-го на Перекопъ, а № 61-го, съ которымъ самъ слѣдовалъ,—на соединеніе съ Крымскою арміею. Здѣсь онъ получилъ приказаніе присоединить къ себѣ двѣ сотни № 67-го полка, слѣдовать съ ними къ Евпаторіи, для рекогносцировки, и оттуда пройти вдоль морскаго берега къ сѣверной сторонѣ Севастополя.

Красновъ встрѣтилъ эту часть мѣстности совершенно разоренною. Татары покинули свои дома и, захвативъ съ собою часть имущества, бѣжали къ непріятелю. Въ окрестности Сарыбулата, Евпаторійскаго уѣзда, повсюду видны были деревни, оставленныя жителями, и множество рога-

---

[1]) Предписаніе кн. Меншикова генер. Корфу отъ 19-го сентября № 1205. Письмо кн. Меншикова кн. Горчакову 20-го сентября № 1207. Воен.-Учен. Арх., дѣла № 3331 и 3346.

[2]) Рап. Хомутова кн. Меншикову отъ 7-го сент. № 898. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 3346.

[3]) Отъ 10-го сентября. Тамъ же.

таго скота, верблюдовъ, лошадей, овецъ и домашнихъ птицъ, брошенныхъ хозяевами, бродящихъ въ степи и издыхающихъ отъ голода и жажды. Въ покинутыхъ деревняхъ найдены были запасы топлива, сѣна, соломы, хлѣбъ въ скирдахъ, оставшійся немолоченнымъ, а въ ямахъ—зерно овса, ячменя, пшеницы и проч. [1]).

Въ наказаніе за измѣну изъ ближайшихъ къ Евпаторіи деревень весь скотъ числомъ до 4.000 штукъ, по приказанію кн. Меншикова, былъ отогнанъ въ Бахчисарай. Татарамъ объявлено, что скотъ будетъ возвращенъ, если они перевезутъ въ Симферополь 3.000 четвертей муки, находившейся въ Сакскомъ провіантскомъ магазинѣ, и нѣсколько бочекъ солонины, сала и меду, брошенныхъ непріятелемъ близъ селенія Контоугана. Татары отказывались исполнить это требованіе, говоря, что имъ перевозить не на чемъ, перебѣгали къ непріятелю, грабили и разбойничали по дорогамъ. Для усмиренія ихъ мѣстныя власти оказались безсильными.

Признавая, что волненія въ цѣломъ Евпаторійскомъ уѣздѣ могутъ дурно отозваться на военныхъ операціяхъ, кн. Меншиковъ предписалъ таврическому губернатору выселить за Перекопъ, въ Мелитопольскій уѣздъ, всѣхъ татаръ, живущихъ вдоль морскаго берега, отъ Севастополя до Перекопа. Распоряженіе это хотя впослѣдствіи и не было приведено въ исполненіе, но въ то время казалось необходимымъ, потому что со стороны гражданскаго начальства не принималось никакихъ мѣръ къ успокоенію края, а военныя власти не могли оставить на театрѣ военныхъ дѣйствій возмутившееся населеніе. „Мѣра эта,—писалъ кн. Меншиковъ [2]),—въ настоящее время, по моему мнѣнію, будетъ тѣмъ болѣе полезна, что татары сочтутъ это за наказаніе, учиненное имъ, въ то самое время, когда непріятельская армія еще находится въ Крыму, и покажетъ остальнымъ татарамъ, что правительство нисколько не стѣсняется присутствіемъ враговъ, для примѣрнаго наказанія тѣхъ изъ нихъ, которые измѣняютъ долгу присяги, содѣйствуя непріятелю въ способахъ пріобрѣтенія довольствія“.

Чтобы прекратить такое содѣйствіе непріятелю—генералъ Красновъ

---

[1]) Воен.-Учен. Арх., дѣло № 3338.

[2]) Отношеніе кн. Меншикова воен. минис. отъ 30 сентября № 1227. Арх. канц. воен. минис., по секретной части, дѣло № 118-й.

отобралъ у татаръ нѣсколько сотъ головъ рогатаго скота, приготовленнаго для передачи на суда союзниковъ, и отправилъ его къ арміи. За Красновымъ, по его слѣдамъ, вступила въ Евпаторійскій уѣздъ уланская дивизія генералъ-лейтенанта Корфа.

Слѣдуя безъ запасовъ провіанта, уланы принуждены были довольствоваться при помощи фуражировокъ, при чемъ, пользуясь отсутствіемъ жителей, войска были полными хозяевами покинутыхъ селеній. Это окончательно разорило все окрестное населеніе: одна часть главнаго богатства—домашній скотъ былъ отогнанъ, другой взятъ войсками.

„Татары Евпаторійскаго уѣзда,—доносилъ маіоръ Гангардтъ [1]),—безъ сомнѣнія, сами навлекли себѣ тѣ бѣдствія, которыя теперь испытываютъ, но разсмотрѣвъ безпристрастно всѣ обстоятельства, сопровождавшія быстрое подчиненіе цѣлаго уѣзда власти непріятеля, нельзя не сознаться, что мы сами виноваты, бросивъ внезапно это племя,—которое, по религіи и происхожденію, не можетъ имѣть къ намъ симпатіи,—безъ всякой военной и гражданской защиты, отъ вліянія образовавшейся шайки злодѣевъ и фанатиковъ, и надобно удивляться, что врожденная склонность татаръ къ грабежамъ не увлекла толпу въ убійства и къ дальнѣйшему возмущенію въ прочихъ мѣстахъ Крыма, долго остававшихся безъ войскъ. Я убѣжденъ, что изысканія серьезнаго слѣдствія докажутъ, что въ татарскомъ народѣ далеко нѣтъ того духа измѣны, какой въ немъ предполагаютъ, и потому слѣдовало бы принять рѣшительныя мѣры, чтобы жалкое населеніе многихъ деревень Евпаторійскаго уѣзда, разбѣжавшееся отъ страха, что казаки ихъ перерѣжутъ, и лишившееся черезъ то всего своего имущества, не погибло отъ голода и стужи съ приближеніемъ суровой зимы“.

Съ появленіемъ нашей кавалеріи, татары цѣлыми толпами уходили къ непріятелю. Близъ Каджимбека разъѣздъ уланъ захватилъ бѣгущую толпу человѣкъ въ 200 съ имуществомъ; ихъ возвратили въ свои селенія, оставивъ хозяевамъ рогатый скотъ, но лошади были отобраны.

Подходя къ Евпаторіи, генералъ Корфъ отправилъ въ разныя мѣста четырехъ татаръ, съ короткимъ воззваніемъ, чтобы всѣ оставались на своихъ мѣстахъ, а въ противномъ случаѣ они будутъ наказаны и лишены

---

[1]) Отъ 6-го октября № 578. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 3338.

*

имущества. Воззваніе это имѣло успѣхъ въ весьма маломъ числѣ деревень.

29-го сентября генералъ Корфъ подошелъ къ Евпаторіи и, остановившись въ селеніи Оразъ, обложилъ городъ. Совершенно ровная и гладкая мѣстность передъ Евпаторіею дозволила установить тѣсную блокаду и прекратить сообщеніе города съ уѣздомъ. Цѣпь аванпостовъ нашихъ, расположенныхъ верстахъ въ пяти отъ города, составила полукругъ, одинъ конецъ котораго примыкалъ къ морю со стороны карантина, а другой—возлѣ каменнаго моста, на рукавѣ Гнилаго озера. Одинъ дивизіонъ уланъ, посланный на косу Бѣлу, окончательно замкнулъ выходъ изъ города внутрь страны.

Въ это время, по показанію татаръ, гарнизонъ Евпаторіи состоялъ: изъ одного батальона французовъ, одного батальона англичанъ, двухъ батальоновъ турокъ и команды матросовъ, число которыхъ измѣнялось ежедневно. Подъ прикрытіемъ судовъ непріятельскаго флота городъ обезпеченъ былъ отъ нечаяннаго нападенія. Для разъѣздовъ вокругъ Евпаторіи союзники имѣли нѣсколько баши-бузуковъ, къ которымъ присоединены были *аскеры*, т. е. толпа передавшихся татаръ, записавшихся въ службу султана, число которыхъ, вмѣстѣ съ баши-бузуками, простиралось до 2.000 человѣкъ.

Въ Евпаторіи было до 28.000 четвертей хлѣба и множество скота, пригнаннаго татарами, которые первое время съ большою охотою доставляли его на непріятельскіе пароходы, по всему берегу отъ Евпаторіи къ Севастополю. По исчисленію извѣстнаго караима Бобовича, татары успѣли передать непріятелю до 50.000 овецъ и до 15.000 штукъ рогатаго скота, большею частію отнятыхъ у христіанскаго населенія. Бобовичъ полагалъ, что въ уѣздѣ покинуто было около ста татарскихъ селеній, и что въ Евпаторіи столпилось до 10.000 татаръ, съ ихъ семействами, и до 10.000 головъ различнаго скота. Бѣжавшіе въ Евпаторію татары находились въ самомъ печальномъ положеніи: всѣ надежды ихъ рушились, и вмѣсто свободы и громкихъ обѣщаній англо-французы силою заставляли ихъ трудиться надъ укрѣпленіемъ города.

Трудами легковѣрныхъ и обманутыхъ татаръ городъ былъ обнесенъ укрѣпленіями, улицы баррикадированы, а передъ карантиномъ вырытъ ровъ. При двухъ въѣздахъ: со стороны Перекопа и Симферополя устроены

батареи на нѣсколько орудій. Съ одной изъ этихъ батарей англичане сдѣлали по подходившимъ уланамъ два выстрѣла гранатами, которые хотя и разорвались посреди строя, но никого не ранили. Это было во время рекогносцировки окрестной мѣстности. Татары густою толпою преслѣдовали рекогносцирующихъ и стрѣляли изъ ружей. Между ними замѣтно было нѣсколько англичанъ въ красныхъ курткахъ. Преслѣдуя отступавшихъ уланъ версты на три, татары вернулись въ городъ, а уланы окружили Евпаторію своими аванпостами. Позади аванпостовъ также полукругомъ отъ моря до Гнилаго озера (Сасыкъ) расположилась по деревнямъ вся уланская дивизія, штабъ который былъ помѣщенъ въ селеніи Оразъ. Съ прибытіемъ этой дивизіи генералъ-маіоръ Красновъ съ двумя сотнями № 67-го полка отошелъ къ Симферополю, оставивъ донской казачій № 61-й полкъ въ распоряженіи генерала Корфа.

Такимъ расположеніемъ уланъ было совершенно прервано сообщеніе жителей города съ окрестными селеніями, а частые разъѣзды мало-помалу прекратили волненіе татаръ и возстановили спокойствіе между оставшимися жителями.

XIV.

Раздѣленіе оборонительной линіи на четыре дистанціи.—Слабость укрѣпленій Корабельной стороны.—Рескриптъ императора кн. Меншикову.—Усиленіе Севастопольскаго гарнизона.—Набѣгъ англо-французовъ на Ялту.—Начало осадныхъ работъ.—Рескриптъ императора кн. Горчакову.—Кавалерійская рекогносцировка въ тылу непріятеля и ея послѣдствія.—Рескрипты императора князю Меншикову.—Заложеніе траншей.—Попеченіе Корнилова о нижнихъ чинахъ Севастопольскаго гарнизона.—Черноморскіе пластуны и ихъ первая дѣятельность въ Севастополѣ.—Преобразованіе морскихъ батальоновъ въ флотскіе экипажи.—Значеніе этого преобразованія.—Заслуга черноморцевъ въ первые дни осады Севастополя.—Нѣсколько словъ относительно осадныхъ работъ непріятеля.—Осада и оборона до 5-го октября.—Вылазки.—Дѣятельность гарнизона.—Рескриптъ императора князю Меншикову.

Успокоившись нѣсколько относительно обезпеченія своихъ сообщеній, князь Меншиковъ сталъ исключительно заботиться о сохраненіи Севастополя и подкрѣпленіи его гарнизона своими войсками. Защитники

ожили; съ восторженнымъ привѣтствіемъ встрѣчали они полки, прибывавшіе въ городъ и еще болѣе трудились надъ возведеніемъ укрѣпленій.

Усиленіе гарнизона дозволило приступить къ болѣе правильному размѣщенію войскъ. Имѣя въ виду растянутость участка вице-адмирала Новосильскаго и контръ-адмирала Истомина, Корниловъ раздѣлилъ всю оборонительную линію укрѣпленій вмѣсто трехъ на четыре дистанціи. *Первая*, отъ рейда до редута Шварца, построеннаго между 4-мъ и 5-мъ бастіонами, поручена генералу Аслановичу; *вторая*, заключавшая въ себѣ четвертый бастіонъ съ боковыми батареями, до городскаго бульвара, ввѣрена вице-адмиралу Новосильскому, въ помощь которому назначенъ завѣдывать артиллеріею контръ-адмиралъ Юхаринъ 1-й; *третья дистанція*, въ которую входилъ третій бастіонъ съ его боковыми батареями, отъ городскаго бульвара до морскаго госпиталя,—поступила подъ начальство контръ-адмирала Панфилова, начальникомъ артиллеріи которой былъ капитанъ 1-го ранга Ергомышевъ; все же остальное пространство до Киленъ-балки, составляя *четвертую дистанцію*, находилось въ вѣдѣніи контръ-адмирала Истомина, начальникомъ артиллеріи къ которому назначенъ капитанъ 2-го ранга Перелешинъ 1-й.

Утромъ 20-го сентября кн. Меншиковъ, не бывшій въ Севастополѣ съ начала своего фланговаго движенія, началъ осмотръ оборонительной линіи. Сопровождаемый начальникомъ гарнизона генералъ-лейтенантомъ Моллеромъ и генералъ-адъютантомъ Корниловымъ, онъ успѣлъ доѣхать только до 6-го бастіона, какъ получилъ извѣстіе, будто непріятель атакуетъ Малаховъ курганъ. Кн. Александръ Сергѣевичъ поскакалъ туда, но извѣстіе оказалось ложнымъ; непріятель подвинулся только нѣсколько къ сѣверо-востоку и, занявши вершину горы, между Киленъ-балкою и верховьемъ Большой бухты, расположился здѣсь лагеремъ. Огонь съ нашихъ батарей заставилъ англичанъ отойти назадъ.

Объѣхавъ всю линію укрѣпленій, кн. Меншиковъ видѣлъ, что защита города съ сухопутной стороны много подвинута впередъ [1]);

---

[1]) Донося о заслугахъ гарнизона въ этомъ отношеніи, онъ съ особенною похвалою относился о дѣятельности подполковника Ползикова и въ особенности

что она усилена значительно, но что все-таки было очень много такихъ мѣстъ, которыя имѣли слабыя укрѣпленія, или оставались вовсе безъ обороны.

Такъ побывавъ на Малаховомъ курганѣ, осмотрѣвъ окружающую мѣстность и расположеніе непріятеля, кн. Меншиковъ замѣтилъ, что курганъ имѣетъ слабую защиту и что пространство между курганомъ и бастіономъ № 1-го оставлено вовсе безъ обороны, а самый бастіонъ съ праваго фланга былъ совершенно открытъ.

— Признаться, — говорилъ Корниловъ, — Малахова башня меня сильно безпокоитъ; тутъ намъ придется отстаивать штыкомъ.

Малаховъ курганъ былъ дѣйствительно ключемъ всей оборонительной линіи, а между тѣмъ представлялъ одну изъ слабѣйшихъ частей нашей позиціи. Свѣтлѣйшій приказъ тотчасъ же принять мѣры къ оборонѣ этой мѣстности и самъ уѣхалъ на сѣверную сторону города.

„Часть города,—писалъ онъ оттуда Корнилову [1]),—отъ бастіона № 3-го до Киленъ-балки, или Ушаковой балки, есть слабѣйшая и наименѣе укрѣпленная искусствомъ и составляетъ ключъ Севастополя,—и кто будетъ владѣть госпиталями и казармами Лазаревскими, тому покорится и городъ. Я полагалъ бы поставить орудія въ окнахъ казармъ, соединить стѣнками пѣхотные бараки за третьимъ бастіономъ, подѣлать прегражденій какъ можно болѣе, а резервы держать въ Ушаковой балкѣ, дабы укрыть ихъ отъ огня, и подтвердить имъ—не надѣяться на стрѣльбу, а непріятеля атаковать штыками“.

Чтобы усилить Корабельную сторону, пришлось назначить, впослѣдствіи, въ главный резервъ значительно бо̀льшее число войскъ, чѣмъ на Городской сторонѣ. На первой было поставлено въ главномъ резервѣ

подполковника Тотлебена.—«Не могу не засвидѣтельствовать передъ вашимъ величествомъ,—писалъ онъ,—о примѣрномъ и неутомимомъ усердіи и знаніи своего дѣла этого офицера. Долженъ также отдать справедливость и усердію подполковника 6-го сапернаго батальона Ползикова, равно и прочихъ офицеровъ сего батальона». (Донесеніе отъ 21-го сентября. Арх. канц. воен. минис., по снаряженію войскъ, дѣло № 110). Получивъ это донесеніе, государь императоръ произвелъ Тотлебена и Ползикова въ полковники.

[1]) Жандръ. Матеріалы для обороны Севастополя и проч., стр. 246.

9-ть батальоновъ, численностію около 5.500, а на Городской — 5-ть батальоновъ, силою въ 3.500 человѣкъ.

Защита самой слабой части Корабельной слободы выпала на долю контръ-адмирала Истомина. Завѣдуя четвертою дистанціею и сознавая, что она слабѣйшая часть всей оборонительной линіи, онъ хлопоталъ безъ устали. Трудясь вмѣстѣ съ подполковникомъ Ползиковымъ цѣлыя сутки, не различая ни дня, ни ночи и присутствуя вездѣ самъ, Истоминъ быстро подвигалъ работы и въ короткое время сдѣлалъ свою дистанцію и въ особенности Малаховъ курганъ неузнаваемыми.

Вечеромъ 20-го сентября, на подкрѣпленіе арміи прибыли, подъ начальствомъ генерала Тимофѣева, отдѣленные изъ отряда генерала Хомутова Бутырскій полкъ, съ батарейною № 3-го батареею 17-й артиллерійской бригады, 2-й резервный линейный Черноморскій батальонъ и двѣ сотни донскихъ казаковъ. Независимо отъ этихъ войскъ къ арміи присоединились изъ Симферополя два маршевыхъ батальона морскихъ рекрутъ [1]), направленные изъ Николаева, и два шестыхъ резервныхъ батальона Волынскаго и Минскаго полковъ.

Съ прибытіемъ этихъ подкрѣпленій князь Меншиковъ все-таки не имѣлъ возможности дѣйствовать наступательно и потому доносилъ, что главнымъ предметомъ его стараній будетъ удержаніе Севастополя и подкрѣпленіе его гарнизона [2]).

„Слава Богу,—писалъ въ отвѣтъ на это покойный императоръ [3]),—что покуда все шло благополучно; твой взглядъ на положеніе дѣлъ нахожу справедливымъ. Весь вопросъ въ томъ, удастся ли, по милосердію Божію, долго защищать Севастополь при способахъ, которые на то имѣются? Желалъ бы спокойнымъ быть на этотъ счетъ, но признаюсь, что опа-

---

[1]) Для укомплектованія ихъ офицерами былъ посланъ въ Николаевъ капитанъ-лейтенантъ Поповъ, для выбора тамъ изъ числа флотскихъ офицеровъ 1-го штабъ и 6-ть оберъ-офицеровъ. Отношеніе кн. Меншикова вице-адмиралу Метлину. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 3338.

[2]) Всепод. донесеніе кн. Меншикова 21-го сентября, Арх. канц. воен. минис., дѣло № 110.

[3]) Въ собственноручномъ письмѣ кн. Меншикову 27-го сентября. Арх. канц. воен. минис., дѣло № 102.

саюсь, чтобы, несмотря на всѣ усилія и храбрость войскъ, способы атаки не одолѣли защиту.

„Дай Богъ, чтобы я ошибался.

„Несомнѣнно, что ежели удастся продержаться дней пятнадцать, приходъ 12-й дивизіи увеличитъ способы защиты, возможность предпринять какое-либо наступательное дѣйствіе, уравновѣся силы твои съ непріятельскими. Однако забыть не должно, что непріятели ждутъ подкрѣпленій, быть можетъ, что они обратятъ ихъ на Евпаторію, чтобы угрожать тылу твоему или Перекопу.

„Считаю порученіе Корфу овладѣть съ уланами Евпаторіею дѣломъ невозможнымъ. Не придется ли тебѣ послать туда Липранди [1]), ибо повторяю, тылъ твой такъ важно обезпечить, что едва-ли не въ этомъ первая необходимость. Ожидаю высадки и въ Ѳеодосіи, и на первый случай отрядъ Хомутова быть можетъ полезенъ, чтобъ хотя задержать наступленіе съ этой стороны, дѣйствуя ему въ правый флангъ; но малочисленность отряда Хомутова и въ этомъ отношеніи не есть совершенное обезпеченіе. Не теряй этого изъ вида ради Бога!

„Ежели Богъ милостивъ, Севастополь устоитъ до прихода Липранди, тогда рождается вопросъ: что тебѣ дѣлать? Мнѣ мудрено это предвидѣть, не зная подробно, какъ непріятель расположился. Выборъ быть можетъ только между атаки съ фронта, отъ самаго Севастополя, для чего надобно бъ было все собрать въ самый городъ, что́ весьма трудно, или атаковать ихъ правый флангъ, на самой оконечности, сдѣлавъ для сего большой обходъ, имѣя за собою дефилеи, гибельные на случай неудачи. Сравнивая одно съ другимъ, чуть-ли не кажется мнѣ первый способъ еще менѣе неудобнымъ втораго. Здѣсь даже, въ случаѣ неудачи, укрѣпленный городъ за нами, и отступить къ нему было бъ всегда легче, чѣмъ втягиваться въ дефилеи противъ непріятельскаго праваго фланга“.

Полки 12-й пѣхотной дивизіи подходили еще только къ Перекопу и могли присоединиться къ арміи не ранѣе, какъ въ началѣ октября. Въ ожиданіи ихъ прибытія, кн. Меншиковъ ввелъ въ Севастополь два маршевые батальона морскихъ рекрутъ, два шестые батальона Волынскаго

---

[1]) Начальникъ 12-й пѣхотной дивизіи.

и Минскаго полковъ и два Черноморскіе пѣшіе казачьи батальона № 2-го и № 8-го.

Войска эти были направлены частію на Городскую, частію на Корабельную стороны, при чемъ вице-адмиралъ Корниловъ составилъ новую диспозицію, усилилъ резервы и призналъ необходимымъ снабдить начальниковъ отдѣленій особою инструкціею [1]), гдѣ указаны были правила для дѣйствій въ случаѣ штурма, о которомъ союзники впрочемъ и не помышляли.

Расположившись вокругъ Севастополя пятью лагерями,—на пространствѣ отъ высотъ противъ Киленъ-балки и до высотъ, съ которыхъ спускалась старая дорога въ Балаклаву,—англо-французы, повидимому, готовились къ правильной осадѣ и бомбардированію города. У нихъ не было замѣтно никакихъ движеній кромѣ подвозки, изъ занимаемыхъ ими бухтъ,—фашинъ, туровъ и проч. Все это совершалось въ весьма отдаленномъ разстояніи отъ Севастополя. Зато на непріятельскомъ флотѣ было замѣтно большое движеніе: корабли и суда то приходили, то уходили въ море. Близъ устья р. Качи постоянно виднѣлся цѣлый лѣсъ мачтъ; противъ Херсонесскаго маяка стояло также нѣсколько кораблей и пароходовъ. Носились слухи, что англо-французы чувствуютъ большой недостатокъ въ продовольствіи и въ водѣ, которую доставляютъ имъ изъ р. Качи.

Недостатокъ продовольствія заставилъ союзниковъ прибѣгнуть къ реквизиціи, и съ этою цѣлію былъ предпринятъ набѣгъ на Ялту.

Вечеромъ 21-го сентября въ виду Ялты показался непріятельскій пароходъ, который, не доходя до „Ялтинской“ бухты, поворотилъ въ море и скрылся въ темнотѣ. На слѣдующее утро передъ городомъ стояла уже цѣлая эскадра, состоявшая изъ десяти судовъ: двухъ кораблей, шести пароходо-фрегатовъ и двухъ колесныхъ пароходовъ. Одинъ изъ послѣднихъ, отдѣлившись отъ общаго расположенія, обошелъ бухту, вымѣрялъ глубину и спустилъ шлюпку подъ бѣлымъ парламентерскимъ флагомъ. Въ то же самое время со всѣхъ судовъ были спущены канонерскія лодки, каждая съ пушкою на носу и съ дессантомъ отъ 50-ти до 70-ти человѣкъ вооруженныхъ солдатъ.

---

[1]) Инструкція эта напечатана въ книгѣ Жандра, стр. 240, и перепечатана въ соч. Тотлебена, ч. I, 258.

Въ городѣ поднялась суматоха. Нѣкоторые изъ жителей, забравши, что могли, изъ имущества, спѣшили отправиться вмѣстѣ съ присутственными мѣстами въ Симферополь, куда и прибыли 24-го сентября подъ прикрытіемъ 35-ти человѣкъ Таврическаго гарнизоннаго батальона, при офицерѣ и 11-ти казакахъ. Тѣ, которые не успѣли пристать къ этому каравану, уходили изъ города въ одиночку, съ дѣтьми и узлами на спинѣ. Томимые голодомъ и жаждою, они тянулись почти по всей дорогѣ къ Симферополю. Оставшіеся въ городѣ, за неимѣніемъ средствъ выбраться, бродили какъ тѣни, не сознавая ясно, что вокругъ ихъ происходитъ. Не унывали только одни татары. Собравшись на пристани, они ожидали прибытія парламентера.

— Жители города могутъ быть спокойны,—сказалъ послѣдній, причаливъ къ берегу.—Мы пришли сюда за провизіею. Намъ нужны рогатый скотъ, птицы, яйца и вино. Все это мы будемъ покупать и платить условленную цѣну. Вреда никому не будетъ. Впрочемъ, кто не хочетъ оставаться въ городѣ, пусть выѣзжаетъ.

Управляющій имѣніемъ гр. Мордвинова, швейцарецъ Ларье, просилъ парламентера сдержать данное слово и не разорять жителей.

— Мы не варвары,—отвѣчалъ тотъ,—и слово наше свято.

— Долго ли вы пробудете здѣсь?—спросилъ Ларье.

— Не менѣе трехъ и не болѣе пяти сутокъ. Успокойте жителей и потрудитесь передать имъ, что если кто осмѣлится обижать ихъ, оскорблять, грабить и вообще дѣлать какое бы то ни было насиліе, тотъ будетъ судимъ военнымъ судомъ и немедленно повѣшенъ на мѣстѣ преступленія.

Съ отъѣздомъ парламентера къ берегу пристали канонерскія лодки. Вышедшія на берегъ команды оцѣпили городъ и у воротъ почти каждаго дома поставили часовыхъ. Между тѣмъ со всѣхъ кораблей спустили гички, шлюпки и баркасы, нагруженные вооруженными командами, которые и не замедлили выйти на берегъ.

Овладѣвъ городомъ и не заботясь о выполненіи даннаго обѣщанія не разорять жителей, союзники стали забирать все, что попадалось подъ руку. Они ловили домашнихъ птицъ, забирали скотъ, не успѣвшій уйти изъ города на пастбище, и перевозили его живьемъ на корабли. Хозяевъ, защищавшихъ свою собственность, отгоняли прикладами, или пристав-

ляли къ груди штыкъ. Англо-французы врывались въ дома, разбивали двери, разламывали комоды и шкафы, вынимали всѣ вещи и брали, что нравилось; они рубили картины, били посуду, рвали и разбрасывали бумаги—словомъ, безчинствовали въ высшей степени. Они совершенно ограбили и разорили Ливадію [1]), дачу кн. Дондукова-Корсакова, забрали тамъ дорогія вещи, книги, вино, виноградъ и уничтожили виноградники. Изъ казеннаго магазина взяли 200 четвертей ржаной муки и крупъ, которыя и перевезли на суда; взяли со станціи почтовыя телѣжки, конскую сбрую, сѣдла и проч. Въ имѣніи гр. Воронцова забрали каменный уголь, дубовый и ясневый лѣсъ, 128 головъ сахару, который потомъ мѣняли у Ялтинскихъ евреевъ на мыло.

„Ужасно было смотрѣть,—пишетъ одинъ изъ пострадавшихъ—на эти сцены грабежа и разрушенія. Почти ни въ одномъ домѣ не осталось ни дверей, ни оконъ. И дѣти, и взрослые бѣгали по улицамъ, рыдая: непріятели забрали все, что нашли, несмотря на то, кому принадлежитъ имущество и какъ велика его цѣнность“ [2]).

По всему видно было однако же, что союзники, боясь быть настигнутыми, торопились окончить свои подвиги и только потому не были въ Оріандѣ, Алупкѣ и далѣе.

Въ ночь съ 23-го на 24-ое сентября они оставили Ялту и, перебравшись на суда, ушли въ море. Запасъ награбленнаго былъ не многочисленъ; непріятель не нашелъ въ Ялтѣ того, что надѣялся получить, и положеніе продовольственной его части немногимъ улучшилось. Союзники терпѣли значительный недостатокъ во всемъ и потому не могли приступить съ полною энергіею къ осаднымъ работамъ: съ пустымъ желудкомъ трудно настойчиво и успѣшно работать.

Первая ихъ дѣятельность по открытію осадныхъ работъ была замѣчена утромъ 22-го сентября. Съ батареи № 10-го видны были фуры и значительныя толпы французовъ, за пригорками и на возвышенности лѣвѣе развалинъ Херсонеса. Съ телеграфа также было замѣчено, что непріятель свозитъ осадныя орудія къ возвышенностямъ противъ Малахова кургана, за которыми былъ расположенъ хуторъ Дергачева.

---

[1]) Имѣніе гр. Потоцкаго, принадлежащее нынѣ Государю Императору.

[2]) Матер., вып. III, 181—204. Записка войсковаго старшины Хаперскаго отъ 25-го сентября. Арх. канц. воен. минис. по снаряженію войскъ, дѣло № 110.

Въ это же самое время вице-адмиралъ Корниловъ, объѣзжая по обыкновенію линію укрѣпленій, подъѣхалъ къ четвертому бастіону. Бастіонъ этотъ былъ далеко еще не такъ грозенъ, какъ казался онъ впослѣдствіи союзникамъ. Онъ состоялъ изъ неоконченнаго еще бруствера, на которомъ не было ни траверсовъ, ни блиндажей, не было даже и полнаго вооруженія,—стояло всего нѣсколько орудій, а для другихъ готовились платформы. По срединѣ бастіона разбита была палатка, возлѣ которой былъ поднятъ флагштокъ, подавшій поводъ французамъ назвать это укрѣпленіе „bastion du mât“, а англичанамъ: „flag staff battery“.

Былъ полдень. Матросы, работавшіе на бастіонахъ, собирались „пошабашить“, какъ вдругъ сигнальщикъ, смотрѣвшій въ трубу возлѣ насыпи, крикнулъ: „непріятель идетъ на приступъ!“ На бастіонѣ все пришло въ движеніе, кто хваталъ ружье, кто бѣжалъ къ орудію, и задымились фитили, готовые, по первому приказанію, пустить ядро по наступавшимъ колоннамъ. Между тѣмъ нѣсколько офицеровъ подошли къ сигнальщику; каждый смотрѣлъ въ трубку и дѣлалъ свои замѣчанія.

— Въ самомъ дѣлѣ,—говорилъ одинъ,—видны французскія войска.

— У нихъ,—прибавлялъ другой,—что-то въ рукахъ блеститъ на солнцѣ. Должно быть, штуцера.

Вдали видна была колонна человѣкъ въ тысячу. Подойдя ближе къ нашимъ укрѣпленіямъ, она остановилась; солдаты, казалось, начали копать землю.

— Не закладываютъ ли они траншею?—спрашивали другъ друга присутствующіе.

Всѣ стали всматриваться пристальнѣе. При помощи зрительныхъ трубъ можно было видѣть, что только не многіе солдаты имѣли ружья, остальные несли ломы, лопаты, кирки и другіе инструменты для копанія земли. Не было сомнѣнія, что непріятель, не рѣшаясь атаковать укрѣпленій открытою силою, намѣренъ устроить батареи и громить ими нашъ родной городъ.

На обоихъ концахъ оборонительной линіи—съ 6-го, 2-го и 3-го бастіоновъ и Малахова кургана былъ тотчасъ же открытъ огонь, препятствовавшій непріятельскимъ работамъ. Вечеромъ на батарею № 10-го явился турецкій подданный, грекъ-подлѣкарь, дезертировавшій изъ

союзнаго лагеря. Онъ подтвердилъ слухи о смерти Сентъ-Арно, о прибытіи къ союзникамъ новыхъ подкрѣпленій, на пополненіе происшедшей убыли, и, между прочимъ, показалъ, что будто бы англо-французы намѣрены 24-го сентября штурмовать городъ [1]). Это послѣднее извѣстіе заставило принять мѣры къ обезпеченію слабѣйшихъ пунктовъ оборонительной линіи и преимущественно Малахова-кургана.

Съ этою цѣлью начальникъ послѣдняго, контръ-адміралъ Владиміръ Ивановичъ Истоминъ, произвелъ, утромъ 23-го сентября, примѣрное отбитіе штурма, на которомъ присутствовалъ и генералъ-адъютанъ Корниловъ. Маневръ этотъ показалъ недостаточность войскъ на 4-й дистанціи оборонительной линіи, почему, по заявленію о томъ Корнилова, кн. Меншиковъ въ ночь съ 23-го по 24-е число ввелъ въ Севастополь Бутырскій полкъ, одинъ изъ боевыхъ полковъ нашей арміи, о которомъ генералъ Хомутовъ писалъ: „Бутырцы во всѣхъ экспедиціяхъ (на Кавказѣ) показали себя молодцами и ходятъ безъ усталыхъ [2])“.

Во время маневра, происходившаго на Малаховомъ курганѣ, замѣчено было, что англичане начали строить батарею на Сапунъ-горѣ, со стороны Черной рѣчки, надъ правымъ берегомъ каменоломнаго оврага. Французы же въ этотъ день ограничились одною только рекогносцировкою, при чемъ аванпосты ихъ были скрыты за стѣнами хутора Рудольфа, находившагося на возвышенности между 4-мъ и 5-мъ бастіонами и французскимъ лагеремъ. Для уничтоженія этого хутора, надоѣдавшаго намъ своимъ пріютомъ непріятелю, скрывавшемуся за довольно длинною стѣнкою, протянутою вдоль нашей линіи, былъ посланъ 29-й флотскій батальонъ, съ двумя орудіями, нѣсколькими саперами и горстью казаковъ. Выступивъ изъ-за оборонительной линіи, около 3-хъ часовъ по полудни, моряки оттѣснили два батальона французовъ и эскадронъ кавалеріи и въ глазахъ своей и непріятельской арміи сдѣлали дѣло: уничтожили стѣнку и сожгли домъ [3]).

Съ переводомъ на южную сторону города Бутырскаго полка вся

---

[1]) Всепод. донесеніе кн. Меншикова, 24-го сентября. Арх. канц. воен. минис., по снаряженію войскъ, дѣло № 110.

[2]) Рапортъ Хомутова воен. минис. 21-го іюня 1854 г. № 135. Тамъ же, дѣло № 83-й.

[3]) Письмо-журналъ Корнилова отъ 24-го сентября. Жандръ, 250.

численность Севастопольскаго гарнизона состояла изъ 662 генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и 34.928 строевыхъ нижнихъ чиновъ [1]); въ распоряженіи же кн. Меншикова, на сѣверной сторонѣ, оставалось 578 офицеровъ и 25.094 челов. нижнихъ чиновъ.

„Сейчасъ получилъ донесеніе Меншикова отъ 24-го сентября,—писалъ императоръ князю Горчакову [2]);—подъ Севастополемъ ничего не было; гарнизонъ еще усиленъ и всего подъ ружьемъ въ Севастополѣ и при немъ до 62.000 [3]). Кажется, такое число войскъ, полагая даже непріятеля въ 80.000, не легко одолѣть, если оно расположено по мѣстности какъ слѣдуетъ, и духъ тотъ, который привыкли мы знать въ нашихъ; неужели мы не прежніе русскіе? Стыдно и подумать, чтобъ было не такъ...

„Сыновья уже сегодня выѣхали изъ Москвы: они ѣдутъ въ Одессу, думавъ тебя тамъ найти; направь ихъ, куда ты хочешь [4]).

„Ежели Богъ, по милосердію, сохранитъ еще дёнъ восемь дѣла у Севастополя въ томъ же положеніи,—писалъ императоръ князю Меншикову [5]), Липранди—съ прекрасной и надежной дивизіей будетъ у тебя, и тогда у тебя подъ рукой будетъ у Севастополя до 75.000 человѣкъ. Будемъ молить Бога, чтобы удалось тебѣ употребить ихъ съ пользою и спасти Севастополь, флотъ и край. *Не унывать никому, повторяю я, доказать каждому, что мы тѣ же русскіе, которые отстояли Россію въ 1812 году.*

„Богъ съ вами и всѣмъ мой поклонъ и надежда“.

---

[1]) Донесеніе кн. Меншикова отъ 24-го сентября. Арх. канц. воен. министра по снаряженію войскъ г. № 110. См. приложеніе № 12. Въ сочиненіи Тотлебена, численность гарнизона показана въ 28.000 штыковъ, но не указанъ источникъ, изъ котораго взята эта цифра. Въ книгѣ Жандра численность войскъ весьма близка къ цифрѣ, приведенной нами.

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 30-го сентября. Арх. канц. воен. минис., д. № 102.

[3]) Считая вмѣстѣ съ кавалеріею.

[4]) Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи. «Будь имъ руководитель, — писалъ императоръ въ другомъ письмѣ кн. Горчакову отъ 27-го сентября, — и сдѣлай изъ нихъ добрыхъ, вѣрныхъ служивыхъ, а за усердіе ихъ отвѣчаю. Не балуй ихъ и говори имъ правду».

[5]) Въ собственноруч. письмѣ отъ 30-го сентября. Арх. канц. воен. минис., дѣло № 102.

Надежда на лучшій исходъ дѣла не покидала и защитниковъ. Видя, что непріятель не предпринимаетъ никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій, что онъ намѣренъ вести правильную осаду, севастопольцы готовились къ встрѣчѣ бомбардированія. Павелъ Степановичъ Нахимовъ дѣлалъ распоряженія по флоту: приказалъ запастись водою на палубахъ, имѣть возлѣ мачтъ хорошіе топоры, смочить паруса, а въ случаѣ пожара какого-либо судна стараться потопить его и проч. На оборонительной линіи сосредоточивали огонь съ разныхъ батарей на болѣе выдающіяся возвышенности, на которыхъ скорѣе всего союзники могли построить батареи, чтобы громить Севастополь.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи защитники должны были заглядывать впередъ и дѣйствовать наугадъ, потому что непріятель долгое время не опредѣлялъ характера будущихъ своихъ дѣйствій.

„Я не могу сообщить вамъ,—писалъ князь Меншиковъ [1]),—никакой перемѣны въ нашемъ обоюдномъ положеніи съ непріятелемъ, который до сихъ поръ не предпринимаетъ ничего опредѣленнаго, изъ чего можно бы было заключить о его будущихъ дѣйствіяхъ“.

Чтобы получить болѣе точныя свѣдѣнія о расположеніи союзниковъ, главнокомандующій приказалъ произвести въ тылу непріятеля усиленную кавалерійскую рекогносцировку, поручивъ ее генералъ-лейтенанту Рыжову.

Цѣлью этого движенія было осмотрѣть расположеніе непріятеля, стараться захватить болѣе плѣнныхъ, увезти орудія или по крайней мѣрѣ заклепать ихъ. Войскамъ не приказано увлекаться преслѣдованіемъ, не нападать на пѣхоту, если она будетъ готова принять атаку, и не заходить далѣе дороги, идущей изъ Севастополя въ Балаклаву. Такъ какъ весь успѣхъ зависѣлъ отъ быстроты и нечаянности, то чтобы непріятель не могъ замѣтить нашего передвиженія, было приказано на мѣстахъ постояннаго расположенія войскъ оставить огни, а во время самаго движенія соблюдать возможную тишину, не курить трубокъ, не высѣкать огня и даже надѣвать капсюли не ранѣе какъ по переходѣ черезъ Черную рѣчку.

Въ ночь съ 24-го на 25-е сентября вся регулярная кавалерія,

---

[1]) Военному министру отъ 24-го сентября 1854 г. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4254.

бывшая при Севастополѣ [1]), съ донскою № 4-го батареею прибыла на Мекензіеву гору. Въ два часа утра она спустилась съ горы и въ долинѣ Черной рѣчки построилась въ боевой порядокъ; на правомъ флангѣ сталъ въ двѣ линіи Саксенъ-Веймарскій полкъ, на лѣвомъ—принца Лейхтенбергскаго; въ резервѣ подъ начальствомъ полковника Позняка сталъ Сводно-гусарскій полкъ, эскадронъ уланъ и конная батарея. Четыре же эскадрона Сводно-уланскаго полка, подъ начальствомъ полковника Еропкина, двинуты были къ ущелью, изъ котораго вытекала Черная рѣчка. Остановившись здѣсь и замкнувъ ущелье, уланы прикрыли лѣвый флангъ боевыхъ линій.

Съ разсвѣтомъ отрядъ двинулся впередъ: Веймарскій полкъ перешелъ рѣку въ бродъ, а лейхтенберцы по каменному (трактирному) мосту; резервъ же остановился, не переходя рѣчки, съ цѣлью прикрыть отступленіе. На случай,—если бы непріятель сталъ сильно тѣснить нашу кавалерію, то для поддержанія ея были выдвинуты, къ хутору Мекензи, два полка 16-й пѣхотной дивизіи, съ одною батарейною и одною легкою батареями.

Переправившись черезъ Черную рѣчку, вся бригада гусаръ поднялась на Федюхины высоты. Шедшій впереди лейхтенбергскихъ гусаръ, гвардейскій крымско-татарскій эскадронъ атаковалъ непріятельскіе аванпосты, отбросилъ ихъ и успѣлъ захватить разъѣздъ изъ четырехъ англійскихъ драгунъ, изъ коихъ два были убиты, а два взяты въ плѣнъ. Въ это время генеральнаго штаба полковникъ Герсевановъ произвелъ, сколько позволяла мѣстность, осмотръ непріятельской позиціи, и затѣмъ кавалерія стала отступать, чтобы заранѣе выйти изъ ущелья. Непріятель тотчасъ же выдвинулъ батарею, которая и открыла огонь по отступавшему Веймарскому полку.

Для отвлеченія вниманія союзниковъ, по предположенію, заранѣе составленному, была произведена диверсія изъ Севастополя подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Кирьякова. Сосредоточивши на Малаховомъ курганѣ полки Бутырскій, Бородинскій, Московскій, 38-й флотскій и 4-ый абордажный экипажъ, съ легкими № 4-го и № 5-го батареями 17-й артиллерійской бригады, генералъ Кирьяковъ, съ

[1]) Гусарская бригада 6-й легкой кавалерійской дивизіи и резервная бригада 3-й, 4-й и 5-й легкихъ кавалерійскихъ дивизій.

первыми выстрѣлами въ ущельяхъ Инкермана, вышелъ впередъ за Малаховъ курганъ, гдѣ и оставался, никѣмъ не тревожимый, до тѣхъ поръ, пока не смолкли выстрѣлы [1]).

Кавалерійская рекогносцировка эта, не имѣвшая, по словамъ кн. Меншикова, никакихъ другихъ „послѣдствій, какъ обнаруженіе неспособности полковыхъ и бригаднаго командира“ [2])—показала намъ только, что непріятель строитъ рядъ редутовъ на высотахъ, окружающихъ Балаклаву. Что же производилось въ сторонѣ къ Севастополю, нельзя было замѣтить. Мы оставались съ тѣми же свѣдѣніями, какія имѣли и до рекогносцировки, т. е. знали только, что непріятель готовится къ правильной осадѣ и строитъ нѣсколько осадныхъ батарей и рядъ укрѣпленій, обезпечивающихъ его отъ нашего обхода со стороны Балаклавы.

„Свѣдѣнія о строющихся укрѣпленіяхъ непріятеля,—писалъ императоръ [3]),—подтвердили во мнѣ мысль, что онъ прежде всякаго препріятія противъ Севастополя будетъ стараться стать твердой ногой на избранной имъ мѣстности, дабы, въ случаѣ неудачи, имѣть вѣрное убѣжище въ своемъ укрѣпленномъ лагерѣ, не подвергаясь опасности быть припертымъ къ морю и принужденнымъ спасаться на суда. Ожидавъ сего, я старался разъяснить себѣ: *что же намъ предстоитъ возможнымъ предпринять, когда всѣ силы соберутся?*

„Остаюсь при мнѣніи, что всякое покушеніе на правый флангъ непріятеля по мѣстности весьма трудно и опасно, потому что надо выходить изъ дефиле передъ атакой, а въ случаѣ весьма возможной неудачи подвергаться быть припертыми къ симъ же дефиле, бывъ при томъ въ разъединеніи съ главными силами и даже съ городомъ.

---

[1]) Диспозиція на 25-го сентября. Журналъ военныхъ дѣйствій. Приказаніе по Севастопольскому гарнизону 24-го сентября. Всепод. донесеніе кн. Меншикова отъ 27-го сентября.

[2]) Письмо кн. Меншикова Корнилову 26-го сентября. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4312.

[3]) Въ собственноручн. письмѣ князю Меншикову отъ 3-го октября.

„Такимъ образомъ кажется мнѣ, что предпочесть надо атаку изъ самаго города, но не всѣми силами вдругъ, а постепенно подвигаясь, подражать осторожности непріятеля. И такъ сдѣлавъ вылазку, до опредѣленной напередъ мѣстности, подробно намъ знакомой, не увлекаться успѣхомъ, но остановясь сейчасъ на оной укрѣпиться, ведя атаку всегда *нашимъ лѣвымъ флангомъ*, поодаль отъ берега моря, чтобъ никогда не подвергаться дѣйствію морской артиллеріи съ судовъ. Постепенное такое наступленіе менѣе всего опасно и приближаетъ все болѣе къ тому времени, гдѣ нѣтъ большаго вѣроятія, чтобъ флотъ могъ держаться у береговъ, и гдѣ стоять на плоской голой равнинѣ непріятелю будетъ болѣе или менѣе тягостно. Мы же, имѣя городъ за собою, можемъ войска смѣнять, грѣть и освѣжать со всею удобностью; тогда какъ непріятелю врядъ-ли удастся пріютить свои войска достаточнымъ образомъ. Въ нашемъ положеніи я убѣжденъ, что всякое предпріятіе *наавось* никуда не годится.

„Намъ должно дѣйствовать *осторожно и навѣрное*...

„Радъ, что гвардейскіе татары имѣли случай показать себя, и ты хорошо сдѣлалъ, что наградилъ. Всѣхъ ободряй, возбуждай, и я увѣренъ, что скоро меня обрадуютъ добрыя вѣсти. Будемъ усердно молиться Богу и съ покорностію ждать, что Онъ намъ даруетъ. Богъ съ тобой и съ вами. Поклонись Горчакову, Корнилову и Липранди, котораго тебѣ особенно рекомендую“.

Утромъ 26-го сентября съ оборонительной линіи замѣчена была усиленная дѣятельность французовъ: видно было, какъ они разбирали стропила и балки строеній Панютина хутора, какъ въ теченіе цѣлаго дня свозили лѣсъ, туры и проч., какъ солдаты копали землю, таскали камни и насыпали валъ. Нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ, направленныхъ по рабочимъ, разогнали ихъ, но англичане, работавшіе въ весьма дальнемъ разстояніи, куда не достигали наши выстрѣлы, не прерывали своихъ занятій въ теченіе цѣлаго дня. Они строили двѣ батареи: одну противъ бастіона № 3-го, и въ разстояніи не ближе 1.200 саженъ, надъ правымъ берегомъ Лабораторной балки, правѣе инженерной казармы, а другую противъ Малахова кургана, въ разстояніи около 1.050 саж., лѣвѣе Киленъ-балки, на возвы-

шенности близъ хутора Микрюкова. Обѣ эти батареи назначались для вооруженія ланкастерскими орудіями, при чемъ послѣдняя получила впослѣдствіи названіе *пятиглазой*, по числу пяти амбразуръ, направленныхъ на оборонительную линію укрѣпленій.

Наступила холодная и пасмурная ночь 27-го сентября. Облака покрыли все небо, и сильный вѣтеръ дулъ со стороны города, по направленію къ непріятельскому лагерю. Подъ прикрытіемъ этого вѣтра, и пользуясь темнотою ночи, французы заложили первую параллель противъ 4-го и 5-го бастіоновъ, въ 450 саженяхъ отъ 5-го бастіона. Никѣмъ не видимые и не слышимые, они работали въ теченіе всей ночи и къ утру успѣли вывести траншею длиною около 200 саженъ. Только съ наступленіемъ утра въ городѣ замѣчены были эти работы.

„Непріятель устроилъ на лѣвомъ флангѣ траншею,—доносилъ кн. Меншиковъ [1]),—которую впрочемъ нельзя еще считать за параллель, какъ потому, что она слишкомъ удалена отъ крѣпостныхъ нашихъ верковъ, такъ и потому, что наружностью своею траншея эта имѣетъ болѣе видъ ложемента для прикрытія стрѣлковъ, замѣняющихъ аванпосты. Кажется, это подобіе того, что сдѣлано было турками предъ Калафатомъ. Другихъ осадныхъ работъ въ виду Севастополя не замѣчено“.

„Слава Богу—писалъ императоръ въ отвѣтъ на это донесеніе [2]),—что по 30-ое число ничего не произошло и резервы могли къ тебѣ слѣдовать безпрепятственно. Свободное сообщеніе обезпечиваетъ твое продовольствіе, подвозъ парковъ и дальнѣйшее подкрѣпленіе, ежели бы нужнымъ оказалось. Кажется, по словамъ твоего сына, что мысли наши сошлись касательно тебѣ предстоящихъ дѣйствій. Поставя за основаніе всему *осторожность*, не должно кажется ничего предпринимать, которое бы, въ случаѣ неудачи, влекло бы за собою важныя, дурныя послѣдствія. Постепенно наступать на непріятеля, укрѣпляясь на удобныхъ мѣстахъ, устранять опасность, которой мы подвергались бы при болѣе отважномъ образѣ дѣйствій. При томъ молодое войско *пристрѣливать,* знакомить

---

¹) Отъ 30-го сентября. Арх. канц. воен. минис., дѣло № 102.

²) Въ собственноручн. рескриптѣ отъ 7-го и 8-го октября.

съ огнемъ, разохотить и беречь сколько можно, не утомляя, грѣя и кормя сколь можно лучше.

„Время года за насъ; думаю, что союзникамъ должно быть куда какъ не покойно въ ихъ лагерѣ, на голой каменистой мѣстности, гдѣ ихъ продуваетъ со всѣхъ сторонъ! Сынъ твой говоритъ, что они очень болѣютъ и мрутъ—ничто имъ. Въ газетахъ тоже упоминается о болѣзняхъ. Все это нѣсколько охладитъ ихъ жаръ!

„Желательно весьма при твоемъ наступленіи, чтобъ удалось тебѣ подвигаться лѣвымъ флангомъ [1]), внѣ выстрѣловъ съ моря, и выигрывая возможность обезпечить доступъ отъ стороны Черной рѣчки, черезъ которую иначе всякое движеніе считаю опаснымъ, ибо подходить къ ней не иначе можно, какъ имѣя дефиле въ тылу. Быть даже можетъ, что непріятель нарочно дастъ черезъ нее перейти, чтобъ опрокинувъ притиснуть потомъ къ дефиле; этого желательно непремѣнно избѣгнуть. Наступая же лѣвымъ флангомъ отъ города, вѣроятно можно будетъ укрѣпиться на краю высотъ, господствующихъ долиной Черной рѣчки, и тѣмъ обезпечить свободное тамъ движеніе войскъ.

„Правда ли, что траншеи непріятель роетъ паровой машиной? Сынъ твой говорилъ мнѣ про новый снарядъ, которымъ стрѣляли съ моря по городу. Вели прислать сюда одинъ или два таковыхъ, для подробнаго осмотра. Считаю также весьма нужнымъ, чтобъ ты, для всякаго случая, укрѣпилъ высоты Инкерманскія тамъ, гдѣ начинается спускъ дороги, какъ отъ Мекензіевой дачи, такъ и тамъ, гдѣ почтовая дорога проходитъ въ концѣ бухты. Надо на все готову быть. Нетерпѣливо жду обѣщаннаго журнала, который очень пора публиковать, ибо справедливо ропщутъ на наше невольное молчаніе.

„Я разрѣшилъ твое представленіе о переселеніи прибрежныхъ татаръ, къ чему вели приступить, когда удобнымъ найдешь, но обращая должное вниманіе, чтобъ мѣра сія не обратилась въ гибель невиннымъ, т. е. женщинамъ и дѣтямъ, и не была бъ поводомъ къ злоупотребленіямъ. Полагаю,

---

[1]) Наступленіе лѣвымъ флангомъ императоръ признавалъ необходимымъ для того, чтобы отодвигать непріятеля отъ прѣсной воды, и потому считалъ полезнымъ, по мѣрѣ движенія впередъ, окапываться (Рескриптъ кн. Горчакову 13-го октября).

что ограничишь переселеніе только татарами Евпаторійскаго и Перекопскаго уѣздовъ, но не южныхъ; въ особенности ежели они останутся чуждыми измѣнѣ другихъ. Въ горахъ едва-ли даже возможно будетъ мѣру эту привесть въ исполненіе безъ величайшихъ трудностей, и вѣроятно поставило бы все населеніе противъ насъ.

„Напиши мнѣ, много ли раненыхъ и больныхъ выписывается? Поклонись Горчакову, Корнилову и Липранди; войскамъ мой поклонъ и увѣренность, что каждый свято исполнитъ долгъ свой, какъ надлежитъ православнымъ русскимъ, защищающимъ край родной и святую вѣру. Никому не унывать; съ нами Богъ!“

Защитники не унывали и въ болѣе трудное время, а теперь и подавно унынію не было мѣста. Напротивъ, съ неподдѣльною радостью всматривались они въ ту небольшую полоску вскопанной земли, которая указывала имъ, что непріятель приступилъ фактически къ правильной осадѣ. Радостное впечатлѣніе произвело это событіе на всѣхъ находившихся въ томительномъ ожиданіи штурма. Всѣ отъ души поздравляли другъ друга съ этимъ событіемъ, всѣ видѣли въ немъ немаловажное ручательство въ спасеніи города [1]).

Чтобы собрать болѣе точныя свѣдѣнія о работахъ союзниковъ, кн. Меншиковъ поручилъ адъютанту своему, капитанъ-лейтенанту барону Виллебранту, произвести новую рекогносцировку. Взявъ сотню донскаго № 60-го полка и эскадронъ гусаръ Князя Николая Максиміліановича полка, баронъ Виллебрантъ двинулся въ тылъ непріятельскаго расположенія, для разузнанія дѣйствій союзниковъ. Доставленныя имъ свѣдѣнія не оставляли никакого сомнѣнія, что англо-французы приступили къ правильной осадѣ города и что для этой цѣли ими уже заложено нѣсколько батарей [2]).

Открытіе осадныхъ работъ произвело особенно радостное впечатлѣніе на генералъ-адъютанта Корнилова. Будучи руководителемъ защиты и душею ея, Владиміръ Алексѣевичъ въ своихъ распоряженіяхъ заглядывалъ уже впередъ. Онъ принималъ теперь мѣры къ усиленію артиллерійскаго огня противъ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ непріятель началъ устраи-

---

[1]) Тотлебенъ. Оборона Севастополя, ч. I.

[2]) Журналъ воен. дѣйствій. Воен.-Учен. Арх., д. № 3590.

вать свои батареи; хлопоталъ о болѣе выгодномъ сосредоточеніи выстрѣловъ и для того перемѣнялъ направленіе амбразуръ на устроенныхъ уже батареяхъ и бастіонахъ; принималъ мѣры къ возведенію новыхъ укрѣпленій, къ постановкѣ на оборонительной линіи большихъ мортиръ и бомбовыхъ орудій и заботился о заготовленіи запасовъ пороху, снарядовъ и готовыхъ зарядовъ. Въ каждомъ изъ бастіоновъ № 4-го, № 5-го, № 6-го и Малахова кургана, противъ которыхъ направлены были работы союзниковъ, устроенъ былъ запасный паркъ изъ восьми орудій, которыя предназначались для постановки на этихъ укрѣпленіяхъ, или для усиленія ихъ обороны, или, наконецъ, для замѣны въ случаѣ порчи. Къ этимъ орудіямъ назначена была особая прислуга и сдѣланы запасы снарядовъ и принадлежности. Корниловъ опредѣлилъ число зарядовъ на каждое орудіе, устроилъ резервы для боевыхъ припасовъ [1]) и назначилъ особыхъ офицеровъ [2]), на исключительную обязанность которыхъ возложилъ снабжать батареи и бастіоны артиллеріею, снарядами и принадлежностію.

Владиміръ Алексѣевичъ трудился надъ размѣщеніемъ войскъ, усиленныхъ вводомъ въ Севастополь Минскаго пѣхотнаго полка, опредѣлялъ правила для стрѣльбы батарей, производилъ пробную стрѣльбу по непріятельскимъ работамъ, и чтобы не утомлять прислуги постояннымъ присутствіемъ при орудіяхъ, приказалъ между орудіями каждой батареи соблюдать очередь, но съ тѣмъ, чтобы одно орудіе было всегда готово

---

[1]) Такъ орудія и снаряды, находившіеся на сѣверной сторонѣ, на батареѣ № 4-го, служили резервомъ бастіону № 4-го; на батареѣ Михайловской—резервомъ бастіонамъ № 5 и № 6-го. Нѣсколько позже, 1-го октября, были сдѣланы въ этомъ отношеніи болѣе подробныя распоряженія. Пополненіе зарядовъ для морскихъ орудій на 1-ой дистанціи приказано было производить съ кораблей: «Великій Кн. Константинъ», «Императрица Марія», «Ростиславъ» и фрегата «Мидія»; 2-ой дистанціи—отъ начальника Морской артиллеріи; 3-й дистанціи,—съ кораблей «Двѣнадцать-Апостоловъ», «Чесма», «Святославъ» и фрегата «Кулевча»; 4-ой дистанціи—съ кораблей «Парижъ», «Храбрый», «Гавріилъ» и фрегата «Коварна». Орудія же сухопутнаго вѣдомства и морскіе пудовые единороги пополнялись зарядами по распоряженію начальника артиллерійскаго гарнизона. (Приказъ Корнилова отъ 1-го октября).

[2]) Капитанъ-лейтенанта Попова и въ помощь ему лейтенанта Львова и штабсъ-капитана Пестича.

открыть огонь по первому приказанію. Предвидя скорую бомбардировку города, онъ сформировалъ пожарныя команды и приказалъ во время стрѣльбы съ непріятельскихъ батарей оставлять прислугу только у дѣйствующихъ орудій, а остальныхъ нижнихъ чиновъ стараться укрыть отъ дѣйствія непріятельскаго огня.

Съ этою послѣднею цѣлію было сдѣлано распоряженіе о постройкѣ блиндированныхъ помѣщеній.

„При предстоящей осадѣ и бомбардированіи,—писалъ Корниловъ въ приказѣ отъ 1-го октября,—какъ я уже объявлялъ, главная забота дистанціонныхъ и другихъ начальниковъ должна состоять въ сбереженіи людей отъ разрывныхъ снарядовъ, сохраняя по возможности позиціи. Стрѣлки, находясь на своихъ мѣстахъ, подъ укрытіемъ оборонительной стѣны, достаточно будутъ укрыты, кромѣ тѣхъ линій, которыя могутъ быть анфилированы непріятелемъ; для резервовъ же въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мѣстность собою не прикрываетъ ихъ, надлежитъ дѣлать блиндированные навѣсы изъ бревенъ съ густо-насыпанною землею на крышѣ. Лѣсъ для этого можно будетъ принимать отъ морскаго и инженернаго вѣдомствъ. Нѣкоторые бараки или строенія могутъ также быть блиндированы. Работа должна быть произведена нижними чинами — каждою командою для себя“.

Заботы объ укрытіи нижнихъ чиновъ, ихъ довольствіи и даже одеждѣ не покидали Корнилова до самыхъ послѣднихъ минутъ его жизни. Онъ выхлопоталъ для гарнизона усиленное довольствіе и зарабочія деньги; отпустилъ въ полки паруса для палатокъ, теплыя рубахи морскимъ нижнимъ чинамъ и наконецъ снабдилъ одеждою черноморскіе пѣшіе № 2 и № 8-го батальоны, которые крайне нуждались въ этомъ. Нижніе чины этихъ батальоновъ совершенно обносились отъ продолжительной службы и безпрерывныхъ движеній. Подходя къ Симферополю, они были встрѣчены за городомъ многочисленною толпою любопытныхъ и однимъ изъ генераловъ, осматривавшимъ всѣ войска, проходившія черезъ этотъ городъ. Былъ жаркій день. Встрѣчавшій ихъ генералъ приказалъ, для облегченія похода, идти вольно и поднять полы шинелей.

— Не можно, ваше превосходительство,—отвѣчалъ на это командиръ батальона.

— Это почему?—спросилъ генералъ.

— Бо е богацько такыхъ що безъ штаныу.

Появившись въ Савастополѣ, черноморскіе пластуны обращали на себя всеобщее вниманіе своимъ полуазіатскимъ, изношеннымъ до крайности костюмомъ. Одѣтые въ чекмени, папахи, шаровары различныхъ цвѣтовъ и узоровъ, они имѣли на ногахъ пастолы—обувь безъ подошвы, изъ сырой не выдѣланной, воловьей кожи.

Смотря на оборванную одежду пластуновъ, на неуклюжій ихъ видъ, на отсутствіе военной выправки, солдаты подсмѣивались первое время надъ этимъ войскомъ, состоявшимъ преимущественно изъ людей малорослыхъ и пожилыхъ.

— Вотъ, братцы, пряничное войско какое явилось,—говорили солдаты между собою.

Пряничное войско это скоро стало образцомъ для смѣявшихся. Пластунамъ принадлежатъ самые отважные подвиги, начавшіеся со дня вступленія ихъ въ Севастополь; имъ же принадлежитъ самая трудная передовая служба—секреты, которые они содержали во все время осады Севастополя, почти подъ носомъ непріятеля.

Вооруженный отличнымъ штуцеромъ, пластунъ не зналъ промаха; обутый въ пастолы безъ подошвы, онъ, какъ кошка подкрадывался, никѣмъ не слышимый, къ непріятелю, залегалъ за камнемъ, и, привычный ко всякаго рода засадамъ, лежалъ неподвижно въ теченіе цѣлаго дня,—зорко слѣдя за врагомъ.

Одежда пластуновъ, удобная въ ихъ мягкой Черноморіи, оказалась весьма неудобною въ каменистомъ Севастополѣ. Здѣсь ветхія шаровары ихъ скоро обратились въ лохмотья, такъ что командиры батальоновъ принуждены были просить объ отпускѣ для нижнихъ чиновъ сукна, подкладочнаго холста, сапоговъ и нитокъ [1]). Разрѣшивъ отпускъ этихъ вещей изъ морскаго вѣдомства, кн. Меншиковъ писалъ Корнилову [2]): „прикажите объявить черноморцамъ предписаніемъ, что за даруемую имъ одежду никакого взысканія учинено не будетъ. Предписаніе это надо

[1]) «Поручаю Греве,—писалъ кн. Меншиковъ Корнилову,—объясниться съ вами о включеніи пластуновъ въ раздачу штановъ» (Письмо кн. Меншикова отъ 2-го октября).

[2]) Отъ 4-го октября. Воен.-Учен. Арх., д. № 4312.

прочитать при собраніи нижнихъ чиновъ, ибо казачье начальство въ состояніи воспользоваться этимъ, но только *въ свою пользу*".

Корниловъ въ точности исполнилъ это приказаніе и вообще слѣдилъ за тѣмъ, чтобы нижніе чины были вполнѣ обезпечены отпускаемымъ имъ довольствіемъ. Солдаты видѣли это и высоко цѣнили вниманіе къ нимъ.

— Вотъ такъ генералъ,—говорили они при всякой встрѣчѣ и прощаніи съ Корниловымъ.

Заботясь о каждомъ изъ защитниковъ, Владиміръ Алексѣевичъ не берегъ себя. Посѣщая ежедневно оборонительную линію, онъ не рѣдко выѣзжалъ одинъ за нѣсколько верстъ впередъ, чтобы только лично обозрѣть мѣстность или расположеніе непріятеля [1]).

Всматриваясь въ положеніе нашихъ батарей и бастіоновъ, Корниловъ хлопоталъ объ усиленіи обороны слабѣйшихъ мѣстъ и для того нерѣдко переводилъ суда съ мѣста на мѣсто, чтобы ихъ огнемъ усилить оборону города. На случай тревоги онъ учредилъ сигналы, обозначавшіе мѣсто появленія непріятеля, и приказалъ установить на впереди лежащей мѣстности знаки, обозначавшіе мѣста досягаемости нашихъ снарядовъ.

Съ прекращеніемъ лихорадочнаго ожиданія штурма и съ установленіемъ правильной осады, Корниловъ счелъ возможнымъ возвратить морякамъ ихъ знамена и преобразовать морскіе батальоны, составленные изъ разныхъ командъ, въ флотскіе экипажи, подчинивъ каждый экипажъ своему прямому начальнику. Такимъ образомъ, 30-го сентября, всѣ морскіе батальоны соединились въ 16-ть флотскихъ экипажей, которые были расположены: 31-й и 42-й экипажи въ Сѣверномъ укрѣпленіи; 33-й экипажъ—на 1-й дистанціи оборонительной линіи; 29-й, 32-й, 34-й и 37-й—на второй дистанціи; 38-й, 40-й, 41-й и 45-й экипажи—на третьей дистанціи; 35-й, 36-й, 39-й и 44-й экипажи—на четвертой дистанціи; 30-й экипажъ—оставленъ на кораблѣ „Ягудіилъ" для обороны гавани.

Это преобразованіе имѣло огромное значеніе въ жизни Севастопольскаго гарнизона. Отдавая должную дань справедливости каждому роду оружія, мы должны сказать, что успѣхъ первыхъ дней обороны принадлежитъ исключительно морякамъ Черноморскаго флота. Съ образованіемъ

[1]) Арх. канц. воен. минис. по секретной описи, дѣло № 58.

экипажей, они были размѣщены на оборонительной линіи такъ, что каждый изъ адмираловъ, командовавшій сухопутною дистанціею, имѣлъ подъ своимъ начальствомъ тѣ же самыя части, которыми командовалъ на судахъ; командиры кораблей и экипажей назначались начальниками тѣхъ бастіоновъ или батарей, на которыхъ стояли ввѣренные ихъ командованію офицеры и нижніе чины. Такимъ образомъ были удовлетворены условія старшинства, единоначалія и нераздробляемости отдѣльныхъ частей. Матросы перенесли на бастіоны и батареи всѣ порядки, которые они привыкли исполнять на судахъ, теперь ими оставленныхъ. Они точно также содержали вахты съ безсонными ночами, ввели всюду морскіе термины и названія; по свистку боцмана приглашались къ обѣду, на работы и проч.

„Брустверa легко напоминали воображенію ихъ корабельные борты, а темныя и тѣсныя землянки и устроенные впослѣдствіи блиндажи— кубрики судовъ. Вода на батареяхъ хранилась въ цистернахъ, врытыхъ въ землю. Время считалось стклянками, или песочными часами, и каждые полчаса часовой возвѣщалъ ударомъ въ колоколъ“ [1]).

Назначеніе флотскихъ офицеровъ командирами бастіоновъ и батарей имѣло еще и другую весьма важную выгоду. Каждый изъ флотскихъ офицеровъ, по особенностямъ своей службы, смотрѣлъ на бастіонъ, какъ на корабль, гдѣ обязанъ былъ заботиться обо всемъ до мельчайшихъ подробностей. Всѣ свои попеченія на кораблѣ морякъ перенесъ теперь на ввѣренный ему бастіонъ или батарею. Онъ хлопоталъ объ усиленіи укрѣпленія и рылъ землю, весьма часто не ожидая распоряженія и указанія инженеровъ; онъ ставилъ на своей батареѣ орудія, не говоря, что это дѣло артиллериста; запасался зарядами и даже продовольствіемъ, не сваливая этой обязанности на интендантство. Итакъ вотъ главная заслуга моряковъ—она состоитъ въ томъ, что командиры бастіоновъ и батарей дѣйствовали совершенно самостоятельно и не ожидая ни распоряженія, ни указанія начальства, сами изыскивали средства къ усиленію обороны, что было весьма важно въ то трудное для Севастополя время. Они избѣжали того разъединенія, которое часто случается въ войскахъ, когда инженеръ рѣжетъ амбразуры, не спрашивая, есть ли для нихъ орудія, когда артиллеристъ не считаетъ

---

[1]) Тотлебенъ. Оборона Севастополя, ч. I, 301.

своею обязанностью принимать участіе въ работахъ, не относящихся къ его прямой обязанности. Ничего подобнаго не было у моряковъ—они единодушно трудились на общую пользу, и каждый хлопоталъ о всѣхъ и за вся. Мы не хотимъ сказать этимъ, что созданная моряками система обороны была безукоризненна—нѣтъ, она имѣла недостатки, о которыхъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, но нельзя отрицать, что моряки создали ту нравственную силу обороны, которая проявилась въ самомъ началѣ, и, поддерживаясь въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ, была основаніемъ прочнаго успѣха. Не укрѣпленіями своими держался Севастополь столь долгое время, но держался живою стѣною православнаго воинства, своею грудью защищавшаго родной городъ противъ усилій четырехъ націй, употреблявшихъ гигантскія средства къ его уничтоженію...

Со времени заложенія траншей французы не прекращали осадныхъ работъ и, трудясь всю ночь съ 28-го на 29-е сентября, къ утру заложили пять батарей. Англичане также въ теченіе предшествовавшей ночи вывели траншею, по вершинѣ Зеленой горы, противъ 3-го и 4-го бастіоновъ, но въ значительно дальнемъ разстояніи, чѣмъ французы. Траншея ихъ отстояла отъ 3-го бастіона на 600, а отъ 4-го бастіона на 700 саж.

Въ заложеніи траншей союзники не видѣли для себя ничего утѣшительнаго. По характеру мѣстности и, по численности войскъ, они могли обложить городъ только съ одной стороны, и слѣдовательно, не имѣя возможности прервать сообщенія крѣпости со всею остальною Россіею, были безсильны для того, чтобы преградить возможность доставки продовольствія, боевыхъ припасовъ и прибытія новыхъ подкрѣпленій. Рѣшаясь на правильную осаду, они должны были сознать, что борьба должна затянуться на долго, хотя нѣкоторые, въ томъ числѣ и начальникъ англійскихъ инженеровъ, повидимому, не признавали этого. Когда ему указали на обширность русскихъ укрѣпленій и быстроту, съ которой они возводятся, то онъ отвѣчалъ, что они строятся только для того, чтобы быть разрушенными.

Оба союзные главнокомандующіе, повидимому, раздѣляли точно такое же убѣжденіе и были увѣрены, что послѣ нѣсколькихъ часовъ бомбардированія Севастополь самъ съ собою падетъ къ ногамъ побѣди-

телей. Положивши въ основаніе ложную идею, они построили на ней все зданіе, которое, какъ увидимъ ниже, разросшись до огромныхъ размѣровъ, неоднократно рушилось по частямъ, хороня подъ своими развалинами сотни тысячъ людей.

Единственнымъ исходомъ для союзниковъ, въ ихъ трудномъ положеніи, было принятіе не обыкновенной, а такъ называемой *усиленной атаки*, т. е. веденіе осадныхъ работъ безъ систематическаго перехода отъ одной параллели къ другой, и рѣшимость штурмовать городъ, не ожидая того времени, когда артиллерія непріятельской крѣпости будетъ совершенно уничтожена. При такихъ только условіяхъ англо-французы могли разсчитывать на быстрый успѣхъ, но они этого не сдѣлали и должны были отказаться на долго отъ скораго возвращенія въ отечество и на всегда отъ славы овладѣть Севастополемъ.

Приступивъ къ правильной атакѣ крѣпости, по всѣмъ „правиламъ военнаго искусства“, непріятель необходимо принужденъ былъ подвигаться впередъ медленно и тѣмъ самымъ далъ намъ прекрасное средство для защиты—время, въ которое могли окрѣпнуть наши бастіоны и появиться новыя батареи. Самый выборъ пункта для атаки былъ весьма грубою ошибкою со стороны союзныхъ инженеровъ. Вмѣсто того, чтобы вести атаку противъ главнаго пункта, они повели противъ всего города, что заставило ихъ растянуть свои работы слишкомъ на 14-ть верстъ, не считая построекъ, произведенныхъ ими у Балаклавы и на Сапунъ-горѣ. Впослѣдствіи союзники хотя и сосредоточили все свое вниманіе на 4-мъ бастіонѣ, но это была вторая ошибка, потому что ключемъ позиціи былъ не четвертый бастіонъ, а Малаховъ курганъ,—осадныя работы противъ котораго были замѣчены только 3-го октября.

Съ этихъ поръ противники усиленно трудились: одинъ надъ атакою, другой—надъ обороною. Англо-французы распространяли свои траншеи, углубляли ихъ, утолщали насыпи и строили новыя батареи. По ночамъ слышенъ былъ стукъ колесъ, на которыхъ они развозили свои тяжести. При постройкѣ батарей союзники не прорѣзывали амбразуръ насквозь, но оставляли нетронутымъ слой земли, обращенный къ нашей оборонительной линіи; въ тѣхъ же случаяхъ, когда необходимость заставляла прорѣзать амбразуры, то отверстія ихъ тотчасъ же

закрывали щитами, или закладывали мѣшками, наполненными землею. Это маскированіе амбразуръ вводило многихъ въ заблужденіе, и до перваго бомбардированія Севастополя мы не могли съ точностью опредѣлить: ни числа батарей, возведенныхъ противъ города, ни числа поставленныхъ на нихъ орудій, ни, наконецъ, направленія послѣднихъ.

Несмотря на это и на то, что атака всегда имѣетъ преимущество надъ обороною, мы увидимъ, напротивъ, что Севастопольскій гарнизонъ долгое время сохранялъ въ этомъ отношеніи преимущество надъ союзниками, и причиною тому была его неутомимая энергія, стойкость и неусыпная дѣятельность. Всѣ, кто только находился на оборонительной линіи, отъ генерала до солдата, не знали покоя ни днемъ, ни ночью, трудились безъ устали, зная, что отстаиваютъ честь отечества и дорогой уголокъ земли Русской.

Союзники трудились также усердно: пыль столбомъ подымалась отъ ударовъ шанцевыхъ инструментовъ, но работы ихъ все-таки подвигались очень медленно. Съ большимъ затрудненіемъ выгружали они съ судовъ свою артиллерію, медленно перевозили ее на назначенныя мѣста. Огромныя массы металла приходилось тащить нерѣдко на разстояніи десяти верстъ, или на рукахъ, или при помощи не многихъ лошадей, которыми могли располагать какъ французы, такъ и англичане; приходилось перевозить тяжести по крутизнамъ и оврагамъ, по дурнымъ и испортившимся дорогамъ. „Чтобы дать понятіе о трудности этого дѣла,—пишетъ очевидецъ англичанинъ,—довольно сказать, что въ день 10-го октября (28-го сентября), не менѣе 33-хъ лошадей, употреблявшихся для перевозки тяжестей, пали или были въ такомъ истощеніи, что надобно было убить ихъ“. Для усиленія своихъ рабочихъ силъ и прислуги при орудіяхъ союзники принуждены были также свезти на берегъ часть людей съ судовъ своего флота.

Траншейныя работы и постройка укрѣпленій подвигались еще медленнѣе: копая землю, непріятель встрѣчалъ подъ тонкимъ пластомъ ея камень, который съ трудомъ пробивали самые лучшіе инструменты. Это заставляло союзниковъ, для наполненія туровъ, приносить землю издалека въ корзинахъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ этомъ даже встрѣчалось затрудненіе, ибо часто земли оказывалось недостаточно для насыпки самаго незначительнаго бруствера, необходимаго для прикрытія рабочихъ.

Непривычные къ такой трудной работѣ, солдаты ихъ болѣли, и въ рядахъ союзниковъ, въ особенности у турокъ, потеря и смертность были весьма значительны.

Съ удивленіемъ смотрѣлъ непріятель на наши войска и на выроставшія укрѣпленія Севастопольскія. „Круглый фортъ направо (Малаховъ курганъ),--писалъ одинъ изъ иностранныхъ корреспондентовъ,--почти скрылся за огромными земляными насыпями, которыя русскіе возвели прошлою ночью и сегодня... Русскіе работали день и ночь, чтобы усилить укрѣпленія Севастополя. Воздвигнуты новые редуты, построены бруствера; каменныя башни, наиболѣе подверженныя нашимъ выстрѣламъ, исчезли подъ насыпями. Непріятель заслуживаетъ величайшую похвалу своею энергіею".

Точно также живя подъ открытымъ небомъ, трудясь день и ночь надъ постройкою укрѣпленій и пользуясь удовлетворительнымъ состояніемъ здоровья [1]), русскія войска находили еще время и средства безпокоить непріятеля. Ежедневно цѣпь штуцерныхъ выдвигалась впередъ за оборонительную линію и своими выстрѣлами или значительно замедляла работы непріятеля, или совершенно разгоняла рабочихъ. Владѣя большею мѣткостію стрѣльбы, наши штуцерные всегда сохраняли перевѣсъ надъ непріятелемъ и до такой степени безпокоили врага, что стрѣлки его перестали приближаться къ намъ, а если и показывались, то съ большою осторожностью. Впослѣдствіи французы, для противодѣйствія нашимъ штуцернымъ, принуждены были сформировать особую команду охотниковъ изъ лучшихъ стрѣлковъ Зуавскихъ полковъ и Егерскихъ батальоновъ. Къ сожалѣнію, число штуцерныхъ у насъ было весьма ограничено. „Стрѣлковый батальонъ, доставленный къ намъ на подводахъ,—писалъ одинъ изъ участниковъ [2]),—праздновали бы въ Севастополѣ какъ великое событіе. Если бы можно было поставить впереди главныхъ пунктовъ оборонительной линіи цѣпь штуцерныхъ и раздѣлить ихъ на смѣны, то они отняли бы охоту у

---

[1]) Въ нашей арміи было также нѣсколько холерныхъ случаевъ, но развитіе этой болѣзни было весьма незначительно и не имѣло эпидемическаго характера.

[2]) А. Поповъ генер. Анненкову 27-го сентяб. Арх. канц. воен. министер., дѣло № 58.

немногихъ смѣльчаковъ прокрадываться къ ближайшимъ высотамъ, окружающимъ городъ, и неожиданно поражать неутомимыхъ, но неосторожныхъ дѣятелей обороны".

Сознавая всю важность штуцернаго огня, кн. Меншиковъ, еще 23-го сентября, просилъ князя Горчакова прислать ему одинъ стрѣлковый батальонъ, чтобы имѣть возможность состязаться съ непріятелемъ, прикрывающимся сильною цѣпью штуцерныхъ [1]). Кн. Михаилъ Дмитріевичъ тотчасъ же отправилъ въ Крымъ на подводахъ [2]) 4-й стрѣлковый батальонъ, который и прибылъ къ Севастополю 9-го октября.

Между тѣмъ по мѣрѣ того, какъ постройка укрѣпленій приходила къ концу, а бастіоны и батареи покрывались орудіями, тотчасъ же открывали огонь противъ работъ непріятеля и поддерживали его безпрерывно въ теченіе дня и ночи.

„Русскія батареи,—писали англичане въ своихъ газетахъ,—не даютъ покою ни днемъ, ни ночью войскамъ, расположеннымъ подъ прикрытіемъ возвышеній, окружающихъ Севастополь. Ядра и гранаты безпрерывно перелетаютъ черезъ возвышенія и падаютъ вблизи нашихъ солдатъ. Едва только покажутся два-три солдата, какъ русскіе выстрѣлы напоминаютъ имъ самымъ ощутительнымъ образомъ, чтобы они убрались по-добру-по-здорову, и что имъ лучше оставаться подъ прикрытіемъ".

Благодаря этой мѣткости выстрѣловъ, непріятельскимъ солдатамъ было запрещено показываться передъ Севастопольскими укрѣпленіями, кромѣ тѣхъ командъ, которымъ это было необходимо.

Независимо отъ вреда, наносимаго огнемъ нашей артиллеріи, Севастопольскій гарнизонъ постоянно тревожилъ врага и останавливалъ его работы своими вылазками, производимыми днемъ и ночью.

Имѣя одинъ общій характеръ и цѣль безпокоить противника, нападать на него врасплохъ и на разныхъ пунктахъ и стараться уничтожить непріятельскія работы, вылазки представляютъ въ рукахъ обороняющагося могущественное средство къ замедленію работъ про-

---

[1]) Письмо кн. Меншикова отъ 23-го сентяб. 1854 г. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 3346.

[2]) Отношен. кн. Горчакова кн. Меншикову 28-го сентяб. № 3237, тамъ же.

тивника. Севастопольскій гарнизонъ пользовался этимъ средствомъ превосходно и производилъ вылазки безпрерывно. Наши охотники переправлялись на лѣвый берегъ Черной рѣчки и, подъ штуцернымъ огнемъ непріятеля, истребляли стоги сѣна, жгли запасы лѣса,—находившіеся впереди 4-го бастіона, по Балаклавской дорогѣ,—уничтожали ограды и стѣны хуторовъ, окружавшихъ городъ и дававшихъ пріютъ непріятелю, и неоднократно выбивали изъ этихъ оградъ непріятельскихъ стрѣлковъ, дѣйствовавшихъ по нашимъ казачьимъ разъѣздамъ. „Удаль нашихъ штуцерныхъ,—писалъ Корниловъ,—продолжаетъ насъ тѣшить и надоѣдать непріятелю... Грустно думать, что съ такимъ войскомъ потеряли Алму“.

Ночныя вылазки изъ Севастополя особенно безпокоили непріятеля. Съ наступленіемъ ночи наши охотники пробирались тайкомъ къ землянымъ постройкамъ союзниковъ, нападали на нихъ врасплохъ, уничтожали, насколько можно, ихъ работы и, произведя всеобщую тревогу въ лагерѣ, возвращались домой, забравъ въ добычу: оружіе, одежду, инструменты и проч. Случалось, что нѣсколько десятковъ солдатъ, отправившихся ночью распотѣшить свою удаль, поднимали на ноги всю непріятельскую армію. Съ первымъ крикомъ „ура!“ нашихъ охотниковъ, бросавшихся въ штыки, союзники, не разсмотрѣвъ числа ихъ, били тревогу по всему лагерю. Проходило нѣсколько часовъ послѣ того; наши удальцы давно уже отступили и, сидя въ кругу товарищей, разсматривали кто захваченную у непріятеля шапку, иной ружье, либо одѣяло, которымъ покрывался англичанинъ, а въ непріятельскомъ лагерѣ солдаты все еще стояли подъ ружьемъ, ожидая нападенія русскихъ.

Вылазки эти были особенно тяжелы для англичанъ и весьма утомляли ихъ солдатъ. Французы собирались быстро при первой тревогѣ, и если она оказывалась ложною, то точно также быстро расходились. У англичанъ же напротивъ: они прекращали всякую работу, свертывали одѣяла и плащи, застегивались съ головы до ногъ и, пока собирались на выручку товарищей, наши охотники уже оставляли ихъ траншеи.

Съ уходомъ охотниковъ британскія войска все-таки оставались непо-

движны, какъ статуи, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній, которыя, случалось, не приходили въ теченіе всей ночи.

„Наши люди,—писали англичане,—чрезвычайно утомлены форпостною службою и работами. Рѣдко случается, чтобъ они провели цѣлую ночь въ палаткахъ. Дѣйствительно, имъ нѣтъ ни одной ночи покоя, ибо въ англійской арміи введено въ обыкновеніе, чтобъ всѣ войска были подъ ружьемъ до разсвѣта и пробыли часъ во фронтѣ. Потомъ, если все кажется спокойнымъ, ихъ распускаютъ. Сверхъ того, по ночамъ бываютъ безпрестанныя тревоги, и ружейная стрѣльба слышна на которомъ-нибудь пунктѣ. Тогда солдаты бѣгутъ къ ружью, и это часто повторяется по два и по три раза въ каждую ночь“.

Безпокоя день и ночь противника и замедляя его работы, Севастопольскій гарнизонъ успѣлъ построить укрѣпленія и пороховые погребки [1]), сдѣлать необходимые запасы снарядовъ, поставить корабли такъ, чтобы они могли обстрѣливать рвы и овраги, спускавшіеся къ городу, и устроить нѣсколько мостовъ для свободнаго сообщенія. Словомъ сказать, къ вечеру 4-го октября для защиты Севастополя было построено болѣе сорока отдѣльныхъ большихъ и малыхъ укрѣпленій, вошедшихъ въ составъ такъ называемой оборонительной линіи [2]).

Охвативъ полукругомъ весь городъ и упираясь своими концами въ рейдъ, оборонительная линія заключила въ себя весь Севастополь. Семь бастіоновъ и Малаховъ курганъ были главными опорными пунктами или столбами обороны. Къ нимъ примыкали оборонительныя стѣнки и укрѣпленія различнаго вида и величины. Оборону Городской стороны составляли бастіоны № 7-го, № 6-го, № 5-го и № 4-го, соединенные между собою непрерывною линіею укрѣпленій. Изъ послѣднихъ наиболѣе выдающимися были: между бастіонами № 7-го и № 6-го—батарея № 26-го (Шемякина) [3]), между № 6-мъ и № 5-мъ бастіонами—люнетъ № 7-го

---

[1]) На нѣкоторыхъ батареяхъ, гдѣ пороховыхъ погребовъ не успѣли сдѣлать по недостатку лѣса или времени, тамъ матросы хранили свои заряды въ корабельныхъ цистернахъ, врытыхъ въ землю и накрытыхъ досками и рогожами.

[2]) См. Приложеніе № 13-й.

[3]) Батареи получали нумера по порядку ихъ заложенія и весьма часто назывались по фамиліямъ ихъ командировъ.

(Бѣлкина); между № 5-мъ и № 4-мъ бастіонами—батарея № 25-го (Титова), редутъ № 1-го (Шварца) и батарея № 8-го (Забудскаго).

Корабельная сторона оборонялась тремя бастіонами № 3-го, № 2-го, № 1-го и Малаховымъ курганомъ, съ ихъ промежуточными укрѣпленіями. Главнѣйшія изъ этихъ укрѣпленій были: правѣе бастіона № 3-го и примыкая къ Южной бухтѣ была расположена батарея № 5-го (Никонова). Между бастіономъ № 3-го и Малаховымъ курганомъ—батарея № 21-го (Яновскаго), батарея № 3-го (Будищева) и батарея № 6-го (Жерве); между Малаховымъ курганомъ и бастіономъ № 2-го была только одна батарея № 19-го (Красовскаго). Далѣе находился бастіонъ № 2-го, а за нимъ только начатый, но не оконченный бастіонъ № 1-го.

На всѣхъ этихъ укрѣпленіяхъ и бастіонахъ было поставлено 333 морскихъ и сухопутныхъ орудій различныхъ калибровъ. Тутъ было собрано все, что нашлось подъ рукою: пушки, единороги, карронады и мортиры. Изъ этого числа: 118 орудій дѣйствовали по осаднымъ батареямъ союзниковъ, 154 орудія обороняли впереди лежащую мѣстность, и наконецъ 61 орудіе служили для фланкированія нашихъ собственныхъ построекъ [1]).

Для защиты укрѣпленій и города было сосредоточено 43 пѣхотныхъ и морскихъ батальона, одинъ саперный, 28-мь полевыхъ орудій и сотня Донскаго казачьяго № 67-го полка.

Войска эти были расположены:

На Городской сторонѣ.

Первое отдѣленіе или дистанція.

На береговой № 10-го батареѣ двѣ роты 6-го Литовскаго батальона.

На Александровской батареѣ	По полуротѣ 6-го Литовскаго батальона.
На батареѣ № 8-го	

На бастіонѣ № 7-го шестой Бѣлостокскій батальонъ.

Между № 7-мъ и № 6-мъ бастіонами шестой Виленскій батальонъ.

---

[1]) Приказъ Корнилова 29-го сентября. Фланкирующія орудія имѣли только по 30 зарядовъ съ картечью, а всѣ остальныя орудія по 150 зарядовъ, въ томъ числѣ по 30 зарядовъ съ картечью.

На бастіонѣ № 5-го пятый Бѣлостокскій батальонъ, отъ котораго одинъ взводъ отдѣленъ для занятія люнета Бѣлкина.

На редутѣ № 1-го (Шварца) одинъ взводъ отъ роты 6-го Литовскаго батальона; другой взводъ этой же роты, за стѣнкою между редутомъ и бастіономъ.

Въ резервѣ этого отдѣленія за бастіономъ № 5-го поставлены Минскій полкъ, 33-й флотскій экипажъ и 4 орудія 13-й артиллерійской дивизіи.

Второе отдѣленіе или дистанція.

Между редутомъ № 1-го (Шварца) и бастіономъ № 4-го поставленъ 29-й экипажъ, занимавшій все это пространство цѣпью стрѣлковъ.

На бастіонѣ № 4-го Черноморскій казачій батальонъ № 2-го.

За траншеею, соединяющею бастіонъ № 4-го съ батареею № 2-го (Грибокъ), 34-й флотскій экипажъ.

Въ резервѣ этого отдѣленія: 3-й батальонъ Тарутинскаго полка, за правымъ флангомъ дистанціи, возлѣ каменнаго погребка, а 32-й и 37-й экипажи—за лѣвымъ флангомъ, позади № 4-го бастіона.

Въ главномъ резервѣ Городской стороны, на Театральной площади, находились остальные три батальона Тарутинскаго полка, 6-й Волынскій и 6-й Минскій резервные батальоны и ракетная рота, изъ пяти станковъ, подъ начальствомъ генерала Кирьякова. Двѣ легкія № 4-го батареи 14-й и 17-й артиллерійскихъ бригадъ поставлены на Николаевской площади.

На Корабельной сторонѣ войска были расположены:

Третье отдѣленіе или дистанція.

У казармъ морской артиллеріи 45-й экипажъ.

Въ траншеѣ между казармами и № 3-го бастіономъ—3-й батальонъ Московскаго полка.

На бастіонѣ № 3-го—40-й и 41-й экипажи.

Между бастіономъ № 3-го и батареею № 3-го (Будищева) — 4-й батальонъ Московскаго полка.

Въ траншеѣ между садомъ и Доковымъ оврагомъ—38-й экипажъ.

Въ резервѣ этой дистанціи у доковой стѣнки находились 1-й и 2-й батальоны Московскаго полка.

Четвертое отдѣленіе или дистанція.

Въ редутѣ между лабораторіею и оборонительною казармою—Черноморскій казачій № 8-го батальонъ.

Около доковаго оврага—44-й экипажъ.

На Малаховомъ курганѣ и въ резервѣ за нимъ — 35-й, 36-й и 39-й экипажи и легкая № 5-го батарея 17-й артиллерійской бригады.

Въ траншеѣ между Малаховымъ курганомъ и № 2-го бастіономъ—1-й батальонъ Бутырскаго полка.

Въ резервѣ этой дистанціи и всей Корабельной слободы поставлены, въ Ушаковой балкѣ,—2-е, 3-е и 4-е батальоны Бутырскаго и Бородинскаго полковъ.

Шестой саперный батальонъ производилъ работы въ обѣихъ частяхъ города, а сотня донскаго казачьяго № 67-го полка назначалась для разъѣздовъ [1]).

Для содѣйствія войскамъ и укрѣпленіямъ, по распоряженію Корнилова, были поставлены: корабль „Ягудіилъ“ въ глубинѣ Южной бухты, для обстрѣливанія впереди лежащей мѣстности; пароходы „Владиміръ“ и „Крымъ“—въ Киленъ-балочной бухтѣ для дѣйствія по высотамъ и доставленія обороны лѣвому флангу оборонительной линіи; пароходъ „Эльборусъ“—противъ Ушаковой балки; „Бессарабія“, „Громоносецъ“ и „Одесса“—между Александровскою батареею и № 8-го—для обороны праваго фланга оборонительной линіи и наконецъ пароходо-фрегатъ „Херсонесъ“—противъ Инкермана, для дѣйствія вдоль Инкерманской долины.

Таково было состояніе обороны Севастополя спустя мѣсяцъ послѣ высадки союзниковъ на берега Крыма.

Много труда и неимовѣрныхъ усилій было положено при постройкѣ укрѣпленій и ихъ вооруженіи. Большая часть батарей строилась изъ приносной земли, добываемой изъ мѣстъ весьма отдаленныхъ. Приносимая въ мѣшкахъ, куляхъ и просто на рогожахъ, земля эта была большею частію дурнаго качества, перемѣшана съ камнемъ и щебнемъ. При

---

[1]) Диспозиція на 1-ое октября. Жандръ, 277.

тогдашней сухой и жаркой погодѣ, это была пыль, лишенная всякой прочности и вязкости. Несмотря на то, что надъ утрамбованіемъ этой пыли трудилось нѣсколько тысячъ рукъ до криваваго пота, насыпи были все-таки слабы и дурно держались; многіе изъ нихъ состояли изъ одного щебня, только присыпаннаго землею; поддержать или одѣть насыпи было нечѣмъ, ибо не было дерна, не было туровъ и фашинъ, по недостатку лѣса. Въ крайнихъ случаяхъ внутреннія крутости батарей поддерживали стѣнками, сложенными изъ камня насухо, или изъ глины, при чемъ насыпка земли производилась по мѣрѣ возведенія этихъ стѣнокъ.

Щеки амбразуръ имѣли весьма слабыя одежды, что должно было значительно ослаблять и затруднять дѣйствіе нашей артиллеріи. Многія изъ нихъ были одѣты земляными мѣшками, и это были лучшія одежды, несмотря на то, что отъ выстрѣловъ они часто загорались и осыпались. Другія амбразуры имѣли досчатыя и глиняныя одежды, которыя были еще менѣе прочны. У амбразуръ, не имѣвшихъ одеждъ, щеки обмазывались глиною [1]).

Чтобы имѣть понятіе о томъ, до какой степени прочны были нѣкоторыя изъ укрѣпленій, достаточно указать на рапортъ инженернаго офицера коменданту города, въ которомъ онъ просилъ принять зависящія отъ него мѣры противъ козла, принадлежащаго священнику, который уже третій разъ, въ разныхъ мѣстахъ, на правомъ флангѣ Малахова кургана, рогами разноситъ оборонительную стѣнку [2]).

Въ этой слабости укрѣпленій нельзя винить защитниковъ—они сдѣлали все, что было въ силахъ сдѣлать въ этотъ короткій промежутокъ времени. Они успѣли даже приготовить для амбразуръ нѣкоторыхъ батарей деревянные заслоны въ защиту отъ штуцерныхъ пуль, успѣли заложить 27-мь камeнометныхъ фугасовъ [3]), и въ 25-ти шагахъ впереди ихъ устроить засѣки.

Эта необыкновенная дѣятельность Севастопольскаго гарнизона не укрылась отъ глазъ монарха. Достойно оцѣнивъ заслуги защитниковъ,

---

[1]) Тотлебенъ. Оборона Севастополя, ч. I, 294.

[2]) Записка контръ-адмирала Керна (рукоп.).

[3]) Впереди редута № 1-го (Шварца), бастіоновъ № 3-го и № 4-го было заложено по 6-ти, а передъ Малаховымъ курганомъ 9-ть фугасовъ.

императоръ писалъ князю Меншикову [1]): „Благодари всѣхъ за усердіе; скажи нашимъ молодцамъ-морякамъ, что я на нихъ надѣюсь на сушѣ, какъ на морѣ. Никому не унывать, надѣяться на милосердіе Божіе; помнить, что мы русскіе; защищаемъ родимый край и вѣру нашу, и предаться съ покорностью волѣ Божіей! Да хранитъ тебя и васъ всѣхъ Господь; молитвы мои за васъ и за наше правое дѣло, а душа моя и всѣ мысли съ вами.

„Душевно обнимаю“.

„Поклонись Горчакову и обними Корнилова“.

XV.

Четвертое октября въ Севастополѣ.—Первое бомбардированіе города.—Дѣятельность Нахимова и Корнилова.—Освобожденіе арестантовъ.—Смертельная рана Корнилова.—Приближеніе непріятельскаго флота къ береговымъ фортамъ.—Бомбардированіе города съ моря.—Сравненіе боевыхъ средствъ флота и береговыхъ батарей.—Стойкость гарнизона и его дѣятельность, въ день перваго бомбардированія.—Взрывъ пороховаго погреба на третьемъ бастіонѣ.—Безуспѣшность морскаго бомбардированія. — Причина того. — Результаты сухопутнаго бомбардированія.

Наступило четвертое октября, канунъ крещенія Севастополя, канунъ его славы и всемірной извѣстности.

Работы непріятеля подвинулись впередъ настолько, что слѣдовало ежеминутно ожидать бомбардированія города и можно было догадываться, что оно произойдетъ именно на слѣдующій день. Поводомъ къ такой догадкѣ служила усиленная дѣятельность союзниковъ и въ особенности англичанъ, которые почти въ теченіе цѣлаго дня прорѣзывали амбразуры и ставили на батареяхъ свои орудія; французы же въ этотъ день все еще маскировали свои батареи и оставляли амбразуры неоткрытыми.

— Завтра будетъ жаркій день — говорилъ Корниловъ его

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 27-го сентября. Арх. канц. воен. минис., дѣло № 102.

окружающимъ.—Англичане употребятъ всѣ средства, чтобы произвести полный эффектъ; я опасаюсь за большую потерю отъ непривычки; впрочемъ, наши молодцы скоро устроятся—безъ урока же сдѣлать ничего нельзя, а жаль, многіе изъ нихъ завтра слягутъ.

Находившійся въ это время у Владиміра Алексѣевича капитанъ-лейтенантъ Поповъ напомнилъ ему приказаніе Императора беречь себя.

— Не время теперь думать о безопасности,—отвѣчалъ Корниловъ,—если завтра меня гдѣ-нибудь не увидятъ, то что обо мнѣ подумаютъ.

Вечеръ прошелъ покойно. Въ двухъ частяхъ города на Корабельной и Городской, два полка русской арміи: Московскій и Тарутинскій готовились къ своимъ полковымъ праздникамъ, бывающимъ у перваго 5-го, а у втораго 6-го октября. Въ ротахъ замѣтна была большая дѣятельность—всѣ чистились, приводили въ порядокъ свой туалетъ, а ротные командиры хлопотали о заготовленіи пироговъ и кулебякъ для общаго праздника. Солдатики разсчитывали закусить и выпить лишнюю чарку. На кухняхъ варилось и пеклось все вдвойнѣ; порціи говядины увеличины были козлятиной.

Въ тотъ же день, какъ бы предвидя грозу, на нѣкоторыхъ батареяхъ нижніе чины дѣлали складчину, приглашали священника и служили молебны. Послѣ молитвы у многихъ явилась закуска, потомъ музыка, и веселая пляска продолжалась до глубокой ночи [1]).

Пасмурно было утро 5-го октября. Густой туманъ закрылъ весь городъ и бухту, до такой степени, что въ двухъ шагахъ ничего не было видно. Въ городѣ и на оборонительной линіи происходила обычная дѣятельность: у адмиралтейства кипѣлъ муравейникъ рабочихъ, по рейду сновали пароходы, баркасы и гички, перевозившія людей и тяжести; на бастіонахъ и батареяхъ шла смѣна вахтенныхъ или дежурныхъ, шли команды на работу, ставились орудія, додѣлывались амбразуры и проч.

---

[1]) Оборонит. казарма 5-го бастіона. Сборн. рукоп., т. I, 102. Бейтнеръ, тоже, т. III. Матер. для исторіи Крымской войны, вып. IV, 154. Матер. для исторіи обороны Севаст. Жандра, 292

Въ непріятельскомъ лагерѣ не было слышно ни особаго шума, ни усиленной дѣятельности.

Около шести часовъ утра туманъ сталъ рѣдѣть, предметы обозначались яснѣе. Расположенныя группами кучи бѣлыхъ палатокъ, разбитыхъ за нашими укрѣпленіями, тянулись почти вдоль всей оборонительной линіи; возлѣ нихъ копошились солдаты, стояли телѣги и лошади. Ничто, повидимому, не нарушало ихъ спокойствія, но роковой день приближался.

Съ нѣсколькихъ пунктовъ оборонительной линіи замѣчено было, что вдоль французскихъ траншей, въ разныхъ мѣстахъ, стояло по нѣсколько паръ людей, открывавшихъ амбразуры, выбрасывая изъ нихъ землю и мѣшки, которые служили ихъ закрытіемъ. Этому обстоятельству не придавали еще большой важности, и, возлѣ одно-этажныхъ казармъ № 3-го бастіона, собирались два первые батальоны Московскаго полка, для слушанія молебна, по случаю полковаго ихъ праздника. Составивъ ружья въ козла, батальоны приступили уже къ молитвѣ, какъ вдругъ, въ половинѣ седьмаго часа, французы, бросивъ три бомбы, одну за другою, подали тѣмъ сигналъ къ началу стрѣльбы по осажденному городу. Вслѣдъ за свистомъ сигнальныхъ ядеръ, съ удивительною быстротою открыли огонь 49 орудій французскихъ и 71 англійскихъ. Въ отвѣтъ на этотъ погромъ посыпались частые выстрѣлы 118 орудій нашихъ укрѣпленій съ такою мѣткостію, которая заставила союзниковъ понять, что не легко имъ будетъ сладить съ укрѣпленіями, выросшими на ихъ глазахъ. Вслѣдъ за укрѣпленіями два наши парохода „Владиміръ“ и „Херсонесъ“, стоявшіе у Киленъ-бухты, открыли огонь противъ англійской батареи, расположенной на высотѣ близъ хутора Микрюкова. Мѣткій огонь пароходовъ значительно ослаблялъ дѣйствіе этой батареи по Малахову кургану.

Внезапно раздавшіеся непріятельскіе выстрѣлы и ядра, завизжавшія со всѣхъ сторонъ, произвели въ первое время страшный хаосъ. Все, кромѣ прислуги при орудіяхъ, искало средства укрыться отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Траверзы не только не представляли достаточнаго прикрытія, но, напротивъ, насыпанные изъ каменнаго щебня, увеличивали только вредъ, наносимый непріятельскими снарядами. Каждое ядро, попадавшее въ насыпь или траверзъ, осыпало скрывав-

шихся за ними камнями, какъ картечью. Къ тому же траверзовъ было весьма мало, такъ что скрываться было почти не за чѣмъ.

Въ день перваго бомбардированія, на оборонительной линіи укрѣпленій не было ни блиндажей, ни прочно устроенныхъ пороховыхъ погребовъ; не было закрытыхъ путей для сообщенія по бастіонамъ. Севастополь, ни теперь, ни даже впослѣдствіи, не былъ крѣпостью,— это былъ не болѣе какъ укрѣпленный лагерь, и союзники справедливо говорили, что мы защищали городъ своимъ мясомъ. Это выраженіе примѣнимо не къ одному только дню перваго бомбардированія, но оно характеризуетъ все время, пока длилась знаменитая оборона города. Особенно большую потерю несли войска, находившіяся на 3-мъ, 4-мъ и 5-мъ бастіонахъ, внутренность которыхъ подвергалась перекрестному огню непріятельскихъ батарей. Пораженіе, наносимое войскамъ, неимѣющимъ возможности принять фактическаго участія въ борьбѣ, могло имѣть дурное нравственное вліяніе и, не принося никакой существенной пользы, только усиливало потерю. Поэтому въ самомъ началѣ канонады послѣдовало приказаніе отвести батальоны въ ближайшія улицы города, какъ въ мѣста сравнительно менѣе опасныя. Эта мѣра оказывалась тѣмъ болѣе возможною, что, въ случаѣ движенія непріятеля на штурмъ, войска всегда могли поспѣть во-время. Для скорѣйшей же передачи приказаній, батальоннымъ адъютантамъ приказано было находиться при начальникахъ отдѣленій.

Стрѣльба по городу и окружавшимъ его укрѣпленіямъ съ каждымъ часомъ усиливалась, и въ самое короткое время все пространство, раздѣляющее двухъ противниковъ, покрылось такимъ густымъ пороховымъ дымомъ, что и на близкомъ разстояніи не было возможности видѣть предмета. Облака пароховаго дыма, носясь надъ городомъ, скрывали отъ глазъ не только всѣ батареи и всю окрестность, но и самое солнце. Свѣтъ его померкнулъ, и оно казалось раскаленнымъ шаромъ, или кровавымъ кругомъ, медленно опускавшимся на горизонтѣ. Были такія минуты, когда вокругъ ничего не было видно, кромѣ дыма, прорѣзываемаго огненными языками, вырывавшимися изъ орудій. О правильномъ прицѣливаніи не могло быть и рѣчи; приходилось наводить орудія по сверкавшимъ огонькамъ непріятельскихъ выстрѣловъ.

Севастополь, какъ разъяренный левъ, отбивался на всѣ стороны.

Выстрѣлъ за выстрѣломъ, залпъ за залпомъ посылали моряки въ отвѣтъ на огонь непріятельскихъ батарей. Нѣсколько разъ отдавалось приказаніе стрѣлять рѣже, чтобы дать разсѣяться дыму, имѣть возможность осмотрѣться и наконецъ предупредить разрывъ орудій, но моряки, по привычкѣ стрѣлять цѣлыми бортами и при томъ увлеченіи, которое вызывалось желаніемъ нанести наибольшій вредъ противнику, продолжали вести самую частную стрѣльбу.

Тучи снарядовъ скрещивались въ воздухѣ; одни летѣли къ намъ, другіе къ непріятелю. Ядра, бомбы, гранаты, камни, щебень, земля и пыль—все завертѣлось и закружилось въ воздухѣ. Обернутые пеленою пороховаго дыма, бастіоны и батареи представляли собою непрерывный дымный валъ, посреди котораго рисовалась закопченная артиллерійская прислуга и виднѣлся рыжеватый монахъ съ крестомъ въ рукахъ, обходившій вдоль по линіи укрѣпленій, облегавшихъ Корабельную сторону.... Современники, свидѣтельствуя о безстрашномъ пастырѣ, служившемъ примѣромъ долга и самоотверженія, не сохранили его имени, но спокойный его образъ и медленная походка остались навсегда въ памяти его видѣвшихъ. Только желаніе приложиться ко кресту и получить быть можетъ послѣднее благословеніе заставляло матросовъ покидать на время свои орудія и по одиночкѣ подбѣгать къ безстрашному монаху-воину, благословлявшему русскихъ людей на новые подвиги и на славную смерть...

Послѣдняя гуляла во всѣхъ концахъ города. Повсюду лопались бомбы и гранаты, сыпались ихъ осколки и даже камни мостовой выворачивались отъ ударовъ ядеръ. Адмиралтейство, казармы, доки, улицы: Екатерининская, Морская, Театральная площадь, бульваръ и другія мѣста были позорищемъ битвы. На площадяхъ и улицахъ толпились войска, осыпаемыя со всѣхъ сторонъ непріятельскими снарядами. Потери были весьма значительны и заставляли колонны нѣсколько разъ перемѣнять свои мѣста.

По совершенному отсутствію вѣтра воздухъ былъ сгущенъ дотого, что трудно было дышать. Отъ непрерывнаго гула орудій и отъ сотрясенія, производимаго выстрѣлами, казалось, дрожала земля, а древесный листъ трепеталъ какъ на осинѣ.

Въ городѣ не замѣтно было особаго смущенія. Правда, нѣкоторые

изъ жителей, съ началомъ бомбардированія, покинули свои дома и спѣшили на Графскую пристань, съ намѣреніемъ перебраться на Сѣверную сторону рейда; они толпились на пристани, въ ожиданіи очереди и возможности переѣхать, но число ихъ было незначительно сравнительно со всѣмъ населеніемъ, большинство котораго оставалось въ домахъ, какъ бы выжидая рѣшенія своей участи. Возлѣ одного изъ такихъ домовъ стояла 3-я рота 45-го флотскаго экипажа. Безропотно и равнодушно смотрѣли матросы на лопавшіяся вокругъ ихъ бомбы и гранаты. Жаръ и духота томили ихъ. Услужливые хозяева старались утолить жажду защитниковъ; солдаты пили выставленную воду, а офицеры—чай, передаваемый въ окно хозяйкою дома.

— Господа офицеры!—сказала она имъ между прочимъ,—помните, что женщина присоединила Крымъ къ Россіи, а вы мужчины, смотрите, не отдайте его непріятелю.

„Эти слова,—пишетъ слышавшій ихъ—при всякомъ обстоятельствѣ, всегда и вездѣ возникали въ моей памяти и одушевляли меня“ [1]).

Въ эти грозно-торжественныя минуты страданія славнаго города, отрадно было видѣть каждому изъ стоявшихъ на бастіонахъ, что посреди всеобщаго разрушенія храмовъ Божіихъ, домовъ и укрѣпленій—представители защитниковъ Россіи, адмиралы: Нахимовъ, Корниловъ и другіе вожди Черноморскаго флота явились примѣромъ полнаго самоотверженія и готовности умереть за родину. Чуждые страха, но полные хладнокровія и спокойствія, эти достойные оберегатели могущества и славы Россіи не только не сходили въ тотъ день съ верковъ Севастополя, но, переходя съ бастіона на бастіонъ, съ одной батареи на другую, своимъ примѣромъ личной храбрости переливали въ своихъ подчиненныхъ тотъ внутренній жаръ и энергію, которыми были воодушевлены сами.

Съ первыми выстрѣлами непріятельскихъ батарей оба адмирала, Корниловъ и Нахимовъ, были на коняхъ и скакали, первый на четвертый бастіонъ, а второй на пятый. Восторженные крики войскъ, стоявшихъ за укрѣпленіями, привѣтствовали Владиміра Алексѣевича Корнилова, когда

---

[1]) Кратк. запис., веден. во время защиты Севастополя. Н. Волынскаго (рукоп.).

онъ взошелъ на банкетъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ своего штаба.

Четвертый бастіонъ по своему положенію обратилъ на себя особенное вниманіе союзниковъ. И французы и англичане одинаково хлопотали объ уничтоженіи этого укрѣпленія. Противъ него направлены были выстрѣлы французской батареи № 5-го, расположенной на Рудольфовой горѣ, и двухъ англійскихъ батарей № 4-го и № 5-го, устроенныхъ на Зеленой горѣ. Такимъ образомъ внутри бастіона скрещивались французскія бомбы съ англійскими ядрами; черезъ него же летѣли и русскіе снаряды съ двухъ батарей, расположенныхъ позади бастіона.

Владиміра Алексѣевича Корнилова просили, чтобы онъ поберегъ себя и оставилъ бастіонъ, но онъ не слушалъ просьбъ и продолжалъ наблюдать за дѣйствіями батарей, своихъ и непріятельскихъ. Разговаривая съ солдатами, наводившими орудія, указывая имъ, куда цѣлить, Корниловъ переходилъ отъ одной группы къ другой.

— Смотри, молодцы!—говорилъ онъ матросамъ,—палить хорошенько, не торопиться—безъ суеты—вамъ дѣло это хорошо извѣстно. Никому не оставлять своей пушки, пока можно стоять на ногахъ.

Покойно и строго было выраженіе его лица: легкая улыбка едва замѣтно играла на устахъ, глаза его свѣтились ярче обыкновеннаго; высоко держалъ онъ голову, смотря на твореніе своихъ рукъ, на севастопольскія укрѣпленія. Сухощавый и нѣсколько согнутый станъ Корнилова, казалось, въ этотъ день выпрямился, и весь онъ какъ будто сдѣлался повыше ростомъ.

Поговоривъ съ командиромъ № 4-го бастіона, вице-адмираломъ Новосильскимъ, высидѣвшимъ впослѣдствіи безотлучно на этомъ опасномъ посту въ теченіе 8½ мѣсяцевъ, и отдавъ ему нѣкоторыя приказанія, Корниловъ отправился на 5-ый бастіонъ, по которому вмѣстѣ съ окружающими его укрѣпленіями дѣйствовали три французскія батареи № 2-го, № 3-го и № 4-го, расположенныя на той же Рудольфовой горѣ.

Проѣзжая мимо Тарутинскаго полка, адмиралъ былъ радостно привѣтствуемъ солдатами.

— Вотъ, этотъ такъ молодецъ!—говорили между собою солдаты, смотря на адмирала.

На 5-мъ бастіонѣ всею стрѣльбою распоряжался Павелъ Степановичъ Нахимовъ; онъ самъ наводилъ орудія и слѣдилъ за полетомъ снарядовъ. Одѣтый въ сюртукъ съ эполетами и рѣзко отдѣляясь отъ другихъ своею одеждою, Нахимовъ хозяйничалъ на батареѣ, какъ на кораблѣ. Принимая самое живое и горячее участіе въ защитѣ и презирая опасность, Павелъ Степановичъ, въ самомъ началѣ боя, чуть было не погибъ: онъ былъ раненъ въ голову, но къ счастію легко.

— Вы ранены, Павелъ Степановичъ,—сказалъ одинъ изъ приближенныхъ ему офицеровъ.

— Не правда-съ!—отвѣчалъ онъ съ неудовольствіемъ, желая скрыть свою рану отъ любившихъ его матросовъ, съ тѣмъ чтобы не разстроить ихъ.

Спустя нѣкоторое время, проведя рукою по окровавленному лбу, онъ прибавилъ: „слишкомъ мало-съ, чтобъ объ этомъ заботиться, слишкомъ мало-съ!“

Опасность, которой подвергались всѣ находящіеся на бастіонѣ, заставила капитанъ-лейтенанта Ильинскаго просить Корнилова оставить бастіонъ.

— Присутствіемъ своимъ на бастіонахъ вы доказываете свое недовѣріе къ подчиненнымъ,—замѣтилъ Ильинскій и ручался, что каждый исполнитъ свой долгъ.

— А зачѣмъ же,—отвѣчалъ Корниловъ,—вы хотите мѣшать мнѣ исполнить мой долгъ?—мой долгъ видѣть всѣхъ.

Разговаривая съ Павломъ Степановичемъ, Корниловъ долго слѣдилъ вмѣстѣ съ нимъ за тѣмъ разрушеніемъ, которое производили наши снаряды въ непріятельскихъ укрѣпленіяхъ. Оба они стояли открыто, подъ самымъ сильнымъ огнемъ союзниковъ; ядра свистѣли около, обдавая ихъ землею и кровью убитыхъ; бомбы лопались вокругъ, поражая своими осколками прислугу у орудій. Трудно себѣ представить что-либо ужаснѣе этой борьбы. Громъ выстрѣловъ слился въ одинъ страшный гулъ надъ головами сражающихся. Тысячи снарядовъ бороздили землю, бороздили укрѣпленія и разносили смерть и увѣчья повсюду.

Видя, что люди томятся жаждою, Владиміръ Алексѣевичъ приказалъ лейтенанту Жандру позаботиться о доставленіи на бастіоны

воды, а самъ отправился на бастіонъ № 6-го, противъ котораго дѣйствовала французская батарея № 1-го на Рудольфовой горѣ и батарея, устроенная на Херсонесскомъ мысѣ.

Лишь только эта послѣдняя батарея, снявъ туры, маскировавшіе ея амбразуры, открыла огонь, какъ въ отвѣтъ ей посыпались выстрѣлы съ № 6-го бастіона и сухопутнаго фаса батареи № 10-го. На каждый выстрѣлъ противника наши батареи отвѣчали двумя или тремя выстрѣлами. „Всѣ, кто не могъ принять прямаго участія въ стрѣльбѣ, слѣдили за дѣйствіемъ выстрѣловъ; каждый попавшій (въ цѣль) снарядъ производилъ общій восторгъ, былъ привѣтствуемъ общими одобрительными восклицаніями, какъ будто бы этими выстрѣлами рѣшалась судьба общаго боя и вопросы: быть или не быть Севастополю“ [1]).

Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ люди, сражавшіеся въ облакахъ дыма, ежеминутно ожидали смертельнаго удара, а между тѣмъ безъ суеты и бѣготни, но съ поразительною живостью и мѣткостью, артиллерійская прислуга посылала смерть врагу. Падалъ ли товарищъ, его тотчасъ же замѣнялъ другой, безъ всякаго приказанія; подбивали ли орудіе или лафетъ,—ихъ снимали съ мѣста и замѣняли запасными. Это совокупное усердіе, безстрашіе и соревнованіе всѣхъ чиновъ, отъ генерала до солдата, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ и удивило врага, не ожидавшаго столь упорнаго сопротивленія.

Пусть каждый поставитъ себя, въ этотъ день, на мѣсто русскаго солдата, и тогда только онъ вполнѣ оцѣнитъ его заслуги родинѣ, честь и достоинство которой онъ отстаивалъ своей грудью. Проникнутый святымъ долгомъ, онъ, подъ столь сильнымъ огнемъ, безстрашно заряжалъ орудіе, подносилъ заряды подъ сотнями перекрещивающихся непріятельскихъ снарядовъ; подъ тѣми же выстрѣлами исправлялъ поврежденія въ укрѣпленіяхъ, тушилъ огонь, смѣло лѣзъ на пороховой погребъ, чтобы спасти его отъ взрыва, могущаго разнести въ клочки все укрѣпленіе съ его защитниками, и, въ то же время, убиралъ убитыхъ и раненыхъ, утѣшая страдальцевъ словомъ и молитвою.

Между тѣмъ прицѣльный и навѣсный огонь непріятеля, послѣ нѣсколькихъ часовъ усиленной канонады, произвелъ значительныя раз-

[1]) П. Бабенчиковъ. Матер., вып. III, 368.

рушенія въ нашихъ укрѣпленіяхъ. Наибольшія поврежденія понесли оборонительныя казармы № 5-го и № 6-го бастіоновъ и Малахова башня. На послѣдней были подбиты почти всѣ орудія и разбитъ каменный парапетъ, при чемъ осколки камней такъ часто поражали прислугу, что принуждены были снять ее. Башня смолкла, но контръ-адміралъ Истоминъ съ успѣхомъ отстрѣливался изъ своихъ земляныхъ батарей. Въ то же самое время съ оборонительной линіи постоянно получались извѣстія, что непріятельскіе выстрѣлы сильно разрушаютъ наши укрѣпленія, что амбразуры, поддерживаемыя досками, загораются, и что для тушенія ихъ необходимо назначить особыхъ рабочихъ. Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ Корниловъ поскакалъ къ острогу, гдѣ содержалось много арестантовъ.

— Послать караульнаго офицера,—сказалъ онъ, обращаясь къ часовому.

На вызовъ явился 6-го резервнаго батальона Минскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ Штейнъ.

— Всѣхъ арестантовъ не прикованныхъ къ тачкамъ,—сказалъ Корниловъ,—отведите на Малаховъ курганъ. Я сейчасъ самъ буду и распоряжусь работою.

— Караульный офицеръ не въ правѣ отлучаться съ поста,—замѣтилъ Штейнъ.

— Знаю, но обстоятельства сегодняшняго дня измѣняютъ порядокъ. Скажите, что вамъ приказалъ Корниловъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ вынулъ изъ кармана визитную карточку и передалъ ее Штейну.

— Это будетъ знакомъ, что я вамъ приказалъ,—прибавилъ онъ. Выводите арестантовъ на плацъ безъ конвоя.

Прикованные къ тачкамъ просили какъ милости и ихъ пустить на батареи. Имъ совѣстно было за самихъ себя, совѣстно за то, что имъ не довѣряютъ даже и въ такія минуты.

— Мы не останемся здѣсь, простите насъ,—кричали они,—пустите сражаться съ врагами, мы умремъ на батареяхъ.

Удержать ихъ не было возможности. При содѣйствіи товарищей

кандалы въ мигъ были сняты, и арестанты выстроились въ три шеренги.

— Ребята!—сказалъ имъ Корниловъ,—маршъ за мною на Малаховъ курганъ, тамъ, самоотверженіемъ и храбростью, заслужите прощеніе нашего милостиваго государя за прежніе ваши проступки.

Съ крикомъ „ура!" тысячная толпа арестантовъ хлынула за лошадью Корнилова, поскакавшаго впередъ [1]).

Высоко оцѣнили арестанты довѣріе къ нимъ адмирала и отслужили они свою службу вѣрою и правдою. Несмотря на дурное прошлое, люди эти, одѣтые въ костюмъ отверженниковъ, одинаково съ другими любили свое отечество и готовы были жертвовать за него своею жизнію. Распредѣленные частью на Малаховъ курганъ, частью на № 3-го бастіонъ, арестанты съ большимъ стараніемъ, готовностію и безстрашіемъ исполняли возлагаемыя на нихъ работы. Они тушили пожары, замѣняли подбитыя орудія, подносили на бастіоны воду, снаряды и подбирали раненыхъ. Съ послѣдними они обращались съ большимъ состраданіемъ: бережно клали на носилки, помогали имъ повернуться какъ удобнѣе, поили водой и несли осторожно, чтобы излишнимъ сотрясеніемъ не вызывать страданій. Какъ бы сознавая необходимость заслужить общее прощеніе, арестанты отличались особенною предупредительностію ко всѣмъ вообще нижнимъ чинамъ; они угощали ихъ водкою, приносили закуску, отдавали послѣднюю копѣйку. Вскорѣ послѣ перваго бомбардированія батарейная № 1-го батарея 16-й артиллерійской бригады была поставлена въ Севастополѣ. „Погода въ то время стояла скверная,—пишетъ одинъ изъ служившихъ въ этой батареѣ,—моросилъ непрерывный дождь, сопровождаемый холоднымъ вѣтромъ, пронизывающимъ до костей. Мѣстность обратилась въ грязь; негдѣ было спрятаться отъ дождя. Видя, что солдаты валялись въ грязи подъ дождемъ, ничѣмъ не прикрытые, арестанты принесли на батарею нѣсколько лодокъ, лежавшихъ на берегу бухты, укладывали солдатъ и покрывали ихъ лодками. Такимъ образомъ наши солдаты, защищенные отъ дождя, могли спать эту ночь" [2]).

---

[1]) «Одиннадцать мѣсяцевъ и семь дней въ Севастополѣ». Штейна (рукоп.).

[2]) Записка капитана Чернева (рукоп.) Записки севастопольца. Сербина (рукоп.). Воспом. Георгія Чаплинскаго. Сборникъ рукописей, т. II, 119.

Многіе изъ арестантовъ были убиты на бастіонахъ Севастопольскихъ, а оставшіеся въ живыхъ заслужили полное прощеніе, перемѣнили свое поведеніе и, ставъ честными людьми, удостоены наградою.

Было около девяти съ половиною часовъ. Съ обѣихъ сторонъ шла усиленная стрѣльба на всѣхъ пунктахъ; оба противника, казалось, не хотѣли уступить другъ другу, какъ вдругъ на французской батареѣ, дѣйствовавшей противъ № 5-го бастіона, поднялся огромный черный столбъ дыма, сквозь который можно было отличить форму боченка. То былъ взрывъ пороховаго магазина, разрушившій батарею, убившій и ранившій до 50-ти челов. артиллерійской прислуги. На бастіонѣ прислуга при орудіяхъ прокричала „ура!“ подхваченное позади стоявшимъ прикрытіемъ. Этотъ успѣхъ ободрилъ защитниковъ. Матросы повели огонь еще живѣе, и, къ ихъ удовольствію, черезъ нѣсколько времени взлетѣлъ другой пороховой погребъ, послѣ чего выстрѣлы непріятельской батареи постепенно рѣдѣли, а наконецъ около половины одиннадцатаго, т. е. послѣ четырехъ часовъ состязанія, и совсѣмъ смолкли.

Причиною столь неудачнаго состязанія французовъ съ нами было самое расположеніе ихъ батарей, противное всѣмъ правиламъ. Вмѣсто того, чтобы разсѣяніемъ батарей уменьшить цѣль для нашихъ выстрѣловъ и, устройствомъ ихъ на разныхъ пунктахъ, дать расположеніе, охватывающее наши укрѣпленія, французы поступили совершенно обратно. Они скучили всѣ свои батареи на Рудольфовой горѣ и, дѣйствуя оттуда по 4-му, 5-му и 6-му бастіонамъ, принуждены были разсѣевать свои выстрѣлы, тогда какъ сами подвергались скрещеннымъ выстрѣламъ нашихъ батарей.—Это послѣднее обстоятельство дозволило намъ сосредоточить 64 орудія противъ 49-ти непріятельскихъ.

Англійскія батареи были счастливѣе французскихъ. Будучи сильнѣе, лучше расположены и прочнѣе устроены, онѣ дѣйствовали успѣшнѣе и продолжительнѣе. Имѣя на своей сторонѣ всѣ выгоды мѣстности, командовавшей надъ городомъ, англичане хорошо воспользовались этимъ и совершенно правильно расположили свои батареи на Зеленой горѣ и Воронцовой высотѣ. Такое размѣщеніе давало имъ возможность не только сосредоточивать свои выстрѣлы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ,

дѣйствуя фронтально по однимъ фасамъ нашихъ батарей, поражать смежныя съ ними во флангъ и даже тылъ.

Все вниманіе англичанъ при бомбардированіи было сосредоточено на 3-мъ бастіонѣ и Малаховомъ курганѣ, съ ихъ промежуточными батареями. По бастіону № 3-го дѣйствовали три англійскія батареи № 1-го, № 2-го и № 3-го на Зеленой горѣ и одинъ фасъ батареи, расположенной на Воронцовской высотѣ. Другой фасъ этой же батареи и правая Ланкастерская (пятиглазая) батареи дѣйствовали по Малахову кургану. Такимъ образомъ сосредоточивъ противъ Корабельной стороны 60 орудій [1]), которымъ могли отвѣчать только 54 наши орудія, англичане открыли самый усиленный огонь и засыпали снарядами не только бастіоны и батареи, но и позади лежащую мѣстность, отчего сообщеніе между укрѣпленіями становилось чрезвычайно опаснымъ. Потеря въ людяхъ была у насъ огромная, такъ что число остававшихся на батареяхъ едва хватало для дѣйствія при орудіяхъ.

Въ такомъ положеніи была оборона Корабельной стороны, когда вице-адмиралъ Корниловъ пріѣхалъ на бастіонъ № 3-го.

Объѣхавъ всѣ укрѣпленія Городской стороны, Корниловъ отправился домой, гдѣ приказалъ вывести нѣкоторыя суда, стоявшія въ Южной бухтѣ, изъ подъ выстрѣловъ англійскихъ батарей и отдалъ приказаніе капитанъ-лейтенанту Попову озаботиться безостановочнымъ снабженіемъ укрѣпленій боевыми припасами.

— Я боюсь,—прибавилъ онъ,—что никакихъ средствъ не достанетъ для такой канонады.

Въ это время кн. Меншиковъ, возвращавшійся съ Корабельной стороны, подъѣхалъ къ дому, занимаемому Корниловымъ, и потребовалъ къ себѣ адмирала. Владиміръ Алексѣевичъ сѣлъ на лошадь, сообщилъ князю о состояніи укрѣпленій Городской стороны и проводилъ его до Екатерининской (Графской) пристани. Здѣсь кн. Меншиковъ сѣлъ въ шлюпку и поѣхалъ на сѣверную сторону, а Корниловъ

---

[1]) Сверхъ того 11-ть орудій англійскихъ батарей № 4-го и № 5-го, расположенныхъ на Зеленой горѣ, и лѣвая Ланкастерская батарея дѣйствовали по 4-му бастіону, кораблю «Ягудіилъ» и по пароходамъ «Херсонесъ» и «Владиміръ».

отправился на оборонительную линію укрѣпленій, сначала вторично на четвертый бастіонъ, а потомъ на третій. На пути онъ встрѣтилъ полковника Тотлебена, который, возвращаясь съ лѣваго фланга оборонительной линіи, передалъ Владиміру Алексѣевичу подробныя свѣдѣнія о состояніи и дѣйствіи укрѣпленій Корабельной стороны. Недовольствуясь извѣстіями, получаемыми отъ другихъ, Корниловъ самъ лично хотѣлъ побывать и на этомъ бастіонѣ.

Поражаемый огнемъ двухъ англійскихъ батарей, третій бастіонъ былъ въ критическомъ положеніи: многія орудія были уже подбиты, нѣсколько амбразуръ засыпано; ластовыя казармы и бараки представляли кучу развалинъ, а площадка позади бастіона была вся изрыта англійскими снарядами [1]). Несмотря на то, третій бастіонъ находился въ полномъ дѣйствіи и велъ самый живой огонь. Начальникъ дистанціи, контръ-адмиралъ Панфиловъ, начальникъ артиллеріи этой дистанціи, капитанъ 1-го ранга Ергомышевъ, командиръ бастіона, капитанъ 2-го ранга Попандопуло, и прочіе офицеры не отходили отъ орудій и служили примѣромъ, для нижнихъ чиновъ, своею храбростью и неутолимою дѣятельностью.

Нѣкоторые изъ офицеровъ, сопровождая Корнилова по бастіону, просили его и здѣсь не подвергать свою жизнь опасности и быть увѣреннымъ, что все будетъ въ точности исполнено.

— Хотя я совершенно убѣжденъ,—отвѣчалъ на это Корниловъ,— что каждый изъ васъ исполнитъ свой долгъ, какъ честь и обстоятельства требуютъ, но, въ такой торжественный день, я имѣю душевную потребность видѣть нашихъ героевъ на полѣ ихъ отличія.

Видя, что Корниловъ отправляется на Малаховъ курганъ, офицеры просили его ѣхать по крайней мѣрѣ черезъ Госпитальную слободку, гдѣ представлялось менѣе опасности.

— Отъ ядра не уѣдешь,—отвѣчалъ на это Корниловъ.

На Малаховомъ курганѣ, Владиміръ Алексѣевичъ, какъ и вездѣ, былъ встрѣченъ громкимъ „ура!“ 44-го флотскаго экипажа.

— Будемъ кричать „ура!“ тогда, когда собьемъ англійскія батареи,

---

[1]) Тотлебенъ. Оборона Севастополя, ч. I, 307.

а теперь покамѣстъ только эти замолчали,—сказалъ онъ, указывая на французскія батареи, дѣйствовавшія противъ № 4-го и № 5-го бастіоновъ.

Распорядившись устройствомъ перевязочнаго пункта и приказавъ послать за докторомъ, Корниловъ хотѣлъ было взойти на верхнюю площадку башни, но контръ-адмиралъ Истоминъ рѣшительно воспротивился этому, сказавъ, что тамъ никого нѣтъ. Уничтоженіе башни, какъ самаго высокаго и выдающагося пункта, составляло особую заботу англійскихъ батарей, не щадившихъ средствъ на ея разрушеніе. Снаряды одинъ за другимъ такъ и ложились возлѣ башни, оставаться близъ которой было крайне опасно. Поэтому находившійся при Владимірѣ Алексѣевичѣ лейтенантъ Жандръ снова просилъ его возвратиться домой.

— Постойте, мы поѣдемъ еще къ тѣмъ полкамъ, — сказалъ онъ, указывая на Бородинскій и Бутырскій полки,—а потомъ госпитальною дорогою домой.

Постоявъ еще нѣсколько минутъ, Корниловъ, въ половинѣ 12-го часа произнесъ:—„ну, теперь поѣдемъ“, но не успѣлъ сдѣлать и трехъ шаговъ, какъ ядро оторвало ему лѣвую ногу у самаго живота. Адмиралъ упалъ; его подняли, перенесли за насыпь и положили между орудіями.

— Ну, господа, предоставляю вамъ отстаивать Севастополь. Не отдавайте его,—сказалъ Корниловъ окружавшимъ и скоро потерялъ память, не испустивъ ни одного стона.

Онъ пришелъ въ себя только на перевязочномъ пунктѣ и причастился Св. Таинъ. Замѣтивъ, что его хотятъ переложить на носилки, но затрудняются приподнять, чтобы не повредить рану, Владиміръ Алексѣевичъ самъ черезъ раздробленную ногу перекатился въ носилки и былъ отнесенъ въ морской госпиталь. Чувствуя приближеніе смерти, онъ ожидалъ минуту эту съ совершеннымъ спокойствіемъ.

— Скажите всѣмъ,—говорилъ онъ окружающимъ,—какъ пріятно умирать, когда совѣсть спокойна.

— Благослови Господи Россію и государя, — прибавилъ онъ, — спаси Севастополь и флотъ.

Между тѣмъ часу въ десятомъ утра, когда туманъ, стоявшій надъ Севастополемъ, окончательно разсѣялся, съ городскаго телеграфа замѣтили, что непріятельскій флотъ приближается со стороны р. Качи къ

нашимъ береговымъ укрѣпленіямъ, съ цѣлію принять участіе въ общемъ бомбардированіи города.

Бомбардированіе съ моря, по рѣшенію союзныхъ главнокомандующихъ, должно было начаться одновременно съ дѣйствіемъ сухопутныхъ батарей. Оба они полагали, что насколько такая одновременность бомбардированія окажетъ нравственное вліяніе на атакующихъ, настолько же повлечетъ за собою упадокъ духа среди обороняющихся. Послѣ взаимныхъ совѣщаній адмираловъ положено было, что союзные корабли, проходя одинъ за другимъ мимо нашихъ фортовъ, будутъ стрѣлять по нимъ залпами. Но на утро адмиралъ Гамеленъ пріѣхалъ къ адмиралу Дундасу и объявилъ ему, что онъ перемѣнилъ планъ атаки и составилъ новый, по которому англо-французскій флотъ долженъ стать передъ фортами на якоряхъ и потомъ уже открыть по нимъ огонь одновременно со всѣхъ судовъ; что французскіе корабли займутъ мѣсто отъ Херсонесской бухты до половины рейда или Севастопольской бухты, а далѣе на сѣверо-востокъ расположатся англійскія суда. Гамеленъ настойчиво требовалъ измѣненія плана и далъ понять, что ни на какой другой онъ не согласенъ. Дундасъ вынужденъ былъ согласиться, изъ опасенія, какъ говоритъ Кинглэкъ, отказомъ нарушить союзъ Англіи и Франціи. Въ этомъ согласіи и перемѣнѣ плана Кинглэкъ и другіе англійскіе писатели видятъ причину неудачи союзнаго флота, но съ такимъ мнѣніемъ едва-ли можно согласиться. Напротивъ предложеніе адмирала Гамелена стать на якорь и потомъ открыть бомбардированіе обѣщало гораздо бо̀льшій успѣхъ, чѣмъ стрѣльба на ходу, при невозможности точнаго опредѣленія разстоянія до цѣли, которая къ тому же легко могла скрыться въ густотѣ пороховаго дыма, какъ это и было на самомъ дѣлѣ. Перемѣна плана дѣйствій говорила въ пользу союзниковъ, а не во вредъ имъ, но на приведеніе его въ исполненіе потребовалось нѣкоторое время для новыхъ распоряженій, чѣмъ и объясняется то обстоятельство, почему флотъ открылъ огонь гораздо позже того, какъ было предназначено наканунѣ. Къ тому же мертвый штиль въ морѣ заставилъ нашихъ противниковъ прибѣгнуть къ помощи паровыхъ судовъ, дабы буксировать парусные корабли. Это было второю причиною, отчего союзный флотъ значительно опоздалъ и могъ принять участіе въ бою не ранѣе часу по полудни.

Около девяти часовъ утра всѣ приготовленія кончились, и корабли

подняли якоря. Съ приморскихъ батарей видно было, что на всѣхъ судахъ эскадры были сняты: часть рангоута, паруса и прочія снасти, служащія для управленія кораблей, и что для буксированія парусныхъ судовъ, къ каждому изъ нихъ были принайтовлены [1]), съ лѣвой стороны, по пароходу, при помощи которыхъ они и совершали свое движеніе. Составляя одно цѣлое съ пароходомъ, буксируемый корабль пріобрѣталъ способность двигаться по произволу, не завися отъ вѣтра, имѣлъ возможность выходить изъ-подъ выстрѣловъ при значительныхъ поврежденіяхъ и, наконецъ, находясь въ боевой линіи, могъ перемѣнять мѣсто, уклоняясь отъ тѣхъ пунковъ, на которые преимущественно сосредоточивались выстрѣлы нашихъ береговыхъ батарей. Конечно, движенія кораблей, связанныхъ съ пароходами, хотя и совершались довольно свободно, но не могли быть такъ быстры, какъ движенія паровыхъ кораблей, но въ этомъ не встрѣчалось особеннаго неудобства, ибо союзникамъ было извѣстно, что они будутъ имѣть дѣло съ береговыми неподвижными батареями.

Не находя нужнымъ торопиться, союзныя эскадры подвигались медленно и производили на ходу различнаго рода перестроенія. Впереди всѣхъ шли французскіе корабли, а за ними турецкіе и англійскіе.

Движеніе и приближеніе эскадръ къ нашимъ батареямъ представляло великолѣпную картину. У нѣкоторыхъ судовъ пароходы, ихъ буксирующіе, такъ хорошо были скрыты, что громадныя массы кораблей, казалось, двигались сами собою.

Подойдя на разстояніе около 1.500 саженъ отъ береговыхъ батарей, суда разсыпались вѣеромъ и затѣмъ двигались по разнымъ направленіямъ и по одиночкѣ, становясь на свои мѣста, означенныя наканунѣ буйками. Въ то же самое время изъ Камышевой бухты вышла эскадра вице-адмирала Брюа и стала приближаться къ батареѣ № 10-го. Паровой корабль „Шарлемань“ шелъ впереди всѣхъ и возлѣ берега такъ близко, какъ только позволяла глубина воды. Къ нему стали подходить и прочія суда, такъ что около часа по полудни весь непріятельскій флотъ расположился въ двухъ главныхъ группахъ: противъ батарей южнаго берега бухты: Александровской и № 10-го размѣстились въ двѣ линіи

---

[1]) Принайтовить,—морской терминъ, означающій скрѣпить, связать.

и въ шахматномъ порядкѣ корабли французской и турецкой эскадръ; противъ же батарей сѣверной стороны: Константиновской, Карташевскаго и Волоховой башни, стали въ одну линію суда англійской эскадры.

Охвативъ почти со всѣхъ сторонъ двѣ наши батареи Александровскую и № 10-го, шестнадцатью линейными кораблями съ одиннадцатью буксирующими ихъ пароходами, французы и турки имѣли на вооруженіи своихъ судовъ около 1.600 орудій. Дѣйствуя только однимъ бортомъ, они въ состояніи были открыть одновременно огонь изъ 794 орудій, которымъ могли отвѣчать, при самыхъ выгодныхъ условіяхъ, только 96 орудій [1]) нашихъ батарей. Будучи болѣе чѣмъ въ восемь разъ сильнѣе, какъ по числу орудій, такъ и по калибру ихъ и дѣйствуя по неподвижной цѣли, французы считали достаточнымъ занять позицію, въ среднемъ разстояніи около 545 саженъ отъ батарей, которымъ, при охватывающемъ положеніи союзнаго флота, приходилось отбиваться съ средняго разстоянія 630 саженъ.

При значительныхъ калибрахъ орудій флота, обширности цѣли, которую представляли наши батареи, и наконецъ возможности выпустить небывалую цифру 50 или 60 тысячъ выстрѣловъ, преимущественно разрывными снарядами—французы не считали нужнымъ подходить ближе и тѣмъ подвергать корабли опасности понести значительныя поврежденія отъ огня нашихъ батарей. Они справедливо признавали болѣе выгоднымъ для себя остановиться и дѣйствовать съ такого разстоянія, съ котораго дѣйствительность выстрѣловъ нашихъ батарей уменьшалась почти на половину. Забросавши насъ снарядами, французы надѣялись не только уничтожить обѣ береговыя батареи, но нанести значительное поврежденіе батареямъ № 7-го и № 8-го и тогда уже подойти ближе къ городу, съ тѣмъ чтобы бомбардировать и разрушить его.

При такихъ условіяхъ пораженіе наше считалось несомнѣннымъ.

Еще большими шансами на успѣхъ владѣли англичане. Принявши на себя бомбардированіе батарей сѣвернаго берега, они выдвинули противъ Волоховой башни корабль „Альбіонъ“, буксируемый пароходомъ „Фиребрандъ“, которые могли открыть огонь изъ 48-ми орудій, противъ 5-ти орудій, стоявшихъ на башнѣ; фрегатъ „Аретуза“, буксируемый

---

[1]) Самый подробный разсчетъ числа орудій и направленіе ихъ линіи огня можно найти въ прекрасной статьѣ П. Бабенчикова. Матер., вып. III, 312—425.

пароходомъ „Тритонъ“, остановившись противъ батареи Карташевскаго, могъ дѣйствовать 28-ю орудіями одного своего борта противъ 3-хъ орудій этой батареи. Всѣ же остальныя суда англійской эскадры были направлены для бомбардированія Константиновской батареи съ фронта и тыла. Для дѣйствія съ фронта было расположено въ одной отдѣльной группѣ пять парусныхъ линейныхъ кораблей, съ пятью буксирующими ихъ пароходами, имѣвшими въ общей сложности 595 орудій. Для пораженія же съ фланга и тыла этой батареи было расположено, сѣвернѣе ея, въ разныхъ пунктахъ, четыре корабля („Лондонъ“, „Родней“, „Агамемнонъ“, „Санпарелль“) и четыре парохода („Нигеръ“, „Спитфалеръ“, „Террибль“ и „Самсонъ“), на которыхъ было 397 орудій. Отсюда видно, что по Константиновской батареѣ были направлены выстрѣлы девяти кораблей съ девятью пароходами, вооруженными 992 орудіями. Стрѣляя только однимъ бортомъ, англичане могли открыть огонь изъ 470 орудій, противъ 21 орудія Константиновской и одного орудія Карташевскаго батарей. Такимъ образомъ число орудій одного борта всей англійской эскадры, остановившейся противъ сѣверныхъ укрѣпленій, съ средняго разстоянія 430 саженъ, простиралось до 546 орудій, которымъ могли быть противопоставлены, при самыхъ выгодныхъ условіяхъ, только 59 орудій нашихъ батарей, дѣйствовавшихъ съ средняго разстоянія 700 саж. Слѣдовательно, число орудій англійскаго флота почти въ девять разъ превышало число орудій, бывшихъ на сухопутныхъ нашихъ батареяхъ. Сводя общій итогъ, мы увидимъ, что 1.340 орудій союзнаго флота шли на борьбу съ 155, или правильнѣе только со 115 орудіями нашихъ сухопутныхъ батарей [1]).

Будучи вообще значительно сильнѣе, союзный флотъ имѣлъ и другія преимущества: онъ дѣйствовалъ, какъ сказано, по неподвижной цѣли, тогда какъ самъ имѣлъ возможность всегда выйти изъ-подъ выстрѣловъ, или же перемѣнить свою позицію, смотря по направленію линіи огня

---

[1]) Мы сказали правильнѣе потому, что въ число дѣйствующихъ орудій включены 48 орудій батарей № 7-го и № 8-го, изъ коихъ 12 орудій могли дѣйствовать по французской эскадрѣ и 28 по англійской. Но стоитъ только взглянуть на планъ, на которомъ видно, что, по слишкомъ большому отдаленію отъ цѣли, орудія эти не могли принести существенной пользы, и стрѣльба съ нихъ была едва-ли успѣшна.

береговыхъ батарей. Занимая положеніе, охватывающее наши укрѣпленія съ фронта, фланга и тыла, непріятель дѣйствовалъ сосредоточенными выстрѣлами, тогда какъ наши батареи должны были разсѣевать ихъ.

Всѣ эти преимущества были настолько уважительны, что союзники надѣялись на полный успѣхъ и блестящую побѣду.

Подъ обаяніемъ затрогивающаго самолюбіе сигнала: „*Франція смотритъ на васъ*! (La France vous regarde), поднятаго на адмиральскомъ кораблѣ, французская эскадра, не обращая вниманія на выстрѣлы нашихъ батарей, молча подходила на избранную дистанцію и становилась на выгоднѣйшихъ пунктахъ.

Нѣкоторые изъ кораблей, какъ напр. „Шарлемань“ подошелъ такъ близко, что съ батареи № 10-го можно было ясно различать людей, стоявшихъ на палубѣ.

Въ спокойномъ и медленномъ движеніи союзнаго флота было что-то торжественное. Томительны были минуты ожиданія стоявшихъ на батареяхъ, но каждый изъ нихъ съ твердостью готовился встрѣтить небывалое по своимъ средствамъ морское бомбардированіе города. Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ слѣдила артиллерійская прислуга за движеніемъ непріятельскаго флота и по мѣрѣ того, какъ суда входили въ сферу выстрѣловъ, наши батареи открывали по нимъ самый учащенный и живой огонь.

„Въ одномъ только бѣльѣ, — пишетъ свидѣтель этого дня [1]), — сбросивъ шинели, потому что и безъ нихъ было жарко, несмотря на октябрскій холодъ, орудійная прислуга, почти не сходившая съ бруствера, усердно работала при орудіяхъ. Выстрѣлы гремѣли за выстрѣлами неумолкаемо, но непріятель не отвѣчалъ до окончательнаго построенія своихъ боевыхъ линій“.

Однимъ изъ такихъ выстрѣловъ съ батареи № 10-го былъ сбитъ трехъцвѣтный національный флангъ, поднятый на кораблѣ „Шарлемань“. Прислуга съ крикомъ „ура!“ привѣтствовала удачный выстрѣлъ, но корабль тотчасъ же поднялъ другой флагъ. Вслѣдъ за тѣмъ, съ занятіемъ судами французской эскадры назначенныхъ позицій, съ адмиральскаго

---

[1]) П. Бабенчиковъ. Атака Севастополя англо-французскимъ флотомъ и проч. Матеріалы, вып. III, 389.

корабля „Городъ Парижъ“ былъ сдѣланъ выстрѣлъ, служившій сигналомъ для начала бомбардированія. Въ отвѣтъ на этотъ выстрѣлъ загремѣли залпы цѣлыми деками, сначала безпорядочные, но потомъ слѣдовавшіе въ правильномъ порядкѣ, одинъ за другимъ, съ весьма малыми промежутками. Наши укрѣпленія отвѣчали самою частою стрѣльбою, и застонала земля, задрожали окрестныя горы, заклокотало сине море....

Прекрасна и величественна была картина боя для тѣхъ, кто могъ любоваться ею издали, не подвергаясь опасности быть убитымъ или раненымъ. Вырывавшійся клубами изъ портовъ, густой пороховой дымъ началъ постепенно закрывать корабли. При совершенно тихой погодѣ, чистомъ и ясномъ небѣ, при свѣтѣ полуденнаго солнца, густые клубы дыма, заколыхавшіеся сначала по темно-синей поверхности моря, стали подыматься все выше и выше и наконецъ совершенно закрыли корабли, съ ихъ мачтами и снастями. Непроницаемая завѣса эта по временамъ прорѣзывалась, какъ молніею, отблесками выстрѣловъ, за которыми слышалась частая дробь града снарядовъ, лопавшихся въ воздухѣ, прыгавшихъ по землѣ, или ударявшихся въ стѣны укрѣпленій. Спустя нѣсколько секундъ послѣ начала бомбардированія густой дымъ скрылъ корабли и раздѣлилъ противниковъ: они не видали другъ друга. Стелясь по поверхности моря, дымъ скоро достигъ до батареи № 10-го и скрылъ въ непроницаемомъ туманѣ всю окрестность, такъ что ни передъ батареею, ни позади ея, ничего не было видно. „Воздухъ,—пишетъ П. Бабенчиковъ,—пропитанный исключительно дымомъ, не совмѣщалъ уже въ себѣ звуковъ. Хотя одновременно стрѣляло около 1.500 орудій, но звукъ ихъ не былъ громоподобенъ—онъ превратился въ глухой рокотъ, какъ бы въ клокотаніе, покрываемое свистомъ и визгомъ снарядовъ, въ несчетномъ множествѣ проносившихся надъ нами. Только ревъ собственнаго орудія, при выстрѣлѣ, рѣзко отдѣлялся въ этомъ морѣ несвязныхъ звуковъ и царилъ надъ ними, до своего повторенія“.

Это былъ такой-то смѣшанный глухой рокотъ, въ которомъ безразлично тонули всѣ прочіе звуки и слышно было одно дикое ужасающее клокотаніе; казалось, земля тряслась подъ тяжестью выстрѣловъ. Современное письмо одного изъ жителей Анапы, показанія жившихъ въ Ѳеодосіи и Аргинѣ и разсказы подводчиковъ, ночевавшихъ у Керчи, убѣждаютъ въ

достовѣрности того, что канонада, въ день перваго бомбардированія, была слышна во всѣхъ этихъ мѣстахъ. Чтобы судить, насколько силенъ былъ гулъ выстрѣловъ, достаточно сказать, что когда на батареѣ № 10-го было взорвано два зарядныхъ ящика съ бомбами, то взрывъ этотъ не былъ ни слышенъ, ни замѣченъ прислугою при орудіяхъ.

Далеко выдававшаяся впередъ батарея эта возбуждала живѣйшее опасеніе, а между тѣмъ, за густотою дыма, съ оборонительной линіи нельзя было видѣть ни батареи № 10-го, ни ея выстрѣловъ. Сообщеніе съ батареею было скоро прервано, такъ какъ большинство непріятельскихъ снарядовъ, проносившись далеко назадъ, устилали чугуномъ все пространство между батареею № 10-го и бастіонами № 6-го и № 7-го. Этими снарядами были уничтожены лѣсные матеріалы, принадлежавшіе гарнизонной артиллеріи и сложенные въ лощинѣ передъ бастіономъ № 7-го.

Не получая никакихъ свѣдѣній съ батареи № 10-го и не слыша ея выстрѣловъ, можно было думать, что она разрушена, что орудія ея сбиты и прислуга погибла. Затѣмъ можно было предположить, что непріятель, пользуясь успѣхомъ бомбардированія, займетъ эту батарею съ сухаго пути, и, придвинувъ ближе свой флотъ къ городу, станетъ бомбардировать его съ большимъ успѣхомъ. Это послѣднее обстоятельство заставило поставить у воротъ оборонительной стѣнки, между 6-мъ и 7-мъ бастіонами, два баталіона пѣхоты, чтобы выбить непріятеля, въ случаѣ, если бы онъ вздумалъ занять батарею № 10-го съ сухаго пути. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вице-адмиралъ Нахимовъ, все время слѣдившій за дѣйствіемъ непріятельскаго флота и желавшій получить свѣдѣніе о положеніи этой батареи, призналъ необходимымъ вызвать охотниковъ, которые, съ храбрымъ лейтенантомъ Троицкимъ, подъ тысячами непріятельскихъ снарядовъ, пробрались на батарею и къ удивленію своему увидѣли, что она не только не уничтожена, но понесла сравнительно ничтожныя поврежденія и потери и ведетъ съ непріятелемъ самый оживленный огонь.

Болѣе часа продолжалась самая усиленная борьба огромнаго флота съ нашими приморскими батареями, но ощутительнаго перевѣса не было ни на той, ни на другой сторонѣ. Но вотъ одна изъ нашихъ бомбъ упала на первый вступившій въ дѣло корабль „Шарлемань“, и, пройдя всѣ его деки, разорвалась въ машинѣ. Получивши столь значительное поврежденіе и потерю въ людяхъ, „Шарлемань“ принужденъ былъ выйти

изъ общаго строя. Выстрѣлы его прекратились, снаряды съ той стороны, гдѣ стоялъ онъ, перестали летѣть на батарею, но куда ушелъ корабль, за густотою дыма, не было видно. Вскорѣ послѣ того, оставилъ свою боевую позицію корабль „Наполеонъ“, получившій опасную подводную пробоину, а за нимъ корабль „Парижъ“. Послѣдній получилъ 50 пробоинъ, изъ коихъ три въ подводную часть, около 100 снарядовъ попало въ его оснастку, произведено было нѣсколько пожаровъ, и наконецъ разрывомъ одной изъ бомбъ снесенъ былъ ютъ, убитъ адъютантъ адмирала Гамелена и ранено нѣсколько офицеровъ, окружавшихъ адмирала. Съ выходомъ корабля „Парижъ“ боевая позиція атакующихъ судовъ совершенно разстроилась тѣмъ болѣе, что получившія поврежденія суда выходили изъ линіи и уже болѣе не возвращались въ нее.

Въ то время, когда французская эскадра значительно уже потерпѣла отъ огня нашихъ батарей, англичане все еще боролись съ береговыми укрѣпленіями сѣверной стороны. Подходя отъ устья р. Качи къ нашимъ сѣвернымъ укрѣпленіямъ, англійскій флотъ посылалъ изъ носовыхъ орудій пробные выстрѣлы, на которые Константиновская батарея отвѣчала калеными ядрами. Ядра эти не достигали цѣли и пропадали безполезно. Причиною тому было возбужденное состояніе и неопытность орудійной прислуги, состоявшей не изъ артиллеристовъ или моряковъ, а изъ нижнихъ чиновъ Минскаго резервнаго батальона. Люди эти едва только поступили на службу, не имѣли никакой опытности, какъ говорится, не нюхали пороху, а между тѣмъ, по недостатку не только офицеровъ, но и фейерверкеровъ, предоставлены были самимъ себѣ. Вслѣдствіе этого небольшое число каленыхъ ядеръ, которое удалось заготовить заранѣе, было выпущено въ самомъ началѣ и безъ всякой пользы. Калить ядра вновь было невозможно, потому, во-первыхъ, что въ самомъ началѣ бомбардированія непріятельскіе снаряды разрушили кирпичныя трубы ядрокалительныхъ печей, а во-вторыхъ, самый процессъ накаливанія ядеръ такъ продолжителенъ, что ихъ можно бы было получить только къ концу бомбардированія, какъ это и было на Волоховой башнѣ.

Между тѣмъ англійскія суда, дѣйствовавшія по Константиновской батареѣ, становились не противъ ея праваго фаса, а нѣсколько въ косвенномъ направленіи, такъ что орудія двухъ казематированныхъ ярусовъ оставались въ бездѣйствіи, а могли отвѣчать только орудія

верхняго открытаго яруса праваго фаса и 3 орудія офицерскаго флигеля. Подъ прикрытіемъ густаго пороховаго дыма одинъ изъ непріятельскихъ кораблей подошелъ къ самому берегу, противъ батареи Карташевскаго и, ставъ на продолженіи фаса Константиновской батареи, въ разстояніи ближайшаго картечнаго выстрѣла, открылъ по ней самый усиленный огонь. Маневръ этого корабля былъ какъ нельзя болѣе удаченъ,—онъ занялъ почти мертвое пространство. Ни батарея Карташевскаго, ни сосѣдняя съ нею башня Волохова не могли по немъ дѣйствовать потому, что обѣ батареи, расположенныя на возвышенности, не могли дать орудіямъ необходимый для того уголъ наклоненія. Находясь почти внѣ всякой опасности, корабль громилъ залпами Константиновскую батарею. Послѣ первыхъ выстрѣловъ фланговая стѣнка этой батареи была уже разбита и всѣ орудія верхняго открытаго этажа были подбиты или, какъ говорится, „счищены". Дальнѣйшіе выстрѣлы этого корабля могли бы нанести огромное разрушеніе, если бы изъ Михайловской батареи не замѣтили его, несмотря на густоту дыма. Батарея эта тотчасъ же открыла по немъ огонь, и такъ какъ сама не была въ сферѣ непріятельскихъ выстрѣловъ и имѣла орудійную прислугу отъ флота, то и могла производить самую правильную стрѣльбу. Выстрѣлы этой батареи были настолько дѣйствительны, что корабль принужденъ былъ удалиться въ самомъ непродолжительномъ времени [1]). Съ уходомъ его положеніе Константиновской батареи улучшилось немного. Одна изъ бомбъ, пущенная съ парохода, дѣйствовавшаго въ тылъ Константиновской батареѣ, взорвала поставленные на дворѣ три зарядныхъ ящика. Взрывъ этотъ произвелъ большое опустошеніе. Одна изъ внутреннихъ стѣнъ каземата совершенно обвалилась, и всѣ орудія верхней платформы были повреждены и опрокинуты. Чтобы докончить пораженіе этой батареи, корабль „Агамемнонъ" обошелъ англійскую эскадру и, пройдя мимо фланга французской, смѣло вышелъ впередъ и, ставши на серединѣ Севастопольскаго рейда, открылъ огонь обоими бортами: однимъ, по Константиновской батареѣ, а другимъ—по батареѣ № 10-го. Около четверти часа онъ поддерживалъ непрерывный огонь, но, получивъ

---

[1]) Константиновская батарея въ минувшую войну. Матер., вып. III, 427—430.

весьма опасныя поврежденія и понесши значительную потерю въ людяхъ, принужденъ былъ отступить и скрылся въ дымномъ пространствѣ [1]).

Было уже три часа по полудни, а Севастополь все еще стоналъ подъ огнемъ непріятельскихъ батарей. Въ городѣ было нѣсколько пожаровъ, которые успѣли впрочемъ потушить, а на оборонительной линіи укрѣпленій произведены значительныя поврежденія. Башня Малахова кургана обратилась въ развалины; бастіонъ № 3-го потерялъ треть своего вооруженія, передъ уцѣлѣвшими его орудіями почти всѣ амбразуры были разрушены. Потеря въ людяхъ была такъ значительна, что прислуга при орудіяхъ смѣнялась два раза, но и вторая смѣна не досчитывала уже многихъ товарищей. Комендоры выбывали одинъ за другимъ и, пока вступали новые, офицеры замѣняли ихъ, наводя орудія. Командиръ бастіона, капитанъ 2-го ранга Попандопуло, былъ раненъ осколкомъ бомбы. Перевязавъ наскоро рану, онъ оставался на мѣстѣ. Спустя нѣсколько времени послѣ того былъ смертельно раненъ сынъ его, находившійся на одной изъ батарей того же бастіона.

— Скоро увидимся,—сказалъ старый капитанъ,—подойдя къ сыну, чтобы благословить его.

Попандопуло поцѣловалъ сына и приказалъ отнести его на перевязочный пунктъ.

— Дружнѣй, ребята!—крикнулъ онъ потомъ, обращаясь къ прислугѣ.—Умремъ со славой за родной Севастополь.

Одушевленная прислуга удвоила свои усилія,—но въ слѣдъ затѣмъ Попандопуло былъ вторично раненъ и отнесенъ въ госпиталь. Слова храбраго моряка сбылись: онъ увидѣлъ сына, помѣщенъ былъ рядомъ съ нимъ и имѣлъ послѣднее утѣшеніе своими руками закрыть ему глаза на вѣки [2]).

Послѣ Попандопуло бастіонъ поступилъ въ командованіе капитанъ-лейтенанта Евгенія Лесли, офицера любимаго во флотѣ и весьма храбраго. Онъ дѣятельно распоряжался на бастіонѣ и съ успѣхомъ отбивался отъ англійскихъ батарей, засыпавшихъ 4-й и 3-й бастіоны своими снарядами.

---

[1]) П. Бабенчиковъ. Атака Севастополя и проч. Матер., вып. III, 402—405.
[2]) Записки Духонина (рукоп.)

Особенно много вредили намъ англійскія батареи, расположенныя па Зеленой горѣ. Онѣ били четвертый и третій бастіоны съ фронта и тыла и, поражая все пространство между морскимъ госпиталемъ и Доковымъ оврагомъ, дѣлали сообщеніе съ третьимъ бастіономъ весьма опаснымъ [1]). Защитники однако же не унывали. Несмотря на все превосходство непріятельскаго огня, они сдѣлали все, чтобы поддерживать непрерывные выстрѣлы.

На бастіонѣ № 3-го,—доносилъ кн. Меншиковъ [2]),—три раза орудійная прислуга была замѣняема, а между тѣмъ люди, съ весельемъ и пѣснями, соперничая другъ передъ другомъ, исполняли свое дѣло". Руководимые примѣромъ такихъ офицеровъ, какъ Ергомышевъ, Лесли, Рачинскій и другіе, нижніе чины исправляли поврежденія, расчищали амбразуры и быстро замѣняли убитыхъ и раненыхъ [3]). Они употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы не дать восторжествовать врагу, какъ вдругъ, около трехъ съ половиною часовъ по полудни, непріятельская бомба пробила пороховой погребъ и страшный взрывъ поднялъ на воздухъ часть третьяго бастіона.

Огромный столбъ чернаго дыма, смѣшанный съ землею, снарядами, бревнами и людьми, разорванными на части, высоко поднялся вверхъ и затѣмъ чугуннымъ дождемъ спустился на тѣхъ же защитниковъ. Картечныя пули, разорвавъ жестянки и разлетѣвшись въ стороны, съ высоты падали въ траншеи, нанося ушибы и увѣчья занимавшимъ ихъ солдатамъ. „Камушки, комочки, куски чего-то, пыль разнаго цвѣта, какъ будто шерсть въ хлопьяхъ, медленно опускались и ложились на землю тонкимъ слоемъ [4]).

Взрывъ пороховаго погреба нанесъ страшное разрушеніе и свалилъ въ ровъ весь исходящій уголъ бастіона, вмѣстѣ съ орудіями и находившеюся при нихъ прислугою. Бастіонъ буквально обратился въ груду земли; изъ числа 22-хъ орудій осталось неподбитыми только два, но и при нихъ было лишь пять человѣкъ прислуги. Всѣ почти

---

[1]) Тотлебенъ. «Оборона Севастополя», стр. 310.

[2]) Отъ 6-го октября. Арх. канц. воен. минис., по снаряж. войск., дѣло № 110.

[3]) Жандръ. Матеріалы для исторіи оборона Севастополя, стр. 301.

[4]) Бейтнеръ. записки, Сборникъ рукописей, т. III.

офицеры выбыли изъ строя: начальникъ артиллеріи 3-го отдѣленія оборонительной линіи капитанъ 1-го ранга Ергомышевъ упалъ замертво, контуженный въ голову; начальникъ бастіона капитанъ лейтенантъ Лесли, разорванный на части, первое время пропалъ безслѣдно, но потомъ спустя нѣсколько дней послѣ бомбардированія нашли его за валомъ укрѣпленія засыпаннымъ землею. До ста человѣкъ нижнихъ чиновъ погибло въ этомъ взрывѣ. Обезображенные и обгорѣлые трупы ихъ валялись во рву и между орудіями: тамъ груда рукъ, тутъ однѣ головы безъ туловища, а вдали, среди грохота выстрѣловъ, слышались крики торжествующаго непріятеля. Бастіонъ представлялъ картину полнаго разрушенія, и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ не могъ производить выстрѣловъ. Послѣ этого, казалось, исчезла уже, „всякая возможность противодѣйствовать непріятельской артиллеріи: оборона на этомъ пунктѣ была совершенно уничтожена, и на Корабельной сторонѣ ожидали, что непріятель, пользуясь достигнутымъ имъ результатомъ, немедленно пойдетъ на штурмъ“.

Торжествующій врагъ не воспользовался этимъ удобнымъ моментомъ, а защитники, не падая духомъ, принимали всѣ мѣры къ возстановленію огня. Офицеры стоявшаго вблизи 41-го флотскаго экипажа бросились со своими матросами на помощь третьему бастіону. Они пополнили прислугу, одушевили своимъ прибытіемъ уцѣлѣвшихъ защитниковъ, сами всходили на брустверъ, помогали исправлять поврежденія, и скоро выстрѣлы загремѣли ожесточеннѣе прежняго. Чтобы сколько-нибудь отвлечь вниманіе непріятеля отъ бастіона № 3-го, сосѣдняя съ нимъ батарея Будищева съ громкими криками „ура!“ открыла самый частый огонь, наносившій жестокій вредъ англичанамъ.

Для пополненія же на третьемъ бастіонѣ выбывшей, послѣ взрыва, орудійной прислуги было тотчасъ же свезено 75-ть человѣкъ нижнихъ чиновъ съ корабля „Ягудіилъ“ и назначена команда изъ охотниковъ, для подноски зарядовъ съ Госпитальной пристани. Подноска эта была сопряжена съ огромною опасностью; приходилось идти подъ самымъ сильнымъ огнемъ непріятеля, и многіе изъ охотниковъ были убиты или англійскими снарядами, или отъ взрыва собственныхъ подносимыхъ ими зарядовъ. Чтобы судить о томъ положеніи, въ которомъ находился третій бастіонъ, достаточно сказать, что изъ числа отправленныхъ на него 75 человѣкъ нижнихъ чиновъ, съ корабля „Ягудіилъ, на слѣдующій день возвратилось только 25 человѣкъ, а остальные были или убиты или

ранены. На Малаховомъ курганѣ, около четырехъ часовъ по полудни, взлетѣлъ на воздухъ зарядный ящикъ, не причинившій впрочемъ значительнаго вреда. Не обращая вниманія на взрывъ, защитники продолжали вести здѣсь самую ожесточенную стрѣльбу, ободряемые примѣромъ офицеровъ и пастыремъ церкви. Посреди ядеръ и бомбъ расхаживалъ по кургану священникъ въ епитрахилѣ, съ крестомъ въ рукахъ, и благословлялъ прислугу. Болѣе двухъ часовъ достойный пастырь не оставлялъ мѣста боя и не выходилъ изъ огня. Одушевляемые его примѣромъ, матросы удвоили усилія, и скоро бомба съ Малахова кургана взорвала пороховой погребъ на той англійской батареѣ, на которой развѣвался англійскій флагъ. Взрывъ этотъ былъ такъ губителенъ, что все остальное время англичане могли стрѣлять только изъ двухъ орудій.

Отличное дѣйствіе нашей артиллеріи заставило союзниковъ прекратить бомбардированіе города. Выстрѣлы ихъ становились все рѣже и рѣже, а потомъ и совсѣмъ смолкли.

Около шести часовъ по полудни и союзный флотъ, выпустившій болѣе 50.000 снарядовъ, прекратилъ стрѣльбу по береговымъ батареямъ и отошелъ на прежнее свое мѣсто, къ р. Качѣ. Проходя мимо Константиновской батареи, корабли французской эскадры дѣлали залпъ, какъ бы въ послѣдній привѣтъ, послѣ котораго во все время осады союзный флотъ, оставаясь празднымъ зрителемъ борьбы, не принималъ уже участія въ бою и не пробовалъ состязаться съ нашими береговыми батареями.

Причиною тому было, конечно, неудачное дѣйствіе его въ день перваго бомбардированія Севастополя.

Какъ французы, такъ и англичане не могли не сознать ту ничтожность вреда, который они нанесли береговымъ батареямъ, сравнительно съ матеріальными расходами, съ тою потерею и тѣми поврежденіями, которыя получили сами.

„Нельзя не удивляться,—писалъ покойный императоръ [1]),—малому поврежденію укрѣпленій подъ симъ адскимъ огнемъ и даже малой нашей, въ сравненіи, потерѣ—Богъ милосердъ!“

Вся наша потеря на приморскихъ фортахъ простиралась до 138 че-

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ кн. Горчакову отъ 12-го октября.

ловѣкъ [1]), тогда какъ на двухъ только эскадрахъ, французской и англійской, выбыли изъ строя 526 человѣкъ [2]). Поврежденія, нанесенныя нашимъ укрѣпленіямъ, оказались также весьма ничтожными и состояли изъ 28 подбитыхъ орудій, 11-ти поврежденныхъ лафетовъ и 10-ти испорченныхъ амбразуръ [3]). Батарея № 10-го, за которую, по донесенію кн. Меншикова, болѣе всего должно было опасаться, потерпѣла весьма мало, что крайне удивило и вице-адмирала Нахимова, все время слѣдившаго за дѣйствіемъ непріятельскаго флота. На слѣдующій день, 6-го октября, онъ пріѣхалъ на батарею и, осмотрѣвъ ее, приказалъ собрать къ себѣ артиллеристовъ, чтобы высказать имъ свою благодарность.

— Вы защищались, какъ герои,—сказалъ онъ съ свойственною ему простотою и энергіею,—вами гордится, вамъ завидуетъ Севастополь. Благодарю васъ. Если мы будемъ дѣйствовать такимъ образомъ, то непремѣнно побѣдимъ непріятеля. Благодарю, отъ всей души благодарю васъ.

„Ура!“ и „рады стараться“ были отвѣтомъ доблестному адмиралу.

„Чисто непонятно мнѣ,—писалъ покойный императоръ въ собственноручномъ рескриптѣ князю Меншикову [4]),—какъ батарея № 10-го могла уцѣлѣть. Думаю, что командиръ ея заслужилъ Георгія 4 ст. Вели собрать при досугѣ Думу и опредѣли, кому справедливо дать; прислугѣ этой батареи дай по три рубля на человѣка, а прочимъ всѣмъ, въ дѣлѣ быв-

---

[1]) На батареѣ № 10-го было 8 убитыхъ, 22 раненыхъ и 5 контуженныхъ—итого 35 человѣкъ. На Александровской батареѣ: 3 убитыхъ, 17 раненыхъ и 5 контуженныхъ—итого 25 человѣкъ. На Константиновской батареѣ: 5 убитыхъ, 45 раненыхъ, 5 контуженныхъ,—итого 55 человѣкъ. На Волоховой башнѣ ранено 23 человѣка, а на батареѣ Карташевскаго не было вовсе ни поврежденій, ни убыли въ людяхъ.

[2]) По донесенію адмирала Гамелена, потеря французовъ была 31 человѣкъ убитыхъ и 185 раненыхъ. Дундасъ опредѣлилъ свою потерю въ 44 человѣка убитыхъ и 266 раненыхъ. Потеря же турокъ неизвѣстна. Впослѣдствіи Ніель въ своемъ сочиненіи показалъ потерю французовъ въ 30 человѣкъ убитыхъ и 180 раненыхъ.

[3]) На батареѣ № 10-го подбито 3 орудія и повреждено семь лафетовъ; на Александровской—3 орудія и 3 лафета; на Волоховой башнѣ—одинъ лафетъ и на Константиновской 22 орудія.

[4]) Отъ 11-го октября 1854 г. Арх. канц. воен. минис., дѣло № 102.

*

шимъ,—по 2 руб. Да сверхъ тобой данныхъ крестовъ нижнимъ чинамъ, дай еще отъ меня по пяти на батарею".

Самыя большія поврежденія были нанесены Константиновской батареѣ, въ которой обвалилась, отъ взрыва, часть угла наружной стѣны, и многія орудія, стоявшія на открытой ея платформѣ, были подбиты.

Поражаемая фронтальнымъ, продольнымъ и тыльнымъ огнемъ, вся, лицевая стѣна этой батареи была испещрена выбоинами, которыхъ насчитывалось въ разныхъ мѣстахъ до 920, но за то не было ни одной сквозной пробоины.

Эти поврежденія и потери, конечно, были ничтожны въ сравненіи съ тѣми громадными средствами, которыми владѣли союзники, и съ тѣми значительными потерями, которыя они понесли сами. Почти на всѣхъ судахъ французской эскадры, отъ дѣйствія нашихъ выстрѣловъ, происходили пожары; у многихъ были перебиты снасти, а корабли „Парижъ", „Шарлемань" и „Наполеонъ", какъ мы видѣли, понесли весьма серьезныя поврежденія, заставившія ихъ выйти изъ боевой линіи. Англичане потерпѣли еще болѣе. „Корабли, мачты, реи и все вооруженіе, болѣе или менѣе, пострадали", доносилъ Дундасъ. На нѣкоторыхъ корабляхъ, какъ на прим. „Аретуза" и „Альбіонъ", поврежденія были такъ значительны, что, для исправленія ихъ, принуждены были отправить оба корабля въ Константинополь. Словомъ сказать, атака союзнымъ флотомъ нашихъ приморскихъ фортовъ, по выраженію англійскаго историка Кинглэка, разсѣяла иллюзію о всесокрушающемъ дѣйствіи союзнаго флота на Севастопольскіе форты и укрѣпила мысль о неприступности Севастополя со стороны моря.

Гдѣ же причина подобнаго неуспѣха?—ее слѣдуетъ искать въ громадности средствъ союзниковъ и въ ихъ самоувѣренности или самообольщеніи. Небывалая цифра числа орудій, предназначенныхъ для одновременнаго дѣйствія, съ еще болѣе небывалымъ числомъ зарядовъ, внушали англо-французамъ увѣренность въ непремѣнной побѣдѣ и совершенномъ уничтоженіи нашихъ батарей. Подъ вліяніемъ этой увѣренности, готовясь къ бомбардированію, они положили себѣ правиломъ, не подвергаясь большой опасности, стараться нанести наибольшій вредъ—правило чрезвычайно разумное въ военномъ дѣлѣ, но на этотъ разъ не вполнѣ точно исполненное. Надѣясь на свою колоссальную силу, союзники признали

возможнымъ стать на такомъ разстояніи отъ батарей, на которомъ ихъ гладкоствольныя орудія могли дать только до 20% дѣйствительныхъ выстрѣловъ. Недостатокъ дѣйствительности они разсчитывали пополнить громадностью числа выпущенныхъ снарядовъ, сравнительно съ тѣмъ числомъ, которое могли выпустить наши сухопутныя батареи.

Та же громадность средствъ, повидимому, дозволяла имъ не ограничиваться однимъ сбитіемъ орудій береговыхъ батарей, а одновременно съ этимъ преслѣдовать и другую цѣль: срыть бруствера, поражать внутренность батарей и пространство за ними, съ тѣмъ чтобы прервать всякое сообщеніе между укрѣпленіями и уничтожить возможность, въ случаѣ атаки, поддержать ихъ войсками, высланными изъ города.

Сообразно съ этою цѣлью, нижніе деки кораблей, какъ наиболѣе сильные по вооруженію, назначены были для срытія брустверовъ, средніе деки—для демонтированія орудій, а верхніе—для пораженія внутренности батарей и позади лежащей мѣстности.

Троякая цѣль эта не была достигнута.

„Снаряды съ нижняго дека кораблей,—пишетъ свидѣтель этого боя [1])—попадали не въ бруствера, а гораздо ниже, въ скалистый берегъ, и, отражаясь отъ него, падали въ море, обдавая насъ только брызгами морской воды. Снаряды среднихъ дековъ, направленные по орудіямъ на батареяхъ, проносились нѣсколько выше надъ нами и падали внутри батареи, далеко за орудіями, или пролетали за батарею. Мы собрали потомъ внутри батареи № 10-го—2.700 ядеръ и неразорванныхъ непріятельскихъ бомбъ, кромѣ громаднаго числа осколковъ отъ разорвавшихся снарядовъ. Наконецъ, съ третьяго, или верхняго дека непріятельскихъ кораблей, снаряды, направленные очень высоко, ложились на мѣстности за батареями № 10-го и Александровскою и долетали рикошетами на батареи № 7-го и № 8-го и къ оборонительной стѣнкѣ между ними и бастіономъ № 6-го, буквально устилая чугуномъ всю эту мѣстность. Только случайные выстрѣлы, составлявшіе лишь рѣдкое исключеніе, попадали удачно, поражая орудія, лафеты и прислугу“.

По сознанію самихъ союзниковъ и ихъ многочисленныхъ корреспондентовъ, приступая къ морскому бомбардированію, англо-французы на-

---

[1]) П. Бабенчиковъ. Атака Севастополя и проч. Матер., вып. III, 394.

дѣялись на многое, но ничего не достигли, тогда какъ защитники Севастополя, не загадывая впередъ, желали только возможнаго. Въ бою весьма часто самые точные математическіе разсчеты не оправдываются; многія предположенія и надежды не осуществляются. Нѣтъ сомнѣнія, что въ сраженіи можно иногда пускаться на авось, но въ этихъ случайностяхъ должна господствовать осторожность, отсутствіе самоувѣренности, и самое мелочное, повидимому, обстоятельство не должно быть упускаемо изъ вида. Этому правилу не слѣдовали союзники, и англичане ѣдко подсмѣивались надъ дѣйствіемъ своего флота. День 5-го октября они называли только *блистательною попыткою къ нападенію*; писали, что *дымъ* составлялъ отличительную черту бомбардированія, и сознавались, что надъ русскими войсками не такъ легко торжествовать, какъ воображали ихъ ораторы въ кофейняхъ.

„Флотъ нашъ занятъ теперь,—говорилъ одинъ изъ англійскихъ корреспондентовъ,—изглаживаніемъ *сувенировъ*, ядеръ и бомбъ, соображеніемъ новой и лучшей атаки и разсказами о дѣлахъ разныхъ судовъ, участвовавшихъ въ послѣднемъ дѣлѣ“.

Атака флота, по предположеніямъ союзныхъ главнокомандующихъ, должна была служить не только подспорьемъ сухопутнымъ батареямъ, но довершить наше разстройство и дать возможность штурмовать Севастополь.

Открывая бомбардированіе съ сухопутныхъ батарей, англо-французы и тутъ имѣли всѣ преимущества на своей сторонѣ. Калибры ихъ орудій превышали наши, такъ что за одинъ залпъ они могли выбросить количество чугуна на 12% болѣе, чѣмъ наши орудія; они дѣйствовали изъ 120 орудій, тогда какъ изъ отвѣчавшихъ имъ 118 нашихъ орудій нѣкоторыя, „по своему калибру и досяганію, имѣли прямымъ назначеніемъ обстрѣливаніе ближайшей мѣстности, а не состязаніе съ отдаленными отъ нихъ осадными батареями, и потому дѣйствіе ихъ по этимъ батареямъ могло быть только весьма слабое“. Къ тому же батареи непріятеля были расположены на высотахъ, командовавшихъ окружающею мѣстностью, дозволявшею видѣть и поражать не только все пространство позади нашихъ укрѣпленій, но и войска, которыя по необходимости, въ ожиданіи штурма, не могли быть значительно удалены отъ укрѣпленій и потому невольно несли потери, не принимая непосредственнаго участія въ дѣлѣ.

Этимъ объясняется, почему наша потеря значительно превышала потерю союзниковъ. Въ день перваго бомбардированія у насъ выбыло изъ строя 1.102 человѣка, тогда какъ союзники потеряли только 348 человѣкъ. Но и эта потеря „могла бы быть почитаема“—писалъ кн. Меншиковъ генералу Анненкову,—незначительною, если бы въ числѣ смертельно раненыхъ не было генералъ-адъютанта Корнилова [1])“.

Несмотря на всѣ преимущества мѣстности и перевѣсъ въ артиллеріи, послѣдствія бомбардированія не оправдали ожиданія союзниковъ. Французскія батареи, по дурному ихъ расположенію, были весьма скоро сбиты, а англичане хотя и одержали полное превосходство, но не съумѣли имъ воспользоваться. Вмѣсто того, чтобы, подъ прикрытіемъ пороховаго дыма, штурмовать 3-й бастіонъ, они оставались праздными зрителями того, какъ онъ исправлялъ свои поврежденія. Послѣ взрыва, третій бастіонъ не могъ оказать никакого сопротивленія: ровъ его былъ совершенно заваленъ, брустверъ срытъ, такъ что на мѣстѣ укрѣпленія образовался промежутокъ, лишенный всякой обороны и защищаемый, при самыхъ выгодныхъ условіяхъ, только 8.000 человѣкъ со всѣми резервами. Нерѣшимость союзниковъ идти на приступъ можно объяснить только неутомимымъ дѣйствіемъ нашей артиллеріи. Безпрерывный огонь, поддерживаемый моряками, привыкшими къ стрѣльбѣ залпами, устранялъ среди союзниковъ мысль о критическомъ положеніи третьяго бастіона, тѣмъ болѣе, что, по причинѣ пороховаго дыма, они не могли ясно видѣть, что происходило въ нашихъ укрѣпленіяхъ, не прекращавшихъ своихъ выстрѣловъ до послѣдней минуты взаимнаго состязанія.

Такъ кончился этотъ день, называемый днемъ *перваго бомбардированія Севастополя*. Онъ кончился полнымъ торжествомъ для русской арміи.

„Слава Богу,—писалъ императоръ [2]),—слава героямъ, защитникамъ Севастополя! Первое покушеніе отбито со славой, будемъ надѣяться на милость Божію и впредь!“

---

[1]) Арх. Глав. штаба, связка № 251 дѣло, № 3.

[2]) По полученіи донесенія объ исходѣ бомбардированія въ собственноручномъ письмѣ отъ 11-го октября. Арх. канц. воен. минис., дѣло № 102.

„Благодари всѣхъ и каждаго за то, что мое довѣріе оправдываютъ. Мнѣ ли не знать, что могутъ наши молодцы, сухопутные и морскіе соперники въ вѣрности долгу, въ христіанской храбрости и въ геройствѣ! Такъ искони было, такъ и будетъ! Передай мои слова съ моей благодарностью, могу сказать отцовскою, потому что ихъ всѣхъ люблю, какъ дорогихъ родныхъ дѣтей“.

Торжество защитниковъ было полное, тѣмъ болѣе, что наши противники сами сознавались въ своемъ нравственномъ пораженіи.

— Кто изъ насъ,—говорили англичане,—безъ тяжести на сердцѣ видѣлъ приближеніе вечера этого дня! Мы остались на мели, и намъ предстояла продолжительная, ужасная борьба. Мы безразсудно сочли слабыми средства непріятеля и дали ему возможность развить свои силы. Случайный взрывъ на русской батареѣ, или вѣрный выстрѣлъ съ нашей стороны могутъ на минуту еще возбудить энтузіазмъ въ нашихъ солдатахъ, но для всякаго благоразумнаго человѣка слишкомъ ясно, что мы не приготовясь пустились на исполинское предпріятіе [1]).

Несмотря на успѣхъ нашей артиллеріи, день 5-го октября дорого стоилъ русской арміи. Самая чувствительная потеря для Севастополя, его гарнизона и всей Россіи заключалась въ смерти Корнилова.

„Славная смерть нашего любезнаго, почтеннаго Корнилова,—говорилъ императоръ [2]),—меня глубоко огорчила; миръ праху его! Вели положить рядомъ съ незабвеннымъ Лазаревымъ. Когда доживемъ до спокойныхъ временъ, поставимъ памятникъ на мѣстѣ, гдѣ убитъ; и бастіонъ называть по немъ“.

„Ты уже вѣроятно знаешь, любезный Горчаковъ,—писалъ императоръ [3]) на слѣдующій день въ другомъ письмѣ,—про начатіе бомбардировки Севастополя и что первое сіе покушеніе, несмотря на свою огромность, благодаря Бога, благополучно выдержано славнымъ гарнизономъ и даже безъ большой потери, ежели-бъ, къ несчастію, оно не стоило намъ дорогаго и почтеннаго генералъ-адъютанта Корнилова, падшаго смертью храбрыхъ. Потеря эта невыразимо тяжела мнѣ, ибо на немъ покоилась моя надежда, не только въ

---

[1]) Матеріалы, вып. IV, 251.

[2]) Кн. Меншикову въ собственноручномъ письмѣ отъ 11-го октября.

[3]) Въ письмѣ отъ 12-го октября.

нынѣшнемъ, но и для будущаго устройства Черноморскаго флота, по его рѣдкимъ достоинствамъ. Но буди воля Божія! Теперь вся надежда на духъ войскъ"...

Многочисленная семья защитниковъ, въ своихъ запискахъ, воспоминаніяхъ и словесныхъ отзывахъ, единогласно утверждаютъ, что это былъ единственный человѣкъ, „который могъ бы дать совершенно иной ходъ крымскимъ событіямъ: такъ много выказалъ онъ въ эти немногіе дни ума, способностей, энергіи и вліянія на своеобразнаго кн. Меншикова" [1]. Корнилову обязанъ Севастополь своимъ спасеніемъ и тѣмъ направленіемъ, которое онъ далъ знаменитой защитѣ городѣ. Къ порядкамъ, заведеннымъ Владиміромъ Алексѣевичемъ, долгое время какъ бы боялись прикоснуться, и если дѣлали измѣненія въ установленныхъ имъ правилахъ, то незначительныя, не трогая основныхъ. Представляя собою власть единую, твердую и разумную, Корниловъ не допускалъ вкореняться безпорядкамъ, интригамъ, борьбѣ за власть и вліяніе, имѣвшія мѣсто вскорѣ послѣ его кончины. „Въ смерти Корнилова,—пишетъ одинъ изъ участниковъ обороны,—было первое указаніе, что насъ преслѣдуетъ злой рокъ. Послѣ него у насъ не осталось ни одного человѣка въ уровень съ событіями того времени"...

Со смертью Корнилова оборона города была возложена на вице-адмирала Станюковича. Командующимъ же войсками въ Севастополѣ оставленъ по-прежнему генералъ Моллеръ, начальникомъ штаба къ которому назначенъ былъ, присланный изъ Петербурга, генеральнаго штаба полковникъ Поповъ.

Вечерѣло.—Французскія батареи сохраняли глубокое молчаніе; союзный флотъ отошелъ на мѣста якорной стоянки: одна часть къ устью рѣки Качи, а другая въ Камышевую бухту. Только одни англичане изрѣдка пострѣливали. Высоко подымавшіяся бомбы ихъ, съ горящими трубками, издали казались вертящимися звѣздами, но и тѣ, съ наступленіемъ ночи, прекратили свой полетъ. Мало-по-малу гулъ выстрѣловъ умолкъ, пороховой дымъ разсѣялся, и наступила всеобщая тишина. Нѣкоторые изъ нижнихъ чиновъ, утомленные продолжительнымъ боемъ, бросились въ изнеможеніи на землю, тутъ же въ нѣ-

[1]) Милошевичъ. Замѣтки о славной эпохѣ Севастополя (рукоп.)

сколькихъ шагахъ отъ орудій, чтобы перевести духъ и отдохнуть хотя нѣсколько минутъ. Другіе, еще не выбившіеся изъ силъ, пошли утолять голодъ и жажду, потому что съ самаго утра никто не бралъ въ ротъ ни куска хлѣба, ни капли воды. Подкрѣпивъ себя пищею, матросы и солдаты, съ чувствомъ довольства и гордости, вспоминали о небываломъ въ ихъ жизни днѣ, который казался всѣмъ страшнымъ тяжелымъ сномъ.

„Страшенъ сонъ,—говоритъ русскій человѣкъ—да милостивъ Богъ". И дѣйствительно, послѣ столь горячаго боя, взрывовъ, шума ядеръ, гранатъ, ракетъ и рева тысячи пушекъ, поразителенъ былъ переходъ отъ всеобщаго шума и жара къ тихой и довольно прохладной ночи.

Не отдыхъ и спокойствіе принесла она защитникамъ, а напротивъ того призывала ихъ къ величайшей дѣятельности,—къ исправленію всѣхъ поврежденій, къ замѣнѣ подбитыхъ орудій и къ пополненію израсходованныхъ снарядовъ. Малочисленному гарнизону приходилось, въ одну ночь, исправить все, что̀ разрушали сотни тысячъ снарядовъ въ теченіе цѣлаго дня. Единодушное желаніе удивить врага и разстроить его разсчеты сдѣлали то, что въ теченіе ночи гарнизонъ уничтожилъ всѣ слѣды разрушенія и на слѣдующее утро, передъ глазами изумленнаго непріятеля, наши батареи явились сильнѣе прежнихъ.

Получившіе значительныя поврежденія третій бастіонъ и Малаховъ курганъ (Корнилова бастіонъ) были исправлены и усилены. Всю ночь кипѣла на нихъ самая дѣятельная работа: заваленныя землею орудія отрывали, строили пороховые погребки, исправляли насыпь, очищали засыпанные рвы, насыпали взорванную часть 3-го бастіона, насыпали новые траверзы на 4-мъ бастіонѣ, въ обезпеченіе его отъ фланговаго огня, и ставили новыя орудія большаго калибра.

Для вооруженія ими батарей приходилось снимать ихъ съ кораблей, выгружать на пристань, тащить нѣсколько верстъ до оборонительной линіи и затѣмъ ставить на укрѣпленія. Только безпримѣрное усердіе и дѣятельность войскъ могли совершить въ одну ночь столь значительныя работы....

Самое раннее утро 6-го октября застало 3-й бастіонъ и Малаховъ курганъ совершенно готовыми опять бороться съ англійскими

батареями. Такая же точно дѣятельность кипѣла и по всей оборонительной линіи, гдѣ всѣ поврежденія были исправлены, перерѣзано, по указанію полковника Тотлебена, 42 амбразуры для того, чтобы дать другое положеніе орудіямъ, направленнымъ на вновь построенныя непріятелемъ батареи; наконецъ, большая часть орудій, стоявшихъ на нашихъ батареяхъ и бастіонахъ, были замѣнены другими, болѣе дальняго выстрѣла. Однимъ словомъ, къ утру слѣдующаго дня, мы готовы были по всей линіи отвѣчать непріятелю съ большею силою, чѣмъ наканунѣ.

„Крѣпость,—доносилъ кн. Меншиковъ [1]),—которая выдержала такую страшную бомбардировку и успѣла потомъ въ одну ночь исправить поврежденія и замѣнить всѣ подбитыя свои орудія—не можетъ, кажется, не внушить нѣкотораго сомнѣнія въ надеждѣ овладѣть этою крѣпостью дешево и скоро".

XVI.

Назначеніе кн. Меншикова главнокомандующимъ, со всѣми правами, этому званію присвоенными. — Направленіе подкрѣпленій.—Рескрипты императора князю Меншикову и князю Горчакову.—Отправленіе въ Крымъ великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей.—Бомбардированіе 6-го октября.—Рекогносцировка генерала Семякина.—Бомбардированіе 7-го октября.—Секреты.—Опасеніе за недостатокъ пороха.—Состояніе гарнизона и его заслуги.—Состояніе союзной арміи.—Предположенія кн. Меншикова о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ.—Рескриптъ императора.

Бомбардированіе Севастополя окончательно опредѣлило характеръ будущихъ дѣйствій противниковъ. Становилось яснымъ, что единственною цѣлью высадки англо-французовъ на берега Крыма было овладѣніе городомъ, точно такъ же, какъ все наше вниманіе должно было сосредоточиться на защитѣ его. Отъ болѣе или менѣе удачнаго рѣшенія этого вопроса зависѣла участь всей крымской кампаніи. Естественно, что обѣ стороны напрягали всѣ свои усилія къ

---

[1]) Отъ 6-го октября 1854 г. Арх. канц. воен. минис. по снаряженію войскъ, дѣло № 110.

тому, чтобы пріобрѣсти поверхность другъ надъ другомъ и, по возможности въ кратчайшее время, сосредоточить наибольшее число войскъ. Въ виду этого къ Севастополю стали стекаться боевыя силы враждующихъ и ихъ матеріальныя средства.

Для лучшаго направленія военныхъ дѣйствій, власть кн. Меншикова была значительно расширена, назначеніемъ его главнокомандующимъ крымскою арміею [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы предоставить главнокомандующему возможность заняться исключительно военными дѣйствіями, отстранить отъ него лишнія заботы по защитѣ другихъ пунктовъ и облегчить дѣятельность по снабженію арміи продовольствіемъ, боевыми припасами и проч.—весь театръ военныхъ дѣйствій былъ раздѣленъ на части, подчиненныя тремъ различнымъ лицамъ. Вся Херсонская и сѣверная часть Таврической губерніи, до Перекопскаго перешейка, подчинены главнокомандующему южною арміею, генералъ-адъютанту князю М. Д. Горчакову [2]); западная часть Крымскаго полуострова, отъ Перекопа до Ѳеодосіи и Арабата, и войска, въ этой части расположенныя, остались въ вѣдѣніи кн. Меншикова; охрана же восточной части полуострова и начальство надъ находящимися тамъ войсками поручены генералу-отъ-кавалеріи Хомутову.

На обязанность послѣдняго возложена оборона всего пространства, отъ Ѳеодосіи и Арабата до Керченскаго пролива, сѣверо-восточной части Черноморской береговой линіи и всей Черноморіи.

При совокупныхъ усиліяхъ и взаимной поддержкѣ, лица эти должны были стремиться къ одной общей цѣли,—къ успѣшному направленію военныхъ дѣйствій. „Его величество,—писалъ кн. Долгоруковъ [3]),—остается въ полной увѣренности, что ваше сіятельство будете содѣйствовать къ достиженію общей цѣли генералъ-адъютанту кн. Меншикову и наказному атаману Войска Донскаго, съ тою же готовностію, какую вы уже на опытѣ показали“.

Князю Горчакову не нужно было напоминать объ этомъ. Съ самоотверженіемъ истинно-русскаго человѣка онъ трудился давно

---

[1]) Указъ сенату 30-го сентября 1854 г.

[2]) Указъ сенату 26-го сентября 1854 г.

[3]) Князю М. Д. Горчакову 27-го сентября 1854 г. № 14, 426. Арх. глав. штаба, связка № 8, дѣло № 132.

надъ обезпеченіемъ крымской арміи всѣмъ необходимымъ. Какъ только кн. Михаилъ Дмитріевичъ получилъ первыя свѣдѣнія о бомбардированіи Севастополя и о значительной убыли артиллерійской прислуги на бастіонахъ и батареяхъ, онъ тотчасъ же отправилъ въ Севастополь на подводахъ 180 человѣкъ нижнихъ чиновъ Бендерской крѣпостной артиллеріи и двинулъ изъ Тирасполя въ Херсонъ половину лабораторной № 2-го роты [1]). Вслѣдъ за тѣмъ, онъ отправилъ въ Севастополь нѣсколькихъ лучшихъ инженерныхъ офицеровъ и передалъ въ распоряженіе кн. Меншикова 200.000 руб. сер., для удовлетворенія, какъ заявлялъ онъ оффиціально, главнѣйшихъ нуждъ войскъ, слѣдовавшихъ въ Крымъ. „Въ сущности же это только предлогъ,—писалъ онъ въ частномъ письмѣ [2]),—такъ какъ разъ войска вступили въ подвѣдомственный вамъ округъ, то и снабженіе ихъ должно быть на вашей обязанности, но я боюсь, что у васъ мало денегъ“.

Независимо отъ этого кн. Горчаковъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы нѣсколько тысячъ пудовъ пороху,—которые херсонскій складъ долженъ былъ отправить въ Бендеры,—были отправлены въ Севастополь; чтобы всѣ боевые припасы мѣстныхъ парковъ также поступили въ вѣдѣніе кн. Меншикова, и наконецъ, чтобы два госпиталя въ Вознесенскѣ и Новой-Одессѣ, на 1.200 челов., были совершенно очищены и предоставлены для больныхъ Крымской арміи; учрежденный же на 600 челов. больныхъ госпиталь въ Херсонѣ усиленъ и приказано содержать его впредь на 1.500 челов. больныхъ [3]). Сверхъ того главнокомандующій

---

[1]) Отношеніе кн. Горчакова кн. Меншикову отъ 10-го октября № 3404. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 3346. «Полагая,—писалъ кн. Горчаковъ во всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 11-го октября,—что полезно увеличить въ Севастополѣ число артиллеристовъ, которые болѣе всѣхъ подвержены артиллерійскому огню, я рѣшился на нѣсколько дней оголить Бендеры и послать оттуда 180 человѣкъ гарнизонныхъ артиллеристовъ въ Севастополь. Надѣюсь, что они поспѣютъ еще во-время. Людей этихъ я замѣню такимъ же числомъ изъ Кіева, а покуда Бендерская крѣпость обойдется и безъ артиллерійской прислуги».

[2]) Письмо кн. Горчакова кн. Меншикову отъ октября (вѣроятно 10-го), тамъ же, дѣло № 4253 ч. II.

[3]) Отношеніе кн. Горчакова кн. Меншикову отъ 28-го сентября, № 16719. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4285.

Южною арміею просилъ князя Александра Сергѣевича увѣдомить его, не признаетъ ли онъ полезнымъ усилить морской госпиталь въ Николаевѣ, или учредить въ этомъ городѣ новые временные госпитали. Въ послѣднемъ случаѣ, если тамъ нѣтъ госпитальныхъ запасовъ, принадлежащихъ морскому вѣдомству, кн. Горчаковъ обѣщалъ тотчасъ же выслать въ Николаевъ или госпитальныя вещи на 1.500 человѣкъ, или же направить туда, принадлежащіе Южной арміи, готовые, уже сформированные госпитали со всѣми чинами и прислугою [1]). Эта послѣдняя мѣра дала возможность открыть, впослѣдствіи, въ Николаевѣ два отдѣленія госпиталя: одно на 750, а другое на 250 человѣкъ больныхъ [2]).

Сознавая, что судьба кампаніи 1854 года должна рѣшиться въ Крыму, что для успѣшнаго окончанія военныхъ дѣйствій наполуостровѣ, усиленіе кн. Меншикова еще одною пѣхотною дивизіею, кромѣ 12-ой, будетъ недостаточно, князь Горчаковъ рѣшился усилить Крымскую армію всѣми средствами, какія оказывались только возможными въ его положеніи. Онъ сразу двинулъ на помощь князю Меншикову весьма значительныя силы независимо отъ тѣхъ, которыя были уже отправлены. Главнокомандующій Южною арміею предписалъ 3-го октября генералу-отъ-инфантеріи Данненбергу выступить въ Крымъ съ ввѣреннымъ ему штабомъ 4-го пѣхотнаго корпуса, съ 10-ю и 11-ю пѣхотными дивизіями и 4-мъ сапернымъ батальономъ.

„Ты знаешь уже изъ увѣдомленія Горчакова,—писалъ императоръ [3]) князю Меншикову,—что остальныя двѣ дивизіи 4-го корпуса слѣдуютъ къ тебѣ безостановочно и такимъ образомъ, любезный Меншиковъ, сдѣлано все, и смѣю сказать болѣе, чѣмъ почти можно было, чтобъ помочь тебѣ уничтожить замыслы вражьи. Остается молить Бога, чтобъ это послѣднее уже подкрѣпленіе дошло еще во-время, чтобъ спасти Севастополь“.

Отдѣляя отъ себя цѣлый корпусъ войскъ и оказывая тѣмъ существенную помощь Крымской арміи, князь Горчаковъ, конечно, имѣлъ

---

[1]) Отношеніе кн. Горчакова кн. Меншикову отъ 7-го октября № 17508. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4285.

[2]) Рап. адмирала Берга кн. Меншикову 24-го октября № 4695. Тамъ же.

[3]) Отъ 10-го октября.

полное право сказать чистосердечно, что не потерялъ ни одного дня, чтобы оказать содѣйствіе князю Меншикову.

„Я поступилъ какъ хорошій товарищъ,—писалъ онъ князю Александру Сергѣевичу [1]),—направивши болѣе чѣмъ одну треть моей арміи для вашей поддержки и не имѣя на то никакого полномочія. Изъ этого слѣдуетъ: 1) что императоръ увидѣлъ мое мнѣніе, что васъ можно усилить на мой счетъ и 2) что поддержка къ вамъ придетъ двумя недѣлями ранѣе, нежели тогда, когда я оставался бы сложа руки въ ожиданіи приказаній изъ Петербурга. Войска вамъ посылаемыя хороши, но вы не поддадитесь на ихъ хвастовство; они скажутъ, что готовы штурмовать небо.

„Дѣло въ томъ, что они будутъ стойки при защитѣ данной мѣстности, но не ждите отъ нихъ смѣлыхъ атакъ. У непріятеля слишкомъ большой надъ нами перевѣсъ въ вооруженіи. Храбрѣйшіе изъ начальниковъ и офицеры бросятся какъ угорѣлые и будутъ выведены изъ строя, а войско покажетъ тылъ. Считаю долгомъ предупредить васъ объ этомъ. Говорю вамъ это по опыту. Впрочемъ, говорю это для очищенія совѣсти, убѣжденный, что будете стараться затягивать дѣло, не рискуя его поставить на одну невѣрную карту. Неудача по приходѣ первыхъ подкрѣпленій окончательно скомпрометтируетъ всѣ счастливые результаты вашей выжидательной системы, которую вы такъ мудро приняли. Малая война кавалеріею будетъ весьма полезна, но для успѣха необходимо, чтобы отряды регулярной кавалеріи были сопровождаемы казаками—они одни осторожны; къ тому же у нихъ есть ружья и они могутъ спѣшиться. Наши кавалерійскіе офицеры вообще ничего не разумѣютъ въ малой войнѣ.... Мой братъ передастъ вамъ о достоинствахъ генераловъ, вамъ посылаемыхъ“ [2]).

Благодаря заботамъ и содѣйствію князя Горчакова, справедливо оцѣненнымъ императоромъ [3]), положеніе Крымской арміи съ каждымъ

---

[1]) Отъ 3-го октября 1854 г. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4253 ч. II.

[2]) См. приложеніе № 14.

[3]) «Поможетъ ли Господь отстояться до прибытія 4-го корпуса, которое все рѣшить можетъ въ пользу нашу,—писалъ императоръ кн. Горчакову въ рескриптѣ отъ 12-го октября.—Какъ опять не благодарить тебя за твою рѣшимость не останавливать его движенія въ Крымъ. Если есть еще надежда спа-

днемъ улучшалось: открывались госпитали, подвозились госпитальныя вещи, порохъ, продовольствіе и наконецъ, что самое главное, подходили подкрѣпленія. Такъ въ это время вступила уже въ Крымъ 12-я пѣхотная дивизія, съ ея артиллеріею и Уральскимъ казачьимъ полкомъ. Передовые полки этой дивизіи, въ концѣ сентября, были уже въ Перекопѣ, и, затѣмъ, начиная съ 3-го октября, стали постепенно присоединяться съ войсками Крымской арміи. Послѣдній эшелонъ прибылъ на позицію 9-го октября [1]).

Слѣдомъ за 12-ю дивизіею шли полки 10-й и 11-й дивизій, а спустя нѣсколько дней, по той же дорогѣ, спѣшили въ Севастополь, чтобы раздѣлить боевые труды войскъ, два царскихъ сына, великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи.

„Полагаю,—писалъ императоръ князю Горчакову [2]),—что долгъ чести требуетъ, чтобы ты моихъ *рекрутъ* немедля отправилъ въ Крымъ къ Меншикову, съ тѣмъ чтобы они тамъ оставались при немъ до минованія опасности, или до изгнанія непріятеля; потомъ же чтобъ воротились къ тебѣ. Ежели опасность есть, то не моимъ дѣтямъ удаляться отъ нея, а собой подавать примѣръ другимъ. Итакъ съ Богомъ, вели имъ отправиться туда“.

Скорѣйшее по возможности прибытіе подкрѣпленій было крайне необходимо для кн. Меншикова и выводило его изъ затруднительнаго положенія, такъ какъ и безъ того превышавшій своею численностію не-

---

сти Севастополь, то она вся въ скоромъ прибытіи сего рѣшительнаго подкрѣпленія.

[1]) Полки прибывали въ слѣдующемъ порядкѣ: 3-го октября прибылъ Уральскій казачій № 1-го полкъ; 4-го октября—Азовскій пѣхотный; 5-го октября—Днѣпровскій, съ легкою № 6 батареею 12 артиллерійской бригады. Оба эти полка вмѣстѣ съ батареею были расположены въ сел. Чоргунъ, вмѣстѣ съ Владимірскимъ пѣхотнымъ полкомъ. 6-го октября прибыли: Одесскій полкъ, батарейная № 4 и легкая № 7 батареи 12-й артиллерійской бригады, и расположены на высотахъ, на правомъ берегу рѣки Бельбека, близъ деревни того же имени. Наконецъ, 9-го октября прибыли въ селен. Чоргунъ Украинскій полкъ съ легкою № 8-го батареею 12 артиллерійской бригады, а въ селен. Дуванкой—четвертый Стрѣлковый батальонъ. См. журналъ военныхъ дѣйствій. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 3590.

[2]) Въ собственноруч. письмѣ отъ 13-го—14-го октября.

пріятель былъ еще усиленъ прибытіемъ свѣжихъ и весьма значительныхъ подкрѣпленій.

Еще до перваго бомбардированія Севастополя въ подкрѣпленіе французской арміи прибыла кавалерійская бригада д'Алонвиля. Вслѣдъ затѣмъ высадилась 5-я пѣхотная дивизія Лавальяна, состоявшая изъ двухъ бригадъ: Ла-Мотружа и Кустона, и, наконецъ, на другой день послѣ бомбардированія, прибыла бригада Базена. Англичане также получили въ подкрѣпленіе до 4.000 человѣкъ. Словомъ сказать, около этого времени численность французской арміи достигала до 50.000 челов., а англійской—въ 35.645 человѣкъ.

Цифра эта значительно превышала то число войскъ, которое могло быть въ распоряженіи князя Меншикова даже и съ прибытіемъ подкрѣпленій. Съ присоединеніемъ 12-ой пѣхотной дивизіи, численность Крымской арміи, вмѣстѣ съ чинами флота, доходила только до 63.807 человѣкъ пѣхоты [1]), изъ коихъ до 38.000 человѣкъ находилось въ составѣ Севастопольскаго гарнизона и 25.807 штыковъ въ дѣйствующемъ отрядѣ [2]). Очевидно, что, при столь значительномъ превосходствѣ непріятеля, со стороны князя Меншикова не могло быть предпринято никакихъ энергическихъ мѣръ, для перемѣны взаимнаго положенія двухъ враждующихъ сторонъ. О наступательныхъ дѣйствіяхъ съ нашей стороны не могло быть и рѣчи—они не сулили никакого вѣроятія на успѣхъ. „Двинуться съ настоящими силами,—доносилъ кн. Меншиковъ,—полагаю было бы идти на слишкомъ неравный бой, а атаковать непріятеля совокупно съ гарнизономъ Севастополя—невозможно потому, что я едва-ли буду въ состояніи быстро и своевременно перевесть туда артиллерію, не говоря уже о томъ, что крайне рисковано и трудно дебушировать войску изъ крѣпости, подъ батареями враговъ". Чтобы произвести рѣшительное наступленіе главнокомандующему Крымскою арміею оставалось ожидать прибытія 10-й и 11-й пѣхотныхъ дивизій.

Руководствуясь исключительно правиломъ *„ничего не предприни-*

---

[1]) «Кавалерію я не считаю,—писалъ кн. Меншиковъ,—потому что на занимаемой непріятелемъ позиціи участіе ея въ дѣлѣ можетъ быть самое ограниченное».

[2]) Всеподд. донесен. кн. Меншикова отъ 8-го октября. Арх. канц. воен. минист., дѣло № 102.

мать на авось, а идти на вѣрное", императоръ не могъ не согласиться съ мнѣніемъ князя Меншикова. Онъ находилъ также, что при томъ состояніи, въ которомъ была атака и оборона, и при тѣхъ средствахъ, которыми располагалъ князь Меншиковъ, атаковать союзниковъ было бы неосторожно [1]).

„Вполнѣ одобряю твой взглядъ на твое положеніе,—писалъ императоръ князю Меншикову [2]).—*На авось ничего, идти на вѣрное.* Полагаюсь совершенно на тебя, на усердіе и храбрость всѣхъ, съ генераловъ и адмираловъ до солдатъ и матросовъ, и увѣренъ, что русскимъ героямъ невозможнаго нѣтъ и всякій исполнитъ свой долгъ. Затѣмъ что Богъ опредѣлитъ, тому и быть; безропотно покоримся Его волѣ. Не скрою мое опасеніе, что искусно ведомая атака съ огромными силами, не въ мѣру способамъ защиты, которую представляютъ наши временные окопы. Потому казалось бы мнѣ, что надо стараться замедлить успѣхъ осады *контръ-апрошами* отъ нашего лѣваго фланга, вдоль по оврагу, что отъ Лабораторіи, устраивая эполементы для орудій, хотя полевыхъ, чтобъ брать во флангъ непріятельскія работы и тревожить частыми малыми вылазками.

„Не зная подробности ведомой атаки, не могу опредѣлить, не было бъ ли возможно сдѣлать на семъ флангѣ сильную вылазку, для истребленія непріятельскихъ работъ.

„Надѣюсь, что ты велѣлъ, за внѣшней нашей линіей укрѣпленій, устроить еще ретраншаменты и баррикады; кварталъ госпиталя и казармъ надъ доками, сколько полагаю, довольно на это удобенъ.

„Наконецъ, ежели опредѣлено свыше не спасти Севастополя, *не терять духа*, но собравъ остатки гарнизона, надо съ нимъ отступить къ прибывшимъ резервамъ, и, устроясь на удобной позиціи, не дать время укрѣпиться въ Севастополѣ, но сейчасъ же стараться непріятеля выбить.

„Въ Херсонѣ три мѣстныхъ парка; надѣюсь, что это станетъ тебѣ, до прихода 10-й и 11-й дивизій, ежели ты во-время потребовалъ.

---

[1]) Собственноруч. письмо императора кн. Горчакову отъ 13-го и 14-го октября.

[2]) Въ собственноруч. письмѣ отъ 14-го октября.

„Сыновьямъ Николаю и Михаилу моимъ дозволилъ я ѣхать къ тебѣ; пусть присутствіе ихъ при тебѣ докажетъ войскамъ степень моей довѣренности. Пусть дѣти учатся дѣлить опасности ваши и примѣромъ своимъ служатъ ободреніемъ храбрымъ нашимъ сухопутнымъ и морскимъ молодцамъ, которымъ ихъ я ввѣряю“.

„Опасаюсь очень,—писалъ императоръ въ тотъ же день князю Горчакову,—чтобы приходъ сихъ двухъ (10-й и 11-й) дивизій не былъ бы позденъ. Все зависитъ отъ усилій непріятеля и храбрости защищающихся войскъ, въ случаѣ штурма, на которую я смѣло надѣюсь, ежели ихъ *вести будутъ умѣть*. Невѣроятно, чтобы все не кончилось въ тѣ 23 или 25 дней, которые протечь должны въ мучительномъ ожиданіи прибытія послѣдняго подкрѣпленія. Одинъ Богъ милосердый можетъ насъ спасти отъ угрожающей крайней опасности Севастополю“.

Чтобы спасти городъ, или по крайней мѣрѣ облегчить участь его защитниковъ, приказано было отправленнымъ въ Крымъ двумъ дивизіямъ 4-го корпуса слѣдовать какъ можно быстрѣе.—До прибытія въ Одессу обѣ дивизіи сдѣлали безостановочно 750 верстъ и затѣмъ опять, по распоряженію князя Меншикова, слѣдовали далѣе частію на подводахъ, частію форсированнымъ маршемъ, безъ дневокъ и по прибытіи на мѣсто не долго оставались праздными зрителями кровавой борьбы. Положеніе дѣлъ въ Севастополѣ весьма скоро призвало ихъ къ боевой дѣятельности и къ участію въ общемъ дѣлѣ.

Съ разсвѣтомъ 6-го октября, англичане открыли снова огонь по бастіонамъ № 3-го, № 4-го и по Малахову кургану. Французы молчали. Сильно пострадавшіе наканунѣ, они исправляли еще свои поврежденія, строили двѣ новыхъ батареи № 7-го и № 8-го и вывели участокъ параллели отъ батареи, расположенной на Рудольфовой горѣ по капитали № 4-го бастіона.

Несмотря на усиленное дѣйствіе англійскихъ батарей въ теченіе цѣлаго дня, поврежденія въ бастіонахъ были незначительны. Оба бастіона упорно выдерживали бой, и англичане не имѣли того преимущества и успѣха, какъ наканунѣ. Только на третьемъ бастіонѣ былъ опять взорванъ пороховой погребокъ, не причинившій, впрочемъ, никакого вреда ни бастіону, ни его защитникамъ.

Послѣ полудня огонь сталъ уменьшаться, и причиною тому, какъ

полагалъ князь Меншиковъ, было движеніе нашего отряда въ тылъ англичанъ. Движеніе это было предпринято съ намѣреніемъ отвлечь вниманіе союзниковъ отъ крѣпости [1]).

Еще ранѣе этого дня и именно 1-го октября, съ цѣлью отнять у непріятеля водопой, была занята нами позиція въ тылу англичанъ. Въ этотъ день подполковникъ Раковичъ, съ тремя батальонами командуемаго имъ Владимірскаго полка [2]), четырьмя орудіями легкой № 1-го батареи и двумя сотнями казаковъ № 53-го полка, отправленъ былъ по дорогѣ къ Мекензіеву хутору, оттуда, спустившись ночью къ Черной рѣчкѣ, на разсвѣтѣ занялъ сел. Чоргунъ. На слѣдующій день 3-го октября, сводный уланскій полкъ отправленъ былъ въ Байдарскую долину. Войдя въ сношеніе съ Чоргунскимъ отрядомъ, онъ долженъ былъ наблюдать какъ за непріятелемъ, такъ и за жителями той долины.

Производя почти ежедневныя рекогносцировки, наши отряды хотя и показывались въ виду непріятеля, но по своему незначительному численному составу не привлекали на себя особеннаго вниманія. По этому-то, съ прибытіемъ передовыхъ полковъ 12-й пѣхотной дивизіи, кн. Меншиковъ рѣшился произвести рекогносцировку съ болѣе значительными силами.

Вечеромъ, 5-го октября, командиръ 1-й бригады 12-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіоръ Семякинъ получилъ приказаніе, на слѣдующій день, рано утромъ, двинуться впередъ, съ цѣлью безпокоить непріятеля, занимающаго позицію на возвышенной плоскости, между Балаклавою и Севастополемъ. Въ составъ отряда были назначены: два полка 1-й бригады 12-й пѣхотной дивизіи (Азовскій и Днѣпровскій), Владимірскій пѣхотный, сводный уланскій, легкая № 2-го батарея 16-й артиллерійской бригады и двѣ сотни казаковъ [3]).

Перейдя на лѣвый берегъ Черной рѣчки, Семякинъ долженъ былъ слѣдовать къ небольшимъ высотамъ, лежащимъ близъ стараго каменнаго

---

[1]) Всеподд. донесеніе кн. Меншикова отъ 6-го октября. Арх. кан. воен. минис. по снаряж. войскъ, дѣло № 110.

[2]) Полкъ этотъ послѣ Алминскаго сраженія былъ переформированъ въ трехъ-батальонный составъ.

[3]) Журналъ воен. дѣйствій. Военно-Учен. Арх. дѣло № 3590. Письма Семякина, «Сборникъ рукоп.», т. III, 111.

моста, стараться быть замѣченнымъ союзниками, но, по незначительности калибровъ бывшей съ нимъ артиллеріи, не атаковать укрѣпленій, а ограничиться однимъ занятіемъ высотъ.

Выступивъ въ 7 часовъ утра, Семякинъ скоро показался въ виду непріятеля. Не обращая вниманія на огонь съ непріятельскихъ батарей, пѣхота, построенная въ ротныя колонны, быстро заняла высоты и оставалась тамъ до наступленія ночи. Въ сумерки войска получили приказаніе отступить на старыя свои позиціи, и экспедиція эта, стоившая намъ 4 убитыхъ, 4 раненыхъ и 1 контуженнаго, въ 9 часовъ вечера была уже окончена.

Движеніе генерала Семякина произвело желаемое дѣйствіе. Появленіе довольно значительнаго нашего отряда въ тылу англійскаго лагеря вызвало тамъ нѣкоторое замѣшательство и изумило непріятеля. Часть британскихъ войскъ сняла палатки, и двѣ колонны пѣхоты, оставивъ Севастополь, потянулись къ Балаклавѣ. Такимъ образомъ, огонь съ осадныхъ батарей былъ по необходимости ослабленъ, а къ вечеру и совершенно прекратился.

Успѣхъ этого движенія заставилъ и въ послѣдующіе дни, отъ времени до времени, безпокоить непріятеля съ этой стороны. Такъ, осматривая расположеніе непріятеля на лѣвомъ берегу р. Черной и замѣтивъ, что лагерь у селенія Комары снятъ, а укрѣпленія оставлены, генералъ Семякинъ, предварительно занявши казаками высоты на лѣвомъ берегу р. Черной, двинулъ 3 батальона[1]) пѣхоты въ долину р. Черной, а два батальона[2]) на высоты близъ селенія Комары. Послѣдніе были встрѣчены огнемъ непріятельской артиллеріи, не причинившей, впрочемъ, никакого вреда. Имѣя приказаніе не заходить далеко и не завязывать дѣла, а ограничиться тѣмъ, чтобы присутствіе его было замѣчено непріятелемъ, Семякинъ исполнилъ въ точности данное ему порученіе. Занявъ высоту, обращенную къ Комарамъ, онъ, въ виду непріятеля, пробилъ зорю съ церемоніею, разложилъ по высотамъ большое число огней, съ цѣлью обмануть непріятеля относительно численности своего отряда, и, простоявши тамъ до разсвѣта, возвратился на прежнюю свою позицію.

---

[1]) Азовскаго полка.

[2]) Одинъ Азовскаго и одинъ Днѣпровскаго полковъ.

Всѣ эти движенія безпокоили англичанъ, старавшихся обезпечить себя постройкою ряда укрѣпленій, преграждавшихъ доступъ къ Балаклавѣ. Хотя для работъ по возведенію этихъ укрѣпленій употреблялись турки, тѣмъ не менѣе желаніе скорѣе обезпечить себя съ этой стороны отвлекало часть рабочихъ силъ отъ Севастополя, стонавшаго отъ ежедневной канонады.

Въ ночь на 7-е октября поврежденія, произведенныя въ нашихъ укрѣпленіяхъ, были снова исправлены и, сверхъ того, въ помощь третьему бастіону между нимъ и батареею № 5 (Никонова) заложена новая батарея № 29 (Смагина); противъ четвертаго бастіона устроено два камнеметныхъ фугаса и прибавлено нѣсколько орудій на существовавшихъ уже бастіонахъ и батареяхъ.

Французы въ эту ночь трудились надъ устройствомъ первой параллели; они успѣли довести ее до пересѣченія съ капиталью 4-го бастіона и подошли на 300 саженъ къ этому укрѣпленію. Англичане къ заложенію параллели еще не приступали, а усиливали вооруженіе существовавшихъ уже батарей прибавкою на нихъ новыхъ орудій.

Въ шесть съ половиною часовъ утра 7-го октября съ обѣихъ сторонъ открылась самая ожесточенная канонада, подобная той, какая была въ день перваго бомбардированія Севастополя. Канонада эта продолжалась почти безъ всякихъ промежутковъ вплоть до 13-го октября. Въ эти дни противъ оборонительной линіи дѣйствовало 5 англійскихъ батарей, въ числѣ 68 орудій и 4 французскихъ батареи съ 26-ю орудіями и нѣсколькими мортирами. Наибольшему пораженію отъ непріятельскаго огня подвергался центръ нашей позиціи: бастіоны №№ 3-го, 4-го и 5-го. Въ этотъ день непріятельскій огонь былъ замѣтно живѣе, чѣмъ наканунѣ и къ тому же союзники усилили дѣйствіе мортиръ и конгревовыхъ ракетъ. Въ городѣ произошло три пожара, но безъ вредныхъ послѣдствій[1]).

Наша артиллерія и на этотъ разъ сохранила перевѣсъ надъ непріятельскою, въ особенности надъ французскою. „Русскіе, — писалъ одинъ изъ корреспондентовъ газеты „Post“, — такъ хорошо узнали теперь разстояніе до нашихъ пушекъ, что могутъ причинить много вреда нашимъ батареямъ. Вчера они сдѣлали не менѣе девяти дыръ въ гюйсѣ,

[1]) Рапорты генер. Моллера кн. Меншикову, 8-го октября №№ 310 и 312. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 3399 (А).

который матросы выставили въ своей части 21-й пушечной батареи. Сегодня выстрѣлъ разбилъ пополамъ флагштокъ. Едва только матросы успѣли водрузить его кое-какъ на подпоркахъ, снова прилетѣло ядро и разбросало подставки, флагштокъ и гюйсъ въ различныхъ направленіяхъ“.

Удачнымъ дѣйствіемъ нашей артиллеріи французская батарея № 5-го принуждена была замолчать около 10 часовъ утра, а нѣсколько взрывовъ, произведенныхъ нашими выстрѣлами на французскихъ батареяхъ №№ 6-го и 7-го, принудили и ихъ прекратить огонь около трехъ часовъ по полудни.

Къ вечеру канонада замѣтно ослабѣла; только англичане изрѣдка пострѣливали и пускали ракеты. Въ городѣ все было тихо. Вечерняя мгла по временамъ озарялась небольшими вспышками, обозначавшими мѣсто разрыва гранаты или ракеты. При такомъ кратковременномъ освѣщеніи, съ непріятельскихъ батарей видно было, однако же, какъ трудились севастопольцы надъ исправленіемъ поврежденій.

Въ оба дня 6-го и 7-го октября непріятель хотя и не достигъ никакихъ результатовъ, но успѣлъ нанести намъ значительную потерю въ людяхъ: до 852 человѣкъ выбыло изъ строя убитыми, ранеными и контуженными [1]).

Послѣ двухъ столь сильныхъ бомбардированій, стоившихъ намъ до 24.000 артиллерійскихъ снарядовъ, выпущенныхъ въ эти дни, союзники по собственному сознанію убѣдились, однако же, „что Севастополь не Бомарзундъ“, что великолѣпныя фразы о превосходномъ духѣ, одушевляющемъ союзныя войска, и о неприступной позиціи осаждающаго корпуса ничего не доказываютъ, тѣмъ болѣе, „что одинъ духъ не можетъ разрушить укрѣпленій первоклассной крѣпости“, обложенной только съ одной стороны и имѣющей свободное сообщеніе съ остальною Россіею.

— Мы думали,—говорили англичане, подсмѣиваясь надъ своими соотечественниками,—что Севастополь городъ картонный и что его стѣны обрушатся при громѣ нашей артиллеріи, какъ стѣны Іерихона, при звукахъ трубъ Іисуса Навина.

Вышло противное. Союзные главнокомандующіе видѣли всю ничтожность вреда, наносимаго ихъ артиллеріею нашимъ укрѣпленіямъ, и по-

---

[1]) См. прилож. № 15.

тому на военномъ совѣтѣ генералъ Канроберъ, желая выйти изъ затруднительнаго положенія, предложилъ штурмовать городъ. На это предложеніе лордъ Рагланъ отвѣчалъ, что армія его потеряла уже около 3.000 человѣкъ, что штурмъ будетъ стоить союзникамъ по меньшей мѣрѣ 10.000 человѣкъ и что поэтому онъ не полагаетъ возможнымъ принять на себя, передъ англійскою націею и парламентомъ, отвѣтственность за такое пожертвованіе людей. Онъ предлагалъ, прежде чѣмъ штурмовать городъ, подвинуть ближе къ нему осадныя работы. Предложеніе было принято, и союзники положили продолжать правильную осаду до третьей параллели. Французы повели свои подступы противъ четвертаго бастіона, а англичане—противъ третьяго.

Для противодѣйствія атакующему и для воспрепятствованія ему быстро подвигаться впередъ, защитники ежедневно усиливали оборону бастіоновъ и батарей прибавкою орудій, устройствомъ траверзовъ, возведеніемъ новыхъ батарей, при чемъ обращено было особое вниманіе на усиленіе четвертаго бастіона. Впереди его были заложены два камнеметныхъ фугаса, а по обоимъ флангамъ возводились новыя батареи. Для поддержки того же бастіона была удлинена батарея № 23 (Лазарева), а на берегу Городскаго оврага, позади 5-го бастіона, возведены двѣ четырехъ-орудійныя батареи № 30 (Швана) и впереди ея въ 20 саженяхъ № 36 (также Швана); лѣвѣе четвертаго бастіона и до Грибка возводились четыре батареи №№ 31, 32, 33 (Бульварныя) и № 34. Сверхъ того, въ траншеѣ Городскаго оврага устроена батарея № 35 (Забудскаго) и удлиненъ правый фасъ батареи № 5 (Никонова).

На третій день бомбардированія, англичане открыли огонь по кораблю „Ягудіилъ", стоявшему въ вершинѣ Южной бухты; каленыя ядра ихъ и ракеты осыпали корабль и завязали въ его бортахъ. Пока засѣвшіе снаряды успѣвали вырубать, опасность кораблю не грозила, но, потомъ, когда, въ слѣдующіе дни, непріятельскій огонь былъ еще болѣе усиленъ, то на кораблѣ стали происходить безпрестанные пожары. На шестой день бомбардированія „Ягудіилъ" получилъ 72 пробоины; бывшіе на немъ люди были до крайности измучены работою, такъ что князь Меншиковъ приказалъ отвести корабль къ морскому госпиталю, съ тѣмъ, чтобы каждую ночь онъ приходилъ на прежнее мѣсто. Стоянка у госпиталя была также не безопасна, и „Ягудіилъ" подвергался весьма сильному огню непріятеля. Для защиты его пришлось впослѣдствіи построить

особую батарею № 37 (Эйсмонта), между сѣвернымъ угломъ Театральнаго квартала и казармами 43-го экипажа.

Въ промежутокъ этого времени, французы насыпали позади первой параллели и лѣвѣе капитали четвертаго бастіона мортирную батарею № 9, вывели вторую параллель и устроили въ ней батарею № 13; англичане же возвели батарею № 6, за Сарандинакиною балкою надъ хуторомъ Бурнази и вывели на Воронцовской высотѣ первые подступы противъ 3-го бастіона [1]).

Со дня перваго бомбардированія города началась та однообразная, тяжелая и утомительная жизнь Севастопольскаго гарнизона, которую онъ несъ въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ. Ежедневно десятки тысячъ снарядовъ, нашихъ и непріятельскихъ, бороздили воздухъ съ ранняго утра до поздней ночи. Отъ такого безпрерывнаго огня не только оборонительныя казармы, но и почти всѣ строенія, находившіяся вблизи укрѣпленій, были значительно повреждены, и многія изъ нихъ готовы были обвалиться. Для предохраненія нѣкоторыхъ казармъ, какъ напр. 5-го и 6-го бастіоновъ, представлявшихъ весьма хорошее помѣщеніе для людей и склада пороха, приходилось обсыпать ихъ съ наружной стороны землею. Укрѣпленія наши также немало страдали, въ особенности 6-й бастіонъ, на которомъ произошли значительные обвалы. Въ городѣ происходили пожары, а на Малаховомъ курганѣ было взорвано 9-го октября—шесть и 10-го—два зарядныхъ ящика, не причинившихъ, впрочемъ, никакого вреда.

Во всѣ эти дни на улицахъ Севастополя проходящихъ почти не было; одни только носильщики таскали раненыхъ, да убитыхъ. Изрѣдка кто-нибудь спѣшилъ на бастіоны и то только съ экстреннымъ приказаніемъ. Для уменьшенія убыли въ войскахъ, ротамъ приказано было располагаться за закрытіями. Кучками сидѣли солдаты у стѣнъ, положивъ ружья передъ собою, изъ предосторожности, чтобы непріятель не замѣтилъ войска и составленныхъ въ козла ружей. Знойный и солнечный день былъ утомителенъ для сражавшихся. Ядра свистали со всѣхъ сторонъ, но не страшны были они русскому солдату. Шутки, прибаутки и разныя присловья сыпались со всѣхъ сторонъ. Иногда, по большей

---

[1]) Тотлебенъ, «Оборона Севастополя», ч. I.

части ночью, говорились сказки, съ примѣненіемъ ихъ къ окружающей обстановкѣ.

— Вотъ летитъ змѣй-горынычъ, шумитъ, гремитъ, точь въ точь, какъ эта бобма,—говаривалъ разсказчикъ, указывая на пролетавшую надъ головами бомбу.

Въ это время нѣкоторые изъ молодыхъ солдатъ, заслыша свистъ снаряда, невольно преклонялись. Хладнокровный разсказчикъ замѣчалъ и это.

— Не наклоняйся,—подшучивалъ онъ надъ молодымъ.—Всякому ядру станешь кланяться, свихнешь шею; погоди, коли попадетъ, само сломитъ.

Съ наступленіемъ сумерекъ противники принимались за работы. Севастопольцы исправляли поврежденія, строили новыя укрѣпленія, производили почти ежедневныя вылазки, уничтожали работы непріятеля, заклепывая его орудія, а французы съ каждымъ днемъ, хотя медленно, но все-таки ближе и ближе подвигались къ 4-му бастіону [1]).

Хотя ключемъ позиціи, какъ мы имѣли случай сказать, былъ не бастіонъ № 4-го, а Малаховъ курганъ, но французскіе инженеры увлеклись положеніемъ этого укрѣпленія и повели противъ него главную атаку. Выдавшись изъ всей оборонительной линіи значительно впередъ своимъ исходящимъ угломъ, четвертый бастіонъ, будучи окруженъ съ трехъ сторонъ высотами, повидимому, представлялъ легчайшій пунктъ для атаки. Атакующій имѣлъ полную возможность унизать эти высоты батареями, расположивши ихъ амфитеатромъ и въ нѣсколько ярусовъ. Пользуясь преимуществомъ сосредоточеннаго огня и имѣя охватывающее положеніе, французскія батареи могли имѣть численное превосходство въ артиллеріи, сравнительно съ обороняющимся, принужденнымъ, въ силу обстоятельствъ, разсѣевать свои выстрѣлы. При томъ самое расположеніе 4-го бастіона на узкой высотѣ, ограниченной съ обѣихъ сторонъ широкими оврагами, имѣвшими весьма крутые берега, лишало насъ возможности „пристраивать къ этому бастіону фланкирующія части, для доставленія впереди лежащей мѣстности ближайшей перекрестной обороны; приходилось обороняться только малодѣйстви-

---

[1]) Журналъ воен. дѣйствій. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 3590.

тельными перекрестными выстрѣлами съ отдаленныхъ батарей, расположенныхъ за этими балками (оврагами) позади № 5-го и № 3-го бастіоновъ" [1]).

Все это въ началѣ говорило въ пользу атаки четвертаго бастіона, но впослѣдствіи французы сознали, что паденіе его не влечетъ за собою паденія города, и потому принуждены были перенести атаку на другой пунктъ и вести ее противъ Малахова кургана. Такая перемѣна дѣйствій произошла гораздо позже; теперь же всѣ усилія непріятеля были направлены противъ четвертаго бастіона, представлявшаго, на основаніи вышеприведенныхъ причинъ, всѣ шансы на успѣхъ.

Пользуясь тѣмъ, что бастіонъ этотъ былъ ближе отъ Камышевой бухты, чѣмъ 3-й бастіонъ и Малаховъ курганъ — отъ Балаклавской, французы вели свою атаку гораздо быстрѣе англичанъ, и скоро четвертый бастіонъ сталъ самымъ опаснымъ мѣстомъ въ Севастополѣ. Ежедневно разсыпаемые въ передовыхъ траншеяхъ французскіе штуцерные наносили весьма значительный вредъ не только артиллерійской прислугѣ 4-го бастіона, но и поражали войска, расположенныя между бараками. Находясь въ такомъ разстояніи, на которомъ дѣйствіе картечи ничтожно, непріятельскіе штуцерные были внѣ всякой опасности, потому что 4-ый бастіонъ вовсе не имѣлъ ружейной обороны. Занятый артиллеріею и траверсами, расположенными черезъ каждое орудіе, бастіонъ представлялъ огромную батарею, на которой можно было помѣстить только нѣсколько стрѣлковъ, тогда какъ, по мѣрѣ приближенія осаждающихъ, ружейная оборона впереди лежащей мѣстности становилась весьма важною и дѣлалась крайне необходимою. Въ виду такой настоятельной надобности пришлось устроить на контръ-эскарпѣ бастіона особый банкетъ, для 50 стрѣлковъ, которые, однако же, принуждены были оставлять банкетъ и очищать мѣсто каждый разъ, какъ только орудія открывали огонь картечью. Оставаясь на банкетѣ только въ теченіе дня, стрѣлки на ночь выдвигались впередъ и несли аванпостную службу въ секретахъ, замѣнявшихъ цѣпь парныхъ часовыхъ, признанныхъ неудобными при оборонѣ города, подобнаго Севастополю.

---

[1]) Тотлебенъ, ч. I, 338.

Цѣпь парныхъ часовыхъ требовала весьма много людей для занятія такого обширнаго пространства, какое имѣла оборонительная линія, и при томъ парныя часовые не имѣли достаточной силы для того, чтобы остановить даже и незначительной силы противника. Прорванная въ одномъ мѣстѣ цѣпь аванпостовъ, изъ опасенія быть захваченною съ тыла, принуждена бы была отступать всею линіею, и тогда впереди нашихъ укрѣпленій не оставалось никакихъ наблюдательныхъ постовъ. Къ тому же, назначаемые въ цѣпь люди, перемѣняя каждый разъ свои мѣста и занимая ихъ ночью, не имѣли никакой возможности познакомиться съ окружающею мѣстностію и съ положеніемъ непріятеля.

Эти недостатки устранялись назначеніемъ секретовъ, сильныхъ по составу, состоявшихъ изъ 15 или 20 человѣкъ каждый и располагаемыхъ въ наиболѣе важныхъ пунктахъ.

Польза секретовъ сознана была въ самомъ началѣ осады Севастополя—это было единственное средство для ночнаго наблюденія за непріятелемъ и единственный вѣрный источникъ для полученія точныхъ свѣдѣній о работахъ противника. Составленные первое время изъ пластуновъ, привычныхъ къ такого рода службѣ, секреты располагались въ мѣстахъ наиболѣе важныхъ и опредѣленныхъ заранѣе днемъ. Въ каждый секретъ назначались обыкновенно одинъ саперъ, для выслушиванія непріятельскихъ работъ и одинъ матросъ, изъ артиллерійской прислуги, для наблюденія за дѣйствіемъ нашихъ выстрѣловъ.

Безпрерывный огонь, поддерживаемый обѣими сторонами въ теченіе шести дней, и ночныя вылазки стоили намъ 1.539 челов. выбывшихъ изъ строя, въ томъ числѣ 212 человѣкъ убитыми. Въ эти дни съ оборонительной линіи было выпущено до 72 тысячъ артиллерійскихъ снарядовъ, что составляло до 12 тысячъ пудовъ пороха.

Такой огромный расходъ пороха былъ естественнымъ послѣдствіемъ того взгляда, который имѣли моряки на осаду города: они поддерживали огонь со всѣхъ батарей безпрерывно днемъ и ночью. „Съ 14-го числа сентября—доносилъ начальникъ артиллерійскихъ гарнизоновъ южнаго округа [1]),—по день открытія имъ (непріятелемъ), 5-го числа текущаго мѣсяца, дѣйствія съ устроенныхъ имъ батарей, изъ орудій сухопутнаго и

---

[1]) Отъ 9-го октября 1854 г. № 4398.

морскаго вѣдомствъ выпущено огромное количество зарядовъ, безъ всякихъ послѣдствій, отчего въ морскомъ вѣдомствѣ оказывается большой недостатокъ въ порохѣ, на пополненіе коего требуется имъ экстренно порохъ изъ Николаева". Генералъ-маіоръ Пихельштейнъ, сознавая, что, при такихъ условіяхъ стрѣльбы, не хватитъ никакихъ запасовъ, нѣсколько разъ обращался къ Корнилову съ просьбою умѣрить безпрерывную, и безполезную канонаду, но Корниловъ не принялъ въ уваженіе этихъ просьбъ, и моряки по-прежнему жгли порохъ безъ особенной надобности. Послѣ смерти Корнилова, Пихельштейнъ обратился опять съ просьбою къ вице-адмиралу Станюковичу и генералъ-лейтенанту Моллеру, прося ихъ приказать командирамъ батарей „соображаясь съ обстоятельствами и гдѣ окажется возможнымъ, дѣйствовать рѣдкими, но мѣткими выстрѣлами".

Получивши на это согласіе, онъ донесъ о томъ кн. Меншикову, по распоряженію котораго былъ составленъ, 7-го октября, военный совѣтъ изъ пяти лицъ: генералъ-лейтенанта Моллера, вице-адмираловъ Станюковича и Нахимова, полковниковъ Тотлебена и Попова. Совѣтъ постановилъ воздержать дистанціонныхъ начальниковъ отъ скорой и весьма часто безцѣльной стрѣльбы, замѣнивъ ее болѣе мѣткою. Съ этою цѣлію приказано было наводить орудія болѣе правильно, открывать огонь всѣми орудіями не ранѣе того, какъ непріятель откроетъ свой огонь, а въ остальное время на каждомъ укрѣпленіи имѣть очередныя орудія, которыя могли бы вѣрною стрѣльбою вознаградить массу прежде выпускаемыхъ снарядовъ и мѣшать непріятельскимъ работамъ. Для лучшаго же сохраненія орудій при очередной стрѣльбѣ, тѣ изъ нихъ, которыя не дѣйствуютъ, поворачивать вдоль брустверовъ, скрывать ихъ за мерлонами, а прислугу за различными укрытіями [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ князь Меншиковъ просилъ всѣ ближайшія къ Крыму мѣста, гдѣ онъ могъ предполагать запасы пороха, прислать его въ Севастополь. Не надѣясь однакоже получить его скоро и въ значительномъ количествѣ, онъ опасался за дальнѣйшій исходъ обороны. „Отвѣчать на непріятельскую канонаду съ такою учащенностію,—доносилъ онъ [2]),—съ какою противники наши поддерживаютъ свой огонь — мы

[1]) Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4310.

[2]) Всепод. донесеніе отъ 8-го октября. Арх. канц. воен. минис., дѣло № 102.

едва-ли будемъ въ состоянiи въ продолженiе долгаго времени. Запасы пороха у насъ далеко не такъ значительны, какъ у непрiятеля, судя по той расточительности, съ которою онъ расходуетъ противу насъ снаряды и также если вѣрить показанiямъ плѣнныхъ, увѣрявшихъ, конечно преувеличенно, что у однихъ французовъ снарядовъ и пороха хватитъ на многiе мѣсяцы каждодневной усиленной канонады. Несомнѣнно впрочемъ то, что подвозка къ непрiятелю снарядовъ и пороха конечно продолжается, тѣмъ болѣе, что и погода неизмѣняемо благопрiятна для плаванiя въ морѣ".

Предположенiя князя Меншикова были не вполнѣ справедливы: недостатокъ въ порохѣ ощущался и въ союзномъ лагерѣ, въ особенности у англичанъ. „Сегодня пришли,—писалъ корреспондентъ газеты „Globe" [1]),—два корабля, одинъ съ порохомъ, другой—съ ядрами. Еслибъ этотъ запасъ не подоспѣлъ къ завтрашнему вечеру, намъ нечѣмъ было бы стрѣлять изъ пушекъ большаго калибра".

Выпустивъ въ первый день бомбардированiя болѣе чѣмъ по 100 выстрѣловъ изъ каждаго орудiя, англичане истратили бо̀льшую часть запаса своихъ снарядовъ, и если бы продолжали бомбардированiе съ тою же силою, съ которою оно производилось 5-го и 7-го октября, то, по собственному ихъ сознанiю, не далѣе какъ черезъ шесть дней всѣ ихъ батареи были бы лишены возможности открывать огонь. Запасъ артиллерiйскихъ снарядовъ у союзниковъ былъ настолько незначителенъ, что нѣкоторыя орудiя имѣли не болѣе какъ по 120 зарядовъ. Артиллерiйской прислуги у англичанъ было дотого недостаточно, что они должны были ночью прекращать огонь и тѣмъ давали намъ возможность исправлять поврежденiя въ земляныхъ веркахъ, нанесенныя днемъ. „Чтобы поддерживать лишь умѣренный огонь съ утра до вечера,—писали англичане,—наши офицеры и артиллерiйская прислуга должны были оставаться на своихъ постахъ по шестнадцати часовъ каждыя сутки, такъ что имъ оставалось лишь шесть часовъ для сна и пищи, за исключенiемъ времени, употребляемаго для перехода изъ лагеря въ траншеи и обратно".

Англичане жаловались, что имъ приходилось отдыхать только шесть часовъ въ сутки, а русскiе люди сидѣли на бастiонахъ безсмѣнно, тамъ

---

[1]) Отъ 8-го (20-го) октября. Матерiалы, вып. IV, 291.

обѣдали, ужинами, тамъ дремали,—и не жаловались. Напротивъ, когда по Севастопольскому гарнизону было сдѣлано распоряженіе, чтобы прислуга на батареяхъ изъ флотскихъ экипажей смѣнялась днемъ и ночью для отдыха, то матросы 4-го бастіона единогласно просили позволенія оставаться при орудіяхъ безсмѣнно, говоря, что они готовы защищаться и умереть на своихъ мѣстахъ.

„Стоящіе при орудіяхъ моряки,—писалъ князь Меншиковъ [1]),—несмотря на каждодневныя и непрестанныя потери, приводятъ въ удивленіе. Имъ помогаютъ арестанты, которые трудятся надъ исправленіемъ батарей и перемѣною орудій, производя все это подъ непріятельскимъ огнемъ съ удивительнымъ презрѣніемъ къ опасности и съ самоотверженіемъ почти героическимъ“.

Всѣ эти подвиги конечно далеко не составляютъ принадлежности каждаго войска, — они принадлежали, во всѣ времена, исключительно русскому солдату, обладающему неограниченнымъ терпѣніемъ и стойкостью, но никто не станетъ спорить и о томъ, что силы человѣческія имѣютъ предѣлъ и что напряженіе союзной арміи было настолько сильно и тяжело, что человѣческая природа не долго могла выдерживать такое состояніе. Тифъ, холера, лихорадка и поносъ явились естественнымъ послѣдствіемъ истощенія силъ, и союзники теряли людей не столько отъ огня нашихъ батарей, сколько отъ различнаго рода болѣзней. У однихъ англичанъ ежедневная потеря простиралась до 80 человѣкъ, изъ которыхъ убитыхъ и раненыхъ бывало не болѣе 30 челов., а остальные 50 человѣкъ оставляли строй и отправлялись въ госпиталь, по болѣзни. Англичане сознавались сами, что изъ 35.000 человѣкъ, прибывшихъ въ Крымъ, осталось только до 16.500 челов. такихъ, которые въ состояніи были нести службу. О туркахъ и говорить нечего: положеніе ихъ было ужасно. Полуголодные и лишенные всѣхъ средствъ къ пропитанію, они бродили какъ тѣни, подвергались различнаго рода болѣзнямъ и, не имѣя вовсе врачей, переполняли всѣ дома и даже валялись по улицамъ Балаклавы.

Такое состояніе союзниковъ конечно не могло быть извѣстно князю Меншикову и Севастопольскому гарнизону. Главнокомандующій

---

[1]) Князю Долгорукову отъ 8-го октября. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 4254 ч. II.

въ своихъ дѣйствіяхъ могъ руководиться только тѣми результатами, которые видѣлъ въ работахъ осаждающаго, и тѣми средствами, которыми могъ располагать самъ. Онъ видѣлъ, что осадныя работы французовъ подвигаются впередъ настолько быстро, что къ утру 12-го октября они подошли уже на 200 саженъ къ четвертому бастіону, т. е. на такое разстояніе, на которомъ стрѣльба картечью становилась дѣйствительною. Чтобы сколько-нибудь замедлить дальнѣйшее движеніе впередъ, было приказано въ теченіе всей ночи производить съ нашихъ батарей картечную стрѣльбу по непріятельскимъ работамъ. По указанію секретами мѣста работъ тотчасъ же открывался огонь и продолжался безпрерывно въ теченіе четверти часа. По прошествіи этого времени стрѣльба прекращалась, и высылались снова секреты; за тѣмъ по новому ихъ донесенію опять открывался огонь, и такъ поступали до самаго разсвѣта [1]).

Утромъ 13-го октября замѣчено было, что французы успѣли вывести короткій зигзагъ отъ правой оконечности второй параллели и устроить впереди этой параллели завалы для стрѣлковъ; англичане же, продолжая подвигаться къ Воронцовской высотѣ и заложили часть второй параллели, въ 450 саженяхъ отъ исходящаго угла третьяго бастіона.

Быстрое приближеніе французовъ къ четвертому бастіону, а главное опасеніе за недостатокъ у насъ пороха не могли не заботить князя Меншикова. Считая свое положеніе не только затруднительнымъ, но даже опаснымъ, онъ помышлялъ объ оставленіи Севастополя и о переводѣ гарнизона на сѣверную сторону рейда.

„При продолжающемся неумолкаемо уже восьмыя сутки бомбардированіи города,—доносилъ онъ [2]),—приближается и то время, въ которое непріятель по всѣмъ вѣроятіямъ получитъ рѣшительный надъ нами перевѣсъ, и настанетъ для насъ минута необходимости вывести весь гарнизонъ на сѣверную сторону подъ прикрытіемъ кораблей“.

Во избѣжаніе столь печальнаго событія, являлась необходимость отвлечь на время вниманіе союзниковъ отъ города и хотя на нѣсколько дней замедлить движеніе впередъ ихъ осадныхъ работъ. Чтобы достиг-

---

[1]) Рап. генер.-лейт. Моллера кн. Меншикову 14-го октября № 333. Арх. Глав. штаба.

[2]) Всеподд. донесен. кн. Меншикова отъ 14-го октября. Арх. канц. воен. минис., дѣло № 102.

нуть этого, въ рукахъ обороняющагося было единственное средство — перейти въ наступленіе, но при этомъ являлся вопросъ: въ какомъ направленіи можно произвести его, съ нѣкоторою надеждою на успѣхъ?

Движеніе впередъ лѣвымъ флангомъ, какъ указывалъ императоръ Николай, съ постепеннымъ занятіемъ мѣстности, кн. Меншиковъ не признавалъ возможнымъ исполнить. Онъ находилъ, что наступающимъ войскамъ пришлось бы въ этомъ случаѣ двигаться подъ сильнымъ огнемъ непріятельскихъ батарей и при томъ „споря съ препятствіями самой мѣстности, превышающей всѣ скаты, по которымъ должно дебушировать войско“. Къ тому же въ случаѣ неудачи и при необходимости отступить, мы могли на своихъ плечахъ внести непріятеля въ городъ; и потому, чтобы достигнуть успѣшныхъ результатовъ, необходимо было искать инаго направленія—внѣ города. Ближайшій осмотръ окрестностей Севастополя убѣдилъ князя Меншикова, что высоты, окаймляющія долину р. Черной и находящіяся въ тылу непріятеля, доступны для артиллеріи и слѣдовательно возможны для наступленія съ этой стороны, тѣмъ болѣе, что, съ занятіемъ селенія Чоргунъ нашими войсками, мы могли возлѣ него сосредоточить свои силы, не бывъ замѣчены непріятелемъ. Склоняясь на возможность наступленія со стороны селенія Чоргунъ, кн. Меншиковъ не признавалъ однако же возможнымъ произвести его съ тѣми наличными силами, которыя у него были, и потому не видѣлъ хорошаго исхода для обороны.

„Геройская оборона—отвѣчалъ на это императоръ [1]), не допускавшій мысли о столь быстромъ оставленіи Севастополя,—столь успѣшно продолжающаяся и частные случаи молодечества изумительнаго—меня восхищаютъ; тѣмъ было бы мнѣ горестнѣе, ежелибъ всѣ эти примѣрныя усилія несравненныхъ нашихъ войскъ должны были кончиться тѣмъ, чтобы мы бросили Севастополь, перейдя на сѣверную сторону съ помощію *кораблей*, какъ ты ко мнѣ изъяснился. Кажется мнѣ это все равно, что предвидѣть, что Севастополь не надѣемся спасти, и въ такомъ случаѣ и *флотъ* должно считать приговореннымъ къ уничтоженію. Естественно, что ежели сами его не уничтожимъ, то въ самое скорое время онъ будетъ сожженъ огнемъ непріятеля.

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ кн. Меншикову отъ 16-го октября.

„Письмо твое къ князю Долгорукову однако меня нѣсколько утѣшаетъ, ибо ты ему пишешь: qu'il n'est pas improbable que Sevastopol pourra tenir jusqu'à l'arrivée des 10-ème et 11-ème divisions; изъ чего заключить желаю, что ты самъ еще не потерялъ надежды въ возможности спасенія. Ускоренное движеніе сихъ дивизій и рекогносцировка вдоль долины Черной, убѣдившая тебя въ возможности атаковать съ сей стороны, а въ особенности геройство гарнизона дозволяютъ мнѣ еще надѣяться, что съ помощію Божіею роковой день Севастополя и флота Черноморскаго еще не насталъ!

„Нѣтъ сомнѣнія, что атака непріятелемъ ведется искусно—это присланный тобою планъ доказываетъ, но и оборона хороша. Опасною считаю новую вражью батарею противъ Лабораторной казармы, ибо съ нея бить можно будетъ по кораблямъ, ежели съ сѣвернаго берега не удастся тебѣ сбить этой батареи—что̀ очень бы желательно. Полагаю, что хорошо бы также повторять ночныя вылазки, даже небольшими отрядами; но ранѣе, чѣмъ это письмо до тебя дойдетъ, вѣроятно все уже будетъ рѣшено. Буди воля Божія!

„Когда дойдутъ 10-ая и 11-ая дивизіи, надѣюсь, что ты во всякомъ случаѣ найдешь возможность нанести ударъ непріятелю, чтобъ поддержать честь оружія нашего. Крайне желательно, въ глазахъ иностранныхъ враговъ нашихъ и даже самой Россіи, доказать, что мы все еще тѣ же русскіе 1812 года—Бородинскіе и Парижскіе! Да поможетъ тебѣ въ томъ Богъ великосердый.

„Благодари всѣхъ и каждаго за ихъ богатырскій духъ, за ихъ вѣрную службу и скажи всѣмъ, что одно жалѣю, что я не съ вами; за то дѣти мои среди васъ будутъ“.

XVII.

Намѣреніе князя Меншикова перейти въ наступленіе.—Генералъ-лейтенантъ Липранди.—Его планъ наступательныхъ дѣйствій.—Балаклавское сраженіе.—Его послѣдствія.

Вопросъ о наступленіи съ нашей стороны составлялъ искреннѣйшее желаніе всѣхъ тѣхъ, которые видѣли въ этомъ залогъ успѣха военныхъ дѣйствій и благополучный исходъ Крымской кампаніи.

Почти со дня высадки союзниковъ, въ Бозѣ почившій императоръ въ своихъ письмахъ князю Меншикову неоднократно высказывалъ надежду, что главнокомандующій не преминетъ воспользоваться удобнымъ случаемъ и перейдетъ въ наступленіе. Онъ надѣялся, что съ прибытіемъ подкрѣпленій Крымская армія если не превыситъ, то сравняется численностію съ непріятелемъ, и мы будемъ имѣть возможность атаковать его. Князь Меншиковъ вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе о необходимости наступательныхъ дѣйствій, но долгое время не находилъ возможнымъ приступить къ этому, потому что вновь прибывшія къ нему войска подходили первое время малыми частями, едва хватавшими на пополненіе ежедневной убыли въ Севастопольскомъ гарнизонѣ. Принужденный для комплектованія гарнизона вводить въ городъ новые полки, князь Меншиковъ оставался самъ съ такими силами, съ которыми онъ не могъ предпринять никакихъ дѣйствій въ полѣ. Прикованный силою обстоятельствъ къ Севастополю, онъ ожидалъ прибытія болѣе значительной массы войскъ, и потому лишь только 12-ая пѣхотная дивизія вступила въ Крымъ, онъ рѣшился атаковать союзниковъ.

Не дожидаясь присоединенія къ арміи послѣднихъ полковъ, князь Меншиковъ потребовалъ къ себѣ начальника этой дивизіи, генералъ-лейтенанта Липранди, только-что пріѣхавшаго въ Бахчисарай. Показавши ему письмо, въ которомъ императоръ особенно рекомендовалъ Липранди какъ хорошаго и опытнаго генерала, князь Меншиковъ высказалъ намѣреніе атаковать непріятеля со стороны Балаклавы, какъ самаго слабаго пункта непріятельскаго расположенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самаго важнаго для англичанъ. Для послѣднихъ Балаклава была портомъ, арсеналомъ и складочнымъ мѣстомъ, откуда они получали все необходимое. Занятіе нами Балаклавы могло поставить англичанъ въ самое безвыходное положеніе, тѣмъ болѣе, что укрѣпленія, защищающія доступъ къ этому пункту, не приведены еще были къ окончанію.

Объяснивши положеніе дѣлъ и то состояніе, въ которомъ находились атака и оборона, князь поручилъ Липранди осмотрѣть расположеніе союзниковъ и представить свои соображенія относительно наступательныхъ дѣйствій.

Непріятельская позиція была растянута на весьма значительномъ пространствѣ, начиная отъ горы Спиліи, близъ Балаклавы, до Стрѣлецкой

бухты. У Балаклавы были расположены турки съ частью англичанъ, а далѣе по Сапунъ-горѣ до Лабораторной балки тянулись французы, упиравшіеся лѣвымъ флангомъ въ Воронцовскую дорогу, близъ телеграфа. Впереди селенія Кадыкіой, на высотахъ стоялъ отдѣльный непріятельскій отрядъ, который во время рекогносцировки занимался усиленіемъ укрѣпленій на своей позиціи, а за селеніемъ Кадыкіой находилась кавалерія. Противъ города стоялъ осадный корпусъ англо-французовъ, расположенный отдѣльными лагерями по всему Херсонесскому полуострову, перерѣзанному тремя глубокими балками.

Основываясь на растянутости и раздѣльности непріятельской позиціи, Липранди составилъ планъ, по которому предполагалось атаковать союзниковъ со стороны селенія Чоргунъ, какъ пункта, который былъ весьма важенъ въ стратегическомъ отношеніи, до тѣхъ поръ пока осада Севастополя могла продолжаться съ южной стороны. Пунктъ этотъ былъ грозенъ для Балаклавы и угрожалъ тылу осаждающихъ, и потому Липранди предполагалъ прежде всего овладѣть устроенными передъ селеніемъ Кадыкіой редутами, а затѣмъ съ достаточными силами двинуться въ тылъ непріятеля на Сапунъ-гору, которая въ то время не была еще сильно укрѣплена и представляла возможность въ трехъ мѣстахъ не только подняться на нее пѣхотными колоннами, но и ввести кавалерію съ конною артиллеріею.

Предположенія эти давали полную надежду на успѣхъ, тѣмъ болѣе, что разобщенный балками непріятель не могъ противопоставить намъ въ этомъ пунктѣ значительныхъ силъ.

Къ 22-му октября, съ прибытіемъ 10-ой и 11-ой пѣхотныхъ дивизій можно было собрать въ Чоргунѣ 65 батальоновъ, 52 эскадрона, 18 сотенъ казаковъ и до 200 орудій батарейныхъ и легкихъ, какъ пѣшихъ, такъ и конныхъ. Проектъ атаки удовлетворялъ всѣмъ возраженіямъ, былъ изложенъ съ мельчайшими подробностями и даже съ указаніемъ направленій, по которымъ слѣдовало двигаться на раздѣльные непріятельскіе лагери.

По составленной диспозиціи предполагалось прежде всего овладѣть редутами, находившимися впереди селенія Кадыкіой, а за тѣмъ всею массою войскъ двинуться на Сапунъ-гору, оставивъ резервомъ въ редутахъ дивизію пѣхоты съ ея артиллеріею. За исключеніемъ этой дивизіи

можно было ввести на Сапунъ-гору 49 батальоновъ, 52 эскадрона, 18 сотенъ казаковъ и 152 орудія.

Генералъ Липранди находилъ возможнымъ подняться тремя колоннами: первая, и самая сильная, двигаясь по шоссе и взойдя на Сапунъ-гору, должна была направиться на хуторъ Ознобишина и стремительно атаковать англичанъ, которые, будучи отдѣлены отъ французовъ глубокою балкою, могли быть разбиты до прибытія къ нимъ подкрѣпленій.

Средняя колонна должна была идти между шоссе и дорогою изъ Кадыкіой въ Севастополь, подняться на Сапунъ-гору и выстроиться въ боевой порядокъ, примыкая правымъ флангомъ къ хутору Папахриста. Назначеніемъ этой колонны было удерживать французовъ и не позволять имъ подать помощь англичанамъ, атакованнымъ правою колонною.

Въ лѣвую колонну назначалась вся кавалерія и часть пѣхоты, при чемъ кавалерія должна была направиться на селеніе Карань и отбросить непріятельскую кавалерію, а пѣхота, поднявшись на Сапунъ-гору, стать на позицію между хуторами Соколовскаго и Ергомышева. Дивизія, оставленная въ резервѣ, въ редутахъ, имѣла цѣлію наблюдать за движеніями непріятеля изъ Кадыкіоя и не дозволять ему двинуться на помощь атакованнымъ.

Планъ этотъ представлялъ тѣ выгоды, что мы могли дѣйствовать всею массою войскъ, а главное, что кромѣ пѣхоты вводили на гору всю кавалерію, которой у насъ было значительно болѣе, чѣмъ у непріятеля.

При благопріятномъ и точномъ исполненіи этой диспозиціи, войска, дѣйствуя совокупно, могли разбить союзниковъ по частямъ. Въ случаѣ же неудачи, отступленіе могло быть совершено въ порядкѣ, такъ какъ войска не имѣли сзади дефилей, а резервъ, оставленный въ редутахъ, всегда могъ поддержать отступающія части.

Князь Меншиковъ вполнѣ одобрилъ составленный проектъ, и положено было ожидать только прибытія 10-ой и 11-ой пѣхотныхъ дивизій и нѣкоторыхъ другихъ частей войскъ, направленныхъ княземъ Горчаковымъ къ Севастополю. Но 10-го октября вечеромъ, пріѣхалъ къ генералу Липранди генеральнаго штаба полковникъ Поповъ и отъ имени князя сообщилъ, что такъ какъ непріятель не перестаетъ сильно бомбардировать Севастополь, а у насъ чувствуется недостатокъ въ порохѣ, то необходимо было бы отвлечь вниманіе непріятеля отъ города, а потому

главнокомандующій и предполагаетъ сдѣлать всею 12-ою дивизіею сильную вылазку изъ Севастополя.

Рано утромъ слѣдующаго дня, Липранди поѣхалъ къ князю Меншикову и объяснилъ всю невозможность вылазки въ назначенномъ мѣстѣ. Онъ говорилъ, что подобная вылазка не только безполезна, но можетъ быть гибельна для Севастополя, что при столь незначительныхъ силахъ можно внести въ городъ непріятеля на своихъ плечахъ. Князь согласился съ приведенными доводами, тѣмъ болѣе, что это было и его собственное мнѣніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ необходимымъ, какъ онъ выразился, *„сдѣлать что-нибудь для отвлеченія непріятеля отъ Севастополя“*, и потому рѣшилъ, не ожидая прибытія двухъ дивизій 4-го корпуса, сдѣлать наступленіе съ одною дивизіею Липранди и ограничиться на первый разъ взятіемъ редутовъ, расположенныхъ впереди селенія Кадыкіой.

Князь Меншиковъ возложилъ исполненіе этого предпріятія на генералъ-лейтенанта Липранди, подъ начальствомъ котораго былъ сформированъ отдѣльный отрядъ изъ войскъ, находившихся внѣ Севастополя и частію только-что прибывшихъ. Въ составъ этого отряда вошли: 12-ая пѣхотная дивизія съ ея артиллеріею, вторая бригада 6-ой легкой кавалерійской дивизіи, сводный Уланскій полкъ, Уральскій казачій № 1-го и Донской № 53-го полки съ двумя конно-артиллерійскими батареями: донскою батарейною № 3-го и конно-легкою № 12-го.

Липранди возражалъ противъ такого рѣшенія. Онъ, совершенно справедливо, находилъ, что съ тѣми силами, которыя назначалъ главнокомандующій въ составъ дѣйствующаго отряда, атака будетъ преждевременна, что для дѣйствительнаго успѣха и достиженія какого-либо результата необходимы болѣе значительныя силы; что наступленіе съ одною дивизіею пѣхоты не мыслимо, такъ какъ она пробудитъ только вниманіе непріятеля, откроетъ ему цѣль дальнѣйшихъ нашихъ дѣйствій и укажетъ ему, можно сказать, на единственное мѣсто, гдѣ онъ долженъ ожидать рѣшительнаго удара съ нашей стороны.

— У насъ недостатокъ въ порохѣ,—отвѣчалъ на это кн. Меншиковъ и настаивалъ, чтобы наступательное движеніе было произведено на слѣдующій же день, т. е. 12-го октября.

Имѣя въ виду, что полки второй бригады 12-ой пѣхотной дивизіи

прибудутъ на Чоргунскую позицію весьма поздно 11-го октября, а Украинскій егерскій полкъ съ легкою № 8-го батареею сдѣлаютъ переходъ въ 36-ть верстъ, генералъ Липранди просилъ отложить атаку до 13-го числа, съ тѣмъ, чтобы войска имѣли время устроиться и отдохнуть, а полковые, батальонные и батарейные командиры могли ознакомиться съ мѣстностью, на которой имъ придется дѣйствовать [1]).

„Сожалѣя, что задуманное предпріятіе не осуществится завтра, — писалъ кн. Меншиковъ, — разрѣшаю вамъ отложить до послѣ-завтра, но съ тѣмъ, чтобы оно непремѣнно было приведено въ исполненіе“ [2]).

Съ утра 11-го октября войска стали спускаться въ долину Черной рѣчки и располагались бивуакомъ у селенія Чоргунъ. Передъ ними на возвышеніяхъ находились небольшие непріятельскіе кавалерійскіе пикеты, а за ними виднѣлись расположенныя въ одну линію укрѣпленія, надъ постройкою которыхъ непріятель усиленно трудился. Приходившіе полки составляли ружья въ козлы, разбивали коновязи, разсѣдлывали лошадей, и скоро между солдатами завязалось обширное знакомство. Пѣхотинцы сновали между коновязями; кавалеристы бродили между бивуачными кучками, отыскивая земляковъ и знакомыхъ. Черезъ четверть, а много черезъ полчаса все было въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ, и разговорамъ не было конца. Прибывавшія на бивуакъ войска встрѣчались какъ давно знакомыя и родныя.

Бивуакъ нашъ,—расположенный на правомъ берегу Черной рѣчки и прилегавшій правымъ флангомъ къ дорогѣ, идущей черезъ Трактирный мостъ, а лѣвымъ упиравшійся въ селеніе Карловку,—представлялъ живописную картину. Небольшая котловина, обставленная со всѣхъ сторонъ крутыми горами, гдѣ въ другое время не могъ бы размѣститься и одинъ полкъ съ батареею артиллеріи, теперь была переполнена войсками. А между тѣмъ всѣмъ было довольно мѣста, всѣмъ казалось удобно. Въ такихъ случаяхъ, какъ канунъ боя, человѣкъ становится менѣе требователенъ и примиряется со всѣми неудобствами, сознавая, что они слишкомъ ничтожны, въ сравненіи съ тою торжественною и величественною минутою, къ которой онъ готовится. Канунъ сраженія связываетъ всѣхъ узами

---

[1]) Рап. Липранди 11-го октября 1854 г. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 3346.
[2]) Отнош. кн. Меншикова Липранди 11-го октября, тамъ же.

боеваго родства. Каждый видитъ въ товарищѣ нѣчто родное, близкое и готовъ подѣлиться съ нимъ всѣмъ, что есть подъ рукою, лишь бы не нарушить того благоговѣйнаго и высокаго настроенія, съ которымъ воинъ, вступая въ бой, жертвуетъ своею жизнію по долгу и по совѣсти...

Около 10-ти часовъ утра 12-го октября пришелъ на бивуакъ начальникъ отряда генералъ-лейтенантъ Липранди.

Павелъ Петровичъ Липранди былъ безспорно одинъ изъ лучшихъ боевыхъ генераловъ нашей арміи. Человѣкъ прекрасно образованный, всегда слѣдившій за всѣми усовершенствованіями въ военномъ дѣлѣ и за военною литературою, онъ имѣлъ за собою, по сравненію съ другими, огромное преимущество,—боевую опытность, пріобрѣтенную имъ непосредственнымъ участіемъ почти во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ, происходившихъ въ теченіе его долголѣтней службы.

Въ отечественную войну мы видимъ Павла Петровича участвующимъ въ семнадцати сраженіяхъ. Въ турецкую войну 1828 и 1829 годовъ, онъ, какъ опытный офицеръ, по приказанію графа Дибича, отправляется для осмотра крѣпости Исакчи. Въ томъ же году Липранди, по порученію начальства, осматриваетъ въ Галацѣ суда, годныя для переправы; участвуетъ въ сраженіи при занятіи Браиловскаго форштадта, при бомбардированіи этой крѣпости и вслѣдъ за тѣмъ отправляется гр. Дибичемъ для осмотра крѣпости Кюстенджи. За сраженіе при Шумлѣ онъ получилъ орденъ св. Владиміра 4-ой степени.

Въ польскую кампанію 1830 года, Липранди командовалъ уже 1-й бригадою 11-ой пѣхотной дивизіи и, при штурмѣ передовыхъ Варшавскихъ укрѣпленій, онъ, во главѣ Елецкаго полка и со знаменемъ въ рукахъ, первый взошелъ на крѣпостной валъ; то же самое онъ сдѣлалъ и на слѣдующій день, предводительствуя штурмовою колонною, при взятіи Варшавскихъ укрѣпленій. За свои боевые подвиги Павелъ Петровичъ, еще въ чинѣ полковника, былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-го класса, не имѣя 4-ой степени этого ордена.

Назначенный начальникомъ 12-ой пѣхотной дивизіи, генералъ Липранди, въ 1853 году, поступилъ вмѣстѣ съ нею въ составъ дунайской арміи, занимавшей княжества Молдавію и Валахію. Въ слѣдующемъ 1854 году онъ былъ назначенъ начальникомъ мало-валахскаго отряда, имѣвшаго цѣлію прикрывать правый флангъ арміи и охранять Валахію

отъ вторженій турокъ. За славное дѣло при селеніи Чепурчени и „за отличіе, при семъ оказанное, и особенную распорядительность, при командованіи, въ теченіе восьми мѣсяцевъ, мало-валахскимъ отрядомъ“ генералъ-лейтенантъ Липранди, помимо другихъ орденовъ, былъ награжденъ орденомъ Бѣлаго орла.

Послѣ оставленія русскими войсками княжествъ Молдавіи и Валахіи и послѣдовавшею вслѣдъ за тѣмъ высадкою англо-французовъ въ Крымъ, Липранди, какъ извѣстно, получилъ приказаніе слѣдовать, съ своею 12-ою пѣхотною дивизіею, на усиленіе Крымской арміи. Такова была въ короткихъ словахъ предъидущая боевая дѣятельность Павла Петровича.

Впрочемъ не одни только военныя дѣйствія составили боевую репутацію генерала Липранди, но его заботы о солдатѣ, умѣнье въ затруднительныхъ обстоятельствахъ сберегать здоровье подчиненныхъ ему войскъ, снабжать ихъ съ изобиліемъ довольствіемъ и обезпечивать всѣмъ необходимымъ,—составляли лучшую его заслугу, цѣнились одинаково какъ начальниками, такъ и подчиненными, и доставили Павлу Петровичу популярность въ арміи. „Si vous avez un moment de libre,—писалъ кн. Горчаковъ кн. Меншикову [1])—faites parler Liprandi sur tout ce qui a trait à la conservation du soldat. C'est un homme à excellentes idées sous ce rapport“ [2]).

Попеченіе о солдатѣ и боевая опытность выдѣляли Липранди изъ ряда обыкновенныхъ генераловъ. Это былъ человѣкъ вполнѣ опытный, боевой, разумный, знавшій себѣ цѣну, не присвоивавшій себѣ чужаго труда и чужой мысли, но за то и не любившій предлагать свои услуги, чтобы пользовались ими другіе. Солдаты и офицеры любили своего начальника дивизіи, вѣрили въ его способности и счастливую звѣзду. Встрѣчая его всегда съ восторгомъ, войска точно также привѣтствовали его и на бивуакѣ 12-го октября.

Обходя ряды и здороваясь съ нижними чинами, Липранди остановился передъ 4-мъ стрѣлковымъ батальономъ.

---

[1]) Въ письмѣ отъ 29-го сентября 1854 г. См. также прилож. № 14-й.

[2]) Если у васъ есть свободная минута, заставьте Липранди разсказать вамъ обо всемъ, что касается сохраненія солдата. Это—человѣкъ съ прекрасными мыслями въ этомъ отношеніи.

— Завтра,— сказалъ онъ стрѣлкамъ, — намъ, можетъ быть, придется поработать; смотрите жъ—ни одной пули на вѣтеръ.

Въ тотъ же день послѣ полудня Липранди, сопровождаемый своимъ штабомъ и всѣми командирами отдѣльныхъ частей, производилъ рекогносцировку непріятельской позиціи. Поднявшись на довольно значительную высоту, находившуюся передъ селеніемъ Чоргунъ, рекогносцирующіе весьма ясно видѣли какъ мѣста расположенія непріятельскихъ войскъ, такъ и укрѣпленія, овладѣніе которыми составляло главнѣйшую цѣль предстоявшихъ дѣйствій. Смотря на эти укрѣпленія, начальникъ отряда, во избѣжаніе недоразумѣній въ предстоящемъ сраженіи, опредѣлилъ кругъ дѣйствій каждаго изъ начальниковъ отдѣльныхъ колоннъ. „Надобно отдать справедливость генералу Липранди,—пишетъ г. Рыжовъ [1])—что всѣ его распоряженія до самыхъ мелочей были самыя благоразумныя и самыя дѣльныя; каждому начальнику части были переданы мѣры на всякій могшій произойти случай ясно, основательно и подробно“.

Произведенная рекогносцировка показала, что Балаклава была прикрыта двойнымъ рядомъ укрѣпленій. Ближе къ Чоргуну, на вершинахъ высотъ, служившихъ раздѣломъ Балаклавской долины отъ долины Черной рѣчки, было видно пять редутовъ, изъ которыхъ лѣвый крайній № 1-го—извѣстный также подъ именемъ Канроберова холма (mamelon Canrobert) — былъ расположенъ на высотѣ къ сѣверо-западу отъ селенія Комары. Правѣе его, вдоль по хребту горъ, тянулись въ одну линію еще три редута, обозначенные № 2-мъ, № 3-мъ и № 4-мъ, изъ которыхъ послѣдній находился на высотѣ за Воронцовскою дорогою и въ весьма недальнемъ разстояніи отъ циркумвалаціонной линіи.

За этою передовою линіею укрѣпленій виднѣлась вторая линія, состоявшая изъ одного сомкнутаго укрѣпленія № 4-го, расположеннаго впереди селен. Кадыкіой, и двухъ батарей № 5-го и № 6-го, построенныхъ позади этой деревни. Лѣвѣе этихъ батарей вокругъ Балаклавы тянулась непрерывная линія укрѣпленій, упиравшаяся правымъ флангомъ въ неприступныя высоты горы Спиліи. Этотъ послѣдній рядъ состоялъ изъ батарей, соединенныхъ между собой траншеею. Траншею

---

[1]) О сраженіи подъ Балаклавой. Матер., вып. IV, 74.

эту предполагалось, со временемъ, довести не только до укрѣпленія № 4-го, но и продолжить далѣе до Сапунъ-горы, гдѣ она должна была соединиться съ циркумвалаціонною линіею. Теперь же траншея эта не была доведена и до селенія Кадыкіой, а оканчивалась впереди церкви св. Иліи, близъ дороги, которая вела изъ Балаклавы черезъ Трактирный мостъ къ Симферополю [1]). Кромѣ этой системы укрѣпленій въ серединѣ между селен. Кадыкіой и церковью, и нѣсколько позади ихъ, была расположена батарея № 7-го.

Итакъ со стороны Чоргуна, или, лучше сказать, той высоты, на которой стояли рекогносцирующіе, непріятельская позиція казалась почти неприступною, или по крайней мѣрѣ весьма сильною. Съ лѣвой стороны виднѣлось селеніе Комары, занятое непріятельскими аванпостами; правѣе его на высотахъ, вытянувшись въ одну линію, видны были занятые турками четыре непріятельскихъ редута, доступъ къ которымъ прикрывался мелкимъ кустарникомъ, затруднявшимъ свободное движеніе артиллеріи, способствовавшимъ штуцерной оборонѣ и доставлявшимъ болѣе выгодъ непріятелю, нежели намъ. Казавшіеся издали весьма сильными, редуты эти на самомъ дѣлѣ были тѣсны, лишены всякой взаимной фланговой обороны и вооружены только 13-ю орудіями. За этою линіею укрѣпленій, вдали, на тѣхъ же высотахъ, рисовалось, какъ бы въ туманѣ, селеніе Кадыкіой, впереди котораго стоялъ 93-й Шотландскій полкъ, а нѣсколько правѣе его виденъ былъ лагерь англійской кавалерійской дивизіи.

Позади селенія Кадыкіой, возлѣ Балаклавы и въ ближайшей къ ней линіи укрѣпленій расположены были команды флотскихъ экипажей. Всѣ эти войска, не исключая и турецкихъ, находились подъ начальствомъ англійскаго генерала Колинъ-Кемпбеля и состояли изъ 2.850 человѣкъ пѣхоты и 1.500 человѣкъ кавалеріи.

Укрѣпленіе № 1-го, какъ составлявшее ключъ позиціи, было избрано главнымъ пунктомъ атаки. Овладѣніе этимъ укрѣпленіемъ, состоявшимъ изъ редута, окруженнаго двумя рядами траншей и расположеннаго на крутой и высокой горѣ, представляло много затрудненій,

---

[1]) Тотлебенъ. «Оборона Севастополя» т. I, 364.

но за то, съ пріобрѣтеніемъ этого пункта, мы могли обстрѣливать остальныя укрѣпленія и тѣмъ облегчить доступъ къ нимъ [1]).

Сообразно съ расположеніемъ непріятеля и его укрѣпленій, вечеромъ, 12-го октября, была отдана диспозиція [2]), по которой всѣ войска отряда раздѣлены на три дѣйствующія колонны и резервъ. Для занятія селенія Комары предназначалась лѣвая колонна генералъ-маіора Гриббе, въ составѣ 3¼ батальоновъ, 4-хъ эскадроновъ, сотни казаковъ и 10-ти орудій [3]). Средняя колонна командира 1-ой бригады 12-ой пѣхотной дивизіи генералъ-маіора Семякина, имѣвшая цѣлію овладѣть высотою и атаковать редутъ № 1-го, состояла изъ двухъ отдѣленій, изъ коихъ въ первомъ или лѣвомъ было 3¼ батальона и 6-ть орудій [4]), а во второмъ 2 батальона и 4 орудія [5]). Наконецъ, правая колонна, назначенная для овладѣнія редутомъ № 4-го и состоявшая изъ 4¼ батальоновъ, 3-хъ сотенъ казаковъ и 8 орудій [6]), была ввѣрена командиру Одесскаго егерскаго полка, полковнику Скюдери. Резервомъ для этихъ двухъ отдѣленій служила колонна, подъ начальствомъ командира 2-ой бригады 12-ой пѣхотной дивизіи генералъ - маіора Левуцкаго, состоявшая изъ 3¼ батальоновъ и 8-мь орудій [7]). На-

---

[1]) Рапортъ генерала Липранди кн. Меншикову № 3119. Арх. Глав. штаба: «О дѣлахъ и вылазкахъ, бывшихъ на Крымскомъ полуостровѣ».

[2]) Арх. канц. воен. минис. по снаряженію войскъ, дѣло № 110.

[3]) Въ составъ этой колонны назначены: первые три батальона Днѣпровскаго полка, рота № 4-го стрѣлковаго батальона, четыре орудія батарейной № 4-го и шесть орудій легкой № 6-го батареи 12-ой артиллерійской бригады, четыре эскадрона сводно-уланскаго полка и сотня казаковъ № 53-го полка.

[4]) Первые три батальона Азовскаго пѣхотнаго полка, рота № 4-го стрѣлковаго батальона и 6-ть орудій легкой № 6-го батареи 12-й артиллерійской бригады.

[5]) Два четвертыхъ батальона Азовскаго и Днѣпровскаго полковъ, съ четырьмя орудіями батарейной № 4-го батареи 12-ой артиллерійской бригады.

[6]) Четыре батальона Одесскаго полка, рота № 4-го стрѣлковаго батальона, 8-мь орудій легкой № 7-го батареи 12-ой артиллерійской бригады и три сотни казаковъ № 53-го полка.

[7]) Три батальона Украинскаго полка, рота 4-го стрѣлковаго батальона, четыре орудія батарейной № 4-го и четыре легкой № 7-го батарей 12-ой артиллерійской бригады. Въ день сраженія, какъ увидимъ ниже, колонна эта была введена въ дѣло въ самомъ началѣ боя.

конецъ, 4-й батальонъ Украинскаго полка съ легкою № 8-го батареею, составляя резервъ всего дѣйствующаго отряда, были оставлены на позиціи при сел. Чоргунъ.

Вся остальная кавалерія, бывшая при отрядѣ и состоявшая изъ двухъ полковъ 6-ой легкой кавалерійской дивизіи и Уральскаго казачьяго № 1-го полка, съ конно-легкою № 12-го батареею и донскою батарейною № 3-го батареею, подъ общимъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Рыжова, переправившись черезъ мостъ на Черной рѣчкѣ и построившись на равнинѣ въ колонны къ атакѣ, должна была дѣйствовать по указанію самого Липранди.

Въ обезпеченіе праваго фланга наступающаго отряда назначалась колонна генералъ-маіора Жабокритскаго, состоявшая изъ $7^3/_4$ батальона, 2-хъ эскадроновъ, 2-хъ сотенъ казаковъ и 14-ти орудій [1]). Колонна эта должна была, спустившись съ Инкерманскихъ высотъ, стать на правомъ флангѣ дѣйствовавшаго отряда.

Для лучшаго успѣха дѣйствій, при движеніи въ атаку, обѣ линіи пѣхоты, предшествуемой разсыпанными впереди штуцерными, должны были построиться въ ротныя колонны, съ интервалами между линіями не ближе 100 шаговъ. Третья линія, построенная въ колонны къ атакѣ, слѣдовала за второю не ближе 200 шаговъ.

Въ заключеніе своей диспозиціи генералъ Липранди писалъ, „что, при подобныхъ предпріятіяхъ, штыкъ есть главное орудіе къ достиженію вѣрнаго и скораго успѣха“.

Къ вечеру 12-го октября собрались на бивуакъ передъ селеніемъ Чоргунъ одинъ стрѣлковый и 16 пѣхотныхъ батальоновъ [2]), 18 эскад-

---

[1]) Три батальона Владимірскаго и четыре батальона Суздальскаго пѣхотнаго полковъ, двѣ роты № 6-го стрѣлковаго батальона, рота Черноморскихъ пластуновъ, два эскадрона гусарскаго Гросъ-Герцога Саксенъ-Веймарскаго полковъ, двѣ сотни Донскаго № 60-го полка, 10-ть орудій батарейной № 1-го и четыре легкой № 2-го батарей 16-ой артиллерійской бригады.

[2]) Полки Азовскій и Днѣпровскій пѣхотные, Украинскій и Одесскій егерскіе, каждый въ четырехъ-батальонномъ составѣ и 4-ый стрѣлковый батальонъ.

роновъ кавалеріи [1]), 10 сотенъ казаковъ [2]) и 64 орудія полевой артиллеріи [3]). Вся численность этого отряда не превышала 16.000 человѣкъ.

Былъ тихій прекрасный вечеръ, такой, какимъ изобилуетъ Крымъ во время ранней осени. Повсюду были видны составленныя въ козлы ружья, орудія, зарядные ящики, лошади и самыя разнообразныя группы солдатъ, разговаривавшихъ или дремавшихъ у дымящихся костровъ. Кое-гдѣ подъ кустомъ блестѣлъ огонекъ горящей свѣчи, возлѣ которой группировались офицеры и вели оживленный разговоръ. Предстоящее дѣло было одинаково обильно для воображенія какъ людей хладнокровныхъ, такъ и тѣхъ, которымъ опасность и всякаго рода треволненія составляютъ истинную поэзію жизни. Тамъ у опушки небольшаго кустарника, разсѣлось нѣсколько кавалерійскихъ юнкеровъ, которые, въ пылу дружеской бесѣды, среди воспоминаній прошедшаго и мечтаній о предстоящемъ сраженіи, забыли о покоѣ и отдохновеніи. Нѣкоторые изъ нихъ тихо бесѣдовали между собою, другіе дѣлали различныя распоряженія: сжигали письма, которыхъ не желали, въ случаѣ смерти, видѣть въ постороннихъ рукахъ, и писали духовныя завѣщанія, взаимно передавая ихъ другъ другу. Каждый имѣлъ близкаго друга или товарища, котораго избиралъ въ случаѣ смерти своимъ душеприкащикомъ. Подлѣ этой кучки молодежи, въ полумракѣ, около лѣса, освѣщеннаго отблескомъ разложенныхъ костровъ, виднѣлись коновязи и кучки солдатъ, группировавшихся около старыхъ служивыхъ. Одни изъ нихъ паказывали землякамъ и товарищамъ переслать къ ихъ роднымъ, въ случаѣ смерти, бывшія у нихъ деньги; другіе съ живымъ любопытствомъ слушали разсказы о сраженіи, о первомъ впечатлѣніи, которое производятъ на человѣка свистъ пули и шумъ летящихъ артиллерійскихъ снарядовъ. . . . .

---

[1]) Восемь эскадроновъ гусарскаго Е. И. В. Николая Максимиліановича, шесть эскадроновъ гусарскаго Гросъ-Герцога Саксенъ-Веймарскаго и четыре эскадрона сводно-уланскаго полковъ (дивизіонъ этого послѣдняго полка оставленъ въ Байдарской долинѣ).

[2]) Шесть сотенъ Уральскаго казачьяго № 1-го и четыре сотни донскаго № 53-го полковъ.

[3]) Четыре батареи въ 48 орудій 12-й артиллерійской бригады, 8 орудій конно-легкой № 12-го батареи и 8 орудій донской батарейной № 3-го батареи.

Но вотъ постепенно все стихло, и воцарилось глубокое молчаніе, прерываемое иногда ржаніемъ лошадей, бряцаніемъ оружія дежурныхъ, да тихимъ шопотомъ не заснувшихъ. Какъ-то таинственно блистали штыки на ружьяхъ, посеребренные едва мерцающимъ огонькомъ потухающихъ костровъ.

Наступило раннее утро 13-го октября. Едва зардѣлась заря, какъ лагерь сталъ просыпаться. Солдаты копошились около лошадей и орудій; старые служивые, готовясь на смерть, надѣвали чистое бѣлье; другіе молились; начальство хлопотало у своихъ частей, дѣлая различнаго рода распоряженія.

Черезъ часъ каша была готова, и солдатъ звали къ винной порціи.

За часъ до выступленія, пѣхота разобрала ружья, кавалерія сѣла на коней, артиллерія взяла орудія на передки. Вдали показался начальникъ отряда, генералъ Липранди, который, объѣзжая войска и обращаясь къ полкамъ своей дивизіи,—выразилъ увѣренность, что они будутъ драться такъ же храбро, какъ и на Дунаѣ. Онъ прибавилъ, что не сомнѣвается въ побѣдѣ. Неумолкаемымъ крикомъ „ура!“ отвѣчали солдаты на увѣренность своего начальника. Это не былъ тотъ крикъ, который такъ протяжно и ровно раздается на ученьяхъ,—это былъ крикъ увѣренности въ своей силѣ, побѣдный крикъ, вырвавшійся изъ могучей груди нашего богатыря солдата [1]).

Въ пять часовъ утра, 13-го октября, войска оставили бивуакъ при селеніи Чоргунъ и выступили по двумъ ущельямъ. По главному, ведущему изъ селенія Чоргунъ въ Кадыкіой, наступала колонна генералъ-маіора Левуцкаго; лѣвѣе его, и прикрываясь небольшою высотою, шла колонна генералъ-маіора Семякина. По второму ущелью, ведущему изъ селенія Чоргунъ въ Байдарскую долину, слѣдовалъ отрядъ генералъ-маіора Гриббе, и наконецъ по Трактирному мосту переправлялась колонна полковника Скюдери, а за нимъ,—вся кавалерія подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Рыжова.

Около получаса двигались наши войска въ самомъ глубокомъ мол-

---

[1]) И. Ушаковъ. «Описаніе атаки русскихъ войскъ на Кадыкіойскія высоты». Матер., вып. 18; Корибутъ-Кубитовичъ, «Воспоминаніе о Балаклавскомъ дѣлѣ». Тамъ же Кожуновъ, «Изъ Крымскихъ воспоминаній о послѣдней войнѣ». Рыжовъ, «О сраженіи подъ Балаклавой», тамъ же.

чаніи; даже лошади не ржали, какъ бы опасаясь обратить на себя вниманіе непріятеля.

Но вотъ вдали послышался ружейный выстрѣлъ, за нимъ другой, потомъ третій—и дѣло началось.

Колонна генералъ-маіора Гриббе прежде всѣхъ достигла до мѣста назначенія. Полсотни казаковъ изъ числа бывшихъ при отрядѣ и слѣдовавшихъ въ головѣ колонны, поддержанные эскадрономъ сводно-уланскаго полка, бросились на стоявшій у часовни Іоны Постнаго непріятельскій пикетъ и, оттѣснивъ его, заняли дорогу, идущую въ Балаклаву. Атакованный непріятель отступилъ, не оказавши никакого сопротивленія. Вслѣдъ за тѣмъ, пѣхота заняла селеніе Комары.

По окраинѣ селенія, лицомъ къ непріятелю разсыпались наши штуцерные, а правѣе ихъ на гребнѣ возвышенія стали четыре орудія легкой № 6-го батареи 12-ой артиллерійской бригады для дѣйствія вправо по редуту № 1-го. Выдвинутые же впередъ, за селеніе Комары, четыре орудія батарейной № 4-го батареи 12-ой артиллерійской бригады обстрѣливали всю мѣстность, лежащую передъ селеніемъ Кадыкіой.

Вслѣдъ за тѣмъ генералъ-маіоръ Левуцкій, подойдя къ Кадыкіойскимъ высотамъ и выдвинувъ впередъ свою артиллерію, открылъ огонь по укрѣпленіямъ № 1-го и № 2-го. Съ открытіемъ артиллерійскаго огня всѣ колонны дѣйствующаго отряда были уже на своихъ мѣстахъ и ввиду непріятеля. Въ лощинѣ и примыкая правымъ флангомъ къ Ѳедюхинымъ высотамъ, стояла колонна полковника Скюдери [1]), а позади ея, близъ дороги, генералъ Рыжовъ съ своею кавалеріею, построенною въ колонны къ атакѣ. Лѣвѣе ихъ стоялъ съ своимъ отрядомъ генералъ Левуцкій, а за нимъ противъ редута № 1-го генералъ-маіоръ Семякинъ. Селеніе Комары было занято отрядомъ генералъ-маіора Гриббе. Въ образовавшійся промежутокъ между имъ и колонною генерала Семякина были выдвинуты три эскадрона сводно-уланскаго полка, а четвертый, вмѣстѣ съ сотнею донскаго № 53-го казачьяго полка, направлены въ Байдарскую долину для наблюденія за непріятелемъ съ этой стороны.

Объѣхавъ всю линію войскъ и найдя, что всѣ части находятся на своихъ мѣстахъ, генералъ Липранди приказалъ выдвинуть впередъ дон-

---

[1]) См. прилагаемый планъ сраженія.

скую батарейную № 3-го батарею и открыть огонь по укрѣпленію № 3-го. Удачное дѣйствіе этой батареи обратило на себя вниманіе англо-французовъ. Помня рекогносцировку, произведенную 6-го октября генераломъ Семякинымъ, съ Ѳедюхиныхъ высотъ, и видя усиленіе нашихъ войскъ противъ лѣваго фланга, союзники полагали, что редутъ № 3-го составляетъ исключительную цѣль нашихъ дѣйствій.

Между тѣмъ, съ появленіемъ нашихъ войскъ въ виду непріятеля, турки тотчасъ же открыли огонь со всѣхъ одиннадцати орудій, бывшихъ въ четырехъ редутахъ, но обстрѣливаемые мѣткимъ огнемъ нашей артиллеріи, находившейся не далѣе 400 саженъ отъ редутовъ, скоро принуждены были замолчать. Прежде другихъ прекратилъ свой огонь редутъ № 1-го, противъ котораго были направлены выстрѣлы выдвинутой впередъ артиллеріи трехъ отрядовъ: Левуцкаго, Семякина и Гриббе.

Было около 7-ми часовъ утра, когда генералъ-маіоръ Семякинъ двинулся впередъ съ своимъ отрядомъ, построеннымъ въ три линіи: двѣ въ ротныхъ колоннахъ, а третья въ колоннахъ къ атакѣ. Когда, подъ прикрытіемъ артиллерійскаго огня и цѣпи штуцерныхъ, отрядъ подошелъ не далѣе 150 шаговъ къ подошвѣ высоты, на которой находился редутъ № 1-го, тогда приказано было Азовскому полку овладѣть этимъ укрѣпленіемъ.

Съ первымъ движеніемъ Азовскаго полка на штурмъ укрѣпленія, англичане выдвинули между редутами № 1 и № 2 шесть полевыхъ орудій, которыя и открыли было огонь по наступающимъ, но штуцерные Украинскаго полка и дивизіонъ батарейной № 4-го батареи, подъ командою поручика Постникова, заставили ихъ немедленно отступить и тѣмъ значительно содѣйствовали успѣху атаки.

Передъ глазами всего отряда, какъ бы на удивленіе оставшимся позади товарищамъ, предводимые генераломъ Семякинымъ и своимъ храбрымъ командиромъ полковникомъ Крюднеромъ, шли азовцы въ атаку, не обращая вниманія на градъ пуль и артиллерійскихъ снарядовъ. Ни значительная крутизна, ни мѣткій батальный огонь стрѣлковъ, находившихся въ укрѣпленіи, ни на минуту не остановили храбрыхъ азовцевъ. При всякой убыли смыкая ряды, они, въ стройномъ порядкѣ, подошли къ подошвѣ горы. Раздался протяжный крикъ „ура!“, и вся покатость высоты покрылась густою толпою атакующихъ. Въ одно мгно-

веніе азовцы, какъ шмели, облѣпили укрѣпленіе: кто обѣжалъ съ тыла, кто просто пролѣзъ въ амбразуры, и пошла штыковая работа русскаго солдата. Въ семь съ половиною часовъ утра Азовскій полкъ поставилъ свои знамена въ редутѣ № 1-го. Бывшіе въ этомъ укрѣпленіи турки, хотя и дрались весьма упорно, такъ что оставили на мѣстѣ до 170 тѣлъ, но принуждены были отступить, и укрѣпленіе съ тремя орудіями и лагеремъ досталось въ руки побѣдителей. Азовцы рѣшили участь побѣды—они вынесли ее на своихъ плечахъ. Одновременно съ занятіемъ редута полковникъ Аѳанасьевъ, съ четырьмя орудіями легкой № 6-го батареи, поднявшись на высоту, открылъ картечный огонь по отступавшему непріятелю.

Съ паденіемъ укрѣпленія № 1-го турки, защищавшіе сосѣдніе два редута № 2-го и № 3-го, видя наступленіе генерала Левуцкаго съ Украинскимъ полкомъ, не выждали удара и поспѣшно обратились въ бѣгство; точно также непріятель бѣжалъ и изъ укрѣпленія № 4-го, противъ котораго шелъ Одесскій егерскій полкъ, предводимый храбрымъ командиромъ своимъ полковникомъ Скюдери. Редутъ этотъ, какъ слишкомъ выдвинувшійся впередъ къ непріятелю, по приказанію генерала Липранди, былъ тотчасъ же срытъ, находившіяся на немъ орудія заклепаны, колеса у лафетовъ перерублены, а самыя тѣла орудій сброшены съ горы.

По исполненіи этого, полковникъ Скюдери оставилъ укрѣпленіе и, присоединившись къ правому флангу общей линіи наступавшихъ войскъ, расположилъ свои батальоны въ бывшемъ здѣсь кустарникѣ.

Выбитые изъ всѣхъ редутовъ турки бѣжали къ дер. Кадыкіой и присоединились къ стоявшимъ впереди селенія 93-му шотландскому полку и дивизіи англійской кавалеріи.

Выстрѣлы на Кадыкіойскихъ высотахъ встревожили союзниковъ. Оба главнокомандующіе прибыли на мѣсто дѣйствій, а въ Балаклавѣ ударили тревогу. Бывшіе тамъ англійскія и турецкія войска выступили изъ города и остановились сначала по серединѣ между городомъ и редутами, а потомъ придвинулись къ селенію Кадыкіой; расположенныя по склону Сапунъ-горы батареи циркумвалаціонной линіи открыли огонь по нашимъ войскамъ. За батареями, по хребту той же горы, до самаго телеграфа, что на Воронцовской дорогѣ, вытянулась въ одну линію дивизія Боске.

Такимъ образомъ непріятель расположился предъ нами въ двѣ линіи: въ первой ближайшей къ редутамъ стояли, на правомъ флангѣ, турки, бѣжавшіе изъ укрѣпленій, въ срединѣ 93-й шотландскій полкъ, а на лѣвомъ флангѣ и нѣсколько позади—дивизія англійской кавалеріи. За этими войсками во второй линіи находился собравшійся Балаклавскій гарнизонъ, стоявшій возлѣ селенія Кадыкіой.

Считая положеніе союзниковъ весьма опаснымъ, генералъ Канроберъ тотчасъ же послалъ за бригадами Эспинаса и Винуа и кавалерійскою бригадою д'Алонвиля, а лордъ Рагланъ потребовалъ къ себѣ 1-ю и 4-ю пѣхотныя дивизіи. Для поддержанія же шотландцевъ и турокъ, стоявшихъ впереди селенія Кадыкіой, приказано было кавалерійской бригадѣ Скерлета примкнуть къ лѣвому флангу 93-го шотландскаго полка, а бригадѣ Кардигана, ставши лѣвѣе оставленнаго нами редута № 4-го, и на одной высотѣ съ нимъ, занять промежутокъ между этимъ укрѣпленіемъ и Сапунъ-горою.

Нѣсколько ранѣе послѣдняго распоряженія англійскаго главнокомандующаго и вскорѣ послѣ занятія непріятельскихъ редутовъ, генералъ Липранди выдвинулъ за перевалъ высотъ, ближе къ непріятельскому лагерю, всю кавалерію генерала Рыжова, при чемъ приказалъ ему атаковать непріятеля и стараться уничтожить предполагаемый паркъ, будто бы расположенный близъ селенія Кадыкіоя [1]).

Мѣстность, по которой приходилось нашей кавалеріи двигаться въ атаку, имѣла видъ широкаго ущелья, окаймленнаго справа Ѳедюхиными высотами, а слѣва Кадыкіойскими, впослѣдствіи извѣстными подъ именемъ Семякиныхъ высотъ. По выходѣ изъ этого ущелья открывалось влѣво широкое поле Балаклавской долины, сначала постепенно ниспадающее, а потомъ снова подымающееся къ мѣсту, занятому непріятелемъ. Однимъ словомъ, мѣстность эта представляла нѣчто вродѣ внутренности обширнаго треугольника, стороны котораго составляли Сапунъ - гора и Кадыкіойскія высоты, а вершина обращена была къ монастырю св. Георгія.

Въ углу этого треугольника, обращеннаго къ намъ своимъ широкимъ основаніемъ, стояла англійская кавалерія, а по ея флангамъ: французы

---

[1]) Парка тамъ не было, а былъ бивуакъ кавалерійской дивизіи.

*

на Сапунъ-горѣ, а англичане и турки—на высотахъ впереди селен. Кадыкіой. При такомъ расположеніи непріятель могъ свободно обстрѣливать перекрестнымъ огнемъ все поле, по которому приходилось слѣдовать нашей кавалеріи.

Получивши приказаніе атаковать непріятеля, генералъ-лейтенантъ Рыжовъ, оставивъ на мѣстѣ Уральскій казачій № 1-го полкъ, двинулъ впередъ гусарскую бригаду, построенную въ двѣ линіи, въ дивизіонныхъ колоннахъ къ атакѣ, имѣя Лейхтенбергскій полкъ въ первой линіи. Гусары двигались прибавленною рысью, на томъ основаніи, что до предполагаемаго парка имъ приходилось пройти подъ непріятельскими выстрѣлами отъ двухъ до трехъ верстъ; что по самому расположенію непріятеля огонь его и степень поражаемости, съ приближеніемъ къ цѣли, должны были усиливаться, а слѣдовательно, для избѣжанія значительныхъ потерь, необходимо было, чтобы по мѣрѣ приближенія къ непріятелю скорость движенія нашей кавалеріи постепенно увеличивалась; и наконецъ потому, что такого разстоянія не было возможности пройти карьеромъ, не нарушивши стройности движенія и не ослабивши своей силы, при встрѣчѣ съ кавалеріею непріятеля.

На ходу, генерала Рыжова догналъ посланный отъ генерала Липранди, объявившій, что командующій отрядомъ, находя два слабые полка [1]) недостаточными для атаки, приказалъ идти туда же и полку Уральскихъ казаковъ. Съ гикомъ и безъ всякаго порядка бросились уральцы по первому приказанію двинуться впередъ. Принявши влѣво и обогнавъ гусаръ, казаки съ крикомъ „ура!“ быстро носились взадъ и впередъ, не сближаясь однако же съ непріятелемъ. Въ это время гусары, двигавшіеся по мѣстности, возвышавшейся къ непріятелю, находились не далѣе 200 саженъ отъ англійской кавалеріи, упиравшейся правымъ флангомъ въ изрытую мѣстность и стоявшей совершенно готовою къ бою, подъ защитою довольно сильной батареи, устроенной возлѣ селен. Кадыкіой. Чѣмъ ближе подходили гусары, тѣмъ сильнѣе становился непріятельскій огонь. Осыпаемые съ двухъ сторонъ пулями и артиллерійскими снарядами, они, можно сказать, шли сквозь строй непріятельскихъ выстрѣловъ. Между двумя противниками были коновязи и накрытые

---

[1]) Всѣ эскадроны имѣли не болѣе 10 рядовъ во взводѣ, а въ нѣкоторыхъ было и менѣе.

столы, съ поставленными на нихъ приборами. Развернувшись въ одну линію, почти передъ носомъ непріятеля, и не имѣя за собою резерва, оба полка бросились въ атаку; коновязи и столы были опрокинуты, и гусары насѣли на непріятеля, принявшаго атаку стоя на мѣстѣ. Такое выжидательное положеніе англичанъ дало значительное преимущество нашей кавалеріи. Шедшій въ головѣ колонны эскадронъ Лейхтенбергскаго полка, подъ командою храбраго полковника Войниловича, первымъ врубился въ ряды англичанъ.

Лишь только произошло столкновеніе, какъ огонь непріятеля тотчасъ же прекратился, а вмѣсто него начался рукопашный бой. Тишина съ обѣихъ сторонъ была удивительная; только тамъ, гдѣ-то вдали, кричали гарцовавшіе казаки, на которыхъ впрочемъ никто не обращалъ вниманія [1]). Самый жестокій рукопашный бой, продолжавшійся минутъ семь—восемь, ни на мгновеніе не прекращался: ни гусары, ни англичане не хотѣли уступить другъ другу; обѣ стороны оставались на мѣстѣ, не сдѣлавъ шагу ни впередъ, ни назадъ. Наконецъ послѣ ожесточенной борьбы англичане принуждены были повернуть назадъ, и причиною тому было слѣдующее обстоятельство. Когда наши гусары бросились въ атаку, то первый эскадронъ гусарскаго Саксенъ-Веймарскаго полка, будучи потѣсненъ съ лѣвой стороны, на всемъ скаку принялъ вправо, вслѣдствіе чего, въ минуту столкновенія съ англичанами, первый взводъ этого эскадрона не имѣлъ противъ себя противника. Сдѣлавши быстрый заѣздъ налѣво, первый взводъ лейбъ-эскадрона атаковалъ во флангъ англійскихъ драгунъ и врубился въ ряды ихъ. Замѣшательство, произведенное фланговою атакою нашихъ гусаръ, постепенно передаваясь по всей линіи англичанъ, заставило ихъ отступить. Наши гусары бросились было ихъ преслѣдовать, но были остановлены генераломъ Рыжовымъ, справедливо опасавшимся за дальнѣйшее отступленіе.

Не имѣя за собой резерва, необходимо было воспользоваться разстройствомъ англичанъ, чтобы уйти во-время, тѣмъ болѣе, что если бы при отступленіи англичане стали насъ преслѣдовать, то при неизбѣжномъ разстройствѣ и безпорядкѣ и при движеніи по мѣстности, постепен-

---

[1]) «Воспоминанія о войнѣ на Крымскомъ полуостровѣ» Арбузова (рукоп.). «Записка Рыжова». Матер., вып. IV.

по понижающейся, наша кавалерія могла бы потерпѣть конечное пораженіе.

Между тѣмъ какъ только англійскіе драгуны отступили за линію пѣхоты, шотландцы и турки тотчасъ же открыли огонь. Примѣру ихъ послѣдовали батарея, бывшая у селен. Кадыкіой, и нѣкоторыя изъ французскихъ батарей, расположенныхъ на Сапунъ-горѣ. Атака и огонь значительно разстроили гусаръ; много офицеровъ выбыло изъ строя и въ нѣкоторыхъ эскадронахъ осталось не болѣе 5 рядовъ во взводахъ [1]). Подъ сильнымъ огнемъ артиллеріи и штуцерныхъ, гусары, понесшіе довольно значительную потерю, отступили на правый флангъ общаго расположенія нашего отряда, за линію редутовъ. Они заняли всю поперечную часть долины, примыкая лѣвымъ флангомъ къ возвышенію, на которомъ находился занятый нами редутъ № 3, а правымъ къ Ѳедюхинымъ высотамъ, на которыхъ появился въ это время отрядъ генералъ-маіора Жабокритскаго. Послѣдній выдвинулъ впередъ артиллерію, и, разсыпавъ по скату высотъ цѣпь стрѣлковъ и пластуновъ, прикрылъ правый флангъ нашей кавалеріи.

Атака нашими гусарами англійской кавалеріи, несмотря на всѣ доводы противниковъ, составитъ одну изъ блестящихъ страницъ исторіи какъ нашей, такъ и англійской кавалеріи: обѣ стороны явились здѣсь достойными соперниками другъ другу. Подъ сильнымъ огнемъ непріятеля наша кавалерія, не имѣвшая за собою резерва, смѣло атакуетъ и заставляетъ отступить такого противника, который рѣшается принять ударъ грудью, стоя на мѣстѣ,—такихъ примѣровъ блестящаго дѣйствія кавалеріи немного въ военной исторіи. Основываясь на расположеніи союзниковъ, иностранные писатели называютъ атаку нашей кавалеріи вполнѣ дерзкою и сознаются, что она была такъ быстра и неожиданна, что только одинъ 93-й шотландскій полкъ былъ готовъ встрѣтить ее

---

[1]) Въ Лейхтенбергскомъ полку выбыло изъ строя 18 штабъ и оберъ-офицеровъ, 122 челов. нижнихъ чиновъ, а въ Саксенъ-Веймарскомъ—12 штабъ и оберъ-офицеровъ и 105 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Полковникъ Войниловичъ былъ убитъ, командиръ Лейхтенбергскаго полка генералъ-маіоръ Халецкій получилъ двѣ раны, а подъ генералъ-лейтенантомъ Рыжовымъ была убита лошадь.

своими выстрѣлами [1]). Единственный упрекъ, который можно сдѣлать англійской кавалеріи, это то, что она приняла ударъ оставаясь на мѣстѣ. Если бы англичане бросились впередъ стройною массою своихъ рослыхъ лошадей, то наши гусары не могли бы противустоять имъ, тѣмъ болѣе, что они подымались въ гору и должны были преодолѣть два препятствія, столы и коновязи, неизбѣжно нарушившіе плотность строя.

Отступленіе нашей кавалеріи произведено было какъ нельзя болѣе во̀-время потому, что къ англичанамъ стали подходить подкрѣпленія. Прежде другихъ прибыла, около 10 часовъ утра, дивизія герцога Кембриджскаго и французская кавалерія. Первая стала нѣсколько лѣвѣе 93-го шотландскаго полка, а послѣдняя лѣвѣе англійской кавалеріи. Черезъ полчаса подошла дивизія Каткарта, остановившаяся во второй линіи, за дивизіею герцога Кембриджскаго, у подошвы Сапунъ-горы; за нею прибыла бригада Винуа, расположившаяся у редута № 5-го. Послѣдній такъ спѣшилъ на помощь къ англичанамъ, что не успѣлъ даже захватить съ собою ранцевъ.

Отступившіе наши гусары продолжали устраиваться. Вся ширина долины была занята выдвинутыми впередъ конно-легкою № 12-го и донскою конно-батарейною № 3-го батареями, правѣе которыхъ, на склонѣ Ѳедюхиныхъ высотъ, стояли двѣ батареи изъ отряда генералъ-маіора Жабокритскаго, а лѣвѣе, на Кадыкіойскихъ высотахъ, находилось восемь орудій легкой № 7-го батареи, прикрытой цѣпью штуцерныхъ Одесскаго полка и роты четвертаго стрѣлковаго батальона, выдвинутыхъ изъ отряда полковника Скюдери. За конными батареями, не далѣе 40 шаговъ, былъ поставленъ, въ головѣ колонны, развернутымъ фронтомъ Уральскій казачій № 1-го полкъ; позади его, точно въ такомъ же разстояніи отъ первой линіи, поставленъ въ колоннахъ къ атакѣ Кіевскій гусарскій его императорскаго высочества герцога Лейхтенбергскаго полкъ, и наконецъ въ третьей линіи развернутымъ фронтомъ стояли пять эскадроновъ Ингерманландскаго герцога Саксенъ-Веймарскаго полка; шестой эскадронъ этого полка былъ поставленъ въ первой линіи на правомъ флангѣ Уральскаго полка подъ прямымъ къ нему угломъ. На лѣвомъ

---

[1]) Précis critique et militaire de la guerre d'Orient rédigé sur des documents inédits etc. par Hippolyte Vigneron. Paris 1858, p. 73—75.

флангѣ, въ кустахъ и нѣсколько позади общаго расположенія кавалеріи, между редутами № 2-го и № 3-го, находились переведенные съ лѣваго фланга, отъ селен. Комары, три эскадрона сводно-уланскаго полка, подъ начальствомъ полковника Еропкина [1]).

Позади всей массы кавалеріи находился водопроводный каналъ съ перекинутымъ черезъ него деревяннымъ мостикомъ.

Такое расположеніе кавалеріи было вполнѣ ошибочно. Сжатая въ одну кучу, поставленная весьма близко за батареями, въ три линіи съ небольшими промежутками, и при томъ въ такомъ строѣ, который былъ противенъ всѣмъ правиламъ тактическаго дѣйствія этого рода войскъ,—наша кавалерія не могла оказать никакого сопротивленія, въ случаѣ нападенія на нее непріятеля. Только убѣжденіе начальниковъ въ томъ, что съ отступленіемъ нашей кавалеріи, послѣ атаки англичанъ, кончилось Балаклавское сраженіе, можетъ дать ключъ къ объясненію о происхожденіи этой ошибки.

Прошло болѣе часа совершеннаго бездѣйствія съ обѣихъ сторонъ, какъ вдругъ зоркіе глаза донцовъ замѣтили, что англійская кавалерія спускается съ горы.

Было около 12 часовъ дня, когда лорду Раглану донесли, что будто бы русскіе отступаютъ и увозятъ взятыя ими въ редутахъ орудія [2]). Онъ тотчасъ же послалъ приказаніе начальнику всей англійской кавалеріи гр. Лукану выдвинуть впередъ всю кавалерію и, при содѣйствіи дивизіи Каткарта, занять высоты, оставленныя русскими. Не видя никакого движенія въ рядахъ русскихъ войскъ, гр. Луканъ затруднялся этимъ порученіемъ и медлилъ исполнять приказаніе. Вслѣдъ затѣмъ къ нему прискакалъ капитанъ Ноланъ съ запискою отъ генералъ-квартирмейстера Эйра. „Лордъ Рагланъ желаетъ,—писалъ послѣдній Лукану,—чтобы кавалерія, быстро двинувшись, преслѣдовала непріятеля и старалась воспрепятствовать увезти наши орудія. Конная артиллерія можетъ вамъ содѣйствовать; французская кавалерія на вашемъ лѣвомъ флангѣ [3]).

---

[1]) Воспоминанія о войнѣ на Крымскомъ полуостровѣ штабъ-ротмистра Евгенія Арбузова (рукоп.). Воспом. о Балаклавскомъ дѣлѣ Корибутъ-Кубитовича. Матер., вып. IV.

[2]) Baron Bazancourt, „L'expédition de Criéme“, T. II.

[3]) Баронъ Базанкуръ, т. II, 27.

Прочтя эту записку съ большимъ вниманіемъ, Луканъ все-таки не рѣшался исполнить приказаніе и доказывалъ всю опасность подобнаго движенія.

— Приказаніе лорда Раглана,—говорилъ весьма рѣшительно Ноланъ,—немедленно атаковать кавалерію русскихъ.

— Но куда же я ее пущу,—спросилъ Луканъ—потому что не видно ни врага, ни пушекъ.

— Тамъ, милордъ, враги, тамъ наши пушки,—отвѣчалъ Ноланъ,—самымъ неуважительнымъ и рѣшительнымъ тономъ, указывая на противуположныя высоты и на редуты.

Получивши второе категорическое приказаніе, гр. Луканъ поручилъ Кардигану построить свою бригаду въ двѣ линіи. Кардиганъ, предвидя всѣ невыгоды, сопряженныя съ атакою, точно также затруднился привести въ исполненіе такое приказаніе. Онъ понималъ, въ какое безвыходное положеніе будетъ поставлена его бригада во время атаки; онъ видѣлъ, что ему придется идти подъ перекрестными выстрѣлами пѣхоты и артиллеріи и уже разстроенной встрѣтить атаку русской кавалеріи, имѣющей за собою численное превосходство. Находясь въ большомъ затрудненіи и получивши вторичное приказаніе, Кардиганъ долженъ былъ повиноваться и развернуть свою кавалерію въ двѣ линіи: въ первой онъ поставилъ два эскадрона 13-го легкаго драгунскаго и два эскадрона 17-го уланскаго полковъ; во второй линіи стали два эскадрона 4-го легкаго драгунскаго и два эскадрона 11-го гусарскаго полковъ; одинъ эскадронъ 8-го гусарскаго полка составлялъ резервъ этихъ двухъ линій.

Выйдя изъ-за высоты, на которой находилось укрѣпленіе № 4-го, Кардиганъ молодецки понесся во весь карьеръ на нашу кавалерію. Пѣхота, по данному сигналу, быстро свернулась въ каре и встрѣтила атакующихъ батальнымъ огнемъ. Шестнадцать батарейныхъ и восемь легкихъ орудій открыли перекрестный огонь, но движеніе англичанъ было столь быстро, что батареи наши, не имѣя времени для правильнаго наведенія орудій, не причинили имъ большаго вреда: вся картечь перелетѣла черезъ головы англичанъ, насѣвшихъ уже на донскую батарею и рубившихъ прислугу.

Не найдя помощи въ прикрытіи, коноводы донской батареи, оставивъ

на мѣстѣ свои орудія и прислугу, отступили съ передками и зарядными ящиками; ихъ примѣру послѣдовала и конно-легкая № 12-го батарея, успѣвшая сняться съ позиціи и ушедшая за кавалерію. Оставшаяся при орудіяхъ донской батареи пѣшая прислуга бросилась въ шашки, но что она могла сдѣлать? Остановить непріятеля она была не въ силахъ по русской пословицѣ: „пѣшій конному не товарищъ". Заклепавши нѣсколько орудій и надѣясь захватить ихъ при обратномъ слѣдованіи, англичане продолжали свое движеніе далѣе и наскакали на нашу кавалерію. Стоявшій въ первой линіи Уральскій полкъ, по весьма близкому разстоянію отъ батарей, не только не могъ броситься впередъ и пріобрѣсти въ моментъ столкновенія такую же силу стремительности, какую имѣлъ атакующій, но задержанный и разстроенный отступавшими коноводами, принужденъ былъ выжидать нападеніе, не трогаясь съ мѣста. Оставаясь неподвижнымъ, полкъ этотъ былъ смятъ англичанами, проскакавшими сквозь интервалы орудій. Уральцы дрогнули, повернули назадъ, наскакали на лейхтенбергцевъ и вмѣстѣ съ ними смяли стоявшихъ въ третьей линіи пять эскадроновъ Веймарскаго гусарскаго полка. Произошла всеобщая свалка; наша кавалерія представляла самую разнообразную кучу, въ безпорядкѣ скакавшую по направленію къ водопроводному каналу. Англичане стремительно преслѣдовали отступавшихъ, рубили безпощадно и буквально насѣдали на плечи. Совершенное безвѣтріе, густой дымъ орудійныхъ выстрѣловъ, стоявшій между горъ, и пыль скачущей кавалеріи были дотого непроницаемы, что вокругъ ничего не было видно.

Доскакавши до канала, черезъ который, какъ мы уже сказали, былъ переброшенъ только одинъ небольшой деревянный мостъ, вся эта толпа разомъ бросилась на него, торопясь переправиться на противоположную сторону. Тутъ произошла страшная суматоха: гусары, казаки и артиллеристы,—все перемѣшалось между собою. Опасаясь попасть въ руки непріятеля и не имѣя собственной защиты, конная артиллерія употребила послѣднія усилія и успѣла, прорвавшись черезъ безпорядочную толпу, завладѣть мостомъ и переправиться на противоположную сторону водопроводнаго канала. Гусары же и казаки, задержанные батареями, вынуждены были по необходимости остановиться и защищать себя отъ вражьихъ ударовъ. Здѣсь снова произошла схватка, но не стройной кавалеріи, а отдѣльныхъ всадниковъ, рубившихся съ непріятелемъ. Оди-

ночные выстрѣлы не щадили ни своихъ, ни непріятеля; каждый думалъ только о себѣ, защищалъ только свою личность, мало безпокоясь о томъ, куда и въ кого попадетъ направленный имъ выстрѣлъ. Все это произошло такъ скоро и такъ неожиданно для самихъ англичанъ, что, въ чаду успѣха, они рубились отчаянно, не помышляя объ отступленіи.

Между тѣмъ генералъ-лейтенантъ Липранди, видя такое замѣшательство нашей кавалеріи, приказалъ тремъ эскадронамъ сводно-уланскаго полка, стоявшимъ скрытно въ кустахъ, атаковать непріятеля при его отступленіи. Двинувшись впередъ, передъ первую линію пѣхоты и зайдя лѣвымъ плечемъ, уланы повернули направо и пошли прибавленною рысью вдоль нашей пѣхоты. Одинъ изъ батальоновъ Одесскаго полка, замѣтивъ двигающуюся кавалерію, посаженную на разномастныхъ лошадяхъ, принялъ уланъ за непріятеля и, свернувшись въ каре, открылъ по нимъ батальный огонь. Уланы кричали, стараясь дать замѣтить ошибку, но при звукахъ выстрѣловъ ничего не было слышно. Одесцы продолжали стрѣлять, и въ рядахъ уланъ послышался ропотъ и говоръ объ измѣнѣ. Пока командиръ батальона замѣтилъ свою ошибку, уланы потеряли отъ своего огня трехъ лошадей убитыми и двухъ нижнихъ чиновъ ранеными.

Продолжая однако же свое движеніе и дойдя до дороги, ведущей на Мекензіеву гору, уланы остановились, повернули во фронтъ и стали развертываться. Въ это время англичане, замѣтивъ свое увлеченіе, стали помышлять объ отступленіи. Предъ ними была вся наша кавалерія, по обѣимъ сторонамъ—высоты, занятыя нашими войсками, а позади пройденная ими равнина—единственный путь возможный для отступленія. По этому пути Кардиганъ рѣшился вести обратно свои разстроенные боемъ эскадроны. Сомкнувъ ряды, англичане пошли обратно, подъ самымъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ артиллеріи и штуцерныхъ, при чемъ огонь восьми орудій легкой № 7-го батареи, подъ начальствомъ командира батареи капитана Бажанова, былъ особенно губителенъ и наносилъ жестокое пораженіе отступающимъ.

По справедливости слѣдуетъ сказать, что, несмотря на огромныя потери и жестокій огонь, движеніе англичанъ было верхомъ совершенства для отступающей кавалеріи. Точно такъ же, какъ и при наступленіи, они отступали въ двѣ линіи, шли на рысяхъ и въ такомъ порядкѣ, какъ

на ученьѣ. Наша кавалерія ихъ не преслѣдовала; она все еще не могла опомниться и уяснить себѣ совершившееся событіе.

Чтобы сколько-нибудь облегчить отступленіе англичанъ и отвлечь огонь нашей артиллеріи, два эскадрона африканскихъ конныхъ егерей изъ бригады д'Алонвиля бросились на отрядъ генерала Жабокритскаго. За ними слѣдовали два другіе эскадрона. Прорвавшись сквозь стрѣлковую цѣпь и обскакавши лѣвый флангъ батарейной батареи, поражавшей во флангъ отступающихъ англичанъ, егеря начали рубить прислугу. Взявши на задки, батарея успѣла отъѣхать назадъ, въ промежутокъ между составлявшими ея прикрытіе двумя батальонами Владимірскаго полка, свернувшимися въ каре. Встрѣченные батальнымъ огнемъ владимірцевъ, африканскіе егеря отступили, преслѣдуемые мѣткими выстрѣлами стрѣлковъ и Черноморскихъ пластуновъ.

Въ это время отступавшіе англичане, приблизившись къ мѣсту, гдѣ развертывались уланы, были атакованы послѣдними. Атака эта была вполнѣ фланговая и потому гибельная для непріятеля. Наша пѣхота и артиллерія продолжали поддерживать самый частый огонь, и „нужно сознаться,—пишетъ участникъ [1],—что мы терпѣли отъ него, по крайней мѣрѣ, столько же, какъ и непріятель, такъ что большая часть нашихъ лошадей была ранена и убита пулями своихъ. Англичане дрались удивительно храбро, даже спѣшенные и раненые не хотѣли сдаваться и продолжали отбиваться, какъ говорится, до послѣдней капли крови“ [2]).

Колонна эта была почти уничтожена; вторая линія англичанъ была нѣсколько счастливѣе; ей пришлось встрѣтить нашихъ уланъ не съ фланга, а лицомъ къ лицу. Преслѣдуя первую линію англичанъ почти до редута № 4-го, наши уланы возвратившись остановились на прежнемъ мѣстѣ своего расположенія—около дороги на Мекензіеву гору. Поднявшаяся пыль дозволяла видѣть впереди лежащую мѣстность только на весьма ограниченномъ разстояніи. Въ облакахъ этой пыли рисовалась темная двигающаяся масса, одѣтая въ черныхъ ментикахъ, шитыхъ золотомъ, и на темныхъ лошадяхъ, точь въ точь какъ наши лейхтенберцы. Полагая, что послѣдніе идутъ къ нимъ на помощь, уланы оставались

---

[1]) Матер., выпус. IV, 58.

[2]) Воспоминанія о Балаклавскомъ дѣлѣ Корибутъ-Кубитовича. Матеріалы, выпуск. IV, 58.

спокойными, какъ вдругъ замѣтили, что предположенія ихъ были ошибочны, что то была вторая линія англичанъ, отступавшая вслѣдъ за первою. Перестраиваться или дѣлать заѣзды теперь было некогда, и уланы съ мѣста бросились въ атаку въ томъ порядкѣ, въ которомъ были. Англичане встрѣтили нападеніе смѣло и дрались отчаянно. Долгое время не подавалась ни та, ни другая сторона, и только немногіе всадники, успѣвшіе прорваться сквозь ряды нашихъ уланъ, скакали по полю, усѣянному трупами людей и лошадей.

Такъ кончилась эта блестящая атака, столь дорого стоившая англичанамъ [1]). Бригады Кардигана не существовало; изъ 700 человѣкъ бросившихся въ атаку, возвратилось не болѣе 200 человѣкъ, да и изъ нихъ многіе были ранены; 17-й англійскій уланскій полкъ былъ почти совершенно уничтоженъ; остальные сильно разстроены.

Пораженіе англійской кавалеріи закончило Балаклавское сраженіе, о которомъ кн. Меншиковъ писалъ: „c'est une affaire parfaitement nette".

Непріятель хотя началъ подводить свѣжія подкрѣпленія къ своему лѣвому флангу и открылъ огонь со всѣхъ своихъ батарей, но атаковать насъ не рѣшался, тѣмъ болѣе, что Липранди, какъ бы предвидя намѣренія союзниковъ, сталъ усиливать свой правый флангъ и даже перемѣнилъ расположеніе войскъ своего отряда.

Однимъ батальономъ Днѣпровскаго полка съ дивизіономъ батарейной № 4-го батареи Липранди занялъ селен. Комары; Азовскій пѣхотный полкъ и 1-й батальонъ Днѣпровскаго, съ четырьмя орудіями батарейной № 4-го и шестью орудіями легкой № 6-го батарей, назначилъ для защиты укрѣпленія № 1-го. Одинъ батальонъ Украинскаго егерскаго, съ шестью орудіями легкой № 6-го батареи, оставилъ въ укрѣпленіи № 2-го, а другой батальонъ того же полка съ четырьмя орудіями батарейной № 4-го батареи—въ укрѣпленіи № 3-го. Возлѣ этого укрѣпленія расположились и всѣ остальныя войска, т. е. Одесскій егерскій полкъ, два батальона Днѣпровскаго полка и одинъ Украинскаго егерскихъ полковъ, съ восемью орудіями легкой № 7-го батареи. Въ долинѣ

---

[1]) Непріятель потерялъ около 400 человѣкъ убитыми, 60 человѣкъ ранеными, подобранными на полѣ и 22 челов. плѣнными, въ числѣ коихъ находился одинъ штабъ-офицеръ.

за правымъ флангомъ пѣхоты по-прежнему стояла кавалерія съ конною артиллеріею [1]).

Готовый на всѣ случайности, Липранди ожидалъ дальнѣйшихъ предпріятій союзниковъ. Оба главнокомандующіе, собравшіе было значительныя силы, чтобы поправить дѣло, не могли рѣшиться на это. Сознавая всю невыгодность наступленія, при которомъ имъ пришлось бы, спустившись съ высотъ въ долину, подвергнуть себя сосредоточенному дѣйствію огня нашей артиллеріи, союзники предпочли остаться на мѣстѣ, не производить атаки и около 4 часовъ по полудни прекратили канонаду. Спустившись съ Сапунъ-горы и выстроившись въ боевой порядокъ передъ оставленнымъ нами редутомъ № 4-го, они разсыпали впереди боевой линіи двѣ цѣпи и въ такомъ положеніи оставались до самой ночи. Оба противника стояли одинъ противъ другаго не далѣе штуцернаго выстрѣла и въ полной готовности каждую минуту начать бой.

Мы потеряли въ этотъ день убитыми 7-мь офицеровъ и 124 челов. нижнихъ чиновъ; ранеными и контуженными—1-го генерала, 32 офицера и 448 челов. нижнихъ чиновъ и сверхъ того 15 челов. безъ вѣсти пропавшими. Потеря союзниковъ по ихъ показанію состояла изъ 598 челов., но нѣтъ никакого сомнѣнія, что она была гораздо болѣе.

„Результатъ этого дня—говоритъ Геренъ [2]),—не можетъ быть оцѣниваемъ потерею людей съ обѣихъ сторонъ.

„Пріобрѣтеніе мѣстности, а отнюдь не число убитыхъ доставляетъ побѣду“,—сказалъ Фридрихъ Великій. А потому результатъ Балаклавскаго сраженія заключается весь въ овладѣніи русскими передовою позиціею, признававшеюся союзниками, преимущественно англичанами, необходимою для прикрытія Балаклавы. Вслѣдствіе этой несчастной битвы, союзники рѣшились перейти въ оборонительное положеніе, совершенно противоположное ихъ первоначальной цѣли, съ которою они прибыли въ Крымъ“.

Наши войска остались въ занятыхъ ими укрѣпленіяхъ, въ которыхъ намъ досталось въ добычу одно турецкое знамя, 11 орудій, турецкій лагерь, 60 патронныхъ ящиковъ и разный шанцевый инструментъ.

---

[1]) Рапортъ генерала Липранди кн. Меншикову отъ 14-го октяб. № 3076. Арх. канц. воен. минис. по снаряж. войскъ, дѣло № 110.

[2]) Histoire de la dernière guerre de Russie. Paris, 1858.

Многіе солдаты щеголяли чѣмъ-нибудь турецкимъ или англійскимъ: на одномъ была надѣта англійская шинель, на другомъ фуражка съ англійскою высѣчкою, у третьяго прекрасная походная баклажка черезъ плечо.

Признавая весьма важнымъ сохранить за собою занятую нами позицію, кн. Меншиковъ въ тотъ же день вечеромъ, для поддержанія Чоргунскаго отряда, придвинулъ къ нему всю драгунскую дивизію, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Врангеля [1]). Въ восемь часовъ вечера драгуны присоединились къ Чоргунскому отряду и поставлены на мѣстѣ гусаръ и казаковъ, которые были отведены назадъ за водопроводный каналъ.

Вечеромъ, когда люди собрались къ кострамъ, разсказамъ не было конца; каждый, наперерывъ другъ передъ другомъ, старался разсказать тѣ случаи, которые онъ слышалъ отъ другихъ, или которымъ былъ самъ очевидцемъ. Много было въ этомъ сраженіи отдѣльныхъ подвиговъ храбрости, ловкости и находчивости русскаго солдата, и потому разговаривающіе находили, чѣмъ подѣлиться между собою. Всѣ были рады, всѣ поздравляли другъ друга съ побѣдою, одержанною надъ непріятелемъ.

„Слава Богу!—писалъ императоръ князю Меншикову [2]),—слава тебѣ и сподвижникамъ твоимъ, слава героямъ-богатырямъ нашимъ, за прекрасное начало наступательныхъ дѣйствій. Благодарю тебя, любезный Меншиковъ, что предугадалъ мою волю, объявивъ мое спасибо войскамъ-молодцамъ; оно ими вполнѣ заслужено. Надѣюсь на милость Божію, что начатое славно довершится такъ же.

„Не менѣе счастливитъ меня геройская стойкость нашихъ несравненныхъ моряковъ, неустрашимыхъ защитниковъ Севастополя. Господь воздаетъ имъ за всѣ ихъ доблестные подвиги, которымъ и примѣру еще не бывало. Я счастливъ, что, зная моихъ моряковъ черноморцевъ съ 1828 года, бывъ тогда очевидцемъ, что имъ никогда и ничего нѣтъ невозможнаго, былъ увѣренъ, что эти несравненные молодцы вновь себя покажутъ, какими всегда были и на морѣ, и на сушѣ. Вели имъ сказать *всѣмъ*, что ихъ старый знакомый, всегда ихъ уважавшій, ими гордится и всѣхъ отцовски благодаритъ, какъ своихъ дорогихъ и любимыхъ дѣтей. Передай имъ эти слова въ приказѣ, а флигель-адъютанту князю

---

[1]) Всеподд. донесеніе кн. Меншикова отъ 13-го октября.

[2]) Въ собственноруч. письмѣ отъ 19-го октября.

Голицыну вели объѣхать всѣ экипажи съ моимъ поклономъ и благодарностью.

„Ожидаю, что всѣ усилія обращены будутъ англичанами, чтобъ снова овладѣть утраченною позиціею; кажется, это несомнѣнно. Но надѣюсь и на храбрость войскъ и на распорядительность Липранди, котораго ты вѣроятно усилилъ еще прибывающими дивизіями; что непріятелю это намѣреніе не даромъ обойдется. Ожидаю тоже отчаянныхъ усилій осаждающихъ въ эти рѣшительные для нихъ дни; но Богъ милостивъ, и тутъ встрѣтятъ они отчаянный отпоръ.

„Вѣроятно, дѣти мои прибудутъ еще во-время, чтобъ участвовать въ готовящемся; поручаю тебѣ ихъ; надѣюсь, что они покажутся достойными своего званія; ввѣряю ихъ войскамъ, въ доказательство моей любви и довѣренности; пусть ихъ присутствіе среди васъ замѣнитъ меня.

„Да хранитъ васъ Господь Великосердый!

„Обнимаю тебя душевно; мой искренній поклонъ всѣмъ. Липранди обними за меня за славное начало.

„Поблагодари отъ меня въ особенности сводный резервный уланскій полкъ, столь молодецки обновившій свою службу; значитъ, дѣти пойдутъ по слѣдамъ отцовъ“.

Дѣло 13-го октября кончилось блистательно для русскаго оружія, но оно было рановременно и не принесло тѣхъ результатовъ, которые могло бы принести, если бы главнокомандующій рѣшился дожидаться прибытія 10-й и 11-й дивизій и тогда предпринять наступательное движеніе.

„Генералъ Липранди,—говоритъ Геренъ,—окончилъ битву пріобрѣтеніемъ неоспоримаго преимущества, и князь Меншиковъ долженъ былъ очень (vivement) сожалѣть, что не поручилъ ему въ этомъ случаѣ болѣе сильный корпусъ, который въ произведенномъ безпорядкѣ, истребленіемъ (ruine) бригады Кардигана, могъ бы массою направиться па Балаклаву и поставить англійскую армію еще въ болѣе критическое положеніе, проникнувъ, можетъ быть, въ городъ [1]).

---

[1]) Histoire de la dernière guerre de Russie, p. 352.

Дѣйствительно, положеніе союзниковъ съ этой стороны было такъ мало обезпечено, что не только атака всею массою войскъ, но и незначительное усиленіе отряда Липранди могло доставить Балаклаву въ наши руки. Но такого подкрѣпленія дано не было; и потому цѣль наступленія была достигнута только въ половину, если не менѣе. Пять дней тому назадъ, князь Меншиковъ находилъ наступательное движеніе слишкомъ рискованнымъ [1]), а торопливость въ данномъ случаѣ объяснялъ недостаткомъ пороха, но это, намъ кажется, не вполнѣ оправдываетъ главнокомандующаго.

Къ вечеру 9-го октября при Севастопольскомъ гарнизонѣ, не считая запасовъ морскаго вѣдомства, было пороху въ бочкахъ 4.900 пудъ; въ минахъ, устроенныхъ подъ батареями Константиновскою, Михайловскою и № 4-го, въ бастіонахъ № 5-го и № 6-го, Малаховомъ курганѣ и Сѣверномъ укрѣпленіи было 551 пудъ и сверхъ того по 100 зарядовъ на каждое орудіе, во всѣхъ головныхъ приморскихъ фортахъ и сухопутныхъ укрѣпленіяхъ и по 40 зарядовъ на внутреннихъ приморскихъ батареяхъ [2]). Такимъ образомъ, не считая пороха, бывшаго въ запасахъ морскаго вѣдомства, того, который находился въ зарядахъ на приморскихъ фортахъ, и наконецъ того, который былъ на судахъ Черноморскаго флота, остававшихся въ бездѣйствіи — мы увидимъ, что къ вечеру 9-го октября въ запасахъ одного сухопутнаго вѣдомства находилось до 12.951 пуда [3]). Изъ донесеній офицеровъ, сопровождавшихъ транспорты пороха, въ штабѣ Крымской арміи извѣстно было, что изъ Херсона слѣдуетъ 5.901 пудъ пороха въ трехъ транспортахъ, изъ коихъ одинъ прибылъ 13-го, другой 19-го и наконецъ третій 21-го октября [4]).

---

[1]) См. всеподданнѣйшее донесеніе отъ 8-го октября.

[2]) Рапортъ начальника артиллеріи южнаго округа генерала Пихельштейна инспектору артиллеріи отъ 9-го октября. Арх. глав. артиллер. управ. по 2-му отдѣленію, дѣло № 8059.

[3]) Къ вечеру 9-го октября на оборонительной линіи находилось 375 орудій. Полагая среднимъ числомъ зарядъ въ 8 фунтовъ, получимъ, что въ готовыхъ зарядахъ было 7.500 пудовъ пороха.

[4]) См. приложеніе № 16-ый. Транспорты эти были сданы: первый 13-го октября; второй—въ промежутокъ между 19-мъ и 25-мъ и наконецъ третій между 21-мъ и 30-мъ октября. Причиною медленной сдачи пороха былъ недостатокъ пріемщиковъ.

Съ 4-го по 9-ое октября включительно сухопутными батареями израсходовано было до 13.500 пудовъ, а съ 4-го по 12-ое число около 18.000 пудовъ пороха [1]). Слѣдовательно, при самомъ большомъ расходѣ его, какъ напримѣръ въ день перваго бомбардированія, когда моряки, стрѣляя залпами, жгли порохъ, не жалѣя, то и тогда средній расходъ его простирался отъ двухъ до двухъ съ половиною тысячъ пудовъ въ день. При болѣе правильномъ же веденіи огня, указанномъ совѣтомъ, и при замѣтномъ ослабленіи канонады непріятеля, состоявшаго на лицо пороха и готовыхъ зарядовъ было бы достаточно по крайней мѣрѣ на недѣлю, т. е. до доставленія новыхъ транспортовъ и прибытія, 17-го октября, 10-ой пѣхотной дивизіи [2]). Къ тому же кн. Меншиковъ, въ ожиданіи прибытія транспортовъ, всегда имѣлъ возможность взять порохъ съ судовъ флота, гдѣ запасъ былъ весьма значителенъ, а между тѣмъ большой надобности въ немъ не предвидѣлось, такъ какъ запертыя въ портѣ суда оставались въ бездѣйствіи.

Мы имѣемъ основаніе думать, что недостатокъ пороха не внушалъ серьезныхъ опасеній главнокомандующему, потому что порохъ мѣстныхъ херсонскихъ парковъ оставался долгое время нетронутымъ [3]).

---

[1]) Арх. канц. воен. минис. по снаряженію войскъ, дѣло № 96.

[2]) «Не должно ожидать,—доносилъ генералъ Пихельштейнъ отъ 18-го октября,—чтобы въ порохѣ могъ случиться большой недостатокъ, котораго, за исключеніемъ переданнаго нынѣ въ морское вѣдомство 1.833 пудовъ 2 ф. и находящагося на нѣкоторыхъ изъ здѣшнихъ батарей для минъ 551 пуда, остается на 18-ое число сего мѣсяца на лицо 978 п. 15 ф., и сверхъ того на всѣхъ наружныхъ приморскихъ батареяхъ и сухопутныхъ укрѣпленіяхъ имѣется по 100 готовыхъ боевыхъ зарядовъ на орудіе, а на внутреннихъ морскихъ батареяхъ по 40 зарядовъ на орудіе». (Арх. глав. артиллер. управ. по 2-му отд., дѣло № 8059).

[3]) Nous avons été en grand émoi, — писалъ кн. Горчаковъ кн. Меншикову,—tous ces jours-ci pour vous procurer de la poudre. Les informations officielles des mesures que j'ai prises à cet égard vous feront voir, mon cher Prince, que dans cette occasion, comme dans toute les autres, je retourne mes poches pour vous prêter assistance. Néanmoins comme je vois d'après la correspondance que vous n'avez pas touché à la poudre des мѣстные парки de Kherson j'en conclus que la pénurie n'est pas aussi qu'on pourrait le supposer. (Письмо отъ 16-го октября 1854 года. Военно-Учен. Арх., дѣло № 4253 ч. II).

Если бы въ Севастополѣ дѣйствительно чувствовался столь большой недостатокъ пороха, то и тогда предварительныя и своевременныя распоряженія о доставленіи запаса херсонскихъ складовъ могли бы, кажется, устранить необходимость начинать дѣло рановременно и, обнаруживши свои намѣренія, не имѣть возможности привести ихъ въ исполненіе.

Не оспаривая того, что Балаклавскимъ сраженіемъ была достигнута цѣль временнаго отвлеченія непріятеля отъ города, мы должны однакоже сознать, что, по своимъ послѣдствіямъ, оно было далеко не въ нашу пользу и не оправдывало той поспѣшности, съ которою было предпринято.

Говорятъ, что побѣда на Кадыкіойскихъ высотахъ значительно возвысила духъ Севастопольскаго гарнизона, что она ободрила войска, указала имъ на возможность побѣды надъ союзниками; словомъ, имѣла огромное нравственное вліяніе на послѣдующую оборону Севастополя. „Катастрофа Алминскаго сраженія была забыта,—пишетъ Э. И. Тотлебенъ,—снова явилось неограниченное довѣріе къ превосходству русскаго оружія, и духъ гарнизона возвысился“.

Справедливо, что войска съ восторгомъ узнали о побѣдѣ, одержанной надъ врагами, и что побѣда 13-го октября поощрила утомительную дѣятельность и геройскія усилія Севастопольскаго гарнизона, привѣтствовавшаго побѣдителей единодушнымъ крикомъ „ура!“, пролетѣвшимъ по оборонительной линіи съ одного конца до другаго. Хотя русское „ура!“ было такъ громко, что непріятель прекратилъ огонь, недоумѣвая, что означалъ этотъ крикъ—тѣмъ не менѣе, мы не рѣшаемся видѣть въ этомъ большое нравственное вліяніе сраженія на Севастопольскій гарнизонъ.

Возвышеніе или упадокъ духа арміи, это невѣсомое начало, не имѣющее точнаго мѣрила,—опредѣляется характеромъ дѣйствій этихъ же войскъ. Предъидущая дѣятельность защитниковъ города не даетъ основанія говорить ни объ упадкѣ духа до Балаклавскаго сраженія, ни объ особенномъ возвышеніи его послѣ сраженія; послѣдующія же дѣйствія гарнизона, какъ увидимъ ниже, не высказались ничѣмъ, что могло бы указать на огромное нравственное вліяніе этого сраженія. Свидѣтели и участники обороны подтвердятъ, что какъ до одержанной нами по-

бѣды, такъ и послѣ ея, Севастопольскій гарнизонъ одинаково принималъ смерть и увѣчья съ изумительною безропотностью, закалявшею въ немъ только желаніе отмстить врагу и сойтись съ нимъ грудь съ грудью. На самыя опасныя работы не было надобности наряжать, къ допущенію въ охотники, на отчаянныя вылазки, принуждены были бросать жребій. Самыя усиленныя работы производились безъ всякаго понужденія,—всѣ работали неутомимо, и побѣги нижнихъ чиновъ, случающіеся въ мирное время, не имѣли здѣсь мѣста. Вотъ то нравственное состояніе гарнизона, которое было до Балаклавской побѣды и которое, не увеличиваясь и не уменьшаясь, осталось тѣмъ же и послѣ ея. Во всякомъ же случаѣ, нравственное состояніе гарнизона было таково, что переходъ къ наступленію нѣсколькими днями ранѣе или позже не могъ имѣть на него никакого вліянія.

Правда, въ день 13-го октября мы имѣли блестящій успѣхъ, овладѣли передовыми редутами съ весьма малою потерею, утвердились на лѣвомъ берегу р. Черной и заняли позицію въ тылу непріятеля, въ получасовомъ разстояніи отъ пути отступленія англичанъ и не далѣе часа отъ главной квартиры лорда Раглана. Господствуя на обоихъ берегахъ р. Черной, мы остановились передъ Балаклавскимъ ущельемъ и въ сел. Комары, какъ бы для того, чтобы оставить за собою возможность во всякое время броситься на позицію французовъ и англичанъ. Однимъ словомъ, смотря глазами испуганныхъ въ первое время союзниковъ, мы приняли на себя роль, похожую болѣе на осаждающихъ, чѣмъ на осажденныхъ.

Но всѣ эти кажущіеся успѣхи, повидимому, очень важные, въ сущности принесли намъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу.

Занятую нами позицію впослѣдствіи мы сами же принуждены были оставить безъ боя, а въ данную минуту, съ тѣмъ отрядомъ, который былъ въ распоряженіи генерала Липранди, не было возможности продолжать наступательныя дѣйствія далѣе Кадыкіойскихъ высотъ, и всѣ выгоды побѣды сами собою исчезали. Оставаясь на мѣстѣ и ожидая прибытія новыхъ подкрѣпленій, мы преждевременно обнаружили свои намѣренія, пробудили вниманіе союзниковъ, открыли имъ глаза, указали слабые ихъ пункты и, развернувшись, какъ говорится, на распашку, остановились, давая имъ время и средства исправить свою ошибку.

Балаклавское сраженіе показало англо-французамъ, что селеніе Чоргунъ есть такой пунктъ, и при томъ единственный, откуда мы могли и можемъ съ успѣхомъ дѣйствовать наступательно и нанести серьезный ударъ непріятелю.

Потерявши часть внѣшней оборонительной линіи подъ Балаклавою и будучи стѣснены въ своихъ дѣйствіяхъ, союзники, первое время, помышляли о совершенномъ оставленіи Балаклавы. Мысль эта хотя впослѣдствіи и не была приведена въ исполненіе, но за то дѣло 13-го октября еще болѣе убѣдило непріятеля въ необходимости укрѣпить свой правый флангъ и усилить оборону Балаклавы настолько, чтобы сдѣлать ихъ недоступными для русскихъ войскъ.

Признавая въ этомъ безотлагательную необходимость, оба главнокомандующіе, въ ту же ночь, приступили къ возведенію новыхъ укрѣпленій. Отправившись въ Балаклаву и осмотрѣвъ окружающую мѣстность, Канроберъ и лордъ Рагланъ, дорожа временемъ, избрали позицію менѣе пространную, но такую, которая могла быть укрѣплена въ болѣе короткій промежутокъ времени. Съ 13-го октября, лордъ Рагланъ—toujours et trop exclusivement préoccupé de Balaclava—возводилъ вездѣ укрѣпленія и старался всячески оградить этотъ городъ отъ угрожающей ему опасности.

Съ разсвѣтомъ 14-го октября русскія войска увидѣли, что непріятель роетъ Сапунъ-гору и возводитъ множество новыхъ построекъ по всему ея скату и что дѣятельность по усиленію обороны Балаклавы значительно увеличилась. Въ послѣдующіе затѣмъ дни, каждое утро являлось новое укрѣпленіе, назначавшееся для непосредственнаго прикрытія Балаклавы или составлявшее часть той непрерывной линіи, которая впослѣдствіи тянулась по всему протяженію Сапунъ-горы, почти до устья Черной рѣчки. Къ утру 20-го октября союзники успѣли построить, вокругъ Балаклавы и на Сапунъ-горѣ, рядъ укрѣпленій, которыя были вооружены 40 орудіями частію полевой, но преимущественно крѣпостной артиллеріи, снятой съ судовъ флота [1]).

Занятіе Кадыкіойскихъ высотъ настолько озаботило союзниковъ, что Канроберъ, опасаясь новыхъ и болѣе серьезныхъ нападеній, приказалъ,

---

[1]) Всепод. записка кн. Меншикова отъ 20-го октября. Арх. канц. воен. минис. по снаряж. войскъ, дѣло № 110.

чтобы съ 14-го (26-го) октября первая дивизія прекратила высылать рабочихъ и караульные батальоны въ томъ вниманіи, чтобы дивизію эту имѣть всегда подъ рукою и въ полномъ составѣ [1]).

Всѣ эти мѣры были послѣдствіемъ Балаклавскаго сраженія и мало-по-малу преграждали намъ доступъ съ этой стороны.

Если 13-го октября, дѣйствительно, могло встрѣтиться препятствіе къ дальнѣйшему наступленію, то оно совершенно исчезало, черезъ три-четыре дня спустя, съ прибытіемъ 10-й и 11-й пѣхотныхъ дивизій и когда непріятельскія укрѣпленія, сдѣлавшіяся впослѣдствіи недоступными, были еще только начаты и не представляли ни достаточной прочности, ни защиты. Чтобы достигнуть полнаго успѣха, мы должны были подкрѣпить отрядъ генерала Липранди вновь прибывшими войсками, безотлагательно атаковать непріятеля и повторить нападеніе на селеніе Кадыкіой. Хотя наступленіе на Сапунъ-гору, на которой начали возводить укрѣпленія, представило бы теперь болѣе труда, нежели какъ это было 13-го октября, но за то Балаклава все-таки неминуемо должна была попасть въ наши руки. Позиція, нами занятая 13-го числа, могла бы быть удерживаема половиною назначенныхъ для предпріятія войскъ, между тѣмъ какъ другая половина овладѣла бы Балаклавою, защита которой обезпечивалась всего 2.500 человѣкъ сборной пѣхоты [2]) и 1.500 человѣкъ кавалеріи. Овладѣніе этимъ городомъ влекло за собою истребленіе снарядовъ, запасовъ и значительной части англійскихъ судовъ, и потому было бы, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи такимъ ударомъ для союзниковъ, за которымъ могло послѣдовать освобожденіе Севастополя отъ осады.

Кн. Меншиковъ, повидимому, раздѣлялъ мнѣніе не только о важности, но и необходимости вторичнаго нападенія на селеніе Кадыкіой и занятія Балаклавы. На этомъ основаніи всѣ подкрѣпленія, прибывавшія къ Крымской арміи, были направляемы на селеніе Чоргунъ [3]), а 18-го октября была перенесена туда и главная квартира кн. Меншикова, ко-

---

[1]) Niel. Siège de Sébastopol, p. 77.

[2]) Въ составъ этого отряда входили: турки, инвалиды, флотскіе экипажи и 93-й шотландскій полкъ.

[3]) Письмо кн. Меншикова кн. Долгорукову отъ 15-го октября. Военно-Учен. Архивъ, дѣло № 4254 ч. I.

торый и оставался въ Чоргунѣ до 22-го октября. Въ этотъ день главнокомандующій измѣнилъ свое мнѣніе, оставилъ мысль о вторичномъ наступленіи на Балаклаву и Сапунъ-гору съ этой стороны и черезъ два дня рѣшился предпринять наступленіе изъ Севастополя, окончившееся неудачнымъ для насъ Инкерманскимъ сраженіемъ.

Между тѣмъ, предоставленные сами себѣ, англо-французы дѣятельно трудились надъ постройкою укрѣпленій, и скоро возможность атаковать непріятеля въ его укрѣпленной позиціи, съ нѣкоторою надеждою на успѣхъ, была нами окончательно утрачена. Возвышенный Херсонскій полуостровъ, обнесенный непрерывнымъ рядомъ батарей и другихъ построекъ, обратился въ обширный укрѣпленный лагерь, неприступный для овладѣнія обыкновеннымъ штурмомъ.

XVIII.

Вылазка полковника Ѳедорова.—Осада и оборона съ 13-го октября.—Бомбардированіе 20-го октября.—Усиленіе Севастопольскаго гарнизона вводомъ новыхъ полковъ.—Баррикадированіе города.—Критическое положеніе четвертаго бастіона.

Утромъ, 14-го октября, замѣчено было, что непріятель значительно усилился противъ отряда генерала Липранди. Стянувъ свои силы къ селен. Кадыкіой, англичане ослабили тѣмъ численность осаднаго корпуса, и лагерь ихъ замѣтно уменьшился. Желая воспользоваться этимъ ослабленіемъ, генералъ Моллеръ приказалъ произвести изъ Севастополя на Сапунъ-гору довольно значительную вылазку отрядомъ, состоявшимъ изъ трехъ батальоновъ Бутырскаго полка[1]), трехъ батальоновъ Бородинскаго[2]) и дивизіона легкой № 5-го батареи 17-й артиллерійской бригады, подъ общимъ начальствомъ, командира Бутырскаго полка, полковника Ѳедорова.

Для покровительства этой вылазкѣ и поддержанія ея при отступле-

---

[1]) Одинъ батальонъ этого полка оставался въ Севастополѣ. См. записки полковника Л. Щировскаго (рукоп.).

[2]) Рапортъ полковника Ѳедорова отъ 14-го октября, № 1417.

ніи, въ случаѣ сильнаго преслѣдованія непріятеля, были приготовлены три парохода въ глубинѣ большой бухты, у лѣваго фланга нашей позиціи [1]).

Около часу по полудни батальоны дружно двинулись въ обходъ англійскихъ траншей съ цѣлью атаковать позицію, занятую дивизіею Лесси-Эванса. Переправившись черезъ Киленъ-балку и поднявшись на гору, полковникъ Ѳедоровъ выдвинулъ впередъ батальонъ Бородинскаго полка, разсыпалъ его въ цѣпь, за которою слѣдовали два другіе батальона того же полка, перестроенные въ ротныя колонны. Остальные три батальона Бутырскаго полка были расположены во второй линіи, въ колоннахъ къ атакѣ.

Несмотря на то, что позиція англичанъ находилась не ближе трехъ верстъ отъ устья Киленъ-балки, нашъ отрядъ не былъ замѣченъ непріятелемъ. Англичане только-что пообѣдали и отдыхали, когда разсыпанный въ цѣпь батальонъ Бородинскаго полка, съ крикомъ „ура“, бросился въ непріятельскія траншеи, выбилъ оттуда англичанъ и, преслѣдуя ихъ, ворвался въ лагерь. Застигнутые врасплохъ британцы дрались въ одиночку. Наши солдаты, предводимые офицерами, врывались въ палатки и кололи англичанъ съ величайшимъ ожесточеніемъ; многіе изъ послѣднихъ, совершенно раздѣтые, въ одномъ бѣльѣ, выскакивали изъ палатокъ и спасались бѣгствомъ.

Между тѣмъ, въ англійскомъ лагерѣ ударили тревогу. По сигналу ея, тотчасъ же собрались неатакованные остатки дивизіи Лесси-Эванса, къ которымъ присоединилась гвардейская бригада Бентинка, стрѣлковый полкъ дивизіи Каткарта, 18 полевыхъ орудій и пять батальоновъ французовъ, отправленныхъ генераломъ Боске на помощь англичанамъ. Собравшись возлѣ почтовой дороги, войска эти готовы были отрѣзать нашъ незначительный отрядъ, увлеченный успѣхомъ и не обращавшій вниманія на угрожающую ему опасность. Видя вдали передъ собою одно изъ непріятельскихъ укрѣпленій, наши солдаты, въ пылу преслѣдованія и не обращая вниманія на огонь выдвинутыхъ англичанами полевыхъ орудій, смѣло шли впередъ „по мѣстности совершенно не знакомой, покрытой

---

[1]) Рап. ген. Моллера кн. Меншикову отъ 15-го октября № 336. Архивъ Глав. штаба: «О дѣлахъ и вылазкахъ на Крымскомъ полуостровѣ».

густымъ кустарникомъ и изрѣзанной глубоками оврагами"[1]). Цѣль вылазки была давно достигнута, и дальнѣйшее увлеченіе, не принося существенной пользы, крайне безпокоило главнокомандующаго; оно могло быть весьма пагубнымъ для столь незначительнаго отряда, при его отступленіи.

Слѣдя съ маячной батареи за ходомъ этого дѣла, князь Меншиковъ сначала былъ очень доволенъ его исполненіемъ, но, замѣтивъ увлеченіе нашихъ солдатъ, пришелъ въ негодованіе.

— Заставь Богу молиться, — сказалъ онъ съ досадою окружающимъ,—весь лобъ расшибутъ.

Ни сигналъ отступленія и барабанный „отбой", ни перекрестный артиллерійскій и ружейный огонь непріятеля, ничто не могло остановить нашихъ солдатъ, стремившихся овладѣть укрѣпленіемъ, въ которое уже ворвалось нѣсколько человѣкъ Бутырскаго полка, предводимыхъ прапорщикомъ Кудрявцевымъ. Внутри укрѣпленія и возлѣ его завязался горячій рукопашный бой, среди котораго прапорщикъ Кудрявцевъ былъ заколотъ штыками, а начальникъ отряда, полковникъ Өедоровъ, старавшійся остановить наступавшихъ, былъ тяжело раненъ въ ногу и принужденъ сдать команду.

Принявшій послѣ него начальство надъ отрядомъ, командиръ Бородинскаго полка полковникъ Веревкинъ-Шелюта 2-й, справедливо опасаясь быть отрѣзаннымъ, съ большимъ усиліемъ могъ остановить дальнѣйшее наступленіе.

Объ отступленіи солдаты и слышать не хотѣли.

— Это измѣна,—говорили одни, на приказаніе отступать.

— Ура! ура!—кричали другіе, бросаясь въ одиночку впередъ.

Видя передъ собою значительныя силы непріятеля, собравшагося въ числѣ 18 батальоновъ, встрѣченный огнемъ двухъ англійскихъ батарей и штуцерныхъ, расположенныхъ за батареями, полковникъ Веревкинъ, зная приказаніе: не вступать въ бой съ непріятелемъ, превышающимъ въ силахъ, кое-какъ успѣлъ собрать увлеченныхъ успѣхомъ и отвести ихъ къ Саперной дорогѣ. Отсюда, устроивъ уже отрядъ и подъ прикрытіемъ навѣсныхъ выстрѣловъ съ пароходовъ, подошедшихъ къ

---

[1]) Тотлебенъ, ч. I. Рап. полковника Өедорова, 14-го октября № 1417.

берегу, Веревкинъ началъ отступленіе, преслѣдуемый самымъ жестокимъ огнемъ непріятеля, причинившимъ намъ весьма значительную потерю.

При отступленіи этомъ, произошло одно изъ тѣхъ несчастныхъ недоразумѣній, которое указываетъ, насколько важно между войсками однообразіе въ формѣ одежды и вооруженіи. При сильномъ вѣтрѣ и густой пыли, отступавшіе бутырцы, одѣтые въ особыя высокія шапки, невиданныя остальными войсками, были приняты артиллерійскою прислугою за непріятеля и встрѣчены съ оборонительной линіи картечью [1]).

Случай этотъ не единственный въ теченіе Крымской войны; такія недоразумѣнія встрѣчались не рѣдко: въ Балаклавскомъ сраженіи мы стрѣляли по своимъ уланамъ, въ Инкерманскомъ сраженіи два полка пѣхоты, принявъ другъ друга за непріятеля, открыли весьма частую стрѣльбу между собою, точно также и на многочисленныхъ вылазкахъ не одинъ остался на полѣ сраженія отъ своихъ-же пуль [2]).

---

[1]) Алабинъ, «Походныя записки», ч. II, 61.

[2]) Хотя мы и опережаемъ нѣсколько событія, но здѣсь мѣсто привести слѣдующій случай, разсказанный очевидцемъ. Въ самый разгаръ Инкерманскаго сраженія, два офицера Екатеринбургскаго полка, поручикъ Гурьевъ и прапорщикъ Гавликовскій, замѣтили, что солдатъ Томскаго полка вырвалъ ружье у одного изъ солдатъ, одѣтаго въ какую-то странную шапку, и, схвативши за аммуничные ремни, усердно тащилъ его въ плѣнъ. Плѣнный упирался, просилъ свободы, увѣрялъ, что онъ русскій, Курской губерніи, Старооскольскаго уѣзда. Побѣдитель не обращалъ вниманія на эти слова, вѣроятно, считая своего плѣнника полякомъ, которыхъ было много въ союзной арміи. Тогда поручикъ Гурьевъ приказалъ отпустить плѣннаго, говоря, что это свой русскій солдатъ.

— Какой онъ русскій, ваше благородіе,—возразилъ съ недовѣрчивостію побѣдитель;—поглядите, какая у него смѣшная шапка, развѣ кто видывалъ въ русской арміи такія шапки—это французъ.

— Да вѣдь ты слышалъ, что онъ говоритъ чисто по-русски,—замѣтилъ Гурьевъ;—наконецъ, взгляни на его аммуницію и шинель.

— Онъ, окаянный, выучился болтать по-русски, да и думаетъ надуть нашего брата.

Видя, что разубѣжденія безполезны, поручикъ Гурьевъ строго приказалъ отпустить плѣннаго.

— Ступай,—проговорилъ тащившій, съ неудовольствіемъ и толкая его въ спину,—да помни въ другой разъ, не надѣвай чужихъ шапокъ.

Записка П. М. Гавликовскаго (рукоп.).

То же самое было и теперь при отступленiи Бутырскаго и Бородинскаго полковъ.

Потеря наша при этой вылазкѣ состояла изъ 25 штабъ-и оберъ-офицеровъ и 245 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными. Послѣднiе слѣдовали за отступавшими товарищами, и кто только могъ, не выходилъ изъ рядовъ. „При отступленiи 4-го батальона Бутырскаго полка,—говоритъ участникъ,—батальонъ оставлялъ за собою кровавый слѣдъ въ ширину всей колонны“. Слѣдъ этотъ тянулся по всему городу, до самой бухты, гдѣ раненые были приняты на пароходъ, а уцѣлѣвшiе пополнены людьми изъ батальона, не участвовавшаго въ вылазкѣ, и тотчасъ же отправлены опять на службу: кто на бастiоны, а кто на земляныя работы, потребность въ которыхъ съ каждымъ днемъ увеличивалась.

Теперь было обращено особое вниманiе какъ на усиленiе оборонительныхъ средствъ самаго города, такъ и на сосредоточенiе на нѣкоторыхъ пунктахъ наибольшаго числа орудiй, съ тѣмъ, чтобы артиллерiя осаждающаго, по возможности, не имѣла перевѣса надъ нашею.

Достигнуть этого было не легко. Непрiятель имѣлъ широкiй и полный просторъ выбирать мѣста для своихъ батарей, тогда какъ мы, ограниченные тѣснымъ пространствомъ оборонительной линiи, принуждены были громоздить одну батарею на другую, или, по необходимости отступая назадъ и располагая батареи въ глубинѣ оборонительной линiи, довольствоваться слабымъ ихъ дѣйствiемъ съ дальняго разстоянiя.

Очевидно, что въ этомъ случаѣ положенiе атакующаго и обороняющагося было далеко не одинаково, и хотя всѣ преимущества находились на сторонѣ осаждающаго, тѣмъ не менѣе, защитники, можно сказать, дѣлали болѣе, чѣмъ могли. Слѣдя постоянно за работами противника, за усиленiемъ его батарей или постройкой новыхъ, полковникъ Тотлебенъ весьма часто перерѣзывалъ амбразуры, такъ что орудiя, назначенныя днемъ для дѣйствiя по какимъ-либо осаднымъ батареямъ, къ утру слѣдующаго дня получали иное направленiе, сообразно съ явившеюся новою потребностiю. Оттого во многихъ случаяхъ работы обороняющагося предупреждали атакующаго. Союзники еще только собирались закладывать свои батареи, когда, предугадывая ихъ намѣренiе, севастопольскiй гарнизонъ устраивалъ свои контръ-батареи или усиливалъ старыя столь быстро, что нерѣдко русскiя батареи уже открывали огонь

въ то время, когда непріятель только приступалъ къ вооруженію своихъ построекъ. Въ такой быстротѣ работы заключалась одна изъ причинъ славной защиты; она была не въ одной только доблести гарнизона, но и въ его неутомимой дѣятельности, не знавшей устали и физическаго утомленія.

Для препятствованія союзникамъ съ успѣхомъ подвигаться къ намъ своими подступами, былъ вырытъ въ разстояніи ста саженъ впереди лѣваго фаса бастіона № 3-го ровикъ для штуцерныхъ, а впереди лѣваго фаса бастіона № 4-го заложена батарея № 38-го (Костомарова), обстрѣливавшая впереди лежащую площадку, обезпечивавшая бастіонъ отъ штурма, способствовавшая производству вылазокъ и въ то же время не заслонявшая орудій бастіона. Батарея Костомарова, вмѣстѣ съ батареею Никонова (№ 5-го), которая была усилена прибавкою нѣсколькихъ орудій, имѣли главнѣйшимъ образомъ назначеніе дѣйствовать по двумъ новымъ французскимъ батаремъ № 10-го и № 11-го, направленнымъ противъ бастіона № 4-го.

Сосредоточивъ на этомъ бастіонѣ все свое вниманіе и быстро подвигаясь впередъ, французы, къ утру 19-го октября, находились уже не далѣе 125 саж. отъ этого укрѣпленія. Въ это время англичане все еще продолжали вторую параллель и устраивали мортирную батарею № 7-го на Воронцовской горѣ впереди своей первой параллели.

Близость осадныхъ французскихъ работъ и ежедневный огонь, направленный преимущественно на бастіонъ № 4-го, заставляли обороняющагося принять мѣры какъ относительно уменьшенія потери въ людяхъ, такъ и обезпеченія этого укрѣпленія отъ атаки открытою силою, которая, при столь близкомъ положеніи непріятеля, становилась весьма возможною. Двоякая цѣль эта достигалась устройствомъ внутри бастіона нѣсколькихъ траншей-сообщенія, усиленіемъ фланговыхъ его батарей, перерѣзкою нѣсколькихъ амбразуръ и заложеніемъ новой батареи № 39-го (Зубова), расположенной между строеніями Бамборской слободки.

Что же касается до обезпеченія противъ штурма, то для этого необходимо было усилить внутреннюю оборону бастіона и обезпечить его отъ обходнаго движенія. Для удовлетворенія первому условію, была устроена батарея № 40-го, а для втораго — по флангамъ бастіона были

проведены три траншеи для помѣщенія войскъ и штуцерныхъ [1]). Траншеи эти были необходимы еще и для того, чтобы усилить ружейный огонь противъ непріятеля, поддерживавшаго его безпрерывно.

По мѣрѣ того, какъ французы подходили ближе къ нашимъ укрѣпленіямъ, они, ослабляя пушечный, значительно усиливали мортирный и въ особенности штуцерной огонь. Устроивши впереди второй параллели, въ верхней части Городскаго оврага, нѣсколько заваловъ для стрѣлковъ, непріятель сильно безпокоилъ наши батареи и наносилъ значительную потерю въ людяхъ, въ особенности среди артиллерійской прислуги. Для противодѣйствія французскимъ стрѣлкамъ и для усиленія полковыхъ штуцерныхъ, князь Меншиковъ принужденъ былъ ввести въ Севастополь одну роту шестаго стрѣлковаго батальона [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, воспользовавшись Каменоломнею, находившеюся впереди редута Шварца и представлявшею готовый завалъ, главнокомандующій приказалъ посылать туда каждую ночь, сначала два, а потомъ четыре горныхъ единорога, подъ начальствомъ мичмана Титова 2-го.

Въ теченіе двухъ недѣль, каждую ночь, Титовъ 2-й подходилъ съ своею батареею къ каменоломнѣ, осыпалъ непріятеля картечью и гранатами и, затѣмъ, возвращался на оборонительную линію. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока французы не заложили третьей параллели, и наши потери, при такихъ вылазкахъ, стали довольно значительны.

Во все это время въ осажденномъ городѣ канонада съ обѣихъ сторонъ, то слабѣя, то усиливаясь, не прекращалась со дня перваго бомбардированія. Ежедневно мы несли потерю въ людяхъ, иногда весьма значительную [3]) и выпускали отъ 6 до 8 тысячъ зарядовъ, не считая нѣсколькихъ десятковъ тысячъ пуль.

Томительное положеніе гарнизона, обремененнаго огромными земляными работами, подъ непрерывавшимся въ теченіе двухъ недѣль огнемъ

---

[1]) Траншеи эти были проведены: одна, составлявшая, такъ сказать, вторую оборонительную линію, отъ праваго фланга бастіона къ строеніямъ въ глубинѣ Городскаго оврага; другая—правѣе батареи № 23 (Лазарева) и, наконецъ, третья—лѣвѣе батареи № 20 (Шихматова).

[2]) Всепод. донесеніе кн. Меншикова отъ 17-го октября. Арх. канц. воен. минис. по снаряженію войскъ, дѣло № 110.

[3]) См. приложеніе № 15-ый.

непріятеля, требовало освѣженія и усиленія севастопольскаго гарнизона, въ особенности при тѣхъ обстоятельствахъ, когда непріятель могъ рѣшиться на штурмъ.

Пользуясь прибытіемъ 10-й пѣхотной дивизіи, главнокомандующій приказалъ въ ночь на 20-е октября ввести въ Севастополь Волынскій пѣхотный полкъ, подъ командою полковника Хрущева, „офицера надежнаго“,—какъ писалъ кн. Меншиковъ [1]), — и первую бригаду 10-й пѣхотной дивизіи: полки Екатеринбургскій и Тобольскій, подъ начальствомъ „извѣстнаго своею храбростью и распорядительностію генералъ-маіора Баумгартена“ [2]).

Полки эти прибыли въ Крымъ форсированнымъ маршемъ и совершили свой путь необыкновенно скоро. Слѣдуя то пѣшкомъ, то на подводахъ, они, случалось, дѣлали до 132 верстъ въ сутки, и несмотря на то, по свидѣтельству главнокомандующаго, пришли совершенно бодрыми и готовыми вступить въ бой. Лишь только явились они въ Севастополь, какъ тотчасъ же переведены были на южную сторону города, на смѣну полковъ Бородинскаго и Тарутинскаго, отправленныхъ въ селен. Чоргунъ. На долю введенныхъ полковъ пришлось оберегать бастіонъ № 4-го и смежныя съ нимъ укрѣпленія и на слѣдующее утро вполнѣ ознакомиться съ новыми положеніями и обязанностями.

Съ разсвѣтомъ 20-го октября союзники открыли канонаду по всѣмъ батареямъ оборонительной линіи, при чемъ французы направили особенно жестокій огонь по бастіону № 4-го, со всѣхъ своихъ батарей, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, которыя могли только по немъ дѣйствовать. Къ утру этого дня они успѣли вооружить 44-мя орудіями шесть новыхъ батарей: двѣ № 10-го и № 11-го, на капитали четвертаго бастіона и четыре № 12-го, 13-го, 14-го и 14-го (bis)—у вершины Городскаго оврага. Съ нашей стороны для противодѣйствія этимъ батареямъ были вновь возведены и совершенно готовы батареи, № 30-го и № 36-го (Швана), № 35-го (Забудскаго), № 38-го (Костомарова) и № 39-го (Зубова); усилены батареи № 5-го (Никонова) и № 29-го (Смагина); перерѣзаны амбразуры въ обоихъ фасахъ четвертаго бастіона, на батареѣ № 5-го (Никонова) и въ двухъ бульварныхъ

---

[1]) Всепод. донесеніе кн. Меншикова, отъ 20-го октября, тамъ же.

[2]) Тамъ же.

№ 33-го и № 34-го. Этими мѣрами мы достигли того, что могли направить 36 орудій противъ французскихъ батарей, расположенныхъ у вершины Городскаго оврага, и 35 орудій по батареямъ, возведеннымъ на капитали четвертаго бастіона [1]).

Несмотря на то, что со стороны обороняющагося было сдѣлано все, что только возможно было сдѣлать, на томъ ограниченномъ пространствѣ, которымъ онъ могъ располагать, борьба этого дня оказалась все-таки не равною. Съ первыхъ же выстрѣловъ непріятель имѣлъ значительное преимущество надъ нами. Поставивши себѣ единственною цѣлью разрушеніе четвертаго бастіона, французы не обращали вниманія на прочія укрѣпленія, а открывая огонь, съ прежнихъ и новыхъ батарей, сосредоточили противъ одного этого бастіона 74 орудія, въ числѣ которыхъ было до 30 мортиръ. Имъ могли отвѣчать только 71 орудіе съ батарей, изъ которыхъ многія были расположены: или позади четвертаго бастіона, или по сторонамъ его, слѣдовательно, принуждены дѣйствовать съ значительно бо̀льшаго разстоянія, и съ меньшею вѣроятностію на успѣхъ. Къ тому же наши батареи, имѣя главною цѣлію дѣйствій ослабленіе огня непріятеля противъ четвертаго бастіона, не только не сосредоточивали своихъ выстрѣловъ, а напротивъ того разбрасывали ихъ по многочисленнымъ непріятельскимъ батареямъ. Очевидно, что̀ успѣхъ французовъ въ этотъ день долженъ былъ быть громаднымъ—что̀ и было въ дѣйствительности. При слабости амбразуръ, отъ недостатка туровъ и фашинъ, при непрочности одежды, четвертый бастіонъ потерпѣлъ въ этотъ день весьма серьезныя поврежденія и понесъ значительную потерю въ людяхъ. Изъ числа 161 человѣка, выбывшихъ въ этотъ день изъ строя, на долю четвертаго бастіона и смежныхъ съ нимъ батарей приходилось болѣе половины—85 человѣкъ. На лѣвомъ фасѣ бастіона всѣ орудія были подбиты, амбразуры завалены, мерлоны разрушены. Батарея Костомарова (№ 38) была почти совершенно уничтожена, и брустверъ ея срытъ.

День 20-го октября былъ днемъ тяжкаго испытанія четвертаго бастіона, и затѣмъ въ послѣдующіе дни укрѣпленіе это было самымъ опаснымъ мѣстомъ въ Севастополѣ. Служба на бастіонѣ была самая

---

[1]) Тотлебенъ. «Оборона Севастополя», ч. I, 392.

трудная; ни офицеры, ни солдаты не имѣли никакого помѣщенія, а принуждены были укрываться отъ огня и непогоды въ небольшихъ ямахъ, или скорѣе норкахъ, вырытыхъ за брустверомъ. Съ бастіона простымъ глазомъ видно было все, что дѣлается въ непріятельскихъ траншеяхъ и батареяхъ. На бастіонѣ буквально не было мѣста, гдѣ бы не ложились французскіе снаряды, отлично разрывавшіеся въ самой срединѣ укрѣпленія. Усиленная стрѣльба мортиръ почти не умолкала, и были ночи, когда на площадку бастіона падало до 700 непріятельскихъ бомбъ. Повсюду видны были слѣды разрушенія, и при томъ столь значительные, что они устраняли всякую идею о возможности дальнѣйшаго сопротивленія и въ особенности противъ атаки открытою силою, которая становилась теперь весьма вѣроятною.

Въ составѣ Севастопольскаго гарнизона считалось въ то время $52^1/_2$ батальона, численность которыхъ доходила до 32 тысячъ, при 28-ми полевыхъ орудіяхъ. Изъ этого числа, при огромномъ протяженіи оборонительной линіи, на долю всего *втораго* отдѣленія, въ составъ котораго входилъ четвертый бастіонъ, приходилось только 5-ть батальоновъ, съ двумя стрѣлковыми ротами и командою штуцерныхъ, т. е. около 4.000 штыковъ. Столь слабый гарнизонъ не могъ представить никакого серьезнаго сопротивленія, если бы непріятель, имѣвшій полную возможность сосредоточить по желанію значительное число войскъ, вздумалъ штурмовать бастіонъ. Увеличивать же намъ свой гарнизонъ,—при отсутствіи для него закрытыхъ блиндированныхъ помѣщеній, при разрушенномъ почти брустверѣ, не представлявшемъ для войскъ никакого закрытія—значило подвергнуть войска безполезному разстрѣливанію. Къ тому же, сколько бы мы ни усиливали гарнизонъ втораго отдѣленія, но если бы французы имѣли дѣйствительное намѣреніе овладѣть штурмомъ, они всегда имѣли возможность дать своимъ штурмовымъ колоннамъ значительный перевѣсъ въ численности противъ обороняющагося.

Главнокомандующій, получая почти ежедневно свѣдѣнія отъ дезертировъ, что французы готовятся штурмовать четвертый бастіонъ, рѣшился, однакоже, не увеличивая гарнизона, усилить бастіонъ и самый городъ искусственными преградами. Съ этою цѣлію для обстрѣливанія внутренности бастіона, въ случаѣ занятія его непріятелемъ, была заложена батарея № 41-го (Швана) и удлинена еще на 8 орудій батарея

№ 5-го (Никонова). Вмѣстѣ съ тѣмъ городскіе дома, ближайшіе къ системѣ укрѣпленій 4-го и 5-го бастіоновъ, приводились въ оборонительное положеніе: въ нихъ закладывали лишнія двери и окна, продѣлывали бойницы и устраивали деревянные банкеты для стрѣлковъ.

Изъ англійскаго лагеря, съ помощію хорошихъ зрительныхъ трубъ, съ грустью замѣтили, что въ Севастополѣ всѣ двери и оконныя рамы исчезаютъ съ своихъ мѣстъ. „То же сдѣлано,—писалъ одинъ изъ корреспондентовъ [1],—вѣроятно и съ внутренними деревянными частями жилыхъ домовъ, такъ что теперь городъ безопасенъ отъ огня. Пожаровъ въ осажденномъ городѣ болѣе не видно: наши ракеты и бомбы перестали производить свое дѣйствіе“.

Обороняющіеся дѣятельно работали. Для обстрѣливанія пространства позади четвертаго бастіона и Городскаго оврага было поставлено четыре орудія въ католической церкви, нѣсколько орудій поставлено съ тою же цѣлію въ наиболѣе прочныхъ частныхъ домахъ; многія изъ продольныхъ улицъ были заложены кучами камней. Каждая изъ такихъ баррикадъ имѣла проходъ для войскъ, а за амбразурами ея поставлено нѣсколько орудій, небольшаго калибра, для обстрѣливанія картечью впереди лежащаго пространства.

Опорнымъ пунктомъ для этой новой внутренней оборонительной линіи служила батарея № 13-го (Скарятина), которая, съ устройствомъ по обоимъ ея флангамъ траншей для войскъ, представляла довольно обширное укрѣпленіе. Защита города была возложена на генералъ-маіора Баумгартена, въ распоряженіе котораго поступилъ главный резервъ Городской стороны, состоявшій изъ 14-ти батальоновъ, численностію до 9.000 человѣкъ съ 8-ю полевыми орудіями.

Дома, приведенные въ оборонительное положеніе, и баррикады были заняты двумя батальонами Екатеринбургскаго и двумя Тобольскаго полковъ, которымъ приказано запастись продовольствіемъ и водою на нѣсколько дней. Они должны были защищаться до послѣдней крайности и ружейнымъ огнемъ не дозволить непріятелю ворваться въ городъ.

Въ случаѣ штурма четвертаго бастіона и невозможности удержать наступленія многочисленнаго врага, главнокомандующимъ приказано

---

[1]) Матер. выпус. IV, 198.

было шести ротамъ, его защищавшимъ, отступить не заклепывая орудій, чтобы, по выбитіи непріятеля, имѣть возможность поражать его картечью, какъ при отступленіи, такъ и при послѣдующихъ атакахъ. Орудія же всѣхъ остальныхъ батарей, расположенныхъ позади бастіона, приказано заклепать, изъ опасенія, чтобы они не были употреблены непріятелемъ, для дѣйствія по главному резерву.

Послѣдній долженъ былъ по первой тревогѣ двинуться вдоль улицъ навстрѣчу непріятеля и штыками выбить его изъ города и съ бастіона № 4-го. Эти десять батальоновъ могли разсчитывать на помощь только четырехъ батальоновъ Минскаго полка, находившихся въ резервѣ 1-го отдѣленія, и затѣмъ не представлялось возможнымъ стянуть къ этому пункту никакихъ другихъ войскъ. Изъ этого видно, что противъ штурма четвертаго бастіона мы могли противопоставить не болѣе $19^1/_2$ батальоновъ, численность которыхъ не превышала 12.000 человѣкъ, тогда какъ непріятель имѣлъ полную возможность сосредоточить на бастіонѣ гораздо большее число войскъ, выбить которое было бы крайне затруднительно. „Для выбитія французовъ,—пишетъ Тотлебенъ [1]),—изъ четвертаго бастіона, войска нашего главнаго резерва должны были подниматься по весьма крутому подъему бульварной высоты, покрытому пнями отъ срубленныхъ деревьевъ и камнями отъ разобранныхъ оградъ, подвергаясь перекрестному огню французскихъ батарей на Рудольфовой горѣ и у вершины Городскаго оврага и англійскихъ на Зеленой горѣ.

„Не имѣя возможности сохранить никакого строя и будучи разстроены непріятельскимъ огнемъ, наши войска, поднявшись на высоту, были бы встрѣчены непріятелемъ въ превосходныхъ силахъ, на позиціи, представляющей для него всѣ выгоды“.

Внутренность бастіона обстрѣливалась весьма слабо съ отдѣльныхъ батарей, не могшихъ помѣшать непріятелю утвердиться на четвертомъ бастіонѣ. Занявши это укрѣпленіе, французы разрывали нашу оборонительную линію на двѣ части, врѣзывались въ самую средину ея, могли дѣйствовать въ тылъ 3-му, 5-му и 6-му бастіонамъ, громить городъ и флотъ—словомъ, заставить насъ оставить южную сторону Севастополя, что при отсутствіи моста черезъ бухту сдѣлать было не такъ легко. Но

---

[1]) Оборона Севастополя, ч. I, 408.

французы не думали о штурмѣ. Какія-то совершенно непонятныя причины заставляли союзныхъ главнокомандующихъ дѣлать одну ошибку за другою и при томъ такъ, что послѣдующій промахъ былъ грубѣе предыдущаго. Не покушаясь на штурмъ, они предпочли ему правильную осаду.

Послѣ бомбардированія 20-го октября, пользуясь страшнымъ разстройствомъ нашей артиллеріи и разрушеніемъ, произведеннымъ въ нашихъ укрѣпленіяхъ, французы, въ слѣдующую ночь, повели свои работы летучею сапою и при томъ столь быстро, что утромъ 21-го октября они заложили третью параллель и были уже только въ 65 саженяхъ отъ исходящаго угла четвертаго бастіона. Одновременно съ этимъ, прибавивъ нѣсколько орудій на прежнихъ батареяхъ, французы, утромъ 21-го октября, снова открыли жестокій пушечный и въ особенности мортирный огонь противъ четвертаго бастіона и системы укрѣпленій его окружающихъ. Дѣйствіемъ этого огня мерлоны лѣваго фаса бастіона были снова срыты, два орудія подбиты и батарея Костомарова сильно повреждена. Для противодѣйствія столь губительному огню, пришлось перерѣзать нѣсколько амбразуръ на существовавшихъ уже батареяхъ, прибавить на нихъ нѣсколько орудій и заложить новую батарею № 42 (Завалишина).

Усиливъ такими средствами огонь нашихъ батарей, мы успѣли, къ полудню 22-го октября, разрушить нѣсколько амбразуръ на французскихъ батареяхъ № 10-го, 11-го и 12-го, а батарея № 13-го принуждена была вовсе замолчать. Ночью же непріятельскіе штуцерные производили столь сильный огонь по амбразурамъ четвертаго бастіона, что для предохраненія рабочихъ принуждены были заложить наружныя отверстія амбразуръ земляными мѣшками.

Съ разсвѣтомъ 23-го октября непріятель снова открылъ огонь по четвертому бастіону. Для находившихся въ этомъ укрѣпленіи немногочисленныхъ защитниковъ казалось, что наступали послѣднія минуты ихъ существованія. Гранаты и бомбы кучами ложились внутри укрѣпленія, но повидимому врагъ не довольствовался этимъ. Французы, не ограничиваясь стрѣльбою съ осадныхъ батарей, перенесли въ третью параллель небольшія мортирки, разсыпали штуцерныхъ и забрасывали защитниковъ огромною массою смертоноснаго металла. Трескотня разры-

вающихся снарядовъ, шумъ падающихъ съ подбитыхъ лафетовъ орудій, свистъ пуль, отсутствіе закрытій, а сверху дождь съ холоднымъ вѣтромъ, или по ночамъ морозъ [1])—вотъ то тяжкое положеніе, въ которомъ находился гарнизонъ, принужденный, при всемъ этомъ, трудиться надъ расчисткою амбразуръ, починкою платформъ и надъ замѣною подбитыхъ орудій новыми.

„При этомъ,—доносилъ кн. Меншиковъ [2]),—священнымъ долгомъ себѣ поставляю свидѣтельствовать передъ вашимъ императорскимъ величествомъ о безпримѣрномъ самоотверженіи и о ничѣмъ непоколебимой бодрости духа флотскихъ экипажей. Ни ежедневныя потери, ни тягость службы на бастіонахъ, ни воздвигающіяся передъ ихъ глазами новыя батареи, ни неумолкаемый громъ орудій, денно и нощно потрясающій воздухъ и землю—ничто не въ состояніи заставить ихъ умалить хоть на минуту исполненіе своего долга; напротивъ, все это только усиливаетъ ихъ рвеніе, и они соперничаютъ другъ передъ другомъ въ мужествѣ и отвагѣ, весело отстаивая столь близкій ихъ сердцу Севастополь“.

Потеря наша въ три дня 21-го, 22-го и 23-го октября простиралась до 643 человѣкъ и принадлежитъ почти одному второму отдѣленію оборонительной линіи; ежедневный расходъ зарядовъ доходилъ до 8-ми тысячъ.

Хотя съ заложеніемъ третьей параллели французы въ теченіе четырехъ сутокъ не подвигались далѣе, но находились уже отъ бастіона въ такомъ разстояніи, что, рѣшившись на штурмъ, при всей осторожности съ нашей стороны, все-таки могли въ нѣсколько секундъ явиться на валу такого укрѣпленія, которое не имѣло вовсе ружейной обороны, артиллерія котораго была подбита на половину, брустверъ разрушенъ, а гарнизонъ состоялъ только изъ шести ротъ, изъ коихъ 2 роты находились въ резервѣ.

При такомъ почти безвыходномъ положеніи бастіона, безпрестанно перебѣгавшіе къ намъ дезертиры единогласно утверждали, что французы приготовляются къ штурму и намѣрены взять бастіонъ открытою силою.

---

[1]) Всепод. донес. кн. Меншикова отъ 17-го и 18-го октября. Арх. канц. воен. минис. по снаряж. войскъ, дѣло № 110.

[2]) Отъ 18-го октября. Тамъ же.

Чтобы спасти его отъ неминуемаго паденія, необходимо было или отвлечь вниманіе непріятеля на другіе пункты оборонительной линіи, или замедлить, сколь возможно болѣе, его наступательныя работы, а для этого въ рукахъ обороняющагося было опять-таки только одно средство перейти въ наступленіе и атаковать непріятеля.

XIX.

Канунъ Инкерманскаго сраженія. — Расположеніе союзныхъ войскъ.—Распоряженія, предшествовавшія Инкерманскому сраженію.—Диспозиціи главнокомандующаго и начальниковъ отдѣльныхъ колоннъ.—Краткій обзоръ этихъ распоряженій.—Рекогносцировка генерала Даненберга.

Въ селеніи Чоргунъ, куда перенесена была главная квартира Крымской арміи, давно уже происходили совѣщанія главнокомандующаго съ разными лицами. Генералы Соймоновъ, Липранди, князь Горчаковъ и Данненбергъ, поочередно и вмѣстѣ, перебывали въ палаткѣ князя Меншикова. Всѣ они единогласно сходились на своевременности и необходимости наступательныхъ дѣйствій, сознавая, что Крымская армія находилась въ это время въ столь выгодныхъ условіяхъ, въ какихъ она не была прежде, а мы можемъ прибавить и послѣ, до самаго окончанія военныхъ дѣйствій.

Съ прибытіемъ свѣжихъ и боевыхъ полковъ четвертаго пѣхотнаго корпуса численность нашихъ войскъ значительно превышала силы союзниковъ. Въ распоряженіи кн. Меншикова было до 100.000 человѣкъ, не считая флотскихъ экипажей, тогда какъ число непріятельскихъ войскъ доходило только до 71.235-ти человѣкъ [1]). Извѣстно было при этомъ, что союзники ожидали прибытія подкрѣпленій, что Англія, Франція и даже Турція не только собирали новыя войска, для отправленія въ Крымъ, но часть ихъ уже была посажена на суда и готова къ отплытію. При удобствѣ морскаго сообщенія, подкрѣпленія эти весьма скоро могли явиться въ Крыму, усилить непріятеля, сравнять, а можетъ быть и пре-

---

[1]) Французы считали въ своихъ рядахъ 41.798 человѣкъ; англичане—24.530 и турки 4.907 человѣкъ.

высить численность нашихъ войскъ—словомъ, лишить насъ всѣхъ тѣхъ выгодъ, которыя связаны съ численнымъ превосходствомъ. Съ другой стороны, весьма быстрое развитіе осадныхъ работъ передъ четвертымъ бастіономъ, находившимся въ ежеминутномъ опасеніи быть атакованнымъ, заставляло не откладывать на долгое время рѣшительнаго удара и вывести гарнизонъ Севастополя изъ того затруднительнаго положенія, въ которомъ онъ находился. Поэтому вопросъ о наступательныхъ дѣйствіяхъ былъ рѣшенъ окончательно, оставалось только опредѣлить направленіе атаки или удара.

Во всякомъ случаѣ, по какому бы направленію мы ни предприняли наступленіе, намъ необходимо было переправляться черезъ Черную рѣчку, а слѣдовательно необходимъ былъ мостъ, такъ какъ Инкерманскій былъ разрушенъ. Поэтому, не ожидая рѣшенія послѣдняго вопроса, кн. Меншиковъ послалъ своего адъютанта Стеценко къ адмиралу Нахимову съ приказаніемъ приготовить все необходимое для наведенія моста, по первому требованію, и сохранять это въ совершенной тайнѣ. Павелъ Степановичъ въ точности исполнилъ возложенное на него порученіе; но не избѣгнулъ непріятныхъ столкновеній съ адмираломъ Станюковичемъ, въ распоряженіи котораго, какъ командира порта, были всѣ матеріалы и рабочіе. Нахимовъ, обойдя Станюковича, потребовалъ мастеровыхъ прямо отъ капитана надъ портомъ и употреблялъ ихъ для работъ по устройству моста, который и былъ готовъ раньше, чѣмъ въ главной квартирѣ пришли къ соглашенію относительно направленія, по которому должно быть произведено наступленіе.

Со времени Балаклавскаго сраженія, непріятельская позиція со стороны Чоргуна и на Сапунъ-горѣ была усилена нѣсколькими укрѣпленіями, но расположеніе войскъ оставалось почти неизмѣннымъ.

Все пространство отъ Стрѣлецкой бухты до Сарандинакиной балки, упирающейся въ Южную бухту, было занято войсками французскаго осаднаго корпуса. Вдоль Карантиннаго оврага стояло девять батальоновъ 4-ой дивизіи Форе [1]), силою въ 5.907 штыковъ. Позади этой дивизіи и нѣсколько лѣвѣе, упираясь лѣвымъ флангомъ въ Стрѣлецкую бухту,

[1]) Вторая бригада д' Ореля и первая Лурмеля. См. планъ окрестностей Севастополя, приложенный къ 1-му тому.

расположено было четырнадцать батальоновъ 5-ой дивизіи Лавальяна [1]), численностью въ 6.129 человѣкъ. Правѣе дивизіи Форе, до самой Сарандинакиной балки тянулись девять батальоновъ 3-й дивизіи принца Наполеона [2]), численность которыхъ доходила до 6.532 человѣкъ.

Правѣе дивизіи принца Наполеона, начиная отъ Сарандинакиной балки и до крутыхъ обрывовъ Сапунъ-горы, были расположены войска англичанъ, число которыхъ простиралось до 16.447 человѣкъ. Лѣвѣе всѣхъ, на Зеленой горѣ, между Сарандинакиною и Делагардіевою балками, стояло шесть батальоновъ 3-ей дивизіи Ингленда [3]) силою въ 3.929 челов. Правѣе Делагардіевой балки, были расположены 6 батальоновъ 4-ой дивизіи Каткарта [4]), численностію въ 3.958 челов.. За Воронцовскою дорогою до верховьевъ Киленъ-балки, тянулись семь батальоновъ легкой дивизіи Броуна [5]), силою въ 3.422 челов., и наконецъ, правѣе всѣхъ, отъ Киленъ-балки и до обрывистыхъ скатовъ Сапунъ-горы, были расположены шесть батальоновъ дивизіи Лесси-Эванса [6]), численностію въ 3.427 человѣкъ. Въ интервалѣ между дивизіями Эванса и Броуна и позади ихъ, во второй линіи, стояли три батальона, въ 1.711 человѣкъ, 1-ой гвардейской бригады генерала Бентинка, изъ 1-ой дивизіи герцога Кембриджскаго; вторая же бригада этой дивизіи, подъ начальствомъ Коллинъ-Кемпбеля, въ составѣ трехъ батальоновъ численностію въ 1.912 человѣкъ, расположена была возлѣ Балаклавы, для защиты этого города. Позади бригады Бентинка стояла часть англійской кавалеріи.

Для обезпеченія тыла союзниковъ былъ составленъ особый обсерваціонный корпусъ изъ одной турецкой и двухъ французскихъ дивизій: 1-ой—Конробера и 2-ой—Боске. Послѣдній расположилъ свою дивизію вдоль по скату Сапунъ-горы, начиная отъ Воронцовской дороги, при чемъ одинъ батальонъ алжирскихъ стрѣлковъ былъ поставленъ у редута Канробера, а другой батальонъ 6-го линейнаго полка занялъ соединительные посты отъ этого редута до Воронцовской дороги. Правѣе дивизіи

---

[1]) Вторая бригада Кустона и 1-я ла-Мотружа.

[2]) Вторая бригада Саля и первая—Моне.

[3]) Вторая бригада Эйра и первая—Джорджа Кемпбеля.

[4]) Вторая бригада Торенса и первая—Гольди.

[5]) Вторая бригада Буллера и первая Кондрингтона.

[6]) Первая бригада—Пеннефетера и вторая Адамса.

Боске расположена была бригада Эспинаса, изъ дивизіи Канробера, упиравшаяся правымъ своимъ флангомъ въ дорогу, ведущую отъ Камышевой бухты въ Балаклаву.

Такимъ образомъ въ обсерваціонномъ корпусѣ, расположенномъ между двумя дорогами: Воронцовскою и Балаклавскою, было сосредоточено французами 16 батальоновъ, общая численность которыхъ простиралась до 12.409 человѣкъ. Подъ угломъ къ этимъ войскамъ стояло 8 батальоновъ турецкой дивизіи, численностію въ 4.907 человѣкъ. Въ промежуткѣ между турками и французами и позади ихъ, близъ дороги, расположена была вторая половина англійской кавалеріи, двѣнадцать же эскадроновъ французской кавалеріи бригады д' Алонвиля находились по другую сторону этой дороги, у верховья Сарандинакиной балки. Вся численность союзной кавалеріи не превышала 3.942 человѣкъ. Наконецъ спустившись съ Сапунъ-горы къ селенію Кадыкіой, были расположены параллельно дорогѣ пять батальоновъ, бригады Винуа, изъ дивизіи Канробера, силою въ 2.778 человѣкъ [1]).

Всматриваясь въ положеніе непріятеля, легко видѣть, что наступленіе изъ Севастополя на французскій осадный корпусъ, защищенный траншеями и весьма сильными батареями, вооруженными орудіями большаго калибра, не представляло никакого вѣроятія на успѣхъ. Слѣдовательно, при желаніи достигнуть успѣха, намъ предстояло два пути: или атаковать непріятеля со стороны селенія Чоргунъ, или, выйдя изъ Севастополя и пользуясь растянутостію позиціи англичанъ, атаковать ихъ съ фронта.

Англичане, какъ мы сказали, занимали все пространство отъ Сарандинакиной балки до скатовъ Сапунъ-горы. Пространство это было раздѣлено четырьмя продольными и глубокими оврагами: Делагардіевою и Лабораторною балками, Доковымъ оврагомъ и наконецъ Киленъ-балкою. Послѣдняя, при весьма значительной глубинѣ, пролегая на протяженіи трехъ верстъ въ длину и имѣя во многихъ мѣстахъ скалистые, обрывистые и недоступные берега, раздѣляла всю восточную часть Херсонесскаго полуострова на двѣ части, совершенно изолированныя другъ отъ друга, и „неимѣющія между собою никакого сообщенія, кромѣ одной только дороги, проходящей у самаго устья Киленъ-балки [1]).

---

[1]) Тотлебенъ, ч. I., 411—415.

[2]) Тамъ же, 415.

Большая часть англійскихъ войскъ была расположена на пространствѣ между Сарандинакиною и Киленъ-балкою. По восточную же сторону послѣдней стояла только одна 2-ая англійская дивизія Лесси-Эванса.

Мѣстность, занятая этою послѣднею дивизіею, постепенно возвышаясь отъ Севастополя, представляетъ собою плато, пересѣченное нѣсколькими поперечными оврагами, идущими съ одной стороны по направленію къ Черной рѣчкѣ, а съ другой— впадающими въ Киленъ-балку. Изъ нихъ два наиболѣе выдающихся оврага—Микрюкова-балка, впадающая въ Киленъ-балку, и трудно доступный съ отвѣсными почти берегами Каменоломный оврагъ, спускающійся къ Черной рѣчкѣ—образуютъ какъ бы перехватъ, за которымъ лежитъ самая возвышенная площадь, имѣющая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 350 саж. ширины и до 500 саж. длины.

Прикрытая двумя сходящимися оврагами, возвышенная площадь эта представляла весьма сильную позицію, доступъ къ которой былъ возможенъ только по узкому перехвату, не превышавшему 60 саж. ширины. Вдоль этой площадки пролегала только одна дорога, ведущая отъ Инкерманскаго моста, по Каменоломному оврагу, и соединяющаяся на Сапунъ-горѣ съ Воронцовскою дорогою.

Несмотря на естественныя преграды этой мѣстности, представляющія весьма невыгодныя условія для движенія значительной массы войскъ, сэръ Лесси-Эвансъ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи только 3.427 человѣкъ, справедливо сознавалъ слабость своихъ силъ и неоднократно указывалъ на беззащитность фронта англійской позиціи. По его мнѣнію, это было единственное мѣсто, не укрѣпленное ни орудіями, ни ретраншаментами, гдѣ русскія войска, прикрываясь неровностями мѣстности, могли подойти незамѣченными и напасть врасплохъ [1]). Лордъ Рагланъ не раздѣлялъ однакоже опасеній Лесси-Эванса и не принималъ дѣятельныхъ мѣръ къ оборонѣ фронта англійской позиціи. Испуганный Балаклавскимъ сраженіемъ, онъ обратилъ исключительное вниманіе на защиту Балаклавы, но, уступая настояніемъ Лесси-Эванса, приказалъ прикрыть фронтъ 2-ой дивизіи нѣсколькими укрѣпленіями, весьма слабой профили, къ постройкѣ которыхъ было только-что приступлено. Одно изъ этихъ укрѣпленій № 1-го (batterie des sacs à terre), расположенное на правомъ

---

[1]) Матер., вып. IV, 210.

флангѣ, позиціи, за Каменоломнымъ оврагомъ, только еще строилось и не было вооружено; другое № 2-го, находившееся правѣе дороги, было вооружено двумя орудіями, и наконецъ поперекъ самой дороги устроена была небольшая траншея [1]).

Такимъ образомъ изъ всего пространства, занятаго осаднымъ корпусомъ союзниковъ, мѣстность, на которой стояла 2-ая англійская дивизія, оказывалась слабѣйшею.

Что же касается до обсерваціоннаго корпуса, расположеннаго вдоль скатовъ Сапунъ-горы, то атака его была возможна по тремъ дорогамъ: по вьючной тропинкѣ, пролегающей отъ брода на Черной рѣчкѣ, далѣе пересѣкающей водопроводный каналъ и соединяющейся на Сапунъ-горѣ съ Воронцовскою дорогою; второй путь былъ по Воронцовской дорогѣ, прикрытой французами, укрѣпленіемъ № 11-го, и наконецъ, третій по дорогѣ изъ Балаклавы въ Севастополь. Доступъ къ этимъ дорогамъ прикрывался рядомъ укрѣпленій, тянувшихся болѣе чѣмъ на три версты, но вооруженныхъ впрочемъ только 22-мя орудіями большаго калибра.

Изъ описанія расположенія непріятельскихъ силъ и мѣстности, занятой союзниками, видно, что наступленіе съ нѣкоторою надеждою на успѣхъ могло быть произведено или изъ Севастополя противъ праваго фланга англичанъ, или же, поднявшись на Сапунъ-гору со стороны Чоргуна, мы могли зайти во флангъ и тылъ союзниковъ.

Въ первомъ случаѣ мы могли овладѣть всею восточною частію Херсонесскаго полуострова, утвердиться на высотахъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ Киленъ-балки, освободить отъ осады Корабельную сторону города и войти въ связь съ гарнизономъ Севастополя. Во второмъ случаѣ, поднимаясь на Сапунъ-гору со стороны Чоргуна и прорвавши циркумвалаціонную линію союзниковъ, мы останавливались въ тылу англичанъ и совершенно отрѣзывали ихъ отъ сообщеній съ Балаклавою, безъ которой существованіе англичанъ было немыслимо. Успѣхъ съ этой стороны приносилъ столь существенныя выгоды, что вызывалъ со стороны нѣкоторыхъ лицъ самыя горячія настаиванія о необходимости дѣйствовать именно въ этомъ направленіи.

---

[1]) Ces trois ouvrages,—пишетъ Ніель,—ont été désignés depuis lors sous le noms: de redoute du 5 novembre, batterie de l'abattoir, et batterie du 5 novembre». Niel, p 92.

Дѣйствительно, какъ бы успѣшно ни было наступленіе изъ Севастополя, мы только отодвигали англичанъ нѣсколько назадъ и ни въ какомъ случаѣ не могли отрѣзать ихъ отъ Балаклавы, или уничтожить склады, сосредоточенные въ этомъ городѣ. Въ случаѣ же неудачи, путь отступленія нашего въ городъ, по пересѣченной мѣстности, при преслѣдованіи и подъ огнемъ непріятеля, былъ крайне затруднителенъ. Поэтому всѣ выгоды склонялись на сторону наступленія со стороны Чоргуна, гдѣ мы могли сосредоточить болѣе 57.000 человѣкъ пѣхоты и кавалеріи съ ихъ артиллеріею, противъ 20.000 французовъ и турокъ [1]). Здѣсь мы могли подняться одновременно тремя колоннами, и если не успѣли бы достигнуть значительнаго успѣха на Сапунъ-горѣ, то во всякомъ случаѣ могли завладѣть Балаклавою. Прорвавшись черезъ циркумвалаціонную линію укрѣпленій, мы имѣли возможность ввести на Сапунъ-гору всю свою кавалерію, значительно превосходящую численность непріятельской [2]), а при отступленіи, не имѣя за собою ни овраговъ, ни ущелій, не были бы стѣснены въ своихъ движеніяхъ.

Что же касается того, что батареи циркумвалаціонной линіи были вооружены 22-мя орудіями большаго калибра, то слѣдуетъ замѣтить, что разбросанныя на значительномъ разстояніи, они не могли быть достаточною причиною для того, чтобы совершенно отказаться отъ атаки съ этой стороны и предпочесть ей наступленіе изъ Севастополя.

Князь Меншиковъ самъ не признавалъ возможнымъ предпринять наступательное движеніе изъ Севастополя. Въ своихъ донесеніяхъ отъ 8-го и 11-го октября, онъ, какъ мы видѣли, называлъ это дѣло рискованнымъ и слишкомъ опаснымъ. При такомъ взглядѣ, естественно, что главнокомандующій первое время былъ на сторонѣ тѣхъ лицъ, которыя

---

[1]) При наступленіи нашемъ съ этой стороны могли принять участіе въ сраженіи: обсерваціонный корпусъ Боске, турецкая дивизія и бригада Винуа. Весь осадный корпусъ могъ быть удержанъ передъ Севастополемъ двумя значительными вылазками: съ Городской стороны, противъ французовъ, а съ Корабельной—противъ англичанъ.

[2]) Кн. Меншиковъ самъ признавалъ это возможнымъ и, какъ увидимъ ниже, наступая изъ Севастополя и оставляя всю кавалерію у селен. Чоргунъ въ распоряженіи князя Горчакова, поручилъ ему при первой возможности ввести ее на Сапунъ-гору.

стояли за движеніе со стороны Чоргуна, и потому направлялъ къ этому селенію весь четвертый корпусъ, по мѣрѣ прибытія его полковъ.

Предназначаемыя для атаки войска стали собираться къ Чоргуну еще съ 20-го октября и располагались частію на Ѳедюхиныхъ, но преимущественно на Инкерманскихъ высотахъ. Ѳедюхины горы находились на лѣвомъ берегу Черной рѣчки, ближе къ непріятелю; позади ихъ и нѣсколько правѣе лежали высоты Инкермана. Между высотами пролегала долина, орошаемая Черною рѣчкою, впадающею въ Севастопольскую бухту.

Расположенные на Ѳедюхиныхъ высотахъ полки видѣли передъ собою ту мѣстность, которая нѣсколько дней тому назадъ оглашалась побѣднымъ кликомъ отряда генерала Липранди. Они видѣли еще послѣдствія отступленія непріятеля: изломанное оружіе, разрушенныя непріятельскія укрѣпленія, испорченныя орудія, остатки подбитыхъ колесъ, лафетовъ и другихъ военныхъ принадлежностей. Въ самомъ воздухѣ не исчезли еще слѣды недавняго столкновенія двухъ враговъ— въ немъ слышался и переносился, съ одного мѣста на другое, тотъ особенный запахъ, который долго держится на поляхъ битвъ—запахъ крови.

Смотря на все это, войска питали надежду, что и предстоящее съ непріятелемъ дѣло будетъ такъ же удачно для русскаго оружія, какъ и дѣло 13-го октября.

„Всѣ понимали,—пишетъ участникъ [1]), — серьезность имѣющаго быть неизбѣжно столкновенія и относились къ наступающимъ событіямъ солидно, безъ прежняго самообольщенія, но и безъ недовѣрія къ самимъ себѣ. Однимъ словомъ, духъ войскъ, эта нравственная сила, дѣлающая иногда чудеса безъ штуцеровъ и нарѣзныхъ пушекъ, въ арміи былъ вполнѣ удовлетворителенъ“.

Весело подходили войска къ назначеннымъ мѣстамъ, весело располагались они на бивуакѣ.

Къ 22-му октября были собраны у селенія Чоргунъ 10-я, 11-я и 12-я пѣхотныя дивизіи съ ихъ артиллеріею, два полка 17-ой пѣхотной дивизіи (Бородинскій и Тарутинскій), три полка драгунъ, два

---

[1]) С. Кожуховъ. Изъ походныхъ воспоминаній о Крымской войнѣ.

полка гусаръ, три эскадрона уланъ, двѣ конно-батарейныя и двѣ конно-легкія батареи.

Едва только эти войска собрались на назначенныя имъ мѣста, какъ вдругъ, совершенно неожиданно для всѣхъ, кн. Меншиковъ измѣнилъ свое мнѣніе и присоединился къ тѣмъ, которые стояли за наступленіе изъ Севастополя.

„Движеніе наше къ Балаклавѣ (13-го октября),—доносилъ онъ [1]),— оттянуло значительную часть непріятельскихъ войскъ къ сему пункту и на прилежащія высоты, которыя непріятель продолжаетъ укрѣплять.

„Это побуждаетъ меня 10-ю, 11-ю и 16-ю дивизіи быстро двинуть въ Севастополь, дабы оттуда, совокупно съ гарнизономъ, стараться дебушировать лѣвымъ флангомъ, сходно съ указаніемъ вашего императорскаго величества“.

Совершенно неожиданная перемѣна плана главнокомандующаго относительно будущихъ наступательныхъ дѣйствій имѣла послѣдствіемъ поспѣшность, неточность и неполноту всѣхъ распоряженій къ предстоящимъ дѣйствіямъ. Эта перемѣна опять-таки указывала, что кн. Меншиковъ не имѣлъ строго обдуманнаго плана дѣйствій, а вслѣдствіе того весьма легко поддавался вліянію минуты, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ тѣмъ охотнѣе, что при неудачѣ имѣлъ возможность выйти изъ затруднительнаго положенія и устранить отъ себя ту отвѣтственность, которою онъ обязанъ былъ по своему званію и положенію.

Быстрая перемѣна плана, находчивость и умѣнье, во-время воспользовавшись слабою стороною противника, нанести ему пораженіе,— составляютъ принадлежность и особенность военнаго генія, драгоцѣннаго для той арміи, которою онъ предводительствуетъ, но съ другой стороны измѣненіе плана безъ опредѣленной цѣли и нерѣшительность въ дѣйствіяхъ очень часто бываютъ причиною того, что и храбрѣйшая армія терпитъ неудачу, или конечное пораженіе.

Отправивъ вышеприведенное донесеніе императору, кн. Меншиковъ въ тотъ же день опять нѣсколько измѣнилъ планъ предпринимаемыхъ наступательныхъ дѣйствій. Онъ двинулъ въ Севастополь только 10-ю

---

[1]) Отъ 22-го октября. Арх. канц. воен. минис. по снаряженію войскъ, дѣло № 110.

и 16-ю пѣхотныя дивизіи, а 11-ю оставилъ у Инкермана, куда перенесъ и свою главную квартиру.

На слѣдующій день онъ хотѣлъ уже атаковать непріятеля, несмотря на то, что не весь четвертый корпусъ присоединился къ арміи. Охотскій полкъ, напримѣръ, вступалъ на Инкерманскую гору 22-го октября, а Камчатскаго полка только часть прибыла въ этотъ день. Принимая во вниманіе сильное утомленіе полковъ отъ продолжительнаго и поспѣшнаго похода, генералъ Данненбергъ просилъ отложить дѣло хотя на одинъ день. Князь Меншиковъ не охотно согласился на это и назначилъ атаку непріятельской позиціи 24-го октября.

Замкнувшись въ кругу своего немногочисленнаго и молодаго штаба, онъ поручилъ ему составить диспозицію для предстоящаго наступленія. Генералы, на которыхъ возлагалось командованіе войсками, были совершенно устранены отъ этого дѣла и не присутствовали при составленіи окончательнаго плана дѣйствій, а между тѣмъ непосредственное участіе этихъ лицъ казалось необходимымъ, хотя бы и потому, что зная ранѣе другихъ общій планъ дѣйствій, они имѣли бы время познакомиться съ мѣстностью. Изъ всѣхъ главныхъ участниковъ и руководителей Инкерманскаго сраженія только одинъ Данненбергъ, до начала Крымской войны жившій нѣкоторое время въ Севастополѣ, былъ знакомъ съ мѣстностью, окружающею городъ, но оба начальника дивизій, т. е. ни Соймоновъ, ни Павловъ, не имѣли о ней никакого понятія.

Будучи однимъ изъ лучшихъ генераловъ нашей арміи, Соймоновъ сознавалъ свой недостатокъ въ этомъ отношеніи и, еще по прибытіи въ Симферополь, употреблялъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы отыскать какую-либо карту Крыма и окрестностей Севастополя. Разосланные имъ по городу адъютанты напрасно старались исполнить желаніе своего начальника: во всемъ Симперополѣ нашлась только одна карта, но и та была уступлена другому [1]).

Наканунѣ боя, 23-го октября, около 5 часовъ по полудни, составленная въ штабѣ главнокомандующаго диспозиція, подписанная полковникомъ Герсевановымъ, была разослана по войскамъ. Диспозиція

---

[1]) Матер., вып. III, 53.

эта всѣмъ извѣстна, она напечатана во многихъ сочиненіяхъ, но для уясненія событій мы должны привести ее цѣликомъ.

Вотъ она:

„Завтра, 24-го октября, назначается наступленіе на англійскую позицію, съ тѣмъ, чтобы, овладѣвъ высотами, утвердиться на нихъ. Для чего:

1) Дѣйствующему отряду въ Севастополѣ (тремъ полкамъ 10-й пѣхотной дивизіи, тремъ полкамъ 16-й пѣхотной дивизіи и Бутырскому полку съ 22-мя батарейными и 16-ю легкими орудіями), подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Соймонова начать наступленіе *отъ Киленъ-балки* въ 6 часовъ утра, предварительно сему сдѣлавъ уже выдвиженіе изъ укрѣпленій.

2) Отряду съ Инкерманской горы, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Павлова (11-я пѣхотная дивизія съ ея артиллеріею, Бородинскій и Тарутинскій егерскіе полки съ батарейною № 3-го батареею 17-й артиллерійской бригады), въ 6 же часовъ утра возстановить Инкерманскій мостъ и быстро слѣдовать на соединеніе съ отрядомъ генералъ-лейтенанта Соймонова.

При семъ отрядѣ находиться командиру 4-го пѣхотнаго корпуса, генералу-отъ-инфантеріи Данненбергу, *которому, по соединеніи помянутыхъ двухъ отрядовъ*, принять общее надъ ними начальство.

3) Войскамъ, находящимся подъ начальствомъ кн. Горчакова, содѣйствовать общему наступленію, отвлекая собою силы непріятеля, и стараясь овладѣть *однимъ изъ всходовъ* на Сапунъ-гору. При чемъ драгунъ имѣть въ полной готовности къ движенію на гору, при первой возможности.

4) Гарнизону Севастополя, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Моллера, слѣдить за ходомъ наступленія, прикрывая своими батареями правый флангъ наступающихъ войскъ и, въ случаѣ замѣшательства на непріятельскихъ батареяхъ, захватить оныя.

5) Всѣ частныя распоряженія къ выполненію данныхъ назначеній предоставляю сдѣлать начальникамъ обозначенныхъ частей и доставить мнѣ, *въ теченіе ночи* на 24-е число, ихъ диспозиціи.

6) Главнокомандующій будетъ находиться первоначально у Инкерманскаго моста“.

Изъ этой, отличающейся неопредѣленностію, диспозиціи, прежде всего видно желаніе главнокомандующаго устранить себя отъ всѣхъ подробностей и предоставить всѣ распоряженія частнымъ начальникамъ, которые и должны, конечно, отвѣчать за правильность дѣйствій.

Предоставляя имъ такое право, кн. Меншиковъ въ своей диспозиціи даже не опредѣлилъ точно пункта атаки. Что значитъ наступленіе на англійскую позицію? Англичане, какъ извѣстно, занимали все пространство отъ Сарандинакиной балки и почти до скатовъ Сапунъ-горы. Пространство это было раздѣлено глубокою и обрывистою Киленъ-балкою на двѣ части, изъ коихъ каждая, въ отдѣльности, представляла совершенно самостоятельную оборонительную позицію и для атаки которой необходимъ былъ и самостоятельный отрядъ. Не называя, на какую именно часть англійской позиціи должно быть сдѣлано наступленіе, кн. Меншиковъ оставлялъ широкое поле для догадокъ, предположеній и ошибокъ, предоставляя все это произволу генераловъ Павлова и Соймонова. Послѣдній, наступая изъ Севастополя, могъ пойти по правому берегу Киленъ-балки, могъ пойти и по лѣвому— въ обоихъ случаяхъ выполнялъ диспозицію, но очевидно становился совершенно въ различныя обстоятельства, и потому главнокомандующему слѣдовало точнѣе указать то направленіе, по которому долженъ былъ слѣдовать отрядъ Соймонова.

Во всякомъ случаѣ выраженіе *„наступленіе на англійскую позицію“* слѣдуетъ понимать такъ, что кн. Меншиковъ имѣлъ въ виду одновременную атаку всей англійской позиціи, ибо только съ этою цѣлью было составлено два отряда, расположенные одинъ въ Севастополѣ, а другой на Инкерманскихъ высотахъ, т. е. на двухъ противуположныхъ флангахъ англійской позиціи, для того, чтобы, наступая съ разныхъ сторонъ и двигаясь на одной высотѣ другъ съ другомъ, они могли одновременно атаковать непріятеля по всей его линіи. Слѣдовательно, придерживаясь буквально диспозиціи кн. Меншикова, генералу Соймонову, какъ расположенному въ Севастополѣ, слѣдовало атаковать лѣвый флангъ англичанъ, и генералу Павлову— правый, иначе въ диспозиціи главнокомандующаго было бы сказано, что наступленіе предпринимается только противъ одного изъ фланговъ непріятельскаго расположенія.

Всматриваясь ближе въ положеніе мѣстности, избранной для театра дѣйствій, мы видимъ, что предварительное движеніе и переправа отряда генерала Павлова черезъ Инкерманскій мостъ, безъ прикрытія, были невозможны,—онъ подвергался опасности быть разбитымъ англичанами ранѣе, чѣмъ успѣетъ подняться на высоты и устроиться. Слѣдовательно, можно думать, что главнокомандующій, собирая въ Севастополѣ отрядъ генерала Соймонова, предполагалъ прикрыть имъ и обезпечить движеніе колонны Павлова, но для этого не было надобности давать колоннѣ Соймонова столь большую численность. Назначеніе въ составъ отряда Соймонова большаго числа войскъ, чѣмъ во всѣ остальныя колонны, указываетъ, что главнокомандующій не придавалъ ему значенія вспомогательнаго отряда, а предназначалъ для самостоятельныхъ дѣйствій и конечно на лѣвомъ берегу Киленъ-балки, гдѣ ему могло предстоять болѣе препятствій, чѣмъ отряду Павлова.

Положимъ, что Соймоновъ, понявши настоящій смыслъ предположеній главнокомандующаго, пошелъ бы по лѣвому берегу Киленъ-балки, то генералъ Павловъ долженъ ли былъ дѣйствовать самостоятельно по другую ея сторону, или въ самомъ началѣ дѣла идти на соединеніе съ Соймоновымъ, также перейдя на лѣвый берегъ Киленъ-балки—въ диспозиціи опять-таки сказано весьма не ясно.

Далѣе въ той же диспозиціи на обязанность Павлова возлагалось возстановить Инкерманскій мостъ. До полученія распоряженій главнокомандующаго генералъ Павловъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о томъ, гдѣ и кѣмъ строится мостъ? Постройку моста кн. Меншиковъ, какъ мы видѣли, возложилъ на вице-адмирала Нахимова и обязалъ его содержать это въ тайнѣ. Нахимовъ строилъ этотъ мостъ въ Севастополѣ, употреблялъ рабочихъ отъ порта, для буксировки его по рейду долженъ былъ назначить особые катера, а для наведенія его послать флотскихъ офицеровъ. Не проще ли было возстановленіе этого моста, къ извѣстному часу, поручить попеченію Нахимова, имѣвшаго подъ рукою всѣ необходимыя для этого средства. При строгой и необыкновенной аккуратности Павла Степановича, при всегдашней готовности черноморцевъ содѣйствовать сухопутнымъ войскамъ въ защитѣ ихъ роднаго города, можно быть увѣреннымъ, что дѣло было бы исполнено точнѣе и успѣшнѣе, чѣмъ порученіе сдѣлать это генералу Павлову, бывшему на Инкер-

манскихъ высотахъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города и принужденному потратить время на справку: гдѣ мостъ, готовъ ли онъ, и кѣмъ будетъ доставленъ въ устье Черной рѣчки?

Точно также съ перваго взгляда кажется весьма страннымъ, почему главнокомандующій предоставилъ сдѣлать всѣ частныя распоряженія генераламъ Соймонову и Павлову, а не генералу Данненбергу, которому поручалъ начальство надъ обоими отрядами, по ихъ соединеніи. Ключь къ разъясненію такой несообразности лежитъ въ нерасположеніи князя Меншикова къ этому генералу.

Неудачная дѣятельность генерала Данненберга на Дунаѣ была извѣстна князю Меншикову, который, при первомъ извѣстіи о движеніи въ Крымъ 4-го пѣхотнаго корпуса въ полномъ его составѣ, неоднократно высказывалъ словесно свое нежеланіе имѣть генерала Данненберга въ числѣ начальниковъ войскъ Крымской арміи. Князь М. Д. Горчаковъ хотя и зналъ объ этомъ, но не могъ, однако же, исполнить желанія свѣтлѣйшаго, по неимѣнію достаточныхъ къ тому поводовъ.

„Я не могу,—писалъ онъ кн. Меншикову [1])—освободить васъ отъ Данненберга. Принимая выгоды отъ войскъ, вамъ посылаемыхъ, примите и сопряженныя съ этимъ неудобства. Къ тому же онъ не сдѣлалъ ничего предосудительнаго, за что бы можно было отнять у него корпусъ, но полезно имѣть въ виду, что его способности не таковы, чтобы можно было поручить ему отдѣльное командованіе“.

Письмо это князь Меншиковъ получилъ гораздо позже и именно вечеромъ 24-го октября, а потому все еще разсчитывалъ, что генералъ Данненбергъ не будетъ присланъ въ Крымъ, тѣмъ болѣе, что главнокомандующему извѣстно было предположеніе прислать съ войсками генерала Лидерса, пользовавшагося репутаціею лучшаго генерала нашей арміи. Необходимость удержать Лидерса при войскахъ Южной или Дунайской арміи заставила отказаться отъ этого предположенія, и князь Меншиковъ, не безъ удивленія, узналъ о прибытіи Данненберга въ Перекопъ. Пріѣхавъ въ этотъ городъ, Данненбергъ отправилъ къ главнокомандующему своего адъютанта, Чаплинскаго, съ донесеніемъ, къ какому времени четвертый корпусъ можетъ собраться къ Севастополю [2]).

[1]) Отъ 19-го октября 1854 г. Военно-Учен. Арх., дѣло № 4253.

[2]) Воспоминанія Георгія Чаплинскаго. Сборн. рукоп., т. II, 88.

— Такъ и генералъ Данненбергъ сюда будетъ съ корпусомъ?— спросилъ главнокомандующій, принимая бумаги и сдѣлавъ „одну изъ гримасъ, получившихъ извѣстность“.

— Точно такъ, ваша свѣтлость,—отвѣчалъ Чаплинскій.

Князь Александръ Сергѣевичъ нахмурилъ брови, долго что-то раздумывалъ и, не сказавши ни слова, отпустилъ посланнаго.

Несмотря на нерасположеніе свое къ Данненбергу, главнокомандующій, по свойственной его характеру скрытности, наружно выказывалъ ему полную довѣренность: совѣщался съ нимъ о предстоящихъ дѣйствіяхъ, посылалъ къ нему своихъ адъютантовъ съ различнаго рода вопросами [1]), поручилъ ему наканунѣ сраженія произвести рекогносцироку и проч. Такого рода дѣйствія князя Меншикова убѣждали Данненберга въ томъ, что ему будетъ поручено главное начальство надъ войсками въ предстоящемъ сраженіи, и потому онъ крайне былъ удивленъ, когда получилъ диспозицію главнокомандующаго, ставившую его въ двусмысленное положеніе. По этой диспозиціи, Данненбергъ долженъ былъ командовать войсками, движеніемъ которыхъ въ началѣ не могъ распоряжаться; онъ былъ поставленъ въ необходимость быть начальникомъ и приводить въ исполненіе рѣшеніе своихъ подчиненныхъ; ему поручено командовать войсками и въ то же время приказано находиться при отрядѣ генерала Павлова. Между тѣмъ, присутствіе генерала Данненберга при этой колоннѣ не было вовсе необходимо, такъ какъ въ диспозиціи князя Меншикова было объявлено, что самъ главнокомандующій будетъ находиться у Инкерманскаго моста.

По диспозиціи главнокомандующаго Соймоновъ долженъ быть начать свое наступленіе отъ Киленъ-балки въ 6 часовъ утра, т. е. въ то самое время, когда Павлову предписано возстановить мостъ и начать переправу. Находясь отъ Соймонова въ разстояніи около четырехъ верстъ, при возможной быстротѣ переправы значительнаго отряда, Павловъ, двигавшійся по весьма узкой Саперной дорогѣ, при самыхъ выгодныхъ условіяхъ, могъ явиться на полѣ сраженія только въ хвостѣ колонны Соймонова. При малѣйшемъ замедленіи въ переправѣ, или въ движеніи, всегда возможныхъ при значительной массѣ войскъ, Павловъ

---

[1]) Сборн. рукоп., т. I, 246.

долженъ былъ опоздать на довольно значительное время, что и было въ дѣйствительности.

Князь Меншиковъ, такъ долго жившій въ Севастополѣ и изучившій его окрестности, не могъ не знать, что, предписывая Данненбергу находиться при отрядѣ генерала Павлова, онъ лишалъ его возможности быть распорядителемъ въ самомъ началѣ сраженія.

Наконецъ, что означало приказаніе, чтобы Данненбергъ принялъ начальство по соединеніи отрядовъ? Не было ли это выраженіе затаеннымъ желаніемъ главнокомандующаго устранить Данненберга вовсе отъ распоряженій. Соединеніе отрядовъ могло произойти въ двухъ случаяхъ: когда они пойдутъ по одному направленію и когда наступленіе будетъ произведено одновременно по обѣимъ сторонамъ Киленъ-балки. Въ первомъ случаѣ, какъ мы видѣли, Данненбергъ долженъ былъ значительно опоздать, прибыть на мѣсто сраженія тогда, когда Соймоновъ могъ ввести въ дѣло всѣ свои резервы, а слѣдовательно оставаться только распорядителемъ движеній и дѣйствій войскъ колонны Павлова. Во второмъ же случаѣ, когда Соймоновъ пошелъ бы по лѣвому берегу Киленъ-балки, а Павловъ — по правому, соединеніе отрядовъ могло случиться только тогда, когда англичане были бы сбиты на всѣхъ пунктахъ и участь сраженія была бы рѣшена, и тогда, конечно, Данненбергу не пришлось бы вовсе быть распорядителемъ сраженія [1]).

Слѣдя далѣе за диспозиціею главнокомандующаго, видно, что войска кн. Горчакова должны были произвести демонстрацію и стараться занять какой-нибудь пунктъ Сапунъ-горы, но какой именно и въ какомъ мѣстѣ войти въ связь съ другими дѣйствующими частями, ничего не го-

---

[1]) Впослѣдствіи, при всеподданнѣйшемъ донесеніи объ Инкерманскомъ сраженіи, кн. Меншиковъ выразился такъ, будто командованіе войсками поручено было безусловно командиру 4-го пѣхотнаго корпуса генералу-отъ-инфантеріи Данненбергу. (См. всеподд. донесеніе кн. Меншикова, отъ 25-го октября. Арх. канц. воен. минист. по снаряженію войскъ, дѣло № 110). Это выраженіе, при отсутствіи свѣдѣній о всѣхъ подробностяхъ дѣла, имѣло естественнымъ послѣдствіемъ то, что неудача Инкерманскаго сраженія легла всею своею тяжестью на одно лицо, и Данненбергъ былъ обвиненъ совершенно несправедливо. Послѣдствія этого обвиненія преслѣдовали его до самой кончины, и даже теперь послѣ обнародованія весьма многихъ документовъ. (См. Воспом. и разсужденія. Сборн. рукоп., т. II, 246).

ворилось. Положеніе генерала Моллера въ Севастополѣ было не лучше; его обязанности оказались еще болѣе другихъ запутанными и неопредѣленными.

Наконецъ, въ заключеніе своихъ распоряженій, предоставляя генераламъ Соймонову и Павлову составить собственныя диспозиціи, князь Меншиковъ обязалъ ихъ только тѣмъ, чтобы копіи съ нихъ были доставлены къ нему *въ теченіе ночи*. Это приказаніе, не ограниченное никакимъ предѣльнымъ срокомъ, указываетъ, что главнокомандующій не оставлялъ для себя никакого запаса времени, чтобы имѣть возможность сличить эти диспозиціи, провѣрить, не уклоняются ли начальники отрядовъ отъ главной цѣли, и сгладить тѣ противорѣчія, которыя легко могли въ нихъ вкрасться, при различіи воззрѣній двухъ лицъ, не имѣющихъ опредѣленныхъ и точныхъ свѣдѣній о мѣстности, ни о положеніи непріятеля и при томъ, при составленіи окончательныхъ распоряженій, раздѣленныхъ между собою довольно значительнымъ пространствомъ.

Краткость времени, отъ полученія распоряженій главнокомандующаго до приведенія ихъ въ исполненіе, устраняла всякую возможность предварительныхъ соглашеній, переговоровъ и взаимныхъ сношеній между генералами Соймоновымъ и Павловымъ. Оба они были поставлены въ крайне затруднительное положеніе.

Получивши распоряженіе главнокомандующаго, генералъ Павловъ былъ въ недоумѣніи, что̀ ему дѣлать.

— Составьте диспозицію, —сказалъ онъ дивизіонному квартирмистру генеральнаго штаба штабсъ-капитану Черняеву, передавая ему ту, которая была прислана изъ штаба главнокомандующаго.

Забравшись въ крошечный балаганъ изъ вѣтвей, покрытыхъ брезентами, Черняевъ приступилъ къ составленію диспозиціи. Старшій адъютантъ Алабинъ исполнялъ обязанности писаря.

„При составленіи этой частной диспозиціи, — пишетъ Алабинъ въ своихъ запискахъ,—у Черняева не было карты, на которой изображалась бы во всей подробности мѣстность предстоящаго дѣла, съ нанесеніемъ хотя приблизительно расположенія непріятельскихъ войскъ, карты, по которой можно было бы составить себѣ идею дѣйствія, поэтому, диспозиція, имъ писанная, состояла преимущественно

изъ указаній, которой части отряда идти за которою, когда начнется движеніе и кому куда слѣдуетъ направиться по переходѣ черезъ Инкерманскій мостъ. О дальнѣйшемъ же порядкѣ дѣйствій и о цѣли, къ которой должна стремиться каждая часть, этою диспозиціею невозможно было опредѣлить“ [1]).

По составленной такимъ образомъ первоначальной диспозиціи генерала Павлова, отрядъ его численностію въ 15.806 челов. [2]) при 96 орудіяхъ [3]), долженъ былъ въ $2^1/_2$ часа по полуночи выступить къ Инкерманскому мосту и быстро слѣдовать на соединеніе съ генераломъ Соймоновымъ, „который, сказано въ диспозиціи, производитъ наступленіе отъ Киленъ-балки“.

Генералъ Соймоновъ, не зная подробностей тѣхъ предположеній, на которыхъ основанъ былъ главный успѣхъ дѣйствій, и руководствуясь только диспозиціею главнокомандующаго, приказалъ своему отряду перейти черезъ Киленъ-балку на правый ея берегъ. По полному же незнанію мѣстности, онъ точно такъ же, какъ и Павловъ, принужденъ былъ ограничиться однимъ обозначеніемъ порядка слѣдованія частей, оговорившись, что „дальнѣйшія распоряженія будутъ отданы мною на мѣстѣ“.

По этой диспозиціи отрядъ генерала Соймонова численностію около 18.829 человѣкъ [4]) и одной казачьей сотни [5]), съ 38 ору-

---

[1]) Алабинъ, походныя записки, часть II, 66. Диспозиція генерала Павлова, представленная кн. Меншиковымъ при всеподданнѣйшемъ донесеніи отъ 25-го октября, отличается отъ той, которая напечатана въ сочиненіи Тотлебена, а потому мы помѣщаемъ ее въ приложеніи № 17.

[2]) Полки Селенгинскій, Якутскій, Охотскій, Бородинскій и Тарутинскій— всѣ въ четырехъ-батальонномъ составѣ, двѣ роты 4-го стрѣлковаго батальона. Приложеніе № 19.

[3]) Батарейная № 1-го, легкія №№ 1-го и 2-го батареи 10-й артиллерійской бригады; батарейная № 3-го, легкія №№ 3-го и 4-го батареи 11-й артиллерійской бригады—всѣ въ 12-ти-орудійномъ составѣ; батарейная № 3-го батарея 17-й артиллерійской бригады, Донская легкая № 2-го и Донская резервная № 4-го батарея—всѣ три въ 8-ми-орудійномъ составѣ.

[4]) По порядку слѣдованія, назначенному въ диспозиціи, были Колыванскій, Томскій, Екатеринбургскій, Углицкій, Бутырскій и Суздальскій полки—всѣ въ четырехъ-батальонномъ составѣ, Владимірскій—въ трехъ-батальонномъ, двѣ роты 6-го стрѣлковаго батальона и двѣ роты 6-го сапернаго батальона. См. приложеніе № 19.

[5]) Сто казаковъ Донскаго № 67-го полка.

діями[1]), собравшись у бастіона № 2-го, долженъ былъ въ 6 часовъ утра начать свое движеніе черезъ Киленъ-балку, по переходѣ черезъ которую выстроиться въ боевой порядокъ, имѣя егерскую бригаду (Колыванскій и Томскій полки) въ боевой линіи, а Екатеринбургскій пѣхотный полкъ въ резервѣ. Остальныя войска, построившись въ резервный порядокъ за 10-ю дивизіею, должны были составлять главный резервъ. Находившіяся при отрядѣ двѣ роты саперъ назначались для укрѣпленія, по указанію полковника Тотлебена, позиціи, въ томъ случаѣ, если бы намъ удалось сбить англичанъ и утвердиться на высотахъ.

Для поддержанія колонны Соймонова при наступленіи и прикрытія праваго ея фланга, начальникъ Севастопольскаго гарнизона, генералъ-лейтенантъ Моллеръ, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы всѣ батареи 3-й и 4-й дистанцій оборонительной линіи, при появленіи непріятеля, открывали огонь по его колоннамъ, не отвѣчая на огонь непріятельскихъ батарей.

Для воспрепятствованія же войскамъ французскаго осаднаго корпуса подать помощь англичанамъ, и на случай, какъ сказано было въ диспозиціи, „значительнаго ослабленія батарей французскаго лагеря и смятенія въ оныхъ“, находившимся въ Севастополѣ полкамъ, Минскому и Тобольскому, съ 12-ю легкими орудіями, приказано быть въ полной готовности сдѣлать вылазку, подъ начальствомъ генералъ-маіора Тимоѳеева, дабы овладѣть непріятельскими батареями съ фланга.

Что касается до Чоргунскаго отряда, то въ распоряженіи князя Горчакова было 16 батальоновъ 12-й пѣхотной дивизіи[2]), численностію около 15.000 человѣкъ[3]), съ 48 орудіями пѣшей артил-

---

[1]) Двѣнадцать орудій батарейной № 2-го батареи 10-й артиллерійской бригады, десять орудій батарейной № 1-го батареи 16-й артиллерійской бригады и по восьми орудій легкихъ №№ 4-го и 5-го батарей 17-й артиллерійской бригады.

[2]) Полки Азовскій, Днѣпровскій, Украинскій и Одесскій—всѣ въ четырехъбатальонномъ составѣ. Приложеніе № 19.

[3]) Собственно по строевымъ запискамъ къ половинѣ октября въ полкахъ 12-й дивизіи считалось 15.117 человѣкъ, но ежедневная обыкновенная убыль людей значительно уменьшала эту цифру.

леріи [1]), 52 эскадрона кавалеріи [2]), 10 сотенъ казаковъ [3]), численностію до 7.000 человѣкъ, съ 40 орудіями конной артиллеріи [4]). Съ этими войсками онъ долженъ былъ охранять пространство до шести верстъ длиною, начиная отъ селен. Комары до оконечности Өедюхиной горы. Хотя при отрядѣ кн. Горчакова и находилось весьма значительное число кавалеріи, тѣмъ не менѣе она не могла принять участія въ защитѣ позиціи, такъ какъ Кадыкіойскія высоты приходилось занять пѣхотой.

Имѣя приказаніе содѣйствовать общему наступленію и стараться овладѣть однимъ изъ всходовъ на Сапунъ-гору, князь Горчаковъ могъ бы достигнуть этого только движеніемъ впередъ всей 12-й пѣхотной дивизіи, но оставить редуты вовсе безъ защиты было невозможно потому, что непріятель, расположенный близъ селенія Кадыкіой, могъ отрѣзать путь отступленія въ случаѣ неудачи.

Опасаясь за свой путь отступленія, князь Горчаковъ оставилъ два батальона Днѣпровскаго полка въ селеніи Комарахъ; два батальона Азовскаго полка — въ редутѣ № 1-го; одинъ батальонъ Днѣпровскаго полка—между редутами №№ 1-го и 2-го и два батальона Украинскаго полка—въ редутахъ №№ 2-го и 3-го. Три батальона Одесскаго егерскаго полка были поставлены на Өедюхиной горѣ. Такимъ образомъ, въ распоряженіи кн. Горчакова оставалось только шесть свободныхъ батальоновъ, численность которыхъ не превышала 5.500 человѣкъ. Присоединивъ къ нимъ три батальона, расположенныхъ на Өедюхиной горѣ, кн. Горчаковъ приказалъ имъ

---

[1]) Батарейная № 4-го, легкія №№ 6-го, 7-го и 8-го батареи 12-й артиллерійской бригады—въ 12-ти-орудійномъ составѣ.

[2]) Полки драгунскіе: Наслѣдника Цесаревича, великаго князя Константина Николаевича и великаго князя Михаила Николаевича—въ 10-ти-эскадронномъ составѣ; полки гусарскіе: Николая Максимиліановича и гросъ-герцога Саксенъ-Веймарскаго—въ 8-ми-эскадронномъ составѣ и 6 эскадроновъ сводно-уланскаго полка.

[3]) Четыре сотни Донскаго казачьяго № 53-го полка и 6 сотенъ Уральскаго казачьяго № 1-го полка.

[4]) Конно-батарейныя № 21-го, № 22-го и № 23-го батареи; конно-легкая № 12-го и Донская батарейная № 3-го батарея—всѣ въ восьми-орудійномъ составѣ.

произвести наступательное движеніе, съ цѣлью отвлечь часть непріятельскихъ силъ и не дозволить непріятельскому отряду, расположенному у селен. Кадыкіой, подать помощь войскамъ, расположеннымъ противъ Севастополя[1]). Съ этою цѣлью было приказано тремъ батальонамъ Одесскаго полка съ 12-ю орудіями 12-й артиллерійской бригады[2]) спуститься съ Ѳедюхиныхъ горъ и двинуться прямо къ Сапунъ-горѣ; два батальона Украинскаго и одинъ Одесскаго егерскихъ полковъ, съ 8-ю орудіями той же бригады, подъ начальствомъ генералъ-маіора Левуцкаго, должны были также двинуться къ Сапунъ-горѣ, направляясь лѣвымъ флангомъ противъ Кадыкіойской церкви, и, наконецъ, два батальона Азовскаго и одинъ Днѣпровскаго полковъ, съ четырьми орудіями, подъ начальствомъ генералъ-маіора Семякина, должны были наступать фронтомъ по направленію къ той же церкви.

Для прикрытія праваго фланга Одесскихъ батальоновъ, спустившихся съ Ѳедюхиной горы, были расположены у брода на правомъ берегу Черной рѣчки десять эскадроновъ Драгунскаго Наслѣдника Цесаревича полка и 8 эскадроновъ гусаръ князя Николая Максимиліановича полка, съ дивизіономъ Донской батарейной № 3-го батареи и конно-легкой № 12-го батареи. Полки эти должны были находиться въ совершенной готовности слѣдовать къ Инкерману, если бы, по овладѣніи противоположными высотами, они были потребованы генераломъ Данненбергомъ.

Вся остальная кавалерія, переправившись съ началомъ дѣйствій черезъ Черную рѣчку, должна была войти въ интервалъ между спустившимися съ Ѳедюхиной горы батальонами Одесскаго полка и отрядомъ генералъ-маіора Левуцкаго и расположиться, имѣя въ центрѣ двѣ конно-батарейныя батареи, а на каждомъ изъ фланговъ по одному драгунскому полку.

---

[1]) Диспозиція по войскамъ, на р. Черной расположеннымъ, на 24-го октября. Арх. канц. воен. министер. по снаряженію войскъ, дѣло № 110.

[2]) По диспозиціи кн. Горчакова, напечатанной въ сочиненіи Тотлебена и той, которая приложена къ всеподд. донесенію князя Меншикова, показано въ легкой № 7-го батареѣ 16 орудій—что невѣрно.

Этимъ ограничивались всѣ распоряженія частныхъ начальниковъ къ предстоящему сраженію.

Между тѣмъ генералъ Данненбергъ, видя неопредѣленность распоряженій главнокомандующаго и пользуясь правомъ корпуснаго командира, которому подчинены были оба начальника отдѣльныхъ колоннъ, Соймоновъ и Павловъ, составилъ свою собственную диспозицію [1]), опредѣлявшую только порядокъ слѣдованія колоннъ на мѣсто дѣйствій. Понимая диспозицію главнокомандующаго такъ, что Соймонову слѣдуетъ наступать по лѣвому берегу Киленъ-балки, а Павлову—по правому, и опасаясь, чтобы отъ недоразумѣнія, или ошибки не произошло скученія двухъ значительныхъ отрядовъ на тѣсномъ пространствѣ праваго берега Киленъ-билки, Данненбергъ вслѣдъ за своею диспозиціею отправилъ къ Соймонову предписаніе, въ которомъ предложилъ ему наступать по лѣвому берегу Киленъ-балки. О такомъ распоряженіи Данненбергъ вмѣстѣ съ тѣмъ донесъ и главнокомандующему.

„Глубокій и продолжительный оврагъ, называемый Киленъ-балка,—доносилъ онъ кн. Меншикову [2]),—разобщаетъ первоначальное наше наступленіе съ генераломъ Соймоновымъ; оврагъ сей удобопроходимъ по дорогѣ, недавно устроенной, которая ведетъ только на путь дѣйствія правой колонны, черезъ что мы были бы лишены возможности дѣйствовать по обѣимъ сторонамъ Киленъ-балки, что̀ мнѣ кажется необходимымъ; кромѣ того какъ мѣстность вверхъ по правому берегу Киленъ-балки довольно затруднительна, а также силы непріятельскія и ихъ расположеніе *намъ не извѣстны положительнымъ образомъ;* дороги, ведущія отъ переправы, столь узкія, что всякое обратное движеніе, при какомъ-либо непредвидѣнномъ случаѣ, могло бы быть сопряжено съ крайнимъ затрудненіемъ и потерею времени.

„По сему поводу я сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: генералъ-лейтенанту Павлову я приказалъ привести войска его колонны къ 5 часамъ по полуночи въ слѣдующемъ порядкѣ: Охотскій егерскій полкъ, двѣ роты 4-го стрѣлковаго батальона, Бородинскій, Тарутинскій егерскіе полки, 8 батарейныхъ орудій 17-й артиллерійской бригады и Селенгин-

---

[1]) См. прилож. № 18-й.

[2]) Въ рапортѣ отъ 23-го октября № 1522.

скій пѣхотный полкъ [1]), за коимъ будутъ слѣдовать прочія батареи, составляющія артиллерійскій резервъ [2]). Съ прибытіемъ сихъ войскъ къ переправѣ, отправляются 100 охотниковъ изъ штуцерныхъ на барказѣ для прикрытія устройства моста, и вмѣстѣ съ тѣмъ переходитъ черезъ оный Охотскій егерскій полкъ и открываетъ себѣ путь вправо по новой Саперной дорогѣ; за нимъ слѣдуютъ двѣ роты 4-го стрѣлковаго батальона, которыя пролагаютъ себѣ путь черезъ двѣ балки, подкрѣпившись Бородинскимъ егерскимъ полкомъ; наконецъ, Тарутинскій егерскій полкъ, послѣ переправы, идетъ влѣво по старой почтовой дорогѣ; егерскіе полки, дошедши до вершины горы и очистивъ дороги, по которымъ будетъ удобнѣе идти артиллеріи, останавливаются и обезпечиваютъ движеніе прочихъ войскъ. Дальнѣйшій ходъ дѣлъ укажутъ обстоятельства. Если бы 12 батальоновъ егерей встрѣтили непріятеля въ превосходныхъ силахъ, чего однако же не предвидится, то они спускаются къ бухтѣ, а высоты нагорнаго берега будутъ обстрѣливаемы съ пароходовъ „Херсонесъ“ и „Владиміръ“, если послѣдній будетъ придвинутъ на сей случай. Мнѣ кажется также, что колонна генералъ-лейтенанта Соймонова подвергается дѣйствію англійскихъ осадныхъ батарей въ началѣ своего движенія, и потому *я предложилъ* генералъ-лейтенанту Соймонову начать свое движеніе часомъ ранѣе“.

Съ этимъ послѣднимъ предложеніемъ Соймонову былъ отправленъ Данненбергомъ его адъютантъ Чаплинскій около 6 часовъ вечера. Пока онъ успѣлъ съ Мекензіевой горы, гдѣ былъ расположенъ штабъ 4-го пѣхотнаго корпуса, добраться до Севастополя, гдѣ находился генералъ Соймоновъ, прошло довольно значительное время. Около 8 часовъ вечера Чаплинскій вручилъ Соймонову пакетъ, въ которомъ находилось

---

[1]) Въ рапортѣ генерала Данненберга пропущенъ Якутскій полкъ и батарейная № 3-го батарея 11-й артиллерійской бригады. Поэтому мы должны прибавить, что порядокъ слѣдованія въ дѣйствительности былъ слѣдующій: 8 орудій батарейной № 3-го батареи 17-й артиллерійской бригады, за ними Якутскій полкъ, батарейная № 3-го батарея 11-й артиллерійской бригады, и за нею уже Селенгинскій полкъ и т. д.

[2]) По диспозиціи генерала Павлова боевой резервъ этотъ составляли: батарейная № 1-го батарея 10-й артиллерійской бригады, легкія № 1-го и № 2-го батареи той же бригады и легкія № 3-го и № 4-го батареи 11-й артиллерійской бригады.

отношеніе слѣдующаго содержанія [1]): „какъ при наступленіи колоннъ вверхъ *по лѣвому берегу* Киленъ-балки оныя подвергаются дѣйствію англійскихъ осадныхъ батарей, пока вы не поравняетесь съ ними на одной высотѣ, то я полагаю [1]) полезнымъ начать движеніе ваше отъ Малахова кургана, часомъ ранѣе назначеннаго времени, т. е. въ 5 часовъ, дабы миновать опасную для движенія мѣстность до разсвѣта; полагаю также полезнымъ имѣть за правымъ флангомъ вашимъ главный резервъ ввѣренныхъ вамъ войскъ, ибо лѣвый флангъ ихъ будетъ совершенно обезпеченъ оврагомъ Киленъ-балки и содѣйствіемъ войскъ, которыя переправятся черезъ Черную рѣчку".

Получивши это распоряженіе, генералъ Соймоновъ отправился, въ сопровожденіи командира Тобольскаго полка, генералъ-маіора Баумгартена, къ начальнику Севастопольскаго гарнизона, генералъ-лейтенанту Моллеру, для совѣщаній о предстоявшемъ на утро сраженіи. Въ это время въ квартиру генерала Соймонова стали собираться командиры отдѣльныхъ частей. Около $9^1/_2$ часовъ вечера возвратившійся хозяинъ пригласилъ собравшихся поужинать. Все общество было весело настроено, и содержаніемъ разговора было конечно предстоявшее дѣло. Обратившись къ генералу Баумгартену, Соймоновъ спросилъ его, что онъ думаетъ о завтрашнемъ днѣ.

— Мнѣ кажется,—отвѣчалъ на это Баумгартенъ,—что непріятель, будучи атакованъ во фронтъ двумя сильными отрядами, а въ правый флангъ и тылъ отрядомъ генерала Липранди [5]) и имѣя противъ лѣваго фланга наши укрѣпленія, а позади себя море, можетъ быть опрокинутъ въ море.

Слова эти произвели всеобщее одобреніе.

— До свиданія, ваше превосходительство,—сказалъ Чаплинскій, вставая послѣ ужина и прощаясь съ Соймоновымъ,—завтра увидимся на Викторіи (англійская батарея).

---

[1]) Предписаніе Данненберга Соймонову 23-го октября № 1521.

[2]) Если бы генер. Данненбергъ признавалъ себя прямымъ распорядителемъ сраженія, то онъ не полагалъ бы, а прямо предписалъ Соймонову двинуться часомъ ранѣе.

[3]) Чоргунскій отрядъ, бывшій подъ начальствомъ П. Д. Горчакова.

— Куда вамъ!—отвѣчалъ засмѣявшійся Соймоновъ;— впрочемъ, приходите, мы вамъ на Викторіи завтракъ приготовимъ [1]).

Этотъ повидимому ничего не значащій разговоръ разъясняетъ весьма многое. Обѣщаніе приготовить завтракъ на Викторіи, находившейся на мѣстности, ограниченной Доковымъ оврагомъ и Киленъ-балкою, доказываетъ, во-первыхъ, что Соймоновъ зналъ, что ему слѣдуетъ наступить по лѣвому берегу Киленъ-балки, и не встрѣчалъ недоразумѣній въ полученномъ отношеніи генерала Данненберга [2]), а во-вторыхъ, слова эти служатъ намекомъ, что отрядъ Павлова придетъ на мѣсто боя позже и что Соймоновъ, не сомнѣвавшійся въ успѣхѣ, первымъ сдѣлаетъ натискъ на англичанъ и славу ожидаемой побѣды оставитъ за собой.

Впослѣдствіи будетъ еще яснѣе видно, что Соймоновъ сознавалъ, что ему слѣдуетъ наступать по лѣвому берегу Киленъ-балки, но мы увидимъ также и то, что онъ совершенно не зналъ мѣстности, на которой ему приходилось дѣйствовать, и не имѣлъ времени изучить ее.

Правда, въ отрядѣ Павлова, наканунѣ боя была произведена рекогносцировка, на которую были вызваны всѣ полковые и батарейные командиры, но рекогносцировка эта не принесла никакой пользы, по неимѣнію карты окрестностей Севастополя и по невозможности приблизиться къ непріятельской позиціи. Она ограничилась самымъ поверхностнымъ обзоромъ мѣстности съ Маячной батареи.

Собравшіеся огромною толпою командиры частей постояли на Маячной батареѣ, посмотрѣли на противулежащія горы простымъ глазомъ и въ трубу, но по отдаленію мало что видѣли, тѣмъ болѣе, что туманъ и мелкій дождь препятствовали наблюденіямъ. При всемъ желаніи, они не

---

[1]) Воспоминанія Георгія Чаплинскаго. Сборникъ рукоп., т. II, 90.

[2]) Что Соймоновъ зналъ, что ему слѣдуетъ наступать по лѣвому берегу Киленъ-балки—это несомнѣнно и доказывается тѣмъ, что послѣ совѣщанія съ генераломъ Моллеромъ, послѣдній въ отданной имъ диспозиціи по войскамъ Севастопольскаго гарнизона приказалъ батареямъ 3-й и 4-й дистанцій содѣйствовать огнемъ своимъ наступающимъ войскамъ и *прикрывать* ихъ правый флангъ. Прикрытіе праваго фланга было необходимо только при движеніи по лѣвому берегу оврага, да и самое содѣйствіе батарей оборонительной линіи оказывалось возможнымъ только въ этомъ послѣднемъ случаѣ.

могли познакомиться съ мѣстностью настолько, чтобы составить себѣ заранѣе хотя приблизительный планъ дѣйствіямъ.

„По окончаніи рекогносцировки—пишетъ Алабинъ [1])—большая часть лицъ воротилась съ тѣмъ же запасомъ данныхъ, съ какимъ отправилась на рекогносцировку. Оставалось завтра дѣйствовать по обстоятельствамъ“.

XX.

Инкерманское сраженіе.—Его послѣдствія и причины неудачи.—Мнѣніе главнокомандующаго о дальнѣйшемъ ходѣ обороны.—Рескрипты императора кн. Меншикову.

Пасмуренъ былъ вечеръ наканунѣ Инкерманскаго сраженія; наступившая осень давала себя чувствовать. Еще съ 17-го октября небо закрылось тучами, въ морѣ дулъ порывистый вѣтеръ, по ночамъ были морозы, а по временамъ шелъ дождь, сопровождаемый сѣвернымъ вѣтромъ.

Усилившись къ утру 23-го октября, онъ насквозь пронизывалъ солдатскія шинели, но люди не горевали объ этомъ. Тѣ, которые расположены были въ Севастополѣ, искали пріюта подъ крышами, или навѣсами, толпились у заборовъ, а офицеры помѣстились въ Николаевской батареѣ и въ домѣ благороднаго собранія, въ то время занятомъ уже подъ перевязочный пунктъ [2]).

Войска, стоявшія на Инкерманскихъ высотахъ, сами устраивали себѣ помѣщеніе: таскали хворостъ, вѣтви, листья и, вырывши яму, мастерили шалашъ, гдѣ, разложивъ огонь, обогрѣвались и обсушивались [3]). На гладкомъ и пустынномъ мѣстѣ образовалось нѣчто въ родѣ цыганскаго табора, ряды землянокъ и шалашей, разбросанныхъ безъ всякаго порядка по разнымъ направленіямъ. Здѣсь солдатъ-ба-

---

[1]) Алабинъ, «Походныя записки», ч. II, 64.

[2]) Эпизодъ изъ Инкерманскаго дѣла. Сборн. рукоп., т. I, 114.

[3]) Нѣсколько частностей во время Инкерманскаго дѣла. Матер., вып. IV, 174.

лагуръ разсказывалъ сказку, и окружающіе его слушатели простодушно хохотали, хотя въ разсказѣ не было ничего особенно смѣшнаго. Тамъ и сямъ виднѣлись кучки, собравшіяся вокругъ самодѣльщины-свирѣли, или доморощеннаго кларнета. Во всѣхъ концахъ слышались пѣсни съ присвистомъ и съ подыгрываніемъ самоучки-музыканта.

Въ промежуткахъ между шалашами сновали солдаты въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ: одни въ рубахахъ, другіе въ шинеляхъ въ накидку или въ рукава. Они видимо сторонились только отъ шалашей, возлѣ которыхъ подогрѣвались чайники и стояли погребцы съ вынутыми принадлежностями для закуски, состоявшей изъ солдатскихъ сухарей, лука и селедки. То были землянки *„ротнаго“* или *„батальоннаго“*, около которыхъ копошились денщики, приготовлявшіе незатѣйливую закуску. Проходившіе мимо солдаты осыпали вполголоса денщиковъ остротами, на которыя тѣ отвѣчали громкою и крупною бранью. Въ задней линіи бивуака видны были ряды солдатъ, игравшихъ въ карты. Какъ парные часовые, усѣвшись на землѣ и поджавъ подъ себя ноги, они усердно играли въ носки. Хлопанье по носамъ, сопровождаемое счетомъ разъ-два и смѣхомъ окружающихъ, разносилось по бивуаку.

Шумъ и говоръ, пѣсни и смѣхъ, смѣшивались съ отдаленными выстрѣлами въ Севастополѣ, глухо замиравшими въ окрестныхъ горахъ.

Въ это время на правомъ флангѣ бивуака, раскинутаго на Инкерманскихъ высотахъ, послышалось громкое и продолжительное „ура!“ Вдали показалась огромная толпа солдатъ, подвигавшихся вдоль фронта. Крики ихъ становились сильнѣе, летѣвшія къ верху шапки— видны были яснѣе. Посреди этой густой толпы замѣтна была коляска, а въ ней два царскихъ сына, присланные отцомъ раздѣлить съ войсками боевые труды, опасности и лишенія. Великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи объѣзжали войска наканунѣ битвы.

— Драться будемъ, ребята!—говорили они, обращаясь къ нижнимъ чинамъ.

— Рады стараться... готовы умереть!—слышались повсюду крики.

— Государь императоръ кланяться приказалъ вамъ, ребята!— говорили князья.

— Ура! ура!—бороздило воздухъ въ отвѣтъ на эти слова.

Конечно, если бы къ этимъ самымъ войскамъ пришло на бивуакъ еще нѣсколько полковъ, то пришедшіе не произвели бы между ними такого восторга и не вселили бы той увѣренности, какую вселило присутствіе посреди ихъ великихъ князей.

Усилившійся къ ночи дождь противъ воли загналъ всѣхъ подъ плохія крыши землянокъ, и бивуакъ мало-по-малу успокоился [1]).

Было тихо и такъ темно, что въ двухъ шагахъ ничего не видно. Солдатамъ запрещено было раскладывать костры, чтобы заревомъ ихъ не обратить на себя вниманія непріятеля. Темнота ночи совершенно скрывала бивуакъ отъ постороннихъ взоровъ и лишь въ рѣдкихъ мѣстахъ, и на большомъ другъ отъ друга разстояніи, какъ отдѣльныя свѣтящіяся точки, просвѣчивались огоньки сквозь палатки начальниковъ. Всеобщая тишина нарушалась повременамъ шумомъ падающихъ дождевыхъ капель, ржаніемъ лошадей, да отдаленнымъ звукомъ выстрѣловъ въ Севастополѣ.

Часу въ первомъ ночи выстрѣлы становились чаще и чаще, и вдругъ, среди непроницаемаго мрака, укрѣпленія Севастополя освѣтились блескомъ выстрѣловъ изъ нѣсколькихъ сотъ орудій. Бомбы и ядра посыпались въ непріятельскій лагерь и вызвали со стороны осадныхъ батарей столь же усиленное дѣйствіе артиллеріи. Вслѣдъ за тѣмъ засвистали пули, и сдѣлана была небольшая вылазка,—потомъ все снова утихло.

Разбросанные по площадямъ и улицамъ города полки дѣйствующаго отряда генерала Соймонова, составивъ ружья въ козла, ожидали приказаній къ выступленію. Вся ночь прошла въ толкахъ о предстоявшемъ сраженіи. Распоряженіе начальства оставалось для всѣхъ тайною; ни батальонные, ни ротные командиры, не знали, когда и гдѣ будетъ дѣло и куда имъ слѣдуетъ идти.

Послѣ полуночи ротные командиры получили приказаніе осмотрѣть ружья, повѣрить ряды и, когда все будетъ сдѣлано, начать движеніе по направленію ко 2-му бастіону. При движеніи приказано соблюдать строжайшую тишину, не стучать оружіемъ, не кашлять, „и по этому

---

[1]) Алабинъ, походныя записки, ч. II, 64—67.

только,—пишетъ участникъ,—догадывались мы, что будетъ что-то не шуточное“ [1]).

Почти одновременно съ этимъ, и именно около двухъ часовъ, между бивуаками войскъ, расположенныхъ на Инкерманскихъ высотахъ, пробирались скачущіе жандармы и казаки, отыскивавшіе палатки и землянки начальниковъ частей. Разбуженные полковые командиры потребовали фельдфебелей, приказали готовить въ ротахъ поскорѣе обѣдъ и быть готовыми къ выступленію. На бивуакѣ все зашевелилось: сѣдлали офицерскихъ лошадей, запрягали артиллерію; въ разныхъ мѣстахъ сидѣли группы офицеровъ и наскоро, торопясь, пили чай; другіе только собирались и сами ставили самоваръ, не желая отрывать людей отъ другаго дѣла. Изъ землянокъ выползали солдаты заспанные и полуодѣтые. Одни изъ нихъ, выйдя изъ землянки, останавливались, поворачивались лицомъ къ востоку и набожно молились; другіе цѣлою толпою валили къ ротному котлу, гдѣ раздавались винныя и говяжьи порціи, и гдѣ весьма скоро поднялся шумъ и споръ: одному казался малъ кусокъ, другой былъ недоволенъ, что ему попалась кость. Капральный ефрейторъ мирилъ обоихъ.

— Ну что жь, что кость тебѣ попалась,—говорилъ онъ,—смотри братъ, кабы и этого-то въ брюхѣ не ощупалъ французъ штыкомъ.....

— Въ ружье!—послышались команды полковыхъ командировъ, и всѣ споры прекратились.

Непривѣтливо было утро въ день Инкерманскаго сраженія. Шедшій съ вечера дождь продолжался въ теченіе всей ночи, и ничто не предвѣщало, чтобы ливень прекратился. Съ самымъ раннимъ разсвѣтомъ, на возвышенія и Инкерманскую долину палъ сильный туманъ, отчасти способствовавшій скрытности нашего движенія. Глинистая почва окрестностей Севастополя распустилась и покрыла всѣ дороги непроходимой грязью.

Было еще совершенно темно, когда отряды, расположенные въ Севастополѣ и на Инкерманскихъ высотахъ, покинули свои грязные и глинистые бивуаки. Тихо подвигались солдаты впередъ; не было слышно

---

[1]) Эпизодъ изъ Инкерманскаго сраженія, маіора Курпикова. Сбор. рукоп., т. I, 114. Записки П. М. Гавликовскаго (рукопись).

между ними ни говора, ни шума. Всякій думалъ свою думу,—думу крѣпкую и, конечно, не одинъ чувствовалъ, что наступающее утро будетъ послѣднимъ въ его жизни.

Тянувшіеся по разнымъ улицамъ города полки собирались у бастіона № 2-го, какъ центра, отъ котораго должно было начаться общее наступленіе колонны генерала Соймонова. Послѣдній, сопровождаемый проводникомъ, встрѣтилъ на Екатерининской улицѣ Колыванскій полкъ и лично повелъ его; за Колыванскимъ полкомъ слѣдовали прочія войска. Выйдя изъ-за оборонительной линіи укрѣпленій, генералъ Соймоновъ видимо былъ въ затрудненіи, куда идти, и потому спрашивалъ проводника о мѣстѣ, занятомъ непріятелемъ. Построивши три полка своей дивизіи въ колонны къ атакѣ, онъ двинулся впередъ, перешелъ черезъ Килепъ-балку и, подойдя къ горамъ, остановился, чтобы дать отдохнуть минутъ 10 или 15. Здѣсь генералъ Соймоновъ обошелъ войска, „не упустилъ,—говоритъ участникъ,—разспросить у проводника о мѣстности, ободрялъ солдатъ, внушалъ имъ быть храбрыми и говорилъ, что сегодняшній день они будутъ драться въ виду ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей, и тутъ же приказалъ идти какъ можно тише и не разговаривать“ [1]).

Вокругъ все было тихо. Туманъ и испаренія отъ шедшаго всю ночь проливнаго дождя были такъ густы, что съ трудомъ можно было разсмотрѣть что-нибудь въ двухъ шагахъ.

Начинало разсвѣтать.

Англичане, не подозрѣвая никакой опасности, спокойно спали въ лагерѣ. Промокшіе отъ дождя и продрогшіе отъ пронзительнаго холоднаго вѣтра, измученные передовые посты ихъ дремали отъ усталости, не обращая особеннаго вниманія на то, что дѣлалось въ Севастополѣ.

„Не надо забывать,—писалъ корреспондентъ газеты „Times“ въ защиту своихъ соотечественниковъ,—что наши легкія войска совершенно истомились безпрерывными трудами и что нерѣдко на передовые посты посылаютъ такихъ солдатъ, которые далеко не отдохнули отъ работы въ траншеяхъ, или отъ исполненія полковыхъ своихъ обя-

---

[1]) Эпизодъ изъ Инкерманскаго сраженія. Сборн. рукоп., т. I, 115.

занностей..... Нѣтъ ничего удивительнаго, что нѣкоторые изъ нихъ не были такъ бдительны, какъ слѣдуетъ быть часовому въ виду непріятеля".

Хотя до передовыхъ постовъ и доносился сначала отдаленный шумъ и скрипъ колесъ, а потомъ стукъ отъ заколачиванія гвоздей при наводкѣ моста, но англичане не придавали всему этому никакого значенія. Около 4-хъ часовъ утра въ Севастополѣ раздался звукъ церковнаго колокола, но и онъ не пробудилъ особеннаго вниманія непріятеля. День 24-го октября былъ воскресный, и англичане приняли его за обыкновенный призывъ къ заутренѣ. Многіе изъ солдатъ проходившихъ мимо церкви полковъ, отряда генерала Соймонова, набожно крестились; другіе спѣшили во храмъ помолиться и поставить свѣчу [1]) и затѣмъ торопливо присоединялись къ своимъ товарищамъ, покидавшимъ городъ.

Рано утромъ англійскій генералъ Кондрингтонъ выѣхалъ изъ лагеря для осмотра аванпостовъ своей бригады легкой дивизіи; ему доносили, что все обстоитъ благополучно. Осмотрѣвши посты, Кондрингтонъ остановился только на минуту, чтобы сказать нѣсколько словъ случившемуся тутъ капитану Претиману.

— Нѣтъ ничего удивительнаго,—замѣтилъ генералъ въ разговорѣ съ капитаномъ,—если русскіе воспользуются сегодняшнимъ утреннимъ туманомъ и сдѣлаютъ нападеніе на нашу позицію, особенно если принять въ разсчетъ дождь, который препятствуетъ нашей бдительности и дѣлаетъ негоднымъ наше оружіе.

Пророческія слова эти были прерваны выстрѣлами, послышавшимися по направленію отъ Севастополя. Вслѣдъ за тѣмъ прибѣжали нѣсколько часовыхъ съ объявленіемъ, что русскіе наступаютъ. Кондрингтонъ тотчасъ же поворотилъ коня въ ту сторону, откуда слышались выстрѣлы, и, оставшись въ такомъ положеніи нѣсколько мгновеній, быстро поскакалъ назадъ въ лагерь, гдѣ и сообщилъ о полученномъ извѣстіи генералу Броуну. Послѣдній поставилъ въ ружье свои войска и двинулъ ихъ къ верховьямъ Киленъ-балки, на помощь второй англій-

---

[1]) А. Розинъ. Очерки Крымской войны. Сборн. рукоп., т. II, 223.

*

ской дивизіи, со стороны которой слышны были выстрѣлы русскихъ [1]).

Около пяти съ половиною часовъ утра, генералъ Соймоновъ, съ передовыми полками, поднялся по крутому и размытому дождемъ подъему Саперной дороги и вышелъ на правый берегъ Киленъ-балки. Здѣсь согласно своей диспозиціи онъ сталъ выстраиваться въ боевой порядокъ, при чемъ три полка 10-й пѣхотной дивизіи были выдвинуты въ боевую линію и расположены: Томскій на правомъ флангѣ, а Колыванскій на лѣвомъ. Въ интервалѣ между ними стали двѣнадцать орудій батарейной № 12-го батареи 10-й артиллерійской бригады [2]). Екатеринбургскій полкъ былъ поставленъ въ резервѣ, а за нимъ былъ расположенъ главный резервъ, упрявшійся правымъ флангомъ въ Киленъ-балку и состоявшій изъ полковъ Владимірскаго, Суздальскаго, Углицкаго и Бутырскаго, подъ общимъ начальствомъ генералъ-маіора Жабокритскаго.

Подъ прикрытіемъ двухъ ротъ 6-го стрѣлковаго батальона и штуцерныхъ Томскаго и Колыванскаго полковъ, разсыпанныхъ въ цѣпь, войска двинулись вдоль праваго берега Киленъ-балки. Густой туманъ и сѣрыя шинели нашихъ солдатъ долгое время скрывали ихъ отъ взоровъ англичанъ, такъ что одинъ изъ пикетовъ былъ окруженъ и захва-

---

[1]) См. планъ Инкерманскаго сраженія, на которомъ обозначены буквами:

Русскія войска.

а. а. Томскій полкъ.
б. б. Колыванскій.
в. в. Охотскій.
г. г. Якутскій.
д. д. Селенгинскій.
е. е. Бородинскій.
з. з. Тарутинскій.
і. і. Владимірскій. Суздальскій.
к. к. Бутырскій. Углицкій.
л. л. Войска кн. Горчакова 2-го.
м. м. Екатеринбургскій полкъ.

Союзныя войска.

p. p. Дивизія Лесси-Эванса.
r. r. Бригада Кондрингтона.
s. s. „ Буллера.
t. t. „ Джона Кемпбеля.
u. u. „ Гольди.
v. v. „ Торренса.
w. w. „ Бентинка.

Французскія войска.

x. x. Отрядъ Бурбаки.
y. „ д'Отмара.
z. Бригада Моне.

[2]) Рапортъ полковника Загоскина отъ 23-го ноября № 867. Арх. Глав. штаба, дѣло: «О вылазкахъ, бывшихъ на Крымскомъ полуостровѣ».

ченъ въ плѣнъ. Подойдя на близкій ружейный выстрѣлъ, наши застрѣльщики открыли огонь, и перестрѣлка завязалась.

Въ то время, когда послышались первые выстрѣлы, въ лагерѣ второй англійской дивизіи (Лесси-Эванса) все было тихо, спокойно, и солдаты приготовлялись развести огни, чтобы обсушиться послѣ проливнаго дождя. Сами англичане сознаются, что никому и въ голову не приходило, чтобы въ такое время и въ такую ненастную погоду огромныя массы русскихъ войскъ стали взбираться по крутымъ откосамъ возвышеній, господствующихъ надъ Инкерманскою долиною. Такимъ образомъ англичане воображали себя въ безопасности и, по ихъ собственнымъ словамъ, не думали, *„что неутомимые русскіе“* заходили во флангъ второй дивизіи и подвозили свои орудія, чтобы открыть огонь по ихъ палаткамъ.

Велико было удивленіе британцевъ, когда посреди ихъ лагеря внезапно раздался крикъ: „русскіе идутъ!“ и поднялась всеобщая суматоха. Въ англійскомъ лагерѣ ударили тревогу. Всѣ суетились, но никто не могъ понять, откуда грозитъ опасность. Кругомъ выстрѣлы: спереди колонны генерала Соймонова, слѣва—извергали дымъ и пламя укрѣпленія Севастополя, справа и тылу слышались выстрѣлы русскихъ войскъ, стоявшихъ у Чоргуна. Пороховой дымъ и туманъ, не позволявшіе видѣть въ нѣсколькихъ шагахъ, препятствовали обозрѣнію. Англичанамъ приходилось угадать, откуда угрожаетъ наибольшая опасность, и быть готовыми къ отраженію на всѣхъ пунктахъ.

По первымъ выстрѣламъ генералъ Пенефетеръ, принявшій за отсутствіемъ Лесси-Эванса начальство надъ 2-ю дивизіею, выдвинулъ впередъ 12 орудій и занялъ своими войсками все пространство отъ верховья Микрюковой балки до батареи № 1-го (batterie des sacs à terre). Англичане едва успѣли стать въ ружье и потому выстроились здѣсь въ томъ порядкѣ, въ которомъ были расположены ихъ лагери, т. е. на правомъ флангѣ стала бригада Адамса [1]), а на лѣвомъ Пенефетера [2]). На помощь имъ прибѣжала, изъ легкой дивизіи Броуна, бригада Буллера [3]), съ 6-ю полевыми орудіями, и остановилась за полками Пенефетера. Бри-

---

[1]) Состоявшая изъ 41-го, 47-го и 49-го полковъ.

[2]) Полки 30-й, 35-й и 95-й.

[3]) Полки 33-й, 77-й и 78-й.

гада же Кондрингтона [1]), изъ той же дивизіи Броуна, двинулась, съ 6-ю полевыми орудіями, по лѣвому берегу Киленъ-балки и остановилась между Пятиглазою батареею и оврагомъ.

Такимъ образомъ англичане успѣли сосредоточить на этомъ пунктѣ 8.774 человѣка.

Почти въ то же самое время, при первыхъ выстрѣлахъ, послышавшихся со стороны Чоргуна, Боске поставилъ въ ружье свой обсервационный корпусъ, а самъ отправился къ англійскому лагерю, по направленію къ тому мѣсту, откуда слышались постепенно усиливавшіеся выстрѣлы. Вмѣстѣ съ Боске поѣхалъ генералъ Бурбаки, за которымъ слѣдовали батальонъ 7-го легкаго и батальонъ 6-го линейнаго полковъ, четыре роты стрѣлковъ и 24 орудія резервной артиллеріи. На дорогѣ, не доѣзжая мельницы, Боске встрѣтилъ спѣшившихъ на мѣсто боя англійскихъ генераловъ Броуна и Каткарта. Онъ предложилъ имъ свое содѣйствіе тѣми войсками, которыя слѣдовали съ генераломъ Бурбаки, и къ которымъ онъ готовъ былъ прислать новыя подкрѣпленія. Оба генерала, не сознававшіе еще опасности, уклонились отъ прямаго отвѣта [2]).

— Наши резервы достаточны,—сказали они,—чтобы отвратить случайности; прикройте только немного нашъ правый флангъ позади англійскаго редута (№ 1-го).

Боске тотчасъ же исполнилъ желаніе своихъ союзниковъ и къ батальону алжирскихъ стрѣлковъ, находившихся у редута Канробера, присоединилъ отрядъ Бурбаки. Эти три съ половиною батальона съ 24 орудіями заняли все пространство отъ вышеназваннаго редута до Воронцовской дороги.

Между тѣмъ среди всеобщаго замѣшательства въ непріятельскомъ лагерѣ, три полка 10-ой дивизіи, численностію въ 9.297 человѣкъ, съ выдвинутыми впередъ двѣнадцатью батарейными орудіями, быстро подвигались впередъ, подъ прикрытіемъ цѣпи застрѣльщиковъ, усиленныхъ штуцерными всей линіи. Тѣснимая стрѣлками и преслѣдуемая картечнымъ огнемъ нашей артиллеріи, англійская цѣпь отступала на свои резервы. Почти на плечахъ англичанъ шли наши штуцерные, а

---

[1]) Полки 7-й, 19-й и 23-й.

[2]) Баронъ Базанкуръ, т. II, 57 и 58.

за ними подвигались Томскій и Колыванскій полки. „Наступленіе это сопряжено было съ величайшими затрудненіями, какъ по причинѣ мѣстныхъ условій, такъ и по тѣмъ потерямъ, которыя, благодаря своему превосходству въ вооруженіи, наносили наступающимъ батальонамъ англійскія войска“ [1]).

Несмотря на значительную убыль, полки Томскій и Колыванскій, по мѣрѣ приближенія къ непріятелю, ускоряли свое движеніе, такъ что артиллерія, наступавшая по-полубатарейно, не могла успѣвать за ними. Слѣдуя по изрытой мѣстности, размытой дождемъ и покрытой густымъ кустарникомъ, батареи наши принуждены были отстать и пристроиться къ Екатеринбургскому полку, находившемуся въ резервѣ.

Съ разсвѣтомъ, когда туманъ нѣсколько разсѣялся, наступавшіе увидѣли передъ собою два непріятельскихъ укрѣпленія №№ 1-го и 2-го, находившихся впереди англійскаго лагеря. Позади укрѣпленій виднѣлись англичане, приготовлявшіеся встрѣтить атаку.

Остановившись на возвышеніи, извѣстномъ подъ именемъ Казачьей горы, и снявшись съ передковъ, батарейная № 2-го батарея 10-й артиллерійской бригады открыла самый живой огонь. Къ лѣвому флангу этой батареи пристроились десять орудій батарейной № 1-го батареи 16-й артиллерійской бригады, и, составивши, такимъ образомъ, одну общую батарею въ 22 орудія, продолжали стрѣльбу гранатами, которыя, разрываясь среди колоннъ непріятеля, наносили значительное пораженіе англичанамъ. Многіе выстрѣлы, достигая до англійскаго лагеря, производили въ немъ большое опустошеніе.

„Палатка за палаткой,—пишетъ англичанинъ, участникъ сраженія [2]),—повергались на земь, разрывались на части, взлетали на воздухъ; лагерная прислуга и лошади были перебиты или переранены. Наши генералы не знали, куда двинуться“.

Подъ прикрытіемъ огня артиллеріи Томскій и Колыванскій полки атаковали бригаду Пенефетера, опрокинули ее и, овладѣвши укрѣпленіемъ № 2-го, заклепали бывшія въ немъ два орудія и изрубили лафеты. Въ это же самое время генералъ Соймоновъ подскакалъ къ Екатерин-

---

[1]) Тотлебенъ. «Оборона Севастополя», ч. I, 432.

[2]) Матеріалы, вып. IV, 212.

бургскому полку и двинулъ его впередъ. Обогнувъ правый флангъ Томскаго полка и вступивъ въ первую линію, екатеринбургцы были раздѣлены на двѣ части: 1-й и 3-й батальоны, переправившись черезъ верховья Киленъ-балки, атаковали бригаду Кондрингтона[1]), а 2-й и 4-й батальоны съ крикомъ „ура!“ ворвались въ англійскій лагерь, давно опустошаемый выстрѣлами нашихъ батарей. Англичане были сбиты на обоихъ пунктахъ. Бригада Кондрингтона принуждена была отступить, оставивъ на мѣстѣ четыре орудія, которыя и были заклепаны батальонами Екатеринбургскаго полка.

Только теперь на поле сраженія прискакалъ лордъ Рагланъ со своею свитою.

Артиллерійскій огонь и ружейные выстрѣлы, слѣдовавшіе одинъ за другимъ и слышавшіеся, то на правомъ флангѣ, то въ тылу англичанъ, подняли на ноги всѣхъ лицъ главной квартиры, находившейся близъ хутора Бракера, на дорогѣ изъ Балаклавы въ Камышъ. Выстрѣлы эти крайне смутили англійскаго главнокомандующаго, прежде всего обратившаго вниманіе на селеніе Кадыкіой,—такъ сказать, больное мѣсто англичанъ, терявшихъ все съ паденіемъ Кадыкіоя и Балаклавы. Баронъ Базанкуръ опредѣленно говоритъ объ опасеніяхъ англійскаго главнокомандующаго въ этомъ отношеніи:

„Toutes les craintes de lord Ragland,—говоритъ онъ,—étaient portées vers Balaclava“ [2]).

Лордъ Рагланъ, полагая, что главная атака русскихъ направлена со стороны Чоргуна, крайне опасался за ея послѣдствія. Онъ отправилъ тотчасъ же приказаніе своимъ судамъ, стоявшимъ въ Баклавской бухтѣ, развести пары и приготовиться на случай принятія войскъ, и успокоился только тогда, когда ему донесли, что главная масса русскихъ силъ двигается вдоль праваго берега Киленъ-балки.

Было только 7 часовъ, когда лордъ Рагланъ отправился на мѣсто сраженія. Все еще разстилавшійся туманъ и дымъ отъ выстрѣловъ препятствовали обозрѣнію и лишали возможности опредѣлить численность

---

[1]) Рап. ген. Данненберга кн. Меншикову отъ 27-го октября. Матер., вып. IV, 167.

[2]) Всѣ опасенія лорда Раглана, говоритъ онъ, были за Балаклаву.

русскихъ войскъ. По непрерывному же гулу выстрѣловъ изъ артиллерійскихъ орудій и частому ружейному огню, можно было судить о направленіи дѣйствій и о томъ, что происходящій бой весьма упоренъ.

Прискакавши на мѣсто сраженія, лордъ Рагланъ увидѣлъ передъ собою только три полка русской арміи, боровшихся съ тремя бригадами англичанъ и значительно ослабленныхъ. Ни резерва, ни приближенія новыхъ подкрѣпленій не было видно.

Генералъ Соймоновъ, объявившій въ своей диспозиціи, что всѣ распоряженія будутъ отданы на мѣстѣ сраженія, будучи увлеченъ боемъ, позабылъ о существованіи резерва, состоявшаго изъ четырехъ полковъ сводной дивизіи, бывшей подъ начальствомъ генерала Жабокритскаго. Послѣдній, примкнувши свой правый флангъ къ Киленъ-балкѣ и прикрывшись съ фронта небольшимъ оврагомъ, впадавшимъ въ ту же балку, въ ожиданіи приказаній и во избѣжаніе напрасной потери въ людяхъ, приказалъ всему отряду лечь въ лощинѣ. Полки: Владимірскій, Суздальскій, Углицкій и Бутырскій довольно долго оставались въ такомъ положеніи, не зная, что дѣлается въ боевой линіи. „О происходившемъ впереди боѣ,—пишетъ одинъ изъ владимірцевъ [1]),—по незнанію диспозиціи и неимѣнію плана мѣстности, мы оставались въ полномъ недоумѣніи. Только непрестанная переноска раненыхъ Томскаго, Колыванскаго и Екатеринбургскаго полковъ, учащенная ружейная пальба и неумолкаемые раскаты орудій заявляли о жестокости битвы. До насъ же достигали пули и артиллерійскіе снаряды, покуда въ довольно незначительномъ количествѣ. Куда несли раненыхъ, никто не зналъ, потому что отъ Киленбалочнаго моста до позиціи перевязочныхъ пунктовъ нигдѣ не было“.

Оставленные безъ подкрѣпленія три полка 10-й дивизіи сдѣлали все, что могли, но принуждены были вскорѣ отступить. Прежде другихъ отступили 1-й и 2-й батальоны Екатеринбургскаго полка. Отброшенная назадъ бригада Кондрингтона открыла самый частый штуцерный огонь по этимъ батальонамъ, а вслѣдъ затѣмъ, оправившіеся отъ перваго удара англичане бросились въ атаку, опрокинули оба батальона екатеринбургцевъ въ Киленъ-балку съ такимъ урономъ, что они не могли уже вторично вступить въ дѣло и отступили по дну этого оврага.

---

[1]) А. Розинъ, «Очерки изъ Крымской войны». Сборн. рукоп., т. II, 223.

Не въ лучшемъ положеніи были и полки, атаковавшіе бригаду Пенефетера. Тѣсня передъ собою англичанъ, Томскій и Колыванскій полки несли огромную потерю отъ штуцернаго огня непріятеля. Въ короткое время они лишились не только почти всѣхъ главныхъ начальниковъ, но и большинства батальонныхъ и ротныхъ командировъ. Генералъ Соймоновъ, бывшій все время въ первой линіи и своимъ присутствіемъ одушевлявшій войска, былъ въ числѣ первыхъ смертельно раненъ пулею въ животъ на вылетъ. Вслѣдъ за тѣмъ точно также были переранены и всѣ лица, принимавшія послѣдовательно начальство надъ отрядомъ: генералъ-маіоръ Вильбоа, командиръ Томскаго полка полковникъ Пустовойтовъ и Екатеринбургскаго—Александровъ.

Потеря такого лица, какъ генералъ-лейтенантъ Соймоновъ, который только въ себѣ одномъ совмѣщалъ всѣ дальнѣйшія распоряженія, не могла не отразиться на войскахъ, оставшихся безъ руководителя, не знающихъ, что дѣлать, куда идти и не видящихъ никакой поддержки со стороны главнаго резерва, находившагося въ 2-хъ верстахъ отъ мѣста боя и все еще лежавшаго въ лощинѣ, вмѣстѣ съ генераломъ Жабокритскимъ, ожидавшимъ приказаній.

Эти минуты колебанія, недоразумѣній и совѣщаній, что дѣлать, были роковыми для наступавшихъ. Потерявши болѣе половины своихъ товарищей, разстроенные полки остановились. Англичане усилили и безъ того убійственно-мѣткій огонь, и штуцерныя пули частой дробью застучали по аммуничнымъ ремнямъ остановившихся. Положеніе становилось весьма критическимъ, какъ вдругъ съ лѣвой стороны послышались выстрѣлы двухъ полковъ Бородинскаго и Тарутинскаго, бывшихъ въ отрядѣ генерала Павлова, лишь теперь прибывшихъ на мѣсто боя и завязавшихъ перестрѣлку съ бригадою Адамса.

Причиною столь поздняго появленія на мѣсто боя полковъ лѣвой колонны была медленная наводка моста, для переправы черезъ Черную рѣчку.

Построенный въ адмиралтействѣ мостъ этотъ, вечеромъ 23-го октября, былъ отбуксированъ лейтенантомъ Сатинымъ къ пароходофрегату „Херсонесъ“ и поставленъ вдоль противоположнаго непріятелю борта. Вслѣдъ затѣмъ прибылъ флагъ-офицеръ вице-адмирала Нахимова лейтенантъ Тверитиновъ и объявилъ, что адмиралъ поручилъ ему

наводку моста, съ тѣмъ, что лейтенантъ Сатинъ и еще другой офицеръ будутъ у него помощниками.

Въ полночь лейтенантъ Тверитиновъ получилъ записку генерала Данненберга, просившаго, чтобы мостъ былъ совершенно готовъ къ 6-ти часамъ утра. Пока онъ успѣлъ сдѣлать всѣ распоряженія для буксировки моста, наступилъ четвертый часъ ночи, а между тѣмъ, для доставки моста въ устье Черной рѣчки и постановки его на мѣстѣ, потребовалось не малое время, такъ что, когда колонна генерала Павлова, около 5-ти часовъ утра, подошла къ переправѣ, то мостъ только втягивался въ рѣку. Войска длинной вереницей остановились въ ущельѣ въ ожиданіи окончанія наводки моста, для прикрытія котораго были тотчасъ же отправлены 100 человѣкъ Охотскаго полка, переправившіеся на баркасахъ на лѣвый берегъ рѣки Черной.

Шесть часовъ утра, назначенные по диспозиціи главнокомандующаго для перехода черезъ р. Черную колонны Павлова, давно уже прошли, а переправа все еще не начиналась.

— Надо послать къ мосту узнать, что тамъ дѣлается,—сказалъ Данненбергъ, обращаясь къ генералу Павлову.

Послѣдній отправилъ одного изъ своихъ адъютантовъ, Алабина, и далъ ему въ проводники двухъ казаковъ. Доскакавши до берега рѣки Черной, Алабинъ увидѣлъ толпу народа, трудившуюся надъ наводкою моста „съ крикомъ, шумомъ и громомъ, у самаго подножія скалистаго берега, занятаго непріятелемъ, не опасаясь пробудить его вниманія“ [1]).

Арестанты и моряки дружно работали надъ возстановленіемъ моста.

— Ребята, гдѣ офицеръ?—спросилъ Алабинъ.

Среди шума никто не слыхалъ вопроса; каждый дѣлалъ свое дѣло, но при этомъ хохоталъ, либо продолжалъ свой мѣрный крикъ, который обыкновенно слышится между рабочими, когда они тянутъ какую-нибудь тяжесть.

— Гдѣ офицеръ?—спросилъ снова Алабинъ,—гдѣ офицеръ?

— Что тамъ?—послышался чей-то голосъ съ противоположнаго конца работы.

---

[1]) Алабинъ, «Походныя записки», ч. II, 74.

— Вы строите мостъ?

— Я.

— Начальникъ отряда прислалъ меня узнать: готовъ ли мостъ?

— Не готовъ.

— Скоро ли будетъ готовъ, позвольте узнать.

— Да я почемъ знаю? Кончимъ работу, тогда и будетъ готовъ.

— Такъ я и долженъ доложить?

— Такъ и доложите.

— Позвольте вамъ замѣтить, г. офицеръ,—сказалъ Алабинъ,—что отрядъ готовъ къ переправѣ, весь стоитъ въ этомъ ущельѣ; шумъ, здѣсь происходящій, можетъ преждевременно открыть непріятелю наше намѣреніе, и мы можемъ быть здѣсь сильно встрѣчены. Казалось бы, надо поторопиться работою.

— Вы видите, мы не спимъ. Ночь хоть глазъ коли. Работаемъ!

Получивши свѣдѣніе, что переправу начать еще нельзя, генералъ Данненбергъ прождалъ еще съ полчаса, а потомъ снова отправилъ Алабина посмотрѣть, что дѣлается на мосту.

— Что мостъ?—спрашивалъ посланный у того же офицера.

— Не готовъ,—отвѣчалъ онъ.

— Помилуйте, скоро ли онъ будетъ готовъ?

— Не знаю, не знаю.

— Но, однако, какъ примѣрно? Черезъ полчаса будетъ ли готовъ?

— Ну, черезъ полчаса можетъ быть и приготовимъ.

— Я такъ и доложу!

— Пожалуй, такъ и доложите.

Былъ уже седьмой часъ въ исходѣ, а переправа не начиналась.

— Больше невозможно ждать,—замѣтилъ Данненбергъ.—Господа,—сказалъ онъ, обращаясь къ своимъ адъютантамъ,—велите становиться въ ружье. Благослови Богъ! Поѣдемте.

Войска подошли къ мосту и не дожидаясь его окончанія стали переправляться тогда, когда заколачивали послѣдніе гвозди. Въ это время прибыли на мѣсто переправы вице-адмиралъ Нахимовъ и капитанъ 2-го ранга Бутаковъ. Послѣдній, чтобы ускорить переправу, прислалъ съ

своего пароходо-фрегата „Владиміръ“ кожуховыя лодки. Поставленныя поперекъ рѣки, лодки эти были соединены съ обоими берегами стелюгами и значительно ускорили переправу войскъ [1]).

Проѣзжая черезъ мостъ, генералъ Данненбергъ спросилъ лейтенанта Тверитинова, знаетъ ли онъ мѣстность, и получивши въ отвѣтъ, что онъ, какъ охотникъ, знаетъ мѣстность хорошо, Данненбергъ приказалъ Тверитинову слѣдовать за собой, а начальство надъ мостомъ передать лейтенанту Сатину.

Было ровно 7 часовъ утра, когда головныя части отряда, переправившись черезъ рѣку, стали расходиться по разнымъ балкамъ, обстрѣливаемымъ ядрами и гранатами съ отдаленныхъ непріятельскихъ батарей. Вся 11-я пѣхотная дивизія, съ ея артиллеріею, принявши вправо, пошла по Саперной дорогѣ, а два полка 17-й дивизіи стали подыматься, Бородинскій полкъ—по Воловьей балкѣ, а Тарутинскій,—частію по старой почтовой дорогѣ, а частію—вдоль Каменоломнаго оврага.

Подъ прикрытіемъ цѣпи штуцерныхъ, полки эти на походѣ перестроились въ ротныя колонны и взбирались на крутыя возвышенности Сапунъ-горы, поросшія кизилевыми и терновыми кустарниками. Стрѣлки, какъ кошки, лѣзли прямо по скаламъ почти отвѣсной крутизны и взбирались на высоты. За ними слѣдовали батальоны, и скоро весь Бородинскій и два батальона Тарутинскаго полка поднялись на плато, не встрѣтивъ никакого затрудненія со стороны непріятеля. Два же другіе батальона Тарутинскаго полка, подымавшіеся съ большимъ затрудненіемъ по правому берегу Каменоломнаго оврага, были встрѣчены сильнымъ огнемъ бригады Адамса. По мѣрѣ приближенія ихъ къ непріятелю, чаще стали лопаться гранаты и небольшихъ калибровъ ядра постукивали о землю спереди и сзади подымавшихся, а штуцерныя пули визжали по всѣмъ направленіямъ. Въ узкомъ ущельѣ каждый выстрѣлъ, разрывъ гранаты, свистъ ядра и кучи пуль гудѣли и повторялись многократнымъ отголоскомъ.

Теряя на каждомъ шагу товарищей, тарутинцы съ трудомъ поды-

---

[1]) А. Сатинъ, «Переправа» и проч. (рукоп.).—Алабинъ, «Походныя записки», ч. II, 74 и 75.

мались въ гору. Скользя по иловато-глинистой почвѣ, размытой дождемъ, цѣпляясь за камни, хватаясь за кусты, подпираясь прикладами, а иногда и подсаживая другъ друга, взбирались солдаты на возвышенность. Несмотря на всѣ затрудненія, тарутинцы не болѣе какъ въ четверть часа успѣли выйти на плато, гдѣ увидѣли передъ собою скрытые въ дыму и сильно пострадавшія батареи отряда Соймонова.

Картина боя была въ полномъ разгарѣ.

Ядра низали нашу артиллерію по всѣмъ направленіямъ; неподалеку отъ орудій стояли зарядные ящики, валялись убитыя лошади и кучами лежали изуродованные артиллеристы. Уцѣлѣвшіе отъ разгрома люди, не обращая вниманія на всѣ ужасы смерти, быстро исполняли свои обязанности, замѣняли выбывшихъ изъ строя, бѣгали за зарядами, осторожно пробираясь между тѣлами убитыхъ, заряжали орудія и поддерживали самый частый огонь.

Остановившись за батареями на нѣсколько секундъ, чтобы перевести духъ, и бросивъ тутъ мѣшки, бывшіе вмѣсто ранцевъ, оба батальона Тарутинскаго полка стремительно атаковали правый флангъ бригады Адамса, въ то самое время, когда съ фронта и лѣваго фланга она была атакована остальными двумя батальонами и Бородинскимъ полкомъ. Не выдержавъ натиска, бригада Адамса подалась назадъ и обнажила англійскую батарею № 1-го, на которую и устремились бородинцы и тарутинцы. Съ неумолкаемымъ крикомъ „ура!“ подъ самымъ сильнымъ свинцовымъ дождемъ непріятеля спѣшили наши батальоны къ укрѣпленію. Непріятель билъ ихъ гранатами и ядрами, его снаряды гудѣли надъ головами наступавшихъ и, едва только роты стали подбѣгать къ укрѣпленію, какъ англичане, подпустившіе ихъ на весьма близкое разстояніе, засыпали картечью и тучами пуль. Ряды разстроились, множество офицеровъ выбыло изъ строя, и составъ ротъ уменьшился на половину. Ошеломленные такимъ жестокимъ огнемъ, солдаты, добѣжавши до рва укрѣпленія, остановились, завязали съ непріятелемъ перестрѣлку и стали перебрасываться камнями.

— Друзья, за мною!—послышался въ толпѣ голосъ Тарутинскаго полка прапорщика Соловьева, видѣвшаго нерѣшительность солдатъ и бросившагося впередъ вмѣстѣ съ унтеръ-офицеромъ Яковлевымъ.

Оба они тотчасъ же были заколоты англичанами, но вслѣдъ за ними

солдаты ворвались въ укрѣпленіе и перекололи всѣхъ засѣвшихъ въ немъ, мстя за смерть храбрыхъ [1]).

Возлѣ батареи закипѣлъ упорный рукопашный бой. Собираясь кучками, по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ, англичане выскакивали изъ-за укрѣпленія и бросались въ штыки; другіе боролись внутри укрѣпленія, и не желая покинуть его, умирали подъ штыками бородинцевъ и тарутинцевъ. Нѣсколько разъ батарея № 1-го переходила изъ рукъ въ руки: то натискъ смѣнялся пальбою, то пальба уступала мѣсто натиску, то англичане вытѣсняли бородинцевъ и тарутинцевъ, то наши снова овладѣвали укрѣпленіемъ и наносили жестокое пораженіе англичанамъ. Укрѣпленіе было нами взято, несмотря на всѣ старанія одного изъ англійскихъ офицеровъ, который, если вѣрить словамъ очевидца, въ бѣломъ плащѣ носился между рядами и подгонялъ своихъ нагайкой.

Покинувши укрѣпленіе, англичане отступали ускореннымъ шагомъ. Выйдя изъ-подъ выстрѣловъ нашихъ гладкоствольныхъ ружей, не видя преслѣдованія и пользуясь превосходствомъ своего вооруженія, они остановились въ недальнемъ разстояніи и преспокойно на выборъ поражали наши колонны, стоявшія на высотѣ укрѣпленія. Вслѣдъ за тѣмъ Адамсъ перешелъ въ наступленіе, оттѣснилъ бородинцевъ и выбилъ тарутинцевъ изъ укрѣпленія.

Разстроенные продолжительною борьбою и штуцернымъ огнемъ непріятеля и уменьшенные до половины своего состава полки 17-й пѣхотной дивизіи, собравшись въ одну кучу и немного устроившись, снова бросились на непріятеля, потѣснили англичанъ, вторично овладѣли батареею, но были отброшены свѣжими войсками бригады Бентинка, прибывшаго на мѣсто боя съ составѣ 2.811 человѣкъ, съ шестью полевыми орудіями.

Такимъ образомъ и на этомъ пунктѣ два русскихъ полка, численностью въ 5.844 человѣка, пройдя по весьма затруднительной мѣстности и разстроенные предварительно огнемъ непріятеля, принуждены были бороться съ 5.000 англичанъ, имѣвшихъ превосходство въ вооруженіи и расположенныхъ въ самой выгодной для обороны мѣстности, усиленной полевыми укрѣпленіями.

---

[1]) Нѣсколько частностей во время Инкерманскаго дѣла. Матер., вып. IV, 178 и 186.

Въ то время когда бородинцы и тарутинцы такъ настойчиво боролись за укрѣпленіе, правѣе ихъ остатки 10-й пѣхотной дивизіи, полки: Томскій, Колыванскій и два Екатеринбургскіе батальона, понеся страшныя потери, принуждены были отступить, несмотря на всеобщее воодушевленіе, геройское мужество, быстроту и стремительность атакъ.

Положеніе наше на обоихъ пунктамъ становилось весьма затруднительнымъ.

На всемъ полѣ сраженія было только $4\frac{1}{2}$ разстроенныхъ полка [1]) и двадцать два батарейныхъ орудія изъ отряда Соймонова, дѣйствовавшихъ съ самаго начала боя и потому значительно ослабленныхъ потерею людей и лошадей. Очевидно, что при такихъ условіяхъ наша артиллерія, несмотря на отличное дѣйствіе и мѣткость выстрѣловъ, не въ силахъ была уравновѣсить бой и оказать сильнаго содѣйствія при отступленіи. Заряды ея истощались, потеря прислуги замедляла заряжаніе, а между тѣмъ вокругъ не было видно ни одной свѣжей батареи, которую бы можно было двинуть въ боевую линію. Находившіяся въ отрядѣ Соймонова двѣ легкія № 4-го и № 5-го батареи 17-й артиллерійской бригады были въ главномъ резервѣ, за сводною дивизіею и все время находились вмѣстѣ съ нею. Къ этому надо прибавить, что совершенное безначаліе въ войскахъ ухудшало наше положеніе и уничтожало единство дѣйствій. Оставшіеся безъ начальниковъ солдаты бродили по полю, носили на перевязочный пунктъ не только раненыхъ, но и мертвыхъ, чтобы только удалиться изъ-подъ выстрѣловъ; случалось, что одинъ легко раненый сопровождался двумя здоровыми, конечно уже болѣе не возвращавшимися въ дѣло. Такая непроизводительная трата боевыхъ силъ не могла не отозваться своими послѣдствіями на ходъ самаго сраженія. Напрасно разсылали адъютантовъ и ординарцевъ, чтобы прекратить безпорядокъ и остановить подобныхъ людей; солдаты возвращались не охотно и старались всѣми средствами увернуться, чтобы только не попасть во фронтъ.

При такихъ условіяхъ находившійся при полкахъ 10-й пѣхотной дивизіи полковникъ Тотлебенъ поскакалъ отыскивать резервы и артиллерію. На пути онъ встрѣтилъ генерала Павлова и разсказалъ ему о положеніи дѣла на правомъ флангѣ.

---

[1]) Томскій, Колыванскій, Бородинскій, Тарутинскій и два батальона Екатеринбургскаго полка.

— Сюда необходимо артиллерію,—замѣтилъ Павловъ.

— Непремѣнно надо,—отвѣчалъ Тотлебенъ.

— Видите, какъ насъ жарятъ, а ихъ силы какъ будто возрастаютъ.

— Надо торопиться до прибытія французовъ,—замѣтилъ Тотлебенъ и поскакалъ далѣе.

Генералъ Павловъ тотчасъ же послалъ своего адъютанта Алабина отыскивать батарею.

— Ступайте—сказалъ онъ—отыщите корпуснаго командира и доложите о необходимости имѣть здѣсь батарею; если же встрѣтите батарею нашего отряда, прямо ведите ее сюда.

Въ это время на театрѣ дѣйствій появились два новыхъ полка Бутырскій и Углицкій съ двумя легкими батареями 17-й артиллерійской бригады.

Генералъ-маіоръ Жабокритскій, получивши свѣдѣніе о крайнемъ разстройствѣ праваго фланга и о смерти Соймонова, рѣшился наконецъ выйти изъ выжидательнаго положенія. Оставивъ на мѣстѣ два полка Владимірскій и Суздальскій, онъ съ двумя полками Бутырскимъ и Углицкимъ и всею артиллеріею двинулся впередъ. Дойдя до впадающаго въ Киленъ-балку небольшаго оврага, въ которомъ пролегала Каменоломня, Жабокритскій остановился противъ бригады Кондрингтона, выдвинулъ впередъ 16-ть орудій легкихъ батарей 17-й артиллерійской бригады и расположилъ ихъ двумя фасами одинъ параллельно Киленъ-балкѣ, для дѣйствія по войскамъ Кондрингтона, а другой дугообразно для обстрѣливанія верховьевъ оврага и впереди лежащей мѣстности.

Для прикрытія батарей были поставлены: на правомъ флангѣ Углицкій егерскій полкъ, а на лѣвомъ Бутырскій пѣхотный. Огонь 38-ми орудій [1]) остановилъ наступленіе англичанъ и дозволилъ остаткамъ 10-й пѣхотной дивизіи выйти изъ-подъ выстрѣловъ непріятеля, спуститься въ Киленъ-балку и тамъ устроиться.

Съ отступленіемъ ихъ, бригады Пенефетра и Буллера обратились противъ бородинцевъ и тарутинцевъ, въ то самое время, когда послѣдніе бросившись вторично на укрѣпленіе, потѣснили бригаду Адамса, но были встрѣчены вновь прибывшими войсками бригады Бентинка.

---

[1]) Двадцати-двухъ батарейныхъ и 16 легкихъ, выдвинутыхъ Жабокритскимъ.

Разстроенные продолжительнымъ боемъ, полки, будучи не въ силахъ уже бороться почти со всею массою англійскихъ войскъ, стали отходить назадъ, дорого продавая каждый шагъ отступленія. При этомъ отступленіи подходившіе къ мѣсту боя полки 11-й дивизіи, не различившіе въ дыму и туманѣ своихъ отъ непріятелей, открыли огонь по бородинцамъ и тарутинцамъ и тѣмъ нѣсколько усилили ихъ потерю [1]).

Принятые въ два огня. бородинцы и тарутинцы спустились въ Каменоломный оврагъ и были до такой степени разстроены, что не могли уже болѣе возвратиться въ дѣло. Англичане не преслѣдовали отступившихъ, но, разсыпавъ цѣпь застрѣльщиковъ, провожали ихъ мѣткимъ штуцернымъ огнемъ.

Итакъ первый натискъ былъ неудаченъ; пять полковъ нашихъ, не поддержанные остальными войсками и лишенные содѣйствія своей артиллеріи, принуждены были отступить съ большими потерями. Спустившись въ оврагъ на двухъ противоположныхъ сторонахъ возвышеннаго плато, они отступили: одни пошли въ Севастополь, другіе къ Инкерманскому мосту.

„Несмотря на одушевленіе войскъ 10-й и 17-й дивизій,—пишетъ Тотлебенъ, — не взирая на стремительность ихъ блестящихъ атакъ и геройское мужество, дѣло ихъ было проиграно; отбитые съ страшными потерями, они были совершенно истощены. Едва только успѣвали они пріобрѣсти успѣхъ, какъ тотчасъ же теряли не только возможность развить его, но даже не могли удержать за собою съ трудомъ занятыя позиціи. Непріятельскіе стрѣлки и артиллерія, отступая, наносили нашимъ войскамъ огромный вредъ, а оправившись и подкрѣпясь резервами, снова вырывали побѣду изъ нашихъ рукъ“.

Пользуясь отсутствіемъ непріятеля и перерывомъ боя на нѣкоторое время, англичане выдвинули впередъ 30-ть полевыхъ орудій 9 фун. калибра и, прикрывши ихъ густою цѣпью стрѣлковъ, открыли огонь противъ нашихъ батарей, расположенныхъ на Казачьей горѣ въ числѣ 38-ми орудій.

Артиллерійское состязаніе это продолжалось довольно долго.

Несмотря на то, что двѣ батарейныя батареи 10-й и 16-й артил-

---

[1]) Матер., вып. IV, 181.

лерійскихъ бригадъ, находясь на позиціи съ самаго начала боя, понесли значительную потерю; что обѣ легкія батареи, направленныя противъ непріятельской артиллеріи, прикрытой густою цѣпью стрѣлковъ, по характеру мѣстности не могли иначе дѣйствовать, какъ прицѣльно ядрами и гранатами, на разстояніи отъ 400 до 500 саженъ,—несмотря на все это, наша артиллерія сохраняла постоянное превосходство надъ непріятельскою. Причиною тому было различіе въ способахъ дѣйствій той и другой артиллеріи. Выѣзжая на позицію, наши батареи располагались на гребняхъ возвышеній, скрывая по возможности за ними свои передки и зарядные ящики. Батареи же непріятеля почти всѣ снимались съ передковъ не на высотахъ, а за ними и дѣйствуя изъ-за гребней обращали стрѣльбу свою болѣе въ навѣсную и слѣдовательно далеко уступавшую нашей прицѣльной стрѣльбѣ.

По свидѣтельству многихъ лицъ, принимавшихъ участіе въ Инкерманскомъ сраженіи [1]), артиллерія англичанъ не рѣшалась выѣзжать впередъ, а располагалась, какъ при наступленіи, такъ и при отступленіи, или позади застрѣльщичьихъ цѣпей, или еще далѣе на линіи колоннъ. Оттого она почти всегда стрѣляла ядрами и гранатами и весьма рѣдко картечью. Доказательствомъ тому служитъ и то, что потеря наша отъ огня артиллеріи была самая незначительная, хотя непріятелемъ было выпущено очень много обыкновенныхъ и картечныхъ гранатъ. Но за то батареи наши несли весьма большую потерю отъ англійскихъ штуцерныхъ. Избѣгнуть этого вреднаго для артиллеріи огня не было никакого средства; волнистая мѣстность, полная всякаго рода закрытій, для одиночныхъ стрѣлковъ, давала имъ возможность дѣйствовать по правиламъ своей тактики. Во время всего боя, какъ пѣхота, такъ и артиллерія англичанъ постоянно имѣла передъ собою густую цѣпь стрѣлковъ, мѣстами въ двѣ, три и болѣе линій, которыми англичане вѣнчали занятыя ими покатости [2]).

---

[1]) Замѣчанія: начальника артиллеріи генералъ-маіора Кишинскаго, командовавшаго артиллеріею центра и лѣваго фланга генералъ-маіора Шульмана, генералъ-маіора Сикстеля, подполковника Кондратьева, штабсъ-капитана Гофмана и другихъ.

[2]) Записка генер.-маіора Кишинскаго отъ 27-го октября 1854 г. Арх. канц. воен. минис. по снаряж. войскъ, дѣло № 140.

*

Укрывшись въ частомъ кустарникѣ, въ разстояніи около 800 шаговъ отъ батарей, непріятельскіе стрѣлки открывали самый частый ружейный огонь. На такомъ разстояніи наши легкія орудія не могли съ успѣхомъ дѣйствовать картечью и потому, не нанося пораженія непріятельскимъ стрѣлкамъ, сами несли отъ нихъ значительную потерю. „Я приказалъ однако,—писалъ въ своемъ донесеніи командиръ легкой № 4-го батареи 17-й артиллерійской бригады подполковникъ Кондратьевъ [1])—производить рѣдкій картечный огонь изъ фланговыхъ орудій, давъ имъ нѣсколько облическое положеніе, такъ чтобы косыми выстрѣлами обстрѣливать пространство передъ батареею (остальныя орудія въ то же время стрѣляли ядрами и гранатами противъ непріятельскихъ колоннъ и артиллеріи). Даже при этомъ слабомъ дѣйствованіи картечью, изъ двухъ только орудій, послѣ всякаго нашего выстрѣла, на короткое время замѣтно ослабѣвалъ непріятельскій ружейный огонь, и это служило для насъ какъ бы отдыхомъ; но нельзя предполагать, чтобы картечь легкихъ орудій наносила тутъ много вреда: она производила болѣе моральное дѣйствіе на непріятельскихъ застрѣльщиковъ, и это приносило уже нѣкоторую пользу“.

Стрѣльба съ обѣихъ сторонъ велась съ необыкновеннымъ усиліемъ и настойчивостію, а густыя цѣпи стрѣлковъ поддерживали непрерывный ружейный огонь. Артиллерійскіе снаряды и пули ложились далеко за боевыми линіями и достигали до того мѣста, гдѣ стоялъ главнокомандующій съ Ихъ Высочествами Великими Князьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами, принимавшими самое живое участіе въ сраженіи. Однимъ изъ выстрѣловъ сразу были контужены находившіеся въ свитѣ князя Меншикова адъютантъ его ротмистръ Грейгъ и флигель-адъютантъ полковникъ Альбединскій.

Среди усиленной двухсторонней артиллерійской канонады, союзные главнокомандующіе, Канроберъ и лордъ Рагланъ, совѣщались о томъ, какъ дѣйствовать далѣе. Въ это время Конроберу доложили, что значительный отрядъ русскихъ войскъ, вышедшій изъ Севастополя, атаковалъ лѣвый флангъ французскаго осаднаго корпуса и что демонстрація противъ Балаклавы, принимая рѣшительный характеръ, обращается въ

---

[1]) Публичн. лекціи генер. Крыжановскаго, 58.

дѣйствительную атаку. Это послѣднее извѣстіе крайне обезпокоило лорда Раглана, какъ и все то, что касалось до Балаклавы.

— Je crois, dit-il froidement, que nous sommes... très malades.

— Pas trop, cependant, milord, il faut l'espérer,—отвѣчалъ Канроберъ [1]).

Посланные офицеры привезли извѣстіе, что положеніе дѣлъ у Чоргуна не измѣнилось, что Балаклава пока безопасна, но что лѣвый флангъ французовъ дѣйствительно атакованъ русскими, ворвавшимися въ непріятельскія траншеи.

То была вылазка, произведенная подъ начальствомъ начальника 1-ой оборонительной дистанціи генералъ-маіора Тимоѳеева.

Еще наканунѣ, вечеромъ 23-го октября, Тимоѳеевъ потребовалъ къ себѣ адъютанта Минскаго пѣхотнаго полка штабсъ-капитана Постольскаго.

— Съ разсвѣтомъ завтрашняго дня,—сказалъ ему Тимоѳеевъ,—главными силами нашего гарнизона будетъ произведена атака непріятельскихъ позицій со стороны Инкерманскихъ высотъ. Въ это же самое время Минскій полкъ съ четырьмя орудіями, подкрѣпленный резервнымъ батальономъ 13-й пѣхотной дивизіи, сдѣлаетъ вылазку изъ города. Цѣль этой вылазки отвлечь вниманіе непріятеля отъ нашихъ главныхъ силъ.

Получивши соотвѣтствующія приказанія, Постольскій передалъ ихъ офицерамъ своего полка, и они съ восторгомъ приняли извѣстіе о столь давно желанномъ наступательномъ движеніи [2]).

Съ 6-ти часовъ утра четыре батальона Минскаго пѣхотнаго полка, съ четырьмя орудіями легкой № 4-го батареи 14-й артиллерійской бригады, численностію до 3.075 человѣкъ, собирались возлѣ бастіона № 6-го [3]).

Вскорѣ прибылъ къ отряду и генералъ-маіоръ Тимоѳеевъ.

— Я увѣренъ, друзья,—сказалъ онъ, обращаясь къ минцамъ,—что

---

[1]) Кажется, мы,—сказалъ лордъ Рагланъ съ обычнымъ хладнокровіемъ... очень больны».—«Не совсѣмъ еще, милордъ, надо надѣяться,—отвѣчалъ Канроберъ. Баронъ Базанкуръ. L'expédition de Crimée, p. 75.

[2]) Записка Постольскаго (рукоп.).

[3]) См. Т. I. Планъ укрѣпленій Севастополя.

въ этотъ день вы не отстанете отъ подвиговъ главныхъ силъ и храбростію своею прославите имя вашего полка.

— Рады стараться!—было дружнымъ и единодушнымъ отвѣтомъ на слова начальника.

Около 9-ти часовъ утра батальоны Минскаго полка вышли изъ воротъ оборонительной стѣнки, правѣе бастіона № 6-го. Бѣлавенцовъ, мимо батареи котораго проходили минцы, передалъ штабсъ-капитану Постольскому молотокъ и 10-ть стальныхъ ершей, для заклепыванія орудій.

— Возьмите,—сказалъ онъ,—они пригодятся вамъ на непріятельской батареѣ—я въ этомъ увѣренъ болѣе, чѣмъ въ томъ, что до вечера останусь въ живыхъ [1]).

Двинувшись въ промежутокъ между Карантинною бухтою и кладбищемъ и пройдя мимо Карантинной слободки, два батальона Минскаго полка, перестроенные въ ротныя колонны и имѣвшіе въ интервалѣ четыре орудія, составили первую боевую линію; два же другіе батальона расположились во второй линіи, въ колоннахъ къ атакѣ.

Вызвавши штуцерныхъ и застрѣльщиковъ, генералъ Тимоѳеевъ двинулся впередъ, съ цѣлью открыть непріятеля, который долго скрывалъ свое положеніе. Небольшой туманъ застилалъ мѣстность, и накрапывалъ мелкій дождикъ. Вокругъ все было тихо: ни непріятель, ни наши застрѣльщики не производили ни одного выстрѣла. Пройдя слишкомъ полверсты и оставивши лѣвѣе себя кладбище, батальоны вдругъ были встрѣчены штуцернымъ огнемъ французовъ, укрывшихся за каменнымъ заборомъ. Наши застрѣльщики не могли отвѣчать тѣмъ же, такъ какъ гладкоствольныя ружья ихъ далеко не хватали до непріятеля, и потому былъ поданъ сигналъ наступленія. По мѣрѣ движенія впередъ нашихъ батальоновъ, непріятельскіе стрѣлки, отстрѣливаясь, быстро отступали и, дойдя до слѣдующаго каменнаго забора (на границѣ земли горожанъ), залегли за нимъ. Пользуясь превосходствомъ своего оружія, французы подпустили цѣпь нашу шаговъ на 600 и встрѣтили ее самымъ жестокимъ огнемъ, какъ ружейнымъ, такъ и артил-

---

[1]) Предчувствіе Бѣлавенцова сбылось: черезъ нѣсколько часовъ послѣ разговора онъ былъ убитъ.

лерійскимъ, съ двухъ осадныхъ батарей № 1-го и № 2-го. Отвѣчая тѣмъ же, наши застрѣльщики продолжали двигаться все впередъ и впередъ. При этомъ движеніи горячась и торопясь скорѣе сойтись съ непріятелемъ, цѣпь застрѣльщиковъ все ускоряла свой шагъ, что и заставило генерала Тимоѳеева подать сигналъ „стой“.

Наступавшіе остановились подъ огнемъ непріятеля. Съ шумомъ и свистомъ непріятельскій чугунъ пронизывалъ ряды минцевъ. Они стояли молча, и только угрюмѣе казались лица солдатъ, сильнѣе въ рукахъ сжимались приклады, суровѣе становились замѣчанія старыхъ служивыхъ.

— Что кланяешься,—замѣчалъ сердито одинъ,—аль незнакома.

— Читай молитву про себя,—говорилъ другой,—дьячкамъ тутъ не мѣсто.

Къ остановленной цѣпи, въ сопровожденіи штабъ-горниста, подскакалъ генералъ Тимоѳеевъ. Поблагодаривши минцевъ за молодецкое наступленіе и все еще не видя передъ собою никого кромѣ непріятельскихъ стрѣлковъ и ихъ резервовъ, Тимоѳеевъ нашелъ необходимымъ продолжать наступленіе, чтобы тѣмъ заставить непріятеля показать свои силы.

Наступленіе это было совершено въ замѣчательномъ порядкѣ, но когда полкъ подошелъ на близкое разстояніе къ непріятельскимъ батареямъ, то безъ всякой команды, „какъ бы движимый особой силой“, ускорилъ свой шагъ. Командовавшій полкомъ, за болѣзнію командира, маіоръ Евспавлевъ обратился къ генералу Тимоѳееву съ просьбой дозволить взять батареи. „Я не могъ отказать“,—доносилъ Тимоѳеевъ [1]).

Батареи, посылавшія смерть, раны и увѣчья, магнитомъ тянули къ себѣ минцевъ. Выстрѣлы картечью, какъ послѣднее усиліе остановить наступающихъ, оказались безсильными. Какъ снопы валились люди; уцѣлѣвшіе не смыкали уже рядовъ, въ колоннахъ не было той стройности, которою любовались, глядя на минцевъ изъ Севастополя, но было то единодушіе и быстрый натискъ, отъ котораго трудно устоять противнику. Чѣмъ короче становилось пространство, раздѣлявшее обѣ сто-

---

[1]) Рап. генерала Тимоѳеева отъ 26-го октября № 137. Воен.-Учен. Арх., дѣло № 3399 (А).

роны, тѣмъ убійственнѣе былъ ружейный огонь непріятеля. Съ крикомъ „ура!“ добѣжали минцы до батарей и тутъ остановились на мгновеніе, какъ бы для того, чтобы перевести глубокій и тяжелый вздохъ. Дорого заплатили они за то небольшое пространство, которое пробѣжали подъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ непріятеля. Ни командующаго полкомъ, ни батальонныхъ и нѣсколькихъ ротныхъ командировъ уже не было съ ними. Старшіе офицеры приняли команду и своимъ примѣромъ ободряли солдатъ.

— Впередъ, ребята, впередъ!—кричали они.

— На батарею, ребята, на батарею, отмстимъ за смерть нашихъ начальниковъ!

Новый крикъ „ура!“ какъ предвѣстникъ побѣды, пролетѣлъ по разстроеннымъ рядамъ минскихъ батальоновъ, и солдаты ворвались въ укрѣпленіе. Ни рой пуль, ни ряды штыковъ, ничто не могло остановить стремительнаго напора русскаго солдата. Брустверъ оказался невысокъ, и потому въ нѣсколько минутъ укрѣпленіе было взято. Тутъ завязалась ужасная борьба съ непріятелемъ, засѣвшимъ за траверсами и ложементами. Одни работали штыкомъ, другіе хозяйничали въ укрѣпленіи. Найденные тутъ же, на батареѣ, топоры и ломы были въ мигъ разобраны нашими солдатами. Они ломали и разбивали все, что только было возможно; рубили лафеты и банники, сбивали прицѣлы съ орудій, забивали каналъ ихъ камнями и проч. Такимъ образомъ было испорчено до 15-ти орудій.

„Рукопашный бой ужасенъ и въ чистомъ полѣ,—пишетъ участникъ и одинъ изъ главныхъ дѣятелей этой кровавой сцены [1]),—но тамъ владѣющій хорошо штыкомъ можетъ или отпарировать ударъ врага, или совсѣмъ уклониться отъ него, сдѣлавъ скачекъ въ сторону, но на тѣсномъ пространствѣ бруствера, гдѣ люди дѣйствуютъ сплошной стѣной, стараясь только дать просторъ рукамъ своимъ, рукопашный бой гораздо ужаснѣе. Здѣсь каждый, зная только, что смерть врага обезпечиваетъ его жизнь, напрягаетъ всѣ свои силы на убійство его. Раздирающіе душу стоны раненыхъ, попираемыхъ неизбѣжно своими же товарищами, поощряютъ къ этому; мщеніе за смерть, за страданія товарищей и

---

[1]) Записки Постольскаго (рукоп.).

видъ крови заглушаютъ въ людяхъ всѣ человѣческія чувства, люди становятся звѣрьми, пощады нѣтъ никому, да и быть не можетъ".

Нѣтъ ничего ужаснѣе штыковаго удара русскаго солдата. Нанося ударъ штыкомъ, онъ даетъ уклонъ къ низу, направляетъ его преимущественно въ животъ и, вонзивъ, быстро подымаетъ штыкъ къ верху. Этотъ способъ, извѣстный между солдатами подъ словами *„потрошить врага"*, наноситъ почти всегда смертельныя раны. Французы колятъ штыкомъ прямо, какъ рапирой, и ограничиваясь однимъ уколомъ не причиняютъ столь смертельныхъ ранъ [1]). Оттого союзники вообще не любили доводить дѣло до рукопашнаго боя, зная, что перевѣсъ въ немъ всегда находился и будетъ находиться на сторонѣ русскихъ войскъ. Въ такихъ случаяхъ, они нерѣдко оставляли батареи и, отступивъ, открывали самый частый ружейный огонь.

Такъ было и теперь. Оставивъ батарею въ нашихъ рукахъ и засѣвши во входной траншеѣ, французы сильно безпокоили минцевъ своими выстрѣлами, такъ что полковой адъютантъ Постольскій приказалъ завалить входъ ея амбразурными щитами.

Генералъ Тимоѳеевъ все время слѣдилъ за атакою; онъ не отводилъ бинокля отъ занятой минцами батареи.

— Слава Богу!—сказалъ онъ окружающихъ,—минцы уже три четверти часа работаютъ штыками.

Ожидая, однакоже, что въ самомъ непродолжительномъ времени къ атакованнымъ французамъ придутъ новыя подкрѣпленія, Тимоѳеевъ приказалъ ударить отбой, съ намѣреніемъ во-время отвести Минскіе батальоны нѣсколько назадъ, чтобы непріятель не могъ обойти ихъ съ фланговъ.

Минцы не слышали отбоя; они все еще хозяйничали на французскихъ батареяхъ, какъ вдругъ раздался крикъ: *„братцы, насъ обходятъ"*, и въ одно мгновеніе взоры многихъ обратились по указанному направленію. Нѣсколько непріятельскихъ колоннъ шли ускореннымъ шагомъ по направленію къ Карантинной бухтѣ. Нельзя было не отга-

---

[1]) У насъ бывали примѣры, что получившіе болѣе десяти штыковыхъ ранъ скоро выздоравливали. Минскаго полка подпоручикъ Степановъ получилъ 11 ранъ и черезъ 2 мѣсяца былъ совершенно здоровъ.

дать ихъ намѣренія отрѣзать минцевъ отъ города. То были полки бригады д'Ореля, изъ дивизіи генерала Форе. Отправивъ ихъ въ обходъ праваго фланга русскихъ, Форе приказалъ въ то же время бригадѣ Лурмеля спѣшить на помощь къ атакованнымъ батареямъ. Одновременно съ этимъ дивизія Лавальяна подвинулась впередъ; а свободные полки дивизіи принца Наполеона расположились за французскими осадными работами.

Такимъ образомъ весь осадный французскій корпусъ былъ исключительно занятъ отрядомъ Тимоѳеева и отвлеченъ отъ дѣйствій на Инкерманскихъ высотахъ. Цѣль вылазки была достигнута, и теперь слѣдовало помышлять только объ отступленіи, тѣмъ болѣе необходимомъ, что непріятель съ каждымъ часомъ усиливался, а на значительную помощь, которая могла бы быть выслана минцамъ изъ города, разсчитывать было нечего.

По повторенному сигналу отступленія, батальоны оставили батареи и двинулись по направленію къ оборонительной линіи. Вскорѣ они были атакованы съ фронта французами подъ начальствомъ Ламотружа, командовавшаго войсками въ траншеяхъ, а съ праваго фланга бригадою Лурмеля. Бросаясь нѣсколько разъ въ штыки и отбивая атаки непріятеля, наши батальоны, несмотря на огромную потерю офицеровъ и нижнихъ чиновъ, отходили назадъ въ совершенномъ порядкѣ. На помощь имъ были высланы изъ Севастополя два резервныхъ батальона, 6-ой Виленскій и 5-ый Брестскій, съ 8-ю полевыми орудіями. Построивъ ихъ въ ротныя колонны и поставивъ въ промежуткѣ между ними артиллерію, генералъ Тимоѳеевъ двинулъ ихъ впередъ на встрѣчу отступавшимъ батальонамъ Минскаго полка. На высотѣ Карантинной слободки соединился съ отступавшими еще одинъ 6-ой резервный Бѣлостокскій батальонъ, высланный изъ города.

Преслѣдуемый наступавшими французами и выстрѣлами восьми непріятельскихъ орудій, отрядъ Тимоѳеева быстро отходилъ на батарею Шемякина. Въ это время непріятель успѣлъ подбить колесо и ось у одного изъ орудій легкой № 4-го батареи 14-ой артиллерійской бригады, но это орудіе, по распоряженію командовавшаго Бѣлостокскимъ батальономъ капитана Еропкина, было увезено подпоручикомъ Титовымъ, съ 6-ю гренадерскою ротою этого батальона.

Между тѣмъ непріятель положительно по пятамъ преслѣдовалъ отступавшихъ. Послѣдніе, отходя назадъ, заслоняли собою бастіоны и батареи и лишали ихъ возможности дѣйствовать, такъ что французы первое время несли весьма малую потерю и дотого увлеклись преслѣдованіемъ, что подошли почти къ самой оборонительной линіи. Осыпанные одновременно ядрами, гранатами и картечью изъ орудій большаго калибра [1]), французы понесли огромную потерю; генералъ Лурмель былъ убитъ, а бригада его сильно разстроена.—„Генералу Форе,—доносилъ французскій главнокомандующій,—стоило большаго труда вывести бригаду генерала Лурмеля изъ весьма опаснаго положенія, въ которое поставила ее опрометчивая храбрость его. Бригада генерала д'Ореля, занявшая выгодную позицію съ лѣвой стороны, прикрыла это отступленіе, совершенное подъ огнемъ крѣпости, съ чувствительною потерею. Полковникъ Ніель, 26-го линейнаго полка, лишившагося обоихъ своихъ батальонныхъ командировъ, принялъ начальство надъ бригадою и вывелъ ее изъ огня" [2]).

Все пространство до кладбища и далѣе было усѣяно трупами убитыхъ французовъ. По показаніямъ плѣнныхъ, вылазка Тимоѳеева дорого стоила французамъ.

— Если бы стрѣляли, когда мы отступали,—говорилъ одинъ изъ нихъ, не бомбами и ядрами, а картечью, то ни одинъ изъ насъ живымъ бы не ушелъ [3]).

Нашъ уронъ состоялъ изъ 1-го штабъ-офицера, 24 оберъ-офицеровъ и 1.066 человѣкъ нижнихъ чиновъ убитыхъ, раненыхъ, контуженныхъ и безъ вѣсти пропавшихъ [4]). Въ плѣнъ нами взято: 2 офицера и до 40 человѣкъ нижнихъ чиновъ, все почти раненыхъ [5]).

---

[1]) Рап. генер. Тимоѳеева генералу Моллеру 2-му отъ 26-го октября № 137. Воен.-Учен. Арх., д. № 3399 (А). Записки Постольскаго (рукоп).

[2]) Матер., выпус. IV, 194.

[3]) Воен.-Учен. Архивъ, дѣло № 4305.

[4]) См. прилож. № 15-й. По этой вѣдомости наша потеря показана менѣе на 12 человѣкъ, но мы предпочли принять ту, которая показана въ рапортѣ генерала Тимоѳеева.

[5]) Свидѣтельствуя о храбрости всѣхъ чиновъ отряда, генералъ Тимоѳеевъ указываетъ на хладнокровіе и распорядительность командовавшаго Минскимъ

Такимъ образомъ генералъ Тимоѳеевъ съ большимъ успѣхомъ исполнилъ то, что на него было возложено. Онъ отвлекъ отъ праваго непріятельскаго фланга почти всѣ силы французскаго осаднаго корпуса, не дозволивъ ему подать помощь англичанамъ. Только самая незначительная часть этого корпуса, какъ увидимъ ниже, успѣла принять участіе въ общемъ дѣлѣ на Инкерманскихъ высотахъ, но и та прибыла подъ самый конецъ боя.

Мы остановили разсказъ о борьбѣ нашей съ англичанами, происходившей на Киленъ-балочномъ плато, именно въ то время, когда первый актъ боя кончился и сраженіе превратилось въ артиллерійскую канонаду. Два противника стояли теперь лицомъ другъ противъ друга, но тотъ и другой, значительно ослабленные потерями, не рѣшались перейти въ наступленіе. Обѣ стороны нуждались въ отдыхѣ отъ потрясающихъ событій и старались воспользоваться временнымъ перерывомъ, чтобы устроиться и схватиться опять съ еще большимъ ожесточеніемъ: мы подводили на мѣсто боя свѣжіе полки 11-ой пѣхотной дивизіи, англичане, подъ прикрытіемъ огня своихъ батарей, устраивали полки, перемѣняли составъ войскъ въ боевой линіи и ожидали прибытія новыхъ подкрѣпленій.

Прибывшая послѣ другихъ гвардейская бригада Бентинка выдвинута была въ первую линію на правый флангъ, начиная отъ редута № 1-го, занятаго кольдстримцами; въ центрѣ расположились двѣ разстроенныя бригады Адамса и Пенефетера; на лѣвомъ флангѣ стала бригада Буллера, а еще лѣвѣе за Киленъ-балкою стоялъ Кондрингтонъ съ своею брагадою. Для подкрѣпленія этихъ войскъ на мѣсто боя спѣшили: дивизія Каткарта [1]), которой лордомъ Рагланомъ приказано было расположиться за правымъ флангомъ, и бригада Джона Кемпбеля, остановленная за лѣвымъ флангомъ англійской позиціи.

полкомъ маіора Евспавлева, командовавшаго 4-мъ батальономъ капитана Ляпунова. ротныхъ командировъ капитановъ: Жуковскаго, Мацкевича и полковаго адъютанта штабсъ-капитана Постольскаго, «который собственноручно заклепалъ два орудія, но приэтомъ, бывъ раненъ въ руку, передалъ заклепки поручику Воробьеву, который также заклепалъ нѣсколько орудій». Рап. Тимоѳеева отъ 26-го октября № 137. Воен.-Учен. Арх. д. № 3399 (А).

[1]) Состоявшая изъ 2-хъ бригадъ: 1-й генерала Гольди и 2-й—Торренса.

Съ своей стороны Боске, получая постоянно свѣдѣнія, что русскіе тѣснятъ англичанъ, приказалъ бригадѣ африканскихъ егерей оставить бивуакъ и подвинуться къ телеграфу на Воронцовской дорогѣ. Это распоряженіе онъ считалъ тѣмъ болѣе возможнымъ, что дѣйствія наши со стороны Чоргуна не внушали ему никакого опасенія. Слѣдя за отрядомъ кн. П. Д. Горчакова съ высотъ Сапунъ-горы и имѣя полную возможность видѣть каждое его движеніе и численность войскъ, Боске скоро убѣдился, что здѣсь была только одна демонстрація.

Согласно своей диспозиціи кн. Горчаковъ, переправившись на лѣвый берегъ рѣки Черной, двинулся впередъ тремя отрядами, съ тою цѣлію, чтобы одновременно привлечь на себя вниманіе всего французскаго обсерваціоннаго корпуса и непріятельскихъ войскъ, расположенныхъ у Балаклавы. Съ этою цѣлію, спустившись въ Ѳедюхиныхъ высотъ, колонна полковника Скюдери и находившаяся въ центрѣ кавалерія двинулись впередъ къ Сапунъ-горѣ, а колонны генералъ-маіоровъ Левуцкаго и Семякина—къ селенію Кадыкіой [1]).

Подойдя къ Сапунъ-горѣ на разстояніе дальняго пушечнаго выстрѣла, кн. Горчаковъ открылъ огонь, на который отвѣчали всѣ батареи циркумвалаціонной линіи, усиленной полевыми орудіями. Не рѣшаясь двинуться далѣе, изъ опасенія быть отрѣзанными войсками, расположенными у Балаклавы, кн. Горчаковъ остановился и поддерживалъ канонаду. Непріятель отвѣчалъ ему тѣмъ же, но Боске ясно видѣлъ, что со стороны Чоргуна не будетъ ничего серьезнаго и что движеніе это имѣетъ только цѣлію удержать его отъ содѣйствія англичанамъ.

— Allez à Inkermann,—сказалъ Боске бывшему при немъ секретарю лорда Раглана,—c'est à Inkermann, que tout se passera [2]).

Вскорѣ послѣ открытія огня обѣ стороны замѣтили безвредность производимыхъ выстрѣловъ и предпочли прекратить огонь. Сначала прекратили его французы, а потомъ и мы. Съ тѣхъ поръ положеніе Чоргунскаго отряда не измѣнилось, и князь Горчаковъ оставался на мѣстѣ до окончанія сраженія.

---

[1]) Рапортъ кн. Горчакова кн. Меншикову 24-го октября № 362. Арх. Глав. штаба.

[2]) Поѣзжайте на Инкерманъ, тамъ все окончится.

Такое рановременное обнаруженіе дѣйствій Чоргунскаго отряда дало полную возможность Боске освободить часть войскъ своего корпуса и двинуть ихъ на помощь англичанамъ, которые, будучи не въ силахъ остановить вторичной атаки русскихъ, крайне въ томъ нуждались. Только своевременное прибытіе французовъ на поле сраженія избавило англичанъ отъ конечнаго пораженія и того критическаго положенія, въ которое они были поставлены стремительными атаками полковъ 11-ой пѣхотной дивизіи.

Нѣсколько позже 8 часовъ утра головныя части 11-ой пѣхотной дивизіи, подымавшіяся по Георгіевской балкѣ, вышли на плато. Впереди всѣхъ шелъ Охотскій полкъ, за нимъ артиллерія, а потомъ полки Якутскій и Селенгинскій, подъ начальствомъ своего бригаднаго командира генералъ-маіора Охтерлоне. Крутизна подъема и узкость дороги, во многихъ мѣстахъ углубленной въ толщѣ горы и размытой дождемъ, дѣлали движеніе это довольно затруднительнымъ, въ особенности для артиллеріи, такъ что, когда шедшій во главѣ колонны Охотскій полкъ поднялся на возвышеніе, то полки Бородинскій и Тарутинскій уже оставляли поле сраженія.

Прибывшій на мѣсто боя генералъ Данненбергъ тотчасъ же послалъ въ резервъ три батареи въ 28 орудій [1]), которыя, находясь въ безпрерывномъ огнѣ съ самаго начала боя, лишились болѣе половины людей и лошадей, такъ что едва держались на позиціи. Батареи эти были замѣнены тремя легкими батареями въ 36 орудій, которыя и оставались на позиціи до конца сраженія. Независимо отъ этого генералъ Данненбергъ выдвинулъ на лѣвый флангъ 32 батарейныхъ орудія [2]) и, замѣтивъ отступленіе Бородинскаго и Тарутинскаго полковъ, направилъ на поддержаніе ихъ Охотскій егерскій полкъ, съ приказаніемъ атаковать англичанъ.

Подъ прикрытіемъ огня выдвинутыхъ впередъ батарей охотцы перестроились въ ротныя колонны и, имѣя 3-й и 4-й бастіоны въ первой

---

[1]) Двѣнадцать орудій батарейной № 2-го батареи 10-й артиллерійской бригады и по 8 орудій батарейной № 3-го и легкой № 4-го батареи 17-го артиллерійской бригады.

[2]) Двѣнадцать орудій батарейной № 1-го батареи 10-й артиллерійской бригады, 12 орудій батарейной № 3-го батареи 11-й артиллерійской бригады и 8 орудій батарейной № 3-го батареи 17-й артиллерійской бригады.

линіи, смѣло двинулись въ атаку. Англичане встрѣтили ихъ столь мѣткимъ огнемъ, что шедшая впереди цѣпь застрѣльщиковъ принуждена была сначала остановиться, но, поддержанная саперами № 4-го батальона, она потѣснила англичанъ и проложила дорогу шедшимъ позади батальонамъ. Подъ сильнымъ огнемъ непріятеля охотцы дошли почти до самой оконечности праваго фланга англичанъ, до Каменоломнаго оврага, гдѣ бородинцы и тарутинцы, все еще упорно защищавшіеся, вели самую ожесточенную перестрѣлку съ непріятелемъ. Скрываясь за возвышеніями, засѣвши за камни, стрѣляя съ обрывистой скалы почти вертикально, англичане поражали штуцерными пулями спустившіеся къ Черной рѣчкѣ остатки разбитыхъ ротъ, остававшихся безъ начальниковъ и перемѣшавшихся между собою. Пули, сыпавшіяся съ такого близкаго разстоянія и летѣвшія въ ущельѣ съ особеннымъ визгомъ, только ожесточали солдатъ. Видя безполезно погибшихъ и погибающихъ товарищей, они собирались кучками, съ изступленіемъ бросались въ штыки на возвышенность, кололи англичанъ, рѣшавшихся принять ихъ ударъ грудью, но въ концѣ концовъ или были снова сбрасываемы въ оврагъ или погибали подъ перекрестнымъ огнемъ непріятеля. Въ оврагѣ безпорядокъ и безначаліе съ каждымъ часомъ увеличивались. „Воротники и погоны,—говоритъ участникъ [1]),—различныхъ цвѣтовъ и нумерацій перемѣшались; въ нѣкоторыхъ частяхъ всѣ офицеры выбыли изъ строя, и солдаты, забывъ о повиновеніи и какъ будто отуманенные, не слушали совѣта старослуживыхъ построиться всѣмъ въ общую колонну и дѣйствовать облавой. Всѣ безсознательно бродили, отыскивая свои полки, и всѣ почти впослѣдствіи были истреблены непріятелемъ въ той же лощинѣ“.

Въ такомъ положеніи находились остатки Бородинскаго и Тарутинскаго полковъ, когда къ нимъ на помощь явились охотцы.

Отбросивъ англичанъ, охотцы попали подъ перекрестный ружейный и артиллерійскій огонь, заставившій ихъ спуститься въ тотъ же Каменоломный оврагъ. Оправившись отъ перваго удара и нѣсколько устроившись, они вновь быстро поднялись по оврагу, достигли до его верховьевъ и бросились на обстрѣливавшую ихъ непріятельскую батарею №2-го, орошенную уже кровью полковъ 10-й пѣхотной дивизіи. Жаркій и упор-

---

[1]) Нѣсколько частностей во время Инкерманскаго дѣла. Матер., вып. IV, 182.

ный бой снова закипѣлъ на батареѣ. Охотцы лѣзли черезъ насыпь, проникали внутрь укрѣпленія и нѣсколько разъ были выбиваемы изъ него. Обѣ стороны сражались вразсыпную, въ одиночку, кому какъ и чѣмъ пришлось. Тутъ бились всѣмъ, что̀ попадало подъ руку: стрѣляли другъ въ друга въ упоръ; дрались штыками, прикладами; когда ломался штыкъ,—кулаками; когда приклады разлетались на части,—камнями и даже обломками оружія. Туманъ дѣлалъ борьбу эту еще болѣе мрачною и смертельною. Ни та, ни другая сторона, казалось, не хотѣла уступить, но наконецъ, послѣ долгихъ усилій и кровопролитнаго боя, охотцы выбили англичанъ изъ укрѣпленія и овладѣли имъ. Болѣе 200 непріятельскихъ тѣлъ лежало на валу и внутри укрѣпленія, но и охотцамъ не дешево досталась эта побѣда. Они лишились своего полковаго командира, полковника Бибикова, почти всѣхъ офицеровъ и большей части своихъ товарищей, нижнихъ чиновъ.

Получившіе подкрѣпленіе вновь прибывшею дивизіею Каткарта англичане перешли въ наступленіе. Бригады Адамса и Гольди атаковали охотцевъ съ фронта; бригада Торренса, подъ личнымъ начальствомъ самого Каткарта, двинулась въ обходъ ничѣмъ не защищеннаго ихъ лѣваго фланга, и выдвинутая впередъ батарея, прибывшая съ дивизіею Каткарта, открыла огонь по наступившимъ полкамъ 11-й пѣхотной дивизіи.

Почти одновременная атака англичанъ съ фронта и обходъ лѣваго фланга охотцевъ были замѣчены подходившими къ мѣсту боя полками Якутскимъ и Селенгинскимъ. Послѣдній быстро перемѣнилъ фронтъ и атаковалъ войска Каткарта въ то самое время, когда якутцы спѣшили на помощь охотцамъ, тѣснимымъ англичанами съ фронта. Атака Якутскаго полка была столь стремительна, что смятые англичане принуждены были поспѣшно отступать въ промежутомъ между двумя укрѣпленіями № 1-го и № 2-го. Преслѣдуя непріятеля Якутскій полкъ прошелъ далеко впередъ за линію этихъ батарей и очутился въ тылу батареи № 1-го, занятой храбрыми кольдстримцами. Послѣдніе тотчасъ же открыли огонь въ тылъ наступавшихъ, и якутцы только тогда опомнились, что позади ихъ осталась батарея, занятая непріятелемъ. Разстроенные предъидущею атакою, они не рѣшились однако же прямо броситься па батарею, а ограничились перестрѣлкою съ засѣвшими въ ней англичанами, число которыхъ простиралось до четырехъ сотъ человѣкъ. Пользуясь этимъ вре-

меннымъ замедленіемъ и видя передъ собой многочисленнаго непріятеля, англичане предпочли оставить укрѣпленіе и стали по одиночкѣ пробираться по гребню оврага, въ которомъ все еще находились остатки различныхъ полковъ, встрѣтившихъ ихъ сильнымъ огнемъ. Вслѣдъ затѣмъ якутцы бросились на штурмъ укрѣпленія и овладѣли имъ, послѣ упорнаго сопротивленія не успѣвшаго спастись гарнизона. Едва только наши солдаты явились въ укрѣпленіи, какъ увидѣли передъ собою отступавшихъ англичанъ, преслѣдуемыхъ Селенгинскимъ полкомъ и картечнымъ огнемъ прискакавшихъ на мѣсто боя двухъ конныхъ донскихъ батарей: легкой № 2-го и резервной № 4-го, расположившихся возлѣ Каменоломнаго оврага, параллельно почтовой дорогѣ.

Подъ прикрытіемъ огня этихъ батарей селенгинцы, атаковавшіе колонну англичанъ, обходившую лѣвый флангъ Охотскаго полка, штыками отбросили ихъ съ большимъ урономъ. Шедшій въ головѣ колонны генералъ Каткартъ началъ отступать на батарею № 1-го, полагая, что она по-прежнему занята кольдстримцами, и, не подозрѣвая, что въ тылу ихъ стояли уже русскія войска. Едва англичане приблизились на хорошій ружейный выстрѣлъ, какъ засѣвшіе въ укрѣпленіи якутцы открыли въ тылъ ихъ частый и убійственный огонь. Англичане остановились въ замѣшательствѣ. Каткартъ, считая это недоразумѣніемъ и стрѣльбою по своимъ, приказалъ солдатамъ скинуть шинели и показать красные мундиры, но эта мѣра послужила только къ усиленію огня со стороны якутцевъ. Осмотрѣвшись вокругъ, Каткартъ увидѣлъ, что бригада его была окружена со всѣхъ сторонъ Охотскимъ, Якутскимъ и Селенгинскимъ полками. Положеніе англичанъ было незавидно и крайне опасно; пули со всѣхъ сторонъ такъ и пронизывали ихъ ряды; солдаты упали духомъ. Въ смущеніи они открыли безпорядочную и частую стрѣльбу, но скоро должны были прекратить и ее по недостатку патроновъ.

— У насъ нѣтъ патроновъ!—кричали солдаты.

— Но у васъ есть штыки,—отвѣчалъ имъ отважный начальникъ генералъ Каткартъ.

Шестидесяти двухъ-лѣтній старикъ, съ виду еще бодрый и свѣжій, Каткартъ принадлежалъ къ числу лучшихъ генераловъ англійской арміи. Его патріотизмъ и душевныя качества были одинаково равносильны высокой военной репутаціи. Начавши свое военное поприще въ битвѣ

при Лейпцигѣ, сражавшійся съ честію при Ватерлоо и въ Канадѣ, счастливо окончившій войну англичанъ съ кафрами, Каткартъ, вскорѣ послѣ возвращенія съ мыса Доброй-Надежды въ Англію, былъ назначенъ начальникомъ 4-ой дивизіи, вмѣстѣ съ которою и поступилъ въ составъ восточной арміи. Опытный и безусловно храбрый, онъ не потерялся въ столь трудную минуту. Ободривъ и устроивъ свои войска, Каткартъ самъ въ главѣ ихъ пошелъ въ атаку. Два раза англичане наступали на селенгинцевъ, но каждый разъ были отбиваемы съ жестокимъ урономъ. Командиръ бригады генералъ Торренсъ былъ раненъ, много офицеровъ выбыло изъ строя, еще болѣе была убыль въ нижнихъ чинахъ. Тогда Каткартъ рѣшился броситься въ другую сторону. Сомкнувъ ряды, онъ кинулся на якутцевъ, но былъ также отбитъ, при чемъ самъ смертельно раненъ. Прострѣленный пулею въ голову и пробитый штыкомъ, Каткартъ погибъ при этой атакѣ. Адъютантъ его, полковникъ Сеймуръ, соскочилъ съ лошади, чтобы поднять достойнаго предводителя, но раненый самъ упалъ на его тѣло [1]).

Потерявши любимаго начальника, остатки англичанъ употребили послѣднія усилія и, въ отчаяніи бросившись впередъ, прорвались наконецъ черезъ ряды якутцевъ, оставивъ на мѣстѣ около 500 человѣкъ убитыми и ранеными. Укрѣпленіе № 1-го осталось въ нашихъ рукахъ, но укрѣпленіе № 2-го было въ рукахъ англичанъ, успѣвшихъ вытѣснить изъ него батальоны Охотскаго полка. Такимъ образомъ всѣ силы англичанъ, разстроенныя предъидущимъ боемъ, сосредоточились теперь въ промежуткѣ между укрѣпленіемъ № 2-го и верховьями Киленъ-балки. Не предпринимая наступленія, обѣ стороны ограничивались одною перестрѣлкою, при чемъ непріятель, пользуясь превосходствомъ своего вооруженія, наносилъ намъ сильную потерю въ людяхъ. Къ тому же англичане успѣли доставить въ укрѣпленіе № 2-го два осадныхъ орудія, которыя дѣйствовали съ большимъ успѣхомъ: поражая войска, находившіяся въ боевой линіи, они обстрѣливали и позади лежащую мѣстность на весьма далекое разстояніе.

Въ это время къ войскамъ прискакалъ генералъ Данненбергъ, въ сопровожденіи своего начальника штаба генерала Мартинау. Сознавая, что, оставаясь въ укрѣпленіи, мы несли только напрасную потерю, Дан-

---

[1]) Базанкуръ, т. II, 66.

ненбергъ приказалъ батальонамъ трехъ полковъ 11-ой дивизіи перейти снова въ наступленіе, но едва только они бросились впередъ и потѣснили было англичанъ, какъ на помощь имъ прибыли французы, появившіеся на лѣвомъ флангѣ нашего расположенія.

— Братцы, турки заходятъ во флангъ! — кричали солдаты, замѣтившіе зеленыя чалмы зуавовъ.

„Теперь Франція,—восклицаетъ Базанкуръ,—подала руку помощи Англіи и спѣшила принять участіе въ сраженіи".

Долго англичане отстаивали свою самостоятельность, хотѣли одни выдержать упорный бой съ русскими войсками, но подъ конецъ принуждены были сознать, что посторонняя помощь имъ необходима. Лордъ Рагланъ послалъ просить содѣйствія Боске.

— Allez dire à nos alliés,—сказалъ послѣдній посланному,—que les François arrivent au pas de coures.

Боске тотчасъ же послалъ приказаніе генералу Бурбаки, ближе другихъ находившемуся къ мѣсту боя, немедленно атаковать лѣвый флангъ русскихъ. Схвативши $2^1/_2$ батальона и 12 орудій, Бурбаки съ неимовѣрнымъ увлеченіемъ бросился на помощь англичанамъ. Прибывши на мѣсто и расположившись правѣе своихъ союзниковъ, Бурбаки выдвинулъ впередъ батарею и при содѣйствіи ея выстрѣловъ бросился въ атаку. Батальный огонь русскихъ войскъ остановилъ наступавшихъ; французы смѣшались и отступили назадъ, а батальоны 11-й дивизіи тотчасъ же перешли въ наступленіе. Огонь французской артиллеріи наносилъ значительный вредъ нашимъ войскамъ, но одушевленіе ихъ было безпредѣльно. Сплошною стѣною шли они впередъ, опрокидывая все встрѣчавшееся на пути. Поднявшись на небольшую возвышенность, якутцы увидѣли передъ собою нѣсколько орудій. Передки съ выносами, въ 6-ть сѣрыхъ лошадей каждый, подъѣзжали къ орудіямъ медленнымъ шагомъ.

— Неужели это наша артиллерія?—спросилъ офицеръ Якутскаго полка Толпыго у своего полковаго командира, полковника Бялаго, и получилъ было удовлетворительный отвѣтъ, но залпъ картечи, не далѣе 50 саженъ, разубѣдилъ ихъ обоихъ.

Въ одно мгновеніе перебѣжавши оврагъ, раздѣлявшій ихъ съ непрія-

телемъ, якутцы бросились на батарею и на прикрывавшую ее пѣхоту [1]). Произошла одна изъ тѣхъ страшныхъ, но недолговременныхъ схватокъ, которая ограничивается однимъ ударомъ и кончается пораженіемъ одной изъ сторонъ. Два орудія, не успѣвшія уѣхать, были взяты [2]), французы были совершенно разбиты и отброшены, но отступали медленно, шагъ за шагомъ, поддерживая непрерывный ружейный огонь и иногда останавливаясь, чтобы дать нѣкоторый отпоръ напиравшимъ на нихъ батальонамъ 11-й дивизіи.

Въ порывѣ всеобщаго воодушевленія, какъ бы не чувствуя наносимыхъ ударовъ, наши войска шли все впередъ и впередъ, гнали передъ собой французовъ и въ то время, когда Якутскій и Охотскій полки наступали съ фронта, стрѣлки Селенгинскаго полка успѣли опередить непріятеля и появились у него въ тылу. Еще нѣсколько мгновеній, и блестящая побѣды была бы за нами, но, къ сожалѣнію, истощеніе нашихъ войскъ дошло до крайности: всю предъидущую ночь они не спали; ночь съ 22-го на 23-е число провели въ передвиженіи, цѣлый почти день 24-го были въ бою, не ѣли и не пили съ 2-хъ часовъ ночи и наконецъ принуждены были ходить по дурнымъ дорогамъ и лазить по крутымъ горамъ. Оставленные безъ всякой поддержки, предоставленные собственнымъ силамъ, ежеминутно убывающимъ отъ непріятельскаго огня, наши солдаты совершенно изнемогали, а поддержки не было.

Это была критическая минута для обѣихъ сторонъ, какъ вдругъ около 11-ти часовъ утра поле сраженія огласилось пронзительнымъ звукомъ рожка, возвѣстившаго прибытіе новыхъ силъ французовъ, подъ личнымъ начальствомъ Боске, прибѣжавшаго съ батальономъ зуавовъ, батальономъ алжирскихъ стрѣлковъ и четырьмя эскадронами африканскихъ конныхъ егерей. За этимъ отрядомъ спѣшили три батальона бригады д'Отмара, расположившіяся впослѣдствіи возлѣ укрѣпленія № 1-го, и три

---

[1]) Записки бывшаго офицера Якутскаго полка, отставнаго штабсъ-капитана А. С. Толпыго.

[2]) Бросившійся на батарею, съ своею ротою, Якутскаго полка поручикъ Лесевичъ захватилъ эти орудія и хотѣлъ ихъ отправить какъ трофей съ поля сраженія, но въ это время подскакалъ одинъ изъ генераловъ, приказалъ выпречь лошадей, отвести ихъ къ себѣ, а орудія оставить на мѣстѣ (Изъ разсказа В., очевидца этого происшествія).

батальона изъ дивизіи принца Наполеона подъ начальствомъ генерала Моне, ставшіе у укрѣпленія № 2-го.

Англичане привѣтствовали своихъ союзниковъ радостнымъ крикомъ, пролетѣвшимъ по всему англійскому строю. По прибытіи на мѣсто боя, Боске тотчасъ же ввелъ въ дѣло свои два батальона. Наступавшіе селенгинцы и якутцы были остановлены, и переломъ сраженія перешелъ на сторону непріятеля. Встрѣченные свѣжими войсками, наши полки, измученные продолжительнымъ боемъ, принуждены были спуститься въ оврагъ и отступить. Отступленіе это совершалось въ порядкѣ, медленно и съ большимъ упорствомъ, вызвавшимъ удивленіе самихъ враговъ.

„Судьба сраженія еще колебалась,—пишетъ очевидецъ, корреспондентъ „Morning-Chronicle“, — когда прибывшіе къ намъ на помощь французы атаковали лѣвый флангъ непріятеля. Съ этой минуты русскіе не могли уже надѣяться на успѣхъ, но, несмотря на это, въ рядахъ ихъ незамѣтно было ни малѣйшаго колебанія и безпорядка. Поражаемые огнемъ нашей артиллеріи, они смыкали ряды свои и храбро отражали всѣ атаки союзниковъ, напиравшихъ на нихъ съ фронта и съ фланга. Минутъ по пяти длилась иногда страшная схватка, въ которой солдаты дрались то штыками, то прикладами. Нельзя повѣрить, не бывши очевидцемъ, что есть на свѣтѣ войска, умѣющія отступать такъ блистательно, какъ русскія. Преслѣдуемые всею союзною полевою артиллеріею, батальоны ихъ отходили медленно, поминутно смыкая ряды и повременамъ бросаясь въ штыки на союзниковъ. Это отступленіе русскихъ Гомеръ сравнилъ бы съ отступленіемъ льва, когда, окруженный охотниками, онъ отходитъ шагъ за шагомъ, потрясая гривою, обращаетъ гордое чело къ врагамъ своимъ и потомъ снова безбоязненно продолжаетъ путь, истекая кровью отъ многихъ ранъ, ему нанесенныхъ, но непоколебимо мужественный, не побѣжденный“.

Несмотря на то, что батареи непріятеля, подойдя на разстояніе не далѣе 150 саженъ, осыпали отступавшихъ градомъ картечи, полки отходили шагъ за шагомъ и отбивались до тѣхъ поръ, пока не были прикрыты выдвинутыми изъ резерва двумя полками Владимірскимъ и Суздальскимъ.

Пролежавъ до двѣнадцатаго часа въ лощинѣ, оба полка эти были двинуты на лѣвый флангъ къ Каменоломному оврагу, для поддержанія

отступавшихъ полковъ 11-й пѣхотной дивизіи. Пройдя оврагъ, потомъ незначительную высоту и опять оврагъ, владимірцы, при подъемѣ своемъ на плато, явственно слышали долетавшіе до нихъ съ правой стороны русскіе и непріятельскіе сигналы, но по сбивчивой перемѣшанности ихъ „о ходѣ боя и о движеніи нашей и непріятельской линій никакого точнаго заключенія вывести было нельзя“ [1]). Поднявшись на плато, Владимірскій, а за нимъ Суздальскій полкъ очутились въ виду непріятельской батареи № 1-го. Перестроивши передовые батальоны въ ротныя колонны и выславъ впередъ застрѣльщиковъ, Владимірскій полкъ, подъ предводительствомъ полковника барона Дельвига, двинулся въ атаку. Суздальскій же полкъ, получившій приказаніе остановиться, не принималъ участія въ дѣлѣ. Шедшіе впереди застрѣльщики Владимірскаго полка кричали, что непріятель оставляетъ батарею и что его тамъ не много, но когда полкъ подошелъ къ укрѣпленію на разстояніе нѣсколькихъ саженъ отъ бруствера, онъ былъ встрѣченъ батальнымъ огнемъ появившихся за укрѣпленіемъ зуавовъ. Полкъ остановился, завязалъ перестрѣлку, а потомъ, когда Боске, подкрѣпленный бригадою д'Отмара, перешелъ въ наступленіе, то владимірцы стали отступать, спустились въ оврагъ, повернули въ долину Черной рѣчки и, выйдя на Саперную дорогу, пошли въ Севастополь.

На Киленъ-балочномъ плато остались теперь только артиллерія и три полка сводной дивизіи, которые необходимы были для прикрытія отступленія.

Генералъ Данненбергъ, видя, что участь боя рѣшена окончательно, и сознавая всю затруднительность отступленія, по мѣстности, изрытой неудобными спусками и крутыми скатами, приказалъ отступать какъ батареямъ, такъ и остальнымъ тремъ полкамъ сводной дивизіи.

Солнышко освѣтило на мгновеніе окровавленныя высоты Инкермана. Картина всеобщаго разрушенія открылась передъ глазами каждаго, кто имѣлъ случай оглянуться на мѣсто недавняго побоища. Множество убитыхъ людей и лошадей, обломки оружія были разбросаны въ безпорядкѣ и въ различныхъ направленіяхъ. Тамъ, гдѣ стояла артиллерія, валялись ящики, разбитые лафеты, колеса, лошади и кучами лежали обезображен-

---

[1]) Очеркъ изъ Крымской войны, А. Разина. Сборникъ рукоп., т. II, 225.

ныя тѣла артиллеристовъ. Небольшой кустарникъ былъ сильно помятъ проходившими войсками и во многихъ мѣстахъ изломанъ пролетавшими снарядами. Между кустами и по всему полю шевелились и ползли раненые. По временамъ одни изъ нихъ порывисто вскакивали на ноги, безсмысленно озирались вокругъ и опять падали на землю, истекая кровью; другіе, не желая оставаться въ рукахъ непріятеля, ползкомъ пробирались къ Севастополю, слѣдомъ за отступавшими войсками.

Главнокомандующій, замѣтивъ общее отступленіе, подскакалъ къ генералу Данненбергу.

— Вы велѣли отступить?—спросилъ кн. Меншиковъ.

Данненбергъ отвѣчалъ утвердительно.

— Но намъ невозможно отступать,—замѣтилъ князь.

— Мы употребили всѣ усилія,—отвѣчалъ Данненбергъ, — люди дрались, какъ львы, они слишкомъ утомлены; полки и артиллерія разстроены, и потому я вынужденъ былъ отдать приказаніе отступать.

— Здѣсь надо остановить,—замѣтилъ кн. Меншиковъ.

— Ваша свѣтлость,—отвѣчалъ Данненбергъ—здѣсь нельзя остановить, здѣсь можно только всѣхъ положить. Впрочемъ, если вы полагаете возможнымъ продолжать наступать, то прошу отдать приказаніе, а съ меня сложить командованіе.

Кн. Меншиковъ, не отвѣтивъ ни слова, повернулъ лошадь и поѣхалъ по направленію къ Севастополю [1]).

Войска наши расходились по двумъ направленіямъ: полки колонны Павлова отступали къ мосту на Черной рѣчкѣ, а войска отряда Соймонова пошли въ Севастополь, куда направилась и вся артиллерія, остававшаяся на высотахъ до конца сраженія и снявшаяся съ позиціи только около 2 $^1/_2$ часовъ по полудни.

Отступленіе артиллеріи сопряжено было съ большими затрудненіями. Обѣ батарейныя батареи 10-й и 16-й артиллерійскихъ бригадъ, потерявши почти всѣхъ офицеровъ, каждая отъ 40 до 60 человѣкъ прислуги и лишившись отъ 60 до 80 лошадей на батарею, принуждены

---

[1]) Воспоминанія Георгія Чаплинскаго. Сборникъ рукописей, т. II, 93.

были бросить на полѣ сраженія свои пустые зарядные ящики [1]), чтобы только спасти орудія, изъ коихъ многія пришлось везти съ большимъ затрудненіемъ. Такъ напримѣръ въ третьемъ дивизіонѣ батарейной № 1-го батареи 10-й артиллерійской бригады, подъ однимъ орудіемъ осталось только двѣ лошади, изъ коихъ одна была ранена; другое орудіе не имѣло вовсе лошадей, и передокъ его былъ разбитъ непріятельскими выстрѣлами, такъ что пришлось зацѣпить его отвозомъ за шедшее впереди орудіе, запряженное только парою лошадей. Если бы не особое рвеніе и хладнокровіе прислуги, то нѣкоторыя изъ орудій этихъ батарей неминуемо остались бы въ рукахъ непріятеля. Люди, безъ всякаго приказанія, перебѣгали отъ одного орудія къ другому, тащили ихъ на себѣ, помогали лошадямъ и при этомъ находили еще возможнымъ отстрѣливаться [2]).

При такихъ условіяхъ артиллерія не могла двигаться скоро и отступала весьма медленно, шагъ за шагомъ, подвергаясь ежеминутной опасности быть захваченною непріятелемъ.

Боске, замѣтивши всеобщее отступленіе нашихъ войскъ, напиралъ на нихъ все сильнѣе и сильнѣе. Дойдя до верховьевъ Воловьей балки, онъ поставилъ на высотѣ батарею и сталъ громить ея выстрѣлами войска, тянувшіяся по мосту и Инкерманской гати. Въ то же самое время неподалеку отъ Каменоломни показался батальонъ англичанъ, которые, спустившись съ высотъ и разсыпавши густую цѣль стрѣлковъ, открыли также весьма сильный штуцерный огонь по отступавшимъ.

У моста и на гати столпились въ огромную кучу множество солдатъ разныхъ полковъ, наводнившихъ собою все пространство отъ отвѣсныхъ береговъ горы до самой Черной рѣчки. Офицеры силились разсортировать солдатъ по полкамъ, но всѣ усилія ихъ оставались напрасными. Между

---

[1]) Батарейная № 1-го батарея 10-й артиллерійской бригады оставила семь, а батарейная № 1-го батарея 16-й артиллерійской бригады три пустые зарядные ящика. Общая убыль лошадей въ батареяхъ простиралась до 483. Рап. ген.-маіора Кишинскаго. Арх. канц. воен. минист. по снаряженію войскъ, д. № 110. См. публичныя чтенія генер. Крыжановскаго, стр. 87.

[2]) Записка подполковника Толпыго (рукоп.). За Инкерманское сраженіе 10-я артиллерійская бригада была удостоена лестной награды назначеніемъ шефомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, при чемъ 1-я батарея была переименована въ 1-ю батарейную батарею Его Императорскаго Высочества генералъ-фельдцейхмейстера.

собравшимися тѣснились полуфурки съ турами, ранеными, и тутъ же перевязывались раны. Перевязка эта производилась самымъ первобытнымъ образомъ, да и самый перевязочный пунктъ былъ импровизованный. „Ни флага не выкинуто,—говоритъ одинъ изъ участниковъ [1]),—для обозначенія этого важнаго мѣста, ни столовъ, не только деревянныхъ не привезено для ампутаціи, но даже ни одного походнаго стула не оказалось, на который можно было бы посадить ампутируемаго; большую часть операцій доктора должны были дѣлать раненымъ стоявшимъ, лежавшимъ, либо посадивъ ихъ на туры или фашины, снятые съ полуфурковъ, тутъ же стоявшихъ, въ ожиданіи переѣзда на ту сторону“.

Собственно говоря передъ началомъ сраженія, мѣсто для перевязочнаго пункта было назначено, не доходя до Инкерманскаго моста, у фонтана, но потомъ, видя, что многіе могутъ умереть отъ потери крови, прежде чѣмъ дойдутъ или будутъ донесены до перевязочнаго пункта, устроили его, перейдя мостъ, на лѣвомъ берегу Черной рѣчки. Доктора расположились близъ самаго моста, не заботясь о безопасности, такъ что когда французы открыли огонь, то одинъ изъ первыхъ непріятельскихъ снарядовъ прорикошетировалъ вдоль перевязочнаго пункта.

При первыхъ выстрѣлахъ толпы раненыхъ торопились уйти изъ-подъ огня: одни изъ нихъ садились на гребныя суда, присланныя вице-адмираломъ Нахимовымъ, лично распоряжавшимся нагрузкою и оправленіемъ ихъ въ городъ; другіе старались переправиться черезъ мостъ, гдѣ толпились люди различныхъ полковъ, гдѣ происходила ужасная суматоха и давка. „Раненые запрудили собою мостъ и гать, отъ него ведущую: множество этихъ, едва бредущихъ людей, остановило движеніе артиллеріи по мосту; многіе, истекая кровью и не имѣя силъ идти дальше, легли тутъ же на мосту или на гати; зарядные ящики не могли ѣхать; на мосту произошла и суета и суматоха, какихъ и вообразить себѣ не возможно“.

Пользуясь огромнымъ скопленіемъ народа у моста, непріятельская артиллерія и стрѣлки сыпали гранаты и пули безъ промаха и наносили значительное пораженіе. Въ общей суматохѣ, войска, оставленныя для

---

[1]) Походныя записки Алабина, ч. II, 88.

охраненія моста, переправились въ числѣ первыхъ на правый берегъ рѣки Черной, и мостъ остался вовсе безъ прикрытія. Вся его защита состояла изъ 30-ти гребцовъ съ ружьями и 20-ти рабочихъ съ топорами. Завѣдывавшій мостомъ лейтенантъ Сатинъ, не получая никакихъ распоряженій, не зналъ, что ему дѣлать. Увидя шагахъ въ пятидесяти отъ себя вице-адмирала Нахимова, Сатинъ обратился къ нему за разъясненіемъ недоразумѣній.

— L'ennemi s'approche,—закричалъ онъ,—que faire avec le pont?[1])

— Brulez! (Сожгите)—отвѣчалъ Нахимовъ, но потомъ, подумавши, прибавилъ: ломайте и переходите на правую сторону.

Ломать мостъ было невозможно; на немъ была давка и сплошная стѣна переправлявшихся, а между тѣмъ англійскіе стрѣлки подходили все ближе и ближе, какъ вдругъ совершенно неожиданно они были осыпаны ядрами и гранатами съ парохода „Херсонесъ", подтянувшагося почти къ самому устью Черной рѣчки [2]). Англичане остановились, произвели еще нѣсколько выстрѣловъ и затѣмъ отступили.

Одновременно съ открытіемъ огня съ „Херсонеса", стоявшій рядомъ съ нимъ, противъ Сушильной балки, пароходъ „Владиміръ" открылъ столь мѣткій огонь противъ французовъ, что заставилъ и ихъ отступить въ самомъ непродолжительномъ времени. Отойдя отъ гребня горы, союзники расположили свои батареи на пространствѣ между Микрюковой балкою и укрѣпленіемъ № 1-го и, прикрывъ ихъ выдвинутою впередъ цѣпью стрѣлковъ, провожали своими выстрѣлами оставшуюся на полѣ сраженія только одну артиллерію, медленно двигавшуюся по Саперной дорогѣ.

Хотя артиллерійскій огонь непріятеля по дальности разстоянія и не могъ наносить намъ большаго вреда, тѣмъ не менѣе однимъ изъ выстрѣловъ было подбито нѣсколько впереди шедшихъ повозокъ, послужившихъ причиною остановки всей линіи. Видя остановку ничѣмъ не прикрытыхъ орудій, непріятельскіе стрѣлки снова бросились впередъ и, пользуясь кустарникомъ, такъ близко подошли къ орудіямъ, что легко могли захватить ихъ въ свои руки.

---

[1]) Непріятель приближается,—закричалъ онъ,—что дѣлать съ мостомъ?

[2]) Переправа черезъ Черную 24-го октября, капитана 2-го ранга А. Сатина (рукоп.).

Остававшійся еще на полѣ сраженія полковникъ Тотлебенъ тотчасъ остановилъ роту Углицкаго полка, разсыпалъ ее въ цѣпь и вслѣдъ за тѣмъ догналъ отступавшій въ хвостѣ колонны Бутырскій полкъ.

— Бутырцы, впередъ!—крикнулъ Тотлебенъ,—за мной, и лично повелъ одинъ батальонъ, за которымъ послѣдовали и прочіе батальоны этого полка [1]).

Потѣснивши непріятельскихъ застрѣльщиковъ, бутырцы остановились въ боевой линіи и прикрыли артиллерію. Два батальона этого полка стали въ первой линіи въ ротныхъ колоннахъ, а остальные два въ резервѣ. Къ нимъ присоединились четыре орудія легкой № 2-го батареи подъ начальствомъ подполковника Розенталя, по приказанію котораго и былъ тотчасъ же открытъ огонь [2]).

Почти одновременно съ этимъ прибѣжалъ и Владимірскій полкъ, расположившійся правѣе Бутырскаго полка. Полкъ этотъ, слѣдуя по Саперной дорогѣ въ Севастополь, получилъ приказаніе главнокомандующаго вернуться назадъ и бѣгомъ спѣшить для прикрытія орудій. На пути владимірцы были встрѣчены Ихъ Императорскими Высочествами Великими Князьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами.

— Вы были въ огнѣ, — сказали они владимірцамъ, — а теперь вамъ предстоитъ защищать орудія.

Совокупнымъ огнемъ этихъ двухъ полковъ и четырехъ орудій, къ которымъ присоединилось еще нѣсколько, непріятель принужденъ былъ отступить, а между тѣмъ лейтенантъ Скарятинъ, посланный въ Севастополь къ контръ-адмиралу Истомину просить людей, для помощи артиллерійской прислугѣ, привелъ два батальона матросовъ 36-и 39-го экипажей подъ начальствомъ капитана 2-го ранга Воеводскаго. При содѣйствіи моряковъ и нижнихъ чиновъ двухъ полковъ путь для артиллеріи былъ расчищенъ, причемъ многія орудія пришлось подымать на рукахъ.

Прикрывавшія артиллерію войска оставались на мѣстѣ около шести часовъ, пока по грязному спуску и подъему Киленъ-балки спустили и втащили около 30-ти орудій. У нѣкоторыхъ изъ нихъ были подбиты лафеты и недоставало значительнаго числа лошадей; матросы впрягались

---

[1]) Записка Шадрина (рукоп.). Записка полковника Л. Щировскаго (рукоп.).

[2]) Рапортъ полковника Загоскина отъ 23-го ноября № 867.

въ орудія и тащили ихъ въ городъ. Эта потребность, за убылью и усталостью лошадей, дотого увеличилась, что, подходя къ городу, изъ двухъ экипажей оставался свободнымъ лишь одинъ взводъ [1]).

Только въ $8^1/_2$ часовъ вечера артиллерія отступила въ Севастополь, а вслѣдъ за нею отступили и прикрывавшіе ее Владимірскій и Бутырскій полки [2]).

Смолкли выстрѣлы на Инкерманскихъ высотахъ, и наступилъ вечеръ 24-го октября. Медленно и не весело подходили наши солдатики къ оставленнымъ утромъ бивуакамъ. Разстроенные ряды ихъ теперь только начали смыкаться; многихъ товарищей не доставало. Отступая подъ огнемъ непріятеля, мы оставили большую часть убитыхъ и много раненыхъ на полѣ битвы, оставили тамъ много оружія и аммуниціи. Сумрачны были закоптѣлыя лица солдатъ, ихъ одежда, покрытая грязью и обрызганная кровью, служила напоминаніемъ всѣхъ ужасовъ только-что кончившагося сраженія.

За отступавшими тянулась, оставляя кровавый слѣдъ, непрерывная цѣпь раненыхъ, не желавшихъ идти въ госпиталь. Измученные ранами, голодомъ, жаждой и усталостью, они садились кучками близъ дороги. Среди ихъ очутилась старушка - матроска, пришедшая неизвѣстно откуда. У нея было готовое тѣсто въ горшкѣ, сковорода, немного дровецъ и постное масло въ пузырькѣ. Въ одну минуту раздула она огонь, запалила свою походную печь, заворчало масло на горячей сковородѣ, и жареные аладьи подкрѣпляли силы раненыхъ.

Старуха одѣляла всѣхъ, пока было тѣсто. Солдатики пробовали раз-

---

[1]) Записка флигель-адъютанта капитана 1-го ранга Шмидта (рукоп.). Воспом. и разсужденія В. Стеценко. Сборникъ рукоп., т. I, 250. Очерки Крымской войны, А. Разина. Сборн. рукоп., т. II, 231.

[2]) Спустя нѣсколько дней послѣ сраженія командиръ Бутырскаго полка, генералъ-маіоръ Ѳедоровъ, просилъ ходатайства главнокомандующаго о зачисленіи въ Бутырскій полкъ полковника Тотлебена, съ правомъ ношенія мундира этого полка, и о награжденіи нижнихъ чиновъ, независимо отъ общихъ наградъ за сраженіе, собственно за прикрытіе артиллеріи по одному знаку военнаго ордена на роту. Въ 1855 году 3-й и 4-й батальоны Бутырскаго полка получили Георгіевскія знамена съ надписью на скобахъ: «За отличіе, оказанное въ сраженіи 24-го октября 1854 года на Инкерманскихъ высотахъ».

считываться, но благодѣтельная женщина отказывалась отъ платы и обижалась, говоря: „развѣ не хотите принять отъ меня трудовъ“ [1]).

Вышло все тѣсто—скрылась и старуха. Никто не знаетъ ея имени, но знаетъ ее Всевѣдующій и, услышавъ искреннюю солдатскую молитву, пошлетъ ей свое благословеніе. . . .

Измученные и разстроенные пришли наши полки на позицію; грустна и пустынна показалась она имъ. Съ какимъ-то тяжелымъ чувствомъ всматривались они въ шалаши, въ которыхъ такъ весело проводили канунъ битвы.

„Въ трепетаньѣ засохшихъ вѣтокъ,—говоритъ одинъ изъ участниковъ боя,—покрывавшихъ наши жилища, будто слышались: упрекъ и вопросъ, гдѣ же ночевавшіе здѣсь? развѣ они не возвратились? Вчера въ этихъ самыхъ шалашахъ раздавались свирѣль, громкія пѣсни; сегодня въ нихъ и кругомъ слышны однѣ молитвы. Вчера здѣсь было тѣсно, во всякомъ шалашѣ помѣщалось по четыре, по пяти и даже по семи человѣкъ, сегодня въ нихъ два-три человѣка, да и тѣ угрюмо выглядывали оттуда. Вчера были здѣсь говоръ, шумъ, игра; сегодня грусть, пустота, скука...

„Солнце садилось. Шла перекличка наличнымъ людямъ и разсчетъ. Въ эту минуту послышалось не вдалекѣ, гдѣ-то на высокомъ дубу, заунывное кукованье кукушки, дополнившее печальную картину нашего бивуака послѣ Инкерманскаго дѣла“ [2]). . . .

Итакъ, несмотря на всеобщее воодушевленіе русскихъ войскъ, на геройское ихъ мужество и стойкость, достойныя полнаго удивленія, попытка отбросить англичанъ и утвердиться на высотахъ не увѣнчалась успѣхомъ.

Сраженіе 24-го октября, несмотря на всѣ надежды, па него возлагаемыя, кончилось неудачею, хотя наступленіе на Сапунъ-гору произведено было при самыхъ выгодныхъ для насъ условіяхъ. Превышая въ силахъ союзниковъ, мы, пользуясь беззащитностію англичанъ,—на которой было основано все вѣроятіе успѣха,—не только успѣли подняться на высоты, но скрытно подойти и атаковать непріятеля совершенно не-

[1]) Алабинъ. Походныя записки, ч. II, 204.
[2]) Матер., выпус. IV, 185.

ожиданно. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ успѣхъ долженъ былъ склониться на нашу сторону, что мы должны были побѣдить врага, но вышло не такъ,—мы отступили съ большою потерею.

Что же было причиною такого исхода?

Неудача наша въ Инкерманскомъ сраженіи произошла не отъ одной какой-либо случайной причины, неожиданно явившейся во время самаго боя, но она была слѣдствіемъ совокупности явленій, какъ предшествовавшихъ, такъ и сопутствовавшихъ сраженію.

Чтобы прослѣдить ихъ, мы должны вернуться назадъ, вспомнить тѣ распоряженія, которыя предшествовали сраженію, и повторить вкратцѣ весь ходъ боя отъ начала до конца.

Наканунѣ сраженія до 5-ти часовъ по полудни, не только войска, но главные начальники колоннъ и ближайшіе распорядители боя не знали въ точности ни намѣреній главнокомандующаго, ни направленія, въ которомъ будетъ произведено предполагаемое наступленіе. Только вечеромъ была доставлена въ отряды диспозиція, крайне неопредѣленнаго содержанія, диспозиція, не свѣренная съ картами, написанная съ плохимъ разсчетомъ времени для начала движенія колоннъ и не выражавшая въ точности намѣреній главнокомандующаго.

Предпринимая нападеніе и назначая для того болѣе 70-ти батальоновъ, князь Меншиковъ, выразивши, въ своей диспозиціи, неважную цѣль потѣснить англичанъ, устранилъ себя отъ участія въ подробностяхъ распоряженій. Онъ разбросалъ ихъ по рукамъ подчиненныхъ: Нахимову приказалъ строить мостъ, а Павлову наводить его; Данненбергу поручилъ командовать, при извѣстныхъ условіяхъ, а Соймонову и Павлову — писать диспозиціи. Предоставивши всѣмъ дѣйствовать по усмотрѣнію, главнокомандующій не оживилъ эти дѣйствія одною общею идеею, не свѣрилъ отдѣльныхъ предположеній и не придалъ имъ характера точности и опредѣленности. Войска шли въ бой, не зная куда и зачѣмъ идутъ? Они не знали ни расположенія непріятеля, ни мѣстности, на которой имъ приходилось дѣйствовать.

Порученіе изложить подробности для предстоящихъ дѣйствій каждаго отряда, какъ мы видѣли, поставило въ большое затрудненіе какъ Соймонова, такъ и Павлова. На выручку къ нимъ является генералъ Данненбергъ, который, точно также, не понявъ сначала намѣреніе глав-

нокомандующаго, отдаетъ приказанiе и вслѣдъ затѣмъ измѣняетъ его. Данненбергъ пишетъ свою диспозицiю, по которой сначала притягиваетъ отрядъ Соймонова къ Черной рѣчкѣ, для прикрытiя переправы колонны Павлова, съ тѣмъ, чтобы по окончанiи ея наступать одновременно всѣми силами, но потомъ измѣняетъ свою диспозицiю и дѣлаетъ новое распоряженiе. Признавая, совершенно справедливо, что для болѣе вѣроятнаго успѣха выгоднѣе дѣйствовать по обѣимъ сторонамъ Киленъ-балки, генералъ Данненбергъ предложилъ Соймонову наступать по лѣвому ея берегу, а Павлову—по правому. Получивши это послѣднее распоряженiе, Соймоновъ, какъ мы видѣли, не встрѣтилъ въ немъ недоразумѣнiй, тотчасъ же сдѣлалъ распоряженiе, чтобы главный резервъ его колонны, состоявшiй изъ сводной дивизiи подъ начальствомъ генерала Жабокритскаго, слѣдовалъ за правымъ его флангомъ, такъ какъ лѣвый флангъ былъ обезпеченъ трудно доступнымъ берегомъ Киленъ-балки.

Не сомнѣваясь въ успѣхѣ дѣйствiй, заранѣе увѣренный въ побѣдѣ, Соймоновъ трогается съ мѣста ранѣе условленнаго времени [1]) и, въ сопровожденiи проводника, сбивается съ пути, переходитъ черезъ Киленъ-балку и подымается по правому ея берегу. Замѣтилъ ли свою ошибку Соймоновъ, или не замѣтилъ—это все равно, потому что въ обоихъ случаяхъ для него не было возврата. Соймоновъ долженъ былъ сознать, что всякое колебанiе съ его стороны и попытка исправить ошибку можетъ быть замѣчена англичанами, уничтожитъ всѣ выгоды нечаяннаго нападенiя и поставитъ въ весьма затруднительное положенiе не только его отрядъ, но и отрядъ Павлова, которому не представлялось тогда ника-

---

[1]) Нѣкоторые утверждаютъ, что причиною ранняго выступленiя Соймонова было предписанiе, полученное имъ отъ генерала Данненберга, но это несправедливо. Въ диспозицiи главнокомандующаго было сказано, что Соймоновъ долженъ начать наступленiе отъ Киленъ-балки въ 6 часовъ утра, *сдѣлавъ предварительно выдвиженiе* изъ города; въ предписанiи же Данненберга ему приказано было начать движенiе въ 5 часовъ утра отъ Малахова кургана. Если бы Соймоновъ двинулся въ 5 часовъ утра, какъ было предписано, то выводъ отряда изъ-за оборонительной линiи, переходъ до Киленъ-балки и установка войскъ въ боевой порядокъ должны были занять не менѣе часа времени, и онъ могъ начать наступленiе никакъ не ранѣе 6 часовъ утра — времени, указаннаго диспозицiею главнокомандующаго.

кой возможности, подъ огнемъ непріятеля, взобраться на крутыя возвышенности Сапунъ-горы.

Рѣшившись двинуться впередъ, не ожидая присоединенія отряда Павлова, Соймоновъ думалъ искупить свою ошибку нечаянностію своего появленія въ непріятельскомъ лагерѣ и стремительностію атаки. Увлеченный быстротою натиска и находясь въ боевой линіи, онъ забылъ обезпечить свой лѣвый флангъ и не перемѣстилъ для того главнаго резерва, который все время слѣдовалъ вдоль Киленъ-балки, хотя присутствіе его за лѣвымъ флангомъ было бы болѣе полезно.

Выстрѣлы на Инкерманскихъ высотахъ возвѣстили, что три полка изъ двѣнадцати и 22 батарейныхъ орудія изъ 134, назначенныхъ для атаки, вступили уже въ дѣло съ непріятелемъ; остальныя же войска находились далеко еще отъ мѣста боя. Генералъ-маіоръ Жабокритскій съ цѣлою дивизіею и 16-ю легкими орудіями, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній, остановился въ лощинѣ, верстахъ въ двухъ отъ боевой линіи, а отрядъ Павлова только еще началъ переправу черезъ Черную рѣчку.

Введенные въ дѣло три полка отряда Соймонова оказали чудеса храбрости, взяли батарею, ворвались въ англійскій лагерь, захватили непріятельскія орудія, но скоро положенъ былъ предѣлъ ихъ побѣднаго шествія. Соймоновъ былъ смертельно раненъ; лица, принимавшія послѣдовательное начальство, также выбили изъ строя, — войска остались безъ руководителей. Изъ трехъ полковъ образовалась одна общая толпа, не знающая, что дѣлать: наступать, стоять и отбиваться, или отступать и тогда куда именно? Среди ихъ не было ни одного начальника и не получалось никакихъ приказаній. Генералъ Данненбергъ, прикованный къ отряду Павлова, находился еще у Черной рѣчки, внизу, а главнокоман дующій еще далѣе назади. Оба они слышали выстрѣлы, свидѣтельство вавшіе, что на высотахъ происходитъ горячій бой, но не получая, за смертью Соймонова, никакихъ донесеній, не знали, что происходитъ въ боевой линіи. Единственный и ближайшій къ дѣйствующимъ войскамъ генералъ Жабокритскій, весьма долгое время, лежалъ въ лощинѣ, не оказывая никакого содѣйствія передовымъ полкамъ, которые, будучи предоставлены самимъ себѣ и разстроены въ своемъ составѣ, спустились въ Киленъ-балку и отступили къ Севастополю.

Только теперь и именно тогда, когда дѣло отступившихъ полковъ было уже проиграно безвозвратно, когда они почти въ теченіе $2^1/_2$ часовъ одни дрались со всею арміею англичанъ, тогда только на мѣсто боя появились два новыхъ полка: Бородинскій и Тарутинскій, которые точно также одиноко, безъ всякой поддержки, вступили въ бой съ англичанами, дрались славно, лихо, но осиленные превосходящимъ въ числѣ непріятелемъ, также отступили въ Камоноломный оврагъ съ такою потерею, что не въ силахъ были возвратиться въ дѣло.

Съ отступленіемъ ихъ закончился первый актъ боя, и наступилъ второй. Генералъ Жабокритскій рѣшился выйти изъ своего бездѣйствія и, двинувшись впередъ, съ двумя полками и двумя батареями, прикрылъ правый флангъ отступившихъ по Киленъ-балкѣ. Лѣвѣе его поднялись на плато три свѣжихъ полка 11-ой пѣхотной дивизіи, которые хотя тотчасъ же были введены въ дѣло, но атаковали англичанъ тогда, когда на помощь къ нимъ спѣшили уже французы и когда борьба оказывалась опять далеко не равною, по численности войскъ двухъ противниковъ. И на этотъ разъ, послѣ жестокой борьбы и превосходныхъ атакъ, мы должны были все-таки отступить, уступая численному превосходству непріятеля.

Возможность подкрѣпленія англичанъ французскими войсками обсерваціоннаго корпуса Боске приписываютъ бездѣятельности Чоргунскаго отряда. Но могъ ли онъ воспрепятствовать отдѣленію части французскихъ войскъ на помощь англичанамъ?

Чоргунскій отрядъ подъ начальствомъ кн. Горчакова состоялъ изъ значительной массы кавалеріи (52 эскадрона и 10 сотенъ) и изъ дивизіи пѣхоты. Нѣтъ сомнѣнія, что кавалерія, введенная въ дѣло на Сапунъ-горѣ, могла быть весьма полезна, но ей надо было открыть туда путь пѣхотою, безъ которой она не могла ничего предпринять.

Всей пѣхоты въ распоряженіи кн. Горчакова было около 15.000 человѣкъ съ 48 орудіями полевой артиллеріи. Противъ этого отряда на Сапунъ-горѣ былъ расположенъ обсерваціонный корпусъ Боске въ 12.409 человѣкъ, прикрытыхъ непрерывною линіею укрѣпленій и батарей, вооруженныхъ 22 орудіями большаго калибра и усиленныхъ постановкою на высотахъ нѣсколькихъ полевыхъ орудій. Правѣе Боске, на скатахъ Сапунъ-горы стояло 4.907 челов. турокъ, далѣе у селен. Кадыкіой 2.778 человѣкъ французовъ, подъ начальствомъ генерала Винуа и

1.912 человѣкъ англичанъ бригады Колинъ-Кемпбеля. Итакъ вся численность непріятеля, противъ котораго долженъ былъ дѣйствовать кн. Горчаковъ съ 15.000 пѣхоты, простиралась до 22.000 человѣкъ, расположенныхъ въ укрѣпленной и трудно доступной позиціи.

Конечно, каждому хорошо извѣстно, что во время боя, для содѣйствія главному отряду иногда приходится жертвовать второстепенными безъ всякой надежды на успѣхъ, съ единственною цѣлію обезпечить результаты болѣе важные, но въ данномъ случаѣ подобная жертва не имѣла никакого значенія и не принесла бы никакой пользы войскамъ, дѣйствовавшимъ на Инкерманскихъ высотахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы князь Горчаковъ, не обращая вниманія на 4.690 человѣкъ непріятельскихъ войскъ, стоявшихъ у селен. Кадыкіой, двинулся бы со всею массою пѣхоты на Сапунъ-гору, то встрѣченный съ дальняго разстоянія огнемъ крѣпостной и осадной артиллеріи, на которую самъ не могъ отвѣчать, онъ не успѣлъ бы дойти до подошвы горы, какъ уже поставленъ бы былъ въ крайне затруднительное положеніе: находящіеся въ тылу его редуты на Кадыкіойскихъ высотахъ были бы заняты непріятелемъ, лѣвый флангъ его подвергался атакѣ турецкой дивизіи, а передъ фронтомъ стоялъ двѣнадцати-тысячный французскій корпусъ, готовый сбросить его при первой попыткѣ подняться на гору. Слѣдовательно, для обезпеченія себя отъ конечнаго пораженія кн. Горчаковъ долженъ былъ оставить въ редутахъ часть войскъ своей дивизіи, за отдѣленіемъ которыхъ у него оставалось свободными только девять батальоновъ, съ которыми не было уже возможности предпринять никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій.

Здѣсь могутъ замѣтить, что, не оставляя въ редутахъ пѣхоты, кн. Горчаковъ могъ обезпечить себя отъ обхода съ тыла перемѣщеніемъ на лѣвый флангъ всей своей кавалеріи, но тогда онъ лишался возможности, въ случаѣ успѣха или требованія генерала Данненберга, ввести ее на гору, и при томъ дѣятельность кавалеріи могла ограничиться только дѣйствіемъ противъ непріятеля, расположеннаго у селен. Кадыкіой, но не обезпечивала кн. Горчакова отъ совокупнаго удара корпуса Боске и турецкой дивизіи, численность которыхъ значительно превышала его силы, не говоря уже о прочихъ преимуществахъ, тѣсно связанныхъ съ характеромъ и условіями мѣстности.

Допустимъ однакоже самый выгодный для насъ случай: что Колинъ-Кемпбель, Винуа и турки не тронулись бы съ мѣста, и что кн. Горчаковъ, дойдя до подошвы горы, бросился со всею своею дивизіею на штурмъ укрѣпленій, то и тогда Боске, при равной почти численности но имѣя громадное преимущество въ нагорномъ положеніи своихъ войскъ, отбросилъ бы наступающихъ и всегда успѣлъ бы оказать содѣйствіе англичанамъ. Помощь эта потребовалась не ранѣе 11-ти часовъ, т.-е. гораздо позже того, какъ кн. Горчаковъ былъ бы отбитъ и припужденъ отступить. Если бы онъ повторилъ свое нападеніе, когда Боске отдѣлилъ часть своихъ войскъ на помощь англичанамъ, то, не имѣя возможности сдѣлать этого скрытно, онъ потерпѣлъ бы точно такую же неудачу. Стоявшіе на Сапунъ-горѣ французы имѣли полную возможность слѣдить съ высоты за каждымъ движеніемъ кн. Горчакова, могли пересчитать по одиночкѣ всѣ его батальоны и имѣли достаточно времени, чтобы, при повторенной атакѣ, притянуть къ этому пункту не введенныя въ дѣло войска генерала Моне [1]) и часть войскъ изъ дивизіи принца Наполеона, предувѣдомленнаго Канроберомъ, что быть можетъ отъ него потребуется помощь.

Послѣ всего сказаннаго, можно развѣ только въ видѣ шутки, или съ какою-нибудь иною цѣлью утверждать, что кн. Горчаковъ могъ предпринять что-либо серьезное; что у него было 22 или, какъ пишутъ другіе, 25 т. войска. Но кто, смотря на дѣло безпристрастно, такъ, какъ оно было, скажетъ, что, имѣя въ своемъ распоряженіи только дивизію пѣхоты, кн. Горчаковъ могъ овладѣть однимъ изъ всходовъ на Сапунъ-гору тогда, когда кн. Меншиковъ, имѣвшій возможность сосредоточить $4^1/_2$ дивизіи, призналъ нападеніе со стороны Чоргуна невозможнымъ и позицію, занятую непріятелемъ, недоступною.

Неудача наша въ Инкерманскомъ сраженіи произошла не отъ нерѣшительности дѣйствій Чоргунскаго отряда, а отъ другихъ обстоятельствъ и прежде всего отъ неправильнаго направленія главной атаки.

Мы остаемся при томъ убѣжденіи, что если бы кн. Меншиковъ, изъ числа наличныхъ войскъ у него бывшихъ (не считая Севастопольскаго

---

[1]) По свидѣтельству барона Базанкура, французы, отдѣляя на помощь англичанамъ часть обсерваціоннаго корпуса Боске, позаботились обезпечить себя на тотъ случай, если бы кн. Горчаковъ вздумалъ перейти въ наступленіе. См. L'éxpedition de Crimée. Т. II, 79.

гарнизона), сосредоточилъ у селен. Чоргунъ всю кавалерію и три съ половиною дивизіи пѣхоты и произвелъ съ ними наступленіе на Сапунъ-гору, въ томъ направленіи, въ которомъ онъ считалъ это возможнымъ до 22-го октября, то поддержанный значительною вылазкою изъ Севастополя, онъ могъ разсчитывать на болѣе вѣроятный успѣхъ. Независимо отъ собранныхъ у Чоргуна трехъ съ половиною дивизій пѣхоты кн. Меншиковъ могъ назначить на вылазку изъ Севастополя не менѣе полутора дивизій [1]).

Наступленіе изъ города могло быть произведено въ двухъ направленіяхъ: противъ французскаго осаднаго корпуса въ томъ направленіи, въ которомъ оно было произведено Тимоѳеевымъ, и съ тѣми войсками, которыя находились въ его распоряженіи. Затѣмъ цѣлая дивизія, направленная противъ праваго франга англійской позиціи и наступающая по правому берегу Киленъ-балки, имѣла полную возможность не только оттѣснить англичанъ, но весьма скоро соединиться съ главнымъ дѣйствующимъ отрядомъ и вмѣстѣ съ нимъ двинуться въ тылъ союзниковъ.

Во всякомъ случаѣ выгоды, пріобрѣтенныя Инкерманскимъ сраженіемъ, въ случаѣ успѣха, никогда не могли сравняться съ тѣми, которыя пріобрѣтались при наступленіи со стороны селен. Чоргунъ. Наступая же изъ Севастополя и овладѣвши частью позиціи англичанъ, мы могли, конечно, утвердиться на высотахъ, но становились сами въ такое положеніе, въ которомъ, при недостаткѣ воды и затруднительной доставкѣ продовольственныхъ и боевыхъ припасовъ, должны были ежеминутно ожидать атаки многочисленнымъ непріятелемъ. Наступая же со стороны Чоргуна, мы дѣйствовали въ тылъ союзниковъ, могли овладѣть Балаклавою и во всякомъ случаѣ отрѣзывали англичанъ отъ единственнаго ихъ опорнаго и складочнаго пункта. Одно овладѣніе Балаклавою ставило уже англичанъ въ безвыходное положеніе. Въ случаѣ неудачи, имѣя свободный путь отступленія, мы не подвергались той опасности, которую испытывали въ Инкерманскомъ сраженіи, и устраненіемъ которой мы обязаны только ненастойчивому преслѣдованію непріятеля. Отсюда слѣдуетъ, что не демонстрація, а главная атака должна была быть произ-

---

[1]) У селен. Чоргунъ могли быть сосредоточены 10-я, 11-я и 12-я дивизіи и бригада 17-й дивизіи, а для вылазки изъ Севастополя можно было назначить всю 16-ю дивизію и отрядъ генерала Тимоѳеева.

ведена со стороны Чоргуна, при чемъ двѣ одновременно произведенныя вылазки изъ Севастополя могли имѣть весьма большое вліяніе на ходъ сраженія.

Такъ сначала понималъ это дѣло и кн. Меншиковъ.

Важность наступленія со стороны Чоргуна и выгодныя послѣдствія, въ случаѣ успѣха, настолько осязательно сознавались самимъ главнокомандующимъ, что, несмотря на неудачу нашу въ Инкерманскомъ сраженіи, кн. Меншиковъ предполагалъ немедленно атаковать союзниковъ съ этой стороны.

„25-го октября,—пишетъ Липранди въ своихъ запискахъ,—я былъ потребованъ къ князю Горчакову, который показалъ мнѣ собственноручное письмо князя Меншикова, въ коемъ онъ, высказывая неудовольствіе свое на дѣйствіе генерала Данненберга, 24-го октября, предлагалъ князю Горчакову, не рѣшится ли онъ атаковать непріятеля, съ войсками, находившимися подъ его начальствомъ, къ коимъ князь Меншиковъ предполагалъ присоединить изъ бывшихъ тогда на другихъ позиціяхъ войскъ, такое число, какое сочтетъ приличнымъ князь Горчаковъ; и если бы по какому-либо случаю князь Горчаковъ не пожелалъ бы принять на себя это предпріятіе, то главнокомандующій просилъ его предложить мнѣ произвести эту атаку.

„Князь Горчаковъ, прочтя письмо его свѣтлости, объявилъ мнѣ, что отказывается отъ подобнаго предпріятія, ибо, послѣ 24-го октября, войска наши были разстроены и деморализованы; начальникъ 10-й пѣхотной дивизіи смертельно раненъ, бригадные командиры за ранами выбыли изъ строя; изъ полковыхъ командировъ нѣкоторые убиты, другіе ранены; наконецъ, много выбыло изъ строя батальонныхъ, а въ особенности ротныхъ командировъ. Кромѣ того, непріятель, опасаясь возобновленія нашей атаки, заложилъ въ ночь на 25-е октября во многихъ мѣстахъ Сапунъ-горы мины, а на дорогахъ сдѣлалъ перекопы, что показали явившіеся, 25-го октября, на Чоргунскую позицію наши подводчики, захваченные въ Балаклавѣ и бѣжавшіе вышеписаннаго числа. Противъ этого я только и могъ сказать князю Горчакову, что и мое мнѣніе то же самое“.

Предложеніе князя Меншикова вновь атаковать союзниковъ было сдѣлано, конечно, при сознаніи, что наступательное движеніе со стороны Севастополя было ошибкою и при томъ такою, прибавимъ мы, которая

послужила поводомъ къ несвоевременному измѣненію плана дѣйствій, поспѣшности всѣхъ распоряженій, крайне неопредѣленныхъ и не выражавшихъ намѣреній главнокомандующаго.

Вообще изъ всего того, что предшествовало Инкерманскому сраженію, дѣйствія князя кн. Меншикова кажутся необъяснимыми. Недѣли за двѣ онъ былъ предувѣдомленъ кн. М. Д. Горчаковымъ объ отправленіи въ Крымъ 10-й и 11-й пѣхотныхъ дивизій; слѣдовательно, главнокомандующему было достаточно времени, чтобы заранѣе обсудить и составить себѣ планъ дѣйствій, который онъ намѣренъ былъ привести въ исполненіе съ прибытіемъ подкрѣпленій. Между тѣмъ прибытіе этихъ войскъ застало кн. Меншикова въ совершенный расплохъ; никакого ни плана, ни соображеній не было составлено. Вмѣсто того, чтобы эти войска, измученныя продолжительнымъ и труднымъ походомъ, сосредоточить у Севастополя и дать имъ нѣсколько дней отдыха, ихъ отправили къ Чоргуну, за тѣмъ только, чтобы потомъ тотчасъ же вернуть къ Севастополю или Инкерману и наконецъ сдѣлать опасное нападеніе.

Незнаніе мѣстности вызвало ошибочное движеніе Соймонова, одного изъ лучшихъ генераловъ нашей арміи — послѣдствіемъ котораго было скученіе войскъ на тѣсномъ пространствѣ восточнаго берега Килень-балки. Наши батальоны по тѣснотѣ мѣста до такой степени были скучены, что представляли собою какъ бы непрерывную сплошную колонну, дозволявшую непріятелю поражать насъ безъ промаха и слѣдовательно наносить огромную потерю, прежде чѣмъ они имѣли возможность броситься въ штыки. Это была сплошная стѣна, въ которой ни одинъ непріятельскій выстрѣлъ не пропадалъ даромъ.

Изъ описанія мѣстности мы видѣли, что наибольшая ширина плато, на которомъ происходило сраженіе, не превосходила 350 саж., а наименьшая имѣла только 60 саженъ. На этомъ пространствѣ должны были помѣститься 22 орудія, занявшія пространство около 84-хъ саженъ и не менѣе 24-хъ ротныхъ колоннъ, которыя, если поставить другъ съ другомъ безъ всякихъ промежутковъ, то по численности своихъ рядовъ и тогдашнему уставу, должны были занять мѣсто не менѣе 250 саженъ длиною. Понятно, что при такой тѣснотѣ, войска, дѣйствовавшія почти все время на самомъ узкомъ мѣстѣ плато, принуждены были толпиться въ нѣсколько линій и, весьма часто раздаваясь въ стороны, закрывать

батареи, лишая ихъ возможности содѣйствовать своими выстрѣлами наступающей пѣхотѣ. По свидѣтельству очевидцевъ, артиллеристы нѣсколько разъ просили очистить мѣсто и дать имъ возможность продолжать огонь.

— Проходите, проходите, братцы, скорѣй!—кричали артиллеристы слѣдовавшимъ мимо ихъ полкамъ.—Не заслоняйте насъ. Изъ-за васъ и насъ перебьютъ: намъ нельзя отвѣчать непріятелю.

По совершенной тѣснотѣ и отсутствію свободнаго мѣста, артиллеріи не было никакой возможности перемѣнить позицію, и оттого она не оказала почти никакого содѣйствія пѣхотѣ. Остановившись на Казачьей горѣ, она дѣйствовала до тѣхъ поръ, пока пѣхота не заслонила батарей. Такое исключительное положеніе артиллеріи было также одною изъ главныхъ причинъ нашей неудачи въ Инкерманскомъ сраженіи. Во все время сраженія мы видимъ полки, бросающіеся въ штыки, безъ поддержки артиллеріи, которая вводится по частямъ и при томъ такъ, что одновременно дѣйствуетъ не болѣе 60 орудій изъ 134, бывшихъ въ отрядахъ генераловъ Соймонова и Павлова. При томъ же эти 60 орудій дѣйствовали только подъ конецъ боя, въ началѣ было выдвинуто только 22, а потомъ 38 орудій.

Такимъ образомъ, лишенные содѣйствія артиллеріи, полки наши, подымаясь разновременно на высоты, не имѣли единства въ дѣйствіи. Вмѣсто одновременнаго и совокупнаго дѣйствія по всей линіи, мы производили рядъ частныхъ атакъ, не поддержанныхъ резервами, начальники которыхъ ожидали особыхъ на то приказаній и, не получая ихъ, оставались на мѣстѣ, давая тѣмъ непріятелю возможность отражать насъ по частямъ. Не развернувши сразу всѣ свои силы, мы лишены были возможности воспользоваться численнымъ превосходствомъ надъ непріятелемъ, имѣвшимъ громадное преимущество въ вооруженіи.

„Вступая въ бой,—пишетъ Тотлебенъ въ своемъ сочиненіи,—пѣхота наша тотчасъ же чувствовала превосходство непріятеля въ вооруженіи. Англійскія войска, вооруженныя штуцерами, открывали огонь съ дальняго разстоянія и наносили нашимъ войскамъ весьма чувствительный вредъ прежде, чѣмъ они успѣвали приблизиться къ непріятелю на разстояніе дальности выстрѣла нашихъ ружей. Еще до сближенія съ непріятелемъ наши войска уже теряли значительную часть своихъ началь-

никовъ, что естественно должно было ослабить энергію ихъ и нарушить единство дѣйствій. Когда наконецъ наши войска подходили къ непріятелю на такое близкое разстояніе, которое уравновѣшивало разницу въ вооруженіи, то они были уже ослаблены прежде понесенными потерями, и при томъ не всегда могли разсчитывать на успѣхъ. Весьма часто англичане, открывъ огонь издали, подпускали наши войска на самое близкое разстояніе, а когда послѣднія, подъ убійственнымъ огнемъ, доходили до нихъ, то англичане начинали отступать, усиливая свой огонь“.

Несмотря на это, мы все-таки должны сказать, что хотя англичане, вооруженные нарѣзными ружьями, безспорно наносили огромное пораженіе нашимъ войскамъ, но они не могли остановить стремительныхъ атакъ даже и отдѣльныхъ частей. Не было ни одного полка, который бы, несмотря на убійственный огонь непріятеля, не достигъ до штыковаго боя. Инкерманское сраженіе лучше всего указываетъ, на какіе подвиги способенъ русскій солдатъ, какъ велика его стойкость, мужество и храбрость, которые, при разумномъ употребленіи, могутъ принести блестящіе результаты.

Много выказано было въ этотъ день подвиговъ мужества, самоотверженія и храбрости отдѣльными лицами, и даже можно сказать, что весь бой отъ начала до конца состоялъ изъ ряда отдѣльныхъ геройскихъ подвиговъ полковъ, принимавшихъ въ немъ участіе. Въ этомъ отношеніи нельзя не согласиться со словами барона Базанкура, который говоритъ, что Инкерманское сраженіе вовсе не было такимъ, гдѣ могли бы проявиться стратегическія соображенія.—„Тутъ не было возможности полководцу—говоритъ онъ [1]),—бросивъ одинъ взглядъ на дѣло, создать планъ маневра, который измѣнилъ бы ходъ всего сраженія и привлекъ бы на свою сторону побѣду, еще парящую между врагами, не зная, къ кому склониться. Здѣсь увлеченіе, сила, храбрость остаются побѣдителями. Это штурмъ, ужасный, безконечный—возобновляющійся штурмъ, подобный волнамъ прибоя, то отбѣгающимъ, то набѣгающимъ на берегъ. Пространство, на которомъ кипитъ бой, неровно, мѣстность безконечно волниста; пользуясь этимъ, безпрестанно являются въ сраженіи новыя густыя колонны противниковъ. Эта суматоха, происходившая болѣе семи

---

[1]) L'expédition de Crimée, t. II, 75 и 76.

часовъ, выше всякихъ описаній: примѣры истиннаго геройства, ужасная борьба грудь съ грудью, всѣ проявленія мужества, отчаянныя атаки въ ущельяхъ, въ трущобахъ—вотъ Инкерманъ!"

Сраженіе это было какимъ-то хаосомъ, въ которомъ смерть находила обильную для себя пищу. Все поле было усѣянно убитыми и ранеными.

Между англійскими палатками лежали цѣлыя кучи труповъ, посреди которыхъ находилось большое, слишкомъ большое число тѣлъ зуавовъ и солдатъ французской линейной пѣхоты.

„Всѣ наши раненые были уже перевезены, — говоритъ одинъ изъ очевидцевъ-англичанъ,—раненыхъ русскихъ также подбирали. Наши солдаты приносили имъ воды, клали ранцы подъ голову, доставали одѣяла, чтобы прикрыть ихъ отъ сыраго ночнаго воздуха. Нѣсколько выше ряда палатокъ, находилось возвышеніе, господствующее надъ Инкерманскою гористою мѣстностію. На этомъ мѣстѣ союзная артиллерія помѣрилась силами съ непріятельскою артиллеріею. Зрѣлище здѣсь было невыносимо. Ничего не можетъ быть ужаснѣе вида тѣлъ, изуродованныхъ ядрами и гранатами.

„Но оставимъ эти страшныя подробности; довольно сказать, что здѣсь, посреди какихъ-нибудь 200 убитыхъ и раненыхъ лошадей, лежатъ тѣла нашихъ англійскихъ и французскихъ артиллеристовъ, которые всѣ болѣе или менѣе страшно изувѣчены. У однихъ оторваны головы по самую шею, какъ будто отрублены топоромъ, у другихъ ноги, руки; другіе поражены въ грудь, или животъ, и казались какъ будто сплющенными въ машинѣ. Пробираясь между грудами убитыхъ по дорогѣ, ведущей къ Севастополю, вы подходите къ тому мѣсту, гдѣ гвардейцы принуждены были отступить отъ защищаемыхъ ими укрѣпленій, находящихся надъ Инкерманскою долиною. Здѣсь число нашихъ убитыхъ было такъ же велико, какъ у непріятеля. Вдоль дороги, одинъ подлѣ другаго, лежали пять гвардейцевъ, убитыхъ однимъ и тѣмъ же ядромъ, когда они шли въ атаку противъ непріятеля.

„Часовъ въ девять вечеромъ, я вошелъ на брустверъ батареи, и, когда взглянулъ на окружающее меня кровавое зрѣлище, сердце мое сжалось. Мѣсяцъ стоялъ въ полномъ блескѣ; было свѣтло, какъ днемъ. Передо мною разстилалась Инкерманская долина, рѣчка Черная медленно катила серебристыя свои волны между возвышеніями, которыя, по раз-

нообразію своему и живописности, могутъ соперничать съ любою изъ самыхъ красивыхъ мѣстностей въ свѣтѣ.

„Вокругъ того мѣста, на которомъ я стоялъ, лежало до 5.000 тѣлъ. Между ними находилось также множество смертельно раненыхъ. Малѣйшія ихъ стенанія, въ предсмертной агоніи, долетали до слуха съ страшной ясностью, но еще ужаснѣе было храпѣніе и отчаянная борьба съ смертію тѣхъ, которые умирали въ конвульсіяхъ. Вокругъ возвышенія виднѣлись группы въ нѣсколько человѣкъ, отыскивающихъ съ носилками раненыхъ; въ другихъ мѣстахъ мелькали фонари, которые подносили къ лицамъ убитыхъ, отыскивая тѣла офицеровъ. Были здѣсь и англійскія женщины, мужья которыхъ не возвратились. Онѣ оглашали воздухъ своими громкими рыданіями, обращали лица нашихъ убитыхъ къ свѣту луны, торопливо отыскивая то, что̀ боялись найти. Какъ скоро походные лазареты явились, они тотчасъ же нагружены были страдальцами. Даже одѣяла были употреблены въ дѣло, чтобы переносить раненыхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поля, убитые лежали цѣлыми грудами. Многіе изъ нихъ перешли въ вѣчность съ улыбкою на устахъ, и, казалось, только-что заснули, напротивъ того, лица другихъ были страшно искривлены, глаза открыты. Нѣкоторые лежали какъ бы приготовленные къ погребенію; другіе находились въ полустоячемъ положеніи, или на колѣнахъ. Лунный свѣтъ придавалъ ихъ лицамъ неестественную блѣдность“.....

Кровавый бой 24-го октября дорого стоилъ какъ намъ, такъ и союзникамъ: обѣ стороны не досчитывались въ своихъ рядахъ нѣсколькихъ тысячъ храбрыхъ. „Вылазка третьяго дня намъ стоила огромныхъ потерь,— писалъ кн. Меншиковъ [1]).—Не считая убитыхъ, въ госпитали поступило около 6.000 раненыхъ; но я долженъ отдать честь войскамъ, что это дѣло не только не уронило, но возвысило ихъ духъ. Мои госпитали и всѣ помѣщенія, какія только можно было занять, завалены ранеными. Они остаются въ полѣ, подъ палатками, сдѣланными изъ корабельныхъ парусовъ. Ради Бога пришлите мнѣ докторовъ и фельдшеровъ. У меня на одного доктора приходится по 400 раненыхъ, изъ которыхъ многіе, со дня дѣла 24-го октября, не были перевязаны, по неимѣнію лицъ, кѣмъ бы можно было это сдѣлать“.

Войска возвратились на свои позиціи крайне разстроенными; нѣ-

---

[1]) Кн. Горчакову отъ 26-го октября. Воен.-Учен. Арх., д. № 4253 ч. II.

которые полки потеряли всѣхъ старшихъ офицеровъ и командовались капитанами. Кн. Меншиковъ находился въ большомъ затрудненіи, кѣмъ замѣстить убылыхъ. „Недостатокъ старшихъ офицеровъ такъ великъ,— писалъ онъ [1]), — что у меня буквально некого послать въ хвостъ арміи, чтобъ собрать отсталыхъ, некому поручить полицейскій надзоръ, некого назначить завѣдующимъ госпиталями“.

Много пролито было въ этотъ день драгоцѣнной русской крови, много вѣрныхъ сыновъ своихъ лишилась Россія! Потеря наша въ Инкерманскомъ сраженіи состояла изъ 4 генераловъ, 281 челов. офицеровъ и 10.442 человѣка нижнихъ чиновъ, т. е. составляла почти третью часть всего числа войскъ (34.835 челов.), сражавшихся на Киленъ-балочномъ плато. Если прибавить къ этому потерю 121 человѣка отъ непріятельскаго огня въ Севастополѣ, то день 24-го октября стоилъ русской арміи 10.848 человѣкъ убитыми, ранеными и контуженными [2]). Что касается до потери союзниковъ, то произвольное обращеніе ихъ съ числами убыли не дозволяетъ опредѣлить точной цифры потери. Французы показываютъ свою потерю отъ 1.736 до 1.800 челов., а англичане между 2.582 и 2.621 человѣкъ; слѣдовательно, общая потеря союзниковъ простиралась отъ 4.318 до 4.421 человѣка, но нѣтъ сомнѣнія, что она была гораздо значительнѣе наибольшей показанной цифры и весьма чувствительна потерею 10 генераловъ [3]).

Изъ этихъ цифръ видно, что наша потеря была въ два съ половиною раза болѣе потери союзниковъ, что весьма понятно при томъ относительномъ положеніи, въ которомъ находились обѣ стороны. Наступая по изрытой мѣстности, представляющей множество закрытій для непріятельскихъ стрѣлковъ, вооруженныхъ нарѣзными ружьями, дозволявшими имъ открывать огонь съ весьма дальняго разстоянія, колонны наши несли уже уронъ, котораго не было въ рядахъ непріятеля по недосягаемости нашихъ ружей. Потеря наша еще болѣе увеличивалась отъ

---

[1]) Кн. Горчакову въ письмѣ отъ 27-го октября 1854 г., тамъ же.

[2]) См. приложеніе № 15-й.

[3]) Въ этотъ день у союзниковъ выбыли изъ строя убитыми: генералъ Лурмель, Каткартъ и Странгвейсъ; ранены: Броунъ, Адамсъ, Торренсъ, Гольди, Кондрингтонъ, Буллеръ и Бентинкъ. Сверхъ того французскій главнокомандующій генералъ Конроберъ былъ контуженъ.

столпленія значительной массы войскъ на тѣсномъ пространствѣ поля сраженія. Непріятельскіе снаряды находили для себя обильную пищу въ густой толпѣ наступавшихъ; тѣ изъ нихъ, которые перелетали черезъ головы первой линіи, рикошетируя, наносили пораженіе войскамъ, бывшимъ во второй и третьей линіи, поражали отступавшихъ, бродившихъ по полю солдатъ, били артиллерію и лошадей. При отступленіи, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, потеря еще болѣе увеличилась—и здѣсь мы теряли людей при спускѣ съ высотъ, при переправѣ черезъ мостъ и проч. Однимъ словомъ, Инкерманское сраженіе дорого стоило русской арміи и хотя кончилось не въ нашу пользу, но и союзники, также понесшіе чувствительную потерю, должны были сознать, что тотъ непріятель, который съ такою стремительностію и упорствомъ велъ нападеніе и отступилъ въ совершенномъ порядкѣ, несмотря на неудачу, остается все-таки сильнымъ врагомъ, противъ котораго трудно надѣяться на успѣхъ при штурмѣ крѣпости.

Инкерманское сраженіе произвело столь сильное впечатлѣніе на непріятеля, что сгоряча союзные главнокомандующіе хотѣли снять осаду, посадить войска на суда и оставить Крымъ. Правда, оправившись, они отказались отъ своего намѣренія, остались по-прежнему подъ Севастополемъ, но изъ атакующихъ перешли въ обороняющихся и стали окапываться со всѣхъ сторонъ, изъ боязни, чтобы подобное сраженіе не повторилось снова. „Въ Инкерманской битвѣ — писали англичане,—нѣтъ ничего для насъ радостнаго. Мы ни на шагъ не подвинулись ближе къ Севастополю, а между тѣмъ потерпѣли страшный уронъ [1]). Конечно, русскіе понесли можетъ быть бо̀льшую потерю, нежели союзники, и были принуждены отступить, но они возвратились въ свои прежнія позиціи, а эти позиціи возлѣ самаго Севастополя и Балаклавы! Они вознаградятъ свою потерю и могутъ возобновить свои нападенія всякій разъ, когда почтутъ то нужнымъ. А могутъ ли союзники, которые изъ осаждающихъ превратились теперь въ осажденныхъ, постоянно отражать эти нападенія? Могутъ ли они такъ скоро вознаграждать свои потери, какъ русскіе? Нельзя болѣе скрывать: положеніе союзниковъ отчаянное [2])“.

---

[1]) Матер., вып. IV, 211.

[2]) Тамъ же, 200.

Таковы были послѣдствія Инкерманскаго сраженія, ознаменованнаго участіемъ двухъ Царскихъ сыновей, братски дѣлившихъ опасность съ славными полками русской арміи.

Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи, доказавъ уже на полѣ сраженія свое мужество и хладнокровіе, пожелали въ тотъ же день посѣтить Севастополь, побывать на бастіонахъ и батареяхъ, чтобы передать храбрымъ защитникамъ царское спасибо. Въ это время почти всѣ батареи были въ дѣйствіи и въ особенности на Малаховомъ курганѣ огонь былъ неумолкаемый; во всю дорогу громъ ядеръ и свистъ штуцерныхъ пуль провожали Великихъ Князей. На Малаховомъ курганѣ почти къ ихъ ногамъ упали два непріятельскихъ ядра, третьимъ засыпало прислугу, и наконецъ бомба, передъ ихъ глазами, разрушила зданіе, въ то время, когда они передавали войскамъ благодарность Императора. Гарнизонъ съ восторгомъ смотрѣлъ на дорогихъ Царю и Россіи дѣтей—„истинно-русскихъ молодцовъ"—какъ выразился кн. Меншиковъ въ своемъ приказѣ по Крымской арміи [1]).

„Благодарю искренно,—писалъ обрадованный подвигами своихъ сыновей покойный Императоръ кн. Горчакову [2]),—за попеченіе твое о моихъ *рекрутахъ*, которые прибыли во-время, чтобъ быть въ кровопролитномъ дѣлѣ 24-го числа. Богъ ихъ сохранилъ покуда невредимыми, и такимъ образомъ они окрещены огнемъ".

„Ежели ты доволенъ моими ребятами,—писалъ Императоръ кн. Меншикову [3])—то вручи имъ обоимъ Георгіевскіе кресты 4-ой степени.

„Съ радостью читалъ я твое лестное представленіе о моихъ сыновьяхъ; я счастливъ, какъ отецъ, что они оправдываютъ мои ожиданія. Въ моемъ послѣднемъ письмѣ я тебѣ разрѣшилъ уже украсить ихъ, ежели того достойными находишь. Но справедливо и другихъ отличившихся не забывать; прошу тебя, поторопись представить, которыхъ ты еще самъ не наградилъ по предоставленной тебѣ власти [4])".

---

[1]) Матер., выпус. IV, 171.
[2]) Въ собственноруч. письмѣ отъ 1-го ноября.
[3]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 2-го ноября.
[4]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 7-го ноября.

Пожалованіе Великимъ Князьямъ Георгіевскихъ крестовъ было лучшею и единственною наградою для всей Крымской арміи. Въ этомъ она видѣла, что заслуги ея достойно оцѣнены самимъ Императоромъ, помимо главнокомандующаго, не считавшаго нужнымъ благодарить войска за ихъ стойкость и мужество.

Чрезъ день послѣ Инкерманскаго сраженія, кн. Меншиковъ объѣзжалъ полки. Одѣтый въ солдатскую шинель съ чернымъ воротникомъ и адмиральскими погонами, онъ медленно ѣхалъ по фронту, вполголоса здороваясь съ солдатами, ни разу его не видавшими. Ни ободренія, ни благодарности не слыхали войска отъ своего главнокомандующаго.

— Вы отчего своихъ перестрѣляли?—спросилъ онъ солдатъ Селенгинскаго полка.

— Богъ насъ миловалъ отъ стрѣльбы по своимъ,—отвѣчали дружно солдаты.

Поровнявшись съ Якутскимъ полкомъ, кн. Меншиковъ увидѣвъ двухъ штабъ-офицеровъ: полковника Бялаго хромающимъ и подполковника Малевскаго въ перевязкахъ, спросилъ перваго, отчего онъ хромаетъ, а втораго гдѣ раненъ [1]).

— Хромаемъ, ваша свѣтлость, отъ боли въ ранѣ,—отвѣчалъ полковникъ Бялый за обоихъ; мы оба ранены тамъ, гдѣ отняли батарею у англійской гвардіи.

Вообще кн. Меншиковъ, послѣ Инкерманскаго сраженія, находился въ самомъ мрачномъ расположеніи духа. Новая неудача разрушила всѣ его надежды—онъ упалъ духомъ и не видѣлъ въ будущемъ ничего утѣшительнаго. Смотря на группы укрѣпленій, возводимыхъ непріятелемъ на всемъ пространствѣ отъ Балаклавы до Севастополя, главнокомандующій приходилъ къ сознанію, что русскимъ войскамъ прегражденъ доступъ къ непріятельскому лагерю.

„Toutes les positions depuis Balaclava, jusqu' à Sévastopol,—писалъ князь Меншиковъ князю Долгорукову [2]), ou plutôt tout le massif qui comprend cet espace est fortifié e t j e n e p r é v o i s p l u s l a p o s s i-

---

[1]) Алабинъ. «Походныя записки», ч. II, 95 и 96.

[2]) Въ письмѣ отъ 25-го октября 1854 г.

bilité de l'attaquer avec succès. Si quelques circonstances imprévues et extraordinaires n'obligent la levée du siège de Sévastopol le sort de cette place sera bientôt décidé et c'est celui de la Crimée qu'il faudra assurer [1])".

Такія мрачныя предсказанія главнокомандующаго не предвѣщали ничего хорошаго. Въ Петербургѣ письмо это произвело на всѣхъ крайне грустное впечатлѣніе. Покойный Императоръ, получивши донесеніе князя Меншикова о послѣдствіяхъ Инкерманскаго сраженія, не былъ столько озабоченъ, сколько заботило его письмо главнокомандующаго военному министру.

„Крайне жаль,—писалъ Императоръ князю Горчакову [2]),—что намѣреніе князя Меншикова не имѣло дальнѣйшей удачи, стоивъ столько драгоцѣнной крови; потеря храбраго Соймонова весьма чувствительна, но еще болѣе сожалѣть должно, что эта неудача, нисколько не уронившая духъ войскъ, отразилась на князѣ Меншиковѣ такимъ упадкомъ духа, что навлекаетъ на меня опасенія самыхъ худшихъ послѣдствій. Онъ не скрываетъ, что не видитъ болѣе надежды съ успѣхомъ атаковать союзниковъ, и предвидитъ даже скорое паденіе Севастополя. Признаюсь, такое направленіе мыслей меня ужасаетъ за послѣдствія.

„Неужели должны мы лишиться Севастополя, послѣ такой крѣпкой защиты, послѣ столькихъ горькихъ потерь храбрѣйшихъ героевъ, и съ паденіемъ Севастополя дожить до всѣхъ тѣхъ послѣдствій, которыя легко предвидѣть можно отъ подобнаго событія! Страшно и подумать. Но держась постоянно правила предвидѣть худшее, чтобъ имъ не быть неожиданно застигнутымъ, не скрываю отъ тебя, что надежды на лучшій исходъ, развѣ по особой милости Божіей, не предвижу. Готовясь къ тому, прошу тебя мнѣ сообщить мысли твои, что въ такомъ случаѣ считаешь за лучшее предпринять, чтобы по крайней мѣрѣ остановить дальнѣйшія, еще худшія послѣдствія.

---

[1]) Всѣ позиціи отъ Балаклавы до Севастополя, или, лучше сказать, все это пространство укрѣплено, и я не предвижу болѣе возможности атаковать его съ успѣхомъ. Если нѣкоторыя непредвидѣнныя и необычайныя обстоятельства не заставятъ снять осаду Севастополя, то участь его будетъ скоро рѣшена, и тогда должно будетъ думать только объ обезпеченіи Крыма.

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 1-го ноября 1854 г.

„Съ потерей Севастополя наврядъ-ли Меншиковъ отстоитъ и Крымъ, въ особенности, ежели новый дессантъ, какъ говорятъ, высаженъ будетъ у Евпаторіи, дабы угрожать Перекопу и тѣмъ совершенно отрѣзать наше сообщеніе. Ужасно и подумать!...“

Не легко было Императору писать эти строки, но тѣмъ не менѣе опасаясь, чтобы упадокъ духа главнокомандующаго не отразился на послѣдующихъ дѣйствіяхъ, онъ обратился къ нему съ словами утѣшенія.

„Не унывать, любезный Меншиковъ,—писалъ покойный государь [1]),—начальствуя Севастопольскими героями, имѣя въ своемъ распоряженіи 80-тъ тысячъ отличнаго войска, вновь доказавшаго, что нѣтъ ему невозможнаго, лишь бы вели его какъ слѣдуетъ и куда должно; съ такими молодцами было бы стыдно и думать объ конечной неудачѣ. Скажи вновь всѣмъ, что я ими доволенъ, и благодарю за прямо русскій духъ, который, надѣюсь, никогда въ нихъ не измѣнится. Ежели удачи досель не было, какъ мы смѣли ожидать, то Богъ милостивъ, она быть еще можетъ. Милосердіе Божіе велико для тѣхъ, которые неизмѣнно на него уповаютъ.

„Бросить же Севастополь, покуда есть еще 80 тысячъ въ немъ и подъ нимъ стоящихъ, еще живыхъ, было бы постыдно и помышлять; значило бы забыть долгъ, забыть стыдъ и не быть русскими, потому этого и быть не можетъ, и я не допускаю сего даже и въ мысляхъ. *Пасть съ честью, но не сдавать и не бросать.*

„Больше не пишу, ибо не знаю, что̀ и писать. Я счастливъ, что Богъ сохранилъ моихъ двухъ *рекрутъ* и что они себя показали, какъ и долгъ и званіе требовали. Кончаю, чѣмъ началъ— не унывать никому, а тебѣ, вождю, менѣе всякаго другаго, ибо на тебя всѣ глаза и твой примѣръ другихъ долженъ увлекать къ исполненію долга до послѣдней крайности. Да хранитъ васъ Богъ!

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 31-го октября.

XXI.

Севастополь послѣ двухъ мѣсяцевъ осады.—Жизнь въ городѣ и на бастіонахъ.—Ночныя вылазки и ложныя тревоги.

Прошло два мѣсяца осады, но и теперь точно такъ же, какъ въ началѣ, надъ Севастополемъ виситъ гулъ непроглядныхъ выстрѣловъ и шлепанье снарядовъ. Обитатели города привыкли ко всему этому настолько, что не обращаютъ вниманія. Женщины и дѣти расхаживаютъ по городу; въ церквахъ идетъ богослуженіе, и лишь только пробитыя крыши, разбитыя стекла и рамы, да разрушенные дома свидѣтельствуютъ, что это не мирный городъ, а городъ брани и тревогъ.

Съ пристани, на Сѣверной сторонѣ, видно уже, что тамъ, за бухтой, въ самомъ городѣ, совершается что-то особенное, не похожее на обыкновенную мирную жизнь. Здѣсь у пристани народъ кишмя кишитъ; здѣсь люди, скотъ и повозки толкутся на набережной преимущественно возлѣ пароходовъ, на которые нагружаютъ вещи, отсылаемыя на южную сторону. По бухтѣ безпрерывно снуютъ суда разныхъ видовъ: весельныя, большія и малыя, парусныя и паровыя съ бездною вещей самыхъ разнообразныхъ видовъ. На палубахъ судовъ видны солдаты, рогатый скотъ на порціи войскамъ, возы сѣна, бочки, кули, лошади, орудія, крѣпостные станки, окровавленные мѣшки съ рѣзанымъ сырымъ мясомъ, и возлѣ нихъ женщины и дѣти. Тутъ же причаливаютъ одинъ за другимъ баркасы съ печальнымъ грузомъ. На одномъ до верху наложены простые не окрашенные гробы съ тѣлами умершихъ смертью праведныхъ; на другомъ лежатъ кучи тѣлъ безъ гробовъ, прикрытыя рогожею. Сѣвши въ лодку, переправившись черезъ бухту и выходя на пристани южной части города, вы встрѣчаете на первыхъ ея ступеняхъ кучи заржавѣвшихъ уже ядеръ, бомбъ и картечи. Подвигаясь далѣе, видна большая площадь, на которой лежатъ пушки разныхъ калибровъ на станкахъ и безъ станковъ, огромные брусья и опять кучи ядеръ, бомбъ и картечи. За ними стоятъ лошади, повозки, спящіе и двигающіеся солдаты, офицеры, женщины и дѣти. Въ сторонѣ бабы продаютъ булки и пироги, русскіе мужики съ самоваромъ кричатъ—„сбитень горячій!“

Направо улица, загороженная баррикадой, налѣво домъ, у дверей

котораго стоятъ солдаты съ окровавленными носилками. За баррикадой стоитъ нѣсколько пушекъ, и при нихъ сидитъ матросъ, покуривая трубочку. По всей площади разбросаны телѣги съ сѣномъ, съ кулями и бочками; кое-гдѣ, между толпою, пробирается офицеръ верхомъ, либо генералъ на дрожкахъ. Повсюду слышенъ шумъ и говоръ. Здѣсь рынокъ, здѣсь мѣсто отдыха утомленнымъ продолжительною службою на бастіонахъ, здѣсь смѣхъ и горе.

За баррикадою начинается самая оживленная часть города. Съ обѣихъ сторонъ улицъ, по дорогѣ къ оборонительной линіи, виднѣются еще уцѣлѣвшія вывѣски лавокъ и трактировъ; на пути встрѣчаются офицеры, купцы, женщины въ шляпкахъ и платочкахъ. Каждый день при закатѣ солнца, здѣсь играетъ хоръ военной музыки, и на бульварѣ собирается большая толпа гуляющихъ.

Суда Черноморскаго флота величественно покачиваются въ родныхъ имъ волнахъ, но грустно моряку видѣть рядъ мелкихъ судовъ, исполняющихъ обязанность мостовыхъ флошкоутовъ.

Въ этой части города еще сохранилась вся обстановка мирной жизни. Тутъ еще можно было видѣть людей, заботящихся объ удобствахъ жизни; дамъ, разряженныхъ и спокойно прогуливающихся по бульвару; дѣтей, бѣгающихъ, катающихъ ядра и бомбы и весело играющихъ въ войну рядомъ съ настоящею войною и въ нѣсколькихъ стахъ саженяхъ отъ смерти со всѣми ея ужасами...

Гулъ выстрѣловъ, падающіе и катящіеся по землѣ снаряды, приковывая къ себѣ вниманіе дѣтей, поражали ихъ молодое воображеніе. Въ ту пору начинавшій лепетать ребенокъ, вмѣсто родныхъ словъ: *папа, мама,* или *няня,* явственно говорилъ: *ядро, бомба,* или *граната.* Бѣгавшія по улицамъ дѣти проявляли еще болѣе воинственное настроеніе въ своихъ играхъ. Раздѣлившись на двѣ партіи, они затѣвали потѣшную войну. Одна партія представляла русскихъ, другая союзныхъ враговъ. Сначала комки грязи и камни замѣняли сражающимся бомбы, но потомъ шуточная возня скоро переходила въ дѣйствительную драку, и часто обѣ окровавленныя партіи оставляли мѣсто сраженія только при появленіи квартальнаго надзирателя, или внушительной казачьей нагайки.

Въ это время Севастополь еще дѣлился на двѣ половины: *мирную*, съ тихими ея привычками, и совершенно военную —*грозно-боевую*.

Баррикады въ дальнемъ концѣ Морской и другихъ улицахъ раздѣляли эти двѣ половины, не похожія другъ на друга. Пройдя одну изъ этихъ баррикадъ, встрѣчались уже дома, по большей части оставленные жителями, частію занятые войсками, а частію стоящіе пустыми. Здѣсь уже не было вывѣсокъ, двери закрыты досками, окна выбиты, у нѣкоторыхъ домовъ отбитъ уголъ стѣны, у другихъ пробита крыша. Улица, вымощенная ядрами, испещрена ямами съ водой, вырытыми въ каменистомъ грунтѣ бомбами. На улицѣ видны были команды проходящихъ солдатъ; встрѣчались и женщины, но рѣже и не въ шляпкахъ, конечно, а въ старой шубейкѣ и солдатскихъ сапогахъ. Все это двигалось, спѣшило, но безъ суеты и безъ всякаго опасенія. Севастопольцы какъ будто не знали, что такое опасность, и не признавали ея. Они не видѣли страха и опасности въ самыхъ ужасныхъ мѣстахъ, тамъ, гдѣ не проходило минуты, чтобы не взвизгнула пуля, не пролетѣло ядро, не разорвалась бомба. Вся сѣверная и западная стороны Малахова кургана были покрыты домиками матросовъ, наполненными ихъ семействами. Женщины мыли бѣлье офицерамъ, торговали не только въ городѣ, но даже и на самомъ Малаховомъ курганѣ. Сидя около воротъ укрѣпленія, онѣ продавали булки, пироги, квасъ, закуску и всякую всячину, которую солдаты тутъ же, у кого бывала лишняя копѣйка, запивали сбитнемъ. Дня не проходило, чтобы не было несчастнаго случая съ кѣмъ-либо изъ подобныхъ торговокъ, между тѣмъ остальныя спокойно продолжали свои занятія, не обращая на это никакого вниманія. Убьетъ такую бабу, два тутъ же закусывавшихъ солдата подхватятъ убитую и понесутъ въ часовню.

— Откуда, земляки, несете?—спроситъ одна изъ торгующихъ.

— Съ Малахова,—отвѣтятъ они.

— Что жь такъ?

— Да вотъ грѣхъ-то нонѣ по утру случился: осколокъ въ брюхо воткнись—ну, и померла. Баба вѣдь: много ль ей надо!

— Ишь оказія!—проговоритъ равнодушно торговка и станетъ зазывать покупателей, какъ будто ей не угрожаетъ точно такая же опасность.

Въ Севастополѣ подобныя сцены повторялись ежеминутно, и къ нимъ всѣ привыкли.

На мѣстахъ, можно сказать, засыпаемыхъ штуцерными пулями непріятеля, люди ходили день и ночь безъ всякой торопливости, не удостоивая даже взглядомъ мѣста, откуда сыпались выстрѣлы. Передъ проходящимъ солдатомъ идетъ товарищъ, глядь—и повалился; солдатъ равнодушно или пройдетъ мимо, или, поднявъ товарища, понесетъ куда слѣдуетъ, долго преслѣдуемый докучливымъ свистомъ пуль.

Среди оставшихся жителей не было замѣтно ни отчаянія, ни безпокойства. Правда, съ наступленіемъ утра они не справлялись о здоровьѣ сосѣда, а старались узнать, цѣлъ ли его домъ, живъ ли онъ самъ.

— Дунька, а Дунька! Жива ль ты?—слышался женскій голосъ, кричавшій изъ окна и черезъ узкую улицу выкликивавшій сосѣдку.

— Жива,—отвѣчаетъ голосъ изъ избенки—только ночью, слышь, осколокъ крышу провалилъ.

— Хорошо, что не голову.

— Вѣстимо, хорошо,—отвѣчаетъ тотъ же голосъ.

— Пойдешь за водой?

— Пойдемъ.

И поплетутся онѣ вдоль улицы, подъ градомъ всякаго рода снарядовъ.

Тамъ, въ концѣ этой улицы, видны все болѣе и болѣе разрушенные дома, а впереди рисуется черное, грязное и изрытое пространство, нѣчто вродѣ укрѣпленія. Приближаясь къ нему, встрѣчаются не дома, а груда развалинъ, куча камней, мусора, глины и бревенъ. Здѣсь меньше народу, солдаты ходятъ ускореннымъ шагомъ, на дорогѣ видны слѣды крови и непремѣнно попадаются носилки съ убитыми или ранеными.

Надъ вами, въ воздухѣ, кружатся, слегка посвистывая, нѣсколько бомбъ. Медленный и пріятный на видъ полетъ ихъ, повидимому, не сулитъ никакой опасности, но стоитъ ей только лопнуть или *„разрѣшиться“*—какъ говорятъ солдаты—и множество осколковъ съ визгомъ и звономъ разлетятся во всѣ стороны, разнося съ собою по всѣмъ направленіямъ смерть и увѣчья.

Морская улица выходила на Театральную площадь. Въ началѣ осады на этой площади происходила смѣна полковъ, назначенныхъ на бастіоны и возвращающихся на отдыхъ. Непріятель, замѣтивъ скопленіе на площади войскъ, направлялъ туда свой огонь, поддерживая его даже и въ то время, когда войскъ тамъ не было. Въ короткое время площадь сдѣлалась непроходимою, и полки стали строиться вдоль Морской улицы.

Было утро 20-го октября. Тобольскій полкъ шелъ на смѣну Тарутинскаго, сидѣвшаго на четвертомъ бастіонѣ и сосѣднихъ батареяхъ. Подвинувшись къ театру, тобольцы выстроились продольно по одной сторонѣ Морской улицы. Роты Тарутинскаго полка частичками пробѣгали опасное пространство и строились противъ тобольцевъ по другой ея сторонѣ. Снаряды съ шумомъ, одинъ за другимъ, ложились на улицу и знакомили тобольцевъ съ предстоящею имъ боевою обстановкою. На лѣвомъ флангѣ была уже жертва новаго ихъ знакомства съ Севастополемъ—рослый, молодой солдатъ лежалъ на спинѣ съ разбитымъ животомъ... Спокойно и угрюмо стояли тобольцы. Облокотившись на ружья, они толковали между собою о постороннихъ предметахъ, не обращая вниманія ни на падавшіе снаряды, ни на лежавшаго возлѣ нихъ павшаго товарища...

Разорвавшаяся граната не замедлила проститься и съ тарутинцами, вырвавъ на память выступленія одного солдатика. Солдаты бросились-было къ убитому, но командиръ батальона, подполковникъ Горевъ, остановилъ ихъ. Солдаты перекрестились:

— Царство ему небесное,—послышалось нѣсколько голосовъ.— Вишь какая смерть... съ разу... и не пикнулъ. Богъ скорѣй грѣхи отпуститъ, райская теперь душа будетъ...

Оставивъ на площади по одному товарищу, тарутинцы и тобольцы разошлись въ разныя стороны. Первые пошли на Сѣверную на отдыхъ, вторые на бастіонъ. Подъ свистомъ ядеръ и пуль пришлось имъ спуститься въ траншею, или ровъ, по которой ходятъ люди, идущіе на бастіонъ и возвращающіеся съ него. Въ траншеѣ этой еще чаще попадаются носилки, встрѣчаются матросы съ окровавленными лицами, бредущіе на перевязочный пунктъ, и солдаты съ лопатами и другими рабочими инструментами. По бокамъ траншеи видны проводники минъ, землянки, внутри которыхъ,

согнувшись, могутъ помѣститься только два человѣка. Въ такихъ убогихъ помѣщеніяхъ живутъ пластуны-черноморцы. Высунувъ изъ дверей ноги, они перебуваются, ѣдятъ, курятъ трубочки и подсмѣиваются другъ надъ другомъ. Поодаль отъ нихъ размѣстились носильщики, попріиставшіе подъ своею невеселою ношею. Одинъ изъ нихъ предложилъ *„привалить"*.

— Отдохнемъ, братъ: успѣемъ еще—въ другой разъ не умретъ.

Проходившій мимо солдатъ отпускаетъ на счетъ носильщиковъ острое словцо и отправляется своей дорогой.

Не обращая вниманія на проходящаго, носильщики садятся: одинъ накладываетъ трубку, другой рубитъ огня; вдоль по гребню траншеи прыгаетъ ядро и обдаетъ всѣхъ грязью, но не смущаютъ никого изъ присутствующихъ ни свистъ пуль, ни разрывъ бомбъ. Хладнокровно и равнодушно смотрятъ они на валяющійся и вновь падающій чугунъ во всевозможныхъ видахъ. Поотдохнувъ немного, носильщики отправляются своимъ путемъ, а пластуны приготовляются въ секреты, впереди оборонительной линіи. Пройдя траншею, вы входите въ изрытое, грязное пространство, окруженное со всѣхъ сторонъ насыпью,—это-то и есть то, что называется *бастіономъ*. Небольшая площадка бастіона задавлена постройками и переполнена народомъ. Она перерѣзана въ разныхъ мѣстахъ насыпями (траверсами), землянками, пороховыми погребами, на которыхъ стоятъ большія чугунныя орудія, а возлѣ нихъ лежатъ ядра, сложенныя правильными кучами.

Вся площадка бастіона кажется покрытою буграми; тамъ и сямъ чернѣются отверстія—входы въ блиндажи. Повсюду валяются орудія, черепки, неразорванныя гранаты, куски дерева, изломанныя колеса — все это нагромождено или затоплено въ жидкой и вязкой грязи. Грязь на землѣ и духота въ воздухѣ виситъ надъ бастіономъ. Онъ постоянно окруженъ и покрытъ или облакомъ пороховаго дыма, или тучею пыли, поднимающейся одинаково и днемъ и ночью: днемъ отъ падающихъ и прыгающихъ снарядовъ, а ночью отъ исправленія батарей и насыпки укрѣпленій.

Крошечная землянка служитъ жилищемъ начальника бастіона. Это небольшое углубленіе въ насыпи, огражденное отъ выстрѣловъ съ

трехъ сторонъ и сверху. Четвертая сторона составлена изъ заржавленныхъ жестянокъ и кусковъ плитняка, наскоро накиданныхъ. Небольшая дверца, съ отверстіемъ въ ней для свѣта, прилажена кое-какъ, на скорую руку. Устроенная изъ нѣсколькихъ досокъ постель и небольшой столикъ возлѣ занимаютъ все пространство *конуры* бастіоннаго начальника или одного изъ офицеровъ. У дверей ея пыхтитъ самоваръ, которому, вмѣсто трубы, служитъ корпусъ французской ракеты. Войдя въ такую конуру, по необходимости приходилось садиться на постель, потому что другаго мѣста, гдѣ бы можно было приткнуться, не было. Въ конурѣ грязно и душно; милліоны самыхъ несносныхъ насѣкомыхъ атакуютъ каждаго вошедшаго въ землянку, но, несмотря на все это, она составляетъ единственное мѣсто для отдыха. Землянки для солдатъ устраивались болѣе помѣстительныя, на нѣсколько человѣкъ. Человѣкъ пять могли сидѣть на общихъ нарахъ; тамъ они отдыхали и обшивались. Въ углу висѣлъ образъ; на стѣнахъ—картинки. Такой же точно образъ на столбикѣ подъ навѣсомъ находился и въ одномъ изъ угловъ каждаго бастіона или батареи.

Въ нѣкоторыхъ бастіонахъ можно было встрѣтить два и три образа съ кисейнымъ или даже шелковымъ покрываломъ. Множество свѣчей, а иногда и лампада теплилась у образовъ, въ особенности вечеромъ. Всѣ, проходя мимо того мѣста, гдѣ стоялъ образъ, снимали шапки и набожно крестились, творя молитву. Въ блиндажахъ многихъ бастіоновъ были устроены походныя церкви.

Стоитъ только взойти на площадку, и однообразная бастіонная жизнь вся передъ вами. На батареѣ, возлѣ образа, сидятъ кучки матросовъ и пѣхотныхъ солдатъ; одни играютъ въ карты, другіе слушаютъ разсказчика. Посреди укрѣпленія виденъ пѣхотный солдатъ, проходящій чрезъ батарею и съ трудомъ вытаскивающій ноги изъ липкой грязи. Помѣстившись въ амбразурѣ и поставивъ передъ собою котелокъ, солдаты ѣдятъ кашу. Пріютившись на платформѣ у орудія, сидитъ матросъ съ женою, принесшею ему домашній обѣдъ. Она ждетъ, пока мужъ поѣстъ, чтобы взять посуду и отправиться домой подъ градомъ пуль; возлѣ нихъ, на другомъ орудіи, сидитъ флотскій офицеръ и свертываетъ папироску, изрѣдка поглядывая въ амбразуру, сквозь которую виденъ бѣлый каменистый валъ непріятельскихъ траншей, лентой протянувшихся передъ нашими укрѣпленіями. Во многихъ мѣстахъ, какъ, на-

примѣръ, передъ четвертымъ бастіономъ, непріятельскія траншеи расположены были не далѣе 40 саженъ.

Четвертый бастіонъ въ это время считался самымъ опаснымъ мѣстомъ въ Севастополѣ. Случались дни и ночи, въ которые на небольшую площадку бастіона падало до 2.000 бомбъ, и по бастіону дѣйствовало нѣсколько сотъ орудій. Когда кто говорилъ: „я иду на четвертый бастіонъ“, онъ говорилъ это съ особымъ удареніемъ; когда хотѣли подшутить надъ кѣмъ-нибудь, то говорили: „тебя бы отправить на четвертый бастіонъ“; если встрѣчались носилки и спрашивали откуда—говорили: „съ четвертаго бастіона“. Всѣ, не бывавшіе или случайно бывшіе на бастіонѣ, были увѣрены, что четвертый бастіонъ вѣрная могила каждаго, кто появится на немъ. А между тѣмъ защитники бастіона, люди, сроднившіеся съ нимъ, никогда не хвалились, что живутъ день и ночь на бастіонѣ. На вопросъ: что на четвертомъ бастіонѣ? они отвѣчали, грязно или сухо тамъ, тепло или холодно въ ихъ незатѣйливыхъ землянкамъ.

На бастіонахъ, несмотря на близость непріятеля, все казалось спокойно, точно какъ въ мирномъ городѣ. „Боевой видъ батареи съ дымящимися пальниками,—пишетъ очевидецъ [1]),—закоптѣлыми лицами матросовъ и торжественная тишина придавали зрѣлищу этому величественный видъ“.—Люди не бѣгали, не суетились, каждый занятъ былъ своимъ дѣломъ. Полетъ снаряда не производилъ въ нихъ замѣшательства. Проводя день и ночь подъ открытымъ небомъ, защитники не знали прикрытія, не знали безопаснаго мѣста, гдѣ бы можно было скрыться. Для нихъ единственною защитою отъ непріятельскихъ снарядовъ былъ сигнальщикъ.

Живши долго на батареяхъ и прислушавшись къ выстрѣламъ, солдаты дотого понаторѣли въ звукахъ, что, сидя въ закрытомъ мѣстѣ или зажмуривши глаза, могли вѣрно опредѣлить, съ какихъ батарей стрѣляютъ, какіе летятъ снаряды и гдѣ они лягутъ.

— Вотъ пролетѣла молоденькая [2]), а вотъ и лебедушка [3]) къ

---

[1]) Разсказъ изъ боевой жизни. «Русскій Инвалидъ» 1858 г. №№ 219 и 222.

[2]) Молоденькими назывались англійскія пули съ чашечками.

[3]) Лебедушка—пуля глухая безъ чашечки.

намъ жалуетъ,—говорили солдаты, отличая различныя пули по звуку, который онѣ издаютъ при полетѣ. Болѣе храбрый и опытный въ умѣньѣ распознавать снаряды исполнялъ должность *сигнальщика.* Сигнальщикъ зорко слѣдитъ за непріятельскими орудіями, и преимущественно за тѣми, которыя дѣйствуютъ по его батареѣ.

— Пушка!—кричитъ онъ, и вслѣдъ затѣмъ слышенъ свистъ ядра и видны брызги, обозначающія мѣсто его паденія.

— Мортира!—провозглашаетъ онъ снова, и присутствующіе на бастіонѣ слышатъ равномѣрное посвистываніе бомбы, вертящейся въ воздухѣ. Сигнальщикъ еще разъ успѣетъ оповѣстить о ней; люди это знаютъ и продолжаютъ работу.

Днемъ по звуку, ночью по полету и огоньку дымящейся трубки, сигнальщикъ опредѣляетъ направленіе снаряда, и если по его разсчету онъ упадаетъ на батарею, онъ кричитъ: *бомба!* и тогда люди ложатся на землю, спасаясь отъ осколковъ.

Бомба упала на батареѣ; она вертится, шипитъ и дымится; приникнувъ къ землѣ, лежатъ солдаты, ожидая разрыва. Быстрая вспышка огня, небольшой клубъ дыма, выстрѣлъ и звонъ осколковъ подымаютъ тѣхъ, кто остался цѣлъ, и вызываютъ стоны раненыхъ.

— Носилки!—крикнетъ нѣсколько голосовъ, быстро, но безъ замѣшательства кидаясь къ упавшему товарищу.

— Простите, братцы! умираю!—говоритъ слабымъ голосомъ раненый.

Его бережно кладутъ на носилки; онъ хочетъ сказать еще что-то, и видно, что хочетъ сказать что-то трогательное, но повторяетъ только еще разъ „простите, братцы!“ Товарищъ-матросъ надѣваетъ раненому упавшую съ головы фуражку и, не сказавъ ни слова, равнодушно возвращается на свое мѣсто.

— Это каждый день этакъ человѣкъ двадцать или тридцать,—скажетъ вамъ поселившійся на бастіонѣ со дня осады морской офицеръ, хладнокровно свертывая папиросу изъ желтой бумаги.

Смеркается. Полный мѣсяцъ давно плаваетъ дозоромъ по небу, освѣщая враждебно размежеванное пространство окрестностей Севастополя. Море, окутанное мракомъ ночи, плещется о скалистый берегъ. Далеко на водѣ виднѣется линія огоньковъ на непріятельскомъ флотѣ.

Глухо отдаются выстрѣлы во влажномъ и сыромъ воздухѣ. Въ темной вышинѣ, надъ бастіонами, какъ свѣтящіяся во мракѣ звѣзды, пролетаютъ бомбы, то перекрещивая свои полеты, то одна другую нагоняя. Оставляя за собою огненный слѣдъ, онѣ вдругъ вознесутся стрѣлой, потомъ плавно подымутся до крайней высоты своего полета и тамъ будто остановятся на нѣсколько мгновеній, словно выбирая себѣ мѣсто паденія. Вслѣдъ затѣмъ, шатаясь со стороны въ сторону, онѣ опускаются все быстрѣе и быстрѣе и, наконецъ, стремглавъ, какъ падучая звѣзда падаютъ на землю.

— Лохматка (бомба),—слышится въ темнотѣ голосъ сигнальщика.

Привычные къ такимъ сценамъ люди бросаются на землю.

— Не наша,—крикнетъ сигнальщикъ—армейская! и прилегшіе-было къ землѣ матросы приподнимаются, зная, что бомба полетѣла за батарею, въ прикрытіе, или въ городъ.

— Э, да непріятели никакъ раскутились,—замѣтитъ командиръ батареи или бастіона и, выйдя изъ блиндажа, прикажетъ послать прислугу къ бомбической пушкѣ.

— Есть!—по морской привычкѣ отзовется комендоръ, и нѣсколько человѣкъ матросовъ мигомъ подбѣжать къ орудію.

— Чѣмъ заряжено: бомбой или картечью?

— Бомбой, на стропкѣ, т. е. съ веревочкой, чтобы въ случаѣ надобности, можно было вытащить бомбу изъ канала орудія.

— Ну, валяй!

Чугунная махина, слишкомъ въ 300 пудовъ, разомъ отпрыгнетъ назадъ; клубы горячаго пороховаго дыма охватятъ прислугу, грянетъ выстрѣлъ, и тяжелая бомба, шипя и гудя по воздуху, понесется къ непріятелю. Вслѣдъ затѣмъ не одно, а нѣсколько отвѣтныхъ ядеръ пролетятъ надъ головами стоящихъ на бастіонѣ.

Сигнальщикъ то и дѣло кричитъ: *бомба, пушка, берегись, граната.*

— Не части, Михеичъ!—крикнутъ ему товарищи.

— Съ ноги собьешься!—подхватятъ со смѣхомъ другіе.

На звуки выстрѣловъ своихъ и непріятельскихъ, отзовутся сосѣд-

ніе бастіоны, и пошла потѣха! Третій бастіонъ угоститъ непріятельскія траншеи *темной*, т. е. картечью, а четвертый пошлетъ—*капральство* или штукъ 30 гранатъ, вложенныхъ заразъ въ мортиру. Букетомъ свѣтлыхъ звѣздъ разсыпятся гранаты надъ непріятельскою траншеею, и съ перекатнымъ трескомъ онѣ разорвутся у него въ гостяхъ.

— Пали через каждыя четверть часа, пока я не прикажу перестать,—скажетъ командиръ батареи или бастіона, уходя въ свою землянку.

Съ наступленіемъ темноты, на бастіоны вводятъ прикрытіе и рабочихъ. Пѣхотныя роты размѣщаются у насыпи, кто гдѣ найдетъ себѣ мѣсто; матросы сидятъ у своихъ орудій. Никто почти не спитъ, люди курятъ и разговариваютъ вполголоса. Пѣхотные офицеры обходятъ, отъ времени до времени, свои ряды.

— Смѣна! пошелъ на саперныя работы!—слышится голосъ въ темнотѣ.

Очередные люди собираются въ сторонѣ. Является саперный офицеръ и, собравъ нѣсколько десятковъ, отправляетъ на работу при своемъ унтеръ-офицерѣ. На бастіонѣ, во рву и въ амбразурахъ, слышны работающіе. Непріятель открываетъ учащенную стрѣльбу. Слышны требованія носилокъ, но работающіе такъ привыкли къ этому крику, что не обращаютъ на него вниманія, какъ будто дѣло это до нихъ не касается.

Возлѣ рабочихъ по-прежнему сидитъ сигнальщикъ и слѣдитъ за непріятельскими выстрѣлами.

— Бережись (сопитъ)!—кричитъ онъ, и бомба упала возлѣ самаго сигнальщика и посреди работающихъ.

Всѣ бросаются въ разныя стороны, но сигнальщикъ не трогается съ мѣста. По счастью, трубка погасла, и бомбу не разорвало.

— Не ховайсь! (не прячься)—померла, протянетъ онъ—и работа закипитъ съ новою силою.

Изо-дня въ день тянулась такая однообразная жизнь на севастопольскихъ батареяхъ. Она разнообразилась только изрѣдка фальшивыми тревогами, да почти ежедневными ночными вылазками.

Осеннее время и ненастье были чрезвычайно губительны для не-

пріятельскихъ войскъ. Трудно переносили они жизнь въ траншеяхъ, залитыхъ водой и переполненныхъ грязью. Въ такіе дни союзники держали въ своихъ подступахъ войска менѣе обыкновеннаго, и чтобы показать намъ, что всегда готовы къ бою, и что нечаянное нападеніе на нихъ невозможно, они нерѣдко прибѣгали къ различнаго рода хитростямъ. Вдругъ, среди всеобщей тишины, французы или англичане откроютъ самый сильный огонь изъ своихъ траншей, и въ темнотѣ ночи, не вылѣзая изъ своихъ норъ, забьютъ наступленіе, кричатъ „ура!" съ такимъ одушевленіемъ, что такъ и кажется, что вотъ цѣлыя тучи ихъ бросаются на штурмъ какого-либо пункта нашей оборонительной линіи. Батальный огонь изъ траншей заставитъ отступить наши секреты. Расположенная за секретами стрѣлковая цѣпь, за темнотою, не видя ничего кромѣ выстрѣловъ и слыша наступленіе, начнетъ стрѣльбу по воображаемому противнику; ближайшія батареи, для поддержки цѣпи, также откроютъ огонь, ихъ примѣру послѣдуютъ сосѣднія—и загорится пальба по всей оборонительной линіи, пока успѣютъ освѣтить мѣстность свѣтящими ядрами и не узнаютъ, что это только фальшивая тревога.

Такія тревоги повторялись весьма часто, и хотя онѣ изнуряли гарнизонъ, но къ нимъ были всегда внимательны и относились весьма серьезно, зная, что во время военныхъ дѣйствій весьма часто случается, что ложная тревога обращается въ дѣйствительную, а фальшивая атака или штурмъ, безъ достаточной осторожности обороняющагося, можетъ кончиться паденіемъ укрѣпленія.

Чтобы отучить непріятеля отъ подобныхъ выходокъ, защитники предпринимали почти ежедневно ночныя вылазки, въ которыхъ проявлялась русская удаль и молодечество.

Вылазки превосходное средство къ утомленію противника и къ задержанію его движенія впередъ. Заставляя непріятеля въ теченіе цѣлой почти ночи быть готовымъ къ отраженію атаки по всей линіи, защитники вынуждали его содержать въ траншеяхъ большое число войскъ, которыя, находясь подъ выстрѣлами нашихъ батарей, несли значительную потерю. Независимо отъ этого, кучки храбрыхъ, врываясь въ непріятельскіе подступы, производили въ нихъ возможную порчу: срывали насыпи, разбрасывали туры, фашины, мѣшки и проч.

Частыя вылазки составляли особенность защиты Севастополя. Въ рукахъ славнаго гарнизона это было могущественное средство наносить вредъ непріятелю и даже на время останавливать его работы.

Бывало, въ темную ночь собиралось нѣсколько десятковъ охотниковъ изъ различныхъ пѣхотныхъ полковъ, отправлявшихся на стукъ непріятельскихъ кирокъ и лопатъ. Мѣстность хорошо извѣстна морякамъ: непріятельскія батареи построены на землѣ и изъ земли, имъ принадлежащей. Имѣя при себѣ проводникомъ одного изъ матросовъ, смѣльчаки тихо подползаютъ къ траншеямъ... Вдругъ вдали раздается громкое протяжное „ура!“ Французы бросаютъ кирки и лопаты, хватаются за оружіе, а мы уже въ траншеѣ. Что происходитъ тамъ, описать трудно: тамъ душно и тѣсно, тамъ звукъ оружія и скрещиваніе штыковъ, тамъ русское „ура!“, тамъ стоны и проклятія, съ которыми часто сливается молитва умирающаго. . .

Натѣшившись вдоволь, наши молодцы возвращаются на батарею. Французы густой цѣпью двигаются ихъ преслѣдовать... Секреты даютъ знать, что идетъ непріятель; на бастіонѣ раздается крикъ „къ орудіямъ!“ и тучи картечи запрыгаютъ по темному полю. Съ первыми выстрѣлами орудій, въ прикрытіи батарей и бастіоновъ раздается громъ барабановъ—и закипитъ дѣятельность оборонительной линіи. Все небо изборождено огненными слѣдами отъ бомбъ и гранатъ; глухой гулъ отъ бѣгающихъ, топотъ лошади промчавшагося ординарца, трескъ лопающихся снарядовъ—все это сливается въ одинъ общій и продолжительный стонъ, висящій надъ Севастополемъ.

Чудно величественную картину представляютъ въ эти минуты бастіоны Севастопольскіе, съ ихъ гарнизономъ, по временамъ освѣщаемымъ пламенемъ выстрѣла. Вездѣ видны толпы солдатъ, то стоящихъ опершись на ружья, то лежа съ шанцевымъ инструментомъ ожидающихъ, что дѣлать. Тамъ у бруствера прислуга хлопочетъ у своихъ орудій и посылаетъ выстрѣлъ за выстрѣломъ, здѣсь видна уходящая въ ворота команда, идущая на подкрѣпленіе карауламъ, охраняющимъ передовые ложементы... .

Тамъ, впереди, въ ложементахъ и ямахъ залегли пластуны, дерзко подкравшіеся и присматривающіе за непріятелемъ. Сотни пуль сви-

стятъ подлѣ нихъ на разные лады; десятки бомбъ ложатся въ одну и ту же траншею, въ одинъ и тотъ же ложементъ. Вотъ одна изъ нихъ съ шумомъ грохнулась на окраинѣ траншеи. Всѣ пригнулись и прижались къ стѣнкѣ... Черезъ секунду бомба лопнула, бросивъ нѣсколько осколковъ въ траншею... За разрывомъ ея ни стона, ни крика не было слышно, но кто-то крякнулъ и заскрежеталъ зубами... Взглянулъ сосѣдъ на старика-пластуна и видитъ: ноги перебиты, спина вся вскрыта.

— Э, диду! риднэнкій! що мы будемъ робыть!—вскричалъ землякъ.

— Що? ничово!.. Що вы галдите, бисову батьку!—хладнокровно отвѣчалъ старикъ, посматривая то на пластуновъ-товарищей, то на свои перебитые члены.

— Давай бинтовъ: старикъ изойдетъ кровью!—кричали оторопѣвшіе солдаты.

— Крови нэ-ма,—говорилъ упрямый старикъ.

— Да ты, старичекъ, умрешь!—замѣтилъ какой-то офицеръ.

— Ну, що жь умру. Я и безъ васъ бачу, що умру.

Раненый видимо ослабѣвалъ... Съ полчаса дожидались носилокъ, безпрестанно бывшихъ въ расходѣ. Старикъ ихъ не дождался. Чувствуя приближеніе смерти, онъ перекрестился, захрипѣлъ и отдалъ Богу душу.

Въ Севастопольскомъ гарнизонѣ однимъ богатыремъ стало меньше...

XXII.

Положеніе союзниковъ послѣ Инкерманскаго сраженія.—Мнѣніе князя Меншикова о дальнѣйшемъ ходѣ обороны.—Рескриптъ императора.—Опасеніе за недостатокъ пороха.—Письмо государя князю Меншикову.—Отсутствіе правильно-организованнаго управленія въ арміи.—Характеристка ближайшихъ помощниковъ главнокомандующаго. — Одинокость его положенія. — Формированіе штаба.—Взаимное положеніе работъ осаждающаго и обороняющагося.—Усиленіе состава гарнизона.—Значеніе четвертаго бастіона и мѣры для его защиты.—Икона, присланная императрицею гарнизону.—Буря 2-го ноября и ея послѣдствія.—Письмо императора князю Меншикову.—Положеніе гарнизона.—Состояніе союзныхъ армій.

Столкновеніе на Инкерманскихъ высотахъ, не имѣя никакого вліянія на нравственное состояніе нашихъ войскъ, измѣнило характеръ дѣя-

тельности атакующихъ. Внезапное появленіе русскихъ въ лагерѣ англичанъ обнаружило значительность нашихъ силъ и всегдашнюю готовность перейти въ наступленіе; оно открыло непріятелю глаза, указало ему слабые пункты позиціи и заставило подумать о собственной защитѣ. Вопросъ о безотлагательномъ штурмѣ Севастопольскихъ укрѣпленій былъ оставленъ союзниками, и рѣшено заняться оборонительными работами.

Англичане придавали этимъ работамъ особое значеніе и старались окопаться какъ можно скорѣе. Лордъ Рагланъ сосредоточилъ все свое вниманіе на постройкѣ оборонительной линіи укрѣпленій, и корреспондентъ газеты „Times“ съ грустью писалъ, что англійская армія, разстроенная потерями 24-го октября и истощенная усталостью, должна теперь работать надъ защитою своего тыла, со стороны Балаклавы. „Въ нынѣшнемъ положеніи дѣлъ,—говорилъ онъ,—половина нашей пѣхоты постоянно на ногахъ, и новая возложенная на насъ обязанность, вѣроятно, еще болѣе истощитъ нашу слабую армію“.

Какъ бы велико ни было это истощеніе, но лордъ Рагланъ настаивалъ на скорѣйшемъ исполненіи предположенныхъ работъ, и, спустя нѣсколько дней, изъ Севастополя увидѣли, что на группѣ высотъ, отъ Балаклавы до передовыхъ линій непріятельскаго расположенія, явился рядъ насыпей, хотя и не оконченныхъ, но достаточно обезпечивающихъ англичанъ отъ вторичнаго нападенія русскихъ. Вслѣдъ за тѣмъ было замѣчено, что и французы приняли мѣры къ охраненію обоихъ фланговъ своей атаки отъ нечаяннаго нападенія.

Работы англичанъ были обширнѣе, чѣмъ французовъ, и изъ города видно было, какъ перекапывали они Саперную дорогу и на Казачьей высотѣ возводили *редутъ № 1-го* (redoute anglaise), назначенный для обстрѣливанія мѣстности по обѣ стороны Киленъ-балки и Инкерманской плотины. Правѣе этого укрѣпленія, на возвышенности между Воловьею и Каменоломною балками, строился *редутъ № 2-го* (redoute du Phare), для дѣйствія по рейду и по Инкерманскимъ высотамъ. Оба эти укрѣпленія соединены были общею траншеею, продолженною по крутизнамъ Воловьяго и Каменоломныхъ овраговъ. Впереди редута № 1-го былъ заложенъ *редантъ* для обстрѣливанія отлогостей Киленъ-балочной высоты и Сушильной балки. На возвышеніи между Сушильною и Воловьею балками была заложена *рейдовая батарея № 1-го* (batterie

№ 1-er du fond du port). Ни дурная погода, ни холодъ не останавливали работъ англичанъ, усиленно трудившихся надъ постройкою укрѣпленій.

Смотря на эти укрѣпленія и получая ежедневно свѣдѣнія о томъ, что въ Балаклаву пришли три парохода, наполненные войсками, что французы ожидаютъ прибытія изъ Тулона 6-й и 7-й пѣхотныхъ дивизій, а изъ Константинополя деревянныхъ зимнихъ бараковъ, князь Меншиковъ не предвидѣлъ ничего хорошаго. Онъ опасался, что при постоянномъ вознагражденіи потерь, — прибытіемъ новыхъ подкрѣпленій, — союзники въ непродолжительномъ времени пріобрѣтутъ численное превосходство и поставятъ насъ въ самое затруднительное положеніе. Желая устранить подобную возможность, свѣтлѣйшій, на другой день послѣ сраженія, отправилъ курьера князю М. Д. Горчакову съ просьбою о помощи. „Дайте мнѣ возможность,—писалъ онъ [1]),—защищать Крымъ, если Севастополь падетъ. Нѣтъ ли для меня еще дивизіи въ вашемъ распоряженіи. Во всякомъ случаѣ распространяйте слухъ о большомъ движеніи войска въ Крымъ“.

Подъ вліяніемъ послѣдней неудачи князь Меншиковъ, въ недалекомъ будущемъ, видѣлъ неизбѣжное паденіе Севастополя, какъ въ томъ случаѣ, если непріятель, усиливши свои батареи противъ четвертаго бастіона, успѣетъ занять его, такъ и тогда, когда осаждающій будетъ съ намѣреніемъ тянуть осаду и заставлять насъ расходовать порохъ, въ которомъ ощущался большой недостатокъ.

Считая паденіе Севастополя дѣломъ рѣшеннымъ, главнокомандующій помышлялъ теперь только о защитѣ Крыма.

„La position de l'ennemi, — писалъ онъ военному министру [2]), — inforçable maintenant le serait encore plus, après la chute de Sévastopol, et son blocus en hiver, quoique possible, sera d'une grande difficulté. Sans parler des souffrances que devront éprouver les troupes et de l'épuisement du pays dont nous absorbons les dernières ressources Notre position est bien pénible, cher Prince, et son issue est entre les mains de la Providence“ [3]).

---

[1]) Отъ 25-го октября 1854 г.

[2]) Князю Долгорукову отъ 27-го октября.

[3]) Положеніе непріятеля, неприступное теперь, будетъ еще болѣе неприступнымъ послѣ паденія Севастополя, и его блокированіе зимою, хотя и воз-

Такая безъисходность положенія, отсутствіе надежды на лучшій исходъ въ будущемъ и наконецъ мрачныя предсказанія самого главнокомандующаго крайне заботили и огорчали императора.

„Ежели донесеніе твое, любезный Меншиковъ,—писалъ онъ [1]),— объ отличномъ духѣ войскъ, ихъ молодецкой бодрости и готовности, не смотря на неудачу и ужасную потерю, меня порадовало, то твое письмо къ князю Долгорукову, съ твоими горькими, черными предсказаніями, меня глубоко опечалило. Зачѣмъ же столько геройства, столько горькихъ потерь, ежели исходъ дѣла долженъ быть столь гибельный! Какъ этому повѣрить, когда рядомъ съ этимъ знаю, что за молодецкій духъ въ войскахъ, который они на дѣлѣ доказали и доказываютъ, и что грѣшно не признавать?

„Неужели и враги наши не пострадали и весь перевѣсъ въ ихъ пользу?—воля твоя, этому я повѣрить не могу. Не унывай, говорю я, и не вселяй уныніе въ другихъ. Это было бы постыдно.

„Соображая, что, быть можетъ, думаю, что, отбивъ штурмъ, съ помощью Божіею, надо готовиться сейчасъ же всѣми силами атаковать изъ города осадныя работы и ихъ уничтожить, или въ нихъ ложироваться. Но надо, чтобы тогда была диверсія отъ стороны Чоргуна и сильная. Чего всего болѣе опасаюсь,—былъ бы новый дессантъ въ тылу у Евпаторіи для угроженія твоимъ сообщеніямъ. Не было бъ ли осторожнѣе отрядить туда драгунъ, которымъ, кажется, большой роли у Чоргуна не предстоитъ, и поручить тогда Врангелю всю кавалерію, т. е. и резервную уланскую дивизію, чтобы по крайней мѣрѣ тылъ твой былъ свободенъ и въ надежныхъ рукахъ.

„Ободряй войска, говори съ ними моимъ именемъ, благодари ихъ, чтобъ знали, что ты уважаешь ихъ заслуги и доводишь до меня ихъ подвиги. Представляй скорѣе къ наградамъ отличившихся. Авось Богъ милосердый сподобитъ еще тебя обрадовать меня доброй вѣстью".

можное, будетъ сопряжено съ большими затрудненіями,— не говоря о страданіяхъ, которыя должны будутъ выносить войска, и объ истощеніи страны, послѣднія средства которой мы поглощаемъ. Наше положеніе очень тяжело, и успѣхъ его въ рукахъ Провидѣнія.

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 2-го ноября 1854 года.

Ожиданіямъ государя, къ сожалѣнію, не суждено было осуществиться.

Съ возведеніемъ союзниками оборонительныхъ построекъ князь Александръ Сергѣевичъ считалъ положеніе ихъ неприступнымъ, и, при тѣхъ боевыхъ средствахъ, которыми располагалъ, не находилъ возможнымъ предпринять какое бы то ни было наступательное движеніе съ нашей стороны.

Потеря, понесенная въ Инкерманскомъ сраженіи, была настолько велика, что во многихъ полкахъ не было ни одного штабъ-офицера и ими командовали капитаны. Пополнить этой убыли было нечѣмъ и хотя главнокомандующій, на другой день послѣ сраженія, распорядился переводомъ изъ Херсона въ Крымъ двухъ батальоновъ Камчатскаго полка [1]), но, справедливо, считалъ ихъ слишкомъ недостаточными, для пополненія прежней и ежедневно происходящей убыли. По мнѣнію князя Меншикова, присылка новаго и значительнаго подкрѣпленія ему была необходима, чтобы располагать довольно сильнымъ резервомъ для противодѣйствія союзникамъ, въ томъ случаѣ, если бы они вздумали прорвать линію блокады.

Имѣя въ виду, что, съ наступленіемъ уже холоднаго времени и скорой зимы, городу Николаеву не угрожаетъ болѣе опасность нападенія непріятеля, устремившаго всѣ свои силы на Севастополь, князь Меншиковъ просилъ кн. М. Д. Горчакова отправить въ Крымъ всю пѣхоту, находившуюся въ г. Николаевѣ, и замѣнить ее войсками изъ южной арміи [2]).

Просьба эта была не только исполнена, но и предупреждена. Еще до Инкерманскаго сраженія, главнокомандующій южною арміею отправилъ на подводахъ, для усиленія Крымской арміи, изъ Бендеръ 180 человѣкъ артиллеристовъ и изъ Тирасполя въ Херсонъ половину лабораторной № 2-го роты [3]). Вслѣдъ за тѣмъ былъ двинутъ въ Крымъ, изъ окрестностей Одессы, подвижной артиллерійскій № 11-го паркъ [4]) и одно

---

[1]) При слѣдованіи 4-го корпуса въ Крымъ батальоны эти были оставлены въ Херсонѣ для усиленія тамошняго гарнизона и обезпеченія складовъ.

[2]) Письмо кн. Меншикова кн. Горчакову 26-го октября.

[3]) Отношеніе кн. Горчакова кн. Меншикову 10-го октября.

[4]) Отношеніе кн. Горчакова кн. Меншикову 14-го октября за № 3434.

отдѣленіе летучаго парка [1]). Получивши же свѣдѣнія о значительной убыли офицеровъ въ сраженіи 24-го числа, князь Михаилъ Дмитріевичъ тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе о командированіи въ Крымъ двадцати-двухъ штабъ-офицеровъ [2]), нѣсколькихъ докторовъ, фельдшеровъ и госпитальныхъ принадлежностей. Прося кн. Меншикова увѣдомить, нужны ли ему штабъ-офицеры для командованія полками [3]), онъ прибавлялъ, что отправилъ на подводахъ изъ Николаева въ Крымъ четыре резервныхъ батальона изъ числа шести тамъ находившихся [4]). Большаго числа войскъ отдѣлить отъ себя онъ не могъ, ибо, по тогдашнимъ политическимъ сношеніямъ нашимъ съ Австріею, самъ долженъ былъ готовиться къ непріязненнымъ дѣйствіямъ съ этою державою.

Извѣстіе о направленіи въ Крымъ новыхъ подкрѣпленій не успокоивало кн. Меншикова, — онъ все еще оставался при убѣжденіи, что Севастополь падетъ, если не отъ недостатка войскъ, то отъ недостатка пороха, котораго, по мнѣнію главнокомандующаго, могло хватить только на нѣсколько дней, а за тѣмъ приходилось очищать городъ и выводить гарнизонъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ необходимо было принять мѣры къ подорванію батарей, истребленію матеріальной части и къ разрушенію домовъ, но ничего этого сдѣлать было не возможно за недостаткомъ того же пороха. Князь Меншиковъ просилъ князя Горчакова и генерала Хомутова прислать ему какъ можно болѣе штуцерныхъ патроновъ и вообще оказать содѣйствіе къ пополненію его арміи боевыми припасами [5]). Не ограничиваясь этимъ и считая свое положеніе весьма опаснымъ, главнокомандующій отправилъ точно такую же просьбу и военному министру, прибавляя, что Севастополь держится и будетъ держаться до тѣхъ поръ, пока непріятель не утвердится на четвертомъ бастіонѣ и пока мы будемъ имѣть порохъ [6]).

---

[1]) Письмо кн. Горчакова кн. Меншикову 31-го октября.

[2]) По одному отъ каждаго полка 3-го и 5-го пѣхотныхъ корпусовъ и отъ 6-й пѣхотной дивизіи. См. отношеніе кн. Горчакова военному министру 1-го ноября.

[3]) Тоже кн. Меншикову отъ 1-го ноября за № 19560.

[4]) Это были пятые резервные батальоны Волынскаго и Минскаго полковъ и 5-й и 6-й батальоны Украинскаго егерскаго полка.

[5]) Письмо кн. Меншикова кн. Горчакову 27-го октября 1854 г. Письмо генерала Хомутова князю Меншикову отъ 30-го октября 1854 г.

[6]) Письмо кн. Меншикова князю Долгорукову отъ 3-го ноября 1854 г.

Такое заявленіе главнокомандующаго возбудило большое безпокойство въ Петербургѣ.

„Грустно было мнѣ, — писалъ императоръ [1]), — читать твое донесеніе отъ 3-го ноября, любезный Меншиковъ. Неужели должны мы лишиться Севастополя, флота и со всѣми ужасными послѣдствіями за недостаткомъ пороха! Неужели имѣя подъ ружьемъ болѣе 70.000 отличнаго войска, противъ 50.000 союзниковъ, не предстоитъ болѣе никакого способа извлечь пользу изъ геройской обороны, болѣе мѣсяца продолжающейся и стоившей намъ столькихъ горькихъ жертвъ. Это ужасно подумать и вотъ что заключить я долженъ изъ сегодняшнихъ твоихъ донесеній. Но буди воля Божія!“

Потерять крѣпость и отступить, не за отсутствіемъ стойкости и мужества войскъ, а за недостаткомъ боевыхъ средствъ было бы дѣйствительно ужасно, и потому естественно, что донесеніе князя Меншикова произвело большой переполохъ въ военномъ министерствѣ. Князь Долгоруковъ хотя и разослалъ повсюду своихъ адъютантовъ и нарочныхъ, съ приказаніемъ немедленно отправить въ Крымъ весь излишній порохъ внутреннихъ крѣпостей и запасы пороховыхъ заводовъ, но не надѣялся, чтобы транспорты скоро достигли до Севастополя. При громадности разстояній и недостаткѣ перевозочныхъ средствъ, нужно было много усилій, чтобы побѣдить тѣ препятствія, которыя противопоставлялись дѣятельности военнаго министерства въ этомъ отношеніи.

— Всѣ мои заботы, — говорилъ военный министръ — направлены къ тому, чтобы послать наибольшее количество пороху, и этотъ важный предметъ не даетъ мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью. Но извѣстны разстоянія и дороги русскія; самое большое усердіе разбивается объ эти подводные камни.

Онъ просилъ князя Меншикова взять временно порохъ съ кораблей, и если представится возможность, то принять мѣры къ соблюденію экономіи въ расходованіи выстрѣловъ [2]).

„Недостатокъ въ порохѣ приводитъ меня въ отчаяніе, — писалъ онъ

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 11-го ноября 1854 г.

[2]) Письма кн. Долгорукова князю Меншикову 31-го октября и 7-го ноября 1854 г.

князю Меншикову [1]).—Вы будете имѣть непремѣнно то количество, которое просите—по крайней мѣрѣ меня увѣряютъ въ этомъ—но разстоянія и дороги ужасны! Кромѣ 4.000 пудовъ, посланныхъ изъ Кіева, о которыхъ вы уже знаете, къ вамъ должны отправить еще оттуда же около 7.000 пудовъ и весь остатокъ съ Шостенскаго завода. Не можете ли вы, сберегая выстрѣлы, временно заимствовать порохъ изъ вашихъ парковъ. Прискорбно будетъ, по недостатку припасовъ, потерять плоды такого великолѣпнаго поведенія, каково вашихъ стойкихъ моряковъ, и никто, какъ я, будетъ причиною того. Говорю я потому, что министръ не можетъ быть не отвѣтственнымъ за подобный недостатокъ въ порохѣ, хотя въ сущности трудно было создать въ два года столь значительные запасы пороха, чтобы удовлетворить огромному расходу, часто даже не основательному, какой дѣлали изъ него. Постарайтесь, дорогой князь, выдумать что-либо особенное (quelques bonnes surprises), пока вы его не получите. Россія будетъ вамъ за то благодарна, а я буду благословлять васъ. Штыкъ не можетъ ли замѣнить пушки и завладѣть непріятельскими магазинами (запасами). Это было бы великолѣпно, но я завираюсь, и вы конечно не обратите вниманія на мои глупости".

Весь порохъ, назначенный для крѣпостныхъ орудій, считался израсходованнымъ и на пополненіе его въ Севастополѣ ожидали только 1.200 пудовъ изъ Новочеркасска и 4.000 пудовъ изъ Кіева, но когда эти транспорты прибудутъ, кн. Меншиковъ не имѣлъ о томъ никакихъ свѣдѣній [2]).

Собственно говоря, опасенія главнокомандующаго были преждевременны. По сохранившимся свѣдѣніямъ, при самомъ усиленномъ расходѣ пороха, съ перваго дня осады и по 15-е ноября, истрачено было 45.000 пудовъ [3]) и въ наличности оставалось около 29.000 пудовъ.

---

[1]) Отъ 11-го ноября 1854 г.

[2]) Письмо кн. Меншикова кн. М. Д. Горчакову отъ 2-го ноября.

[3]) Письмо кн. Меншикова кн. Долгорукову отъ 15-го ноября 1854 г. «Съ половины сентября,—писалъ онъ, со времени обложенія Севастоля израсходованъ весь порохъ, хранившійся въ крѣпости морскаго вѣдомства, и всѣ запасы изъ Новочеркасска, Перекопа, Херсона, Николаева и Бендеръ. Кромѣ того начали расходоваться 4 т. пудовъ, транспортируемыхъ изъ Кіева—всего же по сей день истрачено 45.000 пудовъ пороха».

По первому требованію князя Меншикова генералъ Хомутовъ отправилъ изъ Керчи 40.000 штуцерныхъ патроновъ и 99.000 таковыхъ же, находившихся въ Арабатѣ, предоставилъ въ распоряженіе главнокомандующаго [1]). Сверхъ того, въ пути было нѣсколько транспортовъ, которые должны были прибывать въ Севастополь почти безпрерывно, съ малыми промежутками во времени, но князь Александръ Сергѣевичъ не имѣлъ свѣдѣній ни о величинѣ транспортовъ и времени ихъ прибытія, ни о томъ, сколько въ дѣйствительности израсходовано пороха и сколько остается его въ запасѣ.

Порохъ отпускался по требованію командировъ батарей и бастіоновъ. Нѣкоторые изъ нихъ требовали его не въ мѣрѣ дѣйствительной надобности, а съ намѣреніемъ составить запасъ, обезпечить себя на будущее время и имѣть излишекъ на черный день. Съ точки зрѣнія командировъ частей въ подобномъ требованіи не было ничего предосудительнаго, но на дѣлѣ оно вело къ безпорядкамъ и преждевременнымъ опасеніямъ. Склады быстро очищались, но не такъ быстро пополнялись. Транспорты съ порохомъ весьма долгое время оставались подъ открытымъ небомъ; никто не принималъ привезеннаго пороха, и извощики, по недостатку фуража, терпѣли совершенное бѣдствіе. Разсказы ихъ, на возвратномъ пути, о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ при сдачѣ, и разныхъ задержкахъ быстро распространялись и число лицъ, желающихъ взять на себя доставку, съ каждымъ днемъ уменьшалось. „Самое главное затрудненіе,—писалъ генералъ Хомутовъ [2]),—въ прiисканіи возчиковъ, которые весьма опасаются, что, по привозѣ клади, ихъ употребятъ въ казенныя работы, чему, они говорятъ, бывали примѣры“. Только въ декабрѣ мѣсяцѣ былъ установленъ нѣкоторый порядокъ въ пріемѣ транспортовъ съ порохомъ, и назначенъ особый пріемщикъ. До ноября же мѣсяца князь Меншиковъ не имѣлъ правильно организованнаго штаба и принужденъ былъ во все входить самъ. По своей недовѣрчивости къ людямъ, онъ не видѣлъ вокругъ себя ни одного лица, на котораго могъ бы положиться.

Непосредственные помощники главнокомандующаго — корпусные командиры—не внушали къ себѣ его довѣрія. Самый близкій къ нему человѣкъ, князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ, былъ не только старъ,

---

[1]) Письмо Хомутова кн. Меншикову отъ 30-го октября 1854 г.

[2]) Тамъ же.

но дряхлъ, имѣлъ отдѣльное порученіе охранять Севастополь со стороны Чоргуна и, при всѣхъ своихъ разностороннихъ познаніяхъ и рыцарской храбрости, не могъ считаться хорошимъ помощникомъ въ такое горячее время, гдѣ необходимы были: здоровье, силы и большой запасъ энергіи. При всемъ уваженіи, которое сохранялъ князь Меншиковъ къ князю Петру Дмитріевичу, онъ смотрѣлъ на него какъ на человѣка, который, не сегодня такъ завтра, откажется отъ всякой дѣятельности. Второй помощникъ, командиръ корпуса, генералъ Данненбергъ, по мнѣнію главнокомандующаго, имѣлъ мало энергіи, былъ „идеалистъ и кабинетный утопистъ", которому нельзя поручить командованіе какою-либо отдѣльною частію, а тѣмъ болѣе поставить во главѣ арміи. Князь Меншиковъ ужасался, когда ему приходило въ голову, что, въ случаѣ болѣзни его и князя П. Д. Горчакова, генералъ Данненберъ долженъ будетъ стать во главѣ арміи [1]).

— Это будетъ истинное несчастіе,—говорилъ свѣтлѣйшій.

Инкерманское сраженіе познакомило князя Александра Сергѣевича со способностями начальниковъ дивизій: одинъ изъ нихъ былъ убитъ, а другой генералъ, Павловъ, устраненъ отъ всякой дѣятельности [2]). Генерала Липранди Меншиковъ считалъ человѣкомъ хитрымъ и двуличнымъ, а остальныхъ бригадныхъ командировъ онъ не зналъ настолько, чтобы можно было на нихъ положиться. „Я чрезвычайно нуждаюсь,—писалъ князь Меншиковъ [3]),—въ способныхъ офицерахъ генеральнаго штаба. Всѣ находящіеся у меня, за исключеніемъ одного или двухъ, полнѣйшая ничтожность, въ томъ числѣ и Герсевановъ, неспособность котораго къ выполненію обязанности генерала-квартирмейстера ниже всякой критики".

Словомъ сказать, главнокомандующій, какъ прежде, такъ и теперь чувствовалъ свое одиночество и не имѣлъ, кому поручить заботу о продовольствіи арміи, наблюденіе за госпиталями, попеченіе о скорѣйшемъ

[1]) См. письмо кн. Меншикова князю Горчакову отъ 10-го ноября. Письма кн. Меншикова къ кн. Горчакову переведены и напечатаны въ «Русской Старинѣ» 1857 г., но съ ошибками.

[2]) «Павловъ, о которомъ отзывались какъ о храбрецѣ,—писалъ кн. Меншиковъ кн. Горчакову въ письмѣ отъ 27-го ноября,—исполнился такой паники, что я, въ предупрежденіе перехода ея на другихъ, долженъ былъ удалить его изъ Севастополя».

[3]) Князю Горчакову въ письмѣ отъ 17-го декабря.

доставленіи, правильномъ расходованіи и наличномъ состояніи боевыхъ припасовъ. Продовольствіе еще шло кое-какъ, но съ больными и ранеными главнокомандующій не зналъ, какъ и справиться. Къ 25-му октября въ Севастополѣ ихъ собралось столько, что всѣ бараки, магазины и батареи сѣверной стороны города были заняты ими, и помѣщенія для вновь прибывающихъ тамъ не было [1]). Князь Меншиковъ принужденъ былъ разослать въ разныя стороны нѣсколькихъ лицъ съ порученіемъ устроить госпитали, или по крайней мѣрѣ отыскать помѣщенія для раненыхъ, но посылка эта, какъ увидимъ, не привела къ удовлетворительнымъ результатамъ. Каждый изъ посланныхъ дѣйствовалъ по собственному усмотрѣнію, безъ предварительно составленнаго плана, и потому не могъ успѣть во многомъ.

Отсутствіе правильно организованной системы управленія вело къ безпорядкамъ и упущеніямъ, происходящимъ помимо воли человѣка, поставленнаго въ исключительное положеніе и не имѣющаго ни силъ, ни времени удовлетворить многочисленнымъ потребностямъ, вызываемымъ силою обстоятельствъ. Въ томъ положеніи, въ которомъ находился князь Меншиковъ, силъ одного человѣка было далеко недостаточно, чтобы вездѣ дѣйствовать съ успѣхомъ, все помнить и провѣрить. Князь Александръ Сергѣевичъ хотя и сознавалъ это, но считалъ недостойнымъ себя признаться въ своемъ безсиліи и ожидалъ, когда свыше оцѣнятъ его труды и сами придутъ къ нему на помощь. „Я измученъ трудами и заботами,—писалъ онъ кн. Горчакову [2]),—и не вижу выхода изъ своего положенія; утѣшительнаго ничего, а за то сплетень—гибель!“

Въ Петербургѣ понимали тяжелое положеніе главнокомандующаго, готовы бы были помочь ему, но стѣснялись личнымъ характеромъ князя Александра Сергѣевича. Онъ отказывался принять къ себѣ въ помощники тѣхъ лицъ, которыхъ ему предлагало министерство, и вмѣстѣ съ тѣмъ долгое время не назначалъ никого по своему избранію.

„Vous me dites,—писалъ военный министръ князю М. Д. Горчакову [3]),—de former cet Etat-major; je ne demanderais pas mieux, mais

---

[1]) Докладная записка кн. Меншикову адмирала Станюковича отъ 25-го октября.

[2]) Въ письмѣ отъ 27-го октября.

[3]) Въ письмѣ отъ 19-го ноября.

malgré les relations réellement amicales dans lesquelles nous sommes avec le Prince Menchikoff, il est très difficile de deviner son goût. On lui envoie et officiers distingués, et employés d' expérience et pourtant cela n'aboutit à rien. Si vous êtes dans des rapports agréables avec Menchikoff ne pourriez-vous pas lui inspirer quelque bonne idée [1])".

Князь Михаилъ Дмитріевичъ, какъ мы видѣли, гораздо ранѣе этого письма нѣсколько разъ указывалъ князю Меншикову на необходимость образовать себѣ штабъ какъ можно скорѣе, и въ концѣ октября онъ снова обратился къ нему съ подобнымъ же совѣтомъ.

„Дружескія отношенія нашей молодости,—писалъ онъ [2]),—и важность настоящихъ обстоятельствъ вынуждаютъ меня говорить съ вами съ тою же откровенностію, съ какою мы когда-то говорили въ Самбургскомъ домѣ [3]). Отъ меня далеко недостойное чувство, чтобы, пользуясь затруднительностію положеній, въ которыхъ мы находимся, я вздумалъ принимать на себя роль наставника съ человѣкомъ, котораго ставлю выше себя во всѣхъ отношеніяхъ, и конечно вы меня въ этомъ не заподозрите. По всей вѣроятности, будь я на вашемъ мѣстѣ, я бы сдѣлалъ менѣе того, что сдѣлали вы, но не подвергаясь опасности, вамъ угрожающей, и располагая нѣсколькими свободными часами, я могу въ нѣкоторомъ отношеніи быть вамъ полезнымъ, сообщивъ свои мысли.

„Прежде всего позвольте вамъ напомнить, что главное достоинство генерала не терять присутствіе духа, вслѣдствіе временныхъ неудачъ. Почему вы думаете, что Крымъ можетъ быть потерянъ и Севастополь взятъ? Дѣло 24-го октября, вполнѣ достойное сожалѣнія, не измѣняетъ пока вашего положенія. Можетъ быть, лучше было бы не рисковать, предпринимая его, но послѣдствія его вовсе не такъ печальны.

---

[1]) Вы говорите о сформированіи этого штаба; я не желаю ничего лучшаго, но, несмотря на истинно дружескія отношенія, въ которыхъ мы находимся съ княземъ Меншиковымъ, весьма трудно удовлетворить его вкусу. Ему посылаютъ лучшихъ офицеровъ и опытныхъ чиновниковъ, и однако же это не приводитъ ни къ чему. Если вы находитесь въ хорошихъ отношеніяхъ съ Меншиковымъ, не можете ли внушить ему какую-нибудь хорошую мысль.

[2]) Меншикову въ письмѣ отъ 31 октября.

[3]) Домъ, принадлежащій л.-гв. 1-й артиллерійской бригадѣ, въ которой они вмѣстѣ служили въ молодости.

„По мнѣнію моему, прежде всего вамъ необходимо принять такую систему: защищать Севастополь до крайности, выжидая во всемъ остальномъ. Наши войска, вооруженныя хуже непріятельскихъ и хуже предводительствуемыя, должны будутъ конечно уступить въ серьезномъ наступательномъ сраженіи, но при оборонѣ они будутъ великолѣпны, и непріятель понесетъ кровавыя неудачи. Разсмотрите хладнокровно ваше положеніе и увидите, что вамъ не нужно болѣе войскъ, чтобъ подъ конецъ восторжествовать надъ непріятелемъ.

„Какая серьезная опасность вамъ угрожаетъ? Взятіе Севастополя? Но какъ же въ него войдетъ непріятель, когда онъ не могъ заставить молчать ваши батареи. Онъ не успѣетъ въ этомъ, если вы будете беречь ваши выстрѣлы и если часть вашей артиллеріи не будетъ подъ непріятельскимъ огнемъ, а будетъ стоять за мерлонами до рѣшительной минуты. Кромѣ укрѣпленій, вами воздвигнутыхъ, загражденныя улицы составляютъ вторую линію обороны. Имѣйте постоянно подъ рукою отъ 30 до 40 тысячъ войскъ, для отраженія нападенія, и я вамъ отвѣчаю, что непріятель или не предприметъ штурма, или же будетъ отраженъ, съ столь значительною потерею, что она отобьетъ у него охоту повторить свое нападеніе. Что же касается Крыма, еслибъ Севастополь по несчастію и былъ взятъ, то нѣтъ вѣроятія, чтобы непріятель могъ завладѣть полуостровомъ. Онъ не можетъ удалиться отъ берега потому, что всѣ жизненные припасы подходятъ къ нему моремъ и ему нѣтъ никакой возможности устроить себѣ перевозочныя средства, для доставленія провіанта на три перехода отъ берега. Какимъ же образомъ при подобныхъ обстоятельствахъ и съ незначительнымъ числомъ полевой артиллеріи и кавалеріи можетъ онъ завладѣть полуостровомъ?

„Вы будете вести медленную войну, тревожа его на каждомъ шагу, и конечно онъ изнеможетъ. Чѣмъ больше у него будетъ войска, тѣмъ труднѣе ему будетъ его двигать и кормить. Уже теперь осенніе вѣтры заставляютъ себя чувствовать, стѣсняютъ мореплаваніе, и со дня на день море будетъ становиться менѣе удобнымъ. Вотъ въ чемъ предвидится вашъ успѣхъ.

„Не обращайте вниманія на вашихъ недоброжелателей,—пусть ихъ болтаютъ, и не старайтесь зажать имъ ротъ, но крѣпко держитесь принятаго образа дѣйствій. Вотъ вамъ дружескіе совѣты и за невозможно-

стію дать вамъ войска, позвольте прибавить еще два. Въ важныхъ военныхъ операціяхъ необходимо лично провѣрять подробности диспозиціи, въ подобныхъ обстоятельствахъ не разсчитывайте ни на кого изъ своихъ подчиненныхъ, даже на человѣка, къ которому имѣете полнѣйшую довѣренность. Я всегда лично повѣрялъ всѣ диспозиціи, даже Лидерса, который бравый солдатъ, имѣетъ хорошій штабъ, и всегда находилось, что надо было исправить. Не менѣе необходимо имѣть всегда резервъ отъ 10-ти до 15-ти тысячъ въ вашемъ единственномъ распоряженіи, который и слѣдуетъ вести въ огонь лично, чтобы исправить ошибки, сдѣланныя подчиненными генералами. Простите за длинное письмо и обратите вниманіе только на чувство, которое его писало. Затѣмъ обращайтесь ко мнѣ оффиціально за всѣмъ, что вамъ отъ меня понадобится. Я всегда сдѣлаю все возможное и даже невозможное. Во что бы то ни стало образуйте себѣ штабъ: одинъ человѣкъ не можетъ всего исполнить. Вамъ необходимъ начальникъ артиллеріи и интендантъ; выберите людей по своему усмотрѣнію и требуйте ихъ настоятельно; сдѣлаютъ все, что вы будете просить“.

Князь Меншиковъ самъ созналъ необходимость раздѣлить трудъ и избрать себѣ помощниковъ. Опасаясь, чтобы, въ случаѣ болѣзни какъ его, такъ и князя Петра Горчакова, командованіе арміею не перешло въ руки генерала Данненберга, главнокомандующій просилъ военнаго министра исходатайствовать разрѣшеніе императора помѣнять командировъ 3-го и 4-го пѣхотныхъ корпусовъ. Онъ находилъ болѣе полезнымъ, если Данненбергъ будетъ назначенъ командиромъ 3-го корпуса, а генералъ баронъ Остенъ-Сакенъ—командиромъ 4-го корпуса, въ то время находившагося въ Крыму почти въ полномъ составѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ кн. Меншиковъ рѣшился наконецъ сформировать штабъ и избрать себѣ начальника штаба. Вниманіе его остановилось на командирѣ первой бригады 12-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіорѣ Семякинѣ, котораго свѣтлѣйшій и вытребовалъ къ себѣ 1-го ноября.

— Хотѣлъ прежде нежели подпишу вотъ это бумагу,—сказалъ онъ,—спросить васъ, пожелаете ли вы?

Князь Меншиковъ показалъ Семякину проектъ приказа, которымъ назначалъ его своимъ начальникомъ штаба.

— Употреблю все усиліе, чтобы оправдать довѣріе,—отвѣчалъ Семякинъ.

Приказъ былъ отданъ, и спустя нѣсколько дней начальникъ штаба отправился въ Севастополь, чтобы осмотрѣть всѣ наши укрѣпленія и ознакомиться на мѣстѣ съ ходомъ обороны.

Отвлеченные на время возведеніемъ своихъ оборонительныхъ построекъ, союзники, въ теченіе нѣсколькихъ дней, ограничивались одною бомбардировкою, преимущественно четвертаго бастіона, и почти остановили свои наступательныя работы [1]). Они уширяли траншеи, прибавили нѣсколько орудій и, опасаясь нашего нападенія, начали укрѣплять лѣвый флангъ своей атаки „устройствомъ заворота за лѣвою оконечностью батарей Рудольфовой горы и расположеніемъ редута за Карантинною балкой впереди хутора Орловскаго [2])“.

Пользуясь этимъ временнымъ бездѣйствіемъ осаждающихъ, защитники возвышали и утолщали насыпи, строили новыя батареи, углубляли рвы, усиливали оборонительную линію поставкою новыхъ орудій, исправляли пороховые погреба, устраивали прикрытіе для прислуги, выравнивали внутреннее пространство бастіоновъ и батарей и даже чинили дороги, для лучшаго сообщенія укрѣпленій съ городомъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней было возведено двѣ новыхъ батареи [3]), прибавлено на оборонительной линіи шестнадцать орудій и приступлено къ обширнымъ работамъ, предохранявшимъ третій бастіонъ отъ штурма и обезпечивавшимъ отступленіе нашихъ войскъ съ Корабельной стороны.

Положеніе третьяго бастіона относительно окружающей мѣстности было таково, что внутреннее его пространство оставалось совершенно открытымъ для сильнаго пораженія, наносимаго ему огнемъ англійскихъ батарей. При такомъ существенномъ недостаткѣ, мы лишены были возможности содержать въ этомъ укрѣпленіи такое число войскъ, которое обезпечивало бы его отъ штурма, а между тѣмъ въ этомъ настояла крайняя необходимость. Подъ сильнымъ огнемъ своихъ батарей, англичане могли, не подвергаясь дѣйствію нашихъ выстрѣловъ, двинуться берегомъ Лабораторнаго оврага и по дну Доковой балки и, обойдя ба-

[1]) Всеподдан. донесеніе кн. Меншикова 31-го октября.

[2]) Тотлебенъ. «Оборона Севастополя», ч. I, 470.

[3]) № 43-го (Забудскаго) и № 44-го (Житкова).

стіонъ, одновременно съ двухъ сторонъ, занять его съ тыла. Чтобы устранить возможность подобнаго случая, бастіонъ былъ сомкнутъ съ *горжи* и, между имъ и обрывомъ Лабораторнаго оврага, построены три небольшія батареи на восемь орудій [1]). На случай, если бы, не смотря на эти постройки, англичане предприняли штурмъ и успѣли овладѣть третьимъ бастіономъ, то для обезпеченія отступленія войскъ съ Корабельной стороны были приведены въ оборонительное положеніе морскія казармы, находившіяся почти въ центрѣ этой части города. Избранныя быть редюитомъ лѣвой половины оборонительной линіи, морскія казармы были вооружены двѣнадцатью орудіями, усилены построенными по бокамъ ихъ двумя батареями на шесть орудій [2]), и защищены возведеннымъ передъ среднимъ входомъ въ казармы землянымъ капониромъ, на шесть орудій [3]).

Отсутствіе лѣса и прочихъ строительныхъ матеріаловъ было причиною, что построенныя укрѣпленія не имѣли той прочности, которая была желательна защитникамъ. Со дня осады исключительнымъ матеріаломъ для одежды укрѣпленій служили земляные мѣшки, а впослѣдствіи корабельныя цистерны. Только послѣ Инкерманскаго сраженія оказалось возможнымъ, при помощи войскъ, находившихся на Сѣверной сторонѣ, заготовлять туры и фашины въ Инкерманской и Мекензіевой рощахъ. Недостатокъ матеріаловъ съ лихвою восполнялся рвеніемъ и усердіемъ обороняющагося, и укрѣпленія наши быстро возростали.

Для защиты ихъ и пополненія убыли признано необходимымъ усилить составъ Севастопольскаго гарнизона и измѣнить дислокацію войскъ, находившихся на Сѣверной сторонѣ.

На другой день послѣ Инкерманскаго сраженія былъ переведенъ на Сѣверную сторону разстроенный Углицкій полкъ, а взамѣнъ его отправлены на Южную сторону полки Томскій и Колыванскій съ тремя ротами четвертаго савернаго батальона. Съ прибытіемъ ихъ въ составѣ Севастопольскаго гарнизона находились: 10-ая пѣхотная дивизія, пер-

---

[1]) Батареи № 45-го (Потемкина), № 46-го (Швейковскаго) и № 47-го (Попандопуло).

[2]) Батареи № 48-го (Беклешова) и № 49-го (также Беклешова).

[3]) Канониръ № 50-го (Беклешова) см. Тотлебенъ «Оборона Севастополя», ч. I, стр. 464—468.

выя бригады 14-й и 17-й пѣхотныхъ дивизій, резервная бригада 13-й пѣхотной дивизіи, два черноморскихъ казачьихъ батальона № 2-го и № 8-го, два батальона резервной бригады 14-й пѣхотной дивизіи, два саперныхъ батальона № 4-го и № 6-го, двѣ роты стрѣлковаго № 6-го батальона, легкія № 3-го и № 4-го батареи 14-й и № 4-го и № 5-го батареи 17-й артиллерійскихъ бригадъ и по сотнѣ казаковъ отъ донскихъ № 39-го и № 67-го полковъ.

Вся 11-ая пѣхотная дивизія съ ея артиллеріею и вторая бригада 17-й дивизіи была расположены у Бельбекской почтовой станціи, а 16-я пѣхотная дивизія съ двумя ротами стрѣлковаго № 6-го батальона и казачьимъ Попова полкомъ поставлены у Инкермана [1]).

25-го октября полки Томскій и Колыванскій вступили въ составъ гарнизона и какъ разъ въ то время, когда французы усилили огонь по четвертому бастіону. Начатая на другой день Инкерманскаго сраженія усиленная канонада по этому укрѣпленію продолжалась до 31-го октября, но съ этого числа замѣтно ослабѣла. Ослабленіе это вызывалось желаніемъ союзниковъ обезпечить себя отъ нападенія русскихъ и устроиться на занятыхъ ими позиціяхъ болѣе солиднымъ образомъ. Съ этою цѣлью ближайшій къ траншеямъ французскій лагерь былъ снятъ и палатки его перенесены ближе къ Камышевой бухтѣ. Въ Севастополѣ долго не могли опредѣлить причины такого отодвиженія, и если бы въ то же время не было замѣчено, что англичане уширяютъ свои траншеи, то главнокомандующій, въ перемѣщеніи лагеря, готовъ былъ видѣть приготовленіе союзниковъ къ посадкѣ на суда и къ отплытію. Но одновременныя дѣйствія англичанъ и французовъ такъ мало согласовались съ намѣреніемъ оставить Крымъ, что въ перенесеніи французскаго лагеря на новое мѣсто правильнѣе было видѣть намѣреніе ихъ устроиться болѣе удобно на зимнее время [2]). Во всякомъ же случаѣ удаленіе лагеря отъ осажденнаго города имѣло хорошее для насъ предзнаменованіе, и князь Меншиковъ отправилъ въ Петербургъ донесеніе болѣе успокоительнаго содержанія, чѣмъ всѣ предъидущія.

---

[1]) Приказаніе по войскамъ на 25-е октября.

[2]) Всепод. донесеніе князя Меншикова отъ 31-го октября 1854 г.

„Донесеніе твое, отъ 31-го октября—отвѣчалъ императоръ [1]),— дошло до меня сегодня вечеромъ, любезный Меншиковъ. Слава Богу, что дурнаго покуда ничего не было. Съ большимъ удовольствіемъ слышу отъ тебя, что ты вполнѣ доволенъ духомъ войскъ, въ которомъ мнѣ бы грѣшно было и когда-либо усомниться. Желательно весьма, чтобы явился удобный случай войску показать на дѣлѣ, что оно можетъ, когда храбрость его и ни съ чѣмъ несравненное усердіе будутъ употреблены удачнымъ образомъ.

„Изъ свѣдѣній, тобою сообщаемыхъ, не могу еще предвидѣть, чтобъ дѣйствительно намѣреніе враговъ было отплыть изъ Крыма. Время течетъ, силы гарнизона утомляются, непріятель получитъ скоро подкрѣпленія, намъ же ихъ не откуда взять и, что еще важнѣе и меня пугаетъ, трата снарядовъ такъ велика, что далеко превосходитъ то, что даже и усиленно мы подвезти можемъ. Ужасно будетъ, если при всей геройской защитѣ будетъ гибельный исходъ отъ недостатка снарядовъ.

„Ты въ послѣдній разъ упоминалъ о вылазкахъ. Думаю, что очень было бы полезно ихъ часто производить, чтобъ тревожить непріятеля, мучить его и задерживать осадныя работы. Съ той поры, какъ союзники столь сильно укрѣпили свой правый флангъ, нѣтъ вѣроятія, чтобъ было можно возобновить атаку на семъ флангѣ. Быть можетъ, что теперь легче было бъ сдѣлать покушеніе на лѣвый флангъ осадныхъ работъ и тѣмъ болѣе, ежели правда, что французы отнесли свой лагерь далѣе къ морю. Но надо быть на мѣстѣ, чтобъ о такихъ мудреныхъ предметахъ дѣльно говорить, и сообщаю эти мысли, только какъ впечатлѣніе, произведенное на меня чтеніемъ у васъ происходящаго.

„Слава Богу, что наши раненые поправляются; не престану просить тебя все возможное дѣлать для ихъ успокоенія.

„Полагаю, что князь Горчаковъ не затруднится двинуть къ тебѣ, что еще можно изъ Николаева. Но не забудь, что за этимъ уже *ничего нѣтъ*. Крайне жаль будетъ этотъ послѣдній резервъ истощить, ибо онъ одинъ въ виду до лѣта для пополненія твоихъ войскъ. Что же будетъ еще впереди, одинъ Богъ знаетъ!

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 7-го ноября 1854 г.

„Какъ жаль, что нѣтъ случая твоей славной кавалеріи отличиться. Былъ бы случай, она бы чудеса надѣлала. Не унывай, крѣпись, ободряй всѣхъ своимъ примѣромъ, и будемъ надѣяться на милость Божію".

Опасенія главнокомандующаго миновали; послѣдующія дѣйствія непріятеля еще болѣе убѣдили князя Меншикова въ томъ, что союзники, не надѣясь на возможность скораго овладѣнія Севастополемъ, рѣшились расширить свои работы и продолжать правильную осаду. Французы закладывали новую батарею противъ четвертаго бастіона, а англичане, продолживъ свою вторую параллель, по Зеленой горѣ вправо, на 75 саженъ, казалось, имѣли намѣреніе также устроить батареи противъ наиболѣе слабаго лѣваго фаса того же укрѣпленія. Такое сосредоточеніе огня противъ четвертаго бастіона могло имѣть гибельныя послѣдствія, и потому полковникъ Тотлебенъ, предугадывая намѣренія противниковъ, рѣшился, не ожидая появленія непріятельскихъ батарей, усилить артиллерійскую оборону лѣваго фаса четвертаго бастіона и уравновѣсить борьбу его съ батареями Зеленой горы [1]).

На этотъ разъ бывшія на вооруженіи четыре малыя мортирки были замѣнены орудіями большаго калибра, а на бульварѣ, позади батареи № 20-го (Шихматова), заложена батарея № 51-го (Лишина). Съ постройкою этой батареи какъ на оборонительной линіи, такъ и на внутреннихъ батареяхъ южной стороны города находилось 494 орудія разныхъ калибровъ, слѣдовательно, на 153 орудія болѣе, чѣмъ при первомъ бомбардированіи Севастополя. Пятаго октября по осаднымъ батареямъ дѣйствовало 118 орудій, тогда какъ теперь могло дѣйствовать до 240 орудій, т. е. почти вдвое болѣе. Цифра эта болѣе чѣмъ въ полтора раза превышала число орудій, выставленныхъ непріятелемъ на своихъ осадныхъ батареяхъ, на которыхъ находилось 90 французскихъ и 59 англійскихъ орудій [2]).

Превосходствомъ нашей артиллеріи мы обязаны конечно значительнымъ запасомъ орудій, находившихся въ Севастополѣ, предупредитель-

---

[1]) «Тотлебенъ,—писалъ князь Меншиковъ князю Горчакову,—удивительный человѣкъ: противъ каждой новой непріятельской батареи умѣетъ воздвигнуть новую у себя, да еще съ бо́льшимъ числомъ орудій».

[2]) Тотлебенъ «Оборона Севастополя», ч. I, 478—481.

нымъ мѣрамъ, наконецъ быстротѣ постройки и вооруженія укрѣпленій. При совокупности этихъ условій, мы всегда успѣвали не только уравновѣшивать свой огонь съ непріятельскимъ, но и пріобрѣтать надъ нимъ преимущество, тѣмъ болѣе, что стоявшіе при орудіяхъ моряки не привыкли жалѣть выстрѣловъ. Несмотря на приказаніе беречь порохъ и снаряды, черноморцы отвѣчали на каждый непріятельскій двумя и болѣе выстрѣлами. Слѣдя зорко за дѣйствіями противника, матросы не покидали своихъ орудій ни днемъ, ни ночью: возлѣ нихъ они обѣдали, ужинали, тутъ же и дремали. По выраженію своего адмирала, они весело подвергали себя смерти—это былъ для нихъ праздникъ.

— Мы начали защиту города,—говорили они, —мы и кончимъ ее, или умремъ всѣ до одного.

Когда послѣдовало распоряженіе, чтобы прислуга, бывшая въ теченіе дня при орудіяхъ, смѣнялась на ночь для отдыха, то черноморцы просили позволенія оставаться при орудіяхъ безсмѣнно, говоря, что они будутъ защищаться и умрутъ, не сходя съ своихъ мѣстъ. Неутомимые труды ихъ на защиту роднаго города не ускользнули отъ вниманія императора. Отправляя одинъ изъ рескриптовъ къ князю Меншикову съ флигель-адъютантомъ княземъ Голицынымъ, государь поручилъ послѣднему обойти всѣ укрѣпленія и лично передать морякамъ царскую благодарность.

Съ восторгомъ и слезами на глазахъ приняли герои восторженныя и задушевно-милостивыя слова императора и, какъ бы еще въ большее подкрѣпленіе себя, спѣшили поклониться образу Спасителя, привезенному тѣмъ же княземъ Голицынымъ, отъ имени императрицы, какъ даръ и благословеніе Севастопольскому гарнизону.

Въ 6 часовъ утра, 28-го октября, на площади передъ Николаевскою батареею, было совершено молебствіе, при собраніи войскъ и огромномъ стеченіи народа—всего, сколько еще оставалось свободнымъ въ Севастополѣ. По окончаніи молебна, протоіерей Лебединцевъ обратилъ вниманіе предстоявшихъ на изображеніе лика Спасителя. Благословляя одною своею десницею, Господь въ другой рукѣ держалъ Евангеліе, раскрытое на словахъ: „пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы“.

— Видите ли,—сказалъ проповѣдникъ, —какъ утѣшительны слова Господа Вседержителя и какъ прямо идутъ они къ прискорбнымъ даже

до смерти, сердцамъ нашимъ. Господь Вседержитель, во власти Коего судьбы царствъ и народовъ, обѣщаетъ покой всѣмъ труждающимся, какъ вы теперь, до крови и смерти, на полѣ брани за вѣру, царя и отечество. Господь Вседержитель обѣщаетъ покой обремененнымъ, тѣмъ паче тѣмъ, кои, подобно намъ, обременены неправедно, не какою-либо обыкновенною въ мірѣ скорбію, а ужаснымъ и едва не безпримѣрнымъ, по самому продолженію, бременемъ огня, меча и смерти. Итакъ, будемъ трудиться съ живою вѣрою, и Господь подастъ намъ покой и радость; будемъ нести тяжкое бремя наше съ благодушіемъ и упованіемъ, и Онъ Всемогущій сниметъ съ насъ тѣ лютыя иго и бремя, кои такъ долго тяготѣютъ надъ нами.

Съ наступленіемъ сумерекъ икона была обнесена по всей оборонительной линіи и за тѣмъ поставлена на приготовленномъ для нея мѣстѣ у входныхъ воротъ Николаевской батареи, ликомъ къ городу. Встрѣчая икону, защитники горячо молились. Прикладываясь къ святому образу, они принимали благословеніе Спасителя на новые безпримѣрные подвиги, которые предстояли Севастопольскому гарнизону, не только въ борьбѣ съ непріятелемъ, но и съ самою природою.

Наступила глубокая осень. Сильные вѣтры давно уже чередовались съ холодными проливными дождями, и, наконецъ, съ разсвѣтомъ 2-го ноября, поднялась сильная буря нанесшая большой ущербъ намъ и непріятелю. Наканунѣ 1-го ноября, пошелъ проливной дождь съ порывистымъ вѣтромъ дотого сильнымъ, что люди съ трудомъ могли противъ него держаться. Въ англійскомъ лагерѣ сорвало нѣсколько палатокъ, причинившихъ своимъ паденіемъ всеобщую тревогу. Смѣшанные крики людей, хлопанье парусины, скрипъ петлей и носящіеся въ воздухѣ сучья, собранные солдатами, чтобъ развести огонь—все это, посреди ночной темноты и завыванія вѣтра, представляло печальную картину. При самомъ началѣ вѣтра, англичане тотчасъ же принялись тушить огни, изъ боязни, чтобы пылающіе сучья и щепки не подожгли палатки.

Къ вечеру погода сдѣлалась еще хуже: дождь не прекращался, вѣтеръ свѣжѣлъ, и защитники, опасаясь, чтобы непріятель не воспользовался такою бурею и не предпринялъ штурма, выслали съ четвертаго бастіона секреты и въ теченіе всей ночи поддерживали сильный огонь съ батарей.

Между тѣмъ постепенно усиливавшійся вѣтеръ, къ утру 2-го ноября, перешелъ въ такой ураганъ, какого не запомнятъ старожилы Севастополя и опытные моряки Черноморскаго флота. Тучи находили быстро, засверкала ослѣпительная молнія, раздались удары грома и, вслѣдъ за ужаснѣйшимъ вѣтромъ, полился такой ливень, что на ровной степи въ нѣсколько минутъ образовались рѣки. Море волновалось и пѣнилось, какъ кипящій котелъ—въ этотъ день оно было дѣйствительно чернымъ. Темныя тучи, пробѣгая надъ поверхностью мрачныхъ волнъ, изливали потоки дождя, смѣшаннаго съ мелкими хлопьями снѣга и града. Вѣтеръ срывалъ верхушки волнъ и разбрасывалъ ихъ на берегъ такою мелкою и густою пылью, что корабли, стоявшіе въ глубинѣ бухты, исчезали въ этой морской пѣнѣ. Сквозь стѣну водяной пыли и брызгъ виденъ былъ только лѣсъ мачтъ, наклонявшихся отъ качки въ разныя стороны, видны были разорванныя снасти и болтающіеся въ воздухѣ лоскутья парусовъ. Дневной свѣтъ затемнялся то крупнымъ градомъ, то мелкою крупою, то снѣгомъ. Вѣтеръ разрушалъ дома [1]), ломалъ деревья, срывалъ черепицу и желѣзные листы съ крышъ, унося ихъ какъ листъ писчей бумаги. Въ Симферополѣ домъ губернатора, дворянское собраніе и центральный хлѣбный магазинъ остались безъ крышъ. На южномъ берегу Крыма была сорвана половина крыши Оріандскаго дворца, принадлежавшаго императрицѣ. Въ Бердянскѣ выброшено на берегъ и разбито до 46-ти разной величины судовъ, въ томъ числѣ большихъ; самая пристань была разрушена, и морскія волны отъ сильнаго напора вѣтра залили улицы и площадь такъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ высота воды доходила до 3 футъ.

Волненіе въ морѣ достигло необыкновенныхъ размѣровъ. Среди непріятельскаго флота появилось всеобщее смятеніе. Корабли и прочія суда, до сихъ поръ стоявшіе неподвижно, утратили свое спокойное, величавое положеніе и, бросаясь изъ стороны въ сторону, сталкивались между собою, цѣплялись своими снастями и наносили другъ другу важныя поврежденія. Нѣкоторые изъ нихъ затонули, другіе сѣли на мель. Повсюду слышались сигнальные выстрѣлы, свидѣтельствовавшіе о гибели непріятельскихъ судовъ.

---

[1]) Старый сарай инженернаго вѣдомства былъ разрушенъ до основанія. Пароходъ «Громоносецъ», стоявшій на якоряхъ въ бухтѣ, выброшенъ на берегъ.

При началѣ бури французскія и англійскія суда бросили всѣ свои якоря: они готовились къ борьбѣ со стихіею на жизнь и смерть. Вскорѣ якорныя цѣпи оказались не въ силахъ противиться напору вѣтра, ихъ разрывало на части и суда начало выбрасывать на берегъ. Качка была такъ ужасна, что никто не въ состояніи былъ держаться на палубѣ, не прицѣпившись къ шкафуту или мачтѣ. Снѣгъ и градъ рѣзали лицо, а холодный вѣтеръ сковывалъ всѣ члены [1]).

Сквозь сѣроватый туманъ видны были исполинскія волны, покрытыя обломками кораблей, которые съ ужаснымъ трескомъ разбивались о прибрежные скалы и камни. При каждомъ отливѣ волны, слѣдующая загибалась огромнымъ пѣнистымъ свиткомъ и, какъ водопадъ, скрывалась въ глубинѣ безпредѣльнаго моря, унося съ собою все встрѣчающееся на пути. Посреди всеобщаго хаоса видны были носящіеся въ безпорядкѣ части и остовы кораблей, пробитыя бочки и раздробленныя мачты. Волненіе было столь сильно, что изъ числа затопленныхъ нами судовъ при входѣ на рейдъ, корабль „Силистрія“ былъ выбитъ штормомъ со своего мѣста. Лишившійся палубы и сильно поврежденный корабль этотъ замѣненъ другимъ и на его мѣстѣ былъ затопленъ корабль „Гавріилъ“ [2]). Этимъ впрочемъ и ограничивались главнѣйшія поврежденія, причиненныя бурею нашему флоту, но за то непріятельскій пострадалъ значительно болѣе. Союзники потеряли въ этотъ день болѣе 30-ти купеческихъ кораблей и транспортовъ, частію разбитыми, частію сѣвшими на мель. Изъ военныхъ судовъ пострадали преимущественно французскія и особенно въ рангаутѣ. Одинъ изъ трехъ-дечныхъ кораблей былъ виденъ безъ руля; онъ управлялся весломъ, какъ рѣчная барка, но столь неудачно, что принявшій его на буксиръ пароходъ въ теченіе цѣлаго дня не могъ отдѣлиться отъ флота, такъ какъ лишившійся руля корабль сбивалъ его съ курса. Пароходъ „Ретрибюшенъ“ потерявъ мачты, принужденъ былъ выбросить за бортъ свои пушки и спасся только благодаря смѣлости и искусству своего капитана. Французскій сто-пушечный корабль „Генрихъ IV“, корветъ „Плутонъ“ и пять англійскихъ судовъ были разбиты у Евпаторіи. Англійскій пароходъ „Принцъ“ погибъ у Балаклавы. Многіе

---

[1]) Guérin. Histoire de la dernière, guerre de Russie. Paris 1858.

[2]) Всепод. донесеніе кн. Меншикова отъ 6-го ноября 1854 г.

изъ погибшихъ были нагружены зимнею одеждою для войскъ и другими необходимыми припасами. Гибель ихъ, въ особенности для англичанъ, была неисправимымъ несчастіемъ. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль послѣ бури, сыны Альбіона не имѣли чѣмъ прикрыться отъ дождя и холода.

Въ день бури въ непріятельскихъ лагеряхъ было замѣтно большое смятеніе. Палатки и бараки, унесенные однимъ порывомъ вѣтра, перепутались съ бочками, связками фуража и различными тюками. Все это катилось по скатамъ холмовъ и перемѣшивалось съ одѣялами, фуражками, шинелями и съ летающими въ воздухѣ сѣномъ и сухими листьями. Удивленные столь неожиданнымъ явленіемъ, англичане и французы бѣгали по всѣмъ направленіямъ: кто искалъ разнесенные вѣтромъ пожитки, кто собиралъ разорванныя части полотна, кто мастерилъ себѣ новое жилище изъ уцѣлѣвшихъ кусковъ, или искалъ досокъ и камней, чтобы, при помощи ихъ, устроить себѣ кое-какое закрытіе отъ дождя и холоднаго вѣтра. Многіе солдаты, не въ состояніи будучи держаться на ногахъ, ложились на землю, пережидая окончанія буди. „Пространство,—говоритъ Геренъ,—такъ недавно еще оживленное чистыми бѣлыми шатрами, теперь представлялось бурнымъ потокомъ, уносившимъ съ собою все встрѣчное“. По всему лагерю союзниковъ бѣгали испуганныя лошади, катились барабаны и летали по воздуху штабныя бумаги. Такъ, списки 3-й англійской дивизіи найдены были въ 4 верстахъ отъ палатки, въ которой они хранились. Прежде всего были разнесены палатки англійскихъ госпиталей, и больные остались безъ всякаго крова, подъ сильнымъ дождемъ и среди бури. Часть крыши дома лорда Раглана была снесена; амбары и коммиссаріатскіе сараи англичанъ сравнены съ землею. Два французскіе большіе деревянные барака, въ которыхъ былъ устроенъ перевязочный пунктъ, были уничтожены до основанія. Той же участи подверглись магазины съ одеждой и съѣстными припасами. Буря была такъ сильна, что до 30-ти англійскихъ палатокъ было принесено къ Чоргунскому отряду. Многія изъ нихъ достались на долю гусаръ, до сихъ поръ жившихъ въ небольшихъ ямахъ, прикрытыхъ хворостомъ [1]).

„Спасибо бурѣ,—писалъ императоръ князю Меншикову [2]),—она намъ услужила хорошо; желательно бы еще такой“.

---

[1]) Арбузовъ. Воспоминанія о войнѣ на Крымскомъ полуостровѣ (рукоп.).

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 19-го ноября 1854 г.

По всей линіи Севастопольскихъ укрѣпленій рвы и канавы были наполнены водою; грязь и вода покрывали все пространство земли, охватываемое глазомъ. Какъ тѣни бродили непріятельскіе солдаты, не зная куда преклонить голову, и не имѣя возможности разложить костровъ и обогрѣться; многіе изъ нихъ были найдены мертвыми. „Конечно,— писалъ одинъ изъ участниковъ,—союзники потеряли въ эту бурю не столько людей, сколько потеряно въ Инкерманскомъ сраженіи, но суда, разбитыя въ щепы, должны были подвезти союзникамъ все, чѣмъ поддерживается ихъ жизнь, что защищаетъ ихъ отъ холода и голода— съѣстные припасы и одежду,—а главное, что доставляетъ имъ возможность защищать свою жизнь—свинецъ и порохъ,—и все это исчезло въ морскихъ безднахъ вмѣстѣ съ средствами перевозки".

Около полудня, вѣтеръ перемѣнилъ направленіе, но пошелъ снѣгъ, и сдѣлалось еще холоднѣе. Къ вечеру вѣтеръ сталъ слабѣть, но буря прекратилась только утромъ слѣдующаго дня.

Буря поколебала основаніе дѣйствій союзниковъ—флотъ и настолько разстроила англо-французовъ, что они на нѣсколько дней пріостановили осадныя работы и прекратили канонаду даже и противъ четвертаго бастіона. Въ лагеряхъ ихъ было замѣтно движеніе къ пристанямъ, какъ будто они перевозили туда свои грузы. Это опять наводило на мысль, не рѣшаются ли англо-французы оставить Крымъ, но продолженіе на слѣдующій день контрвалаціонныхъ работъ противорѣчило этому предположенію [1]). Во всякомъ же случаѣ послѣдующія событія показали, что буря нанесла союзникамъ гораздо большее разстройство, чѣмъ предполагали въ Севастополѣ.

„Донесеніе твое отъ 6-го ноября,—писалъ императоръ [2]),—получилъ я сегодня утромъ, любезный Меншиковъ. Слава Богу! оно гораздо утѣшительнѣе предшествовавшихъ. Надо благодарить Всевышняго за помощь, столь явно оказанную бывшей 2-го числа бурей; кажется, послѣдствія были гораздо пагубнѣе для враговъ нашихъ, чѣмъ мы сами полагать могли. Любопытно знать, что у нихъ происходило отъ Балаклавы до Херсонеса,—вѣроятно, не дешевле обошлось тамъ, чѣмъ въ виду нашемъ. То уже хорошо, что гарнизонъ могъ хотя немного перевесть

---

[1]) Всепод. донесеніе кн. Меншикова 6-го ноября.

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 14—15-го ноября 1854 г.

духъ, послѣ мѣсячной неутомимой бомбардировки. Но считать дѣло конченнымъ, признаюсь, не могу. Надѣюсь, что усугублена будетъ осторожность, и не могу не одобрить, что ты гарнизонъ усилилъ. Оно полезно для всякаго случая. Ежели осуществится, чего однако не полагаю, что они готовятся отплыть, тогда время настанетъ къ общей сильной вылазкѣ, но не иначе, какъ съ значительными силами. Желательно бъ было даже перевесть для того сколько можно кавалеріи и въ особенности батарейной артиллеріи. Но повторяю, я этого не ожидаю изъ дѣйствій непріятеля. Скорѣе склоняюсь думать, что, испытавъ всю неудачу осады съ имѣвшимися у нихъ способами, претерпя значительныя потери, они пріостановили осаду до прибытія новыхъ способовъ и въ ожиданіи укрѣпляются, чтобъ ждать могли безопасно. Теперь вопросъ, скоро ли и могутъ ли въ сіе время года всѣ эти транспорты и прибыть и высадиться? Нѣтъ сомнѣнія, что оно весьма сомнительно. Потому быть можетъ, что ихъ ожиданія не сбудутся, но обратятся только въ ихъ конечную погибель. Намъ же всего нужнѣе *осторожность, осмотрительность, вѣрный взглядъ и разсчетливость*—ничего на *авось* и все *навѣрное*.

„Первое кажется мнѣ продолжать бдительность, усиливать оборонительныя работы и ихъ усовершенствовать. Потомъ пользоваться всѣми удобными случаями разстроивать и уничтожать непріятельскія осадныя работы частыми вылазками и даже занять ихъ траншеи.

„Ежели же непріятель точно настроилъ всѣ свои полевыя укрѣпленія только для того, чтобы безопаснѣе садиться на суда, то это должно скоро оказаться. Тутъ, кажется мнѣ, настанетъ минута рѣшительная, гдѣ надо будетъ собрать всѣ силы, что только можно, и, хотя съ жертвою, но не дать ему исполнить безнаказанно свое намѣреніе. Но и тутъ дѣлать *не опрометью, но разсчетливо и рѣшительно,* дабы и потери наши вполнѣ вознаградились *важностью послѣдствій*, т. е. уничтоженіемъ большей части враговъ. Самое нужное вести дѣло такъ, чтобъ не терпѣть намъ напрасно отъ огня морскаго, самаго губительнаго и которому отнюдь не должно подвергаться. Предвидѣть можно, что вѣрные союзники пожертвуютъ своими дорогими турками для своего спасенія. Они-то вѣроятно будутъ занимать дальніе редуты отъ моря; видя себя покинутыми, не думаю, чтобъ ихъ защита была упорна.

Желательно бъ еще подобной же бури, тогда результаты могутъ быть точно не исчислимы.

„Плѣнные говорятъ о намѣреніи приступа,—быть можетъ, но это отчаянное предпріятіе, кажется мнѣ, имъ не представляетъ надежды успѣха и только что можетъ приблизить минуту ихъ уничтоженія, при вѣроятной неудачѣ. Наконецъ, ежели милосердіе Божіе намъ опредѣлило на сей разъ спасти Севастополь, надо сейчасъ приступить къ довершенію укрѣпленій нашихъ, дополнивъ все, что опытъ указалъ намъ, необходимымъ и даже только полезнымъ, усиливъ работы елико можно, чтобъ къ февралю все было готово, ибо не уйдемъ мы отъ новаго и быть можетъ еще сильнѣйшаго нападенія; тогда же сейчасъ приступить къ пополненію войскъ.

„Сакену велѣно ѣхать къ тебѣ, но сомнѣваюсь, чтобъ теперь, при ожидаемомъ нападеніи Омеръ-паши, Горчаковъ могъ его послать. Въ такомъ случаѣ прикажи Липранди принять корпусъ отъ Данненберга, а ему ѣхать въ Петербургъ, гдѣ я назначилъ его въ члены Военнаго Совѣта, гдѣ онъ полезенъ будетъ. Ты хорошо сдѣлалъ, что взялъ Семякина въ начальники штаба, онъ хорошій офицеръ, хотя лично я его не знаю. Кому дашь ты 12-ю дивизію послѣ Липранди?—не знаю.

„Пожалуй не забудь представить о наградахъ; пора воздать по заслугамъ.

„Сейчасъ получено свѣдѣніе изъ Вѣны, что будто ожидаемыя двѣ французскія дивизіи слѣдуютъ не въ Крымъ, а на соединеніе съ четырьмя кавалерійскими полками, оставшимися въ Бургасѣ, для дѣйствія съ турками изъ княжествъ въ Бессарабію. Это было бы хорошо и избавило насъ отъ новыхъ хлопотъ въ Крыму.

„Приказалъ послать къ тебѣ генералъ-маіора князя Урусова, храбраго и отличнаго офицера. Ежели Липранди дашь корпусъ, то 12-ю дивизію дай Урусову—онъ того достоинъ“.

Положеніе нашихъ солдатъ послѣ бури было также далеко не завидное и, можно сказать, тягостное. Съ прекращеніемъ бури наступили холода. Погода съ этихъ поръ сдѣлалась суровою и ненастною; дожди шли попеременно со снѣгомъ. Грунтъ земли размягчился дотого, что повсюду была топкая и непроходимая грязь. Сообщеніе укрѣпленій

съ городомъ сдѣлалось весьма затруднительнымъ отъ множества ямъ, вырытыхъ бомбами и наполненныхъ теперь грязью. Траншеи были затоплены водою, сбѣгавшею съ высотъ въ видѣ потоковъ. Находившіяся на укрѣпленіяхъ войска не имѣли ни крова, ни теплой одежды и подвергались вредному дѣйствію непогоды. Находясь на оборонительной линіи, безсмѣнно днемъ и ночью, съ самаго начала осады, солдаты принуждены были сами изобрѣтать средства для защиты отъ дождя и стужи. Въ то время солдаты не имѣли еще полушубковъ и довольствовались мундиромъ и шинелью. Въ ненастную погоду они мастерили себѣ такіе башлыки изъ рогожи, смотря на которые, дивовались и свои, и французы. Рогожи эти давались для того, чтобы солдаты подстилали ихъ подъ себя въ землянкахъ, баракахъ или сараяхъ, гдѣ имъ случалось ночевать. Обыкновенно одинъ куль выдавался на двоихъ; его рѣзали вдоль на двѣ части, такъ что каждому доставалось по готовому, сшитому углу. Отправляясь въ цѣпь или на часы, солдатъ захватывалъ съ собою и принадлежащую ему половину куля. Надѣвъ его на голову, онъ защищалъ себя отъ дождя и непогоды.

Защитники Севастополя, офицеры и солдаты, положительно валялись въ грязи, на открытомъ воздухѣ, въ дождь и бурю, въ морозъ и мятель. Единственною защитою ихъ отъ холодныхъ вѣтровъ были сложенныя на-сухо изъ камней стѣнки, ямы, или рвы, кое-какъ прикрытые сверху. Командиры бастіоновъ помѣщались въ землянкахъ столь малыхъ, что едва можно было вытянуться въ ростъ человѣка. Если на батареѣ бывала еще одна такая землянка для нѣсколькихъ офицеровъ, то такая батарея считалась съ роскошнымъ помѣщеніемъ. Ни офицеры, ни солдаты не могли раздѣться; ноги прѣли, потому что по мѣсяцу и болѣе никто не снималъ сапоговъ. Иной пробовалъ прилечь на голой землѣ, но холодъ и сырость гнали его прочь. Хорошо, кому удавалось пристроиться подъ навѣсомъ насыпи, или прислониться къ станку, на которомъ лежало орудіе—положенію такого счастливца всѣ завидовали.

Жизнь, которую не выноситъ ни одинъ каторжникъ, была обыкновенною жизнью каждаго изъ защитниковъ родной земли и отечества. Эта обстановка не крушитъ русскаго солдата, когда совѣсть его чиста, да увѣренъ онъ, что дѣлаетъ святое дѣло. Находясь безсмѣнно днемъ и ночью подъ открытымъ небомъ, солдаты наши, сверхъ того, исполняли усиленныя и тяжелыя работы; только смерть и раны полагали конецъ

ихъ тяжкимъ трудамъ и лишеніямъ. Несмотря на все это, ропота не только не было слышно, но, напротивъ того, всѣ какъ бы желали продолженія ненастной и холодной погоды. Часто видя, какъ непріятельскіе часовые бѣгали вдоль своего поста, чтобы согрѣться, наши солдатики, глядя на нихъ, посмѣивались.

Холодное время производило значительныя опустошенія въ рядахъ непріятеля; больные переполняли лазареты, и перебѣжчики ежедневно стали появляться у насъ въ значительномъ числѣ. Они разсказывали, что союзныя войска упали духомъ, изнурены работами и много терпятъ отъ стужи и непогоды. Зимняя одежда тогда не была еще доставлена англичанамъ; топливо можно было достать только съ большимъ трудомъ, и начальство англійскихъ войскъ принуждено было установить особый надзоръ за тѣмъ, чтобы не растаскивались фашины, приготовленныя для одежды батарей. Солдаты подбирали каждый прутъ, каждую щепку, валявшіеся на полѣ или на дорогѣ, таскали ящики отъ аммуниціи и снарядовъ. Англичане сознавали, что для ихъ арміи необходимы немедленныя и значительныя подкрѣпленія, чтобы спасти ее отъ истощенія и конечной гибели. Наиболѣе распространенная газета „Times“ увѣряла своихъ соотечественниковъ, что въ экспедиціонномъ корпусѣ осталось не болѣе 16.000 человѣкъ, но и тѣ истомлены работою, безсонницею и не въ состояніи будутъ перенести трудовъ зимней кампаніи. Гвардейская бригада, составлявшая цвѣтъ англійскаго войска и отправленная изъ Лондона въ составѣ 3.000 человѣкъ, къ началу ноября уменьшилась до 800 человѣкъ, исхудалыхъ и измученныхъ. Траншейная работа, пикетная служба, безпрестанныя тревоги и призывъ къ оружію людей, только-что собравшихся отдохнуть, совершенно обезсиливали англичанъ. „Стихіи, благопріятствовавшія экспедиціи сначала,—писали англійскіе корреспонденты[1]),—теперь, кажется, возстали противъ союзниковъ. Ежедневно вѣтеръ, дождь, густой туманъ, ощутительная изморозь. Это продолжалось двѣ недѣли сряду, и здоровье солдатъ отъ того весьма пострадало. И въ эту минуту свирѣпствуетъ буря; дождь льетъ ливмя. Армія подвергается всѣмъ страданіямъ отъ холода и отъ недостатка пищи. Сами офицеры могутъ изъ трехъ ночей только одну проводить въ

---

[1]) Матеріалы для Исторіи Крымской войны, вып. IV, 114.

своихъ палаткахъ, которыя предохраняютъ ихъ отъ дождя, но ни мало не защищаютъ отъ холода“.

Положенiе французскихъ войскъ было также весьма критическое. Лучшая развязка, которой желало бы французское правительство, состояла въ разрушенiи Севастополя огнемъ осадныхъ батарей и за тѣмъ въ оставленiи Крыма. Наполеонъ готовъ былъ довольствоваться этимъ результатомъ и въ такомъ случаѣ намѣренъ былъ объявить, что штурмъ не былъ предпринятъ для сбереженiя жизни солдатъ, а городъ не былъ занятъ по нежеланiю оставить его за собою [1]). Торжественное молебствiе въ Парижѣ и выстрѣлы у Дома Инвалидовъ могли прикрыть это принужденное отступленiе, и французы успокоились бы на лаврахъ.

Къ великой досадѣ французскаго императора, разгромить Севастополь однимъ ударомъ оказалось невозможнымъ; изъ Крыма приходили въ Парижъ все болѣе и болѣе тревожныя свѣдѣнiя, и Наполеонъ принужденъ былъ обратиться къ войскамъ съ словами утѣшенiя. Онъ написалъ пышное письмо Канроберу, въ которомъ благодарилъ его за victoire d'Inkermann и говорилъ, что скоро силы французскихъ войскъ будутъ удвоены, и Канроберъ будетъ имѣть возможность перейти въ наступленiе.

XXIII.

Влiянiе осени на дѣятельность атакующаго и обороняющагося. — Рескриптъ императора князю Меншикову.—Укрѣпленiе Сѣверной стороны города.—Завалы и ложементы.—Охотники и ихъ передовая служба.—Стычки за обладанiе завалами. — Построенiе непрiятелемъ нѣсколькихъ новыхъ осадныхъ батарей. — Работы обороняющагося. — Состоянiе боевыхъ запасовъ. —Рескриптъ императора.—Мнѣнiе его о пользѣ контръ-апрошной системы.—Заложенiе ложементовъ.—Выгоды и недостатки ихъ.—Вылазки и дѣйствiя охотниковъ.—Морская вылазка 24-го ноября. — Высочайшее повелѣнiе о считанiи за годъ мѣсяца службы въ Севастополѣ. — Назначенiе генералъ-адъютанта барона Остенъ-Сакена начальникомъ гарнизона, вице-адмирала Нахимова его помощникомъ и князя Васильчикова начальникомъ штаба.

Буря 2-го ноября была преддверiемъ наступавшей холодной осени. Ненастье и суровые вѣтры заставили противниковъ прiостановить свои

---

[1]) Телеграфическая депеша гр. Хребтовича изъ Брюсселя отъ 7-го ноября 1854 г.

дѣйствія и подождать удобнаго времени для болѣе усиленной дѣятельности. Обѣ стороны, не предпринимая ничего новаго, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль трудились надъ окончаніемъ того, что было уже начато. Подходныхъ работъ непріятель не производилъ вовсе, и огонь осаждающаго не только ослабѣлъ, но почти вовсе прекратился; амбразуры многихъ французскихъ батарей оставались постоянно закрытыми, и въ теченіе дня только изрѣдка раздавались пушечные выстрѣлы [1]).

Отложивши до времени штурмъ и наступательныя осадныя работы, союзники приняли энергическія мѣры къ увеличенію боевыхъ и матеріальныхъ средствъ осады. Особенную нужду терпѣли они въ недостаткѣ лѣса, какъ для осадныхъ работъ, такъ и для топлива. По показанію плѣнныхъ и перебѣжчиковъ, въ войскахъ союзниковъ былъ ропотъ, настолько сильный, что начальство для успокоенія нижнихъ чиновъ принуждено было обѣщать, послѣ усиленной бомбардировки, пойти на штурмъ. Обѣщаніе это не оказало большаго дѣйствія, и въ лагеряхъ союзниковъ замѣтна была слабая дѣятельность, состоявшая только въ томъ, что они таскали орудія въ склады, или вывозили ихъ оттуда на линію укрѣпленій [2]). Но и эта работа, при ненастной холодной погодѣ, по сознанію самихъ англо-французовъ, превышала ихъ силы нравственныя и физическія.

Безпрерывные дожди, шедшіе попеременно со снѣгомъ, размягчили почву, испортили дороги, и сообщеніе на югѣ Россіи, а особенности въ Крыму становилось затруднительнымъ. Признавая, что при такихъ условіяхъ наступленіе не возможно, князь Меншиковъ принужденъ былъ предоставить противнику починъ дѣла и выборъ способа дѣйствій.

„Признаюсь тебѣ,—писалъ императоръ [3]),—что, вовсе не слыша и не видя изъ твоихъ донесеній, *въ чемъ состоятъ твои дальнѣйшія намѣренія и что предпринять полагаешь, я невольно долженъ опасаться, что послѣднее удобное для насъ время уйдетъ безплодно* [4]). Весьма скоро непріятель получитъ всѣ свои подкрѣпленія, и, съ умысломъ умѣря свой огонь до того времени, съ новой силой

[1]) Рапорты генерала Моллера князю Меншикову 6-го и 8-го ноября.

[2]) Всепод. донесеніе князя Меншикова 12-го ноября.

[3]) Князю Меншикову въ собственноручномъ письмѣ отъ 19-го ноября.

[4]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

возобновить свое предпріятіе. Что тогда будетъ? ежели теперь, зная, что онъ ослабленъ, мы ничего не предпринимаемъ, давъ ему время и свободу укрѣплять вдоволь и безъ того сильную его позицію".

Воспретить укрѣпленіе этой позиціи было уже не въ силахъ главнокомандующаго: англо-французы, какъ мы видѣли, обратили на это дѣло все свое вниманіе и въ короткое время противупоставили намъ сильныя и, можно сказать, непреодолимыя преграды. Англичане окончили постройку укрѣпленій на Киленъ-балочной возвышенности и вокругъ Балаклавы, а французы унизали Сапунъ-гору непрерывнымъ рядомъ построекъ, усиленныхъ разными вспомогательными средствами. Вся эта система укрѣпленій, тянувшаяся на протяженіи 18-ти верстъ, начиная отъ Балаклавскаго ущелья и до Киленъ-балочной высоты, не только обезпечивала союзниковъ отъ нашихъ наступательныхъ дѣйствій со стороны Черной рѣчки, но и доставляла имъ возможность самимъ перейти въ наступленіе. Подъ прикрытіемъ огня своихъ батарей, устроенныхъ на Сапунъ-горѣ, союзники могли, спустившись въ Инкерманскую долину, атаковать сѣверную сторону города и отрѣзать южную, со всѣми ея оборонительными постройками.

Для устраненія возможности подобнаго случая было приступлено къ устройству на высотахъ праваго берега рѣки Черной нѣсколькихъ батарей, извѣстныхъ подъ именемъ *литерныхъ*.

Такъ для обстрѣливанія англійскаго лагеря позади большаго редута, была построена надъ развалинами Инкермана батарея на девять орудій; для дѣйствій по Киленъ-балочной высотѣ, Каменоломной, Воловьей и Сушильной балкамъ были возведены, у Нижняго маяка, три батареи: двѣ на четыре каждая и третья на шесть орудій, и наконецъ, для обстрѣливанія подъема отъ Инкерманской плотины, по обѣимъ сторонамъ почтовой дороги, были насыпаны двѣ батареи: одна на четырнадцать и другая на восемь полевыхъ орудій. Впереди этихъ послѣднихъ батарей были устроены траншеи и завалы, подобные тѣмъ, которые были уже въ большомъ употребленіи на южной сторонѣ города и располагались впереди оборонительной линіи укрѣпленій.

Чтобы имѣть возможность слѣдить за непріятельскими работами съ близкаго разстоянія, обыкновенно, высылалась на ночь цѣпь охотниковъ, которымъ приказано было, для предохраненія себя отъ выстрѣ-

ловъ, устраивать закрытія или *завалы*. Эти закрытія не имѣли никакого правильнаго расположенія; они устраивались тамъ, гдѣ лежали ночью охотники, и изъ матеріаловъ, которые они находили возлѣ себя. Отъ этого въ одномъ мѣстѣ завалъ состоялъ изъ простой и даже не глубокой ямы, а въ другомъ—изъ груды наскоро собранныхъ камней, представлявшихъ небольшое сопротивленіе непріятельскимъ выстрѣламъ.

Завалы и ямки были въ большомъ употребленіи во все время защиты Севастополя. Подъ конецъ они располагались въ 5-ти или 7-ми саженяхъ отъ непріятельскихъ траншей, и случалось нерѣдко, что наши солдаты, бросаясь занимать ихъ, встрѣчали тамъ непріятельскихъ стрѣлковъ, которыхъ приходилось выбивать штыками.

Ямки занимались днемъ стрѣлками по наряду, а на ночь охотниками отъ разныхъ полковъ. Быть охотникомъ было дѣло не легкое. Охотничья служба происходила ночью: ихъ дѣло было съ заката до восхода солнца залегать въ ямкахъ и ложбинахъ, впереди батарей и укрѣпленій Севастополя.

Охотники помѣщались въ особыхъ зданіяхъ, отдѣльно отъ прочихъ солдатъ, и обыкновенно днемъ отдыхали,—ихъ не требовали ни на какую работу,—а съ наступленіемъ сумерекъ шли на службу. Рядовые ходили каждую ночь, а унтеръ-офицеры черезъ сутки. Съ закатомъ солнца вся команда охотниковъ раздѣлялась на части по два, по три и четыре человѣка. Въ общемъ сараѣ, гдѣ жили охотники, было очень много образовъ. Каждый, отправляясь на службу, ставилъ копѣечную свѣчку передъ иконами Спасителя, Богоматери и, преимущественно, передъ образомъ Николая Чудотворца. Въ шесть часовъ вечера команда ужинала. Послѣ ужина немного времени назначалось на молитву. Помолившись Богу, многіе изъ охотниковъ надѣвали чистую рубашку, вымытую въ теченіе дня, такъ какъ каждый изъ нихъ, не будучи увѣренъ, что вернется живымъ, приготовлялся къ смерти. Передъ отправленіемъ никто не рѣшался выпить чарку водки, потому что „плохой тотъ храбрецъ,—говорили они,—который думаетъ набраться бодрости изъ стакана, а опять же и не такая минута“. Перекрестясь и съ непокрытою головою, выходили солдаты изъ сарая на дворъ и тамъ уже надѣвали фуражки. За воротами на улицѣ выстраивались и ожидали очереднаго унтеръ-офицера.

Съ наступленіемъ сумерекъ, пока еще не совсѣмъ стемнѣло, охотники собирались на той батареѣ, впереди которой приходилось имъ лежать, и затѣмъ, подъ градомъ пуль, бросались бѣгомъ въ назначенныя имъ ямки. Бывало, лишь только солдатикъ бросится впередъ, какъ въ ту же минуту раздастся ружейный трескъ съ непріятельской стороны, и пули какъ горохъ посыпятся на смѣльчака. Кто успѣвалъ вскочить въ яму, тотъ счастливъ, а кого встрѣчала непріятельская пуля, о томъ молились оставшіеся на батареѣ и относили на Сѣверную, на общее кладбище защитниковъ, получившее впослѣдствіи названіе *братскихъ могилъ*.

Залегши въ ямкахъ, охотники бодрствовали всю ночь и зорко слѣдили за непріятелемъ.

Ямка, какъ мы сказали, была небольшое углубленіе, едва закрытое со стороны непріятеля нѣсколькими лопатами земли, или камней, набросанныхъ какъ попало. Ямка, защищенная камнями, считалась безопаснѣе, хотя и черезъ нее пули проходили весьма удобно. Ямки эти не имѣли ни опредѣленнаго вида, ни величины:—какую успѣли выкопать, такая и осталась. Въ одной съ трудомъ могъ помѣститься только одинъ человѣкъ, а въ иной помѣщались два и даже три человѣка. По-двое залегать было легче, чѣмъ по-одиночкѣ; вдвоемъ, въ сосѣдствѣ опытнаго товарища, было не такъ томно, по пословицѣ: „на людяхъ и смерть красна“, но сидѣть въ-одиночку куда какъ жутко!

Вскочитъ стрѣлокъ или охотникъ въ ямку и сидитъ тамъ, не смѣя пошевельнуться; онъ знаетъ, что въ 20-ти, много въ 30-ти шагахъ, лежитъ передъ нимъ, или съ боку, такой же непріятельскій сторожъ, который слѣдитъ за всѣмъ и, при первомъ шорохѣ или звукѣ оружія, посылаетъ пулю.

Надъ головою засѣвшихъ, днемъ и ночью, летаютъ свои и непріятельскія пули, слышенъ гулъ выстрѣловъ, паденіе снарядовъ, обсыпающихъ землею, пескомъ и осколками камней. Не успѣешь прочистить глазъ, засыпанныхъ землею, какъ слышно, гудитъ, гдѣ-то далеко, осколокъ лопнувшей бомбы и шлепнется вдругъ подлѣ ямки съ такою силою, что даже земля дрогнетъ! Это самое вздрагиваніе передается и сидящему въ ямкѣ, и не „знаетъ онъ самъ, какъ задрожатъ челюсти,

какъ застучатъ его зубы, и холодный потъ какъ стрѣла промчится отъ головы до пятъ......“

О пуляхъ никто не думаетъ: къ нимъ привыкли въ Севастополѣ не только охотники и всѣ солдаты, но женщины и дѣти. Повсюду ихъ летитъ такъ много, что онѣ уже не пугаютъ, но своимъ свистомъ жестоко надоѣдаютъ. Гдѣ-нибудь невдалекѣ, ударившись о камень и сплюснувшись, она летитъ далѣе и „зальется такимъ голосомъ, что не знаешь, кошка ли мяучитъ, ребенокъ ли плачетъ, или она непрошенная жалуетъ въ гости“.

Просидитъ охотникъ въ ямкѣ часъ, а кажется онъ ему за мѣсяцъ, и ждетъ онъ не дождется, когда наступитъ время смѣны и вмѣстѣ съ нею кончится его лихорадочное состояніе [1]).

Съ наступленіемъ утра, охотники оставляли ямки,точно такъ же, какъ занимали ихъ—подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ непріятеля. Мѣста ихъ замѣщали штуцерные, сидѣвшіе тамъ въ теченіе цѣлаго дня. Собравшись на батареѣ, охотники отправлялись въ свой сарай, забирая съ собою и убитыхъ въ ночь товарищей. Солдаты всегда съ особымъ уваженіемъ отдавали послѣдній долгъ павшимъ героямъ. Сложивъ тѣла на дворѣ сарая, они заботились о доскахъ, непремѣнно сколачивали гробъ, обмывали покойниковъ и, надѣвъ на нихъ чистое бѣлье, относили въ часовню. За обѣдомъ, бывавшимъ въ 10 или 11 часовъ, поминали павшихъ, и тѣмъ дѣло кончалось. Послѣ обѣда охотники ложились спать, а вечеромъ снова отправлялись на службу.

Первые завалы были устроены впереди четвертаго бастіона, на мѣстѣ прежде бывшей бойни, и имѣли назначеніемъ дѣйствовать во флангъ французамъ, работавшимъ въ траншеяхъ противъ этого укрѣпленія. Вскорѣ послѣ того устроены были завалы на Зеленой горѣ, потомъ впереди третьяго бастіона и Малахова кургана. Расположенные сначала въ одну, потомъ въ двѣ линіи, завалы эти находились въ разстояніи 100 и даже 75 саженъ отъ передовыхъ англійскихъ траншей. Непріятель скоро понялъ, что какъ ни мелки ямки, какъ ни ничтожны эти сѣроватыя кучки камней, но что сосѣдство ихъ крайне опасно. Стычки и схватки за обладаніе этою линіею мусора были весьма часты; завалы переходили изъ рукъ въ руки и стоили немало крови.

---

[1]) Никатовъ „Воспоминанія охотника“ (рукоп.).

Въ ночь съ 6-го на 7-е ноября французы пытались овладѣть завалами у бойни, противъ четвертаго бастіона, но были прогнаны огнемъ батарей оборонительной линіи. Передъ разсвѣтомъ 8-го ноября англичане точно такъ же неудачно атаковали завалы противъ 3-го бастіона, но за то въ слѣдующую ночь они успѣли овладѣть завалами на Зеленой горѣ и къ утру обратить ихъ въ траншею, увѣнчанную мѣшками и имѣвшую протяженіе около ста саженъ, траншеею, впереди которой было устроено три прочныхъ завала.

Занятіе заваловъ на Зеленой горѣ англичане могли считать большимъ для себя пріобрѣтеніемъ: они подвинулись сразу на довольно значительное разстояніе впередъ и получили возможность поражать штуцернымъ огнемъ всю мѣстность позади третьяго и четвертаго бастіоновъ. Польза дѣла и даже самый успѣхъ обороны требовали, чтобы англичане были лишены пріобрѣтеннаго ими преимущества и завалы эти были возвращены нами во что бы то ни стало; но обороняющійся, не придавая большаго значенія потерѣ заваловъ, надѣялся постройкою новыхъ батарей противодѣйствовать штуцерному огню противника. Съ этою цѣлью была заложена батарея № 53-го (Коцебу) на два орудія [1]) и усилена на три орудія батарея № 29-го (Смагина) [2]).

Эти пять орудій не могли заставить англичанъ прекратить штуцерной огонь, и впослѣдствіи севастопольцы сожалѣли о томъ, что оставили свои завалы въ рукахъ непріятеля. Императоръ Николай I прежде всѣхъ замѣтилъ эту ошибку, весьма важную въ общей системѣ обороны.

„Что значитъ, — спрашивалъ онъ князя Меншикова [3]), — что мы дали себя выбить изъ собственныхъ своихъ ложементовъ (заваловъ) и дозволили непріятелю ими воспользоваться и противъ насъ же обратить въ траншеи? Какъ быть можетъ, что резервы наши не были сейчасъ же посланы непріятеля оттуда выбить? Признаюсь, не понимаю и крайне жалѣть долженъ и тѣмъ болѣе, что неоднократно тебя просилъ не пренебрегать контръ-апрошей, съ тѣмъ, чтобы идти на встрѣчу не-

---

[1]) Позади четвертаго бастіона за батареею № 20 (Шихматова).

[2]) Позади третьяго бастіона.

[3]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 19-го ноября 1854 г.

пріятельскимъ работамъ. Этого мнѣнія и князь Варшавскій. Ничего лучшаго и быть не могло. Но такъ дѣйствуя, какъ нынѣ, предвижу одинъ только плачевный исходъ и еще болѣе, ежели удастся непріятелю приблизить свои батареи къ бухтѣ и стрѣлять по флоту.

„Все меня утверждаетъ въ мысли, что непріятель и не думаетъ отплывать, а напротивъ онъ благодаренъ намъ, что мы ничего противъ него не предпринимаемъ; продолжаетъ укрѣпляться и ждетъ спокойно своего усиленія. Пройдутъ еще недѣли двѣ, и онъ будетъ сильнѣе тебя, тогда какъ достовѣрно, что англичанъ послѣ 24-го числа оставалось не болѣе 12.000, а французовъ немного болѣе 20.000.

„Ради Бога не теряй время; оно дорого. Ты силенъ еще довольно. Не пренебрегай контръ-апрошей; не непріятелю, а намъ должно овладѣвать осадными работами, не то бѣда будетъ по нашей же винѣ".

„Слѣдя сколь можно по присланнымъ планамъ за ходомъ атаки,—писалъ императоръ въ другомъ своемъ письмѣ князю Меншикову [1]), — думаю все, что весьма бы полезно было намъ выйти двумя контръапрошами: одной отъ Киленъ-балки, другой оврагомъ между Корниловскаго бастіона (Малахова кургана) и бастіона № 3-го и соединиться вправо и влѣво полупараллельно у бугра, съ тѣмъ, чтобы отвлечь вниманіе непріятеля отъ атаки на бастіонъ № 4-го. Быть можетъ, что удалось бы даже устроить за этимъ курганомъ батарею, которая могла бы бить въ правый флангъ англійской атаки; во всякомъ случаѣ эта диверсія была бы полезна, затрудняя работы противника.

„Изъ сообщаемыхъ тебѣ свѣдѣній усмотришь все, что намъ извѣстно о посылкѣ подкрѣпленій въ Крымъ; недѣли черезъ двѣ они прибывать начнутъ".

Извѣстіе о скоромъ прибытіи подкрѣпленій, обѣщанныхъ Наполеономъ въ письмѣ Канроберу, ободрило французовъ и тѣмъ сильнѣе, что 1-го ноября въ камышѣ высадилась бригада Мейрана [2]), а вслѣдъ за тѣмъ прибыло 5.500 человѣкъ запасныхъ изъ полковыхъ депо. Французы снова и дѣятельно принялись за траншейныя работы и за устройство новыхъ батарей какъ въ оконечностяхъ зигзаговъ, такъ и въ тѣхъ

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 23-го ноября 1854 г.

[2]) Изъ 6-ой дивизіи Поте.

мѣстахъ, откуда могли наносить наибольшее пораженіе бастіонамъ № 3-го, № 4-го и № 5-го.

Искусное направленіе огня нашихъ батарей лишало союзниковъ возможности пріобрѣсти надъ защитниками перевѣсъ въ артиллерійской оборонѣ, а продолженіе линій Севастопольскихъ батарей, падавшихъ или въ овраги, или пересѣкавшихъ далеко непріятельскія траншеи, не дозволяло имъ устроить рикошетныя батареи. Лишенные главнаго преимущества осаждающаго — рикошетной стрѣльбы, французы намѣрены были вознаградить себя числомъ орудій и усиленіемъ навѣсной стрѣльбы. Съ этою цѣлью рѣшено было перевооружить старыя батареи и построить нѣсколько новыхъ. Такимъ образомъ явились три французскія батареи: № 23-го на правомъ флангѣ [1]), а № 15-го и № 22-го надъ правымъ скатомъ Городскаго оврага [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ лѣвой оконечности второй параллели, между Городскимъ оврагомъ и Рудольфовой горой, французы вывели, летучею сапою, пять короткихъ траншей, въ которыхъ и заложили пять новыхъ батарей [3]).

Заложеніе этихъ батарей наводило на мысль, что непріятель имѣетъ намѣреніе возобновить бомбардировку города и, въ случаѣ благопріятнаго исхода, штурмовать укрѣпленія. Предположеніе это казалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что перебѣжчики и плѣнные единогласно утверждали, что союзники готовятся къ атакѣ города [4]). Хотя показаніямъ этимъ и нельзя было давать полной вѣры, тѣмъ не менѣе въ Севастополѣ давно уже принимались мѣры къ отраженію нападенія, и на Городской сторонѣ приступлено было къ устройству второй линіи баррикадъ и редюита, для котораго были избраны береговая батарея № 8-го и седьмой бастіонъ съ прилегающими къ нему оборонительною стѣнкою и каменными зданіями артиллерійскаго вѣдомства. Возвышенная мѣстность эта дозволяла устроить цѣлую систему батарей, для дѣйствія въ тылъ

---

[1]) Между батареями: французскою № 11-го и англійскою № 6-го.

[2]) Между второю и третьею параллелями.

[3]) Съ окончаніемъ этихъ построекъ вооруженіе французскихъ батарей возрастало до 126 орудій, изъ коихъ 4 орудія назначались для дѣйствія противъ шестаго, 56 орудій противъ пятаго и 66 орудій противъ четвертаго бастіоновъ.

[4]) Всеподд. донесеніе кн. Меншикова отъ 15-го ноября.

бастіонамъ № 4-го, № 5-го, № 6-го и для обстрѣливанія улицъ города. Съ устройствомъ батарей и по сторонамъ ихъ стѣнокъ съ бойницами и банкетами, а также съ приведеніемъ зданій въ оборонительное положеніе, редюитъ этотъ былъ настолько силенъ, что если бы французы двинулись со стороны горжи 6-го бастіона, то имъ пришлось бы преодолѣть четыре ряда преградъ.

Непріятелю не было надобности штурмовать одновременно всю линію нашихъ укрѣпленій, изъ коихъ многія находились въ лощинахъ; ему достаточно было овладѣть только нѣкоторыми постройками, расположенными на высотахъ, командующихъ городомъ. Утвердившись на возвышенныхъ пунктахъ, союзники могли огнемъ своихъ батарей заставить насъ очистить Севастополь. Съ другой стороны, мы не могли защищать всей оборонительной линіи съ одинаковымъ успѣхомъ и слѣдовательно должны были обратить вниманіе на болѣе важные пункты и сдѣлать оборону ихъ по возможности самостоятельною. Съ этою цѣлью приступлено было къ еще большему укрѣпленію третьяго и четвертаго бастіоновъ, Малахова кургана и бастіона № 2-го. Но чтобы непріятель, прорвавшись черезъ слабѣйшія промежуточныя части оборонительной линіи, не могъ обойти эти укрѣпленія и занять ихъ съ тыла, прежде чѣмъ подоспѣютъ резервы, необходимо было обезпечить ихъ съ горжи, т. е. сдѣлать сомкнутыми [1]). Въ началѣ ноября начали смыкать съ горжи второй бастіонъ, а вслѣдъ за тѣмъ четвертый и Малаховъ курганъ. Исполненіе этой огромной работы требовало новыхъ рукъ, и князь Меншиковъ принужденъ былъ усилить гарнизонъ, прибавленіемъ свѣжихъ войскъ.

Въ началѣ ноября (5-го и 6-го числа) въ Севастополь были введены полки Селенгинскій и Якутскій (составлявшіе первую бригаду 11-ой пѣхотной дивизіи), четвертый стрѣлковый батальонъ и легкая № 2-го батарея 10-й артиллерійской бригады въ 8-ми-орудійномъ составѣ. Вслѣдъ за тѣмъ 14-го ноября переправилась на Южную сторону легкая № 5-го батарея 11-й артиллерійской бригады въ 8-ми-орудійномъ составѣ, а 16-го числа—Охотскій егерскій полкъ въ двухъ-баталіонномъ составѣ. Такимъ образомъ къ 21-му ноября въ составѣ Севастопольскаго гарнизона, не считая моряковъ и артиллеріи, находилось 29.177 шты-

[1]) Тотлебенъ, «Оборона Севастополя», ч. I, 501.

ковъ; въ распоряженіи же князя Меншикова въ сѣверныхъ укрѣпленіяхъ, на Бельбекѣ, Инкерманѣ и въ Чоргунѣ, оставалось 30.573 человѣка [1]).

„Духъ войскъ превосходный,—писалъ Семякинъ князю М. Д. Горчакову [2]),—и несмотря на непогоду и труды, веселы и не унываютъ. Продовольствіе хорошо; сухарей и хлѣба полная дача; винныхъ порцій по двѣ чарки въ день; мяса въ Севастополѣ по фунту, а на позиціяхъ по три четверти фунта“.

Нужно ли говорить о томъ, съ какою готовностью войска, назначенныя въ составѣ гарнизона, переходили на Южную сторону города. Они шли весело, бодро и, радушно встрѣчаемыя товарищами, бывшими уже на бастіонахъ, располагались на назначенныхъ имъ мѣстахъ такъ, какъ привыкли они располагаться на зимнихъ квартирахъ внутри Россіи.

„Съ удовольствіемъ вижу, — писалъ императоръ князю Меншикову [3]), —что надежда твоя на сохраненіе Севастополя не исчезла и что по-прежнему геройскій, молодецкій духъ всѣхъ войскъ возрастаетъ въ мѣрѣ угрожающей опасности. Грѣшно бы мнѣ было въ этомъ усомниться, но сердце бьется, читая разсказъ объ этомъ; *хотѣлось бы къ вамъ летѣть и дѣлить участь общую, а не здѣсь томиться безпрестанными тревогами всѣхъ родовъ*.

„Благодарю тебя, что ты не упустилъ наградить главныхъ виновниковъ подвиговъ 24-го числа, нашихъ молодецкихъ солдатиковъ. Не могъ безъ слезъ читать, что дѣти мои про нихъ пишутъ и Стюрлеръ разсказывалъ про матросовъ—что за богатыри! Награждай ихъ щедро и часто; они точно сего заслуживаютъ, да и объ офицерахъ желаю представленія“.

Трудами этихъ славныхъ защитниковъ было прибавлено на оборонительной линіи нѣсколько батарей, назначенныхъ какъ для обороны мѣстности впереди редута № 1-го (Шварца) и площадки позади пятаго бастіона, такъ и для дѣйствія по англійскимъ работамъ на Зеленой горѣ и поддержанія нашихъ заваловъ на Сахарной головкѣ.

---

[1]) См. приложеніе № 20-ой.

[2]) Въ письмѣ отъ 21-го ноября 1854 г. См. также письмо барона Остенъ-Сакена князю М. Д. Горчакову отъ 26-го ноября.

[3]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 23-го ноября 1854 г.

Пользуясь бездѣятельностію противника въ его наступательныхъ работахъ, войска трудились неутомимо. Въ это время обѣ стороны поддерживали весьма слабую канонаду, и многія амбразуры осадныхъ батарей все еще оставались закрытыми. Съ нашей стороны огонь былъ также значительно ослабленъ по всей оборонительной линіи, и князь Меншиковъ принялъ мѣры къ повѣркѣ боевыхъ припасовъ и къ установленію болѣе правильной отчетности въ расходованіи зарядовъ. По сдѣланной повѣркѣ оказалось, что къ 20-му ноября состояло въ Севастополѣ 26.506 пудовъ пороха. Что же касается до снарядовъ, то въ нихъ не могло быть недостатка, такъ какъ сверхъ запасовъ, бывшихъ въ складахъ и на батареяхъ, по распоряженію начальника артиллерійскихъ гарнизоновъ южной арміи, было собрано и собиралось значительное число непріятельскихъ снарядовъ, годныхъ къ употребленію [1]). Имѣя въ виду прибытіе новыхъ транспортовъ, кн. Меншиковъ не опасался уже болѣе за недостатокъ боевыхъ припасовъ и спѣшилъ успокоить въ томъ императора [2]).

„Благодарю, любезный Меншиковъ,—отвѣчалъ ему государь [3]), — что поспѣшилъ меня успокоить насчетъ крайнихъ моихъ опасеній о недостаткѣ пороха; кажется, что теперь эта важная статья обезпечена. Надѣюсь, по твоимъ словамъ, что мы въ состояніи будемъ не уступить непріятельскому огню, ежели бъ возобновился съ прежней силой, чего весьма ожидаю. Изъ всего, что отъ тебя получаю, и изъ того, что съ другихъ сторонъ доходитъ сюда, я все болѣе убѣждаюсь, что планъ враговъ: выигрывать время, перетерпѣть, доколь не удвоятся ихъ силы всѣмъ, что безостановочно къ нимъ посылается и до собранія всѣхъ способовъ медлить, а потомъ возобновить, можетъ быть съ удвоенною яростью, и бомбардировку, а быть можетъ и атаку съ трехъ сторонъ.

„Успѣютъ ли въ томъ, одинъ Богъ знаетъ! Вопросъ: что тутъ намъ дѣлать? разумѣется, что это трудно рѣшить, а въ особенности *мнѣ здѣсь* [4]); могу только указывать, — рѣшеніе предоставляя тебѣ. Быть можетъ, что замыслы противниковъ рушатся, не только отъ геройской

---

[1]) Приложеніе № 21-й.

[2]) Всеподд. рапортъ кн. Меншикова отъ 15-го ноября 1854 г.

[3]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 27-го ноября 1854 г.

[4]) Какъ эти, такъ и послѣдующія слова подчеркнуты въ подлинникѣ.

обороны и усугубленныхъ мѣръ защиты, но и отъ вліянія на нихъ зимней погоды, отъ трудности стоянки, затрудненія подвозовъ и прочаго, отъ времени года происходящаго. Это неоспоримо быть можетъ, но *невѣрно*. Между тѣмъ работы ихъ продолжаются и, ежели безпрепятственно дадимъ имъ дѣлать, что хотятъ, то они возведутъ скоро *крѣпость* противъ *крѣпости*. Казалось бы потому мнѣ, что, отказавшись отъ сильной атаки, которой успѣхъ теперь болѣе чѣмъ сомнителенъ, остается намъ ихъ тревожить безпрестанно, замучить донельзя безконечными постоянными тревогами и затѣмъ остановить осадныя работы нашими собственными контръ-апрошами.

„Болѣе же всего опасаюсь, чтобы, подвигая свои работы, они не достигли наконецъ возможности не только бить по флоту и сжечь его, но быть можетъ и прекратить свободное сообщеніе съ городомъ черезъ рейдъ, что было бъ пагубно въ высшей степени. Нельзя не обращать довольно вниманія, чтобъ непремѣнно это отвратить. Кажется, и это достигнуть можно, ежели устроены будутъ контръ-апроши по Киленъ-балкѣ. Такимъ образомъ думаю, что можно будетъ выждать, что Богъ намъ дастъ въ эти шесть недѣль, т. е. до половины генваря, гдѣ погода обыкновенно устанавливается, уже весенняя въ Крыму, — время, къ которому положительно мы увѣрены быть можемъ о появленіи новыхъ значительныхъ силъ, а потому и возобновленіи еще гораздо большихъ усилій овладѣть и Севастополемъ и Крымомъ.

„Очень важно беречь сколько можно войска, т. е. кормить вдоволь, лишне не утомлять и пріютить сколь возможно лучше и снабдя полушубками. Комплектованіе сколько можно буду стараться подвигать. Резервные батальоны 10-й, 11-й и 12-й дивизій, резервныя бригады 16-й и 17-й дивизій будутъ теперь же посланы въ Херсонъ и Николаевъ на *черный день*. Хотя кавалеріи у тебя много, и тѣмъ тылъ твой много обезпеченъ, но часть пѣхоты, — и я бы полагалъ именно резервную бригаду 12-й дивизіи, — хорошо бы оставить у Перекопа.

„Теперь долженъ обратиться къ другому и для меня тяжелому дѣлу. Здоровье жены дотого разстроено, что она не встаетъ съ кровати; слабость непомѣрна. Все это усилилось съ отъѣзда дѣтей. Отрадно было бы ей ихъ обнять. Это возможнымъ нахожу только въ томъ случаѣ, ежели военныя дѣйствія *не возобновились дѣятельно* и ежели не

предвидится скоро рѣшительнаго дѣйствія. Наконецъ, ежели *вліяніе ихъ возвращенія не произведетъ дурнаго впечатлѣнія на духъ ойскъ.* Ежели всего этого нѣтъ, то дозволь имъ ѣхать къ намъ".

„Кажется мнѣ,—писалъ государь князю Меншикову черезъ день послѣ отправленія выше приведеннаго письма [1]), — что сомнѣнія не можетъ болѣе быть въ настоящемъ намѣреніи непріятелей выигрывать время и усовершенствовать свои осадныя работы и укрѣпленіе своихъ позицій. Желательно сему сколь можно препятствовать, думаю, что контръ-апроши одинъ способъ".

Близко знакомый съ инженернымъ дѣломъ, Императоръ Николай хорошо понималъ всю пользу контръ-апрошной системы, но къ сожалѣнію указанія его, какъ сейчасъ увидимъ, были примѣнены въ Севастополѣ только отчасти и отъ того принесли ожидаемую пользу только вполовину.

Заложеніе, 19-го ноября, французами траншей впереди редута № 1-го (Шварца) обратило на себя особенное вниманіе обороняющагося. Можно было предполагать, что осаждающій намѣренъ завладѣть небольшою площадкою впереди этого укрѣпленія, устроить на ней сильныя батареи и съ весьма близкаго разстоянія наносить пораженіе четвертому бастіону, обстрѣливать Театральную площадь, выходы изъ улицъ и даже самый городъ. Не имѣя возможности противопоставить противнику столь же сильныхъ батарей, обороняющійся рѣшился, при помощи ружейнаго огня, замедлить работы непріятеля и съ этою цѣлью выдвинуться впередъ за оборонительную линію укрѣпленій, но не контръ-апрошею, а при помощи ложементовъ или построекъ, весьма близкихъ къ существовавшимъ уже заваламъ.

Польза заваловъ признавалась многими въ Севастополѣ, и въ томъ видѣ, въ какомъ они существовали, т. е. въ видѣ отдѣльныхъ ямокъ и небольшихъ насыпей, завалы были полезны, какъ мѣста наблюденія за непріятелемъ и какъ средство къ замедленію его работъ. Впослѣдствіи располагая ямки и завалы по извѣстной системѣ, изъ особыхъ матеріаловъ, и придавая имъ бо̀льшую силу въ сопротивленіи выстрѣламъ, думали извлечь изъ нихъ значительную пользу. Расширяя ямки и усиливая завалы, наши инженеры мало-по-малу пришли къ системѣ *ложе-*

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 29-го ноября.

жентовъ, или небольшихъ ровиковъ, располагаемыхъ впереди линии укрѣпленій, къ сторонѣ непріятеля.

Ложементы закладывались летучею сапою, имѣли видъ небольшихъ участковъ траншей и устраивались „на такомъ разстояніи отъ непріятеля, чтобы изъ нихъ можно было съ вѣрностью слѣдить за всѣми ночными непріятельскими работами, и ближайшимъ ружейнымъ огнемъ препятствовать успѣху этихъ работъ“.

Для устройства ложементовъ избирали обыкновенно выгодныя мѣста и ихъ располагали въ двѣ линіи и въ шахматномъ порядкѣ: передняя занималась стрѣлками, которые, наблюдая за ходомъ работъ непріятеля, поражали его своими выстрѣлами, а во второй линіи помѣщался резервъ, для поддержанія стрѣлковъ въ случаѣ нападенія.

Засѣвшіе въ ложементахъ стрѣлки должны были тщательно слѣдить за работами противника, давать знать на батареи и бастіоны, когда настанетъ самый удобный моментъ для стрѣльбы по работамъ, указывать даже направленіе выстрѣловъ и наконецъ день и ночь тревожить непріятеля ружейнымъ огнемъ. При открытіи огня съ оборонительной линіи, по указанію стрѣлковъ, они, раздаваясь въ стороны, присоединялись къ стрѣлкамъ сосѣднихъ ложементовъ и вмѣстѣ съ ними поддерживали огонь.

Въ ночь съ 20-го на 21-е ноября, на краю Городскаго оврага, впереди редута Шварца, былъ заложенъ чинами Минскаго полка первый ложементъ.

Съ наступленіемъ сумерекъ было выслано два секрета, за ними шла цѣпь изъ восьми паръ часовыхъ, а за цѣпью слѣдовали рабочіе съ инструментами, земляными мѣшками и боченками. Всѣ люди, назначенные на работу, получили приказаніе зачернить свою аммуницію, чтобы бѣлымъ цвѣтомъ ремней не обратить на себя вниманія непріятеля. Придя на назначенныя мѣста, рабочіе поставили два ряда боченковъ, насыпали ихъ землею изъ вырываемаго рва, а наверху устроили бойницы изъ мѣшковъ. Работа эта была произведена такъ тихо, что, несмотря на близость непріятеля и лунную ночь, онъ ничего не подозрѣвалъ и вовсе намъ не препятствовалъ.

Къ утру работа была окончена, и ложементъ занятъ 20-ю штуцерными Минскаго полка.

Французы были немало удивлены, когда увидѣли передъ собою эту смѣлую постройку. Они открыли сильнѣйшій огонь по ложементу, но безуспѣшно, по малой цѣли, которую онъ представлялъ непріятельскимъ выстрѣламъ. Въ слѣдующія затѣмъ ночи были устроены нами новые ложементы, такъ что, въ теченіе трехъ ночей, передъ глазами непріятеля явилось семь ложементовъ. Мало-по-малу система ложементовъ была значительно распространена и въ особенности передъ третьимъ и четвертымъ бастіонами и передъ Малаховымъ курганомъ. Къ половинѣ декабря было построено въ разныхъ мѣстахъ до 26-ти ложементовъ.

„Радуюсь, — писалъ государь [1]), — что приступлено мѣстами къ контръ-апрошамъ; мѣра эта спасительная въ теперешнемъ положеніи, и надо, кажется мнѣ, стараться продолжать подвигаться на встрѣчу непріятелю. Вылазки также прекрасное дѣло. Посмотримъ, не выморозимъ ли таракановъ“.

Если бы вмѣсто ложементовъ были заложены правильныя контръ-апроши, какъ желалъ того императоръ, то они несомнѣнно принесли бы огромную пользу въ общемъ ходѣ обороны, но въ такомъ видѣ, въ какомъ располагались ложементы, они доставляли намъ выгоды только вполовину. Тѣмъ не менѣе польза ложементовъ для обороняющагося была весьма ощущительна.

Основываясь на томъ, что ложементы состояли изъ отдѣльныхъ траншей, расположенныхъ въ небольшомъ другъ отъ друга разстояніи; что занимались лишь нѣсколькими стрѣлками, поддержанными небольшими резервами, далеко выдвинутыми впередъ за оборонительную линію, противники системы ложементовъ увѣряютъ, что они принесли намъ вредъ, а не пользу. Они говорятъ, что непріятель легко овладѣвалъ этими постройками, не имѣвшими почти никакой собственной обороны, и при незначительномъ усиліи соединялъ ложементы между собою. Такимъ образомъ, по истеченіи нѣсколькихъ часовъ, непріятель имѣлъ готовую траншею, надъ которою при иныхъ условіяхъ ему пришлось бы потратить много времени и рабочихъ силъ. Справедливость своего мнѣнія они подтверждаютъ нѣсколькими примѣрами изъ общаго хода осады и обороны. Обыкновенно, говорятъ они, съ закатомъ солнца атакующій, имѣя

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ кн. Меншикову отъ 5-го декабря.

сильные резервы, выбивалъ нашихъ стрѣлковъ изъ ложементовъ и въ теченіе ночи обращалъ ихъ въ глубокую траншею, выбить его изъ которой было весьма трудно. Возвращеніе ложементовъ въ свои руки стоило намъ большихъ потерь и не всегда сопровождалось успѣхомъ.

Все это справедливо, но относится къ послѣднимъ мѣсяцамъ осады и обороны, когда противники сошлись грудь съ грудью, когда открытое нападеніе становилось почти единственнымъ и при томъ болѣе легкимъ средствомъ къ тому, чтобы сколько-нибудь подвинуть впередъ осадныя работы. Совсѣмъ иной будетъ выводъ, если прослѣдить осаду и оборону съ первыхъ дней появленія ложементовъ. Послѣднихъ конечно нельзя сравнивать съ контръ-апрошами, имѣющими болѣе самостоятельную оборону, дѣлающую ихъ менѣе доступными для завладѣнія открытою силою. Простымъ нападеніемъ овладѣть системою контръ-апрошныхъ построекъ несравненно труднѣе, чѣмъ захватить въ свои руки линію ложементовъ, тѣмъ не менѣе и эти послѣдніе доставили обороняющемуся значительныя выгоды.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ крѣпости, построенной по всѣмъ правиламъ долговременной фортификаціи и обложенной со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, подобныя работы обороняющагося принесли бы вредъ, а не пользу. Но Севастополь былъ не крѣпость, а укрѣпленный лагерь и при томъ обложенный союзниками только съ одной стороны. Здѣсь обороняющійся могъ, по своему произволу, усиливать гарнизонъ и развивать оборону по мѣрѣ надобности, а потому всякое выдвиженіе впередъ оборонительныхъ работъ, будетъ ли то система заваловъ, ложементовъ, или иныхъ какихъ построекъ, могло принести намъ лишь одну пользу. Стоитъ только прочесть нѣсколько иностранныхъ сочиненій объ осадѣ Севастополя, чтобы убѣдиться, какую пользу принесъ обороняющемуся ружейный огонь нашихъ стрѣлковъ, засѣдавшихъ въ завалахъ и ложементахъ. Французскіе историки и многочисленные иностранные корреспонденты единогласно утверждаютъ, что союзники, для защиты себя отъ дѣйствій нашихъ штуцерныхъ, принуждены были неоднократно прибѣгать къ постройкѣ цѣлой системы батарей и эполементовъ. Батареи строились съ цѣлью уничтожить наши ложементы артиллерійскимъ огнемъ, а эполементы—чтобы защититься отъ продольнаго огня нашихъ стрѣлковъ. Постройка тѣхъ и другихъ требовала значительнаго времени, отвлекала рабочія силы, и непріятель, теряя много убитыми и ранеными, туго

подвигался впередъ своими осадными работами. Въ первое время союзники не оцѣнили значенія ложементовъ и въ началѣ весьма мало препятствовали ихъ устройству, но когда французы приступили къ распространенію своей атаки, то должны были сожалѣть о своемъ послабленіи обороняющемуся.

Въ теченіе всего ноября и въ началѣ декабря мѣсяца англичане не отличались особою дѣятельностію. Позади рейдовой батареи № 1-го они заложили на Киленъ-балочной высотѣ рейдовую же батарею № 2-го и вывели нѣсколько траншей. На Воронцовской высотѣ они удлиннили третью параллель, а на Зеленой горѣ все еще трудились надъ второю параллелью и хлопотали надъ усиленіемъ траншей на мѣстѣ захваченныхъ ими заваловъ. Для противодѣйствія ихъ работамъ были заложены позади четвертаго бастіона батарея № 62-го (Коцебу) на три орудія и прибавлено нѣсколько орудій на прежде существовавшихъ укрѣпленіяхъ.

Точно также работы французовъ противъ четвертаго бастіона не подвинулись впередъ, и до 10-го декабря траншеи ихъ противъ этого укрѣпленія оставались въ прежнемъ видѣ. Вся ихъ дѣятельность сосредоточилась теперь на лѣвомъ флангѣ атаки.

Въ концѣ ноября французы продолжили свои траншейныя работы влѣво до Карантинной балки, а вправо до Городскаго оврага и, соединивши ихъ съ батареями на Рудольфовой горѣ, составили такимъ образомъ вторую параллель передъ пятымъ бастіономъ. Вслѣдъ за тѣмъ они соединили эту параллель съ третьею параллелью передъ четвертымъ бастіономъ и приступили къ дальнѣйшимъ наступательнымъ работамъ, съ намѣреніемъ охватить своею атакою всю Городскую сторону и распространить осаду до самой Карантинной бухты.

Намѣреніе противника заставило обороняющагося усилить фланговую оборону мѣстности впереди бастіоновъ № 5-го и № 6-го и съ этою цѣлью между бастіономъ № 6-го и батареею № 26-го (Шемякина) были устроены двѣ кремальерныя батареи № 60-го и № 61-го (Шемякина же)—первая на 8-мь, а вторая на четыре орудія. Вмѣстѣ съ тѣмъ для защиты города отъ паденія, въ томъ случаѣ, если бы непріятелю удалось сдѣлать проломы и овладѣть штурмомъ пятымъ и шестымъ бастіонами, приступлено было къ устройству на Городской сторонѣ внутрен-

нихъ опорныхъ пунктовъ, состоявшихъ изъ нѣсколькихъ баррикадъ, батарей и трехъ сомкнутыхъ укрѣпленій, имѣющихъ самостоятельную и довольно сильную оборону. Таковыми укрѣпленіями были редуты: *Чесменскій* позади 5-го бастіона, *Ростиславскій* позади оборонительной стѣнки между 5-мъ и 6-мъ бастіонами и *Язоновскій* [1]) позади четвертаго бастіона. Редуты эти, за исключеніемъ Ростиславскаго, не имѣли характера совершенно новыхъ построекъ, но были образованы изъ существовавшихъ уже батарей, соединенныхъ между собою эполементами и усиленныхъ разными вспомогательными препятствіями. Если бы, несмотря на эти препятствія, непріятелю удалось прорваться и черезъ эту линію, то, на возвышенныхъ мѣстахъ города, онъ встрѣтилъ бы третій рядъ укрѣпленій, состоявшихъ изъ шести батарей на 17-ть орудій, и наконецъ доступъ въ городъ, отъ Пересыпи и по западному берегу Южной бухты, защищался построенными на нижней террасѣ этого берега четырьмя батареями на 13-ть орудій.

Противопоставляя атакующему всѣ средства обороны, защитники не могли однако же не сознать, что борьба была слишкомъ не равная. Занимаемая непріятелемъ мѣстность, командуя городомъ, доставляла ему огромное преимущество, возраставшее по мѣрѣ приближенія его къ оборонительной линіи и распространенія атаки. Чѣмъ шире расползался атакующій своими осадными работами, тѣмъ опаснѣе становился онъ для обороняющагося, имѣвшаго въ своихъ рукахъ единственное средство для замедленія осады—развитіе ложементовъ. Поддерживая безпрерывный огонь по работамъ непріятеля, стрѣлки значительно замедляли наступательное движеніе и принуждали противника прибѣгать къ побочнымъ работамъ, къ устройству траверсовъ и заворотовъ, обезпечивавшихъ ихъ отъ огня защитниковъ. Французы особенно были злы на эти стрѣлковыя ямы—какъ они называли наши ложементы—и громили ихъ изо дня въ день своими выстрѣлами. Для противодѣйствія огню нашихъ стрѣлковъ, французы сформировали у себя точно такую же, команду охотниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ „enfants perdus“.—Каждый поступавшій въ эту команду долженъ былъ изучить окружающую мѣстность и отказаться отъ покоя. Эти охотники

[1]) Редуты эти получили названіе по именамъ тѣхъ кораблей, команды съ которыхъ были употреблены для ихъ постройки.

обязаны были атаковать наши ложементы, выгонять оттуда стрѣлковъ и разорять наши постройки; они же обязаны были предупреждать о приближеніи вылазокъ и вообще охранять работавшихъ въ траншеяхъ отъ нечаяннаго нападенія.

Съ образованіемъ такой команды, служба въ ложементахъ сдѣлалась для нашихъ войскъ еще болѣе тяжелою и въ особенности подъ конецъ осады. Удаленные отъ своихъ укрѣпленій саженъ на двѣсти, а иногда и болѣе, ложементы въ началѣ не имѣли никакого сообщенія между собою и засѣвшіе въ нихъ герои-труженики проводили почти цѣлыя сутки среди тысячи смертей и въ ежеминутной опасности быть атакованными непріятелемъ въ превосходныхъ силахъ. Но ни пули, ни ядра и гранаты не въ состояніи были поколебать смѣлыхъ защитниковъ, являвшихъ собою примѣръ геройской стойкости. Не ограничиваясь одною защитою, наши стрѣлки, почти каждую ночь, тревожили непріятеля и въ особенности англичанъ, сплошно исполнявшихъ сторожевую, пикетную службу. Пробираясь поодиночкѣ, иногда ползкомъ къ непріятельскимъ траншеямъ, стрѣлки поражали рабочихъ почти въ упоръ, и, произведя замѣшательство и безпорядокъ, уходили въ свои ложементы. Впрочемъ, обороняющійся не ограничивался подобными дѣйствіями одиночныхъ стрѣлковъ, но весьма часто, и можно сказать почти ежедневно, безпокоилъ осаждающаго большими вылазками съ оборонительной линіи. Въ подобныхъ случаяхъ съ наступленіемъ ночи партіи отъ 60 до 250 человѣкъ, а иногда и болѣе, отправлялись съ оборонительной линіи и имѣли уже цѣлью не одно безпокойство непріятеля, но и разрушеніе его работъ. Мичманъ Титовъ, войсковой старшина Головинскій, есаулъ Даниленко, лейтенанты Бирюлевъ и Астаповъ, Московскаго полка подпоручикъ Бейтнеръ и другія лица извѣстны были въ Севастополѣ своими молодецкими дѣйствіями въ вылазкахъ.

Говоря о вылазкахъ вообще, нельзя умолчать о морской вылазкѣ, произведенной въ Севастополѣ 24-го ноября, среди бѣла-дня. Штилевое положеніе моря навело вице-адмирала Нахимова на мысль уничтожить непріятельскую брандъ-вахту,—дву-трубный желѣзный винтовой пароходъ, стоявшій на фарватерѣ противъ Песочной бухты и имѣвшій цѣлью наблюдать за движеніемъ нашихъ судовъ па рейдѣ.

Во все утро 24-го ноября не замѣтно было, чтобы на брандвахтѣ

разводились пары и такъ какъ пароходъ этотъ выдержалъ бурю, то предполагали, что онъ стоитъ на мертвыхъ якоряхъ. При совершенномъ штилѣ можно было надѣяться, что брандъ-вахта будетъ уничтожена прежде, чѣмъ прикрывающія ея суда успѣютъ подать помощь. Въ этомъ предположеніи вице-адмиралъ Нахимовъ назначилъ пароходы „Владиміръ“ (командиръ капитанъ 2-го ранга Бутаковъ) и „Херсонесъ“ (командиръ капитанъ-лейтенантъ Рудневъ) и, поручивъ ихъ въ вѣдѣніе капитана 2-го ранга Бутакова, приказалъ атаковать непріятельскій пароходъ.

Капитанъ Бутаковъ принялъ атаку на себя, а командиру парохода „Херсонесъ“ предоставилъ слѣдить за прикрытіемъ, стоявшимъ въ Стрѣлецкой бухтѣ. Въ часъ по полудни оба парохода побѣжали за боны, а потомъ за линію затопленныхъ кораблей, въ проходъ, оставленный подъ самою Константиновскою батареею.

Предпріятіе это до приведенія его въ исполненіе содержалось въ глубочайшей тайнѣ, и потому движеніе нашихъ пароходовъ вдоль рейда произвело большое впечатлѣніе на самихъ защитниковъ; многіе поражены были неожиданностію этой картины и не хотѣли вѣрить, что наши пароходы пошли съ намѣреніемъ атаковать непріятеля.

„Безъ особаго сочувствія,—пишетъ одинъ изъ очевидцевъ [1]),—нельзя было смотрѣть на пароходъ „Владиміръ“, когда онъ, готовый на кровопролитный бой, съ какою-то торжественностію шелъ посреди рейда“. Народонаселеніе города, армія, прислуга на батареяхъ, мимо которыхъ онъ проходилъ—всѣ посылали ему свое благословеніе.

— Помоги Господи!—слышались восклицанія среди собравшагося народа.

Выбѣжавши за бонъ, „Владиміръ“ слѣдовалъ къ противнику полнымъ ходомъ, и, не скрывая болѣе своего намѣренія атаковать его, на пути привѣтствовалъ нѣсколькими выстрѣлами непріятельскій лагерь возлѣ Стрѣлецкой бухты и пароходы, въ ней находившіеся.

Замѣтивъ приближеніе „Владиміра“, противникъ сдѣлалъ выстрѣлъ, но ядро, не долетѣвъ до нашего парохода, упало въ воду. „Вла-

---

[1]) Рапортъ жандармскаго штабъ-офицера шефу жандармовъ отъ 2-го декабря № 598.

диміръ“ отвѣчалъ залпомъ и попалъ въ подводную часть близъ самой кормы; всплескъ воды въ этомъ мѣстѣ ясно обозначилъ паденіе снарядовъ. Раненый противникъ поднялъ сигналъ флоту, спѣшилъ развести пары и, не дождавшись помощи, торопился укрыться подъ выстрѣлы кораблей, находившихся у Камышевой бухты. Пароходъ „Владиміръ“ преслѣдовалъ его за Песочную бухту, дѣйствуя сначала двумя носовыми орудіями, а потомъ и всѣмъ бортомъ, пока выстрѣлы его оказывались дѣйствительными, а затѣмъ поворотилъ къ Стрѣлецкой бухтѣ и присоединился къ пароходу „Херсонесъ“, бросавшему бомбы по лагерю и стоявшимъ въ бухтѣ пароходамъ.

„Быстрый и мѣткій огонь двухъ пароходовъ,—доносилъ вице-адмиралъ Нахимовъ [1]),—произвелъ большое смятеніе, какъ на берегу, такъ и въ бухтѣ, отчего выстрѣлы непріятельскихъ пароходовъ и нѣсколькихъ полевыхъ орудій, выдвинутыхъ ими къ берегу, были не дѣйствительны; на одномъ изъ первыхъ показавшійся изъ-подъ палубы въ большомъ количествѣ паръ даетъ право заключить, что у него былъ пробитъ паровой котелъ“.

Густой дымъ изъ-за маяка показывалъ тревогу въ непріятельскомъ флотѣ: всѣ паровыя суда, не исключая кораблей, задымились, и нѣкоторыя изъ нихъ стали приближаться къ нашимъ пароходамъ. Опасаясь быть атакованными, пароходы наши отступили, не потерявши ни одного человѣка убитыми или ранеными.

Въ три часа все было кончено, и защитники съ восторгомъ привѣтствовали доблестныхъ черноморцевъ.

Военная доблесть проявляется не въ однихъ только полевыхъ битвахъ и морскихъ движеніяхъ, гдѣ иногда бываетъ достаточно минутнаго увлеченія, чтобы совершить блистательный подвигъ,—она проявляется гораздо болѣе въ томъ непоколебимомъ перенесеніи трудовъ и лишеній, когда для каждаго защитника тревожные дни смѣняются безсонными ночами, и когда недѣля за недѣлею, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, не измѣняютъ нисколько трудовой жизни войны.

Государь императоръ вполнѣ цѣнилъ такую доблесть Севастопольскаго гарнизона.

---

[1]) Въ рапортѣ отъ 24-го ноября за № 588.

„Съ удовольствіемъ я утвердилъ всѣ твои представленія о наградахъ—писалъ государь [1]);—достойнымъ заслуженное,—и прошу тебя, представляй отличныхъ чаще, ибо когда же награждать, ежели не въ подобное время, и не повышать молодыхъ, обѣщающихъ офицеровъ, которымъ надо открыть ходъ“.

„Считаю справедливымъ,—писалъ онъ въ другомъ письмѣ князю Меншикову [2])—велѣть тебѣ объявить всѣмъ войскамъ, составляющимъ другой мѣсяцъ гарнизонъ Севастополя, какъ сухопутнымъ, такъ и морскимъ, что въ признательность за ихъ безпримѣрное мужество, усердіе и труды въ теченіе сего времени, я велѣлъ имъ зачесть *каждый мѣсяцъ за годъ службы* по всѣмъ правамъ и преимуществамъ. Они этого вполнѣ заслуживаютъ, и объяви это на 6-ое декабря. Ты скупъ представлять о наградахъ; прошу тебя, дай мнѣ радость наградить достойныхъ.

„Радуюсь, что ты Васильчикова назначилъ въ Севастополь въ начальники штаба; онъ достойный офицеръ, котораго душевно люблю — по отцу пошелъ, благороднѣйшая душа“.

Князь Васильчиковъ вступилъ въ должность начальника штаба 19-го ноября, а вслѣдъ за тѣмъ начальникомъ гарнизона былъ назначенъ генералъ-адъютантъ баронъ (впослѣдствіи графъ) Дмитрій Ерофеевичъ Остенъ-Сакенъ 1-ый.

— Съ тѣхъ поръ,—говорилъ князь Меншиковъ окружавшимъ его лицамъ,—какъ подкрѣпили насъ Ерофеичемъ [3]), мы чувствуемъ себя гораздо сильнѣе.

Несмотря на остроту и двусмысленность выраженія, баронъ Остенъ-Сакенъ былъ единственный человѣкъ, который пользовался довѣріемъ главнокомандующаго и прибытія котораго онъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ.

Пріѣхавъ въ Севастополь въ концѣ ноября и вступивъ въ командованіе вновь ввѣреннаго ему 4-го пѣхотнаго корпуса, баронъ Остенъ-Сакенъ былъ тотчасъ же назначенъ начальникомъ гарнизона [4]).

---

[1]) Князю Меншикову въ собственноручномъ письмѣ отъ 5-го декабря.

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 29-го ноября.

[3]) Такъ называется извѣстная водочная настойка.

[4]) См. предписаніе 27-го ноября.

Съ любовью и надеждою встрѣтили защитники это новое назначеніе. Какъ солдаты, такъ и офицеры знали, что строгая справедливость издавна была отличительною чертою барона Остенъ-Сакена; его храбрость и военная опытность также были извѣстны. „Нѣтъ мнѣнія,—писалъ одинъ изъ участниковъ [1]),—нѣтъ совѣта, которыхъ бы онъ (Сакенъ) не выслушалъ; узнавъ всѣ мнѣнія, онъ создаетъ себѣ ясное понятіе о положеніи дѣла. Несмотря на нѣкоторыя его странности, нѣтъ у насъ другаго генерала болѣе дѣльнаго, толковаго и храбраго. Этого уже достаточно, чтобы ни одно изъ его предложеній не было здѣсь принято".

Вступивши въ званіе начальника гарнизона осажденнаго города, Остенъ-Сакенъ неутомимо трудился во все время осады и, благодаря своей неусыпной дѣятельности, успѣлъ уничтожить тѣ безпорядки въ администраціи, которые существовали въ Севастополѣ до его назначенія. Онъ нашелъ *„что пріемъ и расходъ пороха производился совершенно безотчетливо"*, и потому просилъ князя Меншикова установить въ этомъ нѣкоторый порядокъ [2]). По его распоряженію часть пороха поступала въ морское вѣдомство, часть въ сухопутное и одна четвертая всего доставленнаго отчислялась въ запасъ и сдавалась на храненіе въ Сѣверное укрѣпленіе.

Вступивши въ званіе начальника гарнизона, Дмитрій Ерофеевичъ на другой же день отдалъ приказъ, въ которомъ точно опредѣлилъ порядокъ уборки раненыхъ и медицинскаго пособія на перевязочныхъ пунктахъ; установилъ правильное сообщеніе на пароходахъ, между сѣверною и южною сторонами города; ограничилъ домашній расходъ людей въ полкахъ; указалъ порядокъ, которому должны были слѣдовать полки, при перевозкѣ черезъ бухту тяжестей и продовольствія.

Посѣщая ежедневно бастіоны и заботясь объ улучшеніи солдатскаго быта, баронъ Остенъ-Сакенъ особенно слѣдилъ за правильностью наряда на работу и назначенія въ ночную цѣпь и на вылазки. Послѣднія, съ назначеніемъ Дмитрія Ерофеевича начальникомъ гарнизона, получили еще большее развитіе, заставляли непріятеля держать постоянно много войскъ въ траншеяхъ и тѣмъ утомляли его до крайности.

---

[1]) Отъ 7-го декабря 1854 г.

[2]) Рапортъ Остенъ-Сакена кн. Меншикову 19-го декабря № 405.

Желаніе увеличить дальность выстрѣла изъ нашихъ гладкоствольныхъ ружей и тѣмъ уравновѣсить нашъ огонь съ непріятельскимъ, привело генералъ-маіора Баумгартена къ мысли произвести опыты надъ стрѣльбою изъ простыхъ ружей коническими пулями съ чашечкою. Едва только Остенъ-Сакенъ узналъ объ этихъ опытахъ, какъ принялъ въ нихъ самое живое участіе. Опыты показали, что прицѣльный выстрѣлъ на 500 шаговъ пробивалъ доску, и Остенъ-Сакенъ, еще до назначенія своего начальникомъ гарнизона, отправилъ въ южную армію образецъ пуль и формы для ихъ отливки, прося князя М. Д. Горчакова, чтобы онъ приказалъ отлить у себя какъ можно болѣе пуль и прислалъ ихъ въ Крымъ [1]). По его настоянію въ Севастополѣ было также приступлено къ приготовленію точно такихъ же пуль, польза которыхъ была скоро признана всѣми [2]).

„Ружейная пальба наша,—писалъ кн. Меншиковъ [3]),—въ послѣднее время была весьма дѣйствительна, благодаря употребленію далеко достигающихъ продолговатыхъ пуль съ внутреннимъ углубленіемъ. Эта досяга (дальность) крайне порадовала нашихъ застрѣльщиковъ. Мы стараемся, сообразно средствамъ нашимъ, надѣлать этихъ пуль сколь возможно болѣе; на первый случай роздано уже 10.000 и 15.000 изготовляется по мѣрѣ выдѣлки формъ“.

При содѣйствіи дѣятельнаго своего помощника Павла Степановича Нахимова и начальника штаба князя Васильчикова, баронъ Остенъ-Сакенъ значительно улучшилъ во всѣхъ отношеніяхъ положеніе осажденнаго города.

Павелъ Степановичъ Нахимовъ былъ неистощимъ: что бы ни потребовалось для гарнизона, стоило только сказать адмиралу Нахимову, и требованіе было тотчасъ же удовлетворяемо, безъ всякихъ формальностей, часто насъ губившихъ. Широко растворивъ двери всѣхъ складовъ и открывъ доступъ къ богатымъ запасамъ Черноморскаго флота, Павелъ Степановичъ удовлетворялъ съ полною готовностію всѣ нужды

---

[1]) Письмо барона Остенъ-Сакена князю М. Д. Горчакову 26-го ноября 1854 г.

[2]) Воен.-Учен. Арх., д. № 3338.

[3]) Во всепод. донесеніи отъ 8-го декабря 1854 г.

*

какъ людей, такъ и укрѣпленій. У него не было отказа, если только требованіе шло на пользу и славу обожаемаго имъ отечества.

Другимъ сподвижникомъ барона Остенъ-Сакена былъ его начальникъ штаба флигель-адъютантъ полковникъ князь Викторъ Иларіоновичъ Васильчиковъ. Князь Васильчиковъ, почти съ первыхъ дней назначенія начальникомъ штаба, заслужилъ всеобщую любовь и уваженіе своею энергіею и заботливостію о нуждахъ гарнизона. Сообщая военному министру о приказаніи бывшему начальнику штаба Севастопольскаго гарнизона полковнику Попову отправиться въ Петербургъ, князь Меншиковъ присовокуплялъ: „On est parfaitement content de Wassiltchikoff à Sévastopol. C'est un homme lucide et qui se distingue surtout par son esprit d'ordre et de ponctualité si nécessaire à un chef d'état major“ [1]).

Кто не видалъ въ Севастополѣ, какъ князь Викторъ Иларіоновичъ всякій день, а зачастую и по два раза въ день, объѣзжалъ всю оборотельную линію. Князь бывалъ вездѣ, гдѣ грозила опасность; проводилъ подъ открытымъ небомъ ночи тамъ, гдѣ ожидалось нападеніе и при всѣхъ своихъ многочисленныхъ занятіяхъ, руководимый сердечною теплотою, находилъ время и средства облегчать стоны раненыхъ и увѣчныхъ. Скоро онъ такъ сроднилъ себя съ каждымъ защитникомъ Севастополя, что, казалось, и самая оборона безъ него невозможна. Вотъ примѣръ тому, разсказанный на одномъ изъ Севастопольскихъ обѣдовъ.

Былъ разгаръ осады. Надъ Севастополемъ стояли непроглядныя тучи пороховаго дыма, повсюду градомъ сыпались вражьи снаряды — было бомбардированіе, предшествовавшее славно отбитому штурму. . .

Доблестный Павелъ Степановичъ (Нахимовъ) возвращался съ бастіоновъ. Одинъ изъ севастопольцевъ, идя на встрѣчу адмиралу, замѣтилъ ему, что онъ не бережетъ себя, и при всякой тревогѣ подвергается опасности.

— Что будетъ,—заключилъ онъ,—если Севастополь васъ утратитъ!..

Нахмурилось чело адмирала...

— Не то вы говорите-съ, — возразилъ Павелъ Степановичъ,— убьютъ-съ меня, убьютъ-съ васъ-съ, это ничего-съ!.. а вотъ если израс-

[1]) Письмо кн. Меншикова князю Долгорукову отъ 2-го декабря.

ходуютъ князя Васильчикова или генерала Тотлебена, это бѣда-съ, безъ нихъ не сдобровать-съ и Севастополю!..

Истина словъ, произнесенная устами доблестнаго представителя храбрыхъ моряковъ, была прочувствована и сознана всѣми севастопольцами. Съ именами этихъ трехъ лицъ защитники славнаго города сочетали свои лучшія надежды, а впослѣдствіи и дорогія воспоминанія.

XXIV.

Состояніе продовольственной части Крымской арміи.—Оставленіе нами лѣваго берега рѣки Черной.—Перемѣщеніе внутрь полуострова кавалеріи и артиллеріи.—Образованіе блокаднаго Евпаторійскаго отряда.—Появленіе непріятельскихъ судовъ у Перекопа, Ѳеодосіи и въ Керченскомъ проливѣ.—Жалоба кн. Меншикова на недостатокъ у него офицеровъ.—Командированіе въ Крымъ генераловъ Огарева и Хрулева.—Извѣстіе о намѣреніи союзниковъ высадиться у Перекопа.—Мнѣніе фельдмаршала о защитѣ Севастополя и Крымскаго полуострова. — Формированіе особаго отряда у Перекопа.— Рескриптъ императора князю Меншикову.—Комплектованіе полковъ Крымской арміи.—Санитарное состояніе войскъ.—Госпитали и ихъ состояніе.—Сестры милосердія и ихъ первая дѣятельность.

Съ половины ноября ненастье усилилось, и наступили холода. Безпрерывные проливные дожди, шедшіе то съ градомъ, то со снѣгомъ, испортили дороги. Размягченная почва представляла значительное затрудненіе не только для перевозки тяжестей, но и для одиночныхъ пѣшеходовъ. Артиллерія, при своихъ передвиженіяхъ, принуждена была употреблять двойную упряжку, но при подъемахъ на горы часто и этого числа лошадей оказывалось недостаточно. Распутица, изнуряя рабочій скотъ, при помощи котораго передвигались всѣ транспорты, лишала насъ послѣднихъ средствъ для перевозки тяжестей. Подводы собирались иногда за 300 верстъ отъ складовъ, и потому продолжительность пути, въ которомъ находились подводчики, была для нихъ крайне обременительна. Они принуждены были брать съ собою провизію для себя и фуражъ для воловъ, на все время наряда, или покупать все это на пути, по цѣнамъ весьма высокимъ. Безпрестанный сборъ подводъ обезсиливалъ край, лишая жителей возможности засѣять поля и убрать жатву.

Еще большимъ отягощеніемъ для поселянъ было то, что подводы, назначенныя для слѣдованія съ войсками отъ Симферополя до г. Бахчисарая, по распоряженію военнаго начальства, не только перевозили эти войска за Бахчисарай, до позиціи, но оставлялись тамъ для перевозки тяжестей [1]). Отъ такой усиленной дѣятельности многіе хозяева лишились своего рабочаго скота [2]), а армія перевозочныхъ средствъ. Правильность транспортировки провіанта и фуража съ каждымъ днемъ нарушалась, и войска стали ощущать недостатокъ въ продовольствіи. Сухари и крупа выдавались неаккуратно, а лошади дня по три не имѣли ни овса, ни сѣна. „За неимѣніемъ фуража,—пишетъ участникъ [3]), — я кормилъ свою лошадь булками и платилъ по 40 и 50 коп. за штуку". Худоба лошадей дошла дотого, что ни одной изъ нихъ нельзя было подтянуть какъ слѣдуетъ подпругъ: онѣ оказывались слишкомъ длинными; вьюки болтались и валились на солдатъ, лишь только они, садясь на лошадей, вдѣвали ногу въ стремя.

Въ концѣ ноября положеніе дѣлъ еще болѣе ухудшилось. Ручьи и рѣчки, существованіе которыхъ обозначалось до сихъ поръ только сухимъ русломъ, вышли изъ береговъ и, при отсутствіи мостовъ, на каждомъ шагу затрудняли переправу. Рѣка Черная разлилась до такой степени, что сообщеніе въ бродъ сдѣлалось почти невозможнымъ, и войска, находившіяся на позиціи, передъ Балаклавою, будучи почти отрѣзаны отъ сообщенія съ Севастополемъ, терпѣли во всемъ крайній недостатокъ.

Съ наступленіемъ осенняго времени удержаніе передовой позиціи представляло немалыя затрудненія, ибо для этого необходимо было оставить за собою высоты, командующія деревнею Карловкою и лежащія на лѣвомъ берегу рѣки Черной. Высоты эти, имѣя отлогіе скаты къ непріятелю, были чрезвычайно круты къ нашей сторонѣ и потому неудобны какъ для отступленія, въ случаѣ непріятельскаго нападенія, такъ и для посылки подкрѣпленій.

Разрѣзывая пополамъ нашу позицію, рѣка Черная имѣла свойства горной рѣки, разливавшейся быстро и неожиданно. Устройство мостовъ

---

[1]) Рапортъ таврическаго губернатора кн. Меншикову 21-го октября №11050.

[2]) Рапортъ маіора Гангардта генералу Анненкову отъ 30-го октября.

[3]) Арбузовъ. «Воспоминанія о войнѣ на Крымскомъ полуостровѣ». «Воен. Сбор.» 1874 г. № 4.

черезъ рѣку было весьма затруднительно и почти невозможно. При отрядѣ не имѣлось ни средствъ, ни матеріаловъ для постройки моста, и князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ вынужденъ былъ перевести на правый берегъ рѣки всю артиллерію, а защиту передовыхъ высотъ предоставить одной пѣхотѣ, для сообщенія, съ которой были устроены небольшіе мостики на козлахъ, удобные только для одиночныхъ пѣшеходовъ.

Безпрестанно сносимые потоками воды, мосты эти представляли плохое обезпеченіе въ правильности сообщенія, и слѣдовательно оставленныя на лѣвомъ берегу войска были поставлены въ опасное положеніе, не только въ случаѣ отступленія черезъ рѣку, но и относительно средствъ продовольствія.

Провіантъ и прочее довольствіе для этого отряда переправляли въ зарядныхъ ящикахъ, до тѣхъ поръ, пока, 20-го ноября, не потонуло нѣсколько лошадей. Когда и этотъ способъ доставки оказался неудобнымъ, то для переправы зарядныхъ ящиковъ и фуръ былъ кое-какъ исправленъ прежде существовавшій каменный мостъ, но вечеромъ 22-го ноября прибыль воды въ рѣкѣ Черной была такъ велика, что и переправа по каменному мосту сдѣлалась опасною [1]).

Не признавая возможнымъ, при такихъ условіяхъ, оставлять войска на позиціи, князь П. Д. Горчаковъ, не ожидая разрѣшенія главнокомандующаго, отвелъ ихъ къ селенію Чоргунъ, и такимъ образомъ лѣвый берегъ рѣки Черной былъ оставленъ нами. На прежней позиціи осталась только линія аванпостовъ у часовни Ивана Постнаго и у селенія Комары.

Непріятель, замѣтивъ, что мы оставляемъ позицію, спустилъ съ высотъ часть кавалеріи и нѣсколько батальоновъ пѣхоты, но, не подходя близко къ нашимъ аванпостамъ, ограничился одною рекогносцировкою и потомъ возвратился въ свой лагерь [2]).

Еще ранѣе оставленія этой позиціи, въ первой половинѣ ноября, князь Меншиковъ, имѣя въ виду, что въ Байдарской долинѣ фуражъ совершенно истощился, что доставка его съ каждымъ днемъ дѣлалась затруднительнѣе и что наконецъ лошади пришли въ совершенное изну-

---

[1]) Рапорты князя П. Д. Горчакова кн. Меншикову 20-го и 22-го ноября.
[2]) Тоже отъ 23-го, 24-го и 25-го ноября за № 320, № 324 и № 326.

реніе, рѣшился отправить внутрь Крыма какъ кавалерію, такъ и артиллерію. Лошади послѣдней были въ такомъ положеніи, что батареи не могли слѣдовать за полками и для прохожденія пространства, пройденнаго пѣхотою въ одинъ переходъ, батареи принуждены были употреблять два съ половиною дня.

Недостатокъ лошадей и потеря людей въ бывшихъ сраженіяхъ заставили привести многія батареи въ уменьшенный составъ, при чемъ наиболѣе пострадавшія были удалены отъ театра дѣйствій и расположены близъ Симферополя и Бахчисарая на р.р. Салгирѣ, Алмѣ и Качѣ. Тѣ же батареи, которыя оказались менѣе разстроенными, распредѣлены между дѣйствующими войсками и расположены на Бельбекѣ, Инкерманѣ, въ Чоргунѣ и въ Севастополѣ [1]).

Почти слѣдомъ за артиллеріею была отправлена и кавалерія, въ содѣйствіи которой Севастополь не нуждался.

Оставивъ въ отрядѣ при Чоргунѣ только 16-ть эскадроновъ второй бригады 6-й легкой кавалерійской дивизіи, князь Меншиковъ отправилъ всю остальную кавалерію на сѣверъ полуострова и расположилъ: сводно-маршевую бригаду на р. Качѣ, а тридцать эскадроновъ 1-й драгунской дивизіи направилъ къ Евпаторіи на соединеніе съ находившимися тамъ 32-мя эскадронами резервной уланской дивизіи [2]). Это послѣднее распоряженіе было вызвано распространившимися слухами о предполагаемой высадкѣ непріятеля въ Евпаторіи, съ цѣлью дѣйствовать на наши сообщенія [3]). Хотя при полномъ отсутствіи перевозочныхъ средствъ, союзники и не могли удалиться отъ берега на столько, чтобы угрожать нашимъ путямъ сообщенія, но благоразуміе требовало обезпечить себя и съ этой стороны, а потому князь Меншиковъ признавалъ не лишнимъ усилить отрядъ, блокировавшій Евпаторію, и 22-го ноября поручилъ его начальнику первой драгунской дивизіи генералъ-лейтенанту барону Врангелю [4]).

---

[1]) Всепод. донесеніе князя Меншикова отъ 12-го ноября. См. приложеніе № 22-й.

[2]) Письмо Семякина князю М. Д. Горчакову 21-го ноября.

[3]) Письмо кн. Меншикова кн. М. Д. Горчакову 21-го ноября.

[4]) Съ передвиженіемъ драгунъ на р. Булганакъ въ составъ Евпаторійскаго отряда вошли: резервная уланская дивизія съ ея артиллеріею (начальникъ генералъ-лейтенантъ Корфъ), три полка первой драгунской дивизіи съ ихъ артиллеріею и донскіе казачьи полки № 55-го и № 61-го.

Главнѣйшею обязанностію вновь сформированнаго отряда было охраненіе сѣверно-западной части Крыма, прекращеніе сношеній татаръ съ непріятелемъ и жителями Евпаторіи и наконецъ прикрытіе двухъ главныхъ сообщеній нашихъ съ имперіею: черезъ Перекопъ и Чонгарскій мостъ. Такое прикрытіе было необходимо для нравственнаго успокоенія жителей и подводчиковъ, такъ какъ, около этого времени, непріятельскіе суда и пароходы стали показываться въ виду Перекопа.

26-го ноября два такихъ судна вошли въ Перекопскій (Каркинитскій) заливъ, гдѣ дѣлали промѣры, а въ десять часовъ утра 6-го декабря точно такія же суда явились и въ виду Ѳеодосіи. Сначала они держались внѣ выстрѣловъ, но въ первомъ часу повернули къ карантину съ намѣреніемъ завладѣть конфискованнымъ самосскимъ судномъ. Выстрѣлы съ нашихъ батарей заставили однако же непріятеля удалиться въ море. На слѣдующій день тѣ же самыя суда подошли сначала ко входу въ Керченскій проливъ, а потомъ стали на якорѣ противъ Таклинскаго маяка, гдѣ и ночевали. Съ разсвѣтомъ 8-го декабря одинъ изъ непріятельскихъ пароходовъ пытался подойти къ Павловской батареѣ, но встрѣченный выстрѣлами повернулъ назадъ, и вслѣдъ за тѣмъ оба судна скрылись въ морѣ [1]).

Почти одновременное появленіе непріятельскихъ судовъ въ разныхъ пунктахъ Крымскаго полуострова навело панику на прибрежныхъ жителей. Ѳеодосійская таможня вмѣстѣ съ дѣлами оставила городъ и переселилась въ предмѣстье Фонтанчикъ [2]); въ Перекопѣ также все пришло въ движеніе, и князь Меншиковъ опасался, что паника будетъ имѣть вліяніе на слѣдованіе транспортовъ. Онъ просилъ князя М. Д. Горчакова поручить кому-нибудь постройку крѣпостцы въ Перекопѣ, ссылаясь на то, что у него нѣтъ ни генераловъ, ни офицеровъ, ни даже войскъ, способныхъ къ битвѣ. Князь Меншиковъ говорилъ, что на подкрѣпленіе его силъ посылаются одни только резервы, т. е. „нѣсколько тысячъ необученныхъ людей, въ жизнь свою не заряжавшихъ ружья и подъ командою неопытныхъ офицеровъ [3])“.

---

[1]) Рапортъ керчь-еникольскаго градоначальника 9-го декабря № 10493.
[2]) Донесеніе управ. Ѳеодосійскою таможнею 9-го декабря.
[3]) Письмо кн. Меншикова кн. Горчакову 7-го декабря.

— Позвольте вамъ сказать,—отвѣчалъ князь Михаилъ Дмитріевичъ,—что вы несправедливы къ вашимъ генераламъ. У васъ цвѣтъ арміи: Сакенъ, мой братъ, Нахимовъ, Липранди, Врангель, Семякинъ и Баумгартенъ—все люди усердные и способные, но до извѣстной конечно степени. Они могутъ быть очень полезны въ совѣтѣ и въ дѣлѣ, но нужно терпѣливо обсуждать и послѣ уже отдавать рѣшительныя приказанія.

Желая однако же облегчить положеніе главнокомандующаго, князь Горчаковъ отправилъ въ Перекопъ инженернаго офицера и вмѣстѣ съ тѣмъ командировалъ въ Крымъ генераловъ Огарева и Хрулева.

„У меня,—писалъ при этомъ князь Горчаковъ о Хрулевѣ [1]),—онъ состоялъ при Шильдерѣ и продѣлывалъ прошедшею весною на Дунаѣ разныя штуки, которыя были намъ нужны [2]). Это бравый молодецъ, не особенно умный (qui n'a pas beaucoup de tête), но очень храбрый и предпріимчивый. Будучи артиллеристомъ и въ школѣ у Шильдера, онъ можетъ съ успѣхомъ строить у васъ временныя береговыя батареи, дѣлать съ артиллеріею экспедиціи вдоль морскаго берега, чтобы стрѣлять по непріятельскимъ судамъ и т. п. Онъ очень смѣлъ, дѣятеленъ и сдѣлаетъ все, что вы скажете, лишь бы ему было объяснено, что отъ него требуютъ [3]).

---

[1]) Горчаковъ кн. Меншикову отъ 3-го декабря.

[2]) „Je l'ai employé comme adjiont à Schilder pour toutes les farces que nous avons faites le printemps passé le long du Danube“.

[3]) Генералъ-лейтенантъ Хрулевъ, еще раньше назначенія, самъ искалъ случая отправиться въ Севастополь и, 29-го октября, вскорѣ послѣ Инкерманскаго сраженія, обратился съ такою просьбою къ начальнику штаба южной арміи генералу Коцебу.

«Съ грустью я узналъ,—писалъ Хрулевъ, — о дѣлѣ, бывшемъ подъ Севастополемъ, и о смерти генералъ-лейтенанта Соймонова.—Болѣзненное состояніе мое, послѣ лихорадки, лишаетъ меня чести лично представиться вашему превосходительству и просить ходатайства вашего у князя Михаила Дмитріевича о назначеніи меня временно для командованія 10-ю пѣхотною дивизіею.

«Съ совершеннымъ усердіемъ я постараюсь оправдать эту новую милость г. главнокомандующаго, и, по состоянію моего здоровья, дня черезъ два могъ бы отправиться въ Севастополь».

31-го октября начальникъ штаба отвѣчалъ Хрулеву слѣдующимъ письмомъ:

«По докладѣ г. главнокомандующему арміею письма ко мнѣ вашего пре-

Между тѣмъ князь Меншиковъ, въ ожиданіи содѣйствія князя Горчакова по укрѣпленію Перекопа, приказалъ расположенной на р. Качѣ сводно-маршевой кавалерійской бригадѣ генералъ-лейтенанта Рыжова, съ конно-легкою № 12-го и легкою № 4-го батареею 11-й артиллерійской бригады, слѣдовать къ Перекопу и расположиться между этимъ городомъ и с. Краснымъ [1]). Генералу Врангелю поручено Новоархангельскій уланскій полкъ съ четырьмя орудіями конно-легкой № 19-го батареи придвинуть ближе къ южному берегу Перекопскаго (Каркинитскаго) залива и усилить наблюденіе за непріятелемъ въ Евпаторіи, гдѣ въ послѣднее время замѣтна была особая дѣятельность. Вокругъ города и въ улицахъ строились батареи и вооружались сильною артиллеріею, которую непріятель свозилъ съ двухъ 80-ти пушечныхъ кораблей, потерпѣвшихъ крушеніе въ бурю 2-го ноября. Отъ Херсонесскаго мыса къ Евпаторіи и обратно двигались непріятельскія суда, наполненныя войсками.

Иностранныя газеты почти ежедневно возвѣщали о посылкѣ въ Крымъ новыхъ и сильныхъ подкрѣпленій, и по всему видно было, что союзники готовятъ чрезвычайныя средства для успѣшнаго окончанія дѣлъ на полуостровѣ. Англичане отправляли рабочихъ и рельсы для устройства желѣзной дороги отъ Балаклавы до траншей. Императоръ Наполеонъ просилъ Омера-пашу остановить свои дѣйствія на Дунаѣ и отправиться въ Крымъ со всѣми своими войсками. Телеграфическія депеши изъ разныхъ мѣстъ Европы извѣщали, что дивизія Саля (Sales) сѣла уже на суда въ Тулонѣ, и что дивизія Брюне (Brunet) будетъ также скоро отправлена на усиленіе восточной арміи. Телеграфъ изъ Берлина передавалъ, что союзники ожидаютъ только подкрѣпленій, чтобы перейти въ наступленіе и атаковать, но не Севастополь, а армію князя Меншикова [2]). Перебѣжчики подтверждали эти слухи и увѣряли, что французы настаивали на необходимости новой высадки въ тылъ арміи князя Меншикова, въ Евпаторіи или Перекопѣ.

восходительства, коимъ вы просите о назначеніи васъ временно-командующимъ 10-ю пѣхотною дивизіею, его сіятельство изволилъ отозваться, что онъ не желалъ бы откомандировать васъ теперь отъ ввѣренной ему арміи».

[1]) Кавалерійской бригадѣ съ конною батареею приказано было расположиться вдоль морскаго берега отъ с. Щетинцы до с. Краснаго. Легкая же № 4-го батарея была оставлена въ Перекопѣ для усиленія боевыхъ средствъ города.

[2]) Письмо кн. Горчакова кн. Меншикову 3-го декабря 1854 г.

Высадившись въ томъ или другомъ пунктѣ, они могли прервать сообщеніе полуострова съ Россіею и оставить Крымскую армію безъ хлѣба и боевыхъ припасовъ. Хотя съ наступленіемъ зимняго времени и трудно было допустить, чтобы высадка могла состояться, но слухи эти были слишкомъ серьезны, чтобы не обратить на нихъ вниманія и не обезпечить положенія Крымской арміи, образованіемъ у Перекопа особаго отряда, который бы могъ, хотя на время, остановить движеніе непріятеля.

Для сформированія такого отряда князь Меншиковъ не могъ отдѣлить отъ себя ни одного полка пѣхоты, и вопросъ о прикрытіи сообщеній составлялъ главную и мучительную заботу Императора. Кромѣ нѣсколькихъ резервныхъ батальоновъ въ распоряженіи министерства не оставалось свободныхъ войскъ,—всѣ они были распредѣлены по дѣйствующимъ арміямъ и расположены преимущественно на западной и южной границахъ имперіи, въ виду того угрожающаго положенія, которое принималъ вѣнскій дворъ относительно Россіи.

Переговоры наши съ Австріею съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе запутывались, и въ Петербургѣ не сомнѣвались уже, что въ самомъ непродолжительномъ времени послѣдуетъ окончательный разрывъ съ этою державою.

— Скоро придется намъ драться во всѣхъ концахъ,—говорилъ императоръ:—одинъ Богъ намъ помощь [1]).

Въ концѣ ноября были получены изъ Вѣны еще менѣе успокоительныя извѣстія, по которымъ можно было подозрѣвать, что между Австріею, Франціею и Англіею заключенъ тайный договоръ, по которому *„условлено отнять у насъ Польшу“* [2]).

Съ полученіемъ этихъ извѣстій князь Варшавскій, на котораго возложена была защита Польши, не только не соглашался отдѣлить отъ себя, даже и временно, ни малѣйшей части войскъ, но напротивъ того успѣлъ испросить высочайшее повелѣніе на образованіе, противъ Каменца, второй промежуточной арміи.

По мнѣнію его, въ Крыму было слишкомъ достаточно войскъ, для

---

[1]) Изъ собственноручнаго письма государя императора князю Меншикову 29-го ноября 1854 г.

[2]) Изъ собственноручнаго письма государя императора князю Горчакову 30-го ноября 1854 г.

того чтобы князь Меншиковъ могъ защищаться даже и въ томъ случаѣ, если бы англо-французы прислали еще тридцать и даже сорокъ тысячъ свѣжихъ войскъ. Фельдмаршалъ находилъ совершенно излишнимъ усиливать Крымскую армію и укорялъ князя Горчакова въ томъ, что онъ придаетъ гораздо большее значеніе опасности въ Крыму, чѣмъ той, и несравненно важнѣйшей, которая угрожаетъ намъ со стороны Австріи [1]).

— Здѣсь,—говорилъ фельдмаршалъ,—дѣло идетъ уже не о Севастополѣ, но о лучшихъ нашихъ южныхъ провинціяхъ, а можетъ быть и о царствѣ Польскомъ, т. е. о населеніи почти въ пятнадцать милліоновъ. Предупредить это можно только тогда, когда мы будемъ имѣть сильную армію въ Польшѣ и на углу австрійскихъ владѣній, противъ Каменца. Корпусъ сей столь важенъ, что необходимо изыскать всѣ средства, чтобы его усилить, взявъ на увеличеніе его войска оттуда, откуда только можно. Сильная армія въ царствѣ Польскомъ и другая между Каменцомъ и Дубно,—однѣ только могутъ остановить Австрію, которая можетъ быть тогда и не войдетъ въ наши предѣлы, когда оба ея фланга и тылъ будутъ угрожаемы. Можетъ быть, что тогда австрійцы, даже если бы и принуждены были къ войнѣ, то неохотно дѣйствовать будутъ, а армія наша будетъ имъ предлогомъ не идти впередъ и даже не начинать войны. По моему убѣжденію, не только отсюда нельзя брать войскъ, но ихъ необходимо усиливать между Каменцомъ и Дубно. Я убѣжденъ, что ни въ Крыму, ни противъ турокъ нѣтъ необходимости въ большомъ числѣ войскъ.

Соглашаясь съ мнѣніемъ фельдмаршала относительно Турціи, нельзя было согласиться съ тѣмъ, что въ Крыму не предстояло опасности и что князь Меншиковъ не нуждался въ подкрѣпленіи.

„Ежели будутъ сильныя вылазки въ тылу Меншикова,—писалъ Императоръ князю Варшавскому [2]),—или у Ѳеодосіи—ему будетъ трудно. Вся надежда на Божію милость, на время года, затрудняющее подвозъ всего непріятелю и высадки. Но ожесточеніе Англіи и L. Napoleon не знаетъ мѣры, и нѣтъ усилій, которыхъ бы ожидать нельзя было отъ нихъ, чтобъ достичь своей цѣли. Ежели къ сему прибавить,

[1]) Изъ письма кн. Варшавскаго кн. М. Д. Горчакову отъ 2-го декабря 1854 г.

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 7-го декабря.

что вѣроятно и на Петербургъ они готовятъ подобныя же усилія, сознаться надо, что наше положеніе крайне трудное".

„Однимъ словомъ,—писалъ государь князю Горчакову[1]),—надо намъ готовиться на худшее, ибо я ничуть не сомнѣваюсь, что весьма скоро и король прусскій, волей или неволей, пристанетъ къ нашимъ врагамъ.

„При подобномъ положеніи дѣлъ вопросъ уже въ томъ, гдѣ бо̀льшая опасность и куда усилія обороны нашей должны преимущественно обращены быть? Думаю, Петербургъ, Москва, или путь въ центрѣ Россіи и Крымъ съ Николаевомъ. Прочее второстепенной важности, въ сравненіи.

„Петербургъ надѣюсь защитить съ тѣми способами, которыми располагать могу; центръ Россіи, даже бросивъ царство, оставя только крѣпости занятыми, лежитъ на обязанности кн. Варшавскаго, котораго потому ослабить не могу, ибо быть можетъ гвардіи придется заслонять отъ пруссаковъ правый флангъ кн. Варшавскаго, или даже путь къ Петербургу, мимо Динабурга. Для Крыма же и Николаева отсюда только располагать могу шестнадцатью батальонами 6-й резервной дивизіи, которые и направляю въ Николаевъ. Можно ли туда же направить резервную бригаду 10-й дивизіи и часть 11-й, или предпочитаешь направить 8-ю дивизію изъ Одессы, оставя резервную бригаду десятой (дивизіи) въ Одессѣ,—можешь рѣшить одинъ ты, бывъ ближе, чѣмъ я здѣсь.

„По свѣдѣніямъ же, вчера же полученнымъ, Омеру-пашѣ велѣно пріостановиться и не вступать въ Бессарабію; вѣроятно, эту обязанность примутъ австрійцы. Но за то Омеру-пашѣ будто велѣно послать 54-ре батальона въ Крымъ. Хотя не вѣрю, чтобъ набралось столько, но думаю, что батальоновъ 20-ть или 30-ть дѣйствительно будутъ туда отправлены; какъ, когда и въ одно ли время, мудрено угадать, хотя по времени года трудно ожидать, чтобы могло разомъ отправиться, пристать и высадиться, развѣ въ Ѳеодосіи. Ежели къ сему присовокупить то, что изъ Англіи и Франціи слѣдуетъ, то полагать можно, что недѣли черезъ четыре могутъ прибавиться въ Крыму новыхъ 60.000—

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 30-го ноября.

масса значительная и съ которой Меншикову не легко будетъ управиться, ибо развлечетъ его силы.

„Изъ сего ясно, что очень желательно имѣть между Николаева и Перекопа *готовый дѣйствующій резервъ* [1]), чтобы, не отвлекая Меншикова отъ главной цѣли,—отстаивать Севастополь, можно было отбросить то, чтò угрожало бы его тылу, и охранить сообщеніе. Весь вопросъ въ томъ: полагаешь ли возможнымъ, кромѣ 8-й дивизіи, изъ состоящихъ у тебя лицомъ къ границѣ четырехъ съ половиною пѣхотныхъ дивизій, отрядить еще какую-либо часть къ Крыму, не ослабясь уже слишкомъ противъ тѣхъ враговъ, которые угрожаютъ намъ вторженіемъ съ фронта.

„Выше сказалъ, что ослаблять войска подъ начальствомъ кн. Варшавскаго я считаю крайне опаснымъ и невозможнымъ, по обязанности не менѣе важной, прямо лежащей на арміи въ Польшѣ,—цѣль, которую едва достанетъ ея силъ исполнить, при теперешнемъ затруднительномъ положеніи. Новоформируемыя запасныя дивизіи едва-ли будутъ готовы ранѣе іюня, а не въ мартѣ, какъ того я надѣялся.

„Вотъ наше положеніе, самое тяжкое, во всей наготѣ своей; нечего его скрывать отъ себя.

„Ежели Богъ благословитъ наши усилія въ Крыму, то можно надѣяться, что станетъ легче; но чтобъ надѣяться сего успѣха, надо стараться помочь тамъ, даже съ временнымъ пожертвованіемъ, напримѣръ Бессарабіею, буде только Днѣстръ отстоять можно.

„Сдѣлавъ такимъ образомъ тебѣ мою исповѣдь, прочее, съ полной довѣренностью предоставляю рѣшить тебѣ, полагаясь на твою опытность, дружбу ко мнѣ, и то пламенное усердіе, съ которымъ ты постоянно жертвуешь личнымъ общему благу и пользамъ отечества. Увѣренъ, что то, чтò рѣшишь, будетъ къ лучшему, и я спокойно ждать буду, чтò намъ предстоитъ“.

Князь Горчаковъ рѣшилъ тотчасъ же отправить къ Перекопу всю 8-ю пѣхотную дивизію съ ея артиллеріею и десять резервныхъ

---

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

батальоновъ 10-й и 11-й пѣхотныхъ дивизій, находившихся въ Одессѣ.

„Совершенно одобряя эти распоряженія,—писалъ Императоръ князю Меншикову [1]),—остается мнѣ требовать, чтобъ этому значительному и *послѣднему* подкрѣпленію было сдѣлано полезное употребленіе.

„Ежели справедливо свѣдѣніе, что непріятель готовитъ высадку у Евпаторіи или у Качи, то самое опасное дѣйствіе можетъ быть тебѣ въ тылъ; оно можетъ быть однако замедлено дѣйствіемъ кавалеріи, ежели генералъ Врангель пойметъ хорошо свою обязанность. Поэтому я передалъ флигель-адъютанту Волкову мои мысли и желаю, чтобъ онъ, передавъ ихъ тебѣ, сейчасъ ѣхалъ къ Врангелю и при немъ остался, покуда это дѣло не объяснится.

„Намѣреніе же слѣдовать на Перекопъ кажется мнѣ менѣе удобоисполнимымъ и по отдаленію отъ Евпаторіи и по трудности высадиться ближе къ Перекопу. Но ежели это сбудется, то необходимо, чтобъ первая пѣхота, которая подойдетъ, была обращена на подкрѣпленіе кавалеріи. Желательно, чтобъ оно послѣдовало не ранѣе прибытія 8-й дивизіи, болѣе боевой, чѣмъ резервная бригада. Во всякомъ случаѣ я хочу, чтобъ флигель-адъютантъ Герштенцвейгъ тамъ (въ Перекопѣ) остался, въ случаѣ, еслибъ высадка совершилась, чтобъ смотрѣть за порядкомъ и затѣмъ, чтобъ прибывающая пѣхота употреблена была дѣльно. Ежели непріятель будетъ напирать къ Перекопу въ большихъ силахъ, тогда вѣроятно надо будетъ соединить резервные батальоны съ 8-й дивизіей, чтобъ не быть разбиту по частямъ и тогда всѣми двадцатью шестью батальонами при 48-ми орудіяхъ пѣшихъ, соединясь съ кавалеріей Врангеля, отбросить непріятеля и возстановить прерванное, быть можетъ временно, съ тобой сообщеніе.

„Будемъ надѣяться, что всего этого не будетъ, или по крайней мѣрѣ не такъ скоро. Тогда я полагаю, что надо, чтобъ резервные батальоны 10-й и 11-й дивизій шли не останавливаясь къ тебѣ въ Севастополь. Тамъ ты обрати ихъ сейчасъ на пополненіе дѣйствующихъ батальоновъ своихъ полковъ и отдѣли немедля кадры резервныхъ батальоновъ съ ихъ знаменами и батальонными кадрами и по крайней

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 10-го декабря.

мѣрѣ съ половиннымъ числомъ офицеровъ и, сведя въ сводные батальоны, отправь какъ можно скорѣе назадъ на *первый случай въ Николаевъ*. Что же касается до 8-й дивизіи, я нахожу необходимымъ, чтобъ ты ее непремѣнно оставилъ у Перекопа въ резервѣ, ибо за будущее никакъ ручаться нельзя, а безъ значительной пѣхоты тутъ все можетъ быть потеряно“ [1]).

Получивши этотъ рескриптъ, князь Меншиковъ отправилъ флигель-адъютанта Шеншина навстрѣчу войскамъ, слѣдовавшимъ въ Крымъ, съ приказаніемъ, чтобы 8-я пѣхотная дивизія остановилась у Перекопа, а резервные батальоны слѣдовали далѣе къ Симферополю [2]). Значительный некомплектъ въ дѣйствующихъ полкахъ заставилъ главнокомандующаго обратить резервные батальоны немедленно на пополненіе убыли, происшедшей сколько отъ потери въ сраженіяхъ, столько же, если не болѣе, отъ болѣзней, особенно развившихся съ наступленіемъ ненастной, осенней погоды.

Быстрыя перемѣны температуры, при всей выдержанности и привычкѣ къ нимъ русскаго человѣка, не могли не оказать своего вліянія на здоровье войскъ, тѣмъ болѣе, что большая часть нижнихъ чиновъ, оставаясь подъ открытымъ небомъ и работая среди дождя, снѣга и суроваго вѣтра, износили платье и обувь. Недостатокъ теплой одежды вызвалъ распоряженіе, по которому приказано было передавать другъ другу полушубки, т.-е. чтобъ идущіе на службу брали полушубки у остающихся, но эта безпрестанная мѣна оказалась неудобною [3]).

Въ виду лучшаго сбереженія людей, князь Меншиковъ принужденъ былъ сдѣлать нѣкоторое измѣненіе въ дислокаціи и дозволить гарнизону Севастополя разбирать городскіе дома на постройку бараковъ. Мѣры эти конечно не могли считаться существенными, и Императоръ настаивалъ, чтобы нижніе чины были снабжены теплою одеждою и по-

[1]) Впослѣдствіи Императоръ предоставилъ князю Меншикову распорядиться 8-ю пѣхотною дивизіею по своему усмотрѣнію. «Я тебѣ писалъ,—говорилъ онъ въ рескриптѣ отъ 5-го января,—что 8-я дивизія есть прикрытіе твоего тыла и обезпеченіе твоего сообщенія съ Перекопомъ, но гдѣ удобнѣе *всю ее* или *часть* расположить, чтобъ достичь желаемой цѣли, зависитъ отъ тебя».

[2]) Всеподд. донесенія кн. Меншикова отъ 18-го и 21-го декабря 1854 г.

[3]) Алабинъ. «Походныя записки», изд. 1861 г., ч. II, 139.

лушубками. Необходимую для этого сумму онъ повелѣлъ выслать князю Меншикову и князю М. Д. Горчакову. Послѣдній поручилъ новороссійскому генералъ-губернатору закупить сколько можно болѣе овчинъ и отправить ихъ въ Крымскую армію. Независимо отъ этого было доставлено въ Бериславъ съ разныхъ концовъ Россіи до 30.000 полушубковъ, но, по причинѣ дурныхъ дорогъ, они не могли прибыть скоро, а между тѣмъ ненастная погода оказывала свое дѣйствіе и въ войскахъ было много больныхъ, въ особенности среди казаковъ.

Проводя большую часть времени на аванпостахъ, казаки почти безпрерывно подвергались вредному вліянію непогоды и „хотя они иррегулярные,—писалъ генералъ Хомутовъ [1],—но морозъ и на нихъ дѣйствуетъ". Наказной атаманъ просилъ, чтобы главнокомандующій снабдилъ казаковъ если не полушубками, то хотя солдатскими шинелями или мундирами, изъ которыхъ они могли сшить себѣ что-нибудь теплое. Большинство казаковъ находилось въ столь печальномъ положеніи, что они не только не имѣли средствъ завести себѣ теплую одежду, но и порядочнаго форменнаго обмундированія.

„Непомѣрное число больныхъ,—писалъ генералъ Врангель [2],—въ нѣкоторыхъ частяхъ донскихъ № 55-го и № 61-го полковъ, въ особенности въ шестой сотнѣ № 55-го полка, происходитъ отъ плохой и дурной обуви въ настоящую ненастную погоду. Большая часть казаковъ не имѣютъ полушубковъ, ходятъ въ оборванныхъ лѣтнихъ штанахъ, въ худыхъ сапогахъ и безпорядочныхъ онучахъ [3]).

„Г.г. полковые командиры, начальники прочихъ частей и сами казаки! Стыдно, что вы довели себя до такого положенія. Здоровье казака дороже тѣхъ алтыновъ, какіе онъ можетъ отложить во время войны. А потому предписываю безотлагательно привести въ порядокъ одежду и обувь у всѣхъ казаковъ означенныхъ полковъ. Если у самихъ казаковъ нѣтъ на то средствъ, то полковые командиры послѣ могутъ съ ними со-

---

[1]) Письмо генерала Хомутова генералу Семякину отъ 26-го ноября 1854 г.

[2]) Въ приказаніи по Евпаторійскому отряду отъ 9-го декабря № 10.

[3]) Исключеніемъ въ этомъ отношеніи были третья и четвертая сотни № 55-го полка. Одежда и обувь въ этихъ сотняхъ была въ исправности, и больныхъ въ этихъ частяхъ почти не было.

считаться, а теперь, устранивъ всякія затрудненія, не теряя времени, исполнить предписанное симъ приказомъ“.

Для защиты отъ холода нижніе чины надѣвали подъ шинели мундиры, но одежда, выдержавшая всѣ невзгоды годичной кампаніи, была плохою защитою отъ стужи. Солдаты защищали себя отъ холода чѣмъ могли, и по формѣ одежды трудно было узнать, къ какой части принадлежитъ солдатъ. По словамъ очевидца, можно было встрѣтить пѣхотинца въ морской шинели, артиллериста въ пѣхотной. „Замѣна эта производилась самими же солдатами; они снимали платье съ убитыхъ товарищей и взамѣнъ надѣвали на нихъ свое износившееся. А что сказать о бѣльѣ, котораго некогда, а часто и негдѣ было мыть? о повсемѣстномъ въ краю отсутствіи бань, столь привычныхъ русскому человѣку и необходимыхъ для чистоплотности? Люди лѣпились въ блиндажахъ и землянкахъ, на голой землѣ и доскахъ; платье изнашивалось, грязнилось, нерѣдко промокало до нитки и нечѣмъ было замѣнить его [1]).

Недостатокъ теплой одежды конечно былъ одною изъ причинъ, увеличивавшихъ число заболѣвающихъ, и хотя для сбереженія здоровья нижнихъ чиновъ принимались всѣ возможныя мѣры [2]), но дурная погода оказывала свое вліяніе. Въ войскахъ появилась холера, изнурительныя лихорадки и кровавые поносы; число больныхъ съ каждымъ днемъ быстро возрастало, и къ 23-му ноября въ госпиталяхъ и лазаретахъ находилось 663 офицера [3]) и 27.911 человѣкъ нижнихъ чиновъ [4]).

При полномъ отсутствіи правильно организованныхъ госпиталей, вся масса больныхъ была размѣщена вначалѣ въ Севастополѣ, Сим-

---

[1]) Очеркъ санитарнаго состоянія Крымской арміи. Москва 1872 г.

[2]) Такъ, было сдѣлано распоряженіе, чтобы людямъ выдавалось ежедневно по крышкѣ водки съ хининомъ, полагая на 1.000 порцій водки двѣ драхмы хинина; къ борщу или щамъ прибавляли чернаго перца; у кого не было полушубковъ или куртокъ изъ овчинъ, приказано было сдѣлать куртки изъ толстаго верблюжьяго сукна такого покроя, чтобы онѣ закрыли желудокъ.

[3]) Въ томъ числѣ раненыхъ 296 человѣкъ. См. всеподд. донесеніе князя Меншикова отъ 30-го ноября.

[4]) Въ томъ числѣ раненыхъ 10.868 человѣкъ.

*

ферополѣ и Бахчисараѣ, т.-е. въ такихъ пунктахъ, гдѣ было весьма трудно отыскать для нихъ удобное помѣщеніе. Въ Севастополѣ не было мѣста вполнѣ безопаснаго отъ выстрѣловъ, а въ Симферополѣ было тѣсно отъ большаго наплыва жителей. Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій почти все населеніе изъ мѣстъ, занятыхъ, или угрожаемыхъ непріятелемъ, бросилось въ Симферополь, куда вслѣдъ затѣмъ прибыли торговцы и множество военныхъ лицъ, командированныхъ по служебнымъ обязанностямъ.

Несмотря на недостатокъ въ помѣщеніи, главная масса больныхъ все-таки направлялась въ Симферополь, такъ какъ размѣщеніе ихъ въ Бахчисараѣ представляло еще болѣе затрудненій. Городъ этотъ былъ отстроенъ настолько дурно, что лишь одинъ древній ханскій дворецъ, по своей обширности, могъ служить для помѣщенія больныхъ, но и тотъ не имѣлъ печей. При такихъ условіяхъ положеніе больныхъ и раненыхъ было весьма жалкое. Симферополь представлялъ собою не городъ, а огромный лазаретъ, и скоро госпитали въ Ѳеодосіи, Карасубазарѣ, Бахчисараѣ, Перекопѣ, Херсонѣ, Николаевѣ, Вознесенскѣ и Новой Одессѣ были переполнены больными. Туземное населеніе хотя и спѣшило имъ на помощь, но что̀ значили частныя средства при такомъ множествѣ, ежедневно увеличивающемся, страждущихъ? Частныя средства были ничтожны, хотя всѣ съ полною готовностію спѣшили на помощь правительству. Менониты готовы были взять къ себѣ 1.500 человѣкъ; русскіе мужички изъявили желаніе разобрать по своимъ домамъ 2.000 человѣкъ, и графъ Канкринъ — 2.000 человѣкъ. Жители всѣхъ сословій сѣверныхъ уѣздовъ Таврической губерніи выразили готовность принять на собственное попеченіе по одному и по два человѣка, смотря по состоянію, а мелитопольскій уѣздный предводитель дворянства заявилъ, что дворянство готово устроить въ своихъ помѣстьяхъ удобные пріюты раненымъ и принять ихъ до излѣченія на свое попеченіе [1]).

Пока шла переписка и переговоры по этому дѣлу, въ Симферополѣ накопилось болѣе 5.000 человѣкъ больныхъ. За неимѣніемъ казеннаго помѣщенія, они размѣщались въ частныхъ домахъ, что̀, при отсутствіи достаточнаго числа докторовъ, крайне затрудняло уходъ за ними. Въ

---

[1]) Рапортъ маіора Гангардта полковнику Вуншу 1-го ноября № 612.

домѣ напримѣръ управлявшаго казенною палатою В. Княжевича помѣщалось 406 человѣкъ больныхъ. Недостатокъ присмотра заставилъ хозяина обратиться къ благотворительности своихъ чиновниковъ, которые сдѣлали складчину и на собранныя деньги пріобрѣтали все необходимое. „Еслибъ мои чиновники,—писалъ Княжевичъ [1]),—не присматривали и не помогали на общую складчину, то бѣдные остались бы въ первые дни и безъ пищи, не говоря о другомъ. Три ночи лежали всѣ на полу, потомъ настояли мы, и дано пятнадцать, а сегодня уже 65 тюфяковъ. Одинъ и то больной фельдшеръ перевязываетъ съ утра до ночи и успѣваетъ только одинъ разъ въ день. Старикъ докторъ (изъ Севастополя) пріѣзжаетъ не надолго, ибо медицинскихъ пособій у него нѣтъ никакихъ“.

Въ концѣ октября больныхъ было такъ много, что недоставало силъ и возможности подать всѣмъ скорую помощь. Недостатокъ врачей былъ очень великъ; начальство надъ ними раздроблено, и, при отсутствіи въ арміи генералъ-штабъ-доктора, никто не зналъ, гдѣ они находятся. „Я хлопочу,—писалъ докторъ Боссе директору военно-медицинскаго департамента [2]),—чтобы начальство надъ врачами въ Крыму князь Меншиковъ поручилъ штабъ-доктору 4-го пѣхотнаго корпуса Шрейберу, но не худо имѣть на это предписаніе изъ Петербурга“.

Въ столицѣ не находили удобнымъ указывать главнокомандующему, что онъ долженъ былъ дѣлать, а тѣмъ болѣе назначать ему такихъ лицъ, которыхъ онъ не желалъ имѣть. У насъ не было еще примѣра, чтобы министерство дѣлало назначенія безъ представленія главнокомандующаго и „утонченность отношеній въ Россіи къ высшимъ сановникамъ,—говоритъ участникъ [3]),—въ такихъ случаяхъ доведена до крайней вѣжливости. Обыкновенно даютъ то, чего просятъ, и рѣдко навязываютъ что-нибудь безъ предварительно изъявленнаго желанія“.

---

[1]) Брату въ Петербургъ отъ 23-го октября 1854 г. Теплое участіе г. Княжевича къ больнымъ и раненымъ не ускользнуло отъ вниманія общества, и желающіе ближе познакомиться съ его дѣятельностію могутъ найти ее въ «Матеріалахъ для Исторіи Крымской войны», выпускъ V, 141—143.

[2]) В. Пеликану въ концѣ октября.

[3]) Н. Ушаковъ. «Записки очевидца о войнѣ Россіи противу Турціи». «Девятнадцатый Вѣкъ». Историч. Сборникъ Бартенева, книга 2-я, изданіе 1872 г.

Такъ было и на этотъ разъ, но въ виду безотлагательной необходимости въ медицинской помощи больнымъ и раненымъ признали необходимымъ послать профессора и извѣстнаго хирурга Н. И. Пирогова, но не какъ начальника, а скорѣе волонтера. Познакомившись съ положенiемъ дѣлъ и пользуясь своимъ авторитетомъ и громкимъ именемъ, Пироговъ могъ мало-по-малу забрать въ свои руки всю медицинскую часть и незамѣтно для самого князя Меншикова стать главнѣйшимъ и единственнымъ распорядителемъ. Съ Н. И. Пироговымъ было назначено къ отправленiю 11-ть медиковъ изъ Петербурга и приказано послать въ Крымъ 6-ть медиковъ изъ Тульчинскаго военнаго госпиталя и нѣсколько человѣкъ изъ южной армiи [1]). Независимо отъ этого князь М. Д. Горчаковъ направилъ въ г. Николаевъ три военно-временныхъ госпиталя на 1.100 человѣкъ [2]) и принялъ мѣры къ тому, чтобы всѣ медики четвертаго корпуса, находившiеся по какому-либо случаю въ откомандированiи, были немедленно отправлены въ Крымъ къ своимъ частямъ.

Съ своей стороны князь Меншиковъ отправилъ въ Симферополь флигель-адъютанта ротмистра графа Левашева, съ порученiемъ устроить тамъ госпитальную часть и принять мѣры къ скорѣйшему отправленiю изъ города тѣхъ, которые начинаютъ поправляться.

Несоразмѣрность числа больныхъ съ имѣвшимся помѣщенiемъ заставила очистить и обратить въ лазареты большую часть казенныхъ домовъ, находившихся въ Симферополѣ. Прекращенiе лекцiй въ гимназiи дозволило домъ этотъ обратить въ госпиталь; уѣздное училище—куда перестало ходить болѣе двухъ третей воспитанниковъ—было переведено въ другое помѣщенiе, а домъ училища приспособленъ для помѣщенiя больныхъ и раненыхъ. Залъ дворянскаго собранiя съ прилегающими къ нему зданiями, городской пансiонъ, татарское училище и частный домъ прокурора Мейера были обращены въ лазареты, въ которыхъ, кромѣ военнаго госпиталя, хотя и могло размѣститься 730 человѣкъ, но для пользованiя ихъ не имѣлось достаточнаго числа медиковъ.

---

[1]) Записка Пеликана военному министру 2-го ноября.

[2]) № 11-й на 300 челов., № 20-й на 200 челов. и № 3-й на 600 челов. Для помѣщенiя этихъ госпиталей были назначены: зданiе Черноморской штурманской роты и одна изъ казармъ для сухопутныхъ войскъ.

На все число больныхъ въ Симферополѣ было только четыре врача и самое ограниченное число госпитальныхъ вещей: тюфяковъ, подушекъ и кружекъ; госпитальной прислуги почти вовсе не было, такъ что впослѣдствіи музыканты Волынскаго и Минскаго полковъ были присланы изъ Севастополя, для хожденія за больными [1]).

Для введенія какого бы то ни было порядка въ пользованіи больныхъ пришлось обратиться къ содѣйствію частной практики, и всѣ больные, находившіеся въ частныхъ домахъ, были поручены попеченію городскихъ докторовъ, изъявившихъ готовность принять на себя эту обязанность. Общій медицинскій надзоръ за ними порученъ инспектору врачебной управы г. Арендту, и въ каждый лазаретъ назначено по одному смотрителю изъ частныхъ лицъ. Во избѣжаніе столкновеній, недоразумѣній и даже ссоръ, не рѣдко возникающихъ изъ личностей, жертвами которыхъ обыкновенно бываютъ больные, признано необходимымъ дѣятельность гражданскихъ докторовъ не подчинять контролю управленія военнаго госпиталя и поставить ихъ въ независимое положеніе, за исключеніемъ одной хозяйственной отчетности.

Такое раздѣленіе власти, повидимому необходимое, въ дѣйствительности не принесло той пользы, которую ожидали, и больные, находившіеся въ госпиталяхъ подъ надзоромъ военныхъ медиковъ, пользовались большими удобствами, чѣмъ тѣ, которые находились въ частныхъ домахъ. Размѣщенные болѣе чѣмъ въ 45-ти отдѣльныхъ зданіяхъ, больные часто оставались безъ лѣкарствъ, такъ какъ, при существованіи въ городѣ только одной аптеки, своевременная разноска лѣкарствъ по домамъ была крайне затруднительна, по недостатку прислуги. Все, что доставлялось казною для больныхъ, шло прежде всего въ военные госпитали, и только излишки, такъ сказать крупицы, доставались на долю частныхъ лазаретовъ. Послѣдніе, получая во всемъ отказъ и не имѣя общаго начальника, или посредника, обязаннаго соблюдать равновѣсіе въ удовлетвореніи потребностей, нуждались въ самомъ существенномъ, наприм. у нихъ не было дровъ. Военное начальство требовало, чтобы топливо доставлялось отъ жителей, но городъ отвѣчалъ,

[1]) Рапортъ командира 1-й бригады 14-й пѣхотн. дивизіи 27-го ноября 1854 г.

что у него нѣтъ денегъ. Госпитальное начальство и гражданскія власти собирались вмѣстѣ, толковали о томъ, откуда бы добыть дровъ, и провели много времени въ однихъ разговорахъ. „Пропустили все хорошее время въ толкахъ,—писалъ Княжевичъ [1]);—денегъ нѣтъ и теперь, а черезъ двѣ недѣли, при бурной погодѣ, не будетъ уже возможности вывезти что-либо изъ лѣсу“.

Къ довершенію всѣхъ затрудненій главнокомандующій не встрѣчалъ не только содѣйствія со стороны интендантскаго вѣдомства, но не могъ даже добиться до истинной цифры госпитальныхъ запасовъ.

Исключительная обязанность поставки госпитальныхъ вещей для Крымской арміи лежала на Херсонской коммиссіи, въ которой оказался весьма малый запасъ госпитальныхъ вещей. Неизвѣстно, почему коммиссія старалась скрывать свое затрудненіе въ снабженіи госпиталей, и, надѣясь на быстроту исполненія сдѣланныхъ ею заказовъ, показывала на бумагѣ гораздо болѣе вещей, чѣмъ ихъ было на дѣлѣ. Не имѣя еще вещей у себя, коммиссія доносила главнокомандующему, что онѣ уже отправлены, и, только послѣ нѣсколькихъ требованій и запросовъ, созналась, что не можетъ снабдить всѣхъ госпиталей потребными вещами. Князь Меншиковъ принужденъ былъ сдѣлать распоряженіе, чтобы до 1.000 человѣкъ легко раненыхъ были отправлены въ Карасубазаръ и Бахчисарай, съ тѣмъ, чтобы они помѣщались тамъ въ казармахъ и продовольствовались наравнѣ со здоровыми. Командиру же 6-го пѣхотнаго корпуса было предписано, чтобы войска сдали въ Симферополь половину своихъ лазаретныхъ вещей, съ перечисленіемъ ихъ въ коммиссаріатское вѣдомство, но и это немного облегчило положеніе больныхъ.

Въ началѣ ноября въ Симферополѣ скопилось до 8.000 больныхъ, и вновь прибывающихъ некуда уже было помѣщать. Изъ Севастополя былъ присланъ флигель-адъютантъ Шеншинъ съ порученіемъ расширить госпитальныя средства Симферополя и распорядиться скорѣйшимъ отправленіемъ во внутреннія губерніи Россіи всѣхъ выздоравливающихъ. Исполненіе послѣдняго порученія при тогдашнихъ средствахъ было почти невозможно, ибо всѣ подводы края были употреблены на доста-

---

[1]) Брату въ Петербургъ отъ 23-го октября.

вленіе провіанта. Пока войска не были обезпечены продовольствіемъ, до тѣхъ поръ нельзя было оторвать ни одной подводы для перевозки больныхъ, а нанять было негдѣ. Съ начала кампаніи и до 16-го января при всѣхъ усиліяхъ можно было пріискать только 49 подводъ для перевозки въ Николаевъ 128 раненыхъ морскаго вѣдомства, съ платою по 20 руб. съ повозки [1]).

Такой недостатокъ перевозочныхъ средствъ заставилъ главнокомандующаго принять мѣры къ расширенію госпитальнаго помѣщенія, и онъ приказалъ объявить, чтобы всѣ семейства военныхъ выѣхали изъ Симферополя, но, при тогдашней распутицѣ и той же невозможности нанять подводы, исполнить это распоряженіе было совершенно не возможно. Тогда приказано было всѣ присутственныя мѣста и частные большіе дома, кто бы въ нихъ ни помѣщался, очистить для больныхъ [2]).

Послѣднихъ размѣщали, по мѣрѣ прибытія транспортовъ, безъ всякаго порядка и сортировки по роду болѣзни, такъ что когда 26-го ноября прибылъ въ Симферополь дѣйствительный статскій совѣтникъ Пироговъ съ своими помощниками, то первымъ его дѣломъ было раздѣлить между собою больныхъ, одержимыхъ гангреною, поносами и тифомъ. Это дѣло, повидимому легкое, совершилось не безъ труда и съ нѣкоторыми затрудненіями. Пирогову пришлось осмотрѣть почти „всѣ углы“ частныхъ и общественныхъ домовъ, удобныхъ для жизни, но не для госпитальнаго помѣщенія. Послѣ долгихъ поисковъ, хотя и были найдены дома, до нѣкоторой степени удовлетворявшіе условіямъ госпитальнаго помѣщенія, но лишь только хотѣли приступить къ переноскѣ больныхъ изъ различныхъ, разсѣянныхъ по городу, отдѣленій, какъ транспортныя средства оказались совершенно недостаточными. „Я долженъ былъ,—писалъ Пироговъ [3]),—для этого обратиться къ губернатору гр. Адлербергу [4]) и представить ему, что городу предстоитъ опасность общаго зараженія, если не будутъ предприняты самыя дѣятельныя мѣры,

---

[1]) Всепод. донесеніе князя Меншикова 16-го января.

[2]) Рапортъ маіора Гангардта генералу Анненкову 9-го ноября.

[3]) Въ письмѣ директору военно-медицинскаго департамента отъ 25-го декабря.

[4]) Назначенному вмѣсто генералъ-лейтенанта Пестеля и вступившему въ должность 29-го ноября.

и если сами жители не будутъ тому содѣйствовать. Когда наконецъ удалось устроить это отдѣленіе, то предстала другая трудность. Тогда, какъ я уже радовался, что при визитахъ началъ встрѣчать одни чистыя раны, что больные разсортированы, вдругъ прибылъ ночью новый транспортъ и снова размѣстился по разнымъ отдѣленіямъ больныхъ съ чистыми и нечистыми ранами, съ тифомъ и т. п. безъ разбора; снова нужно было приняться за разсортировку, и снова угрожала опасность новаго непредвидѣннаго транспорта“.

Тогда Пироговъ подалъ губернатору докладную записку, въ которой настоятельно просилъ: 1-е, чтобы транспорты не прибывали безъ предварительнаго извѣщенія ко вреду себѣ и другимъ: себѣ потому, что остаются безъ пищи до приготовленія оной; другимъ потому, что смѣшиваются безъ разбора; 2-е, чтобы устроить одно складочное мѣсто, въ которомъ бы дежурные врачи предварительно разсортировывали больныхъ и отсюда уже пересылали по разнымъ отдѣленіямъ.

Такимъ складочнымъ мѣстомъ была избрана большая конюшня, удобная для помѣщенія больныхъ до сортировки на нѣсколько часовъ, но чрезвычайно неудобная для оставленія въ ней больныхъ для лѣченія; передъ нею протекала цѣлая рѣка помой.

Несмотря на то, за неимѣніемъ другаго помѣщенія, больные все-таки оставлялись въ ней для лѣченія. Положеніе ихъ нѣсколько улучшилось только послѣ отправленія къ менонитамъ и въ селенія государственныхъ крестьянъ Мелитопольскаго и Бердянскаго уѣздовъ 1.500 и въ Херсонъ 600 раненыхъ [1]). Сверхъ того предполагалось отправить еще до 3.000 въ Херсонъ и до 4.000 въ разныя селенія Мелитопольскаго и Бердянскаго уѣздовъ.

Способъ перевозки больныхъ имѣлъ также вредное вліяніе на состояніе ихъ здоровья. При несовершенствѣ и неудобствѣ транспортовъ самыя простыя и поверхностныя раны дѣлались нечистыми. Транспорты больныхъ изъ Севастополя въ Симферополь и Перекопъ двигались съ

---

[1]) Больные размѣщены были въ 70-ти селеніяхъ этихъ двухъ уѣздовъ, подъ надзоромъ одного офицера, 2-хъ военныхъ и 1-го гражданскаго медиковъ, 2-хъ военныхъ и 4-хъ гражданскихъ фельдшеровъ и 2-хъ лѣкарскихъ учениковъ. Путиловъ. Сборникъ извѣстій, стр. 32.

большимъ затрудненіемъ. По рытвинамъ и ухабамъ, по колѣно въ грязи тащились татарскія арбы, открытыя, подверженныя вліянію всякой погоды и нагруженныя двумя и четырьмя больными, помѣщенными безъ подстилки, безъ теплой одежды, въ шинеляхъ, подъ которыми не рѣдко была только одна рубашка. Привезенные въ Симферополь или Перекопъ, раненые часто оставались въ теченіе нѣсколькихъ дней подъ открытымъ небомъ, безъ шубъ и покрывала, а изъ Алешекъ отправлялись, даже несмотря на холодную погоду, по р. Днѣпру въ Херсонъ. Большинство транспортовъ съ больными находилось въ пути безъ всякаго медицинскаго надзора.

„Сего ноября 5-го числа,—доносилъ главный лѣкарь Θеодосійскаго военнаго госпиталя[1]),—поступила во ввѣренный мнѣ госпиталь четвертая партія больныхъ, состоящая изъ 393 человѣкъ; въ томъ числѣ 375 раненыхъ. Во время пути, при больныхъ не было ни медика, ни фельдшера и никакихъ перевязочныхъ вещей. Самые трудные больные заняли послѣднія мѣста въ госпиталѣ, а остальные помѣщены въ частныхъ домахъ.

„Теперь всѣхъ больныхъ налицо 1.588 человѣкъ. Госпиталь терпитъ крайній недостатокъ въ медикахъ и фельдшерахъ, а равно въ бѣльѣ, ветоши и бинтахъ. Я неоднократно обращался къ ближайшему военному начальству о назначеніи ко мнѣ на помощь врачей и фельдшеровъ, и нѣсколько разъ уже просилъ Херсонскую коммиссаріатскую коммиссію о скорѣйшей высылкѣ бѣлья, ветоши и бинтовъ, которыхъ здѣсь пріобрѣсти покупкою нѣтъ никакой возможности“.

Средства госпиталей были дотого скудны, что больные часто оставались безъ пищи. Собственно говоря, въ Севастополѣ во врачахъ не было недостатка, но не было и избытка, такъ что всякая потеря или командировка становилась чувствительною, а между тѣмъ много докторовъ болѣло и даже умирало. Трудясь безъ отдыха и оставаясь въ спертомъ и удушливомъ воздухѣ безвыходно по шести и восьми часовъ, многіе доктора не выдерживали, заражались и платились за то жизнію.

Мы видѣли, что послѣ Инкерманскаго сраженія положеніе раненыхъ въ Севастополѣ было весьма печально, и только въ половинѣ декабря состояніе ихъ нѣсколько улучшилось, когда была произведена строгая

---

[1]) Новороссійскому генералъ-губернатору за № 304.

классификація по родамъ болѣзней. Пироговъ особенно слѣдилъ за разсортировкою больныхъ, какъ единственнымъ средствомъ къ успѣшному ихъ лѣченію; въ каждое отдѣленіе онъ назначалъ особыхъ докторовъ, сообразно съ ихъ спеціальностію и другими особенностями, обѣщавшими успѣхъ въ лѣченіи [1]).

Въ Карасубазарѣ и Бахчисараѣ больные и раненые были еще въ худшемъ положеніи. Удаленные версты на три отъ города, они были расположены въ казармахъ. Больные лежали на нарахъ, многіе безъ тюфяковъ, на соломѣ, которая была на исходѣ. „Что я ни дѣлалъ,— пишетъ Пироговъ,—для уничтоженія нечистой соломы, но все тщетно. Видитъ Богъ, что я никого не виню—виноваты обстоятельства, всѣ хотятъ, чтобы было лучше, но хорошаго скоро не приманишь“.

Мытье бинтовъ было настолько затруднительно, что пришлось сдѣлать распоряженіе, чтобы гангренозное отдѣленіе снабжалось бинтами, бывшими въ употребленіи у другихъ чистыхъ больныхъ, а чистыя и свѣжія раны перевязывались по крайней мѣрѣ раза два въ недѣлю новыми бинтами. Бинты же отъ гангренозныхъ приказано было уничтожать совершенно, и такъ какъ возлѣ Севастополя не было никакой бумажной фабрики, то докторъ Калашниковъ ежедневно топилъ ихъ въ бухтѣ. Въ Севастополѣ ни въ корпіи, ни въ бинтахъ не было недостатка, но за то въ другихъ госпиталяхъ было напротивъ. Жертвуемые частными лицами, матеріалы эти отправлялись періодически, на почтовыхъ лошадяхъ, и адресовались въ Севастополь, между тѣмъ какъ госпитали были расположены въ Бахчисараѣ, Симферополѣ, Перекопѣ, Херсонѣ, Николаевѣ и другихъ городахъ. Адресованные въ Севастополь, тюки съ корпіею и бинтами не оставлялись въ лежавшихъ на пути госпиталяхъ, и оттого они терпѣли въ этихъ матеріалахъ крайній недостатокъ. Правда, изъ Севастополя разсылали по госпиталямъ перевязочные матеріалы по мѣрѣ ихъ полученія, но на эту обратную пересылку терялось много времени и лишніе прогоны [2]).

---

[1]) «Гангренознымъ отдѣленіемъ,—доносилъ онъ,—управляетъ Калашниковъ. Я его приставилъ къ этому отдѣленію именно потому, что онъ, лучше прочихъ, по привычкѣ обращаться съ гнилью, выдерживаетъ зловоніе». Письмо Пирогова отъ 25-го декабря.

[2]) Записка маіора Денисова отъ 12-го декабря.

Впрочемъ, не въ однихъ только бинтахъ ощущался недостатокъ, но и въ соломѣ столь необходимой для больныхъ, при отсутствіи матрацовъ. Госпиталямъ было обѣщано выдать взамѣнъ ея мочалу изъ рогожъ, которыя должны были прибыть съ транспортами полушубковъ для арміи, но пока транспорты не прибывали, больные должны были довольствоваться тѣмъ, что было подъ ними.

Несмотря на всю мрачность обстановки госпиталей, смертность въ нихъ была умѣренная, между четырьмя и пятью процентами, считая въ томъ числѣ больныхъ, одержимыхъ тифомъ, холерою и т. п.

— Какова теперь смертность?—спросилъ Пирогова одинъ изъ флигель-адъютантовъ.

Пироговъ привелъ его въ сарай, наполненный грязною соломою изъ тюфяковъ.

— Сначала постарайтесь дать намъ чистой соломы, — сказалъ онъ—а потомъ уже спрашивайте о смертности [1]).

Разсказы и извѣстія о крайнемъ и несчастномъ положеніи многочисленныхъ нашихъ раненыхъ и больныхъ сильно и глубоко поразили сердца всѣхъ русскихъ. Горестные слухи эти еще съ бо̀льшею силою распространились въ ноябрѣ мѣсяцѣ, послѣ кровопролитнаго Инкерманскаго сраженія. Положеніе раненыхъ поглотило все вниманіе общества обѣихъ столицъ. Тогда разсказывали, что многочисленныя жертвы войны, размѣщенныя какъ попало въ Севастопольскихъ и Симферопольскихъ домахъ, превращенныхъ на скорую руку въ госпитали, подвержены во всемъ лишенію,—недостатку пищи, бѣлья и медицинскаго пособія. Со всѣхъ сторонъ начали стекаться пожертвованія въ пользу больныхъ и раненыхъ Крымской арміи; во всѣхъ частныхъ домахъ начали заготовлять въ большомъ количествѣ корпію, бинты, рубашки, простыни и т. п. Каждый несъ посильную лепту, каждый спѣшилъ на помощь страждущему соотечественнику: кто личнымъ трудомъ, кто достаткомъ и, къ концу 1854 года, пожертвованія однѣми деньгами достигли до весьма крупной цифры, значительно усилившей средства казны. Не говоря уже о вещахъ и матеріалахъ, поступившихъ въ коммиссаріатское вѣдомство,

---

[1]) Письмо Пирогова директору медицинскаго департамента отъ 25-го декабря.

однѣми деньгами было пожертвовано болѣе полумилліона (528.856 руб. 99 коп.) [1]), и сверхъ того поступило въ морское вѣдомство для раздачи нижнимъ чинамъ 17.450 руб. Чтобы судить о горячемъ участіи общества въ судьбѣ раненыхъ и готовности къ пожертвованіямъ, достаточно указать на слѣдующій фактъ. Когда петербургское общество узнало объ отъѣздѣ въ Крымъ г. Карамзина, съ цѣлью своимъ трудомъ и заботами содѣйствовать улучшенію положенія раненыхъ — оно собрало ему, въ теченіе какихъ-нибудь 10-ти дней, болѣе 30.000 руб., кромѣ довольно значительнаго количества разныхъ больничныхъ предметовъ. Въ Москвѣ, гдѣ онъ пробылъ шесть дней, было собрано 4.500 руб., а въ Курскѣ въ теченіе двухъ дней ему передано было купечествомъ 600 руб.

Пожертвованія частныхъ лицъ въ пользу раненыхъ стекались со всѣхъ концовъ Россіи, какъ деньгами, такъ и госпитальными вещами. Послѣднихъ собиралось въ Петербургѣ и Москвѣ столько, что каждую недѣлю отправлялся въ Крымъ транспортъ на нѣсколькихъ тройкахъ. Русскіе люди предоставляли въ распоряженіе правительства свои дома, для раненыхъ, на все время войны [2]) устраивали пріюты для инвалидовъ [3]), жертвовали получаемыя ими на службѣ столовыя деньги [4]); перевозили въ госпитали больныхъ, отказываясь отъ всякой платы, и даже посылали иконы [5]), какъ благословеніе и залогъ нравственнаго соединенія съ славными защитниками. Перечислять имена жертвователей нѣтъ возможности—ихъ такъ много, но слѣдуетъ замѣтить, что въ обширномъ нашемъ отечествѣ не было угла, даже самаго удаленнаго отъ театра дѣйствій, гдѣ бы семейства богатыхъ и бѣдныхъ, въ свободное время,

---

[1]) Отъ московскаго купечества, рогожскихъ раскольниковъ и другихъ поступило деньгами 528.856 р. 99 коп. Отъ разныхъ заведеній и частныхъ лицъ вещами на сумму 47.000.—См. всеподд. отчетъ воен. министра за 1854 г., а такъ же прилож. № 23-й.

[2]) Жители Кіевской и Подольской губерній.

[3]) Помѣщикъ Смоленск. губерніи Вяземскаго уѣзда Левицкій; колонисты и менониты Таврической губерніи и другіе.

[4]) Помощникъ командира Кронштадтскаго порта капитанъ 1-го ранга Бубновъ

[5]) До 1-го января 1855 г. въ распоряженіе главнокомандующаго было отправлено 8.000 иконъ однихъ ростовскихъ чудотворцевъ.

не занимались приготовленіемъ корпіи, шитьемъ бинтовъ, рубашекъ и проч. Такое занятіе въ то время казалось необходимымъ и священнымъ. Всеобщее живое участіе къ страданіямъ храбрыхъ нашихъ воиновъ, столь щедро проливавшихъ кровь свою на поляхъ битвъ и столь безропотно и смиренно переносившихъ всякаго рода лишенія, проявилось повсюду.

Великая княгиня Елена Павловна первая возъимѣла благую мысль предоставить женщинѣ возможность личнаго ухода за больными. По указанію и на средства ея высочества была образована „Крестовоздвиженская община сестеръ милосердія“ изъ лицъ, добровольно и исключительно посвятившихъ себя хожденію за ранеными и больными. Въ субботу, 6-го ноября 1854 года послѣдовало первое отправленіе изъ С.-Петербурга тридцати сестеръ милосердія, ѣхавшихъ въ Крымъ „по искреннему побужденію теплой любви къ ближнему, съ твердымъ намѣреніемъ переносить всѣ трудности принимаемыхъ ими обязанностей“.

Наканунѣ, въ пятницу, въ церкви Михайловскаго дворца, было совершено молебствіе, передъ которымъ сестры присягнули свято исполнять свое призваніе и „постоянно хранить въ памяти данный ими обѣтъ—посвятить всѣ силы свои на богоугодное служеніе раненымъ и больнымъ, съ полнымъ личнымъ самоотверженіемъ и искреннимъ милосердіемъ къ страждущимъ“.—Сестры обязывались „съ любовью къ Спасителю и Господу нашему Іисусу Христу и съ полнымъ личнымъ самоотверженіемъ имѣть постоянный и тщательный уходъ за ранеными и больными и пещись о нихъ, какъ о ближайшихъ своихъ родственникахъ [1])“.

Кромѣ обязанности облегчать страданія больныхъ утѣшеніемъ и молитвою, сестры должны были выслушивать просьбы и послѣднія желанія умирающихъ и дѣлать соотвѣтствующія распоряженія.

Всеобщее сочувствіе сопровождало сестеръ милосердія по всему пути отъ Петербурга до Симферополя. „До Курска,—писала одна изъ нихъ [2]),—ѣхали по шоссе на почтовыхъ лошадяхъ. Въ всѣхъ губернскихъ городахъ насъ встрѣчали съ честью, угощали чаемъ, обѣдомъ,

---

[1]) Высочайше утвержденное постановленіе о Крестовоздвиженской общинѣ.
[2]) Сестра Гамильтонъ княгинѣ Хилковой 15-го января 1855 г.

ужиномъ и шампанскимъ. Пили за здоровье царя, царицы и всего августѣйшаго дома. Отъ Курска шоссе кончилось, а отъ Харькова дорога такъ была худа, что невозможно было ѣхать на лошадяхъ. Грязь по колѣно, экипажи тяжелые; ѣхали на волахъ до самаго Симферополя, по 20 верстъ въ день, иногда и менѣе, а иногда цѣлыя сутки сидѣли въ степи, за неимѣніемъ воловъ. Нужды много претерпѣли въ дорогѣ, но, слава Богу, все кончилось".

Прибывши въ Симферополь, сестры милосердія стали истинными благодѣтельницами больныхъ. Появленіе женщины въ печальныхъ госпитальныхъ обителяхъ оживило раненыхъ и врачей. У изголовья страдальческаго ложа славныхъ защитниковъ сестры явились представительницами благодарной ихъ родины. Онѣ замѣняли страждущимъ: сестру—попеченіями, жену—сердечнымъ участіемъ, мать—словомъ назиданія, теплою молитвою и нерѣдко прощальнымъ благословеніемъ.

Дѣятельность сестеръ милосердія, съ первыхъ дней появленія въ госпиталяхъ, оказалась столь полезною, что вслѣдъ за сестрами правительство признало полезнымъ послать съ тою же цѣлью въ Крымъ до 60 сердобольныхъ вдовъ. Н. И. Пироговъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія ихъ въ Севастополь, но выпавшій въ декабрѣ большой снѣгъ прекратилъ на время сообщеніе; всѣ транспорты остановились, и до Севастополя можно было добраться только верхомъ [1]).

XXV.

Нѣсколько словъ о движеніи обозовъ.—Состояніе почтъ и путей сообщенія.—Недостатокъ въ краѣ фуража и вина.—Состояніе продовольственныхъ запасовъ и мѣры къ пополненію ихъ.—Участіе въ этомъ дѣлѣ новороссійскаго генералъ-губернатора и главнокомандующаго Южною арміею.—Командированіе въ Крымъ генералъ-маіора Затлера.—Мѣра, предложенная имъ для улучшенія продовольствія Крымской арміи.—Рескриптъ Императора князю Меншикову.

Въ концѣ ноября и въ началѣ декабря весь путь отъ Москвы вплоть до Севастополя былъ покрытъ повозками троечниковъ, нагруженныхъ различными коммиссаріатскими вещами, пожертвованіями част-

---

[1]) Письмо Пирогова директору медицинскаго департамента отъ 25-го декабря.

ныхъ лицъ и боевыми припасами. Чѣмъ ближе подходили они къ Перекопу, тѣмъ болѣе находили затрудненія къ дальнѣйшему слѣдованію. Встрѣчаясь съ обозами, слѣдовавшими по боковымъ путямъ: изъ Кіева, Воронежа, Ростова и другихъ городовъ Россіи, всѣ извозчики сходились къ одному пункту—къ переправѣ черезъ Днѣпръ у Берислава, какъ главнаго пункта сообщенія Крымскаго полуострова съ прочими губерніями Россіи. Здѣсь всегда толпилось огромное число телѣгъ, ожидавшихъ переправы и не рѣдко встрѣчавшихъ въ ней большое затрудненіе.

При такомъ значительномъ накопленіи обозовъ, главное условіе правильной и непрерывной переправы, производившейся исключительно на паромахъ, заключалось въ строгомъ порядкѣ, послѣдовательности, соблюденіи очереди и наконецъ въ дружномъ содѣйствіи разнородныхъ властей другъ другу. Къ сожалѣнію, такого содѣйствія не было, а слѣдовательно, не было и правильнаго надзора за порядкомъ. Единственная переправа черезъ Днѣпръ у Берислава находилась въ вѣдѣніи Перекопскаго солянаго правленія, а полицейскій порядокъ былъ возложенъ: въ городѣ на городничаго, а за городомъ—на земскую полицію. Всѣ три власти чуждались другъ друга и, не имѣя общаго начальника, или устраняли себя отъ всякаго вмѣшательства, или же, преслѣдуя свои преступныя и корыстныя цѣли, преднамѣренно противодѣйствовали правильному движенію транспортовъ. Одинъ изъ проѣзжавшихъ черезъ Екатеринославъ, 28-го декабря, видѣлъ множество троекъ, собравшихся на берегу Днѣпра и около недѣли ожидавшихъ переправы. Главнѣйшее препятствіе—по словамъ очевидца [1]),—заключалось въ томъ „что къ берегу Екатеринослава Днѣпръ замерзъ, на пространствѣ двѣнадцати саженъ, и стоило только прорубить ледъ,—препятствіе къ переправѣ было бы устранено. На вопросъ извозчикамъ, когда надѣются быть переправленными, они отвѣчали неизвѣстностію и жаловались, что ихъ задерживаютъ потому, что они не въ состояніи удовлетворить требованію завѣдывающаго переправою полицейскаго надзирателя 15-ю рублями и перевозчиковъ 20-ю рублями“.

Подрядчики, обязавшіеся доставить транспорты, выдавали извозчикамъ деньги въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ, черезъ что транс-

---

[1]) Записка коллежскаго совѣтника Вишневскаго.

порты затруднялись въ дальнѣйшемъ слѣдованіи. Издержавшіеся на кормъ лошадей и не имѣвшіе средствъ уплатить требуемыхъ денегъ, извозчики принуждены были обратиться къ губернатору съ просьбою о пособіи. Послѣдній прислалъ чиновника, который посмотрѣлъ на переправу и, не предпринявъ никакихъ мѣръ, отправился обратно. Губернаторъ выдалъ извозчикамъ 300 руб. въ видѣ пособія, но не устранилъ этимъ препятствій.

Вообще переправа черезъ Днѣпръ у Кременчуга и у Берислава была крайне затруднительна. При отсутствіи мостовъ, осенью и зимою, когда по рѣкѣ шелъ ледъ, встрѣчалось значительное замедленіе въ переправѣ транспортовъ. Въ такое время большія перевозныя суда и паромы ходить не могли, и переправа производилась самымъ первобытнымъ способомъ—на малыхъ дубахъ, вмѣщавшихъ отъ 3-хъ до 6-ти повозокъ, и потому шла весьма медленно; при значительномъ же скопленіи льда и до совершеннаго замерзанія рѣки, переправа вовсе прекращалась на нѣсколько дней.

Казалось, было бы всего проще построить мостъ и тѣмъ устранить неудобство переправы на паромахъ, но это простое распоряженіе тогда не приходило еще никому въ голову [1]). Боялись заикнуться объ единовременной затратѣ нѣсколькихъ тысячъ рублей, а между тѣмъ оставляли припасы гнить подъ открытымъ небомъ на милліоны, не говоря о томъ, что все это опаздывало, а иногда и вовсе не достигало до назначенія. При такихъ условіяхъ транспорты медленно подвигались, и на скорое полученіе самыхъ необходимыхъ вещей въ Крыму разсчитывать было почти не возможно. Правительство принуждено было прибѣгать къ различнымъ экстреннымъ нарядамъ и чрезвычайнымъ мѣрамъ. Такъ для скорѣйшаго доставленія въ армію полушубковъ приказано было отправить ихъ на почтовыхъ, партіями, троекъ по двѣнадцати въ каждой, съ тѣмъ, чтобы онѣ слѣдовали одна за другою, съ весьма малыми промежутками во времени.

Отъ Москвы до Бѣлгорода была порядочная санная дорога, и транспорты совершали свой путь весьма быстро и безостановочно. За Бѣлгородомъ дорога дѣлалась хуже и была частію санная, частію

[1]) Только въ половинѣ 1855 г. было приступлено къ устройству моста, на плашкоутахъ, и 25-го іюня онъ былъ открытъ для движенія обозовъ.

колесная, и транспорты двигались медленно. Такъ достигали они до Харькова, за которымъ имъ предстояло ѣхать на колесахъ,—грязи не было, вездѣ было сухо, но страшная груда. Быстрота движенія здѣсь исчезала совершенно, и обозы почти на каждомъ шагу встрѣчали непреодолимыя препятствія. Съ большимъ затрудненіемъ они достигали до Симферополя, гдѣ и останавливались.

Въ короткое время въ этомъ городѣ скопилось множество повозокъ съ провіантомъ, коммиссаріатскими и госпитальными вещами. По недостатку перевозочныхъ средствъ и помѣщенія все это оставалось на подводахъ, подъ открытымъ небомъ. „Вещи, перевезенныя изъ разныхъ коммиссій,—доносилъ полковникъ Щербачевъ [1]),—по неимѣнію складовъ, лежатъ подъ открытымъ небомъ, а люди, ихъ конвоирующіе, находятся безъ пріюта и часть ихъ уже заболѣла“.

Чтобы спасти тюки отъ окончательной порчи, искали подводъ, но находили ихъ въ самомъ ограниченномъ числѣ; пытались отправлять въ Севастополь на почтовыхъ, но съ октября и это оказалось невозможнымъ по недостатку и изнуренію почтовыхъ лошадей. Не только тѣ проѣзжіе, которые имѣли обыкновенную подорожную, но и тѣ, которые были снабжены курьерскою, оставались на станціяхъ по нѣскольку дней и тѣмъ продолжительнѣе, чѣмъ ближе подвигались къ Севастополю. Было одно время, когда частныхъ подорожныхъ вовсе не выдавали, и проѣхать по этому пути частному лицу почти не было возможности. Впослѣдствіи всѣ ѣхавшіе по частнымъ подорожнымъ направлялись на Чонгарскій мостъ [2]).

Почты съ каждымъ днемъ становились все хуже и хуже, а отъ Перекопа до Симфорополя существовали только по названію. Лошади были мелки, слабосильны и до крайности изнурены; почтовыхъ телѣгъ было мало, да и тѣ на половину годныя; въ ямщикахъ недостатокъ и много больныхъ отъ заразы. „Я находилъ,—говоритъ очевидецъ [3]),—десятки больныхъ, умирающихъ и умершихъ на столахъ“. На многихъ станціяхъ было только по два ямщика, а пополнить недостатокъ ихъ было нечѣмъ и некому. Сѣна на почтовыхъ станціяхъ было очень мало,

---

[1]) Начальнику штаба генералу Семякину 31-го декабря за № 1567.

[2]) Отношеніе Семякина таврическому губернатору 5-го декабря № 190.

[3]) Записка коллежскаго совѣтника Вишневскаго.

овса — нигдѣ не было, а дегтя невозможно было достать ни за какую цѣну. Оттого оси при движеніи горѣли и ломались. Главноуправляющій надъ почтовымъ департаментомъ хотя и поручилъ начальнику Таврической губерніи возстановить почтовое сообщеніе, не стѣсняясь никакими формами, но возстановленіе это шло туго, такъ какъ большинство населенія было занято перевозкою провіанта.

Состояніе почтъ имѣетъ огромное вліяніе не только на внутренній бытъ арміи, но и на ея дѣятельность. При неисправности почтъ войска, въ особенности находящіяся въ передвиженіи, получаютъ всѣ суммы не во-время, остаются безъ довольствія и весьма часто не получаютъ распоряженій, вызываемыхъ необходимостью и обстоятельствами военныхъ дѣйствій. Обязанный слѣдить за исправностію почтоваго сообщенія, полевой почтамтъ Крымской арміи существовалъ лишь по названію, не имѣлъ не только помѣщенія, но и отдѣльной комнаты, въ которой бы можно было раздавать корреспонденцію, а тѣмъ болѣе посылки [1]. Помѣщаясь въ одной комнатѣ съ фельдъегерями и состоя изъ двухъ-трехъ чиновниковъ, полевой почтамтъ принужденъ былъ сдѣлать распоряженіе, чтобы тяжелая почта останавливалась въ Симферополѣ [2]. Всѣ посылки сваливались тамъ въ плохомъ сараѣ, въ одну кучу, безъ всякаго порядка и сортировки; ихъ накопилось столько, что князь Меншиковъ принужденъ былъ, впослѣдствіи, составить особую коммиссію, для разсортировки посылокъ, и поручить военному губернатору г. Симферополя пріискать средства къ доставленію ихъ въ Севастополь [3].

До образованія этой коммиссіи полки принуждены были сами заботиться о полученіи посылокъ. Обыкновенно посылаемый офицеръ, или казначей полка, самъ рылся въ грудѣ посылокъ и отыскивалъ адресованныя въ полкъ. На его же обязанность возлагалось и полученіе писемъ изъ Симферопольской почтовой конторы, такъ какъ въ концѣ ноября и весь декабрь даже легкія почты приходили весьма не аккуратно.

---

[1]) Только 5-го января 1855 г. полевому почтамту былъ отведенъ сарай, до того занимаемый л.-гв. Крымско-Татарскимъ полуэскадрономъ, который собственно для очищенія мѣста былъ выведенъ въ Симферополь. Отнош. Семякина въ полевой почтамтъ 5-го января № 137.

[2]) Рапортъ помощника почтъ-директора кн. Меншикову 18-го ноября №115.

[3]) Отношеніе генерала Семякина гр. Адлербергу 13-го февраля 1855 г. № 2013.

Въ это время дорога между Симферополемъ и Севастополемъ имѣла видъ обширнаго болота, по которому подводы шли какъ бы ощупью, по нѣсколькимъ уцѣлѣвшимъ колеямъ, дотого изрытымъ и наполненнымъ грязными ямами, что колеса грузли въ нихъ выше ступицъ.

Ѣдущему приходилось переѣзжать по трупамъ утонувшихъ въ грязи лошадей и воловъ, по обломкамъ повозокъ, вытащить которыя изъ грязи не было возможности: одну вытаскивали въ теченіе часа, другая вязла, и обозъ останавливался на долгое время [1]). „На несчастныхъ подводчиковъ жалко смотрѣть! — пишетъ очевидецъ [2]),—упадаетъ у него въ грязь лошадь или волъ: собственныя усилія животнаго освободиться изъ этой вязкой могилы еще болѣе лишаютъ его силъ и глубже погружаютъ въ грязь; соберется нѣсколько человѣкъ извозчиковъ, силятся вытащить животное, сами стоя въ грязи выше колѣнъ, но по большей части ихъ усилія остаются тщетными и кончаются тѣмъ, что они повыдергаютъ у лошади хвостъ и гриву, сломаютъ два-три кола, употребляя ихъ въ качествѣ рычаговъ и съ бранью и проклятіями начнутъ раскладывать кладь своего товарища по остальнымъ возамъ“.

Случалось, что, выбившись изъ силъ, извозчики бросали кладь и уходили кто куда зналъ. На пути отъ Перекопа до Симферополя часто встрѣчались повозки, оставленныя извозчиками и потонувшія въ грязи. Дороги были такъ дурны, что для артиллеріи потребовалось двое сутокъ, чтобы пройти 12-ть верстъ отъ Чоргуна до Юкары-Каралеза. Нѣкоторыя станціи, какъ напримѣръ послѣднюю къ Симферополю, въ 19-ть верстъ, можно было проѣхать только въ одиннадцать часовъ времени. Въ ночь съ 23-го на 24-е декабря фельдъегерь, слѣдовавшій съ собственноручнымъ письмомъ Императора князю Меншикову, принужденъ былъ съ половины станціи слѣдовать пѣшкомъ и пришелъ въ Симферополь въ семь часовъ утра, а затѣмъ въ два часа по полудни не былъ еще отправленъ, за неимѣніемъ почтовыхъ лошадей. Подводы, вышедшія изъ Ишюня (около Перекопа) 17-го декабря прибыли въ Симферополь только 21-го января, слѣдовательно, прошли 134-ре версты въ 34 дня [3]).

---

[1]) Записка подполковника Шумлянскаго.

[2]) Алабинъ. «Походныя записки», ч. II, 128 и 129.

[3]) «Русскій Вѣстникъ» 1856 г. апрѣль.

Съ такою же точно скоростію ѣхали и сестры милосердія. „Вмѣсто лошадей намъ давали воловъ,—пишетъ одна изъ нихъ [1]),—которыхъ впрягали по 12-ти въ тарантасъ, но и это не ускоряло путешествія: часто ночью экипажи опрокидывались или, завязнувъ окончательно въ грязи, стояли тамъ по нѣскольку часовъ. Хотя мы не могли быть изнурены продолжительностію пути, потому что въ день дѣлали не болѣе четырехъ верстъ, однако и эти четыре версты были чрезвычайно тягостны: насъ опрокидывали нѣсколько разъ, по нѣскольку часовъ мы стояли въ грязи и т. п.“.

Проѣзжавшіе съ казенными подорожными двигались съ большею скоростію, но и они весьма часто дѣлали въ сутки не болѣе 13-ти верстъ, т. е. почти по одной верстѣ въ два часа времени. Профессоръ Пироговъ, имѣвшій курьерскую подорожную, употребилъ болѣе $1^1/_2$ сутокъ для проѣзда шестидесяти-верстнаго пространства между Симферополемъ и Севастополемъ.

„Я никогда не забуду,—пишетъ онъ [2])—моего перваго въѣзда въ Севастополь. Вся дорога отъ Бахчисарая, на протяженіи 30-ти верстъ, была загромождена транспортами раненыхъ, орудій и фуража. Дождь лилъ какъ изъ ведра, больные, и между ними ампутированные, лежали по-двое и по-трое на подводѣ, стонали и дрожали отъ сырости; и люди и животныя едва двигались въ грязи по колѣно; падаль валялась на каждомъ шагу; изъ глубокихъ лужъ торчали раздувшіеся животы падшихъ воловъ и лопались съ трескомъ; слышались въ то же время и вопли раненыхъ, и карканье хищныхъ птицъ, цѣлыми стаями слетѣвшихся на добычу, и крики измученныхъ погонщиковъ, и отдаленный гулъ Севастопольскихъ пушекъ“.

Начиная отъ Перекопа, вдоль всей дороги и по обѣимъ сторонамъ ея были брошены сотни павшихъ лошадей и воловъ. На пути отъ Симферополя до Севастополя проф. хирургіи Гюббенетъ насчиталъ до 500 околѣвшихъ животныхъ; другой же проѣзжій на пути изъ Бахчисарая въ Дуванкой, на одной верстѣ, взятой на выдержку, насчиталъ 120 труповъ [3]). Оставаясь незарытыми, они съ наступленіемъ весны угро-

---

[1]) Александра Крупская, см. «Воен. Сборникъ» 1861 г. № 8.

[2]) Начало общей военно-полевой хирургіи, изд. 1865 г. стр. 4.

[3]) Алабинъ. «Походныя записки», ч. II, 129.

жали заразою и тѣмъ болѣе, что съ каждымъ днемъ число труповъ увеличивалось. Къ концу декабря число павшаго скота было такъ велико, что для уборки его пришлось назначать не менѣе 600 человѣкъ рабочихъ, расположенныхъ въ разныхъ пунктахъ между Симферополемъ и Севастополемъ. Собираемые для этой цѣли жители разбѣгались, и начальство принуждено было назначить особыя команды отъ 14-й пѣхотной дивизіи и 150 человѣкъ Черноморскаго резервнаго батальона. Независимо отъ этого всѣмъ вообще войскамъ, находившимся внѣ Севастополя, въ раіонѣ ихъ расположенія приказано было собирать подаль въ кучи и предавать ее сожженію [1]). Мѣръ этихъ все-таки оказалось недостаточно, и въ январѣ 1855 г. главнокомандующій принужденъ былъ зарытіе труповъ возложить на обязанность земскаго начальства.

Доведенный до крайней степени изнуренія, рабочій скотъ падалъ сотнями, и подводчики-хозяева торопились сбыть его войскамъ на пищу, во-первыхъ потому, что опасались лишиться послѣднихъ средствъ своего достатка, а во-вторыхъ, чтобы избавиться отъ тяжелой подводной повинности. Скоро не было никакой возможности пріискать достаточнаго числа подводъ, не только за указанные прогоны, но и за самую высокую плату. Управляющему таврическою палатою государственныхъ имуществъ приходилось самому отправляться въ сѣверные уѣзды губерніи собирать подводы по одиночкѣ и направлять ихъ въ Симферополь [2]). Захваченные врасплохъ и не имѣя собственнаго пропитанія, подводчики эти были ненадежны и хотя на аккуратность доставки ими транспортовъ полагаться было не возможно, тѣмъ не менѣе въ рукахъ правительства сборъ подводъ по наряду былъ единственнымъ средствомъ для перевозки. Нанять извозчиковъ съ воли, за плату, не представлялось никакой возможности. Быстрое возвышеніе цѣнъ на всѣ потребности было тому причиною [3]). Уже въ началѣ декабря въ Севастополѣ платили за пудъ сѣна 4 руб., а за доставку одного пуда тяжести отъ Симферо-

---

[1]) Рапортъ инженеръ-капитана Шишко 2-го января № 2. Отношенія начальн. штаба командиру Черноморскаго резервнаго батальона 8-го января № 42 и 12-го января № 61.

[2]) Отнош. таврическаго губернатора 4-го декабря № 12740.

[3]) Чтобы имѣть понятіе о томъ, какъ возрастали продукты въ Крыму, мы приводимъ особую вѣдомость въ приложеніи № 24-й.

поля до Севастополя (60 верстъ) платилось сначала по рублю, а потомъ по 2 руб. 50 коп.

Такая дороговизна на предметы первой потребности заставила князя Меншикова тѣмъ погонщикамъ, которые назначались по наряду, производить жалованье по 60 коп. въ сутки, съ обязательствомъ прокормить себя и пару воловъ. Платы этой было далеко не достаточно, такъ какъ въ Крыму, начиная отъ Перекопа, пудъ сѣна стоилъ не менѣе рубля, и при томъ его можно было купить по дорогѣ только въ городахъ; на пути же слѣдованія, въ аулахъ и деревняхъ, его невозможно было добыть ни за какую цѣну.

Въ войскахъ, въ Крыму расположенныхъ, состояло около 43.812 лошадей и до 9.400 воловъ, въ теченіе мѣсяца съѣдавшихъ 554.000 пудовъ сѣна. Если включить сюда огромное число подводъ и мѣстныя потребности края, то ежедневный расходъ сѣна простирался до 20.000 пудовъ. Для перевозки этого количества, только за 50 верстъ, необходимо было, чтобы ежедневно и въ постоянномъ движеніи было 3.500 подводъ, — число, котораго невозможно было отыскать, въ особенности между Симферополемъ и Севастополемъ, гдѣ жители большею частію разбѣжались [1]).

Правильная транспортировка прекратилась, и въ Крыму ощущался столь большой недостатокъ въ сѣнѣ, что многіе полки принуждены были сами возить его за сто и болѣе верстъ. Не оставалось сомнѣнія, что не болѣе какъ черезъ три мѣсяца, и въ особенности на коммуникаціонномъ пути въ Евпаторійскомъ уѣздѣ, невозможно будетъ вовсе достать сѣна и, конечно, послѣдствія такого порядка вещей могли быть весьма пагубными. Кавалерія должна была уничтожиться сама собою; подвижные магазейны и доставленіе припасовъ къ войскамъ также должно было остановиться, и тогда пришлось бы оставить Севастополь безъ боя, единственно отъ недостатка фуража и продовольствія. Такое положеніе дѣлъ безпокоило главнокомандующаго, тѣмъ болѣе, что войска стали уже ощущать недостатокъ въ провіантѣ и въ особенности въ винѣ, столь необходимомъ при суровомъ времени года и усиленныхъ работахъ въ Севастополѣ.

---

[1]) Записка генералъ-маіора Затлера кн. Меншикову 27-го декабря 1854 г.

Содержатель откупа, имѣя за войсками 140.000 руб. сер. въ долгу,—ибо вино бралось подъ квитанціи, которыя не могли быть своевременно оплачены за невысылкою въ армію денегъ,—былъ поставленъ въ невозможность аккуратно доставлять вино, а тѣмъ болѣе при распутицѣ и отсутствіи подводъ. Недостатокъ вина былъ особенно ощутителенъ въ сухопутныхъ войскахъ, не имѣвшихъ никакихъ запасовъ. Начальникъ штаба Севастопольскаго гарнизона полковникъ князь Васильчиковъ бралъ вино заимообразно отъ морскаго вѣдомства, роптал и доносилъ главнокомандующему, что подвозимыя бочки съ виномъ не достигаютъ до Севастополя, а перехватываются на дорогѣ полковыми командирами войскъ, стоявшихъ на позиціи на Сѣверной сторонѣ. Противъ такого перехвата были предпринимаемы различныя мѣры и даже высылаемы изъ Севастополя особыя команды, для конвоированія транспортовъ съ виномъ, но ихъ приходило такъ мало, что все-таки не представлялось возможнымъ выдавать полныхъ порцій. Князь Меншиковъ приказалъ законтрактовать или пріобрѣсти спирта на 40.000 человѣкъ на два мѣсяца, съ тѣмъ чтобы количество это было выставлено непремѣнно къ 1-му февраля 1855 г.

Откупщикъ брался выполнить эту экстренную поставку только съ тѣмъ условіемъ, чтобы вино было принимаемо отъ него трехъ-пробное, по установленнымъ откупнымъ цѣнамъ, и чтобы дозволено было ведро въ 80 чарокъ, разсыропливая, выдавать войскамъ въ 160 чарокъ. Крайность и совершенный недостатокъ въ горячемъ винѣ заставили главнокомандующаго согласиться на эту мѣру, а до времени поставки предполагалось разсыропливать полугаръ и вмѣсто недостающаго вина выдавать солдатамъ на руки за каждую чарку по 25 коп. [1]). Хотя солдатъ на эти деньги и не могъ пріобрѣсти себѣ вина, но за то начальство, съ выдачею денегъ, заканчивало всѣ счеты съ войсками и слагало съ себя всякую отвѣтственность. Князь М. Д. Горчаковъ совѣтовалъ князю Меншикову поступить точно также и съ фуражнымъ довольствіемъ кавалеріи. „Я получилъ,— писалъ онъ [2]),—рапортъ Симферопольской коммиссіи, которая предполагаетъ сосредоточить до милліона пудовъ сѣна въ Перекопѣ и, если не ошибаюсь, въ Геническѣ. Опытъ показалъ, что

---

[1]) Воен.-Учен. Арх., д. № 4277.

[2]) Князю Меншикову въ письмѣ отъ 8-го октября 1854 г.

сѣно невозможно перевозить отъ мѣста склада далѣе трехъ или четырехъ переходовъ, — иначе быки съѣдаютъ все перевозимое. Это одна изъ причинъ, по которой я былъ вынужденъ такъ медленно подвигаться послѣ перехода черезъ Дунай. По моему мнѣнію, сосредоточеніе большихъ запасовъ сѣна по эту сторону Перекопа не будетъ полезно. *Гораздо лучше выдать войскамъ деньги, чтобы они сами заботились о своемъ продовольствіи*".

Но какъ они могли заботиться, если правительство, обладавшее большими административными средствами, встрѣчало въ этомъ затрудненіе? Князь Меншиковъ, хорошо понимая, что подобная мѣра поведетъ только къ обширнымъ злоупотребленіямъ, не раздѣлялъ мнѣнія князя Горчакова и приказалъ немедленно заготовить коммиссіонерскимъ способомъ, близъ Бахчисарая, мѣсячную пропорцію фуража [1]). Главнокомандующій сознавалъ, что не недостатокъ запасовъ продовольствія, а установленіе правильной доставки ихъ составляютъ главную заботу и почти непреодолимыя препятствія.

Въ запасахъ недостатка не было, и еще въ октябрѣ, для обезпеченія Крымской арміи продовольствіемъ, послѣдовало высочайшее разрѣшеніе М. Д. Горчакову принять въ свое распоряженіе сельскіе запасы округовъ военнаго поселенія, съ тѣмъ, чтобы, по мѣрѣ надобности, брать изъ нихъ необходимые продукты съ уплатою изъ суммъ интендантства.

По вѣдомости, доставленной инспекторомъ резервной кавалеріи гр. Никитинымъ, оказалось, что въ военныхъ поселеніяхъ за всѣми расходами, на потребности мѣстныхъ жителей, къ 1-му августа 1855 года будетъ въ остаткѣ: 201.400 четвертей муки, 28.990 четвертей крупъ, 444.800 четвертей овса и ячменя и 3.580.000 пудовъ сѣна, которые и могутъ быть обращены на довольствіе войскъ. Независимо отъ этого, по увѣдомленію министра государственныхъ имуществъ, изъ сельскихъ магазиновъ Екатеринославской губерніи могло быть отпущено войскамъ до 68.000 четвертей разнаго хлѣба. Новомосковское дворянство пожертвовало съ каждой ревизской души по 20 фунтовъ сухарей, что составило всего около 10.000 пудовъ; дворянство Херсонской губерніи пожертвовало 400 четвертей муки, 800 четвертей овса и ячменя и 120 пудовъ крупъ.

---

[1]) Рапортъ маіора Гангардта генералу Анненкову 18-го октября № 598.

Получивши свѣдѣнія о такихъ пожертвованіяхъ, князь Горчаковъ приказалъ доставить ихъ въ бериславскій и перекопскій магазины, и увѣдомилъ гр. Никитина, что запасы военныхъ поселеній должны состоять по-прежнему въ распоряженіи мѣстнаго начальства и будутъ служить только ручательствомъ въ обезпеченіи довольствія войскъ, въ случаѣ экстренной надобности.

Признавая однако же необходимымъ имѣть на Днѣпрѣ, какъ на главномъ базисѣ Крымской арміи, особый неприкосновенный запасъ продовольствія, князь Горчаковъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы въ половинѣ января 1855 г. въ Херсонской казенной палатѣ были произведены торги на поставку въ Бериславъ 40.000 четвертей муки съ пропорціею крупъ, съ тѣмъ, чтобы изъ этого числа, при посредствѣ мѣстныхъ жителей, было перепечено въ сухари 10.000 четвертей [1]).

Съ своей стороны кн. Меншиковъ еще въ концѣ сентября 1854 г. поручилъ Симферопольской провіантской коммиссіи заготовить на три мѣсяца продовольствіе для войскъ по разсчету 100.000 пѣхоты и 30.000 кавалеріи [2]). Той же коммиссіи было приказано перепечь въ сухари 20.000 четвертей муки, пожертвованной государственными крестьянами Таврической губерніи; перевезти всѣ хлѣбные запасы Геническа въ Симферополь, куда доставить также и изъ Керчи запасы сухарей (9.000 пудовъ) морскаго вѣдомства и 2.625 пудовъ, хранившихся въ провіантскомъ магазинѣ. Независимо отъ этого, по распоряженію новороссійскаго генералъ-губернатора Анненкова 2-го, производилось перепеченіе муки въ сухари въ городахъ Екатеринославѣ, Верхнеднѣпровскѣ, Никополѣ, Павлоградѣ и Новомосковскѣ, расположенныхъ по р. Днѣпру; въ Таганрогѣ, Маріуполѣ, Нахичевани, въ армянскомъ и греческомъ округахъ, расположенныхъ на Дону. Въ уѣздахъ Мелитопольскомъ, Бердянскомъ и Днѣпровскомъ перепекались въ сухари 20.000 четвертей муки, пожертвованной крестьянами этихъ уѣздовъ, обязавшимися по мѣрѣ перепеченія доставить сухари, непремѣнно въ теченіе октября, въ Перекопъ и Симферополь. Сверхъ того приказано обратить въ муку 50.000 четвертей ржи,

---

[1]) Сводъ распоряженій по провіантской части въ Крыму.

[2]) По этому разсчету необходимо было имѣть: 97.500 четвертей муки, 9.140 четвертей крупъ, 150.000 четвертей овса, 144.000 ведеръ вина, 66.000 пудовъ мяса, 1.040.000 пудовъ сѣна и 204.000 пудовъ соломы.

разрѣшенной въ продажу изъ сельскихъ магазиновъ Мелитопольскаго и Бердянскаго уѣздовъ.

По свѣдѣніямъ, доставленнымъ Симферопольскою провіантскою коммиссіею, на Крымскомъ полуостровѣ, къ 15-му ноября, находилось столько продовольствія, что, по разсчету дѣйствующихъ войскъ, приходилось муки и сухарей почти на четыре мѣсяца, крупъ почти на два мѣсяца, а овса и ячменя съ небольшимъ на мѣсяцъ [1]). Сдѣлавши распоряженіе о заготовленіи новыхъ запасовъ продовольствія въ Геническѣ и Перекопѣ, Симферопольская коммиссія намѣрена была доставлять эти припасы не иначе какъ по мѣрѣ надобности и посредствомъ трехъ воловьихъ полубригадъ, отправленныхъ въ Крымъ изъ южной арміи. Полубригады эти должны были подвозить продовольствіе изъ Перекопа и Геническа въ Симферополь, а отсюда предполагалось доставлять его къ войскамъ при помощи коннаго магазейна, формируемаго въ Херсонской губерніи.

Такое распоряженіе коммиссіи не соотвѣтствовало потребностямъ арміи. Наступала осень, портились дороги, а коннаго магазейна еще не было въ Крыму. Посланный княземъ Меншиковымъ для наблюденія за движеніемъ провіанта и фуража, маіоръ Гангардтъ, предвидя, что, если продовольствіе не будетъ быстро придвинуто къ Симферополю, то войска останутся безъ провіанта, просилъ главнокомандующаго объ усиленіи перевозочныхъ средствъ. Онъ доносилъ, что въ распутицу нельзя будетъ разсчитывать на срочную доставку; что фуражъ совершенно напрасно заготовляется въ Перекопѣ и Геническѣ; что, наконецъ, для склада продовольствія и сухарей необходимо построить въ Симферополѣ балаганы, такъ какъ, оставаясь въ бунтахъ, хотя и покрытыхъ брезентами, они гніютъ и портятся.

Къ сожалѣнію, полезныя предложенія эти не были приведены въ исполненіе съ должною поспѣшностію, и прежде всего потому, что въ то время продовольственная часть Крымской арміи находилась одновременно въ рукахъ трехъ учрежденій: *Симферопольской провіантской коммиссіи*, такъ называемаго *Коммиссіонерства главныхъ силъ* и *канцеляріи главнокомандующаго*.

---

[1]) Рапортъ маіора Гангардта князю Меншикову отъ 16-го октября 1854 г. № 595.

Въ концѣ октября вмѣстѣ съ войсками, слѣдовавшими въ Крымъ, прибыло и коммиссіонерство 4-го пѣхотнаго корпуса, съ его начальникомъ Сервирогомъ. Хотя на Симферопольскую коммиссію и были возложены княземъ Меншиковымъ всѣ тѣ обязанности, которыя лежатъ на генералъ-интендантѣ и главной полевой провіантской коммиссіи, но это не мѣшало тому же главнокомандующему признать существованіе коммиссіонерства 4-го пѣхотнаго корпуса и при томъ совершенно независимое отъ Симферопольской коммиссіи. Возложивъ также на обязанность коммиссіонерства продовольствіе войскъ, князь Меншиковъ переименовалъ его въ *Коммиссіонерство главныхъ силъ* и подчинилъ директору своей канцеляріи полковнику Вуншу. Естественно, что всѣ свои распоряженія по продовольственной части главнокомандующій передавалъ прежде всего директору канцеляріи, и такимъ образомъ Симферопольская коммиссія была устранена отъ первостепенной дѣятельности, на нее возложенной вначалѣ, а главными распорядителями явились Сервирогъ и въ особенности полковникъ Вуншъ.

Послѣдній исполнялъ при главнокомандующемъ поочередно обязанности: дежурнаго штабъ-офицера, завѣдывающаго штабомъ, директора канцеляріи и наконецъ генералъ-интенданта. Пройдя всѣ эти должности менѣе чѣмъ въ три мѣсяца и не успѣвъ нигдѣ основательно ознакомиться съ дѣломъ, полковникъ Вуншъ былъ плохой интендантъ и къ тому же человѣкъ неопытный, безъ всякихъ свѣдѣній и подготовки. Тѣмъ не менѣе успѣвъ заслужить расположеніе князя Меншикова, онъ пользовался неограничнымъ его довѣріемъ и не отвѣчалъ ни за что, такъ какъ всѣ распоряженія дѣлались отъ имени главнокомандующаго.

Первымъ дѣломъ новаго интендантства было облечь все въ таинственную форму и содержать свои распоряженія въ секретѣ такъ, что лица, разосланныя княземъ Меншиковымъ, по разнымъ направленіямъ, для наблюденія за успѣшнѣйшимъ ходомъ снабженія арміи продовольствіемъ, не могли получить никакихъ и даже самыхъ необходимыхъ для себя свѣдѣній. „Относительно распоряженій по продовольствію войскъ,—доносилъ маіоръ Гангардтъ [1]),—мнѣ не возможно болѣе пріобрѣтать точныя свѣдѣнія, такъ какъ эта часть возложена на оберъ-провіантмейстера 4-го

---

[1]) Генералу Анненкову отъ 9-го ноября 1854 г.

корпуса (Сервирога), подъ непосредственнымъ наблюденіемъ директора канцеляріи главнокомандующаго (полковника Вунша).

Распоряженія этихъ лицъ не усилили продовольственныхъ средствъ арміи, не облегчили заботъ князя Меншикова и не устранили опасеній въ томъ, что армія останется безъ хлѣба. Они запутывали дѣло, и скоро никто не зналъ дѣйствительной цифры состоянія запасовъ. „Я уже нѣсколько разъ спрашивалъ у васъ,—писалъ князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ [1]),—не нуждаетесь ли вы въ моемъ содѣйствіи для устройства магазиновъ или въ Херсонѣ или Бериславѣ? Благоволите меня объ этомъ увѣдомить, а также и о томъ, въ какомъ положеніи находятся жизненные припасы на полуостровѣ? Довольно ли ихъ у васъ и достаточно ли снабжены ими ваши магазины?"

Получивъ это письмо 1-го декабря, князь Меншиковъ въ теченіе цѣлой недѣли не могъ ничего отвѣтить на предложенные ему вопросы. Онъ зналъ только, что распоряженія по продовольствію идутъ очень плохо, что въ теченіе всего октября, Симферопольская коммиссія не заготовила ни одной четверти припасовъ; что такое упущеніе происходило не отъ недостатка средствъ, а отъ недостатка распорядительности [2]); что коммиссіонеры только въ ноябрѣ стали закупать муку для Перекопскаго и Геническаго отрядовъ; что для доставки этой муки къ войскамъ не имѣется никакихъ перевозочныхъ средствъ, и что Крымская армія не ощущаетъ недостатка въ продовольствіи, только благодаря частной предпріимчивости и пожертвованіямъ.

Частныя лица въ Крыму приносили въ даръ войскамъ все, что могли, и между прочимъ доставили 1.028 штукъ воловъ, коровъ и овецъ, 1.200 четвертей зерноваго фуража и 3.200 пудовъ сѣна. Жители Таганрога, Ростова и Маріуполя пожертвовали 16.000 четвертей сухарей, а къ началу ноября Бердянскій уѣздъ доставилъ въ Симферополь до 8.000 четвертей сухарей; Мелитопольскій—болѣе 12.000 четвертей и Днѣпровскій—4.000 четвертей [3]). Сухари эти были отличнаго качества, и

---

[1]) Князю Меншикову отъ 26-го ноября 1854 г.

[2]) По 25-е ноября Симферопольской провіантской коммиссіи было отпущено 1.825.000 руб.

[3]) Рапорты маіора Гангардта генералу Анненкову отъ 1-го ноября за №№ 613 и 614.

должно сознаться, что безъ этой помощи войска ощущали бы недостатокъ въ продовольствіи, такъ какъ всѣ транспорты съ провіантомъ остановились за недостаткомъ подводъ. „Не могу однако не дивиться,—доносилъ маіоръ Гангардтъ [1]), что при крайней потребности въ перевозочныхъ средствахъ, 10-ая конная полубригада, медленно пришедшая съ грузомъ сухарей изъ Южной арміи, стоитъ здѣсь (въ Перекопѣ) въ бездѣйствіи уже пять сутокъ. Это могло бы повести къ утѣшительному заключенію, что въ арміи довольно сухарей, но, къ сожалѣнію, требованіе подводъ отъ земли нисколько не уменьшается, и, конечно, такое продолжительное истощеніе края можетъ имѣть пагубныя для него послѣдствія“.

Истощеніе края и недостатокъ подводъ заставили князя Меншикова всю транспортировку провіанта на полуостровѣ, начиная отъ Перекопа, возложить на воловьи и конныя полубригады армейскаго подвижнаго магазина, для дѣятельности котораго были установлены особыя правила [2]). Пополненіе же Перекопскаго и Геническаго магазиновъ, по ихъ отдаленности отъ театра военныхъ дѣйствій, князь Меншиковъ не могъ принять на себя и, не полагаясь на свое интендантство, надѣялся на содѣйствіе новороссійскаго генералъ-губернатора.

Главнокомандующій просилъ генерала Анненкова: во-первыхъ сдѣлать распоряженіе, чтобы провіантъ подвозился средствами жителей Екатеринославской губерніи, а во-вторыхъ, чтобы для устраненія препятствій въ доставкѣ продовольствія, по пути отъ Берислава до Севастополя, онъ командировалъ „извѣстнаго уже своею расторопностію“ адъютанта новороссійскаго генералъ-губернатора капитана Хотяева. Князь Меншиковъ просилъ дать Хотяеву полномочіе и средства чинить мосты, исправлять рытвины и требовать пособія земства во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда признаетъ необходимымъ [3]).

Анненковъ тотчасъ же исполнилъ просьбу главнокомандующаго, и капитанъ Хотяевъ, прибывъ на мѣсто, установилъ, на всемъ пути отъ Берислава къ Севастополю, постоянные этапы, на которыхъ особо назна-

---

[1]) Генералу Анненкову отъ 9-го ноября за № 625.

[2]) Приказъ главнокомандующаго отъ 30-го ноября, см. приложеніе № 25-й.

[3]) Отношенія кн. Меншикова генералу Анненкову отъ 5-го и 7-го декабря за №№ 204 и 219.

ченные чиновники обязаны были содѣйствовать ускоренію движенія. Этою мѣрою были устранены многіе безпорядки, и облегчались заботы главнокомандующаго. Послѣдній, не имѣя помощниковъ, принужденъ былъ входить во все самъ. Интендантство не существовало, и распоряженій его не было видно. Некому было указать кн. Меншикову на средства и навести на мысли, которыя при многосложныхъ занятіяхъ могли ускользнуть отъ его вниманія или не приходили ему въ голову. Одинъ князь М. Д. Горчаковъ не забывалъ своего стараго товарища и отъ времени до времени обращался къ нему съ различными указаніями и совѣтами.

„Вы навели мысли мои,—писалъ свѣтлѣйшій кн. Горчакову [1]),—на такія мѣры, которыя почти не приходили мнѣ въ голову. Мои физическія силы не соотвѣтствуютъ возложенной на меня обязанности; штабъ мой принужденъ предвидѣть и исполнять одинъ столько дѣлъ, что у меня не хватаетъ на это ни времени, ни способностей.

„Не знаю, какъ благодарить васъ за всѣ совѣты и указанія. Я всегда буду за это признателенъ. Чрезвычайно тревожитъ меня кричическое состояніе, въ которомъ нахожусь относительно запаздывающаго продовольствія“.

Оговорившись, что охотно принимаетъ на себя званіе начальника штаба Крымской арміи, князь М. Д. Горчаковъ указывалъ главнокомандующему, что, кромѣ двухъ воловьихъ и трехъ конныхъ полубригадъ, у него было два полевыхъ артиллерійскихъ парка и лошади отъ переформированныхъ и уменьшенныхъ въ составѣ батарей. Оставаясь праздными и съѣдая понапрасну фуражъ, онѣ могли быть употреблены для перевозки продовольствія войскамъ. Хотя идея о возможности такого употребленія явилась уже поздно, но кн. Меншиковъ [2]) приказалъ все-таки освободить до 120 фуръ отъ парковъ № 11-го и № 15-го употребилъ ихъ для перевозки овса изъ Симферополя въ Бахчисарай [3]).

---

[1]) Въ письмахъ отъ 27-го ноября и 17-го декабря 1854 г.

[2]) См. письмо кн. Горчакова отъ 5-го декабря, полученное княземъ Меншиковымъ 11-го декабря.

[3]) Отношеніе начальника штаба начальнику артиллеріи отъ 21-го декабря № 1635.

Оставшіяся безъ лошадей парковыя фуры и вообще всѣ повозки полковыхъ обозовъ, скопившіяся у Бахчисарая, приказано было отправить въ вагенбургъ, устраиваемый на р. Салгирѣ, въ 30-ти верстахъ отъ Симферополя, между селеніями Бакшай и Атарчикъ. Расположенный вблизи дороги, ведущей изъ Карасубазара въ Перекопъ и изъ Симферополя въ Геническъ, укрѣпленный вагенбургъ этотъ могъ, во-первыхъ, служить прикрытіемъ для всѣхъ обозовъ арміи, а во-вторыхъ, и этапнымъ пунктомъ для склада провіанта. Отправивъ въ вагенбургъ третьи дивизіоны батарей, переформированныхъ въ уменьшенный составъ, князь Меншиковъ разрѣшилъ интендантству употреблять лошадей этихъ дивизіоновъ для перевозки продовольствія отъ вагенбурга до Симферополя.

Главнокомандующій поручилъ полковнику Вуншу обратить вниманіе на состояніе дорогъ и, чтобы не ошибиться въ разсчетахъ, грузить на подводы отъ половины до двухъ-третей того груза, который полагается при хорошихъ дорогахъ. Такъ какъ затруднительныя мѣста дорогъ и подъемы должны быть извѣстны интендантству, то князь Меншиковъ полагалъ полезнымъ и необходимымъ имѣть въ такихъ пунктахъ команды, для подмоги, съ запасною упряжью воловъ, отъ земства, конечно, съ денежнымъ вознагражденіемъ. Къ сожалѣнію, полезныя и практическія указанія главнокомандующаго ложились на непроизводительную почву, и онъ не зналъ, что̀ ему дѣлать и какъ справиться съ продовольствіемъ арміи.

„Къ довершенію хлопотъ,—писалъ онъ князю Горчакову [1]),—не могу достигнуть правильнаго устройства провіантскихъ транспортовъ. Три транспорта сухарей, изъ вашего продовольствія, оказались попорченными и сгнившими дотого, что даже при недобросовѣстной сортировкѣ ихъ нельзя употребить въ пищу. Плутъ Сервирогъ (Ce coquin Servirog) заставилъ принять этотъ транспортъ, задержавъ съ намѣреніемъ остальные. Къ тому же дурныя дороги и безъ того ихъ задерживаютъ; такъ мы живемъ изо-дня въ день къ крайнему моему огорченію и заботамъ [2]). Торопить присылкою провіанта положительно некого. Я писалъ въ Петербургъ о присылкѣ интенданта, но когда онъ будетъ

---

[1]) Отъ 7-го декабря 1854 г.

[2]) При малѣйшей остановкѣ транспортовъ ощущался недостатокъ въ продовольствіи, и случалось, что десяти-дневный сухарный запасъ, по неимѣнію въ магазинахъ провіанта, расходовался на текущее довольствіе войскъ.

присланъ и какой-то еще будетъ! Я принужденъ лично вести счетъ припасамъ; я изнемогаю отъ усталости и заботъ. Не можете ли вы, любезный князь, прислать смышленаго человѣка въ Перекопъ, чтобы устроить и ускорить это дѣло?“

Князь Меншиковъ зналъ, къ кому обращался, и потому заранѣе былъ увѣренъ въ успѣхѣ. Князь Горчаковъ, для увеличенія состава подвижнаго магазейна Крымской арміи, приказалъ отправить изъ Кишинева еще одну воловью полубригаду, состоявшую изъ 1.020 пароволовьихъ подводъ. „Ежели дороги непроѣзжи для колесныхъ повозокъ,—писалъ онъ при этомъ князю Меншикову [1]),—то прикажите устроить вьючные транспорты. Наконецъ, любезный князь, помогайте себѣ сами, потому что при всемъ моемъ добромъ желаніи, мое содѣйствіе, какъ бы велико оно ни было, не можетъ восполнить тѣхъ мѣръ, которыя необходимо принимать на мѣстѣ. Подумаю, кого бы изъ хорошихъ чиновниковъ интендантскаго вѣдомства къ вамъ прислать“.

Конечно, князь Горчаковъ не могъ придумать ничего лучшаго, какъ командировать въ Крымъ своего генералъ-интенданта генералъ-маіора Затлера. Посылка всевозможныхъ второстепенныхъ чиновниковъ была бы только полумѣрою, которая не избавила бы князя Меншикова отъ затрудненій. Прибѣгая къ крайнему средству и рѣшаясь на отправленіе въ Крымъ генерала Затлера, князь Михаилъ Дмитріевичъ не зналъ еще, какъ принято будетъ тамъ его чистосердечное желаніе помочь нуждамъ Крымской арміи. Зная характеръ свѣтлѣйшаго, онъ долженъ былъ позаботиться о томъ, чтобы посылаемый не былъ поставленъ въ неловкое положеніе.

— Я къ вамъ послалъ Тотлебена,—говорилъ князь Михаилъ Дмитріевичъ князю Меншикову,—котораго вы не оцѣнили въ первое время. Опытъ показалъ однако же, что я вамъ далъ превосходнаго помощника. То же самое съ генераломъ Затлеромъ,—говорю это, положа руку на сердце. Я къ вамъ отправляю недѣли на двѣ генералъ-интенданта моей арміи. Это чрезвычайно способный человѣкъ. Постарайтесь воспользоваться его присутствіемъ, и вы мнѣ скажете спасибо. Я увѣренъ, что, поговоривши съ нимъ два-три раза и обсудивши положе-

---

[1]) Отъ 13-го декабря 1854 г.

ніе, вы пріобрѣтете болѣе пользы, чѣмъ если бы получили нѣсколько отрывочныхъ предложеній, представленныхъ вамъ сначала однимъ, а затѣмъ другимъ лицомъ. Будьте увѣрены, что его временное пребываніе у васъ можетъ быть не только въ высшей степени полезно, но онъ съумѣетъ найти средства, чтобы съ успѣхомъ и славою выйти изъ настоящаго вашего затруднительнаго положенія. Будьте съ нимъ любезны и терпѣливы при обсужденіи того, что онъ вамъ предложитъ. По истинѣ вы должны быть мнѣ благодарны за помощь, которую я вамъ оказываю. Есть господа и съ значеніемъ, которые надо мною смѣются за то, что я вамъ посылалъ и продолжаю посылать подкрѣпленія. Я предоставляю имъ слово, а самъ дѣлаю свое дѣло, ибо убѣжденъ, что поступаю такъ, какъ русскій долженъ поступать.

Послѣ этихъ словъ насмѣшка и кичливость были бы неумѣстны. Быть можетъ, князю Меншикову было не совсѣмъ пріятно выслушивать послѣднія слова, но, вспоминая всѣ услуги, оказанныя княземъ Горчаковымъ Крымской арміи, нельзя было не сознать, что другаго человѣка съ такимъ же самоотверженіемъ и пламенною любовью къ родинѣ у насъ не было. „Кланяюсь вамъ въ ноги, любезный и искренній другъ,—отвѣчалъ князь Меншиковъ [1]),—за готовность прислать вашего генералъ-интенданта. Жду его какъ Мессію. А за подкрѣпленія, которыя вы направляете къ Крыму, вся Россія будетъ вамъ благодарна“.

Прибывъ въ Крымъ и познакомившись съ способами продовольствія арміи, Затлеръ нашелъ, что провіантъ подвозился въ Севастополь—изъ Карасубазара и Симферополя—на шести конныхъ ротахъ подвижнаго армейскаго магазейна, которыя въ теченіе семи дней доставляли 6.480 четвертей муки и сухарей и 612 четвертей крупъ. Симферопольскій магазейнъ пополнялся изъ Перекопа, и провіантъ доставлялся на 6-ти конныхъ и 8-ми воловьихъ ротахъ. Расположенныя этапнымъ порядкомъ, онѣ въ теченіе двѣнадцати дней подвозили 3.114 четвертей муки съ сухарями и 292 четверти крупъ.

Въ концѣ декабря дороги въ Крыму были такъ дурны, что разстроенные подвижные магазейны могли поднимать только половину по-

---

[1]) Князю Горчакову въ письмѣ отъ 22-го декабря 1854 г.

*

ложенной клади и почти всегда доходили до мѣста съ падежомъ нѣсколькихъ лошадей; многія повозки отставали и не приходили во-время. Сверхъ того провіантское коммиссіонерство главныхъ силъ часто отрывало подвижные магазейны отъ перевозки провіанта и давало имъ иное назначеніе. Такъ двѣ роты были назначены для перевозки больныхъ въ Херсонъ, двѣ роты для перевоза сѣна изъ Евпаторійскаго уѣзда въ Дуванкой и двѣ роты для перевозки того же сѣна изъ Симферополя къ Бахчисараю. Такая безпорядочность въ доставленіи провіанта угрожала оставить армію безъ продовольствія и была причиною того, что въ половинѣ декабря, кн. Меншиковъ принужденъ былъ просить наказнаго атамана Войска донскаго, генерала Хомутова, прислать ему заимообразно провіантъ изъ Керчи и Арабата. Хомутовъ отправилъ изъ Арабата 5.000 четвертей муки и изъ Керчи 14.000 четвертей муки и 1.312 четвертей крупъ [1]). Провіантъ этотъ перевозился на наемныхъ подводахъ, на обязанность которыхъ было возложено также перевезти въ Симферополь 10.000 четвертей сухарей съ двойною пропорціею крупъ изъ Геническа и Перекопа.

Съ доставленіемъ этихъ припасовъ на Крымскомъ полуостровѣ, въ разстояніи отъ 60-ти до 200 верстъ отъ главныхъ силъ арміи, т.-е. въ Севастополѣ, Симферополѣ, Карасубазарѣ, Перекопѣ, Керчи и Арабатѣ къ 1-му января 1855 года состояло провіанта:

Муки и сухарей.	51.370 четвертей
Крупъ	1.719 „

Внѣ полуострова, на разстояніи отъ 200 до 300 верстъ, а именно: въ Бериславѣ, селеніи Казацкомъ, Геническѣ и Мелитополѣ находилось въ запасѣ:

Муки и сухарей. . . .	82.566 четвертей
Крупъ	2.258 „

Этихъ наличныхъ запасовъ, по числу войскъ, дѣйствовавшихъ въ Крыму, было достаточно почти до 1-го іюня 1855 года, за исключеніемъ крупъ, недостававшихъ на этотъ періодъ времени. Сверхъ того, во всѣ эти магазины ожидалась новая поставка, сдѣланная по распоряженію князя Меншикова:

---

[1]) Рапортъ Хомутова военному министру 19-го декабря № 3882.

Муки и сухарей. . . . . . 249.680 четвертей
Крупъ . . . . 18.151 „

По распоряженію князя М. Д. Горчакова изъ военныхъ поселеній должно было быть доставлено муки и сухарей 10.000 четвертей.

Такимъ образомъ, съ поступленіемъ въ магазины ожидаемаго провіанта, продовольствіе войскъ хотя и обезпечивалось на весь 1855-й годъ, но весь этотъ хлѣбъ находился слишкомъ далеко отъ театра военныхъ дѣйствій, а потому необходимо было озаботиться о немедленной доставкѣ его какъ въ ближайшіе магазейны, такъ и къ войскамъ. Съ этою цѣлью для перевозки провіанта изъ ближайшихъ складовъ было назначено 30.000 подводъ отъ Таврической палаты государственныхъ имуществъ, нѣмецкихъ колонистовъ и обывателей города Маріуполя, а изъ отдаленныхъ магазиновъ также 20.000 подводъ отъ губерній Херсонской и Екатеринославской [1]).

Въ виду этого наряда и безотлагательной необходимости скорѣйшей доставки продовольствія къ войскамъ, генералъ-маіоръ Затлеръ предлагалъ князю Меншикову [2]): 1) заготовить въ Севастополѣ, по числу войскъ, неприкосновенный запасъ на четыре мѣсяца и сверхъ того, для текущаго расхода, имѣть продовольствія на два мѣсяца, 2) въ Бахчисараѣ и Симферополѣ имѣть запасъ на два мѣсяца, по числу всѣхъ войскъ, находившихся въ Крыму, и 3) запасы эти, по мѣрѣ расходованія, пополнять немедленно изъ позади лежащихъ магазейновъ.

Подвозить провіантъ изъ Перекопа, прямо къ войскамъ, на повозкахъ подвижнаго армейскаго магазейна не представлялось никакой возможности. Для этого необходимо было, чтобы на этомъ разстояніи, при полной нагрузкѣ и правильномъ движеніи, находилось въ постоянномъ слѣдованіи шесть тысячъ подводъ. При испорченности же крымскихъ дорогъ и худобѣ скота, нужно было по крайней мѣрѣ втрое болѣе подводъ, а между тѣмъ въ подвижныхъ магазейнахъ насчитывалось не болѣе 4.000 подводъ такихъ, которыя могли слѣдовать довольно

---

[1]) Всеподд. донесеніе кн. Меншикова отъ 31-го декабря.
[2]) См. Записку генералъ-маіора Затлера отъ 27-го декабря 1854 г.

исправно [1]). Въ виду этихъ затрудненій необходимо было установить правиломъ, чтобы изъ Бахчисарая войска сами перевозили для себя продовольствіе, употребляя для того повозки подвижныхъ парковъ, палаточныя фуры и часть провіантскихъ телѣгъ. Изъ Симферополя въ Бахчисарай доставлять на подвижныхъ магазейнахъ, а въ Симферополь изъ заднихъ магазейновъ—на вольно-наемныхъ подводахъ, и наконецъ на случай невозможности доставлять продовольствіе на повозкахъ сформировать вьючные магазины одинъ конный и одинъ верблюжій.

Имѣя въ виду огромный недостатокъ сѣна и зерноваго фуража, Затлеръ предлагалъ вывести изъ Крыма столько кавалеріи, сколько позволяютъ военныя обстоятельства; отвести назадъ всѣхъ лишнихъ лошадей и размѣстить остальную кавалерію на болѣе широкихъ квартирахъ. Для сохраненія въ краѣ перевозочныхъ средствъ и вообще лучшаго обезпеченія арміи продовольствіемъ, предполагалось обязать подрядчиковъ покупать скотъ на порцію войскамъ внѣ полуострова; для путеваго довольствія войскъ, по всей коммуникаціонной линіи, устроить этапные магазины, съ двухъ-дневнымъ запасомъ продовольствія по числу войскъ, въ Крыму находившихся; гдѣ представится возможнымъ, тамъ продовольствовать проходящія войска печенымъ хлѣбомъ, въ виду сбереженія топлива, сухарей и рабочихъ.

Всѣ эти мѣры, одобренныя и княземъ Меншиковымъ, могли быть приведены въ исполненіе только при самыхъ энергическихъ настояніяхъ, а между тѣмъ въ Крыму распоряженія по продовольствію войскъ исходили изъ двухъ учрежденій: Симферопольской коммиссіи и такъ называемаго Коммиссіонерства главныхъ силъ. Отъ этого въ распоряженіяхъ не было единства, не было и отвѣтственнаго лица за исправность продовольствія. Для отвращенія на будущее время безпорядковъ, необходимо было сосредоточить всю дѣятельность въ лицѣ одного человѣка, т.-е. назначить генералъ-интенданта, который, находясь безотлучно при главнокомандующемъ, могъ бы во всякое время дать отчетъ, сколько и гдѣ именно находится запасовъ продовольствія, и съ какимъ успѣхомъ приводятся въ исполненіе мѣры, указанныя главнокомандующимъ.

---

[1]) Рапортъ флигель-адъютанта полковника Гербеля кн. Меншикову отъ «   » декабря 1854 г.

Князь Меншиковъ во время командованія арміею не имѣлъ такого лица, и будущее продовольствіе арміи было обезпечено весьма мало. Въ Петербургѣ не знали истиннаго положенія дѣлъ и опасались даже, что Крымская армія въ самомъ непродолжительномъ времени останется безъ хлѣба.

„Хорошо ли наши стоятъ?—спрашивалъ императоръ князя Меншикова [1]),—тепло ли, сыты ли? доходитъ ли фуражъ до кавалеріи, что съ больными и ранеными?“

„Не знаю до какой степени обезпечено и гдѣ твое продовольствіе; сколько провіанта свезено въ Севастополь? Прошу и на это отвѣта [2])“.

„Признаюсь, меня крайне безпокоитъ обезпеченіе продовольствія твоихъ войскъ. По состоянію дорогъ опасаюсь, чтобы всѣ подвозы не остановились, и тогда, не знаю, станетъ ли твоихъ запасовъ въ Симферополѣ, чтобы прокормиться. Ты мнѣ ничего про это не пишешь; прошу скораго отвѣта и надѣюсь, что примешь самыя дѣятельныя мѣры, чтобы по сей части не дошло до бѣды и всѣхъ ея гибельныхъ послѣдствій. Съ нашей же стороны примемъ всѣ мѣры, отъ насъ зависящія, чтобъ подвозъ до Перекопа не остановился“ [3]).

Для исполненія этого послѣдняго обѣщанія императоръ призналъ необходимымъ отправить на театръ военныхъ дѣйствій такое лицо, которое могло бы дѣйствовать его именемъ и содѣйствовать скорѣйшей доставкѣ продовольствія въ Перекопъ. 30-го декабря флигель-адъютантъ ротмистръ Стюрлеръ былъ отправленъ въ Екатеринославъ, чтобы узнать тамъ во всей подробности о принятыхъ мѣстнымъ начальствомъ мѣрахъ къ движенію провіантскихъ транспортовъ. Если бы эти мѣры оказались недостаточными, то Стюрлеру вмѣнено въ обязанность, именемъ его величества, требовать отъ губернаторовъ, предводителей дворянства и другихъ лицъ, стоявшихъ во главѣ губернскаго правленія [4]), чтобы они безотлагательно приняли всѣ зависящія

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 5-го декабря 1854 г.

[2]) То же отъ 17-го декабря.

[3]) То же отъ 26-го декабря.

[4]) Онъ долженъ былъ обратиться къ начальникамъ губерній Екатеринославской и Таврической, таганрогскому градоначальнику, предводителямъ дво-

отъ нихъ мѣры къ скорѣйшему достиженію высочайше указанной цѣли [1]).

XXVI.

Состояніе союзныхъ армій.—Недостатокъ въ помѣщеніи, теплой одеждѣ, пищѣ, топливѣ. — Жалобы англичанъ на безпорядки въ администраціи. — Состояніе турокъ. — Госпитальныя помѣщенія союзниковъ. — Развитіе болѣзни и смертности. — Надежды императора на возможность наступленія. — Мнѣніе князя Меншикова о предстоящихъ дѣйствіяхъ. — Оцѣнка этого мнѣнія. — Рескриптъ императора князю Меншикову. — Новый годъ въ Севастополѣ. — Осада и оборона въ декабрѣ и январѣ мѣсяцахъ. — Приказъ начальника гарнизона. — Вылазки и ихъ вліяніе на осаждающаго.—Подвигъ матроса Шевченко.— Минныя работы.—Инженеръ-штабсъ-капитанъ Мельниковъ.—Новые слухи о намѣреніи союзниковъ дѣйствовать наступательно въ тылъ Крымской арміи.—Положеніе Евпаторіи и ея гарнизона.—Укрѣпленіе сѣверной стороны Севастополя.—Участіе въ этомъ дѣлѣ Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей. — Предположеніе объ атакѣ Евпаторіи и взятіи этого города штурмомъ.

Если помѣщеніе, одежда и продовольственные запасы нашей арміи были не вполнѣ въ удовлетворительномъ состояніи, то положеніе союзниковъ въ этомъ отношеніи было еще того хуже.

Не разсчитывая на продолжительность кампаніи, они не запаслись ничѣмъ, имѣли съ собою лишь однѣ палатки, въ которыхъ и встрѣтили наступившіе холода. Заключенные на тѣсномъ пространствѣ Херсонесскаго полуострова, англо-французы, по недостатку жилыхъ мѣстъ, не могли расположиться по квартирамъ, а по отсутствію лѣса лишены были возможности устроить себѣ бараки мѣстными средствами.

Пребываніе въ палаткахъ на занятыхъ позиціяхъ было причиною многихъ бѣдствій, испытанныхъ союзниками въ теченіе осенняго и зимняго времени. Положеніе ихъ было весьма тяжко.

рянства, къ управляющимъ попечительнымъ комитетомъ объ иностранныхъ поселенцахъ южнаго края Россіи и палатами государственныхъ имуществъ.

[1]) Предписаніе военнаго министра ротмистру Стюрлеру 30-го декабря № 19248.

„Въ настоящую минуту,—писалъ одинъ изъ англійскихъ корреспондентовъ,—дождь идетъ какъ изъ ведра, небо черно какъ чернила, вѣтеръ воетъ надъ колеблющимися палатками, траншеи превратились въ каналы, въ палаткахъ вода иногда стоитъ на цѣлый футъ, у нашихъ солдатъ нѣтъ ни теплой, ни непромокаемой одежды, они проводятъ по двѣнадцати часовъ въ траншеяхъ, подвержены всѣмъ бѣдствіямъ зимней кампаніи; между тѣмъ нѣтъ, кажется, ни души, которая позаботилась бы объ ихъ удобствахъ, или даже о сохраненіи ихъ жизни. Самый жалкій нищій, бродящій по лондонскимъ улицамъ, ведетъ роскошную жизнь въ сравненіи съ британскими солдатами, которые жертвуютъ здѣсь своею жизнію“ [1]).

Съ каждымъ днемъ лагерь союзниковъ все болѣе и болѣе погружался въ грязь; палатки не держались противъ вѣтра и дождей. Каждый помышлялъ о томъ, какъ бы выстроить себѣ пристанище и устроиться въ немъ поудобнѣе. Но это удавалось весьма не многимъ; большинство же вставало и ложилось посреди грязи, ила и сора и часто не просыпалось, потому что сырость и холодъ были нестерпимы.

Не имѣя теплой одежды и порядочнаго жилья, союзники къ тому же терпѣли недостатокъ въ пищѣ и топливѣ. Въ теченіе многихъ дней они довольствовались корабельными сухарями, очень дурною водою и сушенымъ мясомъ, но послѣднимъ въ весьма маломъ количествѣ. „Если бы вы,—писалъ одинъ французскій офицеръ [2]),—могли теперь видѣть одинъ изъ тѣхъ полковъ, котораго видомъ вы восхищались въ Орлеанѣ, вы бы навѣрно воздѣли руки къ небу! Исхудалыя лица, небритыя бороды, всевозможныя и всецвѣтныя одежды, покрытыя недѣльною грязью, ежедневно возобновляемою—таковъ нашъ видъ, столь же жалкій, какъ и новый“.

Французы не имѣли топлива и для согрѣванія употребляли все, что только способно было горѣть; корни деревьевъ, не исключая винограда, и всѣ остатки исчезнувшей растительности шли на дрова, если только попадались подъ руку.

Снѣгъ для союзниковъ былъ настоящимъ бѣдствіемъ: онъ проби-

---

[1]) Матеріалы для исторіи Крымской войны, вып. V, 93, 109.

[2]) Редактору газеты: «Journal de Loiret». См. Алабинъ, ч. II, приложеніе, стр. 47.

вался въ малѣйшія щели палатокъ и покрывалъ бѣдныхъ солдатъ, искавшихъ покоя ночью послѣ тяжкаго и успленнаго дневнаго труда. Весьма часто слѣдующее утро заставало ихъ замерзшими, въ застывшемъ платьѣ, служившемъ имъ саваномъ. Такое положеніе дѣлъ вызвало со стороны французскаго правительства энергическую дѣятельность по снабженію своихъ войскъ всѣмъ необходимымъ, и, надо сказать, что эта дѣятельность не была безуспѣшна: французы испытывали гораздо менѣе лишеній, чѣмъ англичане.

Съ наступленіемъ ненастья французы тотчасъ же начали исправлять прежде существовавшія и устраивать новыя дороги отъ Камышевой бухты къ лагерямъ; въ половинѣ ноября они доставили въ Крымъ теплую одежду и матеріалы для устройства бараковъ, сначала только для помѣщенія больныхъ, а потомъ, въ декабрѣ, успѣли выстроить ихъ и для всѣхъ войскъ [1]).

Англичане находились въ значительно худшемъ положеніи, въ особенности со времени послѣднихъ бурь, бывшихъ причиною гибели множества транспортныхъ судовъ, слѣдовавшихъ въ Крымъ съ зимнею одеждою, военными и съѣстными припасами. Они болѣе всего жалѣли о потерѣ винтоваго парохода „Принцъ", перевозившаго въ Балаклаву 46-й полкъ, зимнюю одежду [2]), запасы для Скутарійскаго госпиталя и большое количество ядеръ и бомбъ. За исключеніемъ 46-го полка, который успѣлъ высадиться въ Балаклавѣ, все остальное погибло въ волнахъ Чернаго моря. Только 6-го декабря было доставлено англичанамъ теплое платье, которое, впрочемъ, по словамъ получившихъ его, можно было назвать теплымъ только изъ учтивости.

— Я не думаю,—говорилъ одинъ изъ сыновъ Альбіона,—чтобы правительство хотѣло подшутить надъ арміей, но, право, трудно вѣрить, чтобы оно не на шутку думало, что такія тряпки могутъ охранять насъ отъ холода. Такъ называемый „comforter" особенно смѣшонъ до крайности,—это кусокъ шерстяной матеріи, въ нѣсколько дюймовъ шириною и 3 дюйма длиной; его едва бы достало на дѣтскій нагрудникъ.

---

[1]) Въ Ліонѣ была образована особая мастерская для постройки бараковъ, въ которой ежедневно работало не менѣе 100 человѣкъ.

[2]) На пароходѣ находилось 40.000 шинелей, много шерстяныхъ фуфаекъ, носковъ, перчатокъ и прочее.

Недостатокъ мастеровыхъ въ войскахъ лишалъ англійское правительство возможности приступить на мѣстѣ къ изготовленію теплой одежды и къ постройкѣ бараковъ. Къ тому же матеріалы, необходимые для устройства послѣднихъ, были доставлены очень поздно, когда дороги испортились настолько, что перевозка тяжестей въ лагери представляла немало затрудненій. Хотя вскорѣ послѣ Инкерманскаго сраженія одинъ изъ адъютантовъ лорда Раглана былъ посланъ, на транспортномъ суднѣ, въ Синопъ, для закупки досокъ и столбовъ, необходимыхъ для бараковъ, но ранѣе какъ черезъ три мѣсяца постройка ихъ не могла быть приведена въ исполненіе. Въ ожиданіи болѣе удобнаго помѣщенія, англичане принуждены были вырывать въ землѣ ямы, чтобы защитить себя отъ холода и русскихъ снарядовъ [1]).

Пока было сухо, ямы служили еще кое-какимъ обезпеченіемъ, но, съ наступленіемъ холодовъ и грязи, онѣ стали невыносимы для британскаго тѣла, болѣе или менѣе привыкшаго къ удобству и хорошей пищѣ, въ которой также ощущался большой недостатокъ. „Англійская армія,—говорилось въ одной изъ современныхъ газетъ [2]),—въ послѣднее время въ такомъ положеніи, что едва не умираетъ съ голода. Она терпитъ ужасно! Люди, обезсиленные ночнымъ бдѣніемъ, при отправленіи службы на вѣтру и проливномъ дождѣ, не находятъ себѣ и достаточной пищи. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней не выдавалось ни кофе, ни сахара, ни чая. Мяса выдается лишь по полураціону; не рѣдко выдача эта ограничивается третьею и четвертою частію раціона, да и то солонины. Причиною этого недостатка ненадежность перевозки съѣстныхъ припасовъ моремъ въ настоящее время. Большая часть припасовъ находилась на парусныхъ судахъ, стоявшихъ на якорѣ внѣ гавани; поднялась буря, и они потонули“.

Балаклавская гавань была запружена кораблями, и тамъ господствовалъ страшный безпорядокъ: суда выгружались, гдѣ находили удобнѣе, и никто не слѣдилъ за тѣмъ, что они выгружали. Боченки сухарей, свинины, рому, ящики съ одеждой, осадныя орудія, мѣшки картофеля, ячменя, ящики съ патронами—все это сваливалось какъ попало, въ

---

[1]) Матеріалы для исторіи Крымской войны, вып. V, стр. 16, 18 и 20, 196 и другія.

[2]) Тамъ же, стр. 106.

густой и черной грязи. Посреди этого хаоса, изгибаясь подъ тяжелыми ношами двигались люди оборванные, блѣдные и исхудалые.

— Это солдаты нашихъ пѣхотныхъ полковъ,—замѣчалъ лаконически англичанинъ,—люди нѣкогда столь крѣпкiе и блестящiе.

Въ главномъ штабѣ англiйской армiи не имѣлось точныхъ свѣдѣнiй, какiе припасы и матерiалы доставлены, и какiе слѣдовало ожидать; войска часто нуждались въ такихъ предметахъ, которые давно уже лежали на пристани. „Для нашей армiи въ Крыму,—писалъ корреспондентъ,—настоятельно требуютъ рису. Корабль нарочно отправляется съ этою цѣлью въ Константинополь. И что же, повѣрите ли? этотъ самый корабль содержалъ въ себѣ половину груза, за которымъ его посылали столь далеко“.

На поверхности воды, въ Балаклавской гавани плавали прибитыя къ берегу связки сѣна, а лошади страдали отъ голода и падали во множествѣ. Недостатокъ фуража заставилъ герцога Кембриджскаго, еще 17-го ноября, приказать убить 24 ломовыя лошади, а лорды Луканъ и Кардиганъ постоянно жаловались на недостатокъ корма для лошадей. Англiйская кавалерiя была близка къ уничтоженiю, и въ ней насчитывалось не болѣе 2.600 всадниковъ. Къ концу декабря въ легкой кавалерiйской дивизiи оставалось не болѣе 60 лошадей, да и тѣ, по неспособности къ строевой службѣ, были обращены въ фурштатъ.

Весьма ограниченное число рабочаго скота заставляло англичанъ, при перевозкѣ тяжестей, злоупотреблять его силою, и доведенныя до крайняго изнуренiя животныя, не имѣвшiя къ тому же прикрытiя во время холодныхъ ночей, издыхали въ огромномъ количествѣ. Падаль валялась повсюду и даже между палатками, но никто не заботился о томъ чтобы удалить трупы, заражающiе воздухъ. Одинъ изъ участниковъ насчиталъ на небольшомъ пространствѣ до 128 палыхъ лошадей. Каждый ровъ, каждая канава обозначались кучами лошадинаго мяса, подвергнувшагося уже тлѣнiю. Для зарыванiя падали не предпринималось никакихъ мѣръ до тѣхъ поръ, пока воздухъ не наполнился гнилымъ запахомъ, невыносимымъ для свѣжаго человѣка. Тогда только лордъ Рагланъ сдѣлалъ распоряженiе, чтобы для зарытiя труповъ были

назначаемы солдаты, но и то не иначе, какъ въ видѣ наказанія за проступки [1]).

Англичанинъ поступаетъ на службу вовсе не для того, чтобы работать, а чтобы жить въ хорошихъ казармахъ, на всемъ готовомъ и получать хорошее жалованье. Въ военную службу въ Англіи идутъ преимущественно тунеядцы, боящіеся труда и считающіе унизительнымъ исполнять все то, что не входитъ въ прямой кругъ ихъ обязанности. Оттого въ англійскомъ лагерѣ видны были грязь, нечистота, соръ и нищета. Во многихъ случаяхъ британцы сами были виноваты въ томъ, что терпѣли лишенія.

Положеніе турокъ было еще того хуже и по истинѣ ужасно! Они не имѣли ни продовольствія, ни одежды и употреблялись англичанами вмѣсто тяглаго скота, для переноски изъ Балаклавы въ лагери снарядовъ и провизіи [2]). Странствуя по лагерямъ своихъ великодушныхъ союзниковъ и собирая объѣдки ихъ пищи, правовѣрные не знали, куда спрятаться отъ непогоды. Ветхія палатки не представляли солдатамъ никакой защиты отъ холода, и убыль въ рядахъ турецкой арміи простиралась иногда до 300 человѣкъ въ сутки. Турки служили, можно сказать, источникомъ заразы и развившейся впослѣдствіи эпидеміи, находившей обширную пищу, среди истощенныхъ и изнуренныхъ солдатъ экспедиціоннаго корпуса.

Недостатокъ во многомъ и безпорядки въ управленіи должны были оказать весьма вредное вліяніе на состояніе здоровья людей. Благодаря сырости и дурной пищи, состоявшей исключительно изъ соленой свинины, въ концѣ октября въ рядахъ союзныхъ войскъ появилась цынга, а въ началѣ ноября—кровавый поносъ и холера, принявшая такіе размѣры, что у однихъ англичанъ въ теченіе дня заболѣвало отъ 60 до 150 человѣкъ. Многіе офицеры извѣстныхъ фамилій сдѣлались жертвами эпидеміи. Почти всѣ генералы, прибывшіе въ Крымъ въ началѣ кампаніи, или оставили армію, или лежали больными. Въ декабрѣ и январѣ число больныхъ въ англійской арміи достигало до 14.000 человѣкъ, въ томъ числѣ до 3.000 находилось въ лагеряхъ, а остальные были отправлены въ Балаклаву, Турцію и даже Англію.

---

[1]) Всепод. донесеніе кн. Меншикова отъ 5-го января 1855 г.

[2]) Матеріалы, вып. V, 197.

Госпитальное помѣщеніе у французовъ состояло изъ нѣсколькихъ бараковъ, построенныхъ близъ Камышевой бухты. Англичане размѣщали своихъ больныхъ въ палаткахъ безъ всякаго присмотра, безъ лѣкарствъ и безъ пищи. Турки вовсе не имѣли госпитальныхъ помѣщеній, не заботились о больныхъ, и они валялись въ темныхъ и узкихъ улицахъ Балаклавы, гдѣ грязь и нечистота, стоны голодныхъ и умирающихъ турокъ не могли быть описаны никакими словами. „Всѣ картины заразы и чумы, — писалъ корреспондентъ газеты „Times“ [1]), — какія когда-либо были начертываемы, начиная отъ описанія Египетскихъ язвъ до разсказовъ Боккачіо, де-Фо или Мольтке, уступаютъ тому, что можно видѣть парою глазъ, при получасовой прогулкѣ по улицамъ Балаклавы“.

Число больныхъ въ союзныхъ арміяхъ было такъ велико, что одна треть ихъ не могла помѣститься въ госпиталяхъ. Устроить болѣе обширныя помѣщенія, за недостаткомъ строительныхъ матеріаловъ, англо-французы средствъ не имѣли и потому вынуждены были отправлять большую часть страждущихъ и, преимущественно раненыхъ, въ госпитали, устроенные въ предѣлахъ Турціи. При тѣснотѣ и неудобствѣ помѣщенія на транспортныхъ судахъ, и при недостаткѣ должнаго присмотра, больные не выдерживали перевозки и умирали во время пути.

Равнодушіе начальниковъ къ нуждамъ арміи особенно выводило изъ терпѣнія англичанъ. Лордъ Рагланъ былъ не видимъ для своихъ подчиненныхъ, и его присутствіе въ арміи обозначалось рѣдкими приказами, имъ отдаваемыми. Примѣру главнокомандующаго слѣдовали, конечно, всѣ остальные представители власти и возбуждали тѣмъ сильное неудовольствіе во всей Англіи. Газета „Times“ писала самыя ѣдкія статьи противъ злоупотребленія власти и даже требовала перемѣны главнокомандующаго [2]).

— Если крушеніе арміи, — говорила она, — честь страны и положеніе англійскаго государства должны быть спасены, то необходимо бросить за бортъ всѣ уваженія личной дружбы, оффиціальной щекотливости и придворнаго прислужничества и поставить во главѣ управленія опытность, дарованіе, энергію и достоинство даже въ самой суровой и грубой ихъ формѣ. Нѣтъ интересовъ выше общаго интереса, потому что

---

[1]) Матеріалы для исторіи Крымской войны, вып. V, 107.

[2]) Матеріалы для исторіи Крымской войны, вып. V, 210.

съ паденіемъ послѣдняго все рушится. Итакъ, нѣтъ возможныхъ причинъ и извиненій противъ немедленной смѣны начальниковъ, оказавшихся недостойными исполнять обязанности, къ которымъ призвали ихъ протекція, старшинство и ошибочныя воззрѣнія. Не стыдно для человѣка не обладать геніемъ Веллингтона, но со стороны военнаго министра преступно позволять офицеру, хотя одинъ день, браться за исполненіе обязанностей, забвеніе которыхъ довело великую армію до гибели.

Послѣ появленія такого обвиненія лордъ Рагланъ, хотя и зналъ о тѣхъ тѣсныхъ и близкихъ отношеніяхъ, въ которыхъ газета „Times“ находилась съ англійскимъ министерствомъ, но призналъ все-таки необходимымъ выслать ея корреспондента изъ Крыма. Высылка эта не могла разубѣдить англичанъ въ томъ, что армія ихъ находится въ самомъ жалкомъ положеніи, и что, до тѣхъ поръ пока это положеніе не измѣнится, никакой успѣхъ не возможенъ.

Съ наступленіемъ морозовъ положеніе союзниковъ оказалось еще болѣе бѣдственнымъ. Служба въ траншеяхъ и работа въ морозныя ночи были невыносимы для англичанъ, и въ ночь на 24-е декабря было приведено изъ траншей 150 человѣкъ полузамерзшихъ солдатъ и пало болѣе 60-ти лошадей. Полки быстро уменьшались, и въ гвардейскомъ полку Гольдстремовъ насчитывалось не болѣе 480-ти человѣкъ, могущихъ быть во фронтѣ. 63-й полкъ, состоявшій изъ 900 человѣкъ, могъ теперь вывести въ строй не болѣе 240 человѣкъ.

Лишенія и болѣзни вредно дѣйствовали на состояніе духа, и въ рядахъ непріятельской арміи не видно было уже слѣдовъ прежней веселости. Неудовольствіе и безнадежность господствовали въ союзныхъ лагеряхъ, и число перебѣжчиковъ на нашу сторону съ каждымъ днемъ увеличивалось. Цѣлыми толпами бѣжали къ намъ солдаты и, приходя часто съ отмороженными оконечностями и ногами, обернутыми сѣномъ, или соломою, вызывали къ себѣ истинную жалость и соболѣзнованіе. Они голодали и холодали въ своемъ лагерѣ и искали спасенія въ великодушіи непріятеля. Съ появленіемъ перебѣжчиковъ на нашихъ бастіонахъ и батареяхъ ихъ принимали радушно, по русскому обычаю вели въ баню, тутъ же устроенную, обмывали и одѣвали, поили и кормили и за тѣмъ отправляли на Сѣверную сторону.

Днемъ 25-го декабря перебѣжало къ намъ шесть человѣкъ, и сверхъ

того многіе были убиты своими выстрѣлами, пущенными въ догонку. Англичане были одѣты въ драповые плащи, вмѣсто потонувшихъ полушубковъ, а французы украшали себя фесками и имѣли на ногахъ обувь, сдѣланную изъ барабанной шкуры. Они единогласно утверждали, что въ арміи союзниковъ много ознобленныхъ; что англичанамъ не въ моготу отъ стужи и сплина и что они готовы рѣшиться на все, лишь бы только выйти изъ столь труднаго положенія [1]).

— Если бы Канроберъ, — говорилъ взятый въ плѣнъ капралъ Лоппре,—вызвалъ охотниковъ идти на штурмъ, то всѣ бы пошли, чтобы скорѣе чѣмъ-нибудь покончить.

Въ числѣ перебѣжчиковъ были принадлежавшіе къ 7-й французской дивизіи Дюлака, только-что прибывшей въ Крымъ и высадившейся въ Камышѣ лишь 1-го декабря. Бѣжавшіе показывали, что въ рядахъ союзниковъ слышится ропотъ и начальство утѣшаетъ ихъ увѣреніями, что въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ заключенъ миръ или же предпринятъ штурмъ [2]). Большинство не вѣрило этимъ обѣщаніямъ и не видѣло конца бѣдствію. Многочисленныя письма изъ Крыма убѣждали англичанъ въ томъ, что хотя союзники и стоятъ подъ Севастополемъ, но осады не существуетъ; что нѣсколько дней тому назадъ она снята, батареи замолкли и что англійская армія истощена вслѣдствіе чрезмѣрныхъ трудовъ и лишеній.

„Англійская армія,—доносилъ въ то же время Канроберъ императору, — испытываетъ лишенія и дѣйствительныя страданія, которыя отстранить, къ несчастію, не въ моей власти; численность ея войскъ такъ быстро ослабѣваетъ, лошади обозныя и кавалерійскія такъ изнурены и число ихъ дотого уменьшилось, что англичане едва успѣваютъ подвозить въ свои лагери съѣстные припасы и не имѣютъ, поэтому, никакой возможности, несмотря на наше содѣйствіе, вооружать свои батареи надлежащимъ образомъ, чтобы дѣйствовать успѣшно и одновременно съ нами“.

„Очевидно было, — прибавляетъ къ этому баронъ Базанкуръ въ своей „Исторіи Крымской войны“,—что храбрость англичанъ осталась

---

[1]) Записка А. Комовскаго кн. Меншикову отъ 1-го января.

[2]) Рапорты капитана Хотяева генералу Анненкову 31-го декабря и 3-го января.

прежнею, но они, не будучи въ состоянiи бороться съ суровостью зимы и ежедневными трудами, заболѣвали и умирали въ такомъ множествѣ, что можно было опасаться за самое существованiе армiи".

Словомъ сказать, положенiе союзниковъ было таково, что, по собственному ихъ сознанiю, они могли считать себя счастливыми, если успѣютъ продержаться на занятыхъ ими позицiяхъ до наступленiя весны и прибытiя подкрѣпленiй. Они сознавали, что энергическое наступательное движенiе съ нашей стороны могло имъ стоить дорого, и благодарили судьбу, обрекшую русскую армiю на бездѣйствiе.

Зная о безпорядкахъ, существовавшихъ въ союзной армiи, объ ослабленiи ея болѣзнями и деморализацiи войскъ, въ Петербургѣ ожидали ежеминутно донесенiя князя Меншикова о томъ, что онъ перешелъ въ наступленiе, но желанное извѣстiе не приходило, и положенiе дѣлъ въ Крыму крайне тревожило Императора. Онъ сознавалъ, что отъ успѣшныхъ дѣйствiй подъ Севастополемъ зависѣло весьма многое и прежде всего дальнѣйшiй ходъ нашихъ переговоровъ съ Вѣнскимъ дворомъ. Дѣла наши съ Австрiею были въ такомъ состоянiи, что, при первой неудачѣ въ Крыму, мы могли встрѣтить въ лицѣ ея еще одного врага и при томъ весьма сильнаго. Борьба съ новымъ непрiятелемъ должна была вызвать со стороны Россiи послѣднiя и тяжкiя напряженiя, благополучный исходъ которыхъ не могъ не безпокоить государя, сознававшаго всю трудность борьбы съ многочисленными врагами.

— Наше положенiе тяжелое,—говорилъ онъ,—и я давно его предвижу, измѣряю, не обманываю себя ложными надеждами. Стараюсь представить себѣ картину будущности въ настоящемъ видѣ, но отнюдь не отчаяваюсь, ибо надежда моя на Бога, на Его правосудiе и на правоту нашего дѣла. Духъ нашего русскаго народа—льщу себя надеждою — тоже знаю, глубоко цѣню и уважаю. Знаю, что когда настанетъ минута воззвать къ Россiи, она станетъ та же, какою была въ 1812 году, но мнѣ надо дорожить этимъ и не истощать силъ нашихъ до поры до времени. Тѣмъ общiй порывъ на спасенiе отечества будетъ сильнѣе и невыразимѣе. Быть можетъ скоро наступитъ время къ воззванiю, но донынѣ мы могли еще не приступать къ сей послѣдней мѣрѣ. Нужно будетъ— исполнимъ, и я спокоенъ [1]).

---

[1]) Изъ собственноручнаго письма государя императора князю Горчакову отъ 11-го декабря 1854 г.

Такъ ободрялъ государь окружавшихъ его лицъ, стараясь устранить уныніе и опасеніе за будущее. Владѣя могучимъ характеромъ и громадною силою воли, онъ умѣлъ скрывать отъ постороннихъ свои внутреннія чувства и душевныя волненія. Столица всегда видѣла его спокойнымъ и веселымъ, и лишь многочисленныя его письма и записки,—свидѣтели труда и заботъ,—даютъ возможность, въ настоящее время, опредѣлить то тяжелое состояніе души и тѣ нравственныя мученія, которыя испытывалъ онъ изо дня въ день въ ожиданіи донесеній князя Меншикова.

Донесенія эти были по большей части весьма кратки и часто настолько неопредѣленны, что нельзя было составить себѣ ясной понятія ни о ходѣ военныхъ дѣйствій и состояніи войскъ, ни о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ главнокомандующаго. Все, что знали въ Петербургѣ о положеніи Крымской арміи, знали стороною, по слухамъ, отъ пріѣзжихъ флигель-адъютантовъ и курьеровъ. Сообщаемыя ими свѣдѣнія были далеко не утѣшительны и весьма часто противорѣчили другъ другу. Чтобы добиться до истины, государь принужденъ былъ задавать вопросы и нѣсколько разъ повторять ихъ прежде, чѣмъ получалъ отвѣтъ, и не рѣдко неудовлетворительный. Неудивительно послѣ того, что императоръ съ особенною радостію принялъ извѣстіе о прибытіи въ Москву своихъ сыновей, спѣшившихъ на свиданіе съ больною матерью-императрицею. Не одно чувство отца, но потребность узнать истину, ближе познакомиться съ дѣломъ обороны Севастополя вызвали желаніе скорѣйшаго свиданія.

11-го декабря Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи прибыли въ Гатчино, гдѣ, по причинѣ болѣзни Императрицы, находились тогда августѣйшіе ихъ родители. Встрѣча и свиданіе съ ними нѣсколько успокоили отца и Государя.

„Весело слушать, — писалъ онъ въ тотъ же день князю Горчакову,—что дѣти говорятъ про духъ всѣхъ войскъ, несмотря на большую убыль въ рядахъ (кромѣ 12-й дивизіи) и въ особенности на убыль штабъ и оберъ-офицеровъ. Не столь отрадны безпечность и безтолковость начальства, которому только и приписать можно всѣ бывшія неудачи, отъ которыхъ Боже упаси впередъ! Но спокойну быть нельзя!“

Великіе Князья передали Императору планъ атаки и обороны Севастополя и вмѣстѣ съ тѣмъ заявленіе князя Меншикова о невозможности

вести контръ-апрошныя работы противъ англійскихъ осадныхъ работъ и предпринять нападеніе на лѣвый флангъ французской атаки [1]).

— Полагая даже,—говорилъ князь Меншиковъ,—что я успѣлъ бы подъ огнемъ батарей непріятельскихъ вывести нѣсколько траншей, то и тогда я все-таки не могъ бы въ нихъ удержаться противъ нападенія соединенныхъ силъ англо-французовъ, не введя въ дѣло всей пѣхоты, подъ начальствомъ моимъ состоящей. Слѣдовательно, долженъ бы былъ принять генеральное сраженіе въ самой невыгодной мѣстности и безъ артиллеріи, такъ какъ, не имѣя другаго берега Инкерманскаго моста въ своихъ рукахъ, я не могъ бы провести черезъ Севастополь достаточное число батарей. Инкерманскій же мостъ мнѣ бы должно было, и вѣроятно тщетно, штурмовать подъ выстрѣлами англичанъ. Выиграть дѣло при этихъ условіяхъ болѣе чѣмъ сомнительно, и потеря людей не вознаградима. Потеря эта могла бы поставить насъ въ невозможность воспретить потомъ покушенію непріятеля на нашъ тылъ, или на занятіе Сѣверной стороны, съ потерею которой падетъ и Севастополь. Тѣ же причины не дозволяютъ предпринять сильнаго нападенія на лѣвый флангъ французовъ.

При ближайшемъ обсужденіи доводовъ главнокомандующаго они оказываются невполнѣ справедливыми. Почему князь Меншиковъ полагалъ, что, выдвигаясь впередъ и построивъ впереди оборонительной линіи нѣсколько траншей, онъ непремѣнно вызоветъ противника на генеральное сраженіе? Если это было личное убѣжденіе главнокомандующаго, то почему онъ, при тѣхъ же боевыхъ средствахъ, спустя два мѣсяца, когда союзники успѣли устроиться и окрѣпнуть, отступилъ отъ своего убѣжденія и, какъ увидимъ ниже, предпринялъ рядъ передовыхъ построекъ и даже поручилъ генералу Хрулеву произвести рекогносцировку мѣстности съ тою цѣлью, чтобы перейти въ наступленіе. Если, не имѣя въ своихъ рукахъ Инкерманскаго моста, онъ затруднялся, въ декабрѣ, провести черезъ Севастополь достаточное число батарей, то почему это оказалось возможнымъ, въ февралѣ?

Штурмовать Инкерманскій мостъ намъ не было нужды, а слѣдовало воспользоваться разстройствомъ непріятеля и перейти въ наступленіе.

---

[1]) Всепод. донесеніе кн. Меншикова 4-го декабря 1854 г.

*

Если бы князь Меншиковъ атаковалъ англичанъ съ тѣми силами, которыя имѣлъ возможность сосредоточить въ Севастополѣ, то онъ легко могъ уничтожить ихъ траншеи, а при удачѣ отбросить къ Балаклавѣ. Такая атака была вполнѣ возможна и естественна въ рукахъ предпріимчиваго и энергическаго главнокомандующаго, умѣющаго пользоваться обстоятельствами и не ограничивающагося одними кабинетными заключеніями и выводами. Конечно, князь Меншиковъ не могъ знать въ точности ни силъ, ни состоянія союзниковъ, но, изъ преній въ парламентѣ, могъ заключить, что англичанамъ плохо въ Крыму, а изъ показаній дезертировъ, плѣнныхъ и наконецъ нашихъ охотниковъ, ходившихъ на вылазки, онъ зналъ, что усиленныя работы и стужа заставляли союзниковъ очень часто оставлять въ траншеяхъ лишь слабые караулы, а резервы отодвигать ближе къ Балаклавѣ и Камышевой бухтѣ. Оставленныя въ траншеяхъ команды исполняли сторожевую службу весьма плохо, и нашимъ охотникамъ не въ диковину было встрѣчать часовыхъ спящими, забирать ихъ въ плѣнъ и доставлять на оборонительную линію закутанными въ плащахъ.

— Почему—говорили впослѣдствіи англичане,—русскіе не дѣлали въ то время сильныхъ вылазокъ: мы почти не въ состояніи были защищать свои траншеи. Зимою они могли завладѣть всей мѣстностью передъ Корабельной. Въ случаѣ сильной атаки русскихъ у насъ были сдѣланы распоряженія объ отступленіи въ Балаклаву, для амбаркаціи, и рѣшено было бросить артиллерію какъ осадную, такъ и полевую, по совершенному неимѣнію лошадей, а укрѣпленіе передъ Балаклавою защищать штуцерами.

Послѣ Инкерманскаго сраженія силы союзниковъ не превышали 40.000 человѣкъ; прибывавшія затѣмъ подкрѣпленія шли на пополненіе убыли отъ болѣзней, что было согласно съ показаніями плѣнныхъ, и самъ главнокомандующій не указывалъ на недостатокъ боевыхъ средствъ какъ причину невозможности наступательныхъ дѣйствій. Что же было поводомъ къ такому бездѣйствію? По нашему мнѣнію, неудачи въ предъидущихъ дѣлахъ и совершенная потеря энергіи.

— Доложите князю М. Д. Горчакову,—говорилъ кн. Меншиковъ, отправляя Столыпина, присланнаго къ нему изъ южной арміи,—что я не рѣшаюсь атаковать непріятеля съ нашею пѣхотою, которая получала въ

годъ только по два боевыхъ патрона, и съ кавалеріею, которая, послѣ сраженія при Полтавѣ, не сдѣлала ни одной порядочной атаки.

Вотъ главный источникъ бездѣятельности, выводившей изъ терпѣнія многихъ, въ томъ числѣ и князя М. Д. Горчакова, писавшаго военному министру о необходимости отозвать князя Меншикова и замѣнить его другимъ главнокомандующимъ. Нѣкоторые представители славной обороны, видя положеніе дѣлъ и состояніе союзниковъ, также не понимали поведенія князя Меншикова и ѣдко подсмѣивались надъ свѣтлѣйшимъ и его штабомъ. „Два мѣсяца,—писалъ одинъ изъ участниковъ,—почти совершенное бездѣйствіе; по три раза въ день набожно смотрятъ на термометръ и молятся нордъ-осту (N O)“.

Какъ бы то ни было, но главнокомандующій оставался неподвиженъ и признавалъ только возможнымъ, противопоставляя огню непріятеля болѣе сильную артиллерію, замедлять его работы частыми малыми вылазками, ложными тревогами, и, если представится случай, то занять высоты впереди Малахова кургана и окопаться на нихъ.

Это послѣднее намѣреніе вполнѣ согласовалось съ указаніями Государя.

„Мысль большой вылазки,—писалъ онъ [1]),—отъ Корниловскаго бастіона (Малахова кургана) съ тѣмъ, чтобы окопаться впереди,—прекрасная. Кажется мнѣ, что надо только выбрать для того удобное время и разсчитать все елико можно вѣрно, чтобъ успѣхъ могъ быть несомнѣненъ. Думаю, что когда укомплектованіе дойдетъ, погода сдѣлается суровѣе и еще болѣе изнуритъ противниковъ, тогда и настанетъ къ тому удобное время“.

Для всѣхъ казалось, что оно должно было наступить весьма скоро.

Приближался новый годъ, а съ нимъ вмѣстѣ наступала и зимняя погода. Еще съ 12-го декабря стало сильно морозить, и только изрѣдка выпадали ясные и тихіе дни, но большею частію шли проливные дожди, смѣнявшіеся градомъ и снѣгомъ. Порывистый сѣверо-восточный вѣтеръ подымалъ сильныя мятели, и въ половинѣ декабря морозъ достигалъ иногда до 10^0 по Реомюру.

Императоръ возлагалъ на наступающій годъ большія надежды.

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 12-го декабря 1854 г.

„Благодарю искренно,—писалъ онъ князю Меншикову [1]),—за поздравленіе съ новымъ годомъ и желаю, чтобы 1855-й годъ былъ свидѣтелемъ новыхъ твоихъ подвиговъ на славу Россіи, и вознаградилъ тебя и храбрыя тебѣ подчиненныя войска за ихъ безпримѣрную твердость, мужество и преданность“.

„Прошедшій (годъ),—писалъ государь князю Горчакову [2]),—былъ одинъ изъ самыхъ тяжкихъ для всѣхъ насъ, но тебѣ онъ былъ случаемъ выставить во всей полнотѣ всѣ твои высокія, благородныя чувства, которыя я вполнѣ цѣню“.

Пасмуренъ и угрюмъ былъ день новаго года въ Севастополѣ. Сѣрыя, мглистыя облака застилали небо, а волнующаяся даль моря грозно чернѣлась, перекатывая свои мрачныя, свинцовыя волны. Вѣтеръ дулъ по всѣмъ направленіямъ, и 3-го января выпалъ такой снѣгъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходилъ до аршина глубины. Положеніе союзниковъ сдѣлалось еще болѣе тяжелымъ.

„Думаю,—писалъ Императоръ [3]),—что настала для нихъ эпоха *гибели*, ежели погода продержится такая же хотя мѣсяцъ. Надѣюсь, что наши войска не терпятъ отъ нея, ибо мы зимы не боимся. Лишь бы удалось хорошо кормить, и для того не щади ни трудовъ, ни издержекъ, дабы непремѣнно люди были сыты вдоволь. Прибавить можно водки; хорошо бы и сбитень завести, было бы изъ чего. Что съ больными и ранеными, много ли воротилось? Правда ли, что появился тифусъ? Боюсь у союзниковъ чумы“.

Чумы не было въ союзныхъ лагеряхъ, но смертность отъ другихъ весьма разнообразныхъ болѣзней была значительна.

— Подкрѣпленія наши,—говорили англичане, — служатъ только для умноженія больныхъ въ лазаретахъ и числа погребаемыхъ. Несчастные пріѣзжаютъ къ намъ во время проливныхъ дождей и высаживаются въ глубокую грязь, часто не имѣя даже пищи. Это разстройство ведетъ ихъ въ госпиталь, или могилу. Лордъ Рагланъ нигдѣ не показывается. Въ нѣкоторыхъ полкахъ нѣтъ врачей, въ другихъ нѣтъ медикаментовъ.

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 9-го января.

[2]) Въ собственноруч. письмѣ отъ 3-го января.

[3]) Въ письмѣ кн. Меншикову, отъ 5-го января 1855 г.

46-й полкъ вышелъ на берегъ 10-го ноября въ числѣ 706 человѣкъ. Полкъ этотъ не былъ въ дѣлѣ противъ непріятеля и уже потерялъ 114 человѣкъ и имѣетъ 257 больныхъ. Наши войска совершенно упали духомъ и представляютъ только сбродъ людей въ лохмотьяхъ, въ грязи и нищетѣ.

При такихъ условіяхъ, союзники, конечно, не думали объ усиленіи осадныхъ работъ противъ Севастополя, и въ теченіе всего декабря и января мѣсяцевъ положеніе обѣихъ сторонъ мало чѣмъ измѣнилось. Всѣ работы осаждающаго ограничивались заложеніемъ нѣсколькихъ новыхъ батарей, направленныхъ исключительно противъ четвертаго бастіона и Малахова кургана. Такъ, за третьею параллелью, по капитали четвертаго бастіона, французы построили двѣ батареи № 25-го и № 27-го, а на лѣвомъ берегу Бульварной лощины небольшую батарею № 29-го, назначенную для дѣйствія по вылазкамъ. На правой оконечности 2-й параллели возведены были двѣ батареи № 26-го и № 26-го bis, а на капитали 5-го бастіона, во второй параллели, построена большая батарея № 28-го.

На Зеленой горѣ было возведено англичанами двѣ батареи: № 9-го на лѣвой оконечности 2-й параллели, у Сарандинакиной балки и № 2-го въ первой параллели, на гребнѣ высоты. На Воронцовской высотѣ, на правой оконечности третьей параллели, они заложили батарею № 8-го и на высотѣ между Киленъ-балкою и Доковымъ оврагомъ, позади *Пятиглазой* батареи, трудились надъ устройствомъ большаго редута, получившаго впослѣдствіи названіе *Викторіи*.

Для уравновѣшиванія борьбы съ этими укрѣпленіями, обороняющійся усиливалъ артиллерійское вооруженіе и, въ обезпеченіе отъ штурма, прибавилъ нѣсколько новыхъ батарей, назначенныхъ преимущественно для фланкированія впереди лежащей мѣстности. Такъ, для усиленія лѣваго фаса четвертаго бастіона въ состязаніи съ французскими батареями, между лѣвымъ фасомъ бастіона и батареею № 31-го, была заложена батарея № 75-го (Львова) на восемь орудій. Чтобы имѣть возможность обстрѣливать Артиллерійскую бухту, были построены, на Городской сторонѣ, у Малаго бульвара, двѣ батареи № 76-го на четыре и № 77-го— на два орудія, и сверхъ того усилено на шесть орудій вооруженіе задняго фаса Ростиславскаго редута. Для фланкированія батарей №№ 26-го,

60-го, 61-го и люнета № 7-го (Бѣлкина), заложена передъ воротами оборонительной стѣнки между 5-мъ и 6-мъ бастіонами батарея № 79-го (Бутакова) на четыре орудія, а для усиленія огня противъ французскихъ подступовъ впереди редута № 1-го (Шварца), построена, правѣе Язоновскаго редута, батарея № 80-го (Поля).

Возведеніе непріятелемъ нѣсколькихъ батарей, назначенныхъ для дѣйствія по Пересыпи и Южной бухтѣ, заставило насъ удалить корабль, обстрѣливавшій доступы изъ Лабораторной и Сарандинакиной балокъ. Для возстановленія потеряннаго преимущества, была заложена поперекъ Пересыпи батарея № 81-го (Стааля) на 22 орудія, и наконецъ фланкированіе картечью втораго бастіона производилось при помощи возведенной у Сухарной балки батареи № 82-го (Харламова) на два орудія [1]).

Одновременно съ этимъ гарнизонъ трудился надъ усиленіемъ профили укрѣпленій, углубленіемъ и уширеніемъ рвовъ, устройствомъ гласисовъ и пороховыхъ погребовъ, поднятіемъ валганговъ, увеличеніемъ числа траверсовъ и проч. Для защиты отъ навѣснаго огня, устраивались блиндажи, а для предохраненія отъ ружейнаго—закрывали амбразуры особыми тросовыми щитами, предложенными капитаномъ 1-го ранга Зоринымъ. Войска работали неутомимо, и укрѣпленія совершенствовались быстро.

„Осматривая послѣ нѣсколькихъ дней третье и четвертое отдѣленія,—писалъ начальникъ гарнизона [2]),—я былъ пораженъ неожиданными перемѣнами, найденными мною въ дальнѣйшемъ усовершенствованіи работъ. Успѣхъ, достигнутый въ столь непродолжительное время, попеченіемъ о своихъ отдѣленіяхъ контръ-адмираловъ Панфилова и Истомина—разителенъ. Только неусыпнымъ трудамъ всѣхъ начальниковъ частей и прилежанію рабочихъ—при благоразумномъ распредѣленіи—обязанъ Севастополь совершенно умѣстными, правильными и тщательно отдѣланными укрѣпленіями, какія нынѣ воздвигнуты въ обоихъ отдѣленіяхъ“.

Отдѣлка укрѣпленій и усиленныя земляныя работы не препятствовали гарнизону безпокоить врага весьма частыми ночными вылазками. Не только севастопольцамъ, но и самимъ англо-французамъ памятна

---

[1]) Тотлебенъ. «Оборона Севастополя», ч. I, 556—600.

[2]) Баронъ Остенъ-Сакенъ въ приказѣ отъ 12-го января 1855 г. № 3.

въ это время молодецкая дѣятельность лейтенантовъ: Астапова, Бирюлева, Завалишина и Титова; капитановъ Сыробоярскаго и Ляпунова [1]), маіора Рудановскаго и подполковника Макарова. Съ небольшимъ числомъ охотниковъ, разновременно врывались они въ непріятельскія траншеи и почти всегда уничтожали работы союзниковъ, приводили плѣнныхъ и приносили много шанцеваго инструмента.

„Прекрасны послѣднія вылазки,—писалъ Императоръ князю Меншикову [2]),—этого-то я и желалъ; надо непріятеля замучить ими, что видимо достигается. Прочти и полюбуйся, въ какое положеніе они приходятъ по собственному ихъ признанію, столь безстыдно ими же всенародно объявленному“.

— Мы до сихъ поръ достигли только одного результата,—говорили многочисленные корреспонденты англійскихъ и французскихъ газетъ,—а именно: сдѣлали городъ вшестеро крѣпче, нежели какъ онъ былъ до осады.—Русскіе каждый день воздвигаютъ новыя батареи и возобновляютъ свои пушки. Русскіе также страшны, какъ и въ первый день, и ихъ ночныя вылазки не даютъ намъ покоя. Они, кажется, увѣрены, что легко нападать врасплохъ на наши посты, и не разъ надежда ихъ оправдывалась событіями. Впрочемъ, солдаты наши не виноваты. Послѣ 24 или 30 часовъ безпрерывной работы имъ нельзя не заснуть.

Англичане сознавались, что если бы у нихъ по 100 человѣкъ солдатъ разстрѣливали въ одинъ день за то, что они спали на своемъ посту, то вновь назначенные на караульную службу все-таки бы заснули. Французы были гораздо бдительнѣе и съ одной стороны, не надѣясь на своихъ британскихъ союзниковъ, а съ другой желая облегчить ихъ, высказывали готовность поставить свои аванпосты впереди англій-

---

[1]) Произведенная въ ночь съ 30-го на 31-е декабря вылазка подъ начальствомъ капитана Ляпунова замѣчательна подвигомъ рядоваго Тобольскаго полка Андрея Самсонова. Получивши 19 ранъ, Самсоновъ все еще оставался въ траншеѣ и подсаживалъ своихъ отступавшихъ товарищей. Послѣднимъ онъ оставилъ мѣсто боя, самъ выползъ изъ траншеи и былъ доставленъ на перевязочный пунктъ. Приказъ по Севастопольскому гарнизону 16-го января 1855 г. № 7.

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 13-го января.

скихъ. Самолюбіе сыновъ Альбіона не могло допустить такой опеки, и положеніе дѣлъ въ этомъ отношеніи не измѣнилось. По-прежнему наши ночныя вылазки были вполнѣ успѣшны и нерѣдко на нѣсколько дней останавливали работы англо-французовъ. Такова была напримѣръ вылазка, произведенная подъ начальствомъ лейтенанта Бирюлева, въ ночь съ 19-го на 20-е января, и имѣвшая цѣлью отбить наши завалы, занятые французами.

Распространяя систему ложементовъ, обороняющійся вызывалъ тѣмъ противодѣйствіе со стороны атакующаго, и стычки изъ-за права владѣнія ложементами были весьма часты. Французы нѣсколько разъ пытались утвердиться въ нашихъ ложементахъ и послѣ многихъ попытокъ успѣли занять лѣвую половину впереди редута Шварца, на высотѣ, гдѣ была бойня. Съ цѣлью прогнать непріятеля и вновь завладѣть ложементами, рѣшено было произвести вылазку въ значительныхъ размѣрахъ.

19-го января, около четырехъ часовъ по полудни, начальникъ 3-го отдѣленія оборонительной линіи и 3-го бастіона контръ-адмиралъ Панфиловъ потребовалъ къ себѣ лейтенанта Бирюлева и предложилъ ему быть руководителемъ вылазки. Назначенный для этого отрядъ въ 250 человѣкъ, изъ полковъ: Охотскаго, Волынскаго и 45-го флотскаго экипажа [1]), съ 80-ю рабочими безъ ружей, собрался на третьемъ бастіонѣ къ десяти часамъ вечера. Стояли лунныя ночи. Въ этотъ вечеръ, какъ нарочно, было такъ свѣтло, какъ днемъ. Предпринимать вылазку въ такую свѣтлую ночь было безполезно, и потому пришлось отложить ее на нѣсколько часовъ, пока стемнѣетъ. Около трехъ часовъ ночи мѣсяцъ склонился къ горизонту, небо заволокло небольшими тучками, и сталъ перепархивать снѣжокъ. Медлить было нечего; до восхода солнца оставалось времени не много, а охотникамъ предстояло пройдти взадъ и впередъ около двухъ верстъ и поработать еще около ложементовъ.

Отрядъ былъ собранъ. Солдатамъ объявлено, что они должны выгнать непріятеля изъ ложементовъ и дать время рабочимъ перестроить

---

[1]) Въ составѣ отряда находилось: 75-ть человѣкъ Охотскаго егерскаго полка съ поручикомъ Герсдорфомъ и прапорщикомъ Цуруковымъ; 75 человѣкъ Волынскаго полка съ прапорщикомъ Семенскимъ; 75 челов. резервн. батальона Волынскаго полка съ прапорщикомъ Канисскимъ и 25 челов. 45-го флотскаго экипажа съ мичманомъ Сахновскимъ.

завалы и поворотить ихъ къ непріятелю. По командѣ офицеровъ, всѣ сняли фуражки, набожно перекрестились и, выйдя за линію укрѣпленій, двинулись по Бульварной лощинѣ, во флангъ французамъ.

Не прошли охотники и двадцати шаговъ, какъ въ непріятельскомъ секретѣ раздался выстрѣлъ.

— Завидѣли, проклятые!—говорили солдаты;—снѣжокъ-то выпалъ порядочный, такъ отрядъ нашъ чернѣется на дорогѣ.

Охотники подвигались однако впередъ даже и тогда, когда изъ траншеи взвилась сигнальная ракета, а за тѣмъ по всей линіи затрещалъ батальный огонь. Въ это время къ лейтенанту Бирюлеву подбѣжалъ унтеръ-офицеръ, посланный съ бастіона.

— Адмиралъ приказалъ сказать вашему благородію,—насилу проговорилъ запыхавшійся посланный,—ой! молъ, не воротиться ли назадъ.

Наши прошли уже съ полверсты; возвращаться назадъ было жаль, тѣмъ болѣе, что усилившійся снѣгъ сталъ скрывать насъ отъ непріятеля и во всемъ отрядѣ не было еще ни одного раненаго.

— Скажи его превосходительству,—отвѣчалъ лейтенантъ Бирюлевъ, что у насъ пока все благополучно, а что молодцы, молъ, впередъ просятся. Такъ ли, братцы?—заключилъ онъ, обращаясь къ солдатамъ.

— Точно такъ!—отвѣчало нѣсколько голосовъ.

Охотники подвигались все ближе и ближе къ ложементамъ. Потерявъ изъ виду за густымъ снѣгомъ нашихъ охотниковъ, непріятель прекратилъ стрѣльбу; вдругъ все замолкло, и водворилась могильная тишина, отъ которой становилось болѣе жутко, чѣмъ отъ ружейной трескотни. Наконецъ, подойдя къ подошвѣ горы, на которой были расположены ложементы, отрядъ остановился. Снявъ снова фуражки и трижды перекрестившись, солдаты стали взбираться на гору.

— Кто идетъ? (Qui vive?)—окликнулъ французскій часовой нашихъ охотниковъ, когда они находились шагахъ въ пятидесяти отъ ложементовъ.

Отвѣта не было. Часовой повторилъ вопросъ, но солдаты двигались молча.

— Кто идетъ?—спросилъ часовой въ третій разъ.

— Русскіе,—отвѣтилъ лейтенантъ Бирюлевъ и крикнулъ „ура!“

— Впередъ, ребята, въ штыки,—послышались голоса офицеровъ, бывшихъ съ охотниками, и наши съ розмаху врѣзались въ ложементы. Французы встрѣтили наступавшихъ залпомъ и отступили въ заднюю траншею, оставивъ на мѣстѣ восемнадцать тѣлъ. Наши бросились за ними, и пошла потѣха. Изъ первой траншеи, по пятамъ французовъ, охотники пробрались во вторую, и только слышно было, какъ скрещивались штыки да ломались приклады...

Лишь только наши бросились въ траншеи, какъ послышались сигналы французскихъ горнистовъ. Рабочіе, присоединившись къ ротамъ траншейнаго караула, спѣшили на выручку товарищей. Инженерный капитанъ Фукардъ (Foucarde) выстроилъ своихъ рабочихъ, чтобы лично вести ихъ въ дѣло, но въ эту минуту пуля раздробила ему ногу. Маіоръ Сарла (Sarlat) сколько могъ собралъ вокругъ себя солдатъ и съ крикомъ: „да здравствуетъ императоръ“ бросился впередъ, а за нимъ нѣсколько ротъ 1-го батальона 42-го полка. Съ прибытіемъ этихъ подкрѣпленій французы справились и перешли въ наступленіе.

Между тѣмъ пока въ траншеяхъ длился бой, ложементы были приспособлены уже нашими рабочими для дѣйствія противъ непріятеля. Цѣль вылазки достигнута, и потому охотникамъ приказано отступить изъ траншей и занять ложементы. При отступленіи французы насѣли на охотниковъ и вмѣстѣ съ ними ворвались въ ложементы, тогда наши снова рванулись впередъ и прогнали ихъ въ траншеи. Шесть разъ наши охотники бросались въ штыки и каждый разъ вытѣсняли непріятеля. При одномъ изъ такихъ нападеній, нѣсколько человѣкъ французскихъ стрѣлковъ прицѣлились въ лейтенанта Бирюлева, на самомъ близкомъ разстояніи. Замѣтивъ это, матросъ Шевченко, бывшій ординарцемъ у Бирюлева и постоянный спутникъ его на всѣхъ вылазкахъ, перекрестился, кинулся впередъ и заслонилъ начальника своею грудью. Пораженный нѣсколькими пулями, онъ упалъ, не сказавъ ни слова. Лейтенантъ Бирюлевъ бросился къ Шевченко, но онъ былъ уже мертвъ.

— Не время теперь, ваше благородіе, останавливаться,—сказалъ лейтенанту матросъ Болотниковъ;—наши молодцы въ третью траншею прочесались, какъ бы бѣды не вышло.

Бирюлевъ бросился впередъ и приказалъ отступить. Охотники

отступали въ порядкѣ; французы преслѣдовали. Для отраженія ихъ наши нѣсколько разъ переходили въ наступленіе; съ крикомъ „ура!“ снова врывались въ траншеи, заваленныя непріятельскими тѣлами. Видя однако же, что къ непріятелю подошли значительныя подкрѣпленія, лейтенантъ Бирюлевъ рѣшился прекратить схватку и приказалъ отступить къ городу. Охотники стали уже спускаться съ горы, какъ къ Бирюлеву подошелъ одинъ изъ пѣхотныхъ унтеръ-офицеровъ.

— Не ладно, ваше благородіе,—сказалъ онъ,—кажись, кто-то изъ нашихъ остался въ непріятельской траншеѣ, слышно: по-нашему ругается, выручить бы надо.

— Разумѣется, слѣдуетъ,—отвѣчалъ начальникъ вылазки—и охотники снова бросились въ траншею, выручили товарища и отступили къ 3-му бастіону, захвативъ въ плѣнъ 2 офицеровъ и 7 человѣкъ нижнихъ чиновъ.

Наша потеря состояла въ этотъ день изъ одного убитаго офицера, прапорщика Кондратьева, и нижнихъ чиновъ: 3 убитыхъ и 34 раненыхъ. Въ числѣ убитыхъ стояло и славное имя матроса Шевченко. Разсказъ объ его подвигѣ и самоотверженіи быстро облетѣлъ по Севастопольскому гарнизону, и имя его осталось на всегда памятнымъ русскому народу.

„Товарищи!—писалъ главнокомандующій князь Меншиковъ въ приказѣ по войскамъ.—Каждый день вы являете себя истинно храбрыми и стойкими русскими воинами; каждый день поступки ваши заслуживаютъ и полнаго уваженія, и удивленія; говорить о каждомъ отдѣльно было бы не возможно, но есть доблести, которыя должны на всегда остаться въ памяти нашей, и съ этой цѣлію я объявляю вамъ:

„30-го флотскаго экипажа, матросъ Игнатій Шевченко, находившійся, во всѣхъ вылазкахъ, около лейтенанта Бирюлева, явилъ особенный примѣръ храбрости и самоотверженія въ вылазкѣ, бывшей на 20-е января. Когда молодцы наши штыками вытѣснили уже непріятеля изъ траншей, пятнадцать человѣкъ французовъ, отступая, прицѣлились въ лейтенанта Бирюлева и его спутниковъ; Шевченко первый замѣтилъ, какой опасности подвергается его начальникъ, перекрестясь, кинулся къ нему, заслонилъ его и молодецкою своею грудью принялъ пулю, которая неминуемо должна была поразить лейтенанта Бирюлева.

Шевченко упалъ на мѣстѣ, какъ истинно-храбрый воинъ, какъ праведникъ.

„Сдѣлавъ распоряженіе объ отысканіи его семейства, которое имѣетъ все право воспользоваться щедротами всемилостивѣйшаго Государя нашего, я спѣшу, мои любезные товарищи, сообщить вамъ объ этомъ, поздравить васъ, что вы имѣли въ рядахъ своихъ товарища, которымъ должны вполнѣ гордиться".

„Спасибо,—писалъ Императоръ князю Меншикову [1]),—за новую удачную вылазку. Прекрасно, продолжай ихъ мучить до поры до времени, а потомъ съ Богомъ—и карачунъ имъ".

Весьма частыя вылазки и картечный огонь нашихъ укрѣпленій остановили осадныя работы французовъ. Приблизившись на 65 саженъ къ четвертому бастіону, они не могли двигаться далѣе. Это обстоятельство заставляло предполагать, что, потерявъ надежду подойти ближе къ бастіону при помощи сапы, непріятель приступитъ къ миннымъ работамъ. Предположеніе это подтверждалось показаніями перебѣжчиковъ, и хотя показанія ихъ были сбивчивы и разнорѣчивы, тѣмъ не менѣе обороняющійся, для противодѣйствія атакующему въ подземной войнѣ, еще въ концѣ октября приступилъ къ устройству контръ-минной системы.

Завѣдывавшій минными работами инженеръ штабсъ-капитанъ Мельниковъ, прозванный защитниками *оберъ-кротомъ* Севастополя, трудился неутомимо. Мельниковъ былъ дѣйствительно отличный минеръ, что̀ называется великій мастеръ своего дѣла. Съ глубокимъ пониманіемъ миннаго искусства онъ соединялъ рѣдкую способность проникать намѣреніе непріятеля въ подземной войнѣ. Дѣлу своему онъ отдавался со страстью и увлеченіемъ, всецѣло жертвуя своимъ здоровьемъ, и оказалъ огромныя услуги Севастополю [2]). Услуги эти были бы еще существеннѣе, если бы интрига и зависть не противодѣйствовали дарованію и не имѣли мѣста въ Севастополѣ. Отозванный въ самый разгаръ минныхъ работъ на Сѣверную сторону, онъ вышелъ изъ своего подземелья больной, сгорбленный и съ единственною наградою Георгіевскимъ крестомъ,

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 24-го января 1855 г.

[2]) Н. Милошевичъ. Записки (рукоп.).

пожалованнымъ ему самимъ Императоромъ. Усиленные труды отразились на его здоровьѣ. День и ночь сидѣлъ онъ подъ землею, жилъ въ темнотѣ, духотѣ и сырости. Не зная покоя, онъ зорко слѣдилъ, чутко прислушивался къ подземнымъ работамъ непріятеля. Прошло слишкомъ три мѣсяца; обширная система рукавовъ и минныхъ галлерей, числомъ до двадцати двухъ, избороздила въ разныхъ направленіяхъ подземное пространство четвертаго бастіона, но непріятельскаго минера все еще не было слышно. Только 19-го января 1855 года смѣшанный стукъ и подземный гулъ обозначили направленіе, въ которомъ шли непріятельскія работы.

„Слава Богу—писалъ Императоръ князю Меншикову[1]),—что минера открыли; мое предчувствіе сбылось. Надѣюсь, что наши минеры себя выкажутъ молодцами; думаю, что не надо терять время камуфлетомъ остановить работу. Опасно то, что вѣроятно и непріятель услышалъ нашу работу и попытается уничтожить наши рукава. Не надо давать ему на то время. Вѣроятно, что не одной галлереей подвигаются, а навѣрное двумя. Славная практика для нашихъ молодцовъ минеровъ; надѣюсь, что себя покажутъ мои товарищи, какими ихъ зналъ“.

Выслушиваніе показало, что французы, не подозрѣвая существованія противника, ведутъ свои работы крайне безпечно. Когда черезъ три дня, 22-го января, послѣ опредѣленія мѣста непріятельскихъ работъ, произведенъ былъ нами первый взрывъ, то это на столько удивило французовъ, что траншейный караулъ ихъ высунулся по поясъ изъ-за бруствера, и, по предварительно сдѣланному распоряженію, былъ встрѣченъ залпомъ картечи и ружейныхъ пуль. Это не образумило однако же французовъ, и, не допуская, чтобы русскіе были искуснѣе ихъ въ минной войнѣ, они продолжали свои работы точно также безпечно и небрежно.

Въ пять часовъ по полудни, 26-го января, изъ ближайшей къ четвертому бастіону французской траншеи показались два солдата, сняли шапки и поклонились. Черезъ полчаса послѣ того они взорвали свой камуфлетъ, заложенный въ 8-ми саженяхъ отъ бывшаго нашего заряда. Послѣдовавшій взрывъ, образовавъ сверху небольшую воронку, пошелъ

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 23-го и 24-го января.

назадъ—и мгновенно изъ французскаго колодца показались дымъ и пламя. Видя, что непріятель трудился для уничтоженія собственныхъ галлерей, наши минеры, находившіеся во рву бастіона, привѣтствовали взрывъ громкимъ *фора!* и тотчасъ же вмѣстѣ съ штуцерными заняли и короновали образовавшуюся воронку [1]).

Въ теченіе всего дня 27-го января и послѣдовавшей за тѣмъ ночи, колодезь былъ очищенъ нами, и заложенъ въ немъ зарядъ въ 9 пудовъ пороха, взорваннаго въ шесть часовъ утра 28-го числа. Назначеніе его было достигнуто вполнѣ, и французская траншея была объята пламенемъ и густыми клубами дыма [2]).

— Ура!—кричали торжествовавшіе наши минеры,—пожаръ въ непріятельской траншеѣ.

„Спасибо нашимъ молодцамъ саперамъ и минерамъ,—писалъ Императоръ князю Меншикову [3]).—Старый ихъ товарищъ радуется душевно ихъ успѣхамъ. Непонятно мнѣ, что французы не заложили усиленнаго горна, и, несмотря на успѣхъ, надо сугубо быть осторожными. Богъ видимо помогъ, что, при занятіи воронки, подъ сильнымъ огнемъ потери у насъ не было; это просто чудо!“

Миннымъ работамъ осаждающаго былъ нанесенъ жестокій ударъ, и въ послѣдующіе дни, сознавая превосходство противника, французы вели подземную войну весьма осторожно, но за то вяло и медленно.

Неудача, испытанная ими на этомъ поприщѣ, и невозможность двигаться впередъ открытою сапою совершенно парализовали всѣ ихъ наступательныя дѣйствія. Въ теченіе весьма долгаго времени союзники ни на одинъ вершокъ не могли податься впередъ и чтобы достигнуть какого-либо успѣха, принуждены были прибѣгать къ ложнымъ разглашеніямъ, какъ къ средству, могущему показать Европѣ, что они не остаются праздными зрителями блестящей обороны. Иностранныя газеты стали чаще наполняться извѣстіями, что союзники намѣрены или штурмовать Севастополь, или же произвести высадку въ тылу князя Меншикова. Мысль эта была не новая, и необходимость занятія Сѣверной стороны Севастополя сознавалась многими опытными военными людьми Франціи и Англіи.

---

[1]) Записка барона Остенъ-Сакена отъ 26-го января 1855 г.

[2]) Матеріалы для исторіи Крымской войны, вып. V, 303.

[3]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 4-го февраля 1855 г.

„Ничто не показываетъ,—говорилъ напримѣръ сэръ Говардъ Дугласъ,—чтобы успѣшный штурмъ укрѣпленій позволилъ союзнымъ арміямъ овладѣть городомъ, а тѣмъ менѣе открыть гавань для соединенныхъ флотовъ дотолѣ, пока господствующая позиція на Сѣверной сторонѣ Севастополя не будетъ взята: только одно это дозволитъ взять крѣпость, портъ и все находящееся въ Севастополѣ“.

Союзники намѣрены были достигнуть этого совокупными наступательными дѣйствіями корпуса, высаженнаго въ Евпаторіи, и части войскъ изъ числа сосредоточенныхъ подъ Севастополемъ. Такимъ одновременнымъ движеніемъ они надѣялись разъединить главныя наши силы, оттянуть или отбросить ихъ отъ Севастополя и, если можно, отрѣзать ихъ сообщеніе съ Имперіею [1]).

Считая выполненіе этого намѣренія дѣломъ весьма возможнымъ въ будущемъ и принимая мѣры къ обезпеченію себя съ этой стороны, князь Меншиковъ не ожидалъ однако же скораго нападенія англо-французовъ, такъ какъ, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, въ Евпаторіи не было такого числа войскъ, съ которыми бы можно было предпринять наступательное движеніе.

Со времени обложенія Евпаторіи и прибытія драгунской дивизіи въ составъ блокаднаго отряда, въ городѣ не замѣчалось ничего особеннаго. Ежедневно слышны были барабанный бой, ружейные и нерѣдко пушечные выстрѣлы обучавшихся татаръ, записавшихся въ *аскеры.* По показаніямъ перебѣжчиковъ, положеніе татаръ было весьма тягостно. Отъ недостатка фуража скотъ ихъ падалъ, или былъ употребленъ непріятелемъ въ пищу. Продовольственные запасы въ Евпаторіи были незначительны, и татары терпѣли страшный голодъ. Многіе изъ нихъ принуждены были питаться гнилымъ лукомъ, отрубями и зернами кукурузы [2]). Союзники выдавали имъ по горсти сухарей на 24 часа.

— Въ настоящее время, — говорилъ выбѣжавшій изъ Евпаторіи татаринъ,—шатается по городу до трехъ сотъ мужчинъ и женщинъ съ опухлыми лицами. Когда сдѣлалось гласнымъ воззваніе главнокомандую-

---

[1]) Отношеніе воен. министра князю Меншикову 8-го января 1855 г., № 15.

[2]) Изъ показанія татарина отъ 29-го ноября 1854 г.

щаго, обѣщавшаго прощеніе всѣмъ возвратившимся въ свои селенія, то ежедневно до 200 женщинъ и дѣвокъ стоятъ около полиціи и просятъ у коменданта Токарскаго пропуска изъ города. Токарскій строго воспрещаетъ это.

Объявивъ, что всякій самовольно рѣшившійся выйти изъ города будетъ разстрѣлянъ, онъ говорилъ, что всѣхъ возвращающихся татаръ русскіе тиранятъ и вѣшаютъ, и увѣрялъ, что скоро привезутъ изъ Варны столько продовольствія, что его будетъ достаточно для всѣхъ жителей города.

Татары не вѣрили уже этимъ обѣщаніямъ, и безсемейные выходили скрытно по направленію къ селен. Сакамъ и ежедневно по нѣскольку человѣкъ являлись на нашихъ аванпостахъ. Семейные же татары принуждены были оставаться въ Евпаторіи, по невозможности вывезти тайно свои семейства [1]). Они переносили страшныя лишенія и умирали сотнями. Хлѣбъ продавался по такимъ цѣнамъ, которыя были недоступны татарамъ, и ходили слухи, что союзники, собственно для татаръ, солили лошадей и верблюдовъ.

Продовольствіе для Евпаторіи доставлялось изъ Балаклавы и Херсонесскаго полуострова, и для этой цѣли одинъ или два парохода ежедневно приходили на Евпаторійскій рейдъ, на которомъ постоянно находилось до 10-ти кораблей, предназначенныхъ собственно для защиты города [2]). Въ концѣ декабря въ гарнизонѣ Евпаторіи насчитывали до 10.000 турецкой пѣхоты, 300 человѣкъ кавалеріи и около 5.000 татаръ, способныхъ носить оружіе; англичанъ же и французовъ было тамъ не болѣе 700 человѣкъ. Для предполагаемыхъ наступательныхъ дѣйствій въ Евпаторіи ожидали прибытія значительнаго числа турецкихъ войскъ подъ начальствомъ Омера-паши.

22-го декабря Омеръ-паша пришелъ въ Евпаторію и, пробывъ тамъ нѣсколько часовъ, въ тотъ же день отправился въ лагерь союзниковъ [3]). Вслѣдъ затѣмъ съ 7-го января стали высаживаться и турки, но они

---

[1]) Рапортъ генерала Корфа барону Врангелю отъ 27-го ноября за № 374.

[2]) Всеподд. рапортъ флигель-адъютанта полковника Волкова отъ 31-го декабря 1854 г.

[3]) Всеподд. рапортъ кн. Меншикова отъ 31-го декабря.

были босы и въ такомъ печальномъ положеніи, что должны были получить обувь изъ французскихъ запасныхъ магазиновъ [1]). Съ такими войсками трудно было конечно предпринимать наступленіе, но настойчивость, съ которою иностранныя газеты твердили о необходимости высадки въ тылу князя Меншикова, должны были обратить на это наше вниманіе. Если въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ высадка эта была невозможна, то съ наступленіемъ весны союзники могли привести въ исполненіе свое намѣреніе, съ тѣмъ чтобы атаковать Сѣверную часть Севастополя, или дѣйствовать на наши пути сообщенія. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ защита этой стороны города была необходима, и императоръ настаивалъ, чтобы обезпеченіе ея отъ непріятельскихъ покушеній было немедленно приведено въ исполненіе.

Потребность въ укрѣпленіи сѣверной стороны давно сознавалась лучшими представителями обороны [2]) и самимъ княземъ Меншиковымъ, а потому еще въ концѣ декабря приступлено было къ возведенію нѣсколькихъ укрѣпленій.

Находившаяся на берегу моря Волохова башня съ одной стороны и бараки, расположенные на берегу бухты съ другой, были избраны крайними пунктами, между которыми предполагалось построить нѣсколько редутовъ, съ такимъ начертаніемъ, чтобы они могли обстрѣливать всѣ изгибы впереди лежащей мѣстности. Захватывать большое пространство подъ укрѣпленіе князь Меншиковъ признавалъ сначала неудобнымъ, такъ какъ для защиты его потребовалось бы слишкомъ много войскъ [3]). Съ этою цѣлью правѣе сѣвернаго укрѣпленія было устроено два редута, соединенныхъ между собою кремальерною линіею. Одинъ редутъ расположенъ на мысѣ Панаіотовой балки, а другой противъ устья Киленъ-балки, почти у самаго рейда, на утесѣ къ западу отъ Голландіи. На высотѣ же между Сѣвернымъ укрѣпленіемъ и Волоховою башнею, противъ входящей части берега, устроенъ былъ третій редутъ, имѣвшій цѣлью воспрепятствовать непріятелю прорваться между Сѣвернымъ укрѣпленіемъ и моремъ, по нижнему уступу морскаго берега.

Сначала на этихъ укрѣпленіяхъ было поставлено только 46 орудій,

---

[1]) Матеріалы для исторіи Крымской войны, вып. V, 212.

[2]) Приложеніе № 26-й.

[3]) Всеподд. донесеніе кн. Меншикова 27-го декабря 1854 г.

*

но впослѣдствіи, съ возвращеніемъ, 15-го января, изъ Петербурга въ Севастополь, Великихъ Князей оборона сѣверной стороны города получила бо̀льшее развитіе. Признано было необходимымъ прикрыть заднюю часть рейда, преградить непріятелю доступъ къ высотамъ сѣвернаго берега и наконецъ усилить огонь по непріятельскимъ работамъ на Киленъ-балочныхъ высотахъ. Для удовлетворенія первымъ двумъ цѣлямъ было заложено шесть редутовъ: № I-го, № II-го и № III-го между почтовою дорогою и Сухарною балкою [1]); № IV-го—на высотѣ къ западу отъ Сухарной балки, а № V-го и № VI-го—на высотахъ противъ Голла̀ндіи. Для усиленія же огня противъ непріятельскихъ работъ на Киленъ-балочныхъ высотахъ было построено пять береговыхъ литерныхъ батарей.

Работами по возведенію укрѣпленій сѣверной стороны завѣдывалъ Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ, а вооруженіемъ ихъ — Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ. При неутомимой дѣятельности ихъ высочествъ постройка укрѣпленій шла настолько успѣшно, что къ концу февраля они были уже вооружены 191-мъ орудіемъ.

Весьма важное значеніе, которое имѣла постройка укрѣпленій Сѣверной стороны въ общей системѣ обороны не только одного Севастополя, но и всего Крыма, и опасеніе, чтобы непріятель не предпринялъ высадки ранѣе того времени, когда укрѣпленія эти будутъ окончены, безпокоили Императора Николая. Интересуясь ходомъ работъ, онъ неоднократно поручалъ князю Меншикову поспѣшить ихъ окончаніемъ и указывалъ на необходимость принять и другія мѣры къ преграждѣнію непріятелю доступа къ этой части Севастополя, и въ особенности со стороны Евпаторіи.

„Что будетъ у Евпаторіи?—спрашивалъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ князя Меншикова [2]).—Газеты всѣ полны посылкой туда до 60.000 и будто къ 18-му (30-му) числу сего мѣсяца. Атаковать ихъ тамъ мнѣ кажется неудобно, ибо не обойдется безъ сильной потери, потому что пришлось бы штурмовать сильныя укрѣпленія, да и овладѣвъ ими мудрено будетъ тамъ удержаться подъ огнемъ морской артиллеріи. Потому вѣроятно

---

[1]) Эти три редута назначались исключительно для прикрытія построенныхъ у маяка трехъ литерныхъ батарей.

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 9-го января.

удобнѣе будетъ встрѣтить ихъ въ полѣ, ежели бъ осмѣлились выйти; тогда наша кавалерія и конная артиллерія весьма пригодились бы, ежели бъ необходимость не заставила ихъ удалить. Думаю, что полезно бъ было совершенно испортить подступы и спуски, ведущіе отъ Евпаторіи на Алму, Качу и Бельбекъ, чтобъ доступъ съ этой стороны къ сѣвернымъ укрѣпленіямъ затруднить сколько можно. Ежели укрѣпленія сѣверной стороны тщательно окончены, тогда ты безопасно можешь маневрировать и встрѣтить идущаго непріятеля, гдѣ удобнѣе, угрожая его лѣвому флангу и не опасаясь за тылъ твой, обезпеченный 8-ю дивизіей, съ которой даже ты могъ бы соединиться, для рѣшительнаго удара. Многое зависѣть будетъ отъ времени, когда непріятель можетъ рѣшиться на подобное предпріятіе. Кажется мнѣ, что ранѣе конца февраля оно врядъ-ли возможно.

„Письмо было уже написано, какъ получилъ прилагаемую записку извѣстнаго бельгійскаго военнаго сочинителя фонъ-деръ-Вельдта. Въ ней столько замѣчательнаго, что я посылаю ее къ тебѣ; мысли его заслуживаютъ вниманія; обдумай хорошо и рѣшись сообразя съ мѣстными свѣдѣніями. Ежели овладѣть Евпаторіей можно, то сомнѣнія нѣтъ, что оно бы весьма было полезно, но вопросъ въ томъ, можно ли и тогда будетъ удержаться тамъ, или придется все повторять подобныя атаки, что врядъ-ли можетъ быть удачно“.

Фонъ-деръ-Вельдтъ говорилъ, что посылка турецкихъ войскъ въ Крымъ и высадка Омера-паши въ Евпаторіи ясно указываютъ на намѣренія союзниковъ перейти въ наступленіе и укрѣпить на берегу какой-либо пунктъ, который могъ бы служить имъ бизисомъ будущихъ дѣйствій. Такимъ пунктомъ была Евпаторія, какъ мѣстность, весьма удобная для устройства, подъ прикрытіемъ флота, весьма сильно укрѣпленнаго лагеря, не требующаго много работы. Очевидно было, что если князь Меншиковъ дозволитъ союзникамъ устроить такой лагерь, то ему точно также трудно будетъ выбить оттуда непріятеля, какъ союзникамъ трудно овладѣть Севастополемъ. Слѣдовательно, русскому главнокомандующему необходимо было воспользоваться малочисленностію гарнизона въ Евпаторіи и принять всѣ мѣры къ тому, чтобы не дозволить непріятелю осуществить свои намѣренія.

„Если бъ я былъ русскимъ генераломъ, — говорилъ фонъ-деръ-

Вельдтъ [1]),—я, не задумываясь ни минуты, направилъ бы 30.000 человѣкъ на Евпаторію и взялъ бы ее при помощи одной только полевой артиллеріи. Подойдя къ этому мѣсту, пока устроивались бы штурмовыя колонны, я бы направилъ сто орудій для бомбардированія этого пункта. Шесть тысячъ снарядовъ, выпущенныхъ на это небольшое пространство въ теченіе какихъ-нибудь 25 минутъ, очистили бы городъ, а колонны взяли бы его безъ большихъ затрудненій и потери въ людяхъ. Сдѣлавши это, я бы постоянно наблюдалъ за этимъ пунктомъ Крыма, какъ самымъ удобнымъ, въ стратегическомъ отношеніи, для высадки въ большихъ силахъ".

Таковы были взгляды бельгійскаго военнаго писателя, но мы сейчасъ увидимъ, насколько они оказывались неисполнимыми и непримѣнимыми къ дѣлу.

XXVII.

Сосредоточеніе войскъ у Евпаторіи. — Рекогносцировка барона Врангеля и его мнѣніе о невозможности штурма.—Генералъ Хрулевъ предлагаетъ свои услуги съ ручательствомъ, что возьметъ Евпаторію.—Составъ штурмующаго отряда.— Штурмъ Евпаторіи.

Раздѣляя вполнѣ мнѣніе относительно способа нападенія на Евпаторію и пользы, отъ того произойти могущей, князь Меншиковъ считалъ необходимымъ усилить блокадный кавалерійскій отрядъ всею 8-ю пѣхотною дивизіею, полкомъ или даже бригадою изъ дѣйствующихъ войскъ и наконецъ сосредоточить у Евпаторіи такое число артиллеріи, чтобы можно было открыть огонь по городу, одновременно изъ 90 или 100 орудій [2]).

Полагая возложить исполненіе этого предпріятія на начальника блокаднаго Евпаторійскаго отряда, главнокомандующій поручилъ генералъ-лейтенанту барону Врангелю и его начальнику штаба, подполковнику Батезатулу, составить проектъ атаки Евпаторіи. Представляя проектъ

[1]) См. Приложеніе № 27-й.

[2]) Всепод. донесеніе кн. Меншикова отъ 23-го января.

составители высказались против задуманнаго предпріятія, и тогда князь Меншиковъ, желая получить болѣе точныя свѣдѣнія о состояніи тамошнихъ дѣлъ, вытребовалъ къ себѣ въ Севастополь какъ генерала барона Врангеля, такъ и подполковника Батезатула. На послѣдовавшемъ вслѣдъ за тѣмъ совѣщаніи, прибывшіе подробно изложили всѣ причины, препятствовавшія успѣху съ тѣмъ числомъ войскъ, которое предполагалось употребить для этой цѣли. Главнокомандующій не призналъ эти доводы достаточно сильными для того, чтобы отложить задуманное предпріятіе, и приказалъ барону Врангелю вновь сдѣлать лично рекогносцировку города и затѣмъ представить свое мнѣніе. Съ намѣреніемъ возбудить въ генералѣ баронѣ Врангелѣ большую рѣшимость, князь Меншиковъ отправилъ въ Евпаторійскій отрядъ генерала Хрулева [1]).

„Дабы придать Врангелю всю полную энергію,—писалъ въ то же время свѣтлѣйшій флигель-адъютанту полковнику Волкову [2]),—которая нужна для исполненія нашего предпріятія, я рѣшился придать ему генерала Хрулева, къ которому онъ имѣетъ большое довѣріе, и назначить сего послѣдняго начальникомъ артиллеріи и штаба всѣхъ войскъ, которыя участвовать должны въ Евпаторійской экспедиціи.

„Тутъ нужна настойчивость, а для приведенія ея въ дѣйствіе и вѣсъ чина. Соединитесь съ Хрулевымъ, имѣющимъ чинъ, съ вашимъ вліяніемъ флигель-адъютанта, для достиженія цѣли, назначенной государемъ“.

Считая вопросъ о нападеніи на Евпаторію дѣломъ въ основаніи уже рѣшеннымъ, князь Меншиковъ, не ожидая результата новой рекогносцировки барона Врангеля, сдѣлалъ всѣ распоряженія о сосредоточеніи войскъ, назначенныхъ въ составъ штурмующаго отряда.

Съ этою цѣлью изъ Перекопа и его окрестностей была двинута,—за исключеніемъ одного батальона Алексопольскаго егерскаго полка [3])—вся 8-я пѣхотная дивизія, съ ея артиллеріею, батальономъ греческихъ волонтеровъ и легкою № 4-го батареею 11-й артиллерійской бригады, а изъ селенія Бакшай—пятый и шестой резервные батальоны Подольскаго егерскаго полка, легкія № 3-го и № 4-го батареи 14-й артиллерійской бри-

---

[1]) Предписаніе кн. Меншикова генералу Врангелю отъ 24-го января № 4.

[2]) Въ письмѣ отъ 24-го января 1855 г.

[3]) Батальонъ этотъ съ четырьмя орудіями былъ оставленъ для защиты города. Письмо Семякина кн. Горчакову 30-го января.

гады, четыре батарейныхъ орудія № 3-го батареи 11-ой и № 4-го батареи 12-й артиллерійскихъ бригадъ, летучій паркъ, составленный изъ зарядныхъ ящиковъ, часть парка № 12-го, паркъ, составленный изъ пустыхъ палаточныхъ телѣгъ, для отвоза больныхъ и раненыхъ, хирургическое отдѣленіе и медики. Независимо отъ этого и въ тотъ же день было предписано генералу Липранди отправить, скрытнымъ образомъ, съ Инкерманскихъ высотъ одинъ изъ полковъ 12-ой пѣхотной дивизіи, которому и приказать, черезъ Бахчисарай, слѣдовать также въ составъ Евпаторійскаго отряда [1]).

Назначивъ для этой цѣли Азовскій пѣхотный полкъ, Липранди распорядился, чтобы землянки его были заняты батальономъ Днѣпровскаго полка, который и былъ расположенъ въ ротныхъ колоннахъ, дабы непріятель не могъ замѣтить днемъ выступленія полка, а ночью уменьшенія числа огней [2]).

Всѣмъ войскамъ, назначеннымъ въ составъ Евпаторійскаго отряда, велѣно взять съ собою продовольствія на 12 дней и къ первому числу февраля приказано интендантству учредить, въ селеніи Трехъ-Абламахъ, временный провіантскій магазинъ для 16.000 человѣкъ на четыре дня [3]).

Обо всѣхъ этихъ распоряженіяхъ, не ожидая послѣдствій, князь Меншиковъ донесъ Императору. „Буду ждать,—отвѣчалъ Государь [4]),—состоится ли атака на Евпаторію; кажется, если и овладѣть ею, то удержаться въ ней не легко будетъ подъ морскимъ огнемъ“.

Между тѣмъ возвратившись въ штабъ-квартиру, въ селеніе Кроненталь, баронъ Врангель тотчасъ же уѣхалъ вмѣстѣ съ подполковникомъ Батезатуломъ подъ Евпаторію. На другой день проѣхалъ туда же черезъ штабъ отряда и генералъ-лейтенантъ Хрулевъ съ флигель-адъютантомъ полковникомъ Волковымъ.

Утромъ 27-го января въ Севастополѣ было замѣчено, что четыре большіе англійскіе парохода съ значительнымъ числомъ дессантныхъ войскъ отправились отъ Херсонесскаго мыса къ Евпаторіи. На одномъ

---

[1]) Предписаніе кн. Меншикова Липранди отъ 24-го января.

[2]) Рапортъ Липранди 24-го января № 26.

[3]) Предписаніе кн. Меншикова полковнику Вуншу отъ 23-го января.

[4]) Князю Меншикову въ собственноручномъ письмѣ отъ 31-го января 1855 г.

изъ пароходовъ былъ турецкій флагъ на гротъ-мачтѣ, и, судя по салюту, должно было предполагать, какъ это и было въ дѣйствительности, что на пароходѣ былъ Омеръ-паша. Возлѣ Херсонеса замѣтно было большое движеніе судовъ, повидимому готовившихся для новой перевозки войскъ. Не желая терять напрасно время и опасаясь, чтобы Евпаторія не была значительно усилена войсками, князь Меншиковъ спѣшилъ атакою и предписалъ генералу Врангелю перейти въ наступленіе тотчасъ же по сосредоточеніи войскъ.

„Сосредоточеніе—писалъ главнокомандующій [1]),—можетъ быть начато 29-го января, и коль скоро вы будете готовы, то, не ожидая отъ меня дальнѣйшаго распоряженія, имѣете приступить къ нападенію на Евпаторію, при чемъ сильная канонада должна предшествовать движенію штурмовыхъ колоннъ и открыть имъ путь въ городъ.

„По изгнаніи непріятеля изъ этого города, удерживать его отдѣльными частями войскъ, прикрывая ихъ ложементами и строеніями отъ выстрѣловъ съ моря. Остальную же пѣхоту отвести внѣ выстрѣловъ, но чтобы только могла удерживать свой авангардъ въ городѣ“.

Распоряженіе это было получено въ штабѣ Евпаторійскаго отряда 28-го января, въ то самое время, когда баронъ Врангель только-что возвратился въ селеніе Кроненталь, послѣ вторичной рекогносцировки. Ненастье и дурныя дороги задержали его въ пути гораздо долѣе, чѣмъ онъ предполагалъ. Отъ бывшихъ двухъ-трехъ теплыхъ дней почва такъ распустилась, что колеса рѣшительно не вертѣлись и послѣ нѣсколькихъ оборотовъ приходилось останавливаться, чтобы очистить грязь, приставшую къ колесамъ. Несмотря на то, что баронъ Врангель ѣхалъ въ легкой тележкѣ, запряженной двумя парами воловъ, онъ среднимъ числомъ дѣлалъ въ часъ не болѣе одной версты и пространство въ 60 верстъ едва успѣлъ проѣхать въ двое сутокъ [2]).

На возвратномъ пути онъ заѣхалъ въ селеніе Сакъ и оттуда отправилъ 27-го января съ нарочнымъ офицеромъ свое донесеніе князю Меншикову. Видя, что успѣхъ атаки болѣе чѣмъ сомнителенъ, Врангель, какъ

---

[1]) Отъ 27-го января за № 11-мъ.

[2]) Записки о дѣйствіяхъ Евпаторійскаго отряда поручика Голенковскаго. «Рус. Инвалидъ» 1858 г. № 137.

опытный и боевой генералъ, не находилъ возможнымъ привести въ исполненіе задуманное предпріятіе.

Въ послѣднее время на Евпаторійскомъ рейдѣ замѣчено было большое движеніе, и тамъ постоянно находилось до 15 кораблей и пароходовъ. Въ самомъ городѣ сосредоточены были значительныя силы; по мнѣнію полковника Волкова и подполковника Батезатула, не менѣе какъ 15.000 человѣкъ [1]). На самомъ же дѣлѣ гарнизонъ состоялъ изъ 1.000 человѣкъ вооруженныхъ татаръ, 270 человѣкъ англо-французовъ и 21.200 человѣкъ турокъ съ двумя полевыми батареями подъ начальствомъ Омера-паши [2]).

Вся мѣстность впереди города находилась подъ перекрестнымъ огнемъ кораблей, пароходовъ и батарей, устроенныхъ въ разныхъ мѣстахъ и при выходахъ [3]). Евпаторія была окружена земляною насыпью и рвомъ отъ 2-хъ до 3-хъ саженъ глубины и ширины. Въ четырехъ мѣстахъ насыпь была возвышена, и устроены батареи. На правомъ флангѣ виденъ былъ большой редутъ, а на лѣвомъ, начиная отъ края города до самаго моря, между казармою и карантиномъ, строилась длинная линія укрѣпленій; карантинъ былъ укрѣпленъ и окопанъ рвомъ.

По слухамъ, во многихъ мѣстахъ, впереди укрѣпленій были заложены мины, и предполагалось приступить къ устройству волчьихъ ямъ [4]).

Имѣя въ виду, что атакующія войска должны наступать подъ перекрестнымъ огнемъ батарей и пароходовъ, баронъ Врангель не находилъ возможнымъ штурмовать городъ, защищаемый если не бо̀льшимъ, то равнымъ числомъ съ тѣми войсками, которыя мы могли собрать для этой цѣли. Большое число батарей, назначенныхъ въ составъ штурмующаго отряда, для обстрѣливанія города, не много помогало дѣлу, такъ какъ полевая артиллерія ни въ какомъ случаѣ не могла успѣшно бороться съ

---

[1]) Рапортъ подполковника Батезатула отъ 20-го января 1855 г. Всеподд. рапортъ флигель-адъютанта полковника Волкова отъ 21 января № 10.

[2]) Войска эти составляли 33 батальона пѣхоты численностію въ 21.000 человѣкъ и принадлежали къ турецкимъ дивизіямъ Мегмедъ-паши и Ибраимъ-паши и египетской дивизіи Селимъ-паши. Кавалерія турокъ состояла изъ 2-хъ эскадроновъ въ 200 человѣкъ подъ командою Искендеръ-бея.

[3]) См. планъ атаки Евпаторіи.

[4]) Рапортъ генерала Врангеля кн. Меншикову отъ 27-го января № 72.

орудіями флота, съ крѣпостными и осадными пушками, которыя, кромѣ превосходства въ калибрѣ, имѣли еще и то преимущество, что были скрыты за насыпями и укрѣпленіями. Разрушить насыпи полевая артиллерія была не въ состояніи, а зажечь въ городѣ было нечего, и потому дѣйствіе нашей артиллеріи могло только заставить прикрытіе батарей на время отодвинуться нѣсколько назадъ.

Послѣ штурма передовыхъ укрѣпленій и перехода черезъ ровъ, атакующіе должны были преодолѣть каменную ограду, взять баррикады, которыми преграждены были улицы, выбивать непріятеля изъ каменныхъ домовъ и приводить въ порядокъ войска въ кривыхъ и тѣсныхъ улицахъ города.

Въ случаѣ успѣха и овладѣнія Евпаторіею, мы все-таки не могли оставаться въ городѣ: подвергаясь непрерывному огню съ флота, войска не продержались бы тамъ и однѣхъ сутокъ, ибо принуждены бы были оставаться безъ воды, безъ топлива и съ весьма ограниченнымъ запасомъ продовольствія. Во всемъ Евпаторійскомъ уѣздѣ стояла такая грязь, что подвозъ продовольствія и боевыхъ припасовъ былъ почти невозможенъ и подводы съ трудомъ могли дѣлать отъ 5-ти до 10-ти верстъ въ день. Въ окрестностяхъ Евпаторіи движеніе пѣхоты и артиллеріи было, по словамъ Врангеля, до такой степени трудно, „что пѣхотный солдатъ, пройдя версту, будетъ насилу волочить ноги, а артиллерійскихъ лошадей, при боевыхъ движеніяхъ, можно совершенно уничтожить; о скорыхъ же движеніяхъ и думать нельзя, ибо послѣ нѣсколькихъ шаговъ колеса не вертятся“.

Въ случаѣ неудачи и огромной потери, отступленіе становилось весьма затруднительнымъ, и ободренный непріятель могъ, выйдя изъ Евпаторіи въ значительныхъ силахъ, двинуться на наши сообщенія, безъ опасенія встрѣтить свѣжія войска.

Всѣ эти обстоятельства заставили генерала барона Врангеля заявить, что онъ не можетъ отвѣчать за послѣдствія предпріятія, не обѣщающаго никакого успѣха. „Начинать это важное дѣло,—доносилъ онъ [1]),—я не могу рѣшаться безъ вѣрной надежды на успѣхъ. А потому, если вашей

---

[1]) Въ рапортѣ отъ 27-го января за № 72.

свѣтлости угодно будетъ мнѣ формально предписать, я предприму нападеніе и употреблю всѣ усилія, чтобы достигнуть цѣли“.

До десяти часовъ утра 29-го января баронъ Врангель оставался въ ожиданіи, прикажетъ ли главнокомандующій атаковать Евпаторію, или отмѣнитъ свое намѣреніе. Не получивъ отвѣта и имѣя предписаніе, отъ 27-го января, перейти немедленно въ наступленіе, онъ приказалъ кавалерійскимъ полкамъ слѣдовать къ Евпаторіи и самъ, вмѣстѣ съ подполковникомъ Батезатуломъ, отправился ближе къ городу въ селеніе Оразъ, гдѣ помѣщался штабъ уланской дивизіи. Чтобы скрыть дѣйствительную цѣль движенія войскъ, было объявлено, что усилившійся въ Евпаторіи непріятель намѣренъ сдѣлать нападеніе, и потому признается необходимымъ стянуть наши войска къ главнымъ пунктамъ.

На другой день, 30-го января, возвратился въ селеніе Оразъ тотъ офицеръ, который былъ посланъ въ Севастополь съ донесеніемъ барона Врангеля о результатахъ рекогносцировки и привезъ отвѣтъ князя Меншикова, отмѣнявшаго атаку Евпаторіи.

„Какъ ваше превосходительство,—писалъ главнокомандующій [1])—не находите возможнымъ произвесть предположенную атаку на г. Евпаторію, а изъ отзыва моего [2]) вамъ извѣстно, что силы непріятеля тамъ увеличиваются и быть можетъ, что прибудутъ еще, то прошу принять хотя мѣры, дабы непріятель не могъ выйти изъ Евпаторіи и напасть на наше сообщеніе по направленіямъ, о которыхъ уже неоднократно было писано“.

Затѣмъ князь Меншиковъ указалъ на лучшія, по его мнѣнію, мѣста для расположенія войскъ и приказалъ нѣкоторыя части возвратить: въ Севастополь, Перекопъ, Бакшай и проч.

Не прошло двухъ часовъ послѣ полученія этого распоряженія, какъ часу въ одиннадцатомъ утра прискакалъ новый посланный изъ Севастополя, съ увѣдомленіемъ, что атака Евпаторіи должна состояться и что исполненіе этого предпріятія главнокомандующій возлагаетъ на генералъ-лейтенанта Хрулева.

Хрулевъ давно искалъ случая командовать отдѣльнымъ самостоя-

[1]) Отъ 28-го января за № 12.
[2]) Отъ 27-го января за № 11.

тельнымъ отрядомъ и показать себя человѣкомъ, обладающимъ способностями полководца. Желаніе заслужить себѣ характеристику генерала съ высшими военными дарованіями заставляло его мѣшаться не въ свои дѣла и имѣть нѣсколько столкновеній съ различными лицами. На Дунаѣ онъ также пытался, но вполнѣ неудачно, проявить самостоятельность и показать свои силы [1]), но князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ скоро понялъ Хрулева и опредѣлилъ истинныя его способности. Въ Хрулевѣ онъ видѣлъ человѣка, не обладающаго военными способностями, но безусловно храбраго, готоваго идти куда угодно и какъ угодно, человѣка, заботящагося о солдатѣ, умѣющаго польстить его самолюбію и потому любимаго войсками. Въ рукахъ опытнаго генерала, Хрулевъ былъ неоцѣненный человѣкъ и въ особенности тамъ, гдѣ нужно было идти на проломъ, сломить что-нибудь, или рискнуть на отчаянное предпріятіе, но никакихъ военныхъ дарованій у Хрулева князь Горчаковъ не видѣлъ и даже не считалъ его особенно умнымъ человѣкомъ.

Не отнимая отъ Степана Александровича всѣхъ его блестящихъ качествъ, мы погрѣшимъ противъ истины, если не согласимся съ мнѣніемъ князя Михаила Дмитріевича. Только въ будущемъ исторія скажетъ свое послѣднее слово о Хрулевѣ, и тогда она увидитъ, что интрига была ему не чужда [2]).

Получивъ предписаніе князя Меншикова отправиться въ распоряженіе генерала Врангеля, для занятія должности начальника штаба, Хрулевъ поскакалъ сначала въ селеніе Кроненталь, а потомъ къ Евпаторіи, гдѣ вполнѣ согласился съ мнѣніемъ Врангеля относительно невозможности штурмовать городъ [3]). Отказъ барона Врангеля, безъ формальнаго приказанія главнокомандующаго, быть руководителемъ предстоящей атаки былъ для Хрулева прекраснымъ случаемъ предложить князю Меншикову свои услуги. Онъ готовъ былъ обѣщать многое, лишь бы только добиться исполненія своихъ задушевныхъ

---

[1]) О неудачной дѣятельности Хрулева см. Записки очевидца восточной войны Н. Ушакова, «Девятнадцатый Вѣкъ», изданіе Бартенева. Москва 1872 г., кн. II, стр. 112.

[2]) См. приложеніе № 28-й.

[3]) Записки о дѣйствіяхъ Евпаторійскаго отряда Голенковскаго «Русск. Инвалидъ» 1858 г. № 138.

желаній. Въ тотъ же самый день, когда Врангель отправилъ донесеніе о результатахъ рекогносцировки, Хрулевъ отправилъ и свое, ничего не сказавши впрочемъ объ этомъ своему начальнику.

„До моего пріѣзда,—писалъ онъ князю Меншикову [1]),—генералъ Врангель осмотрѣлъ позицію и призналъ взять Евпаторію невозможнымъ.

„Я сего числа, при рекогносцировкѣ, убѣдился, что г. Евпаторію взять возможно и *ручаюсь за совершенный успѣхъ*, и почтительнѣйше прошу о слѣдующемъ: 1) кратковременное командованіе отрядомъ для взятія Евпаторіи поручить *мнѣ*, 2) разрѣшить назначить избранныхъ мною помощниковъ: начальникомъ штаба флигель-адъютанта полковника Волкова; начальникомъ артиллеріи полковника Шейдемана; генералъ-маіора Огарева назначить командовать бригадою пѣхоты по моему усмотрѣнію".

Посланный съ этимъ донесеніемъ увѣрилъ князя Меншикова, что Хрулевъ былъ въ столь близкомъ разстояніи отъ Евпаторіи, что могъ разговаривать съ находившимися тамъ татарами [2]). Главнокомандующій вполнѣ повѣрилъ этому заявленію и тѣмъ болѣе, что въ то же самое время получилъ письмо флигель-адъютанта полковника Волкова, подтверждавшаго мнѣніе Хрулева.

„Сего числа,—писалъ Волковъ [3]),—генералъ-лейтенантъ Хрулевъ дѣлалъ рекогносцировку съ казаками и достаточно разсмотрѣлъ укрѣпленіе города, подъѣхавъ на 450 саж. Турки открыли по насъ огонь изъ орудій ядрами калибра: 6, 12 и 24 фун. и конгревовыми ракетами, но выстрѣлы никакого вреда никому не нанесли; всѣ они перелетѣли черезъ наши головы. Укрѣпленія около города въ настоящее время производятся на всемъ пространствѣ и находятся еще въ такомъ неоконченномъ положеніи, что во многихъ мѣстахъ еще видны подошвы домовъ; самыя же укрѣпленія въ мѣстахъ оконченныхъ принимаютъ видъ крѣпостныхъ верковъ; глубины и ширины рва усмотрѣть было нельзя, валъ же значительно высокъ, но наружная крутость еще не додѣлана, такъ

[1]) Въ письмѣ отъ 27-го января.

[2]) Всепод. донесеніе кн. Меншикова отъ 31-го января.

[3]) Князю Меншикову въ письмѣ отъ 27-го января.

что люди по ней ходятъ свободно и, когда мы заняли мѣста, занимаемыя обыкновенно турецкими аванпостами, татары начали съ нами говорить по-русски, спрашивая „зачѣмъ вы сюда пріѣхали?“.

„Генералъ Хрулевъ поручилъ мнѣ просить ваше сіятельство о слѣдующемъ:

1-е) Сверхъ обѣщанныхъ 24-хъ батальоновъ одинъ драгунскій полкъ съ $2^1/_2$ конными батареями [1]), бригаду уланскую съ двумя конными батареями и казачьи сотни, стоящія на аванпостахъ.

2-е) Разрѣшить давать отряду водки два раза въ день.

3-е) Какъ необходимо имѣть людей, знающихъ городъ, дабы они могли служить проводниками пѣхотѣ, назначить таковыхъ изъ казачьяго Тацина полка, квартировавшихъ въ городѣ Евпаторіи, человѣкъ до 50, удалыхъ при офицерѣ.

4-е) Просить выслать на мое имя экстраординарную сумму, для покупки досокъ на лѣстницы, которыя можно купить въ имѣніи Бенардаки, равно какъ и на другія потребности.

5-е) Назначить въ отрядъ дивизіоннаго квартирмистра уланской дивизіи капитана Цитовича, знающаго мѣстность около Евпаторіи.

„Вмѣстѣ съ симъ долгомъ считаю довести до вашего сіятельства, *что г. Хрулевъ убѣжденъ въ полномъ успѣхѣ сего дѣла,* если ему поручатъ командованіе сего отряда, *и никакъ не предполагаетъ имѣть большую потерю.* Что же касается до сохраненія здоровья солдата, то будьте вполнѣ увѣрены, что это будетъ главнѣйшая моя забота. Завтра и послѣ завтра г. Хрулевъ намѣренъ дѣлать рекогносцировки, которыя необходимы для успѣха“.

Не сомнѣваясь въ томъ, что предложеніе его будетъ принято, Хрулевъ поручилъ полковнику Волкову представить главнокомандующему списокъ деревень, въ которыхъ, по его мнѣнію, могла быть расположена пѣхота [2]). Одинъ только этотъ списокъ могъ бы указать свѣтлѣйшему, что Хрулевъ мало знакомъ съ распорядительною частью; что рвеніе его весьма похвально, но способъ исполненія не заслуживаетъ вниманія; что составлено предложеніе на скорую руку, не имѣетъ подъ собою

---

[1]) А два драгунскихъ полка съ 4-мя орудіями собрать при дер. Сакъ.

[2]) См. приложеніе № 29-й.

ничего прочнаго и основательнаго, и что, наконецъ, въ указанныхъ деревняхъ нельзя размѣстить такого числа войскъ. Въ главномъ штабѣ Крымской арміи должны были знать, что всѣ деревни разорены и въ нихъ нѣтъ жителей, что если бы можно было покупать продукты на мѣстѣ, то стоявшая вблизи деревень кавалерія не терпѣла бы нужды, и что, наконецъ, расположенныя въ этихъ пунктахъ войска должны остаться безъ квартиръ, терпѣть недостатокъ въ водѣ и топливѣ. При тогдашней распутицѣ и прекращеніи подвозовъ, всякое промедленіе въ сборѣ и приготовленіяхъ было тяжко для войскъ, легко могущихъ остаться вовсе безъ продовольствія.

Положимъ, что всѣ эти обстоятельства могли ускользнуть отъ вниманія главнокомандующаго, но какъ же онъ, получивши въ одинъ и тотъ же день два донесенія равносильныхъ [1]), но разнорѣчивыхъ, отдалъ предпочтеніе мнѣнію Хрулева и не далъ себѣ труда провѣрить, кто правъ: Врангель или Хрулевъ?

Болѣзненное состояніе, въ которомъ находился тогда главнокомандующій, не можетъ служить ему оправданіемъ. Если онъ не могъ провѣрить самъ, или не имѣлъ возлѣ себя лицъ, на которыхъ могъ бы положиться, то имѣлъ начальника штаба,—лицо, отвѣтственное и облеченное его довѣріемъ. Князь Меншиковъ, послѣ высадки союзниковъ, ни разу самъ не былъ въ Евпаторіи и, основывая свое мнѣніе объ укрѣпленіи города на показаніяхъ выбѣжавшихъ татаръ, не вѣрилъ, чтобы укрѣпленія эти были непреодолимы. При первомъ совѣщаніи съ генераломъ Врангелемъ, онъ не раздѣлялъ приведенныхъ доводовъ, поручилъ сдѣлать снова рекогносцировку и когда получилъ вторичное донесеніе, все-таки остался при первоначальномъ убѣжденіи. За Хрулева онъ ухватился какъ за человѣка, бравшаго на себя всю отвѣтственность въ случаѣ неудачи и дававшаго слишкомъ много въ случаѣ успѣха.

Удовлетворивъ всѣмъ требованіямъ Хрулева относительно назначенія лицъ и войскъ въ составъ Евпаторійскаго отряда и отправивъ въ его распоряженіе тысячу рублей на экстренные расходы, князь Меншиковъ поручилъ Хрулеву овладѣть начатыми укрѣпленіями и разрушить

---

[1]) Равносильныхъ потому, что съ одной стороны было выражено мнѣніе генерала Врангеля и подполковника Батезатула, а съ другой генерала Хрулева и полковника Волкова.

ихъ, уничтожить запасы, сжечь что возможно и за тѣмъ вывести войска изъ-подъ выстрѣловъ флота, оставивъ въ городѣ, подъ прикрытіемъ заваловъ, небольшія части, дабы не допустить непріятеля снова сдѣлать высадку и занять городъ.

Для исполненія такихъ предначертаній главнокомандующаго, были назначены слѣдующіе полки и батареи:

Пѣхота.

НАИМЕНОВАНІЕ ЧАСТЕЙ.	Число батал.	Офицеровъ.	Ун.-офиц.	Музыкан.	Рядовыхъ.	Нестроев.	Итого.	МѢСТО РАСПОЛОЖЕНІЯ.
3-го пѣхотнаго корпуса 8-й пѣхотной дивизіи.								
Графа-Дибича-Забалканскаго пѣхотн. полкъ.	4	64	290	122	2511	29	3016	Сел. Картъ-Бій.
Полтавскій пѣх. полкъ	4	55	273	133	2502	28	2991	Сел. Айсабай.
Алексопольскій егерск. п.	3	47	189	108	1468	32	1844	— Гаджи-Тарханъ.
Кременчугскій егерск. п.	4	58	311	138	2539	112	3158	— Джейлавъ и Богай.
4-го пѣхотнаго корпуса.								
Азовскій пѣхотн. полкъ	4	81	366	141	2791	25	3404	Сел. Тюпъ-Мамай.
5-го пѣхотнаго корпуса.								
5-й и 6-й резервные батальоны								

Наименованіе частей.	Число батал.	Офицеровъ.	Ун.-офиц.	Музыкан.	Рядовыхъ.	Нестроев.	Итого.	Мѣсто расположенія.
Подольскаго егерскаго полка.	2	16	109	34	1396	—	1555	Сел. Орта-Мамай.
Батальонъ греческихъ волонтеровъ.	1	6	—	—	634	—	640	Прибыли въ Оразъ наканунѣ штурма.
Итого. . .	22	327	1538	676	13841	226	16608	

Кавалерія.

Наименованіе частей.	Число эскадроновъ.	Офицеровъ.	Ун.-офиц.	Музыкан.	Рядовыхъ.	Итого.	Мѣсто расположенія.
Резервной Уланской дивизіи.							
Уланскій Эрцъ-Герцога Австрійскаго Леопольда полкъ .	8	51	156	24	984	1215	Сел. Кабачъ.
Ново-Архангельскій уланскій полкъ . .	6	47	163	26	1044	1280	— Курулу-Кенегезъ.
1-й Драгунской дивизіи.							
Наслѣдника Цесаревича полка . . .	10	43	115	39	721	918	Сел. Тюмень.
Донскаго казачьяго № 61-го полка . .	Сот. 4	16	24	—	247	287	Напостахъ[1]).
Донскаго казачьяго № 55-го полка . .	1	2	2	—	52	56	Напостахъ[1]).
Итого	24 5 с.	159	460	89	3048	3756[2])	

[1]) Строевой рапортъ 5-го февраля 1855 г.

[2]) Дислокація войскъ Евпаторійскаго отряда.

Артиллерія.

Наименованіе частей.	Число орудій.	Мѣсто расположенія.
Пѣшія батареи.		
8-й артиллерійской бригады.		
Батарейная № 3-го батарея.	12	Джейлавъ.
Легкая № 3-го „	12	Айсабай.
„ № 4-го „	12	Айсабай.
„ № 5-го „	12	Джейлавъ.
11-й артиллерійской бригады.		
Легкая № 4-го батарея.	8	Оразъ.
14-й артиллерійской бригады.		
Легкая № 3-го батарея.	8	Орта-Мамай.
„ № 4-го „	8	Орта-Мамай.
Четыре батарейныя орудія 11-й и 12-й артиллерійскихъ бригадъ.	4	Орта-Мамай.
Итого.	76	
Конныя батареи.		
Легкая № 19-го батарея	8	Ташке.
„ № 20-го „	8	Алчинъ.
„ № 23-го „	8	Ташке.
Батарейная № 21-го батарея	8	Айсабай.
Итого.	32	
Всего.	108	

Передавая эти войска въ распоряженіе Хрулева, главнокомандующій писалъ генералу Врангелю [1]: „генералъ-лейтенантъ Хрулевъ, 27-го числа, дѣлалъ рекогносцировку Евпаторіи, былъ въ 450 саженяхъ отъ строющихся укрѣпленій, и, по тщательномъ обзорѣ, находитъ въ настоящее время возможнымъ взять этотъ городъ и даже съ небольшою потерею.

[1]) Въ предписаніи отъ 28-го января № 13.

*

„Какъ уничтоженіе въ началѣ строющихся укрѣпленій и разрушеніе могущаго впослѣдствіи быть крѣпкаго пункта есть дѣло весьма важное, то я поручаю генералу Хрулеву эту экспедицію и прошу ваше превосходительство, пріостановя обратное движеніе частей войскъ, передать пѣхоту въ вѣдѣніе генералъ-лейтенанта Хрулева, на котораго и возлагаю взятіе и разрушеніе Евпаторіи“.

Въ заключеніе главнокомандующій приказывалъ прикомандировать къ пѣхотѣ тѣ полки кавалеріи, которые назначены имъ въ составъ отряда, и расположить ихъ по указанію Хрулева.

Такое распоряженіе князя Меншикова видимо огорчило генерала Врангеля.

— Препятствія къ успѣху,—говорилъ онъ,—одинаковы для всѣхъ и я убѣжденъ, что генералу Хрулеву придется выжидать благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ, а между тѣмъ собранныя здѣсь войска страдаютъ и разстраиваются.

„Исполненіе сего (штурма),—писалъ онъ въ то же время князю Меншикову [1]),—въ рапортѣ моемъ отъ 27-го января, я не находилъ невозможнымъ, но святою обязанностію счелъ представить на благоусмотрѣніе вашей свѣтлости всѣ трудности этого важнаго дѣла и за тѣмъ ожидалъ вашего предписанія, котораго тогда еще не получалъ“.

Не зная причинъ, побуждавшихъ главнокомандующаго спѣшить атакою Евпаторіи, баронъ Врангель не понималъ цѣли этого предпріятія и находилъ его совершенно безполезнымъ. При атакѣ Евпаторіи могли быть три послѣдствія и одинаково для насъ невыгодныя: 1) мы могли овладѣть Евпаторіею, но не иначе, какъ съ большимъ урономъ, и затѣмъ остаться въ ней все-таки не могли; непріятельскій флотъ въ нѣсколько часовъ смелъ бы городъ съ лица земли; 2) мы могли быть отбиты и понести огромную потерю, и наконецъ, 3) мы должны были разсчитывать, что, въ случаѣ неудачи, непріятель преслѣдуя отступающихъ, станетъ на нашихъ путяхъ сообщенія, а между тѣмъ сообщенія наши съ Перекопомъ, по мнѣнію Врангеля, могли быть обезпечены и безъ потери войскъ. „Расположивъ—писалъ онъ,—8-ю пѣхотную дивизію на квартирахъ съ удобствомъ и центрально между резервною (улан-

[1]) Въ рапортѣ кн. Меншикову отъ 1-го февраля за № 11.

скою) и драгунскою дивизіями и имѣя въ своемъ распоряженіи совершенно цѣлую дивизію пѣхоты, съ двумя дивизіями кавалеріи, я могъ бы ручаться, что сообщенія наши будутъ въ безопасности, а при выходѣ изъ Евпаторіи турецкаго корпуса хотя бы 50.000, можно имѣть надежду, что встрѣча этихъ войскъ съ непріятелемъ въ полѣ будетъ для насъ съ честью и славою".

Исполнивъ приказаніе главнокомандующаго относительно передачи въ распоряженіе Хрулева войскъ, назначенныхъ въ составъ отряда, баронъ Врангель переѣхалъ въ селеніе Тюпъ-Мамай, а въ селеніи Оразъ помѣстился генералъ Хрулевъ со своимъ штабомъ, состоявшимъ: изъ начальника штаба флигель-адъютанта полковника Волкова, начальника артиллеріи полковника Шейдемана и дежурнаго штабъ-офицера, адъютанта главнокомандующаго, подполковника Панаева.

Глубоко убѣжденный въ томъ, что штурмъ не можетъ быть удаченъ, баронъ Врангель просилъ Хрулева увѣдомить его, какого числа предполагается атаковать Евпаторію ,съ тѣмъ, чтобы къ тому времени сосредоточить остальную кавалерію и принять необходимыя мѣры на случай дессанта или наступленія непріятеля [1]). Въ ожиданіи отвѣта на предложенный вопросъ, Врангель отправился въ селен. Саки и притянулъ туда драгунскіе полки Великихъ Князей Константина и Михаила Николаевичей для наблюденія за Сакскою косой. Второй бригадѣ резервной уланской дивизіи онъ приказалъ расположиться передъ селеніемъ Богай и поручилъ генералу Корфу, въ случаѣ неудачи, прикрыть отрядъ Хрулева и не дозволить непріятелю отрѣзать ему отступленіе на Симферополь.

Это послѣднее обстоятельство особенно заботило барона Врангеля. Оставшись распорядителемъ лишь небольшой части кавалеріи, онъ въ сущности по-прежнему оставался начальникомъ блокаднаго корпуса, на обязанности котораго лежало обезпеченіе сообщеній. Врангель спрашивалъ главнокомандующаго: кто же теперь долженъ распоряжаться войсками, въ случаѣ покушенія непріятеля на какой-либо пунктъ. Князь Меншиковъ отвѣчалъ, что обязанности его не измѣняются и что Хрулевъ долженъ находиться въ полной его зависимости [2]), но по странной

---

[1]) Отношеніе барона Врангеля генералу Хрулеву отъ 30-го января № 8.

[2]) Предписан. кн. Меншикова генералу Врангелю 2-го февраля № 16.

случайности, бумага эта, подписанная главнокомандующимъ 2-го февраля, была получена Врангелемъ только тогда, когда дѣло подъ Евпаторіею состоялось и дѣятельность Хрулева окончилась.

Послѣдній, поселившись въ селен. Оразъ, успокоился какъ человѣкъ, достигшій цѣли своихъ завѣтныхъ желаній. Отлично зная всѣ затрудненія предстоящаго дѣла, Хрулевъ разсчитывалъ на русское *авось!* и вѣрилъ въ непогрѣшимость поговорки: „смѣлость города беретъ". Желая же сохранить для себя на всякій случай путь отступленія, Хрулевъ не считалъ теперь нужнымъ скрывать всѣ затрудненія отъ князя Меншикова, и, высказываясь мало-по-малу, пришелъ въ концѣ къ тому же, съ чего началъ баронъ Врангель.

„Вчера около полудня,—писалъ полковникъ Волковъ князю Меншикову [1]),—и сегодня съ разсвѣтомъ генералъ Хрулевъ дѣлалъ рекогносцировки и нынче уже очень не вдалекѣ проѣхалъ передъ городомъ съ одного конца его до другаго. При чемъ успѣлъ замѣтить: что около города сплошная небольшая насыпь, большею частію для ружейнаго огня, и батареи съ орудіями въ нѣкоторыхъ частяхъ насыпи, брустверъ которыхъ возвышенъ, и сверхъ сего передъ мельницами, расположенными къ сторонѣ карантина, особое укрѣпленіе въ родѣ равелина, не соединенное съ укрѣпленіемъ города. Опредѣлить число орудій не было возможности, ибо они открываютъ огонь изъ незначительнаго числа, такъ напримѣръ: сего числа стрѣляли лишь изъ трехъ орудій. Мѣстность передъ городомъ до 600 саж. дистанціи возвышенная, а далѣе къ Богаю и другимъ деревнямъ поката, имѣя лощины, по которымъ можетъ скрытно двигаться пѣхота.

„Со вчерашняго дня здѣсь дуетъ NO. Земля стынетъ, выпалъ снѣгъ на вершокъ, и ночью была метель; дороги чрезвычайно дурны. По случаю дурной дороги нѣтъ никакой возможности сосредоточить войска ранѣе 1-го февраля, а потому предписаніе вашей свѣтлости не можетъ быть ранѣе исполнено, какъ на 2-е число, на разсвѣтѣ.

„Относительно прибавленія войскъ въ Евпаторіи, генералъ Хрулевъ находитъ, что они нисколько *не могутъ воспрепятствовать*

---

[1]) Отъ 29-го января.

успѣху, а что только умножатъ общую суматоху, ибо едва-ли они выйдутъ изъ города“.

Войска, назначенныя въ составъ штурмующаго отряда, сходились весьма медленно, и, долгое время не знали, гдѣ они находятся [1]), Хрулевъ не имѣлъ возможности опредѣлить, когда они соберутся окончательно; непроходимая грязь затрудняла движеніе обозовъ до крайности. Батарейная батарея 8-й артиллерійской бригады, двигаясь безостановочно, въ теченіе цѣлаго дня сдѣлала только 17-ть верстъ, но и при этомъ приходилось впрягать подъ орудія по 8-ми и по 10-ти лошадей.

Приходившіе въ назначенные имъ пункты полки не находили себѣ помѣщенія и располагались подъ открытымъ небомъ. Если встрѣчалось нѣсколько хатъ, то онѣ занимались офицерами, человѣкъ по десяти въ каждой, но и эти хаты были въ столь плохомъ состояніи, что для защиты отъ холода приходилось двери, окна и всѣ отверстія затыкать соломою. Солдаты же мастерили себѣ кое-какіе шалаши и такимъ образомъ нѣсколько защищались отъ снѣгу, который выпалъ въ это время въ значительномъ количествѣ [2]).

„Мы заботимся,—писалъ полковникъ Волковъ [3]),—сколько возможно о помѣщеніи войскъ и (стараемся) доставить имъ все необходимое, но дороги дотого дурны, что мы не знаемъ, когда можетъ подойти артиллерія; нѣтъ никакой возможности доставить продовольствіе“.

Слова барона Врангеля подтверждались, и генералъ Хрулевъ вынужденъ былъ день-отъ-дня откладывать свои дѣйствія. Въ ожиданіи прибытія войскъ, онъ поручилъ адъютанту главнокомандующаго, подполковнику Панаеву, составить, по показаніямъ выбѣжавшихъ татаръ, подробное описаніе города и его укрѣпленій, а самъ занялся составленіемъ диспозиціи.

---

[1]) «О князѣ Урусовѣ и его дивизіи нѣтъ никакого слуха,—писалъ 29-го января полковникъ Волковъ князю Меншикову,—а также не имѣется маршрута сей дивизіи, а потому генералъ Хрулевъ посылаетъ офицера на встрѣчу князю Урусову».

[2]) Записки протоіерея Зилитинкевича (рук.). Записки полковника Гоштовта (рукоп.).

[3]) Начальнику штаба генералу Семякину отъ 31-го января 1855 г.

Диспозиція эта была весьма пространна и наполнена такими мелочами, которыя только путаютъ и которыя мы не привыкли встрѣчать въ распоряженіяхъ лучшихъ генераловъ. Генералъ Хрулевъ составилъ на бумагѣ планъ сраженія и роздалъ его войскамъ; назначилъ комендантомъ Евпаторіи маіора Денекина и въ помощь ему трехъ плацъ-адъютантовъ [1]). Онъ написалъ длинную инструкцію для главнаго доктора, которую пришлось впослѣдствіи совершенно измѣнить, и перечислилъ подробно, сколько и какихъ именно припасовъ и медикаментовъ должно быть доставлено на перевязочный пунктъ. Такая подробность касалась только до пѣхотныхъ полковъ, тогда какъ относительно кавалеріи и артиллеріи сказано было: что припасы и медикаменты должны быть доставлены сообразно съ численностію людей. Назначивши команды и офицеровъ для выноса, по взятіи города, изъ православной церкви иконъ и утвари, Хрулевъ заранѣе подарилъ ихъ отряду и приказалъ раздѣлить между полками и батареями „для украшенія полковыхъ церквей и батарейныхъ образовъ“ [2]).

Артиллерія обратила на себя особенное вниманіе начальника отряда. Несмотря на то, что обозы остались далеко назади, что батареи пришли налегкѣ, и у многихъ офицеровъ было съ собою только по одной парѣ бѣлья, Хрулевъ предлагалъ батарейнымъ командирамъ позаботиться о ковкѣ лошадей, а офицерамъ *прочесть главу изъ артиллерійскаго руководства и стрѣлять согласно 696 страницы этой книги.* Онъ могъ быть увѣренъ, что во всемъ отрядѣ не найдется и двухъ экземпляровъ руководства, а между тѣмъ предписывалъ руководствоваться книгою болѣе чѣмъ ста орудіямъ.

Подробности въ диспозиціи хороши, когда онѣ исполнимы и не затемняютъ дѣла; въ противномъ же случаѣ онѣ излишни, часто вредны и прежде всего свидѣтельствуютъ о неопытности начальника, а за тѣмъ о желаніи его блеснуть своею предусмотрительностію.

Какъ бы то ни было, но войска не собрались еще на назначенныхъ имъ мѣстахъ, когда, 31-го января, диспозиція была уже объявлена. Атаку предположено произвести съ трехъ сторонъ, и сообразно съ этимъ

---

[1]) Словесное приказаніе по отряду 2-го февраля № 42. записки Чаплинскаго и Тетеревникова (рукоп.).

[2]) Диспозиція отъ 31-го января 1855 г.

войска раздѣлены на три колонны: *правую, центральную или среднюю* и *лѣвую*.

Правая колонна, назначенная для атаки лѣвой части города, по дорогѣ изъ Айсабая, была подъ начальствомъ командира 1-й бригады резервной уланской дивизіи генералъ-маіора Бобылева и состояла: изъ 8-ми батальоновъ, 14-ти эскадроновъ и 36-ти орудій [1]).

Центральная колонна, наступавшая по дорогѣ изъ селен. Оразъ— поручена была командиру 2-й бригады 8-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіору Тетеревникову и состояла изъ 7-ми батальоновъ и 36-ти орудій [2]). Наконецъ лѣвая колонна, атакуя правую часть города и наступая изъ Чотая, состояла изъ 7-ми батальоновъ, 10-ти эскадроновъ и 36-ти орудій [3]). Начальство надъ этою колонною было ввѣрено командиру первой бригады 12-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіору Огареву. Къ каждой колоннѣ назначено по сотнѣ казаковъ въ качествѣ проводниковъ [4]). Сверхъ того въ резервѣ находилась вторая бригада резервной уланской дивизіи, и на Сакской косѣ два полка драгунъ съ одною конною батареею.

Всею пѣхотою командовалъ свиты Его Величества генералъ-маіоръ князь Урусовъ, а артиллеріею полковникъ Шейдеманъ. Въ каждую колонну было назначено по одному священнику и старшему медику, которымъ и приказано устроить перевязочные пункты позади своихъ колоннъ.

---

[1]) Полки графа Дибича-Забалканскаго и Полтавскій; уланскій Эрцъ-Герцога Австрійскаго и Новоархангельскій, легкая № 3-го батарея 8-й бригады, конно-батарейная № 21-го и конно-легкія № 19-го и № 20-го батареи. Начальникомъ артиллеріи этой колонны назначенъ полковникъ Колобовъ.

[2]) Алексопольскій и Кременчугскій егерскіе полки, батарейная № 3-го и легкія № 4-го и № 5-го батареи 8-й артиллерійской бригады. Начальникъ артиллеріи полковникъ Сегеркранцъ.

[3]) Азовскій полкъ, резервные батальоны Подольскаго полка, батальонъ греческихъ волонтеровъ, драгунскій Наслѣдника Цесаревича, легкая № 4-го батарея 11-й, легкія № 3-го и № 4-го батареи 14-й, четыре батарейныхъ орудія 11-й и 12-й бригадъ и конно-легкая № 23-го батарея. Начальникъ артиллеріи капитанъ Недовѣсковъ.

[4]) Казаки были распредѣлены такимъ образомъ: при правой колоннѣ 52 челов. Донскаго № 55-го п. и 60 человѣкъ № 61-го полка; при средней 65 челов. № 61 полка и при лѣвой—120 челов. № 61-го п. См. словесное приказаніе по отряду 31-го января № 23.

Для указанія пути, по которому должны были слѣдовать раненые на перевязочные пункты—были разставлены казаки. Главный перевязочный пунктъ учрежденъ въ селен. Оразъ.

Вечеромъ наканунѣ дня атаки казаки должны были расположить свою цѣпь въ 250 саж. отъ города. Въ полночь казачью цѣпь предположено смѣнить пѣхотною и выслать фейерверкеровъ, для занятія мѣстъ подъ орудія въ 300 саженяхъ отъ города. Желая, для лучшаго прикрытія артиллеріи, построить на каждое орудіе по два эполемента, а въ промежуткѣ между эполементами ямки, для пяти человѣкъ штуцерныхъ каждая, Хрулевъ приказалъ, чтобы слѣдомъ за фейерверкерами было послано отъ каждаго полка по 60 человѣкъ рабочихъ съ лопатами. По окончаніи устройства эполементовъ рабочіе должны были возвратиться къ своимъ полкамъ, а артиллерія до разсвѣта занять приготовленныя ей мѣста.

На правомъ флангѣ, отъ дороги въ Айсабай располагается легкая № 3-го батарея 8-й артиллерійской бригады и рядомъ съ нею, отправивъ назадъ коноводовъ и строевыхъ лошадей, конно-батарейная № 21-го батарея. Въ центрѣ становятся: легкая № 4-го, батарейная № 3-го и легкая № 5-го батареи 8-й артиллерійской бригады и наконецъ на лѣвомъ флангѣ, до дороги въ Чотай, легкія № 3-го и № 4-го батареи 14-й артиллерійской бригады и 4 батарейныхъ орудія 11-й и 12-й артиллерійскихъ бригадъ. Такимъ образомъ въ боевой линіи должно было находиться 76 орудій. Остальныя за тѣмъ батареи оставлены въ резервѣ: на правомъ флангѣ конно-легкія № 19-го и № 20-го батареи, а на лѣвомъ—легкая № 4-го батарея 11-й артиллерійской бригады и конно-легкая № 23-го батарея.

Позади артиллеріи, внѣ выстрѣловъ непріятеля, расположилась пѣхота, имѣя въ каждой колоннѣ по два батальона въ ротныхъ колоннахъ въ двѣ линіи. За ротными колоннами во второй линіи, расположены два батальона въ полубатальонныхъ колоннахъ, и наконецъ въ главномъ резервѣ правой колонны было четыре батальона, а въ центральной и лѣвой по три батальона.

На правомъ флангѣ пѣхоты позади главнаго резерва правой колонны была расположена, въ двѣ линіи [1]), первая бригада резервной уланской

[1]) Въ первой линіи развернутымъ фронтомъ стоялъ второй полкъ, а первый полкъ во второй линіи въ полковой колоннѣ.

дивизіи, а за лѣвымъ флангомъ главнаго резерва лѣвой колонны, сталъ въ полковой колоннѣ драгунскій Наслѣдника Цесаревича полкъ [1]).

Съ разсвѣтомъ батареи должны были окрыть огонь и прежде всего стараться сбить непріятельскія орудія. Въ диспозиціи сказано, что стрѣлять должно не торопясь и съ такимъ разсчетомъ, чтобы въ пять минутъ дѣлать по одному выстрѣлу изъ каждаго орудія; безъ особаго приказанія огонь не учащать.

По открытіи силъ непріятеля предполагалось тотчасъ же поставить на лѣвомъ флангѣ легкую № 4-го батарею 11-й артиллерійской бригады, которая и должна была дѣйствовать косвенными выстрѣлами по городу. Одновременно съ открытіемъ огня этой батареи казаки лѣвой и центральной колоннъ спѣшиваются, и, вмѣстѣ съ греческимъ волонтернымъ батальономъ, двигаются въ городъ со стороны Сакской дороги и засѣдаютъ въ крайнихъ домахъ. Поддержанные спѣшенными драгунами, они должны были завязать перестрѣлку съ непріятелемъ, но отнюдь не подвигаться впередъ, безъ особаго на то приказанія.

„Спѣшенные казаки,— писалъ Хрулевъ [2]),— и греческіе волонтеры, атакою города со стороны Сакской косы, отрѣзываютъ какъ жителямъ, такъ и турецкимъ войскамъ единственный путь отступленія; тогда между жителями произойдетъ суматоха, которая немедленно передастся войскамъ, и тѣмъ немало будетъ облегчено овладѣніе городомъ“.

Весьма странно, имѣя 15.000 прекрасной пѣхоты, назначать въ передовую колонну батальонъ греческихъ волонтеровъ и спѣшенныхъ казаковъ, но Хрулевъ назначилъ ихъ и этимъ сдѣлалъ дѣйствительно нѣчто особенное, оригинальное, но крайне непрактичное.

„Дѣйствія генерала Хрулева въ этомъ дѣлѣ,— говоритъ участникъ,— несмотря на его многочисленныя предварительныя распоряженія, показывали, что насколько онъ владѣлъ необыкновенной способностью воодушевить солдатъ, чтобы вести ихъ въ бой куда угодно, настолько не было въ его силахъ распоряжаться массами въ полѣ.

---

[1]) Диспозиція къ штурму 31-го января 1855 г.

[2]) Словесное приказаніе по отряду 3-го февраля № 54.

„Можно быть увѣреннымъ, что рѣдко кто изъ генераловъ, знающихъ къ чему болѣе люди разнаго оружія способны, именно эти части послалъ бы въ головѣ, чтобы на плечахъ ихъ, такъ сказать, войдти въ Евпаторію“.

Какъ бы то ни было, но занятіе домовъ греческими волонтерами должно было служить сигналомъ для начала главной атаки эшелонами, при чемъ каждой колоннѣ вмѣнено въ обязанность имѣть впереди себя казаковъ, хорошо знающихъ городъ и по 40 штурмовыхъ лѣстницъ; каждому же солдату приказано имѣть на штыкѣ небольшой снопъ соломы для поджиганія строеній. Многіе изъ нижнихъ чиновъ, не зная для чего предназначается солома, и полагая, что такое приказаніе послѣдовало съ цѣлью уничтожить блескъ штыковъ на солнцѣ, обвязывали ихъ вмѣсто соломы тряпками.

Начало штурма предоставлено лѣвой колоннѣ, и когда она утвердится въ укрѣпленіи, должна была двинуться центральная, а за нею правая колонны. Такая постепенность признана необходимою, чтобы артиллерія имѣла время и возможность долѣе обстрѣливать городъ и тѣмъ содѣйствовать успѣху штурмующихъ колоннъ.

Занявши укрѣпленія и городъ, войскамъ приказано не расходиться, но солдатамъ объявлено, что, по учрежденіи въ городѣ порядка, имъ дозволено будетъ воспользоваться вполнѣ всѣмъ непріятельскимъ имуществомъ; что въ каждомъ домѣ необходимо уничтожить все, что только можно сломать, разбить,—словомъ, не дать непріятелю, по выходѣ нашемъ, имѣть вторичное пристанище. Такъ какъ, по словамъ диспозиціи мы болѣе двухъ дней въ этомъ городѣ оставаться не будемъ, то при отступленіи приказано все, что останется неуничтоженнымъ, непремѣнно сжечь.

При успѣхѣ штурма каждая колонна должна была занимать свою часть города [1]) и по изгнаніи непріятеля стараться удерживать ее отдѣльными небольшими частями войскъ, прикрываясь ложементами и строеніями отъ выстрѣловъ съ моря. На начальниковъ колоннъ возло-

---

[1]) «Перейдя валъ,—сказано въ диспозиціи,—и занявъ укрѣпленіе, ротамъ не расходиться: правой колоннѣ занимать городъ отъ церкви до карантина, центральной,—часть города около церкви, а лѣвой—часть города къ озеру, какъ означено на планѣ улицъ черною краскою».

жена самостоятельная защита своей части города. Каждый изъ нихъ долженъ былъ оставить отъ себя въ городѣ авангардъ, устроить для него ложементы и, выведя остальныя войска изъ подъ выстрѣловъ, расположить ихъ такъ, чтобы они всегда могли поддержать свой авангардъ.

Выбѣжавшій изъ Евпаторіи татаринъ показалъ, что въ городѣ до 40.000 турецкихъ войскъ, что 31-го января приказано всѣмъ христіанамъ выѣхать изъ Евпаторіи, укрѣпленія которой не прочны и рвы не глубоки. Основываясь на этомъ, генералъ Хрулевъ поручилъ начальнику 8-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіору князю Урусову озаботиться, чтобы при каждой колоннѣ было по десяти досокъ трехъ-саженной длины, „которыя, при небольшой ширинѣ рва, могутъ служить къ перевозкѣ орудій“.

Среди приготовленій къ штурму, въ ночь съ 30-го на 31-е января изъ эскадрона Новоархангельскаго уланскаго полка, стоявшаго на аванпостахъ, бѣжалъ въ Евпаторію уланъ вмѣстѣ съ лошадью. Хотя онъ и не могъ сообщить непріятелю ничего положительнаго о нашихъ намѣреніяхъ, но впослѣдствіи этому обстоятельству придавали большое значеніе и говорили, что сообщеніе бѣжавшаго улана о сборѣ значительныхъ русскихъ силъ возлѣ города дало возможность союзникамъ усилить его гарнизонъ. Въ послѣдніе дни въ городѣ замѣтно было большое движеніе. На Евпаторійскомъ рейдѣ стояло 16 пароходовъ, къ которымъ утромъ 2-го февраля присоединилось еще нѣсколько судовъ. На берегу, за мельницами, и въ городѣ, на Нижней улицѣ, появилось большое число палатокъ, разбитыхъ, какъ надо было предполагать, для вновь прибывшихъ войскъ [1]). То была высадка остальныхъ турецкихъ войскъ изъ арміи Омера-паши.

Извѣстіе объ усиленіи гарнизона Евпаторіи заставляло Хрулева спѣшить атакою, но за неприбытіемъ войскъ онъ принужденъ былъ откладывать ее день-за-день. Только въ ночь съ 1-го на 2-е февраля, опередивши свои части, съѣхались въ селеніе Оразъ бригадные, полковые и батарейные командиры; войска же собрались окончательно къ вечеру 3-го февраля. Всѣ командиры частей жаловались на неимовѣр-

---

¹) Рапортъ барона Врангеля кн. Меншикову 2-го февраля № 72.

но дурную дорогу, говорили, что много отсталыхъ, и высказывали положительную необходимость дать дневку, дабы все, что отстало, имѣло время присоединиться къ своимъ частямъ.

Согласившись еще разъ отложить атаку до утра 5-го февраля, Хрулевъ объявилъ командирамъ частей, что Евпаторія должна быть уничтожена до тла въ полномъ смыслѣ этого слова [1]).

Съ разсвѣтомъ 2-го февраля князь Урусовъ съ полковыми, а полковникъ Шейдеманъ съ бригадными и батарейными командирами произвели рекогносцировку Евпаторіи, и оказалось, что возлѣ всѣхъ мельницъ сдѣланы завалы для штуцерныхъ, что постройка батареи около карантина окончена, и что казарма, построенная передъ карантиномъ, приведена въ оборонительное положеніе. Доставляя городу фланговую оборону, казарма эта, вмѣстѣ съ равелиномъ, построеннымъ передъ мельницами, обстрѣливала мѣстность передъ городомъ перекрестнымъ огнемъ [2]).

Утромъ 4-го февраля былъ отслуженъ молебенъ, послѣ котораго Хрулевъ объѣзжалъ войска.

— Надѣюсь, ребята,—говорилъ онъ алексопольцамъ и греческимъ волонтерамъ,—что вы охулки на руки не положите. Если Богъ поможетъ взять Евпаторію, уничтожайте все, но щадите церкви и мирныхъ жителей.

Къ тремъ часамъ по полудни 4-го февраля прибыли въ селеніе Оразъ по три казака и жалонерныя команды отъ каждой изъ колоннъ. Обозначивъ жалонерами тѣ мѣста позиціи, на которыхъ колонны должны были стоять во время канонады, офицеры возвращены были на встрѣчу полкамъ, чтобы привести ихъ на позицію, при помощи казаковъ, хорошо знающихъ мѣстность [3]).

Вечеромъ приступлено къ исполненію диспозиціи, и войска, собравшись верстахъ въ четырехъ или пяти отъ города, провели всю ночь на бивуакѣ, не разводя огней. Кавалеріи и конной артиллеріи прика-

---

[1]) Записки полковника Гоштовта (рукоп.)

[2]) Изъ письма полковника Волкова кн. Меншикову отъ 2-го февраля 1855 года.

[3]) Словесное приказаніе по отряду 2-го февраля № 42.

зано къ 5-ти часамъ утра прибыть прямо на позицію. Къ одиннадцати часамъ вечера 4-го февраля присланы были на лѣвый флангъ позиціи, къ каменному мосту, избранному мѣстомъ нахожденія начальника отряда и его штаба, 15-ть ракетъ со станкомъ. Къ семи часамъ слѣдующаго утра, ракеты поставлены на курганѣ, находившемся вблизи города и не много позади лѣваго нашего фланга.

При удачномъ наступленіи спѣшенныхъ казаковъ и греческихъ волонтеровъ должны были взвиться три ракеты, по которымъ вся находящаяся въ линіи артиллерія, не ожидая приказанія, усиливаетъ огонь такъ, чтобы производить въ двѣ минуты по одному выстрѣлу. За тѣмъ по спускѣ слѣдующихъ трехъ ракетъ, учащаетъ стрѣльбу до одного выстрѣла въ минуту [1]).

Съ наступленіемъ сумерекъ 420 человѣкъ рабочихъ двинулись по указанію казаковъ, для устройства ложементовъ на назначенныхъ мѣстахъ. Для прикрытія ихъ и поддержанія казачьей цѣпи, были назначены четвертый батальонъ Забалканскаго полка и два первые батальона Алексопольскаго и Азовскаго пѣхотныхъ полковъ. Разсыпавши по одной ротѣ въ цѣпь вмѣстѣ съ казаками, остальныя три роты должны были остаться въ резервѣ и могли разсчитывать на поддержку главнаго резерва, въ который были назначены: 3-й батальонъ Забалканскаго пѣхотнаго, 2-й Алексопольскаго и 5-й резервный Подольскаго егерскаго полковъ.

Ночь была такъ темна, что въ двухъ шагахъ рѣшительно ничего не было видно. Многія команды сбились съ дороги и подходили къ Евпаторіи такъ близко, что лай собакъ и огни казались имъ въ нѣсколькихъ саженяхъ [2]). Турки точно ничего не слышали и не видѣли. Генералъ Хрулевъ разъѣзжалъ почти возлѣ самой непріятельской цѣпи, но аванпосты ихъ не произвели ни малѣйшей тревоги. Такая безпечность была весьма выгодна для насъ потому, что нѣкоторыя команды проблудили по полю до утра, не найдя своихъ мѣстъ. Между тѣмъ время уходило; предположенные эполементы были устроены только до половины, какъ часу въ шестомъ утра, едва только стало свѣтать и

---

[1]) Приказаніе по артиллеріи 4-го февраля № 8.

[2]) Записки полковника Гоштовта и протоіерея Зилитинкевича (рукоп.) Записки Валеріана Зарубаева. Сборникъ рукописей, т. II, 436.

можно было различать предметы, раздался первый непріятельскій выстрѣлъ. Въ Евпаторіи замѣтно было большое смятеніе, и, на глазахъ нашихъ войскъ, оставшіеся въ городѣ жители перебирались на корабли.

Съ первымъ непріятельскимъ выстрѣломъ, наша артиллерія отвѣчала огнемъ 76-ти легкихъ орудій, и минутъ черезъ пять гремѣла общая канонада, поддерживаемая съ обѣихъ сторонъ непрерывнымъ огнемъ штуцерныхъ. На вооруженіи Евпаторійскихъ укрѣпленій было 34 орудія большихъ калибровъ и 5-ть ракетныхъ станковъ. Съ началомъ канонады одинъ французскій пароходъ сталъ на правомъ флангѣ города, а два англійскихъ и одинъ турецкій на лѣвомъ флангѣ противъ карантина. Снаряды съ непріятельскихъ судовъ и ракеты, залетая въ наши резервы, принудили придвинуть ихъ ближе къ артиллеріи. Скоро за непріятельскими укрѣпленіями послѣдовало нѣсколько взрывовъ, и взлетѣло на воздухъ пять зарядныхъ ящиковъ. Превосходный огонь нашей артиллеріи заставилъ многія непріятельскія орудія прекратить огонь; дѣйствіе штуцерныхъ, поставленныхъ между орудіями, было также удачно и во многихъ мѣстахъ непріятельскіе стрѣлки принуждены были умолкнуть.

Пользуясь этимъ превосходствомъ и видя, что со стороны озера непріятель не имѣетъ артиллеріи, Хрулевъ двинулъ туда греческій батальонъ, подъ начальствомъ подполковника Панаева, и спѣшенныхъ казаковъ, а для подкрѣпленія ихъ отправилъ туда же батальонъ спѣшенныхъ драгунъ, построенныхъ въ ротныхъ колоннахъ. Укрываясь мѣстными закрытіями и подойдя на сто шаговъ къ стѣнамъ города, греки и казаки завязали перестрѣлку съ непріятелемъ. Въ это же время, согласно отданной диспозиціи, находившіяся въ резервѣ легкая № 4-го батарея 11-й артиллерійской бригады и конно-легкая № 23-го батарея были выдвинуты въ боевую линію и поставлены на лѣвомъ флангѣ, угломъ къ общему расположенію артиллеріи для обстрѣливанія Евпаторіи косвенными выстрѣлами; конно-легкая же № 19-го батарея выдвинута съ тою же цѣлью на правомъ флангѣ позиціи.

Около 10-ти часовъ утра, когда артиллерія подвинулась ближе къ городу и, остановившись въ 150 саж. отъ него, открыла дѣйствіе картечью, лѣвой колоннѣ приказано было перейти въ наступленіе.

Для связи этой колонны съ центральною, въ промежутокъ между

ними, былъ вдвинутъ дивизіонъ 1-го уланскаго полка и по предложенію полковника Волкова, на лѣвомъ флангѣ общаго расположенія, былъ поставленъ, выдвинутый изъ резерва, уланскій Великой Княгини Екатрины Михаиловны полкъ,—подъ командою свиты его величества генералъ-маіора князя Радзивилла.

Какъ только артиллерія стала переходить на новую ближайшую позицію, турки пытались сдѣлать вылазку и обойти ее съ фланга. Подъ прикрытіемъ огня штуцерныхъ и усиленной канонады съ пароходовъ, часть непріятельской пѣхоты и кавалеріи показалась со стороны карантина. Замѣтивъ это, генералъ-маіоръ Бобылевъ выдвинулъ конно-легкую № 20-го батарею на картечный выстрѣлъ отъ вышедшихъ войскъ и прикрылъ выскакавшую батарею Новоархангельскимъ уланскимъ полкомъ. Турки не рѣшились произвести нападеніе и возвратились въ городъ [1]).

Артиллерія между тѣмъ поддерживала безпрерывный картечный огонь, подъ прикрытіемъ котораго лѣвая колонна подошла къ городу со стороны Гнилаго озера. Третій и четвертый батальоны Азовскаго полка, перестроенные въ ротныя колонны, двинулись на штурмъ, подъ начальствомъ генералъ-маіоровъ: Огарева и Криднера. Лѣвѣе ихъ шелъ батальонъ греческихъ волонтеровъ, подкрѣпленный спѣшенными драгунами. Турки быстро подвезли на рукахъ полевыя орудія, и одинъ изъ англійскихъ пароходовъ перешелъ съ лѣваго фланга города на правый. Непріятель встрѣтилъ атакующихъ картечью и самымъ частымъ ружейнымъ огнемъ изъ бойницъ, заборовъ, съ крышъ домовъ, „и по крайней мѣрѣ на четверть часа батальнный огонь слился въ какой-то непрерывный трескъ“.

Не обращая вниманія на убійственный огонь, наши батальоны, теряя на пути товарищей, смѣло подошли ко рву, который, противъ ожиданія, найденъ наполненнымъ водою. Азовцы пытались воспользоваться лѣстницами, но онѣ оказались короткими, и тогда солдаты отступили къ находящимся вблизи мѣстнымъ закрытіямъ, чтобы, выждавъ ослабленіе огня, повторить атаку [2]). Укрываясь за стѣнами, за камнями кладбища

---

[1]) Записки о дѣйствіяхъ Евпаторійскаго отряда, Голенковскаго.

[2]) Рапортъ Хрулева князю Меншикову отъ 6-го февраля № 62.

и въ каменоломныхъ ямахъ, наши солдаты поддерживали весьма частую перестрѣлку съ непріятелемъ.

По первому началу дѣла Хрулевъ уже видѣлъ, что взять Евпаторію не возможно; что городъ обнесенъ прочнымъ валомъ, что гарнизонъ его весьма значителенъ и что наконецъ стоящія на рейдѣ непріятельскія суда могутъ своими выстрѣлами изборознить городъ и его окрестности по всѣмъ направленіямъ. „По симъ причинамъ,—доносилъ онъ князю Меншикову,—предвидя, что при овладѣніи города будетъ потеря до 7.000 человѣкъ, несмотря на просьбы солдатъ дозволить идти вторично на штурмъ, *считая начало дѣла усиленною рекогносцировкою*, я въ 10-ть часовъ утра рѣшился прекратить бой".

Получивъ приказаніе отступить, штурмующія войска исполнили это спокойно и въ порядкѣ. Турки хотѣли сначала преслѣдовать отступавшихъ, и одинъ батальонъ съ тремя эскадронами кавалеріи вышелъ уже для этой цѣли изъ Евпаторіи, но бывшіе въ прикрытіи два первые батальона Азовскаго полка, увидѣвъ приближеніе непріятельской кавалеріи, построились въ каре и безъ выстрѣла ожидали атаки. Подойдя на ружейный выстрѣлъ, турки сами открыли огонь, но видя, что имъ не отвѣчаютъ, возвратились въ городъ, не рискуя атаковать пѣхоту, такъ спокойно ожидающую нападенія.

Въ 11-ть часовъ утра все было кончено; канонада прекратилась, и наши аванпосты заняли свои мѣста. Генералъ Хрулевъ, желая поддержать нравственное состояніе войскъ, говорилъ окружающимъ, что непремѣнно повторитъ атаку, но на самомъ дѣлѣ сознавалъ, что вторичная атака не возможна. Сдавши войска генералу Врангелю и составивъ донесеніе о своей дѣятельности подъ Евпаторіею, Хрулевъ отправился въ Севастополь. Ни онъ, ни князь Меншиковъ не хотѣли сознать своей ошибки, и неудача наша въ этомъ дѣлѣ была приписана самымъ грубымъ образомъ бѣжавшему улану.

„Непріятель,—доносилъ главнокомандующій по телеграфу черезъ Кіевъ [1]),—предупрежденный черезъ бѣжавшаго въ Евпаторію улана о нашемъ приготовленіи къ атакѣ сего города, успѣлъ получить изъ французскаго лагеря значительное подкрѣпленіе и свезъ съ кораблей мно-

---

[1]) Отъ 7-го февраля № 11.

гочисленную артиллерію. Генералъ Хрулевъ, донесеніе котораго сейчасъ получено, видѣлъ до 40.000 войскъ (?), кромѣ жителей, расположенныхъ по крышамъ для обороны. Онъ воздержался отъ штурма, къ которому готовы были колонны, и ограничился сильною канонадою картечью и застрѣльщичьимъ огнемъ, которыми нанесъ большой уронъ непріятелю. Съ нашей стороны ранено до 300 человѣкъ и въ томъ числѣ генералъ-маіоръ Криднеръ легко; объ убитыхъ не имѣю свѣдѣнія“.

На самомъ дѣлѣ потеря наша состояла убитыми: 4 штабъ и оберъ-офицера и 165 человѣкъ нижнихъ чиновъ; безъ вѣсти пропавшими 18 нижнихъ чиновъ и ранеными: 1 генерала, 38 штабъ и оберъ-офицеровъ и 544 человѣка нижнихъ чиновъ, изъ коихъ 120 человѣкъ остались въ строю, по собственному желанію.

Итакъ вся неудача приписана бѣжавшему улану, стоявшему на аванпостахъ и не имѣвшему никакихъ свѣдѣній о предстоящихъ дѣйствіяхъ. Конечно, главнокомандующій зналъ всю несостоятельность такого изложенія причинъ неудачи, но ему было легче высказать ихъ, чѣмъ сознаться въ томъ, что онъ былъ жертвою тщеславія и самолюбія Хрулева. Лишившись 770 человѣкъ, князь Меншиковъ скрылъ истинную потерю, уменьшилъ ее до 300 человѣкъ и самое дѣло подъ Евпаторіею назвалъ *усиленною рекогносцировкою*. Императоръ Николай I зналъ истину и глубоко скорбѣлъ, что къ понесеннымъ уже нами значительнымъ потерямъ прибавилась новая, не вызываемая никакою необходимостію и не оправдываемая никакими объясненіями.

XXVIII.

Мнѣніе Императора о своевременности наступательныхъ дѣйствій съ нашей стороны.—Рескрипты князю Меншикову.—Главнокомандующій отказывается отъ наступленія.—Состояніе союзныхъ войскъ.—Перенесеніе главной атаки противъ Малахова кургана.—Причины побудившія къ тому союзниковъ.—Приближеніе союзнаго флота къ устью Большаго рейда.—Новое затопленіе на фарватерѣ нашихъ судовъ.—Характеристика генерала Хрущева.—Заложеніе передовыхъ редутовъ.—Отбитіе нападенія французовъ въ ночь съ 11-го на 12-е февраля.—Увольненіе князя Меншикова отъ званія главнокомандующаго и назначеніе на его мѣсто князя Михаила Дмитріевича Горчакова.

Предпріятіе наше противъ Евпаторіи не увѣнчалось успѣхомъ. Лишившись множества храбрыхъ, мы не пріобрѣли ровно ничего и дали

только случай непріятелю похвалиться передъ Европою новымъ отбитымъ штурмомъ.

Въ Петербургѣ не было еще получено донесеніе о результатахъ нападенія, но Государь предвидѣлъ уже плачевный исходъ.

„Кажется, въ Евпаторіи собрались точно довольно значительныя силы,—писалъ онъ князю Меншикову [1]).—Опасаюсь, чтобы Хрулевъ, при своей горячности, не предпринялъ того, что намъ дорого стоить будетъ безъ ощутительной пользы; ибо продолжаю думать, что мы въ городѣ, ежели и удастся взять, не удержимся отъ огня съ моря. Потеря наша будетъ навѣрно большая, а пользы не много. Казалось бы, вѣрнѣе ждать, чтобъ Омеръ-паша высунулся, и тогда его атаковать во флангъ или тылъ. Исполнить это и легче, и гораздо вѣрнѣе, и ежели ловно сдѣлать, то можно будетъ его въ концѣ уничтожить нашею сильною конною артиллеріею и конницей безъ большихъ потерь“.

Императоръ желалъ перехода въ наступленіе, но не въ этомъ направленіи, а противъ работъ англичанъ, истомленныхъ, изнуренныхъ и прозябшихъ.

— Кажется по всему,—говорилъ онъ,—что англичанамъ крайне худо; казалось бы, что атака на нихъ была бы легче другихъ.

Государь сожалѣлъ, что князь Меншиковъ не видитъ печальнаго положенія союзниковъ и не воспользуется удобнымъ временемъ для нанесенія имъ удара [2]).

— Время течетъ,—говорилъ онъ,—и выгодное для насъ скоро пройдетъ. Если теперь ничего не учинимъ, то потомъ или мудрено или вовсе невозможно будетъ надѣяться на успѣхъ. Жаль очень, что Меншиковъ не найдетъ ничего придумать. Про положеніе враговъ свѣдѣнія изъ-за границы все тѣ же, но у насъ этому вѣрить не хотятъ.

Главнокомандующій получилъ рядъ писемъ Императора, выражавшаго желаніе и указывавшаго на необходимость и возможность наступательныхъ дѣйствій противъ союзниковъ. „При огромности пространства, ими укрѣпленнаго,—писалъ Государь [3]),—нѣтъ ни вѣроятія, ни

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 10-го февраля 1855 г.

[2]) Собственноручное письмо Государя кн. Горчакову отъ 1-го февраля 1855 г.

[3]) Князю Меншикову въ собственноручномъ письмѣ отъ 13-го января.

возможности, чтобъ все было достаточно охраняемо столь разстроеннымъ войскомъ. Казалось бы, что, хорошо обдумавъ и приготовивъ дѣло, можно бъ было со всѣмъ вѣроятіемъ успѣха одолѣть ихъ гдѣ-либо, прорвать ихъ линію обороны, въ ней утвердиться надежно и потомъ притиснуть къ морю. Какъ это исполнить, разумѣется, что не мнѣ отсюда указывать, но не могу умолчать о мысли, которая невольно рождается при болѣе и болѣе подтверждающемся гибельномъ положеніи англичанъ. Скрыть этой мысли отъ тебя не могу, но указывать или требовать отнюдь не намѣренъ, ибо ты одинъ можешь основательно рѣшить, что окажется возможнымъ, и вѣрно не упустишь случая покончить съ врагами, когда предпринять это благоразумно будетъ. Жаль было бы не воспользоваться случаемъ наказать ихъ за дерзкіе замыслы, когда случай бы представился“.

„Положеніе не только англичанъ, — писалъ Государь недѣлю спустя [1]),—но даже и французовъ въ Крыму дѣлается все хуже и газеты полны объ этомъ подробностей. Крайне жаль, если не удастся намъ симъ воспользоваться и покончить съ врагами, покуда они еще не оправятся. Но повторяю, надо все взвѣсить, обдумать и хорошо сообразить, такъ чтобъ могло быть исполнено съ возможнымъ порядкомъ и точностію, предвидя всѣ могущіе встрѣтиться случаи“.

Оставаясь вѣренъ разъ высказанному мнѣнію, князь Меншиковъ считалъ невозможнымъ перейти въ наступленіе, а въ особенности теперь, когда попытка его на Евпаторію не увѣнчалась успѣхомъ. Отказываясь отъ наступленія, онъ ссылался теперь на недостатокъ войскъ. Вообще переходъ въ наступленіе составлялъ больное мѣсто князя, и мнѣніе о возможности его онъ принималъ за личное оскорбленіе и приписывалъ его недоброжелательству лицъ, весьма близко стоявшихъ у трона.

— Фельдмаршалъ Паскевичъ,—говорилъ онъ, порядочно очернилъ меня въ Петербургѣ.

По мнѣнію свѣтлѣйшаго, англо-французы вовсе не были такъ слабы, а въ его распоряженіи было не достаточно средствъ для того, чтобы дѣйствовать съ успѣхомъ. Оставаясь въ бездѣйствіи въ теченіе

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 20-го января 1855 г.

болѣе двухъ мѣсяцевъ, князь Меншиковъ утратилъ всѣ преимущества своего положенія, упустилъ время, удобное для атаки непріятеля, и не съумѣлъ воспользоваться его разстройствомъ. Наступленіе въ ноябрѣ и декабрѣ могло быть увѣнчано полнымъ успѣхомъ, но теперь главнокомандующій поступалъ совершенно правильно, отказываясь состязаться съ союзниками въ полевомъ сраженіи. Непріятель получилъ въ это время значительныя подкрѣпленія, и одна французская армія могла вывести въ строй 67.000 человѣкъ [1]).

Находившіяся же въ распоряженіи князя Меншикова войска были расположены въ трехъ главныхъ пунктахъ: у Евпаторіи находилась 8-я пѣхотная дивизія и почти вся кавалерія; на Сѣверной сторонѣ Севастополя стоялъ дѣйствующій отрядъ подъ личнымъ начальствомъ главнокомандующаго и наконецъ третій отдѣлъ составляли войска Севастопольскаго гарнизона. Эти послѣднія раздѣлены были между собою широкою Южною бухтою, оконечность которой находилась подъ выстрѣлами непріятеля и слѣдовательно оборона двухъ частей города,—Городской и Корабельной,—была независима одна отъ другой и требовала совершенно самостоятельныхъ и при томъ значительныхъ отрядовъ.

По мнѣнію князя Меншикова, непріятельскія силы превышали не только силу нашего гарнизона, но и соединенную его численность съ дѣйствующимъ отрядомъ. Оставить крѣпость безъ войскъ было не возможно, и, слѣдовательно, при наступленіи, главнокомандующій могъ разсчитывать не на весь гарнизонъ, а только на часть его. При томъ чтобы сосредоточить значительную часть силъ въ предѣлахъ крѣпости, послѣ оставленія нами лѣваго берега р. Черной, приходилось переправлять дѣйствующій отрядъ черезъ рейдъ, а на это, по мнѣнію главнокомандующаго, потребовалось бы нѣсколько дней. Давая непріятелю время приготовиться къ отраженію нападенія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ оставляли безъ обороны Инкерманскій и Мекензіевый дефилей и дорогу на Симферополь. Всѣ эти мѣры не предвѣщали успѣха, и князь Меншиковъ отказывался перейти въ наступленіе.

— Положимъ,—говорилъ онъ,—что мы выступимъ изъ Севастополя и возьмемъ одинъ или два англійскіе редута съ большою потерею людей,

---

[1]) L'expédition de Crimée, par Bazancourt, t. II, 149.

но удержимся ли мы тамъ противъ 60.000 человѣкъ, не считая турокъ—вотъ главный вопросъ.

Сожалѣя о томъ, что время удобное для атаки непріятеля было пропущено безвозвратно, Императоръ съ грустью принужденъ былъ на этотъ разъ признать справедливыми доводы главнокомандующаго.

„Очень понимаю,—отвѣчалъ онъ [1]),—что трудно что-либо рѣшительное предпринять, но надо тоже опасаться, чтобы долгое бездѣйствіе не уронило, отъ скуки, духъ войскъ, и потому полагаю все, что частыя вылазки необходимы. Странно, что журналы продолжаютъ изображать положеніе англичанъ особенно, да и самихъ французовъ, въ гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ ты ихъ полагаешь.

„Радуюсь, что къ тебѣ идетъ болѣе 4.000 выздоровѣвшихъ, какъ о томъ получилъ донесеніе. Желательно госпиталь въ Өеодосіи опорознить, при первой возможности, ибо мѣсто сіе, весьма вѣроятно, скоро атаковано будетъ.

„Повторяю, не ожидаю отнюдь мира; необходимо готовиться къ величайшимъ усиліямъ враговъ на Крымъ. Все, что можно отправить къ тебѣ на усиленіе, уже послано, или на походѣ. Съ прибытіемъ же всего будешь достаточно силенъ, чтобъ отбить непріятеля,—въ этомъ мнѣ порукою духъ войскъ и вождей. Безсовѣстно, несправедливо было бы мнѣ въ томъ сомнѣваться, и мысли подобной во мнѣ не бывало. Прошедшее доказываетъ мнѣ, что мои ожиданія не напрасны—за симъ буди воля Божія.

„Дѣтей обними и всѣмъ поклонись. Нужнѣе, чѣмъ когда, рѣшительный успѣхъ, который одинъ можетъ пріобрѣсти намъ честный миръ. Надѣюсь на Бога, на тебя, на храброе, несравненное войско наше. Разсуди, приготовься и исполни“.

„Продолжаютъ доходить сюда свѣдѣнія,—писалъ Государь въ другомъ письмѣ князю Меншикову [2]),—что союзники готовятся къ штурму, и вчера узнали, что, будто, послано четыре тысячи кирасъ, въ которыя одѣть хотятъ штурмующія колонны; сообщаю какъ получилъ. Что-то мудрено, мнѣ кажется, лѣзть на штурмъ въ подобномъ убранствѣ;

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ кн. Меншикову отъ 23-го и 24-го января.

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 31-го января 1855 г.

да наши штыки съумѣютъ, и несмотря на кирасы, пересчитать имъ ребра!

„Важнѣе то для меня, что проходитъ время для насъ удобное, а гибельное врагамъ. Скоро будетъ тепло и сухо; они усилятся, и тогда намъ будетъ гораздо мудренѣе достичь предмета нашихъ желаній, ежели теперь не успѣемъ все кончить съ имѣющимися способами.

„Потому повторяю мою убѣдительную просьбу, все хорошо обдумавъ, сообразить, какъ наилучше можно было бы атаковать враговъ, до, или послѣ отбитаго приступа. Нельзя намъ оставаться въ бездѣйствіи и давать врагамъ усовершенствовать постоянно свои работы, получать подкрѣпленія и утратить напрасно время, гдѣ мы надъ ними имѣемъ перевѣсъ, зная, въ какомъ разстройствѣ англичане и что и французамъ не легко. Рѣшительный успѣхъ намъ во всякомъ случаѣ необходимъ рано или поздно, чѣмъ ранѣе, тѣмъ считаю легче, ибо знаемъ, что покуда передъ нами. Но надо обдумать все хорошо, подробно наставить каждаго и тогда уже исполнить со всею возможною настойчивостію. Силъ въ твоемъ распоряженіи считаю для сего достаточнымъ, ежели хорошо ими распорядиться и дѣйствовать настойчиво.

„Теперь сказавъ мое мнѣніе, предоставляю тебѣ рѣшить: можно или нѣтъ. Ежели нѣтъ, то и впредь не предвижу ничего лучшаго и покорюсь волѣ Божіей, скрѣпя съ грустью сердце.

„Обними дѣтей, поклонись Сакену и прочимъ сотрудникамъ. Богъ съ тобою и съ вами. Не медли наградами достойныхъ и старайся поддерживать этимъ духъ и соревнованіе всѣхъ. Увѣдомляй меня чаще о происходящемъ,—я пробылъ опять восемь дней безъ всякихъ извѣстій. Прими за правило черезъ каждые три дня доносить о бывшемъ по телеграфу изъ Кіева, кромѣ срочныхъ донесеній съ курьерами.

„Переговоры не начинались, да врядъ-ли и будутъ. Мира не хотятъ, напротивъ хотятъ войны, не щадя ничего. Все зависитъ *отъ твоихъ успѣховъ* [1]). Бездѣйствіе наше изумляетъ, ибо его не понимаютъ, зная, въ какомъ положеніи союзники подъ Севастополемъ“.

Положеніе англичанъ было все еще весьма затруднительно. Въ началѣ января одинъ изъ перебѣжчиковъ показалъ, что разстройство ан-

---

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

гличанъ было такъ велико, что союзные главнокомандующіе рѣшили вторую англійскую дивизію, которою комадовалъ генералъ Ивенсъ, отодвинуть назадъ и замѣнить французскими войсками [1]).

Огромное затрудненіе, встрѣченное послѣдними въ приближеніи къ четвертому бастіону, сознаніе, что, несмотря на усиленныя работы и ежедневную прибавку орудій, огонь обороняющагося все-таки имѣетъ превосходство надъ атакующимъ, и наконецъ явившееся мнѣніе, что не четвертый бастіонъ, а Малаховъ курганъ былъ собственно ключемъ позиціи, заставило французовъ перенести свою дѣятельность противъ этого пункта и принятъ на себя часть англійской атаки. Ослабленіе англійской арміи и прибытіе къ французамъ подкрѣпленій было для послѣднихъ прекраснымъ поводомъ придти на помощь, столь желаемую англичанами, и предложить имъ свои услуги.

Поводомъ къ такому весьма обязательному предложенію французовъ былъ весьма тонкій намекъ газеты „Times“, всенародно заявлявшей, что, при разстроенномъ положеніи англійской арміи, Франція обязана придти къ ней на помощь. Убѣждая соотечественниковъ въ томъ, что для подкрѣпленія крымской арміи необходимо собрать какъ можно болѣе войскъ, дабы положить конецъ неизвѣстности и душевному волненію, газета просила своихъ читателей не забывать, что Англія дѣйствуетъ не одна, но имѣетъ храбрыхъ и вѣрныхъ союзниковъ въ лицѣ Франціи и ея императора.

—Надобно помнить,—говорила „Times“—что опасность и безопасность одинаковы какъ для насъ, такъ и для нихъ, слѣдовательно, мы не будемъ извиняться передъ нашими храбрыми и вѣрными союзниками въ томъ, что съ тою же настойчивостію просимъ мы и ихъ правительство, какъ умоляли наше, увеличить число войскъ, дѣйствующихъ въ Крыму. Если, съ одной стороны, Англію нельзя назвать націею военною, то французы имѣютъ полное право присвоить себѣ названіе народа военнаго. Французскихъ полководцевъ можно считать основателями новѣйшаго военнаго искусства, и еще живетъ поколѣніе, видѣвшее побѣдоносныя войска французскія почти во всѣхъ европейскихъ столицахъ. Если мы сдѣлаемъ все, что намъ возможно исполнить, то все-таки наши усилія

---

[1]) Всеподд. донесеніе кн. Меншикова отъ 5-го января.

будутъ ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ, что находится въ полной готовности у нашего великаго союзника. Для Англіи послать 30.000 человѣкъ на помощь войскамъ въ Крыму кажется усиліемъ, превышающимъ ея средства, между тѣмъ какъ императору французовъ стоитъ только захотѣть, и въ три раза бо́льшее количество войска готово въ одну недѣлю приготовиться къ вторженію въ Россію. Французскій императоръ имѣетъ гораздо бо́льшія силы, чѣмъ Англія, и можетъ гораздо легче располагать ими. Людовикъ Наполеонъ даже болѣе заинтересованъ въ окончательномъ результатѣ экспедиціи, чѣмъ Англія, потому что его армія въ Крыму гораздо многочисленнѣе нашей. Онъ долженъ чувствовать, какъ и мы, что завязалъ рѣшительную борьбу съ могучимъ соперникомъ, борьбу, отъ которой ему уже нельзя отступить. Съ настоящими нашими средствами, побѣда и отступленіе равно невозможны. И потому мы питаемъ надежду, что французское правительство пойметъ необходимость послать на Востокъ столько войска, сколько дозволятъ средства для перевоза. Въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, ничто не можетъ быть разорительнѣе, какъ неумѣстная бережливость жизни солдатъ и денежныхъ средствъ. Мы ожидали легкихъ побѣдъ, а нашли сопротивленіе, превосходящее упорствомъ все, доселѣ извѣстное въ исторіи, и были свидѣтелями внезапнаго сосредоточенія огромныхъ силъ, которое принудило насъ искать спасенія не въ хладнокровныхъ и хорошо обдуманныхъ дѣйствіяхъ, но въ романической и отважной храбрости. Это не должно повторяться.

Каждый день напоминалъ союзникамъ, что надо спѣшить осадою и, по словамъ Базанкура, подъ Севастополемъ нетерпѣніе мучило главнокомандующаго, а въ Парижѣ безпокойство, опасеніе за будущее и сомнѣніе заступили мѣсто прежней слѣпой увѣренности въ успѣхѣ. До союзниковъ стали доходить слухи, что русскіе ожидаютъ сильныхъ подкрѣпленій, и Канроберъ, торопясь открыть огонь, спрашивалъ лорда Раглана о состояніи его работъ и о средствахъ, которыми можетъ располагать англійская армія, для совокупнаго и одновременнаго дѣйствія съ французскою. Въ отвѣтъ на эти вопросы англійскій главнокомандующій изложилъ весьма подробно причины, замедлявшія ходъ осадныхъ работъ, и доказывалъ необходимость для французской арміи принять на себя часть англійской атаки. Доказательства свои лордъ Рагланъ отчасти подкрѣплялъ и тѣмъ, что если французы придутъ на помощь къ англи-

чанамъ, то союзники скорѣе достигнутъ своей цѣли, ибо паденіе Севастополя главнѣйшимъ образомъ зависитъ отъ потери Корабельной стороны, а не Городской, противъ которой до сихъ поръ были употреблены всѣ усилія французовъ.

Согласившись съ этими доводами, Канроберъ сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія, и 9-го января бригада Монѐ, изъ третьей французской дивизіи, стала лагеремъ у хутора Дергачева, на правомъ флангѣ англичанъ. На слѣдующій день, 10-го числа, въ Севастополѣ уже замѣтили, что въ обѣихъ траншеяхъ, устроенныхъ англичанами на Киленъ-балочномъ хребтѣ, работали французы.

Подвергая свои войска новымъ трудамъ и лишенію, французскій главнокомандующій оправдывалъ себя тѣмъ, во-первыхъ, что такая замѣна была необходима по крайнему разстройству англійской арміи, а во-вторыхъ—что она вызывалась стратегическими соображеніями. „Атака французовъ,—писалъ онъ [1],—противъ части города, находящейся передъ ними, къ западной сторонѣ Южной бухты, не можетъ увѣнчаться успѣхомъ прежде уничтоженія огня большихъ непріятельскихъ батарей, называемыхъ Арсенальною и Редантомъ (бастіонъ № 3-го), находящихся къ востоку отъ Южной бухты и противъ англичанъ. Эта часть бухты или гавани расположена такъ, что, даже послѣ успѣха нашихъ штурмовыхъ колоннъ и взятія самаго города, мы не могли бы въ немъ удержаться, не овладѣвъ восточною частью гавани. Все это убѣждаетъ меня, для общей пользы и съ согласія лорга Раглана, немедленно заняться англійскими работами; но до появленія хорошей погоды это будетъ трудно и даже невозможно“.

Итакъ дѣятельность союзниковъ снова получила неопредѣленный характеръ и поставлена была въ зависимость отъ погоды, такъ долго и сильно тяготившей нашихъ враговъ! Зависимость эта была далеко не по вкусу представителю Франціи, мечтавшему о скорой побѣдѣ и разочарованному донесеніемъ главнокомандующаго. Донесеніе это произвело одинаково невыгодное впечатлѣніе какъ въ Парижѣ, такъ и въ арміи. Люди серьезные, не обманывающіе себя пустыми надеждами, безпокоились критическимъ положеніемъ союзниковъ, сидѣвшихъ на Херсонес-

---

[1]) L'expédition de Crimée, par Bazancourt. T. II, 152.

скомъ полуостровѣ какъ въ мышеловкѣ, опасались наступленія русскихъ и невозможности отразить ихъ, при еще болѣе растянутомъ положеніи, которое приняла французская армія, придя на помощь англичанамъ. Канроберъ былъ засыпанъ вопросами о томъ, какой планъ усвоили союзные главнокомандующіе относительно дальнѣйшихъ дѣйствій. Онъ отвѣчалъ, что единственный ихъ планъ — оставаться передъ Севастополемъ и овладѣть городомъ.

— Когда передъ крѣпостью, — говорилъ Канроберъ, — накоплена громадная масса военныхъ силъ и боевыхъ припасовъ, армія не имѣетъ перевозочныхъ средствъ, состояніе почвы не допускаетъ продолжительныхъ движеній; когда для существованія арміи необходимо присутствіе флота, снабжающаго ее жизненными потребностями; когда она застигнута зимою и союзники ея, отъ которыхъ она не можетъ отдѣлиться, остаются въ бездѣйствіи, тогда, конечно, ничего нельзя предпринять, и армія остается прикованною къ избранной ею цѣли дѣйствій.

Цѣль эта состояла въ продолженіи осадныхъ работъ, но онѣ шли весьма неуспѣшно, и союзники въ теченіе всей зимы мало подвинулись впередъ. Полагая, что такая неуспѣшность въ работахъ происходитъ отъ недостатка способныхъ руководителей, Наполеонъ отправилъ въ Крымъ своего генерала-адъютанта Ніеля, съ порученіемъ осмотрѣть работы и возбудить новыя идеи (apporter l'inspiration d'idées nouvelles).

Прибытіе Ніеля составило событіе въ жизни союзниковъ и возбудило лихорадочную дѣятельность главнокомандующихъ. Оба они отличались полною предупредительностію къ присланному и своими донесеніями свидѣтельствовали объ его опытности и неутомимой дѣятельности. Ніель между тѣмъ осмотрѣлъ работы союзниковъ и Севастопольскія укрѣпленія, и, въ благодарность за рекомендацію и радушный пріемъ, старался оправдать главнокомандующихъ. Онъ донесъ императору, что неблокированный Севастополь почти невозможно взять и что крѣпость при этихъ условіяхъ можно считать неприступной. Никогда, по его словамъ, осада не предпринималась при болѣе неблагопріятныхъ условіяхъ. Къ большимъ запасамъ боевыхъ снарядовъ обороняющіеся могутъ присоединить всю артиллерію флота и моряковъ, превосходныхъ артиллеристовъ; вспомогательная ихъ армія находится въ постоянномъ сообщеніи съ гарнизономъ, можетъ смѣнять рабочихъ, и, въ случаѣ штурма,

вся русская армія можетъ принять участіе въ защитѣ города, при содѣйствіи огромной артиллеріи. Если бы при столь невыгодныхъ условіяхъ союзникамъ удалось овладѣть четвертымъ и пятымъ бастіонами, то и тогда, по мнѣнію Ніеля, было весьма сомнительно, чтобы можно было проникнуть въ городъ по улицамъ, перерѣзаннымъ баррикадами и обороняемымъ многочисленными внутренними батареями. Ворвавшись въ городъ, атакующіе будутъ находиться подъ огнемъ батарей Сѣверной стороны, и осада все-таки будетъ далеко не кончена.

— Одно только обложеніе,—говорилъ Ніель,—можетъ привести насъ къ счастливому результату; желательно, чтобъ оно произведено было немедленно по сосредоточеніи необходимаго для того числа войскъ, и тогда только можно надѣяться на успѣшный ходъ осадныхъ работъ.

До тѣхъ же поръ, какъ Ніель, такъ и оба главнокомандующіе признали необходимымъ,—несмотря на опасность растягивать еще болѣе осадныя работы,—открыть главную атаку противъ Малахова кургана, какъ такого возвышеннаго пункта, по достиженіи къ которому союзники, не имѣя надобности бороться внутри города, могутъ уничтожить русскій флотъ, городъ и арсеналы.

На военномъ совѣтѣ, 20-го января, собранномъ главнокомандующими, для обсужденія предложенія генерала Ніеля, было рѣшено, что французы, не прекращая работъ противъ Городской стороны, откроютъ атаку противъ лѣваго фланга оборонительной линіи. Для успѣшнѣйшаго осуществленія этого плана положено въ теченіе двѣнадцати дней, необходимыхъ для окончанія начатыхъ уже батарей противъ четвертаго бастіона, построить только двѣ батареи противъ Малахова кургана и одновременно съ этимъ приступить къ распространенію тамъ траншейныхъ работъ. Чтобы еще болѣе скрыть отъ обороняющагося намѣреніе перенести атаку на Корабельную сторону, французы въ теченіе нѣкотораго времени поддерживали усиленныя работы противъ четвертаго бастіона, приступили даже къ устройству брешь-батареи [1]), распускали слухъ о намѣреніи штурмовать городъ и приблизили свой флотъ ко входу въ Севастопольскую бухту.

Въ началѣ февраля союзники сосредоточили у входа на рейдъ

---

[1]) Всепод. донесеніе князя Меншикова отъ 7-го февраля.

18 линейныхъ кораблей, 24 парохода и 7 фрегатовъ. Частыя рекогносцировки и постановка судовъ по створной, входной линіи, приводили князя Меншикова къ заключенію, что непріятель готовится къ нападенію съ морской стороны и можетъ быть одновременно со штурмомъ Севастопольскихъ укрѣпленій.

Затопленные корабли наши были разнесены волненіемъ и входъ на рейдъ свободенъ. Хотя обстоятельство это и содержалось въ глубочайшей тайнѣ, но нельзя было ручаться за то, чтобы союзники, узнавши объ этомъ отъ перебѣжчиковъ, не попытались форсировать входъ въ Севастопольскую бухту. Попытка эта была бы весьма опасна для защитниковъ, такъ какъ прибрежныя батареи не имѣли полнаго вооруженія и часть ихъ орудій отправлена была на оборонительную линію. Для той же самой цѣли были сняты орудія и съ кораблей, изъ которыхъ только пять остались вооруженными, да и то на одинъ бортъ.

Имѣя въ своемъ распоряженіи по большей части суда паровыя, непріятель могъ во всякое время проникнуть во внутренность большаго рейда и даже Южной бухты. Не занимаясь состязаніемъ съ береговыми батареями, союзники могли пройти мимо батарей, имѣя на верху только капитановъ и рулевыхъ, а команды внизу; легко, почти безъ всякой потери, они могли ворваться на рейдъ, громить въ тылъ всю оборону города и однимъ ударомъ порѣшить участь Севастополя. Смѣлый непріятель могъ прорваться и ночью, ему стоило только поставить въ морѣ, на створной линіи, два судна съ огнями, и путь былъ вполнѣ обезпеченъ.

Опасеніе, что непріятельскій флотъ ворвется внутрь Севастополя, не давало покоя князю Меншикову. „Положеніе это такъ опасно,—доносилъ онъ императору [1]),—что я долженъ былъ рѣшиться дѣйствовать противъ воли Вашего Императорскаго Величества и потопить еще три корабля, на которыхъ нынѣ нѣтъ вооруженія и изъ которыхъ все дѣльное выбрано“.

Впослѣдствіи цифра была увеличена и для затопленія назначены корабли: „Двѣнадцать Апостоловъ“, „Ростиславъ“, „Святославъ“ и фрегаты „Кагулъ“ и „Месемврія“. „Грустныя похороны“,—какъ вы-

---

[1]) Во всеподдан. донесеніи отъ 7-го февраля 1855 г.

ражались тогда черноморцы,—были совершены вечеромъ 12-го февраля, въ присутствіи вице-адмирала Нахимова, и суда затоплены между батареями Михайловскою и № 8-го. Прискорбное для моряковъ событіе это прошло почти незамѣтно для Севастопольскаго гарнизона, обрадованнаго побѣдою, одержанною въ предшествовавшую ночь надъ французами двумя полками Волынскимъ и Селенгинскимъ.

Согласно постановленія военнаго совѣта союзныхъ главнокомандующихъ, французы должны были, какъ мы сказали, перенести свою дѣятельность на лѣвый флангъ оборонительной линіи и, для облегченія измученныхъ и больныхъ союзниковъ, занимаемые англичанами посты у Инкермана занять своими войсками. Они заняли мѣста англичанъ сначала только по теченію рѣки Черной, а потомъ приступили къ осаднымъ работамъ противъ Корабельной стороны.

Съ 18-го января французы трудились уже въ передовой англійской траншеѣ, окончили и вооружили редутъ *Викторію*, впереди котораго и противъ Малахова кургана заложили траншею и удлиннили вправо до Киленъ-балки такъ называемую *Пятиглазую* батарею. Англичане были крайне довольны такою помощью и къ концу января, у вершины Киленъ-балки расположилась еще одна французская бригада 3-й дивизіи, а позади ея вся 4-я французская дивизія.

Правую свою атаку французы раздѣлили на двѣ части: на атаку Киленъ-балки между берегомъ бухты и Киленъ-балочнымъ оврагомъ и на атаку Викторіи, которую вели противъ Малахова кургана. Усиливши вооруженіе англійскихъ батарей около бухты, французы открыли свои работы въ весьма далекомъ разстояніи отъ оборонительной линіи, а именно: въ 1.800 метрахъ (около 843 саженъ) отъ Малахова кургана, въ 1.700 метрахъ (около 796 саженъ) отъ втораго бастіона и 2.000 метрахъ (около 937 саженъ) отъ перваго бастіона [1]).

Усиленныя рекогносцировки французовъ, распространеніе ими передовой англійской траншеи до Киленъ-балки и, наконецъ, заложеніе въ этой траншеѣ двухъ батарей не оставляли сомнѣнія, что французы рѣшились перенести свою дѣятельность на Корабельную сторону и избрали Малаховъ курганъ главнымъ пунктомъ атаки. Производив-

---

[1]) Guerre d' Orient. Siège de Sevastopol, par Oger.

шіяся одновременно съ этимъ работы англичанъ еще болѣе убѣждали въ справедливости заключеній обороняющагося. Англичане продолжали третью параллель вправо до Доковой балки и, соединивши свою атаку съ французскою, заложили во второй параллели батарею, предназначенную для дѣйствія по Малахову кургану [1]).

Мѣстность впереди послѣдняго шла къ сторонѣ непріятеля, постепенно понижаясь, до небольшаго изволока, отъ котораго, опять возвышаясь, заканчивалась пригоркомъ или курганомъ [2]), имѣвшимъ значительное превышеніе надъ Малаховымъ курганомъ и въ особенности надъ вторымъ бастіономъ.

Перенося свою дѣятельность на Корабельную сторону, французы рѣшились одновременно съ постройкою двухъ батарей подойти траншеями къ высотѣ впереди кургана и заложить тамъ параллель. Затѣмъ занять курганъ, построить на немъ батареи и открыть продолжительное бомбардированіе нашихъ укрѣпленій. Подъ покровительствомъ сильнаго огня, они разсчитывали подвинуть свои подступы по возможности ближе къ оборонительной линіи и, быстро устроивъ изъ мѣшковъ брешь-батарею, штурмовать городъ.

Занятіе этого кургана, кромѣ всѣхъ выгодъ, сопряженныхъ съ командованіемъ окружающею мѣстностью, сразу приближало французовъ на весьма значительное разстояніе къ оборонительной линіи и дозволяло имъ прикрыть фланги своихъ подступовъ: съ одной стороны выстрѣлами англійскихъ батарей, а съ другой—огнемъ тѣхъ батарей, которыя французы могли устроить на высотахъ за Киленъ-балкою.

Значеніе, которое имѣлъ курганъ въ общемъ ходѣ осады, давно обращало на себя вниманіе обороняющагося, и князь Меншиковъ, по указанію Императора, еще въ декабрѣ мѣсяцѣ, какъ мы видѣли, предполагалъ занять его при первомъ удобномъ случаѣ, но откладывалъ это дѣло до послѣдней крайности. Свое замедленіе въ занятіи кургана онъ объяснялъ тѣмъ, что пока всѣ усилія осаждающаго были обращены противъ четвертаго бастіона, а работы англичанъ были слишкомъ удалены отъ оборонительной

---

[1]) Тотлебенъ. Оборона Севастополя, ч. I, 385; ч. II, 17.

[2]) Извѣстнымъ въ Севастополѣ подъ именемъ „Кривой пятки“, а у союзниковъ— «Зеленаго кургана» (Mamelon vert).

линіи, до тѣхъ поръ не было нужды занимать курганъ и тѣмъ болѣе, что, съ занятіемъ этого пункта, мы принуждены бы были растянуть и безъ того длинную позицію обороны и увеличить труды гарнизона, и такъ уже слишкомъ обремененнаго обширными земляными работами [1]). Ниже мы увидимъ, насколько справедливо было такое заключеніе главнокомандующаго, а теперь должны сказать, что, съ перенесеніемъ французами своей атаки на лѣвый флангъ оборонительной линіи, занятіе кургана дѣлалось уже настоятельно необходимымъ, чтобы предупредить противника и лишить его тѣхъ выгодъ, на которыя онъ безъ сомнѣнія разсчитывалъ.

„Но для занятія кургана впереди Малахова,—говоритъ Тотлебенъ въ своемъ сочиненіи,—необходимо было утвердиться предварительно на высотахъ за Киленъ-балкою, потому что, въ противномъ случаѣ, французы могли подвинуть свои подступы на этихъ высотахъ и построить батареи для дѣйствія по кургану во флангъ и въ тылъ, такъ что этотъ послѣдній подвергся бы сосредоточенному дѣйствію непріятельской артиллеріи съ трехъ сторонъ: слѣва—отъ батарей между Киленъ-балкою и Доковымъ оврагомъ и справа—отъ англійскихъ батарей впереди 3-го бастіона. При такихъ обстоятельствахъ, мы, очевидно, не могли бы долго удерживать этотъ курганъ въ своей власти.

„Вотъ почему съ цѣлью прочно утвердиться на курганѣ впереди Малахова, обороняющійся рѣшился немедленно занять высоты за Киленъ-балкою и укрѣпиться на нихъ такимъ образомъ, чтобы остановить на этомъ пунктѣ подступы французовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишить ихъ возможности приблизить свои батареи къ рейду, что заставило бы наши суда укрыться въ Южную бухту и лишило бы лѣвый флангъ оборонительной линіи содѣйствія флота“.

Теперь только князь Меншиковъ призналъ необходимымъ и возможнымъ привести въ исполненіе постоянно указываемую ему Императоромъ мѣру—выдвинуться на Сапунъ-гору и устроить тамъ укрѣпленіе, которое могло бы быть исходною точкою для дальнѣйшихъ наступательныхъ работъ, и мѣстомъ ежедневныхъ битвъ пѣхоты, подкрѣпляемой нашими пароходами, а потомъ и войскомъ съ Сѣверной стороны [2]). Съ

[1]) Письмо кн. Меншикова кн. Горчакову 9-го февраля 1855 г.

[2]) Письмо кн. Меншикова кн. Горчакову отъ 9-го февраля 1855 г. Изъ приведенныхъ нами рескриптовъ, посылаемыхъ въ разное время князю

этою цѣлью главнокомандующій приказалъ приступить немедленно къ укрѣпленію избранной позиціи. Полковникъ Тотлебенъ доложилъ тогда свѣтлѣйшему, что для исполненія этой работы необходимо перевести въ Севастополь на нѣсколько дней по крайней мѣрѣ два полка, такъ какъ, по отзыву барона Остенъ-Сакена, для исполненія этихъ работъ не представлялось никакой возможности назначить войска изъ состава гарнизо-

---

Меншикову, видно, что съ самаго начала обороны Севастополя Императоръ Николай постоянно указывалъ главнокомандующему о необходимости занять позицію впереди оборонительной линіи и даже назначалъ мѣсто, гдѣ возможно было устроить передовыя укрѣпленія. Для бо̀льшаго подтвержденія того, что мысль о передовыхъ укрѣпленіяхъ принадлежитъ всецѣло Императору Николаю, приводимъ недавно напечатанный разсказъ графа Левашева. (Записки П. К. Менькова, т. I, стр. 280):

«Въ концѣ января 1855 года я, бывшій въ званіи флигель-адъютанта, былъ назначенъ для поѣздки въ Севастополь къ князю Меншикову съ особо важнымъ порученіемъ и передъ отъѣздомъ былъ потребованъ къ Императору Николаю. Порученіе это, два раза разсказанное Императоромъ и два раза повторенное мною Государю, заключалось въ томъ, чтобы князь Меншиковъ, пользуясь невыгоднымъ положеніемъ враговъ-союзниковъ, не оправившихся еще послѣ зимнихъ бѣдствій, выдвинулся бы впередъ съ линіей укрѣпленій, атаковалъ бы разслабленнаго непріятеля, *разбилъ бы* его и опрокинулъ бы врага въ море. При этомъ Государемъ была высказана рѣшительная самодержавная воля и мнѣ приказано было остаться въ Крыму *до исполненія* повелѣній Императора и пріѣхать только съ извѣстіемъ о результатахъ наступательныхъ предпріятій.

«Два раза выслушавъ повелѣніе Государя и два раза дословно повторивъ его въ той формѣ, въ которой долженъ былъ передать высочайшую волю князю Меншикову, я откланялся, но, не доходя до дверей кабинета, остановился и спросилъ: «Ваше Величество, если бы князь Меншиковъ нашелъ почему бы то ни было невозможнымъ выполнить вашу волю, то слѣдуетъ ли мнѣ просить разрѣшенія главнокомандующаго о возвращеніи въ Петербургъ для доклада о событіяхъ Вашему Величеству?» Государь строго взглянулъ на меня, но вслѣдъ за тѣмъ, положивъ мнѣ руку на плечо, мягко сказалъ: «Высочайшія повелѣнія Русскаго Императора не могутъ быть не исполнены его подданнымъ!... Съ Богомъ!»

«Я прибылъ въ Севастополь въ первыхъ числахъ февраля и со всею точностью передалъ приказаніе Государя князю Меншикову. Главнокомандующій въ Крыму, послѣ нѣсколькихъ обычныхъ ему гримасъ и полуострыхъ замѣчаній, на своемъ совѣтѣ рѣшилъ *выдвинуть оборонительную линію впередъ*».

на. Въ самомъ дѣлѣ изъ 31.000 штыковъ, охранявшихъ оборонительную линію укрѣпленій, выходило ежедневно на работу до 10.000 человѣкъ и на трудную сторожевую службу 17-ть батальоновъ, или болѣе половины наличнаго числа гарнизона. Отъ такой утомительной службы войска были изнурены настолько, что въ рядахъ ихъ сталъ появляться тифъ, и князь Меншиковъ, опасаясь его развитія, обѣщалъ, для исполненія предположенныхъ работъ, прислать два свѣжихъ полка на южную сторону Севастополя. Генералъ-адъютантъ баронъ Остенъ-Сакенъ отправилъ тотчасъ же къ начальнику штаба генералъ-маіора Заливкина, условиться о скорѣйшемъ исполненіи предположеній и для принятія мѣръ къ переводу двухъ полковъ въ Ушакову балку. Возвратившись обратно, Заливкинъ объявилъ начальнику гарнизона, что Семякинъ затрудняется назначить полки и исполнить предположеніе главнокомандующаго. Баронъ Остенъ-Сакенъ просилъ вторично о немедленномъ назначеніи полковъ и писалъ, что въ противномъ случаѣ слагаетъ съ себя отвѣтственность „не только въ исполненіи предначертанія его свѣтлости, которое желалъ исполнить съ такою готовностью и которымъ такъ дорожитъ главнокомандующій, но и за послѣдствія по оборонѣ драгоцѣннаго для Государя и Россіи Севастополя, отъ истощенія силъ гарнизона [1]).

Начальникъ гарнизона присовокуплялъ при этомъ, что „усиленныя работы не только бодрыхъ французовъ, но и ожившихъ англичанъ поразительны и ведутся съ особою настойчивостью“.

Это послѣднее обстоятельство заставляло торопиться наступательными работами, и потому лишь только полки были переправлены на Южную сторону, какъ въ ночь съ 9-го на 10-е февраля было приступлено къ исполненію задуманнаго предпріятія.

Для постройки укрѣпленія назначены были три батальона Селенгинскаго полка, подъ командою командира полка полковника Сабашинскаго, а для прикрытія рабочихъ—Волынскій пѣхотный полкъ. Общее начальство надъ отрядомъ было ввѣрено начальнику первой бригады 16-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіору Хрущеву, какъ человѣку, извѣстному своею храбростью и хладнокровною распорядительностью.

---

[1]) Отношеніе барона Остенъ-Сакена генералу Семякину 7-го февраля за № 787.

Александръ Петровичъ Хрущевъ давно выказалъ свои блестящія дарованія и былъ всегда тамъ, гдѣ труднѣе и опаснѣе. Человѣкъ до чрезвычайности скромный, онъ никогда не напрашивался ни на какой подвигъ, но зато, какъ бы трудно и опасно ни было назначеніе, онъ никогда отъ него не отказывался.

— Я приму на себя исполнить то или другое предположеніе,—обыкновенно говорилъ въ такомъ случаѣ Александръ Петровичъ, но прежде позвольте мнѣ познакомиться съ мѣстностью, дайте оглядѣться и сообразить обстоятельства.

Эта необыкновенная скромность и добросовѣстность, привычка обсудить предпріятіе со всѣхъ сторонъ доставили Александру Петровичу ту скромную, но завидную репутацію, съ которою онъ вышелъ изъ Севастополя. Про генерала Хрущева говорили не много: говорили, что онъ чуждъ интриги, что, командуя много разъ отдѣльными отрядами и въ самыхъ трудныхъ случаяхъ, онъ не только не проигралъ ни одного сраженія съ непріятелемъ, но, напротивъ, всегда выходилъ побѣдителемъ.

Этотъ высоколестный отзывъ вполнѣ соотвѣтствовалъ заслугамъ и достоинствамъ Александра Петровича. Краткость характеристики генерала вполнѣ соотвѣтствовала той скромности и молчаливости, которыя онъ всегда сохранялъ относительно своихъ заслугъ и своей дѣятельности. Александръ Петровичъ Хрущевъ никогда не говорилъ, а всѣ знали, что при отступленіи арміи послѣ алминскаго сраженія онъ одинъ прикрывалъ ее съ своимъ Волынскимъ полкомъ, шелъ сзади всѣхъ и былъ всегда готовъ принять на себя врага, если бы онъ сталъ преслѣдовать отступавшихъ.

Всѣмъ извѣстно было, что, съ переходомъ союзниковъ на южную сторону Севастополя, Хрущевъ слѣдилъ за ними и произвелъ осмотръ праваго берега р. Черной, что въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, съ октября по январь, онъ просидѣлъ съ своимъ полкомъ на четвертомъ бастіонѣ, въ то время наиболѣе опасномъ мѣстѣ въ Севастополѣ; что онъ пробылъ тамъ въ такое время, когда на небольшую площадку бастіона въ одну ночь падало до 700 непріятельскихъ бомбъ.

Всѣмъ были извѣстны подвиги Хрущева, но казалось, что только ему самому они не были извѣстны—такъ велика была скромность этого

человѣка. Всѣ видѣли, однако же, достоинства Александра Петровича и пользовались ими, поручая ему исполненіе самыхъ важныхъ предпріятій, къ числу которыхъ принадлежитъ и ночь съ 9-го на 10-е февраля.

Къ вечеру 9-го февраля были доставлены съ Сѣверной стороны рабочіе инструменты и матеріалы, необходимые для постройки укрѣпленія; по распоряженію вице-адмирала Нахимова былъ наведенъ мостъ черезъ Киленъ-бухту и на случай нападенія приказано пароходамъ „Владиміръ", „Херсонесъ" и „Громоносецъ" расположиться противъ Киленъ-балки и Георгіевской балки такъ, чтобы своими выстрѣлами поражать непріятеля.

Съ наступленіемъ сумерекъ, полковникъ Тотлебенъ съ штабсъ-капитаномъ Тидебелемъ, подъ прикрытіемъ секрета изъ пластуновъ, произвели разбивку укрѣпленія на одинъ батальонъ пѣхоты и 16 орудій. Скоро, за тѣмъ, подошелъ Волынскій полкъ, назначенный въ прикрытіе, и батальоны Селенгинскаго полка—для работы. Получивши на второмъ бастіонѣ благословеніе начальника гарнизона генералъ-адъютанта барона Остенъ-Сакена, генералъ Хрущевъ перевелъ свой отрядъ черезъ Киленъ-балку двумя колоннами: по Саперной дорогѣ, мимо водопровода и по мосту черезъ Киленъ-бухту. По мѣрѣ поднятія на высоты правая колонна прикрывалась цѣпью и, по занятіи назначенной мѣстности, приступила къ работамъ [1]).

Четвертый батальонъ Волынскаго полка, построившись въ ротныя колонны, разсыпалъ передъ собою стрѣлковую цѣпь, впереди которой, еще ближе къ непріятелю, залегли наши черноморскіе пластуны. За ротными колоннами стали три остальные батальона, одинъ правѣе, а два—лѣвѣе вновь строющагося укрѣпленія. Селенгинцы принялись за работу, имѣя при себѣ ружья, чтобы, въ случаѣ нападенія непріятеля, быть готовыми къ его отраженію. Одновременно съ этимъ, каждая рота Волынскаго полка, на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла, строила ложементъ на 25-ть человѣкъ штуцерныхъ, высылаемыхъ на день.

Такимъ образомъ началась эта смѣлая работа, въ глазахъ противника и не далѣе какъ въ 400 саженяхъ отъ передовой непріятельской траншеи. Укрѣпленіе строилось на каменистомъ грунтѣ, едва прикрытомъ тонкимъ слоемъ земли.

---

[1]) Рукописи о Севастопольской оборонѣ, т. I, 5.

Почти вся работа производилась кирками, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приходилось даже прибѣгать къ взрывамъ при помощи пороха. Отъ усиленныхъ ударовъ кирокъ о каменистый грунтъ показывались искры, но безъ этого ничего нельзя было сдѣлать. Дружно работали селенгинцы и волынцы, ежеминутно ожидая нападенія, но ни стукъ инструментовъ, ни появленіе предательскихъ искръ не пробудили противника. Только съ разсвѣтомъ непріятель замѣтилъ нашу смѣлую работу и при томъ тогда, когда рабочіе были уже нѣсколько защищены отъ его огня. Можно было предполагать, что если непріятель не обращалъ вниманія на нашу работу ночью, то съ наступленіемъ утра онъ окреститъ вновь родившееся укрѣпленіе цѣлою тучею свинца и чугуна, но это предположеніе оказалось невѣрнымъ.

Утромъ 10-го февраля, французы увидѣли передъ собою, въ 900 метрахъ отъ своей батареи, едва тронутую землю и по снятому рисунку произведеннымъ работамъ догадались, что то было укрѣпленіе, готовящееся обстрѣливать курганъ впереди Малахова и дѣйствовать по осаднымъ работамъ на Киленъ-балочномъ хребтѣ [1]). Пораженные столь неожиданнымъ явленіемъ, французы долгое время оставались въ ружьѣ на своихъ постахъ, но не препятствовали нашимъ работамъ [2]). Потомъ они завязали перестрѣлку съ нашими стрѣлками въ ложементахъ, но перестрѣлка эта была незначительна и производилась весьма вяло.

Вновь построенное укрѣпленіе названо *Селенгинскимъ редутомъ,* по имени полка, трудившагося надъ его сооруженіемъ.

Утромъ 10-го февраля Волынскій полкъ отведенъ былъ въ балку и расположенъ шагахъ 400 за редутомъ, а селенгинцы отправлены въ городъ. На смѣну ихъ пришли три роты четвертаго батальона того же полка, которыя и продолжали работать въ теченіе цѣлаго дня, подъ прикрытіемъ штуцерныхъ Волынскаго полка, засѣвшихъ во вновь устроенныхъ ложементахъ. Во все это время французы хотя и поддерживали штуцерной огонь, но стрѣлки ихъ были расположены слишкомъ далеко, чтобы нанести значительный вредъ работавшимъ въ укрѣпленіи.

---

[1]) Siège de Sevastopol, par Oger. T. II, 198.

[2]) Всеподан. донесеніе кн. Меншикова отъ 10-го февраля 1855 г.

Несмотря на то, по неудобству грунта, брустверъ Селенгинскаго редута возвышался весьма медленно и къ вечеру 11-го февраля нельзя еще было поставить на немъ орудій.

Только теперь сознавъ всю важность возводимаго нами укрѣпленія, французы рѣшились во что бы то ни стало овладѣть этою постройкою. „Узнавъ вчера,—писалъ Канроберъ 12-го (24-го) февраля,—что русскіе произвели въ предъидущую ночь значительныя контръ-апрошныя работы впереди нашихъ подступовъ, на пониженной части Инкерманскаго плато, которое опускается къ бухтѣ, называемой Киленъ-балочною, я отправился на мѣсто и по внимательномъ осмотрѣ непріятельскихъ работъ рѣшился атаковать ихъ. Атаку рѣшено было произвести въ ночь съ 11-го на 12-ое (съ 23-го на 24-ое) февраля“.

Съ закатомъ солнца 11-го февраля отрядъ генерала Хрущева пришелъ опять къ редуту, и, подобно предшествовавшимъ ночамъ, селенгинцы принялись за работу, а волынцы составили ихъ прикрытіе. Перестроившись въ ротныя колонны, четвертый батальонъ Волынскаго полка занялъ пространство впереди ложементовъ, отъ спуска къ Троицкимъ погребамъ до отрога Киленъ-балки, идущаго къ лѣвому флангу непріятельской траншеи на Сапунъ-горѣ. Остальные батальоны, построенные въ колонны къ атакѣ, расположились шагахъ въ 200 или 250 позади цѣпи: второй батальонъ впереди строившагося редута за второю половиною праваго фланга цѣпи; первый батальонъ—за срединою цѣпи, тыломъ къ балкѣ 42-го экипажа, и наконецъ третій батальонъ—лѣвѣе редута у ската лощины, ведущей къ Троицкимъ погребамъ [1]).

Впереди цѣпи Волынскаго полка залегли 31 человѣкъ пластуновъ Черноморскаго пѣшаго казачьяго батальона № 8-го, подъ командою есаула Даниленко.

Работа началась.

Съ вечера стояла прекрасная лунная ночь, и весело трудились солдатики; офицеры разговаривали, сидя въ кружкахъ и досадуя, что не велѣно разводить огни. Наступилъ второй часъ ночи; мѣсяцъ спрятался

---

[1]) Служебная дѣятельность А. П. Хрущева.—См. Рукописи о Севастопольской оборонѣ, т. I, 5. Алабинъ. Походныя записки, ч. II, 161.

стемнѣло, и работать стало труднѣе. Вскорѣ темнота еще болѣе увеличилась отъ набѣжавшей тучки, совершенно застлавшей горизонтъ. Въ двухъ шагахъ нельзя было различить предметовъ. Селенгинцы работали не переводя духа, трудились до кроваваго пота, желая къ утру окончить постройку укрѣпленія. Впереди, въ непріятельскихъ траншеяхъ, слышна была усиленная работа, но и та къ полуночи прекратилась. Казалось, все успокоилось и „не только вся окрестная природа, но и самые люди, враждою сюда созванные изъ далекихъ странъ. Ночная тишина прерывалась выстрѣломъ одного изъ послѣднихъ нумеровъ нашихъ батарей, еще отдаленнѣйшимъ взрывомъ бомбы, говоромъ работавшихъ въ редутѣ, смѣшаннымъ съ шумомъ ихъ инструментовъ, guломъ паденія подброшенной земли, да звонкимъ хохотомъ веселаго солдатика, вызваннымъ какою-либо незамысловатою шуткою его товарища“ [1]).

Между тѣмъ, назначенныя для атаки французскія войска собирались въ своихъ траншеяхъ позади второй параллели. Получивши приказаніе главнокомандующаго атаковать нашихъ рабочихъ и прикрытіе, генералъ Боске сформировалъ отрядъ изъ двухъ батальоновъ втораго полка зуавовъ, по 500 человѣкъ въ каждомъ, одного батальона 4-го морскаго полка, одного батальона 6-го пѣхотнаго, одного батальона 10-го линейнаго полковъ и 90 человѣкъ охотниковъ, вызванныхъ изъ всей французской арміи [2]). Командующій 3-ю дивизіею 2-го корпуса генералъ Мейранъ былъ избранъ распорядителемъ атаки, а генералъ Моне—ея исполнителемъ. Послѣднему было приказано вести войска въ бой, атаковать русскихъ и, если представится возможнымъ, то уничтожить укрѣпленіе.

Около 11-ти часовъ Боске прибылъ на мѣсто сбора, чтобы убѣдиться лично, исполнена ли въ точности диспозиція и нѣтъ ли какой-либо перемѣны въ общемъ расположеніи обѣихъ сторонъ. Онъ нашелъ отрядъ готовымъ къ дѣйствію и расположеннымъ такъ, что по флангамъ стояли зуавы, въ центрѣ моряки, и два батальона, пѣхотный и линейный, составляли резервъ, за которымъ находилась англійская дивизія и рабочіе, готовые въ случаѣ успѣха уничтожить наши работы.

---

[1]) Алабинъ. Походныя записки, ч. II, 161.
[2]) L'expédition de Crimée, par Bazancourt. T. II, 187. 188.

Въ это время у Селенгинскаго редута находились:

Наименованіе частей.	ун.-оф.	муз.	ряд.	итого.
Волынскаго полка (4 батал.) .	252	81	2278	2611
Селенгинскаго (3 батал.) . .	201	67	1752	2020
4-го Сапернаго батальона .	1	„	15	16
6-го Сапернаго батальона .	4	„	31	35
Пластуновъ 8-го Черноморскаго пѣшаго батальона . .	„	„	31	31
Итого [1])	458	148	4107	4713

Въ исходѣ втораго часа французы, выйдя изъ своихъ траншей, бросились бѣгомъ къ редуту мимо нашихъ секретовъ, которые, по увѣренію бывшихъ въ цѣпи волынцевъ, прозѣвали-было непріятеля, но одинъ изъ бѣжавшихъ впереди зуавскихъ офицеровъ наткнулся на нашего пластуна, который не долго думая схватилъ его за горло и крикнулъ сосѣду: „бѣги, кажи, що врагъ иде“.

Пластунъ бросился въ цѣпь.

— Палыть, палыть!—кричалъ онъ,—се чужіе идутъ.

Видя, что пластунъ самъ имѣетъ въ рукахъ ружье и не стрѣляетъ, волынцы не вѣрили его словамъ; пластунъ подскочилъ къ одному солдатику и хватилъ его по шеѣ.

— Палыть кажу,—кричалъ онъ—се врагъ иде.

Послѣ такого внушенія солдатикъ выпалилъ, и тревога поднялась. Находившіяся въ цѣпи 11-я и 13-я роты Волынскаго полка открыли учащенный огонь по наступавшимъ французамъ. Предводимые генераломъ Моне, они бѣжали цѣлыми толпами, добѣжали до редута, и даже многіе изъ нихъ вскочили въ ровъ, но заплатили жизнію за свою отвагу.

Съ первымъ выстрѣломъ въ цѣпи, генералъ Хрущевъ приказалъ зажечь фальшфейеръ—сигналъ тревоги, по которому предварительно наведенныя орудія Малахова кургана и втораго бастіона открыли огонь по наступавшему непріятелю, а пароходъ „Владиміръ“—по Георгіевской балкѣ. Въ то же самое время инженеръ штабсъ-капитанъ Тидебель приказалъ работавшимъ въ укрѣпленіи селенгинцамъ разобрать ружья и стать за валомъ въ ожиданіи непріятеля. Правѣе редута сталъ пол-

[1]) Строевой рапортъ.

ковникъ Сабашинскій съ батальономъ селенгинцевъ, работавшихъ во рву. Самъ генералъ Хрущевъ, при началѣ тревоги находясь на правомъ флангѣ у втораго батальона, двинулъ его на одну высоту съ первымъ, но, услышавъ лѣвѣе себя шумъ рукопашнаго боя, бросился туда, чтобы занять траншею сообщенія, прилегавшую къ лѣвому фасу редута, и тѣмъ обезпечить себя отъ обхода съ этой стороны.

Убѣдившись, что французы не имѣютъ возможности обойти насъ съ лѣваго фланга, Хрущевъ подалъ сигналъ къ наступленію, и тогда волынцы, построившись вогнутымъ фронтомъ и прикрывъ собою спускъ въ Троицкую балку, молча бросились въ штыки. Въ темнотѣ ночи закипѣлъ ожесточенный бой. Небольшое пространство, на которомъ боролись противники, освѣщалось на мгновеніе ружейными выстрѣлами, но за тѣмъ тотчасъ же погружалось въ еще бо́льшій мракъ; только звукъ оружія, крики „ура!“ и возгласы непріятеля указывали мѣсто побоища.

Темнота ночи, не дозволявшая и въ десяти шагахъ различать своихъ отъ непріятелей, едва не была причиною смерти начальника отряда. Одинъ изъ зуавскихъ офицеровъ бросился съ обнаженною саблею на генерала Хрущева, но стоявшій возлѣ него рядовой Бѣлоусовъ закололь зуава, а полковой горнистъ Павловъ въ то же время выхватилъ саблю изъ рукъ убитаго офицера.

Завязалась всеобщая свалка. Волынцы смѣшались съ французами, французы съ нашими. Тамъ французы звали къ себѣ на помощь; здѣсь громко раздавалось: „ребята, сюда!“ Повсюду происходила самая жестокая схватка: рѣзались, кололись, стрѣляли въ упоръ, съ трудомъ отличая другъ друга.

Вдругъ надъ головами волынцевъ и селенгинцевъ пронеслись десятки свѣтящихъ ядеръ съ нашихъ батарей. Упавъ на землю, они освѣтили окрестность, и враги взглянули въ лицо другъ другу. Пользуясь этимъ временнымъ свѣтомъ, наши батареи открыли частый огонь по наступавшему непріятелю. Цѣлый градъ снарядовъ и бомбъ сыпался на французовъ съ Малахова кургана и сосѣднихъ батарей. Пароходы „Владиміръ“, „Громоносецъ“ и „Херсонесъ“ посылали потоки чугуна, опустошавшаго ряды наступающаго непріятеля.

Презирая смерть, французы смѣло шли въ атаку на свернувшихся въ колонны неподвижныхъ волынцевъ. Батальонъ за батальономъ, какъ

волна за волной, напирали они на несокрушимую скалу штыковъ храбраго полка, молчаливо отражавшаго всѣ удары. Среди сильнаго огня, порой все озарявшаго, можно было отличить массы сражавшихся. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ видны были двѣ чернѣвшіяся стѣны, напиравшія одна на другую, сталкивавшіяся и смѣшивавшіяся. Крики каждой толпы, набѣгавшей впередъ, при наступленіи, были полны воодушевленія, но потомъ ослаблялись и покрывались стонами и болѣзненными возгласами раненыхъ...

Синіе мундиры французовъ замѣтно отдѣлялись отъ нашихъ сѣрыхъ шинелей. Видимо рѣдѣли ихъ толпы, колебались, сгущались, бросались впередъ, и, вслѣдъ за тѣмъ, громче и сильнѣе раздавалось русское „ура!“, отъ котораго устоять врагу было невозможно. Около часу длился рукопашный бой, въ которомъ волынцы отбивались отъ отборныхъ французскихъ войскъ и нѣсколько разъ переходили въ наступленіе. Русскій штыкъ одолѣлъ, и непріятель въ безпорядкѣ сталъ отступать къ своимъ траншеямъ.

Одновременно съ этимъ, другая непріятельская колонна, съ охотниками впереди, бросилась на редутъ, казавшійся имъ издали небольшимъ и только-что начатымъ укрѣпленьицемъ. Подойдя къ нему ближе, они увидѣли свою ошибку. Вмѣсто начатаго небольшаго укрѣпленія, они нашли передъ нимъ ровъ, глубиною аршина въ два, а шириною въ сажень; нашли довольно высокую насыпь, изъ-за которой посыпались на нихъ цѣлыя тучи пуль селенгинцевъ, стоявшихъ въ укрѣпленіи. Сгоряча непріятель бросился въ ровъ, и смѣльчаки полѣзли на брустверъ. Одни изъ нихъ, хватаясь за туры, еще не насыпанные землею, скатывались вмѣстѣ съ ними въ ровъ, другіе кое-какъ взбирались на валъ. Первымъ вскочилъ на брустверъ командиръ охотниковъ, но былъ поднятъ на штыки. За нимъ взбирался другой офицеръ. Онъ чувствовалъ, что ему помогаютъ въ этомъ трудномъ дѣлѣ, но вслѣдъ за тѣмъ кто-то схватилъ его за воротъ, вышибъ саблю и потащилъ въ глубь укрѣпленія. За офицеромъ лѣзло много солдатъ, но всѣ они или были взяты въ плѣнъ, или сброшены штыками въ ровъ, гдѣ нашли себѣ могилу.

Видя разстройство непріятеля, генералъ Хрущевъ приказалъ ударить сборъ—и заколыхалась неподвижная дотолѣ стѣна волынцевъ. Съ барабаннымъ боемъ кинулись наши батальоны па встрѣчу свѣжимъ

силамъ союзниковъ, спѣшившимъ на помощь къ своимъ. Дружный ударъ въ штыки сломилъ непріятеля. Французы стали отступать. Волынцы очутились съ боку и въ тылу непріятельской колонны, атаковавшей редутъ. Боясь быть отрѣзанною, колонна эта быстро отошла назадъ и попала подъ выстрѣлы нашихъ батарей. Полковникъ Сабашинскій, во главѣ своихъ селенгинцевъ, и полковникъ Свищевскій съ 4-ю гренадерскою ротою Волынскаго полка, двинулись по Саперной дорогѣ, встрѣтили на пути двѣ небольшія колонны непріятеля, спѣшившаго на помощь къ бывшимъ у редута, и однимъ ударомъ сбросили французовъ въ лощину подъ выстрѣлы нашей артиллеріи. Въ то же самое время генералъ Хрущевъ, желая убѣдиться, нѣтъ ли обхода съ лѣваго фланга, отправилъ туда штабсъ-капитана Пиленко съ ротою Волынскаго полка. Встрѣтивъ у ложементовъ небольшую кучку непріятеля, волынцы обратили его въ бѣгство.

Французы отступали по всей линіи. Пытаясь нѣсколько разъ остановить натискъ волынцевъ и селенгинцевъ, но каждый разъ опрокидываемые ими, они скрылись въ своихъ траншеяхъ. Хрущевъ прекратилъ преслѣдованіе, опасаясь самъ попасть подъ огонь нашихъ пароходовъ. Устроивъ батальоны, онъ расположилъ ихъ въ двѣ линіи, чтобы быть совершенно готовымъ встрѣтить непріятеля, если бы онъ вторично атаковалъ нашу позицію. Но французы были такъ разстроены, что не только не возобновили нападенія, но и не сдѣлали ни одного выстрѣла по нашимъ войскамъ.

Пораженіе непріятеля было полное. Успѣхомъ въ этомъ мы обязаны хладнокровной распорядительности генерала Хрущева, храбрости полковника Сабашинскаго и необыкновенной стойкости солдатъ Волынскаго и Селенгинскаго полковъ. Мы потеряли въ этомъ дѣлѣ 67 человѣкъ нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными: 6 офицеровъ и 342-хъ человѣкъ нижнихъ чиновъ, изъ коихъ 104 человѣка остались во фронтѣ [1]). Около ста французскихъ тѣлъ найдено на полѣ сраженія, а о числѣ подобранныхъ французами, ихъ раненыхъ судить трудно, потому что во всѣхъ сраженіяхъ они показываютъ свои потери произвольно и гораздо менѣе дѣйствительной.

---

[1]) Вся тяжесть потери легла на долю Волынскаго полка, такъ какъ въ Селенгинскомъ полку выбыло изъ строя только 15 человѣкъ.

Черезъ часъ послѣ перваго выстрѣла, сраженіе было кончено. Волынцы отошли на прежнее мѣсто, селенгинцы—въ редутъ доканчивать начатую работу. Не тишина, а всеобщій говоръ сопровождали работы. Въ иномъ мѣстѣ работавшіе разсказывали другъ другу случаи изъ недавней встрѣчи съ непріятелемъ, въ другомъ громко смѣялись надъ солдатикомъ, нарядившимся во французскую аммуницію; тамъ по склону насыпи и во рву, убирали тѣла убитыхъ, подбирали раненыхъ, или разсматривали непріятельскій штуцеръ, доставшійся въ добычу побѣдителямъ.

Разсвѣтало. Утренняя заря освѣтила кровавое поле ночнаго побоища, на которомъ лежало болѣе ста непріятельскихъ труповъ и шестьдесятъ семь нашихъ. Всѣ они были собраны и похоронены нами съ подобающею церемоніею. Французовъ хоронили особо отъ нашихъ. Не много ниже редута, рядами сложены были убитые обѣихъ сторонъ. Въ головахъ у нашихъ теплились восковыя свѣчи, приткнутыя къ землѣ [1]). Почетный караулъ, поставленный при тѣлахъ убитыхъ, отдалъ имъ послѣднюю воинскую почесть. Печальный религіозный обрядъ совершился. Сослуживцы со слезами прощались съ товарищами. Залпъ изъ ружей, какъ послѣдній привѣтъ героямъ, смѣшивался съ криками, слышными у подошвы горы недалеко отъ бухты. Тамъ остатки храбраго Волынскаго полка привѣтствовали прибывшихъ къ нимъ, въ сопровожденіи генералъ-адъютанта Философова, двухъ Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей.

По всему склону горы въ живописныхъ группахъ отдыхали участники славнаго ночнаго дѣла. Кто чистилъ ружье, кто утолялъ голодъ, кто перевязывалъ рану себѣ или сосѣду, а кто и просто сидѣлъ, да подшучивалъ надъ товарищами. При посѣщеніи дорогихъ гостей все это смѣшалось, все зашевелилось. Великій Князь Николай Николаевичъ отъ имени Государя Императора благодарилъ храбрыхъ за совершенный ими подвигъ. Громкое „ура!“ было отвѣтомъ на эти слова. Въ это время адъютантъ главнокомандующаго привезъ 25 георгіевскихъ крестовъ для отличившихся [2]). Самъ князь Меншиковъ по причинѣ болѣзни не

---

[1]) Посѣщеніе Селенгинскаго редута Ихъ Высочествами. Матеріалы для исторіи Крымской войны, вып. V, 317.

[2]) Пятнадцать въ Волынскій полкъ и десять въ Селенгинскій. Алабинъ, ч. II, 164.

могъ пріѣхать на позицію и, не зная о присутствіи Великихъ Князей, поручилъ наградить достойныхъ генералу Хрущеву. Великій Князь Николай Николаевичъ собственноручно вручилъ кресты нѣкоторымъ изъ нижнихъ чиновъ. Восторгу волынцевъ не было предѣловъ, громкое „ура!“ сопровождало Великихъ Князей до самой шлюпки, въ которую они сѣли, чтобы отправиться въ городъ, на перевязочный пунктъ, а оттуда на Сѣверную сторону.

Независимо отъ наградъ, пожалованныхъ главнокомандующимъ, Императоръ Николай Павловичъ наградилъ чинами или орденами всѣхъ офицеровъ Волынскаго полка, а нижнимъ чинамъ обоихъ полковъ пожаловалъ по рублю на человѣка и по четыре знака отличія на роту. Генералъ-маіоръ Хрущевъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени, помимо Станислава 1-й степени и Владиміра 3-й ст. Подвигъ его оцѣненъ должнымъ образомъ, и высокая награда вполнѣ соотвѣтствовала той хладнокровной распорядительности, которая была ему присуща. Руководимый благоразумною храбростью, онъ былъ всегда впереди и служилъ примѣромъ для своихъ подчиненныхъ.

— При посѣщеніи сегодня Великими Князьями вашихъ раненыхъ,— сказалъ генералъ Философовъ, обращаясь къ Хрущеву,—одинъ изъ нихъ, которому осталось жить нѣсколько часовъ, на слова утѣшенія и благодарности отвѣчалъ Ихъ Высочествамъ:—„я умру спокойно, исполнивъ свою обязанность“, и при этомъ прибавилъ: „какъ же намъ не идти было впередъ, когда нашъ генералъ былъ впереди“. Подобный отзывъ умирающаго солдата о своемъ начальникѣ весьма знаменателенъ [1]).

Спустя нѣсколько дней послѣ этого дѣла и именно въ ночь съ 16-го на 17-е февраля французы были удивлены еще болѣе смѣлою постройкою. Въ ста саженяхъ впереди и лѣвѣе Селенгинскаго редута, только въ 300 саженяхъ отъ непріятельскихъ траншей, былъ заложенъ надъ Георгіевскою балкою новый редутъ, названный *Волынскимъ*.

Наученные опытомъ, французы не пытались уже дѣлать на него нападенія, а ограничились только ружейною перестрѣлкою, которую вели съ нашими штуцерными, залегшими въ ложементахъ.

---

[1]) Маклаковъ. Служебная дѣятельность генерала Хрущева. Сборникъ рукописей, т. I, 12.

Донесеніе князя Меншикова о постройкѣ Волынскаго редута было послѣднимъ его донесеніемъ изъ Севастополя. Болѣе двухъ мѣсяцевъ страдая хроническими припадками, князь Меншиковъ, хотя и поручалъ отправляемымъ въ Петербургъ флигель-адъютантамъ доложить Императору о своемъ болѣзненномъ состояніи, но самъ не заявлялъ объ этомъ до тѣхъ поръ, пока здоровье его не было окончательно разстроено и физическія силы не ослабѣли. Въ началѣ февраля болѣзнь его усилилась дотого, что лишала возможности исполнять возложенныя на него обязанности. Обезсиленный страданіемъ мочеваго пузыря, онъ не могъ ни сѣсть на лошадь, ни серьезно заняться дѣломъ. Свѣтлѣйшій видѣлъ, что, при такомъ положеніи здоровья, онъ безполезенъ для арміи, ибо, въ случаѣ необходимости отражать непріятеля въ полѣ, войска остались бы безъ главнаго начальника, который не только не въ состояніи былъ вести ихъ въ бой, но даже и сопровождать. Упорная болѣзнь не уступала лѣченію; припадки учащались, усиливались и довели князя дотого, что онъ не только не могъ вставать съ постели, но и въ сидячемъ положеніи ему трудно было долго оставаться. Всѣ, не исключая и самого князя Меншикова, сознавали, что ему нельзя долѣе сохранять званіе главнокомандующаго и въ особенности въ такое время, когда въ Севастополѣ начиналась кипучая дѣятельность, требовавшая отъ вождя большаго запаса энергіи, силъ и здоровья. Князь рѣшился оставить армію и 16-го февраля сдалъ начальство генералъ-адъютанту барону Остенъ-Сакену; начальникомъ Севастопольскаго гарнизона былъ назначенъ вице-адмиралъ Нахимовъ, а начальство надъ сухопутными войсками Корабельной стороны ввѣрено начальнику 11-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанту Павлову.

На слѣдующій день главнокомандующій отправилъ курьера къ Императору съ просьбою объ увольненіи его отъ званія главнокомандующаго и дозволеніи отправиться въ Николаевъ и Одессу для излѣченія отъ болѣзни [1]). Не ожидая разрѣшенія, князь Меншиковъ въ тотъ же день, слѣдомъ за курьеромъ, отправился въ Симферополь, гдѣ и рѣшился выждать назначеніе себѣ преемника.

Итакъ Крымская армія осталась безъ главнаго начальника, отсутствіе котораго, въ такое время, когда всѣ усилія враговъ были обра-

---

[1]) Всеподд. письмо кн. Меншикова отъ 17-го февраля.

щены противъ Севастополя и можно было ожидать самыхъ напряженныхъ дѣйствій—могло имѣть гибельный исходъ на всю кампанію. Это обстоятельство заставляло многихъ желать, чтобы замѣна главнокомандующаго другимъ лицомъ была сдѣлана какъ можно скорѣе. Но кто будетъ назначенъ и скоро ли онъ прибудетъ, было не извѣстно, а между тѣмъ военныя событія, быстро смѣняясь одно другимъ, могли потребовать энергическихъ и рѣшительныхъ дѣйствій. Уполномоченный главнокомандующимъ распоряжаться только по тѣмъ предметамъ, которые не превышаютъ власти корпуснаго командира, генералъ-адъютантъ баронъ Остенъ-Сакенъ, какъ временно-командующій арміею, не могъ многаго принять на свою отвѣтственность и, въ ожиданіи прибытія новаго главнокомандующаго, принужденъ былъ устранять себя отъ всякихъ рѣшительныхъ дѣйствій. Его положеніе было крайне щекотливое, а положеніе арміи до времени безъисходное.

Въ такихъ обстоятельствахъ Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи, принимавшіе живое и горячее участіе во всемъ, что касалось до Севастополя, рѣшились выйти изъ выжидательнаго положенія и придти на помощь къ многострадальному городу и его славному гарнизону. Они предложили князю Меншикову немедленно сообщить князю Михаилу Дмитріевичу Горчакову какъ о состояніи своего здоровья, такъ и о критическомъ положеніи Крымской арміи, остающейся безъ главнаго начальника, и просить его прибыть немедленно въ Севастополь для принятія главнаго начальства. Не довольствуясь согласіемъ князя Александра Сергѣевича исполнить ихъ желанія и зная, что перемѣна главнокомандующаго не можетъ состояться безъ высочайшаго повелѣнія, Великій Князь Николай Николаевичъ написалъ письмо Государю, а Великій Князь Михаилъ Николаевичъ—князю Горчакову, прося его поспѣшить прибытіемъ въ Крымъ.

„Пишу вамъ отъ имени насъ двухъ, по весьма важному дѣлу, не терпящему отлагательства.

„Вамъ уже извѣстно, что здоровье князя Меншикова въ послѣднее время очень разстроилось, и теперь дошло до того, что онъ не въ состояніи ни сѣсть на лошадь, ни двигаться, и принужденъ бо̀льшую часть дня проводить лежа; къ тому же нервы такъ ослабѣли, что ему крайне трудно заниматься дѣлами, коими онъ обремененъ. Припадки, безпокою-

щіе князя, продолжаются обыкновенно около двухъ мѣсяцевъ, и для того чтобы ихъ прекратить, необходимы ванны, которыхъ онъ здѣсь принимать не можетъ. Поэтому сколько ему ни грустно и ни тяжело оставить, въ столь важную эпоху, Севастополь, князь рѣшился сдать команду Сакену, оставляя его также и главнымъ начальникомъ гарнизона въ крѣпости, а самъ ѣдетъ лѣчиться на первый разъ въ Симферополь. Завтра уже начинается сдача, а послѣ завтра онъ полагаетъ уѣхать.

„Итакъ теперь, въ самую рѣшительную и критическую минуту судьбы Севастополя, крымская армія остается безъ главнокомандующаго! Весьма трудно будетъ барону Сакену съ двумя столь важными и многосложными мѣстами справляться. Онъ весьма хорошъ какъ главный начальникъ въ крѣпости; но самъ Государь не считаетъ его способнымъ къ должности главнокомандующаго, развѣ только къ временному исправленію этой обязанности. Между тѣмъ покуда Государь получитъ извѣстіе о нашемъ положеніи, и покуда будетъ назначенъ новый главнокомандующій и прибудетъ сюда, пройдетъ по крайней мѣрѣ три недѣли, а въ эти недѣли здѣсь можетъ многое случиться.

„Столь важныя и трудныя обстоятельства подали брату и мнѣ мысль предложить князю Меншикову сообщить вамъ немедленно о положеніи своемъ и здѣшней арміи, и убѣдительно просить васъ, не сочтете ли вы возможнымъ сейчасъ сами прибыть сюда, для принятія главнаго начальства надъ всѣми силами крымскими, сдавъ временно завѣдываніе Южною арміею генералу Лидерсу. Соединеніе главнаго начальства надъ южною и крымскою арміями въ вашемъ лицѣ кажется тѣмъ необходимѣе, что дѣйствія обѣихъ этихъ армій тѣсно связаны между собою, и это дастъ вамъ возможность своевременно подкрѣплять ту или другую, смотря по обстоятельствамъ. Что Севастополь до сихъ поръ держится, мы обязаны вамъ, ибо вы по всѣмъ частямъ рѣшительно помогали князю Меншикову столь дѣятельно и неусыпно, что Россія навсегда за это благороднѣйшее участіе ваше останется вамъ благодарной. Кромѣ того, вы такъ внимательно слѣдили съ самаго начала за ходомъ здѣшней кампаніи, что, найдя здѣсь образованный штабъ и хорошихъ помощниковъ, вамъ, несмотря на то, что не знаете края и мѣстности, не трудно будетъ ознакомиться со всѣми обстоятельствами.

„Въ нынѣшнее время всѣ усилія союзниковъ обращены противъ Крыма, и никакъ не позже, какъ въ концѣ марта, или началѣ апрѣля, они начнутъ чрезвычайно рѣшительно дѣйствовать, и съ огромными, превосходными силами. Со стороны же Австріи и съ Дуная нельзя, кажется, въ эту минуту опасаться наступательныхъ дѣйствій, ибо вѣроятно Австрія не присоединится ни къ одной изъ враждующихъ сторонъ, до рѣшенія Крымскаго вопроса, а турки не посмѣютъ одни вступить въ Бессарабію. Поэтому кажется намъ возможнымъ прибытіе сюда одной или двухъ дивизій, что рѣшительно есть одно только средство, чтобы выгнать изъ полуострова нашихъ ежедневно усиливающихся враговъ, что вамъ съ новыми силами не долго будетъ исполнить, и тогда часть здѣшней арміи еще во-время поспѣетъ въ Бессарабію. Отсутствіе же двухъ дивизій изъ Южной арміи казалось бы возможнымъ замѣстить движеніемъ на югъ части войскъ дѣйствующей арміи, съ присоединеніемъ къ фельдмаршалу гвардейскаго корпуса. Всѣ эти мысли на счетъ передвиженія войскъ суть собственно наши мысли, съ коими впрочемъ и князь совершенно соглашается, но не знаю, сообщаетъ ли объ этомъ Государю; я же вамъ ихъ пишу частнымъ образомъ, зная, что это никакъ не можетъ исполниться безъ повелѣнія Государя Императора.

„Князь Меншиковъ вамъ пишетъ, кажется, въ томъ же смыслѣ и отправляетъ флигель-адъютанта графа Левашева къ Государю; къ нему же и братъ пишетъ подробное письмо.

„Долгъ присяги, чувство чести нашего оружія и спасенія важнаго участка нашего государства побудили брата и меня на столь рѣшительное предложеніе. Мы увѣрены, что вы, князь, вполнѣ поймете критическое положеніе Севастополя и здѣшней арміи, и для пользы общей сами рѣшитесь прибыть сюда для принятія главнаго начальства.

„Въ томъ упованіи и нетерпѣливомъ ожиданіи отвѣта, пребываю къ вамъ искренно доброжелательный и душевно преданный“.

„Михаилъ“.

16-го февраля 1855 г.

Въ тотъ же день кн. Меншиковъ писалъ князю Горчакову [1]): „Великіе Князья, узнавъ, что я вынужденъ передать командованіе Са-

---

[1]) Воен.-Учен. Арх., д. № 4253.

кену, и что доктора торопятъ меня отправиться въ Симферополь, чтобы тамъ брать ванны,—поручили мнѣ передать вамъ, любезный князь, что по ихъ мнѣнію вы должны пріѣхать въ Крымъ, чтобы принять въ свое командованіе весь полуостровъ и сдѣлать это немедленно. Сколько имъ извѣстно, они полагаютъ, что это будетъ согласно съ желаніемъ Императора, и просятъ васъ отъ себя донести о томъ Его Величеству.

„Сообщая о вышеизложенномъ, я только исполняю приказаніе Ихъ Высочествъ, но съ своей стороны долженъ прибавить отъ себя, что если вы рѣшитесь на этотъ шагъ, то окажете отечеству услугу, которую, къ несчастію, я не въ состояніи оказать".

На слѣдующій день 17-го февраля кн. Меншиковъ сообщилъ о томъ же и военному министру князю Долгорукову: „Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья, видя необходимость мою отлучиться отсюда въ Симферополь, для пользованія отъ тяжкаго недуга, предложили мнѣ выразить генералъ-адъютанту князю Горчакову, что ежели онъ сочтетъ возможнымъ отлучиться въ Крымъ, то прибытіе его сюда было бы весьма полезно. Мысль эту я передалъ князю Горчакову частно отъ имени Ихъ Высочествъ".

Желаніе и просьбы „двухъ архистратиговъ", какъ назвалъ преосвященный Иннокентій Великихъ Князей, было предупреждено въ Петербургѣ, и увольненіе князя Меншикова было рѣшено ранѣе, чѣмъ они успѣли отправить своихъ курьеровъ изъ Севастополя. Увольненіе послѣдовало тотчасъ по полученіи донесенія о неудачѣ Евпаторійскаго дѣла. Донесеніе это достигло Петербурга, когда Императоръ Николай I чувствовалъ уже себя не совсѣмъ здоровымъ, и тогда же говорили, что новая неудача эта, которую предвидѣлъ Государь, сильно подѣйствовала на него и усилила развитіе его болѣзни. Полученное вслѣдъ за тѣмъ извѣстіе о намѣреніи князя Меншикова затопить нѣсколько судовъ на фарватерѣ еще болѣе огорчило Государя.

— Мы сами постепенно уничтожаемъ свой флотъ,—сказалъ онъ по полученіи донесенія.

Лишившись послѣдней надежды на сохраненіе Черноморскаго флота, видя постоянную неудачу во всѣхъ предпріятіяхъ Крымской арміи и наконецъ получая отъ князя Меншикова весьма частыя заявленія о томъ, что онъ боленъ и не можетъ командовать арміею,

*

Императоръ рѣшился уволить его отъ званія главнокомандующаго и 15-го февраля, за два дня до своей кончины, назначилъ князя Михаила Дмитріевича Горчакова главнокомандующимъ Крымскою арміею. Въ эти дни состояніе здоровья Государя было уже таково, что онъ не въ силахъ былъ писать, а поручилъ сыну и наслѣднику, Александру Николаевичу, сообщить свое рѣшеніе обоимъ лицамъ.

„Государь, чувствуя себя не совершенно здоровымъ, — писалъ Цесаревичъ князю Меншикову [1]), — приказалъ мнѣ, любезный князь, отвѣчать его именемъ на послѣдняго вашего курьера отъ 7-го февраля. Его Величество крайне былъ огорченъ неудачною попыткою, произведенною по вашему приказанію генераломъ Хрулевымъ на Евпаторію, и значительною потерею, понесенною нашими храбрыми войсками *безъ всякаго результата.*

„Его Величество не можетъ не удивляться, что, пропустивъ *три* мѣсяца для атаки сего пункта, когда въ немъ находился *самый незначительный гарнизонъ, не успѣвшій еще укрѣпиться,* вы выждали теперешній моментъ для подобнаго предпріятія, тогда именно, когда по всѣмъ свѣдѣніямъ *достовѣрно* было извѣстно, что туда прибыли значительныя турецкія силы съ самимъ Омеръ-пашей. Его Величество не можетъ не припомнить вамъ, что онъ къ сожалѣнію предвидѣлъ этотъ грустный результатъ.

„Изъ журналовъ осадныхъ работъ подъ Севастополемъ Его Величество убѣждается, что союзники, подвигаясь все ближе, устраивая новыя батареи, какъ противъ 4-го бастіона, такъ и на Сапунъ-горѣ, и получивъ значительныя подкрѣпленія, замышляютъ что-то рѣшительное, что также подтверждается всѣми газетными статьями.

„Съ другой стороны усматривая изъ вашихъ неоднократныхъ донесеній, что при теперешнемъ числѣ войскъ вы рѣшительно считаете *всякое наступательное движеніе невозможнымъ,* Его Величество видитъ одинъ только выгодный исходъ всему дѣлу, а именно: если непріятель покусится на штурмъ и Богъ поможетъ намъ отбиться, то немедля перейти въ наступленіе, какъ изъ самой крѣпости, такъ и со стороны Чоргуна на Кадыкіой, назначивъ для сего послѣдняго дви-

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 15-го февраля 1855 г.

женія сколь возможно большее число свободныхъ войскъ съ нужною артиллеріею и кавалеріею, дабы угрожать одновременно центру, правому флангу и даже тылу непріятельскаго расположенія.

„Если же непріятель самъ предприметъ наступательное движеніе, то Его Величество не сомнѣвается, что принятыми вами мѣрами на крѣпкой и почти неприступной позиціи, нынѣ вами занимаемой и сильно укрѣпленной, вы вездѣ встрѣтите его и съ Божіей помощью остановите всякое дальнѣйшее покушеніе.

„Что касается до признаваемой вами необходимости новаго затопленія *трехъ линейныхъ кораблей*, для замѣны разнесеннаго прежняго загражденія Севастопольскаго рейда, Его Величество, не отвергая пользы сего загражденія, не можетъ однако не замѣтить, что мы сами уничтожаемъ нашъ флотъ.

„За симъ Государь поручаетъ мнѣ обратиться къ вамъ, какъ къ своему старому, усердному и вѣрному сотруднику, и откровенно сказать вамъ, любезный князь, что, отдавая всегда полную справедливость вашему рвенію и готовности исполнять всякое порученіе, довѣріемъ Его Величества на васъ возлагаемое, Государь, съ прискорбіемъ извѣстившись о вашемъ болѣзненномъ теперешнемъ состояніи, о которомъ вы нѣсколькимъ лицамъ поручали неоднократно словесно доводить до высочайшаго его свѣдѣнія, желая доставить вамъ средство поправить и укрѣпить службою разстроенное ваше здоровье, высочайше увольняетъ васъ отъ командованія Крымскою арміею и ввѣряетъ ее начальству генералъ-адъютанта князя Горчакова, которому немедленно предписано отправиться въ Севастополь. До его пріѣзда Его Величество вполнѣ остается увѣреннымъ, что вы съ прежнимъ усердіемъ будете продолжать исполнять должность, вами доселѣ занимаемую. Извѣстясь также о болѣзненномъ состояніи сына вашего, вслѣдствіе сильной контузіи, Его Величество разрѣшаетъ ему возвратиться сюда и вмѣстѣ съ тѣмъ назначаетъ его генералъ-адъютантомъ.

„За симъ Государь поручаетъ мнѣ, любезный князь, искренно обнять своего стараго друга Меншикова и отъ души благодарить за его всегда усердную службу и за попеченіе о братьяхъ моихъ“.

На слѣдующій день Наслѣдникъ Цесаревичъ писалъ князю М. Д. Горчакову [1]):

„Государь, чувствуя себя не совершенно здоровымъ, поручаетъ мнѣ, любезный князь, чрезъ отправляемаго вмѣстѣ съ симъ флигель-адъютанта Герштенцвейга, передать вамъ слѣдующія высочайшія повелѣнія:

1-е. Получая неоднократныя извѣстія о болѣзненномъ состояніи князя Меншикова, словесно доведенныя, по желанію самого князя, до высочайшаго свѣдѣнія чрезъ пріѣзжавшихъ изъ Севастополя флигель-адъютантовъ, Его Величество рѣшился уволить князя отъ командованія ввѣренною ему арміею.

2-е. Его Величество, зная всегдашнюю вашу готовность и рвеніе, съ которымъ вы постоянно исполняли всѣ возлагаемыя высочайшимъ довѣріемъ на васъ порученія, назначаетъ васъ главнокомандующимъ Крымскою арміею, съ сохраненіемъ прежняго званія главнокомандующаго Южною арміею.

3-е. На время вашего отсутствія въ Крымъ Его Величество назначаетъ генералъ-адъютанта Лидерса командующимъ войсками, остающимися на Южной нашей границѣ, съ правами отдѣльнаго корпуснаго командира въ военное время.

4-е. Его Величество разрѣшаетъ вамъ, по вашему собственному усмотрѣнію, усилить Крымскую армію всѣми войсками, которыя вы сочтете возможнымъ *немедля туда направить*. Его Величество имѣетъ при этомъ въ виду, что сохраненіе Севастополя есть вопросъ *первѣйшей важности*, и потому рѣшается, въ случаѣ разрыва съ Австріею и наступленія непріятеля, *жертвовать временно Бессарабіею и частью даже Новороссійскаго края до Днѣпра, для спасенія Севастополя и Крымскаго полуострова.*

„Кончивъ съ Божіею помощію благополучно дѣло въ Крыму, всегда можно будетъ соединенными силами обѣихъ армій обратиться на австрійцевъ и дорого заставить ихъ заплатить за временный успѣхъ.

5-е. Его Величеству угодно, чтобы вы снабдили генералъ-адъютанта Лидерса общею инструкціею, какъ ему дѣйствовать въ случаѣ на-

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 16-го февраля 1855 г.

ступленія непріятеля въ превосходныхъ силахъ, *предоставя совершенно ему всѣ дальнѣйшія распоряженія.*

6-е. Его Величество разрѣшаетъ вамъ взять съ собою въ Крымъ какъ генералъ-адъютанта Коцебу, такъ и всѣхъ прочихъ чиновъ вашего штаба, которыхъ вы сочтете нужными, и

7-е. Его Величество, зная вашу опытность и примѣрную распорядительность, возлагаетъ на особое попеченіе ваше обезпеченіе продовольствія Крымской арміи и снабженія ея всѣми нужными припасами по всѣмъ частямъ управленія. Его Величество остается вполнѣ увѣренъ, что, съ помощію генералъ-адъютанта Анненкова, вслѣдствіе вновь возложеннаго на него порученія, важная эта часть придетъ въ должное устройство.

„Въ заключеніе Его Величество поручаетъ мнѣ васъ обнять, любезный князь, и сказать, что онъ крайне сожалѣетъ, что въ столь важную минуту не въ состояніи самъ писать. Его Величество не сомнѣвается, что съ Божіею помощію вы оправдаете ожиданіе его къ славѣ имени русскаго“.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Приложеніе № 12.

24-го сентября 1854 года у Меншикова состояло на лицо.

Названіе частей арміи.	Генераловъ.	Штабъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.	Строевыхъ нижнихъ чиновъ.
Въ дѣйствующемъ отрядѣ подъ ружьемъ.				
Пѣхоты	2	30	314	16.583
Артиллеріи	1	4	56	1.804
Регулярной кавалеріи. . .	3	18	111	4.559
Казаковъ	—	5	34	2.148
	6	57	515	25.094
Въ Севастополѣ подъ ружьемъ.				
Армейскихъ войскъ	5	41	378	23.312
Флотскихъ батальоновъ. .	—	23	215	11.616
	5	64	593	34.928

(Арх. канц. воен. минис. по снаряженію войскъ, дѣло № 110).

Приложеніе № 13-й.

ВѢДОМОСТЬ

о состояніи батарей оборонительной линіи къ 5-му октября 1854 года.

НАЗВАНІЕ УКРѢПЛЕНІЙ.	Число орудій.	Назначеніе орудій. Дѣйствующихъ по осаднымъ батареямъ.	Обстрѣливающихъ.	Фланкирующихъ.
1. Часть приморской батареи № 10-го	7	6	1	—
2. Половина *бастіона № 7-го* .	6	4	—	2
3. Оборонительная стѣнка, соединяющая бастіоны № 7-го и № 6-го .	6	—	—	6
4. Батарея № 26-го (Шемякина) .	6	3	3	—
5. *Бастіонъ № 6-го*	20	9	8	3
6. Оборонительная стѣнка между бастіономъ № 6-го и люнетомъ № 7-го	8	—	—	8
7. Люнетъ № 7-го (Бѣлкина) . .	8	3	3	2
8. *Бастіонъ № 5-го*	30	10	16	4
9. Оборонительная казарма бастіона № 5-го	11	4	3	4
10. Батарея № 24-го (Бурцова). .	4	4	—	—
11. Батарея № 25-го (Титова) . .	8	2	3	3
12. Редутъ № 1-го (Шварца) . .	12	2	7	3
13. Батарея № 8-го (Забудскаго) .	6	—	6	—
14. Батарея № 12-го (Петрова). . }	16	—	16	—
15. Батарея № 11-го . . . . . }				
16. Батарея № 10-го. . . . . }				
17. Батарея № 9-го . . . . . . }				
18. Батарея № 22-го (Ивашкина) .	4	4	—	—
19. Батарея № 23-го (Лазарева) .	4	4	—	—
20. *Бастіонъ № 4-го*	35	14	15	6
21. Батарея № 2-го (Грибокъ) . .	3	1	2	—
22. Батарея № 20-го (Шихматова).	2	2	—	—
23. Батарея № 16-го (Крякина) .	6	—	6	—
24. Батарея № 5-го (Алексѣева) .	3	—	3	—
25. Батарея № 15-го (Перекомскаго).	4	—	4	—

НАЗВАНІЕ УКРѢПЛЕНІЙ.	Число орудій.	Назначеніе орудій. Дѣйствующихъ по осаднымъ батареямъ.	Обстрѣливающихъ.	Фланкирующихъ.
26. Батарея № 5-го (Никонова). .	18	8	6	4
27. Батарея № 27-го (Артюхова) .	4	4	—	—
28. *Бастіонъ № 3-го*	22	15	6	1
29. Батарея № 21-го (Яновскаго) .	5	1	3	1
30. Батарея № 3-го (Будищева). .	5	3	—	2
31. Батарея № 6-го (Жерве) . .	5	—	5	—
32. Малаховъ Курганъ: Батарея № 11-го (Сенявина).	5	5	—	—
33. Малаховъ Курганъ: Батарея № 28-го (Станиславскаго)	5	5	—	—
34. Малаховъ Курганъ: Батарея № 18-го (Панфирова).	5	2	3	—
35. Малаховъ Курганъ: *Башня*	6	—	5	1
36. Малаховъ Курганъ: Батарея на гласисѣ. . .	12	—	8	4
37. Батарея № 19-го (Красовскаго).	4	—	4	—
38. *Бастіонъ № 2-го*	10	3	7	—
39. Батарея, изъ которой впослѣдствіи образовался *Бастіонъ № 1-го*.	9	—	9	—
40. Оборонительная казарма этой батареи	9	—	2	7
Итого	333	118	154	61

Примѣчаніе. Сверхъ того было устроено четыре завала на бульварѣ, на которыхъ поставлено 8 орудій.

Приложеніе № 14-й.

Письмо князя Горчакова кн. Меншикову, 3-го октября 1854 г.

J'ai reçu la lettre que Vous m'avez envoyée par Orloff. Que je Vous félicite d'abord, mon cher Prince, sur la très bonne tournure que Vous avez su donner aux affaires. Comme un homme qui Vous est bien anciennement dévoué j'ai été heureux de voir qu'on apprécie à Pétersbourg et toutes les difficultés de Votre position, et la sagesse des mesures que

Vous prenez pour Vous en tirer avec succès. L'Empereur entr'autres m'écrit qu'il est entièrement de mon opinion sur l'excellence de Votre mouvement au flanc de l'ennemi et sur les résultats heureux qui en découleront, résultats déjà en partie justifiés, puisque Vous avez assuré Vos communications et avec Sévastopol, et avec la Russie, en confinant l'ennemi dans un coin de la presqu'île.

Vous savez que je Vous envoie encore les 10-ème et 11-ème divisions d'infanterie; d'après mon calcul elles ne peuvent pas arriver à temps pour sauver Sévastopol, si cette place doit succomber; mais elles Vous serviront à chasser l'ennemi s'il réussit à s'emparer de Sévastopol. C'est la raison pourquoi je les fais marcher par étapes ordinaires; car, en partant de mon point de vue, il vaut mieux qu'elles arrivent cinq ou six jours plus tard, mais en bon état. Néanmoins, comme il est impossible de prévoir la marche des événements, il dépend entièrement de Vous d'accélerer leur mouvement en donnant l'ordre y relatif directement au général Dannenberg, auquel j'ai prescrit de se conformer à Vos injonctions. Je vous envoie un office qui Vous mettra au fait de l'instruction que je lui ai donnée.

J'ai agi en bon camarade en dirigeant plus du tiers de mon armée à Votre soutien sans en avoir eu l'autorisation. Il en résulte: 1° que l'Empereur a vu que j'étais d'avis qu'on pouvait Vous renforcer à mes dépens, 2° que les secours Vous arriveront deux semaines plus tôt qu'il n'en eût été si j'étais resté les bras croisés à attendre les ordres de Pétersbourg. Ce n'est pas pour me vanter que je Vous dis cela, car on n'est pas russe pour rien, mais pour Vous prier de me payer de réciprocité le cas échéant. Or, ce cas peut être le suivant. L'Autriche d'après les dernières informations, ne garde plus aucun ménagement envers nous, et nous déclarera la guerre aussitôt qu'elle aura appris le succès des alliés en Crimée. Gortchakoff ne répond pas même qu'elle ne se mette de suite en campagne si les affaires de la Crimée traînent en longueur, tellement elle est sous l'influence des Anglo-Français. Il est très possible que, les affaires bien ou mal terminées chez Vous, les alliés ne combinent avec l'Autriche l'opération suivante: par la Moldavie offensive des Autrichiens et des Turcs (ces derniers se massent déjà à Braïlow), et par Odessa les Anglo-Français, soit avec toutes leurs forces, soit avec une trentaine de mille hommes. Ce n'est pas de la rêverie, j'ai

des données que quelque chose de semblable se machine. Donc, voilà ce dont je Vous prie. Si les Anglo-Français se rembarquent de chez Vous en masse, renvoyez moi mes troupes de suite; s'ils se rembarquent en ne laissant en Crimée que pas trop de monde, renvoyez moi de suite tout ce que Vous jugerez possible de me rendre.

Dans le premier moment de panique on a mis à ma disposition les ressources de la Tauride, croyant que Vous étiez coupé. Vous connaissez les mesures d'urgence que j'ai prises. Maintenant cet état de choses doit cesser. Si je continue à faire des dispositions de vivres et de munitions pour chez Vous, si Annenkoff en fait de son côté comme il a commencé à le faire, nos dispositions se croiseront avec les Vôtres, et il en résultera que nous épuiserons le pays. Je Vous envoie la copie de mon office à Dolgorouky pour faire cesser cet état de choses qui n'amènerait que désordre et confusion; je lui écris en même temps qu'il Vous forme une espèce d'état-major de terre; car on ne peut pas commander, nourrir et approvisionner 100.000 h. avec les trois ou quatre officiers que Vous avez autour de Vous.

Les troupes que je Vous envoie sont bonnes, mais Vous ne Vous laisserez pas prendre à leurs hâbleries. Elles Vous diront qu'elles sont prêtes à escalader le ciel. Le fait est qu'elles seront solides pour combattre défensivement sur un terrain donné; mais n'exigez pas d'elles des coups d'attaque hardis. L'ennemi a trop d'avantages sur nous par la supériorité de ses armes. Les plus braves des chefs et des officiers se lanceront comme des fous et seront mis hors de combat, et la troupe tournera casaque. C'est ce dont je dois Vous prévenir. Je Vous en parle d'expérience. Du reste je ne Vous dis cela que pour l'acquit de ma conscience, convaincu que Vous tâcherez de tirer les affaires en longueur, sans jouer Votre campagne contre un coup de dé hazardeux; un revers après l'arrivée des premiers renforts compromettrait finalement tous les heureux résultats du système de temporisation que Vous avez si sagement adopté. Une petite guerre de cavalerie sera très-utile; mais pour le succès il faut que les détachements de cavalerie régulière soient accompagnés de cosaques; eux seuls sont prudents: en outre ils ont des fusils et peuvent mettre pied à terre. Nos officiers de cavalerie en général n'entendent rien à la petite guerre.

Vassiltchikoff est un homme prudent et a déjà commandé avec succès des détachements de petite cavalerie en Valachie. Je crois que Vous pourrez l'employer utilement dans ce genre.

En grâce, si Sévastopol est pris, faites le moi savoir de suite. C'est de la plus haute importance.

Je Vous recommande le porteur de cette lettre qui est mon neveu; gardez le trois à quatre jours, et renvoyez le moi. Si l'occasion se présente, permettez lui d'assister à un combat.

Mon frère Vous dira mon opinion sur le mérite des généraux que je Vous envoie. Je Vous recommande particulièrement Baumgarten, il a été officier d'état-major et a l'esprit ouvert; en outre, il est intrépide au plus haut degré et adoré de la troupe: c'est le gaillard le plus solide de mon armée.

Veuillez lire cette lettre à mon frère, il est bon qu'il en connaisse le contenu et je n'ai pas le temps d'écrire deux fois la même chose. Je suis heureux de voir que Vous êtes content de lui.

Recevez, mon cher Prince, l'assurance de mon bien sincère dévouement.

Michel Gortchakoff.

P. S. Au moment de fermer cette lettre j'en reçois une de l'Empereur. Il dit en outre qu'il peut Vous envoyer une division d'infanterie et qu'il serait mieux de laisser les dragons entre Nikolaew et Odessa. Je fais le raisonnement suivant. Le sort de la campagne de cette année doit se décider en Crimée; une division, outre la douzième, ne Vous serait pas suffisante pour terminer avec succès les opérations de la presqu'île. Les dragons, qu'il vous sera peut-être difficile de nourrir, peuvent encore moins Vous être utiles. Donc il est préférable pour le bien de la chose, de laisser à Votre disposition tous les moyens qui Vous étaient destinés. Comme Sa Majesté me témoigne de la confiance, je prends sur moi de Vous envoyer les 10-ème et 11-ème divisions et de laisser les dragons à Votre disposition. Mais je Vous engage s'ils ne Vous sont pas nécessaires, de les renvoyer. Vous seul pouvez juger en connaissance de cause et du degré d'utitité de leur présence en Crimée et du plus ou moins de difficulté pour les faire subsister. Agissez en conséquence, et informez moi de ce que Vous ferez. Vous voyez, cher Prince, que je n'y

vais pas de main morte quand il s'agit de faire ce que je crois utile au service de mon souverain et de mon pays; donc, encore une fois, si les circonstances tournent de manière à ce que Vous puissiez me renvoyer une partie de mes troupes, faites le; car je joue gros jeu.

Que tout ceci reste dans le plus profond secret; veuillez faire en sorte que votre état-major ne sache rien des licences que je prends. Pour mon frère, il peut le savoir, il n'en parlera certes à personne.

Приложе

ВѢДО

О числѣ убитыхъ, раненыхъ, контуженныхъ и безъ вѣсти пропавшихъ въ войскахъ
1-го ноября

Годъ мѣсяцъ и число.	Убито. Генераловъ.	Штабъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ.	Итого.
1854.					
Сентябрь.					
7-го. При рекогносцировкѣ	—	—	—	4	4
8-го. На Алмѣ.	1	6	40	1755	1802
26-го. При возвращеніи ночью изъ рекогносцировки по недоразумѣнію нашею цѣпью предъ Севастополемъ.	—	—	1	—	1
30-го. Предъ Евпаторіею	—	—	—	—	—
Итого въ сентябрѣ.	1	6	41	1759	1807
Октябрь.					
1-го. Подъ Евпаторіею	—	—	—	—	—
5-го. Въ Севастополѣ.	1	1	8	120	130
и сверхъ того тамъ же на дистанціи отъ бульвара до доковаго оврага, приблизительно убито, ранено и безъ вѣсти пропало	—	—	—	—	—
6-го. Въ Севастополѣ.	—	—	—	68	68
7-го. „ „	—	—	—	98	98
8-го. „ „	—	1	4	52	57
9-го. „ „	—	—	1	30	31
10-го. „ „	—	1	2	40	43
11-го. „ „	—	—	—	39	39
и при Евпаторіи	—	—	—	1	1
12-го. Въ Севастополѣ.	—	—	—	33	33
13-го. „ „	—	—	—	18	18
и въ отрядѣ генерала Липранди при Чоргунѣ.	—	1	5	241	247
14-го. Въ Севастополѣ.	—	—	8	60	68
15-го. „ „	—	—	1	23	24

ніе № 15-й.

МОСТЬ

нашихъ, со времени высадки непріятельскихъ войскъ на Крымскомъ полуостровѣ до 1854 года.

Ранено. Генераловъ.	Штабъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ.	Итого.	Контужено. Генераловъ.	Штабъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ.	Итого.	Безъ вѣсти пропавшихъ.	Вся потеря.	
—	—	—	5	5	—	—	2	—	2	—	11	
3	8	76	2611	2698	1	9	47	417	474	735 въ томъ ч. 7 оф.	5709	
—	—	1	2	3	—	—	—	—	—	—	4	
1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	
4	8	77	2618	2707	1	9	49	417	476	735	5725	
—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	1	
—	2	8	338	348	—	—	—	—	—	—	478	около 1100
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	631	
—	—	2	226	228	—	1	5	31	37	—	333	
—	2	1	334	337	1	2	11	70	84	—	519	
—	1	4	209	214	—	1	7	49	57	12	340	
—	1	2	157	160	—	2	4	43	49	11	251	
—	—	11	186	197	—	1	1	40	42	—	282	
—	2	4	175	181	—	—	4	52	56	—	276	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	
—	7	2	132	141	—	2	7	47	56	—	230	
—	—	3	109	112	—	1	6	22	29	—	160	
1	4	21	325	351	1	2	8	14	25	23 въ томъ ч. 1 ш.-оф.	646	
—	1	14	257	272	—	1	4	40	45	15	400	
—	—	3	133	136	—	2	4	35	41	—	201	

*

Годъ мѣсяцъ и число.	Убито. Генераловъ.	Штабъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ.	Итого.
1854.					
Октябрь.					
16-го. Въ Севастополѣ	—	—	1	27	28
17-го. „ „	—	—	—	29	29
18-го. „ „	—	—	1	17	18
19-го. „ „	—	—	—	9	9
20-го. „ „	—	—	—	22	22
21-го. „ „	—	—	1	34	35
22-го. „ „	—	—	—	41	41
23-го. „ „	—	—	—	28	28
24-го. „ „	—	—	1	19	20
При Инкерманѣ	1	6	37	2926	2970
у ген.-маіора Тимоѳеева	—	1	8	274	283
25-го. Въ Севастополѣ	—	—	1	50	51
26-го. „ „	—	—	—	39	39
27-го. „ „	—	—	—	32	32
28-го. „ „	—	—	—	27	27
29-го. „ „	—	—	—	27	27
30-го. „ „	—	—	—	12	12
31-го. „ „	—	—	—	15	15
Итого въ октябрѣ.	2	11	79	4451	4543

Ранено. Генераловъ.	Штабъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ.	Итого	Контужено. Генераловъ.	Штабъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ.	Итого.	Безъ вѣсти пропавшихъ.	Вся потеря
—	—	5	112	117	—	—	2	26	28	—	173
—	—	—	119	119	—	1	1	16	18	4 1 штабъ-офиц.	170
—	—	2	52	54	—	—	1	19	20	1 офиц.	93
—	—	1	69	70	—	—	—	25	25	—	104
—	—	3	112	115	—	—	1	23	24	—	161
—	—	4	152	156	—	1	3	34	38	—	229
1	—	2	148	151	—	—	3	47	50	—	242
—	—	1	115	116	—	—	2	27	29	1	174
—	1	5	74	80	—	—	3	18	21	—	121
1	31	129	4585	4746	2	3	43	279	327	1605 въ томъ ч. 7 оф.	9648
—	—	14	585	599	—	—	2	195	197	—	1079
—	—	1	176	177	—	—	2	32	34	—	262
—	—	—	118	118	—	—	—	39	39	—	196
—	—	—	116	116	—	—	2	22	24	—	172
—	—	1	85	86	—	—	—	13	13	—	126
—	—	1	93	94	—	—	2	22	24	—	145
—	—	1	31	32	—	—	—	7	7	—	51
—	—	2	65	67	—	—	1	19	20	—	102
3	52	247	9389	9691	4	20	129	1306	1459	1673	17366

Приложеніе № 16-й.

ВѢДОМОСТЬ

о состояніи и времени доставленія пороха въ Севастополь.

Время доставленія. Мѣс.	Число.	ОТКУДА ДОСТАВЛЕНЪ.	Пуды.	Фунты.	Золотники.	ПРИМѢЧАНІЕ.
Сен.	1	Въ сухопутномъ вѣдомствѣ Севастопольскаго гарнизона состояло пороху разныхъ сортовъ . . .	23380			Изъ этого числа было въ готовыхъ зарядахъ 11877 п. 22 ф. въ порох. боч. 9268 п. 18 ф. въ мѣст. парк. 2224 п. всего 23380 п.
		Въ морскомъ вѣдомствѣ.	41660			Изъ этого числа за исключеніемъ отпущеннаго на суда состояло въ складахъ на лицо 11432½ п.
			65040			
Окт.	13	Изъ Херсона съ поручикомъ Кириловымъ	450			
„	19-25	Изъ Херсона . . .	4416			
„	21-30	Изъ Херсона съ титулярнымъ совѣтникомъ Рекошемъ. . .	1035			Порохъ этотъ слѣдовалъ тремя транспортами: первый прибылъ 21 октября, второй 23 и третій 30 октября.
„	23-30	Изъ Бендеръ и Тирасполя съ нимъ же.	6400			
„	„	Изъ Николаева . .	3111			
„	„	„ Керчи	1750			
„	„	„ Перекопа. . . .	450			
„	26	„ Керчи съ поручикомъ Цацомъ	1300			
Нояб.	9-10	„ Херсона . . .	1000			
		„ Берислава. . .	1220			
„	12	„ Новочеркаска съ эсауломъ Руденковымъ	1500			

Время доставленія. Мѣс.	Число.	ОТКУДА ДОСТАВЛЕНЪ.	Пуды.	Фунты	Золотники.	ПРИМѢЧАНІЕ.
Нояб.	12-18	Изъ Кіева съ поручикомъ Нѣжинымъ.	2797			
„	24	Изъ Николаева съ фейерверкеромъ Никифоровымъ	175			
„	24	Изъ Херсона и Николаева отъ зарядовъ съ береговыхъ батарей	800			
Дек.	7	Изъ Херсона при фейерверкерѣ Семенюкѣ	84			
„	11	Изъ Кіева съ титулярнымъ совѣтникомъ Лавровымъ . .	933			
„	12	Изъ Бендеръ съ прапорщикомъ Супруновымъ	2000			
„	21-29	Изъ Кіева съ штабсъ-капитаномъ Готчинымъ	3495			
„	26	Изъ Шостенскаго пороховаго завода съ прапорщикомъ Крыловымъ	1275			
„	27	Изъ Шостенскаго завода съ поручикомъ Шаховскимъ. . . .	2358			
„	„	Изъ Шостенскаго завода съ подпоручикомъ Кузьминскимъ	1830			
„	28	Изъ Кіева съ штабсъ капитаномъ Феклистовымъ	2000			
„	„	Изъ Шостенскаго завода съ подпоручикомъ Прусаковымъ.	1342			

Время доставленія. Мѣс.	Число.	ОТКУДА ДОСТАВЛЕНЪ.	Пуды.	Фунты.	Золотники	ПРИМѢЧАНІЕ.
Дек.	31	Изъ Одессы по распоряженію главнокомандующаго Южною арміею	1500			
„	„	Изъ Шостенскаго завода съ прапорщикомъ Пилюгинымъ .	1215			
„	„	Изъ Новочеркаска съ эсауломъ Голушкинымъ	328	8	20½	
1855 года.						
Янв.	4	Изъ Охтенскаго пороховаго завода съ капитаномъ Полякинымъ	2000			
„	5	Изъ Тульчина . . .	2000			
„	7	Изъ Кіева съ унтеръ-цейхвахтеромъ Климовымъ	4000			
„	8	Изъ Кіева съ подпоручикомъ Якименко.	1398			
„	„	Изъ Кіева съ титулярнымъ совѣтникомъ Гранчинымъ. .	3087			
Фев.	13	Изъ Кіева съ канониромъ Морозовымъ.	214			
Мар.	31	Изъ Симферопольскихъ промежуточныхъ мѣстныхъ парковъ съ подпоручикомъ Павлушинымъ.	818	6	67[1])	

[1]) Арх. глав. арт. управ. (по описи дѣлъ бывшаго артиллерійскаго департамента, дѣла № 163 и 164). Арх. морск. минист. арт. депар. дѣло № 48.

Приложеніе № 17-й.

ДИСПОЗИЦІЯ

по войскамъ Инкерманскаго отряда 24-го октября 1854 года.

Завтрашняго числа, т. е. 24-го октября, три полка ввѣренной мнѣ дивизіи съ ея артиллеріею, Бородинскій и Тарутинскій егерскіе полки, съ батарейною № 3-го батареею 17-ой артиллерійской бригады и двѣ роты 4-го Стрѣлковаго батальона, выступаютъ въ 2½ часа по полуночи и направляются подъ личнымъ моимъ начальствомъ къ Инкерманскому мосту въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Двѣ роты 4-го стрѣлковаго батальона.
2. Третій и четвертый батальоны Охотскаго егерскаго полка.
3. Батарейная № 3-го батарея 11-ой артиллерійской бригады.
4. Штуцерники 2-ой бригады.
5. Два батальона Охотскаго егерскаго полка.

Войскамъ этимъ состоять въ непосредственномъ распоряженіи командира Охотскаго полка полковника Бибикова.

6. Штуцерники 1-ой бригады.
7. Якутскій пѣхотный полкъ, имѣя между средними батальонами батарейную № 1-го батарею 11-ой артиллерійской бригады.
8. Селенгинскій пѣхотный полкъ, имѣя между средними батальонами легкую № 3-го батарею 11-й артиллерійской бригады.
9. Бородинскій егерскій полкъ, съ батарейною № 3-го батареею 17-ой артиллерійской бригады.
10. Тарутинскій егерскій полкъ, съ легкою № 4-го батареею 11-ой артиллерійской бригады.

Патроннымъ и заряднымъ ящикамъ слѣдовать за отрядомъ, а пройдя мѣсто, назначенное для перевязочнаго пункта, свернуть съ дороги влѣво и расположиться въ лощинѣ. Съ каждаго полка имѣть при ящикахъ по одному офицеру. Ящикъ съ штуцерными патронами, состоящій при штуцерникахъ, слѣдуетъ за Селенгинскимъ полкомъ.

Перевязочный пунктъ назначается у фонтана, не доходя 2-хъ верстъ до Инкерманскаго моста.

Вагенбургу остаться на настоящей позиціи.

Перейдя черезъ мостъ, войска, ввѣренныя моему начальству, быстро слѣдуютъ на соединеніе съ генералъ-лейтенантомъ Соймоновымъ, который производитъ наступленіе отъ Киленъ-балки.

Цѣль наступленія овладѣть и утвердиться на высотахъ, занимаемыхъ англичанами.

При ввѣренномъ мнѣ отрядѣ изволитъ находиться командиръ 4-го пѣхотнаго корпуса г-нъ генералъ-отъ-инфантеріи Данненбергъ 1-й.

Подписалъ: генералъ-лейтенантъ Павловъ.

Приложеніе № 18-й.

Диспозиція генерала Даненберга на 24-ое октября.

Въ два часа по полуночи, 2-я бригада 10-й пѣхотной дивизіи, расположенная у Графской пристани, а за нею Екатеринбургскій пѣхотный полкъ выступаютъ, въ возможной тишинѣ, и слѣдуютъ лѣвымъ флангомъ въ шестирядныхъ колоннахъ, имѣя въ головѣ колонны всѣхъ своихъ штуцерныхъ. Бригада направляется по указанію генеральнаго штаба капитана Яковлева такъ, чтобы, прикрываясь справа штуцерными, дойти сколь можно скрытнѣе до мѣста, откуда можно прикрыть переправу чрезъ Черную рѣчку войскъ, для того назначенныхъ. По мѣрѣ, какъ мѣстность будетъ позволять, батальоны выстраиваются въ колонны къ атакѣ по командамъ словамъ вполголоса, послѣдовательно, такъ чтобы, перемѣною дирекціи по-батальонно налѣво, полки могли построиться удобно въ боевой порядокъ. Батарейная № 2-го батарея 10-ой артиллерійской бригады слѣдуетъ между Колыванскимъ и Томскимъ егерскими полками.

Полки 10-ой пѣхотной дивизіи выстраиваются каждый уступами изъ средины съ однимъ батальономъ въ резервѣ; Томскій егерскій полкъ на правомъ флангѣ; Колыванскій на лѣвомъ и Екатеринбургскій пѣхотный въ резервѣ.

За 10-ю пѣхотною дивизіею слѣдуетъ, тѣмъ же порядкомъ, 1-я бригада 16-й пѣхотной дивизіи, Бутырскій пѣхотный и Углицкій егерскій полки, съ десятью батарейными орудіями, подъ командою генералъ-маіора Жабокритскаго, и выстраиваются въ обыкновенномъ боевомъ порядкѣ, правѣе 10-ой пѣхотной дивизіи.

За сими войсками должны слѣдовать двѣ саперныя роты, по назначенію инженеръ-подполковника Тотлебена съ инструментомъ и мѣшками для предполагаемыхъ укрѣпленій.

Всѣми войсками, выступающими изъ города, будетъ командовать начальникъ 10-ой пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантъ Соймоновъ.

Коль скоро 10-я пѣхотная дивизія прикроетъ переправу чрезъ Черную рѣчку, то по устроенному флотскимъ вѣдомствомъ мосту переходятъ полки 11-й пѣхотной дивизіи въ слѣдующемъ порядкѣ: Охотскій егерскій, Якутскій и Селенгинскій пѣхотные полки. Между полками слѣдуютъ 1-я и 3-я батарейныя батареи 4-ой артиллерійской дивизіи. Колонну сію поведетъ дивизіонный квартирмейстеръ генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Черняевъ.

Перейдя черезъ мостъ, 11-я пѣхотная дивизія, оставивъ почтовую дорогу слѣва, слѣдуетъ направо по дорогѣ, вновь проложенной надъ бухтою, и располагается въ резервномъ порядкѣ за центромъ линіи, т. е. за интерваломъ между 16-ю и 10-ю пѣхотными дивизіями. При сей колоннѣ будетъ находиться командиръ 4-го пѣхотнаго корпуса, коему поручается командованіе всѣми войсками, назначенными для нападенія на правый флангъ расположенія непріятельскихъ войскъ.

За 11-й пѣхотною дивизіею должны слѣдовать, по распоряженію начальника штаба 4-го пѣхотнаго корпуса, телѣги, нагруженныя турами; за оными должна переправиться 2-я бригада 17-ой пѣхотной дивизіи съ своею артиллеріею подъ командою генералъ-лейтенанта Кирьякова и расположиться въ резервѣ, за лѣвымъ флангомъ 10-ой пѣхотной дивизіи.

Цѣль предпріятія отбросить отъ города правый флангъ непріятеля и укрѣпиться на занимаемой имъ мѣстности между городомъ и берегомъ на горной плоскости.

Въ случаѣ необходимости отказаться отъ назначенной цѣли, войска, перешедшія чрезъ переправу, первыя переходятъ на правый берегъ Черной рѣчки, а войска, вышедшія изъ города, возвращаются въ оный. Подробности исполненія будутъ указаны на мѣстѣ сообразно ходу дѣлъ.

Перевязочный пунктъ для войскъ, назначенныхъ переходить чрезъ Черную рѣчку, назначается не доходя сей рѣчки у фонтана, а для войскъ, вышедшихъ изъ Севастополя,—въ Ушаковой балкѣ, или другомъ удобномъ мѣстѣ, по распоряженію генералъ-лейтенанта Соймонова.

Подписалъ: генералъ-отъ-инфантеріи Данненбергъ 1-й.

Приложеніе № 19-й.

I.

Составъ колонны генералъ-маіора Соймонова.

		Число батальоновъ.	Казачьихъ сотенъ.	Орудій.	Число чиновъ.
Подъ начальствомъ командира 2-ой бригады 10-ой пѣхотной дивизіи генералъ - маіора Вильбоа.	Томскій егерскій полкъ .	4	—	—	3124
	Колыванскій егерскій полкъ	4	—	—	2875
	Екатеринбургскій пѣхотный полкъ	4	—	—	3298
Подъ начальствомъ генералъ - маіора Жабокритскаго.	Владимірскій пѣхотный полкъ	3	—	—	1724
	Суздальскій пѣхотный полкъ	4	—	—	2240
	Углицкій егерскій полкъ.	4	—	—	1795
	Бутырскій пѣхотный полкъ	4	—	—	2869
	Двѣ роты шестаго стрѣлковаго батальона . . .	1/2	—	—	289
	Двѣ роты шестаго сапернаго батальона. . . .	1/2	—	—	207
	Сотня донскаго казачьяго № 67-го полка	—	1	—	100
	Батарейная № 2-го батарея 10-ой артиллерійской бригады	—	—	12	—
	Батарейная № 1-го батарея 16-ой артиллерійской бригады	—	—	10	—
	Легкая № 4-го батарея 17-ой артиллерійской бригады	—	—	8	—
	Легкая № 5-го батарея 17-ой артиллерійской бригады	—	—	8	—
		28	1 сотн.	38	18521

II.

Составъ колонны генералъ-лейтенанта Павлова.

	Число батальоновъ.	Орудій.	Число чиновъ.
Селенгинскій пѣхотный полкъ	4	—	3197
Якутскій „ „	4	—	3223
Охотскій „ „	4	—	3182
Бородинскій „ „	4	—	2509
Тарутинскій „ „	4	—	3335
Четвертый саперный батальонъ	1	—	до800
Двѣ роты четвертаго стрѣлковаго батальона	½	—	360
Штуцерные Камчатскаго полка	—	—	102
Батарейная № 1-го батальона 10-ой арт. бриг.	—	12	—
„ № 3-го „ 11-ой „ „	—	12	—
„ № 3-го „ 17-ой „ „	—	8	—
Легкая № 1-го батарея 10-ой артил. бригады	—	12	—
„ № 2-го „ 10-ой „ „	—	12	—
„ № 3-го „ 11-ой „ „	—	12	—
„ № 4-го „ 11-ой „ „	—	12	—
Донская легкая № 2-го батарея	—	8	—
„ резервная № 4-го батарея	—	8	—
Итого	21½	96	16708

III.

Составъ отряда генерала-отъ-инфантеріи кн. Горчакова.

	Число. Батал.	Эскадр.	Сотенъ	Орудій.	Чиновъ
Азовскій пѣхотный полкъ	4	—	—	—	3849
Днѣпровскій пѣхотный полкъ	4	—	—	—	3688
Украинскій егерскій полкъ	4	—	—	—	3913
Одесскій егерскій полкъ	4	—	—	—	3667
Драгунскій Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича	—	10	—	—	1366

	Число.				
	Батал.	Эскадр.	Сотенъ.	Орудій	Чиновъ
Драгунскій Е. И. В. В. К. Константина Николаевича	—	10	—	—	1368
Драгунскій Е. И. В. В. К. Михаила Николаевича	—	10	—	—	1393
Гусарскій Е. И. В. Николая Максимиліановича	—	8	—	—	800
Гусарскій Гроссъ-Герцога Саксенъ-Веймарскаго	—	8	—	—	800
Сводный Уланскій полкъ	—	6	—	—	600
Донской казачій № 53-го полкъ. . .	—	—	4	—	400
Уральскій казачій № 1-го „ . . .	—	—	6	—	600
Батарейная № 4-го бат. 12-ой арт. бриг.	—	—	—	12	—
Легкая № 6-го бат. 12-ой арт. бриг. .	—	—	—	12	—
„ № 7-го „ „ „ „ .	—	—	—	12	—
„ № 8-го „ „ „ „ .	—	—	—	12	—
Конно-батарейная № 21-го батарея . .	—	—	—	8	—
„ „ № 22-го „ . .	—	—	—	8	—
„ „ № 23-го „ . .	—	—	—	8	—
„ легкая № 12-го батарея . . .	—	—	—	8	—
Донская батарейная № 3-го батарея. .	—	—	—	8	—
Итого.	16	52	10	88	22444

Приложеніе №20-й.

ВѢДОМОСТЬ

О числѣ пѣхотныхъ войскъ, находившихся въ Севастополѣ и его окрестностяхъ къ 21-му ноября 1854 г.

НАИМЕНОВАНІЕ ЧАСТЕЙ.	Число штыковъ.
Въ гарнизонѣ Севастополя.	
10-я пѣхотная дивизія	9136
Первая бригада 11-й пѣхотной дивизіи	4095
Охотскій егерскій полкъ	1284
Первая бригада 14-й пѣхотной дивизіи	5215
Шестые резервные баталіоны этой бригады	1880
„ „ „ 13-й пѣхотной дивизіи	4547
Черноморскіе пѣшіе казачьи № 2-го и № 8-го батальоны	1335
Четвертый стрѣлковый батальонъ	453
Двѣ роты 4-го сапернаго батальона	411
Шестой саперный батальонъ	821
Итого	29177
Въ Сѣверномъ укрѣпленіи и Константиновской батареѣ.	
Два резервныхъ батальона 13-й пѣхотной дивизіи	1493
Чоргунскій отрядъ.	
12-я пѣхотная дивизія	13613
Вторая бригада 17-ой пѣхотной дивизіи	3635
Двѣ роты 6-го стрѣлковаго батальона	224
Рота четвертаго сапернаго батальона	205
Итого	17677
Инкерманскій отрядъ (у Мекензіева спуска).	
16-я пѣхотная дивизія	7621
Двѣ роты 6-го стрѣлковаго батальона	223
Рота четвертаго сапернаго батальона	206
Итого	8050

НАИМЕНОВАНІЕ ЧАСТЕЙ.	Число штыковъ.
Резервъ на Бельбекъ.	
Камчатскій егерскій полкъ	3092
Пятые резервные батальоны первой бригады 14-й пѣхотной дивизіи	1811
Пятые и шестые резервные батальоны Украинскаго полка	1450
Итого	6353
Всего	62750

Примѣчаніе 1-е. Изъ этого слѣдуетъ исключить постоянный расходъ отъ каждой роты по 4 хлѣбопека, кашевара и артельщика, всего по 6 человѣкъ, что составитъ отъ всей пѣхоты 2448

Примѣчаніе 2-е. Караулы при вагенбургѣ отъ каждаго полка по 16-ти человѣкъ до 500

Всего до . . 3000

За тѣмъ можетъ быть въ бою 59750
За исключеніемъ Севастопольскаго гарнизона [1]) 30573

Приложеніе № 21 й.

Вѣдомость собраннымъ къ 17-му декабря непріятельскимъ снарядамъ годнымъ для дѣйствія изъ нашихъ орудій.

Ядеръ 36 фунтовыхъ	231
„ 30 „	5915
„ 24 „	120
„ 18 „	76
„ 12 „	58
Итого	6400 [2])

[1]) Воен.-Учен. Арх., д. № 3508.
[2]) Воен.-Учен. Арх. д. № 3338.

Приложеніе № 22-й.

Составъ батарей и квартирное расположеніе ихъ въ ноябрѣ 1854 г.

Наименованіе бригадъ.	Наименованіе батарей.	Число орудій.	Гдѣ расположены.
14 артил. бриг.	Легкая № 3-го батарея.	6	На р. Салгирѣ близъ Симферополя.
	„ № 4-го „	6	
16 артил. бриг.	Батарейн. № 1-го бат.	10	
	Легкая № 1-го батарея.	8	
	„ № 2-го „	8	
	Кон.-лег. № 12-го бат.	8	
11 артил. бриг.	Легкая № 3-го батарея.	8	У станціи Алма.
17 артил. бриг.	„ № 4-го „	8	Между Бахчисараемъ и Симферополемъ.
	„ № 5-го „	8	
	Конно-легкая донская № 2-го батарея. . . .	6	На рѣкѣ Качѣ близъ Бахчисарая.
	Конно-легкая резервная донская батарея. . . .	6	
10 артил. бриг.	Легкая № 2-го батарея.	8	Въ Севастополѣ.
11 „ „	„ № 5-го „	8	
11 артил. бриг.	Батарейная № 3-го бат.	12	На Бельбекѣ при 2-й бриг. 11-й пѣх. див.
	Легкая № 4-го „	8	
12 артил. бриг.	Батарейная № 4-го „	12	У селенія Чоргунъ.
	Легкая № 6-го „	12	
	„ № 7-го „	12	
	„ № 8-го „	12	
17 артил. бриг.	Батарейная № 3-го „	8	На Инкерманѣ [1]), при 16-й пѣхот. дивизіи.
	„ № 1-го „	12	
	Легкая № 2-го „	12	
	„ № 1-го „	8	

[1]) Всепод. донесеніе кн. Меншикова, 12-го ноября 1854 г.

Приложеніе № 23-й.

Содѣйствіе военныхъ поселеній дѣйствующимъ войскамъ.

По настоящимъ военнымъ обстоятельствамъ военное поселеніе кавалеріи оказало дѣйствующимъ войскамъ Южной арміи и въ Крымскомъ краѣ слѣдующія содѣйствія:

1) Для скорѣйшаго приведенія войскъ резервной кавалеріи въ военное положеніе, съ меньшими расходами для казны, сдано отъ округовъ въ полки и батареи 746 подъемныхъ и 458 артиллерійскихъ, всего 1.204 лошади.

2) Отправлено въ разныя мѣста и госпитали 100 фельдшеровъ и 28 коновальныхъ учениковъ, получившихъ образованіе въ военныхъ поселеніяхъ.

3) Изъ кантонистскихъ заведеній, состоящихъ при округахъ, назначено въ писаря разныхъ командъ 563 человѣка.

4) Для парковъ осадной артиллеріи сдано отъ округовъ 652 пары воловъ и 362 человѣкъ прислуги.

5) Изъ запасовъ округовъ продовольствовались, въ продолженіе четырехъ недѣль, 1.500 паръ воловъ и 500 лошадей подвижнаго провіантскаго магазина.

6) Во время самой сильной распутицы выставлено отъ округовъ, безъ всякаго со стороны гражданскаго вѣдомства пособія, весьма значительное число подводъ, для перевозки тяжестей, при слѣдованіи войскъ резервной кавалеріи, на соединеніе съ дѣйствующею арміею.

7) Въ теченіе мая мѣсяца округи Новороссійскаго, Кіевскаго и Подольскаго военнаго поселенія доставили на своихъ подводахъ, въ с. Жеребкова и с. Шараево, для войскъ дѣйствующей арміи, 104.688 четвертей провіанта и фуража; при чемъ военныя поселенія, движимыя патріотическими чувствами, пожертвовали 68.504 собственныхъ своихъ мѣшковъ, на сумму 27.401 р. 60 к. с.

Впослѣдствіи, съ 21-го сентября по 14-ое октября, отъ тѣхъ же округовъ, вновь доставлено, на своихъ же подводахъ, въ г. Бериславль и г. Херсонъ 10.000 четв. муки, 15.000 четв. сухарей съ пропорціею

крупъ и 10.000 четв. зерноваго хлѣба, для войскъ, въ Крыму находящихся.

8) Въ Новороссійскихъ, Кіевскихъ и Подольскихъ округахъ, собственными средствами поселянъ, устроены особыя госпитальныя помѣщенія на 4.000 больныхъ, для войскъ 3-го, 4-го и 5-го пѣхотныхъ корпусовъ и

9) Предоставлено въ распоряженіе главнокомандующаго Южною арміею, изъ запасовъ округовъ военнаго поселенія, кавалеріи 675.190 четв. провіанта, зерноваго фуража и 3.520.000 пудовъ сѣна.

Приложеніе № 24-й.

ВѢДОМОСТЬ

сравнительнаго возвышенія цѣнъ на Крымскомъ полуостровѣ.

Наименованіе предметовъ.	Симферополь. (цѣны) До войны.		Январь 1856 г.		Перекопъ. (цѣны) До войны.		Январь 1856 г.		Ѳеодосія. (цѣны) До войны.		Январь 1856 г.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп
Рожь за четверть. .	4	—	12	—	3	—	9	50	2	50	нѣтъ.	
Пшеница.	4	—	18	—	4	—	15	—	6	—	20	—
Ячмень	1	50	12	50	3	—	10	—	1	30	12	—
Овесъ	1	50	12	50	4	—	8	50	1	3	12	—
Сѣно за пудъ. . . .	—	15	2	50	—	25	1	—	—	10	—	75
Говядина.	2	—	2	60	1	20	2	—	1	40	2	80
Капуста	1	20	2	80	—	30	2	—	—	12	2	50
Лукъ за фунтъ. . .	—	3	—	6	—	3	—	5	—	$1/2$	—	10
Соль.	—	$1\frac{1}{2}$	—	19	—	6	—	9	—	1	—	3
Дрова за сажень . .	13	—	70	—	5	—	50	—	2	—	10	—

Приложеніе № 25-й.

ПРИКАЗЪ

главнокомандующаго военными сухопутными и морскими силами въ Крыму.
У Сѣвернаго укрѣпленія Севастополя 30-го ноября 1854 г. № 145.

Согласно предположенію полеваго провіантскаго коммиссіонерства главныхъ силъ въ Крыму, для подвоза продовольственныхъ припасовъ изъ Перекопа къ главному складу въ Бахчисараѣ, 1-я и 7-я воловыя, 10-я, 11-я и 12-я конныя полубригады армейскаго подвижнаго магазина располагаются слѣдующимъ образомъ:

1-я Воловая полубригада въ г. Архангельскѣ близъ Перекопа. Набирая по разсчету подводъ изъ Перекопскаго магазина свѣжаго заготовленія припасы: на $^2|_3$ подводъ сухари съ пропорціею крупъ, а $^1/_3$ часть зерновой фуражъ, подвозитъ таковые до станціи Айбары и передаетъ на подводы 7-й воловой полубригады.

7-я Воловая полубригада располагается при станціи Айбары, перепринявъ припасы, подвезенные изъ Перекопа 1-й полубригадою, транспортируетъ оные до Симферополя, для передачи въ 10-ю Конную полубригаду или въ Симферопольскій провіантскій магазинъ.

10-я Конная полубригада располагается при г. Симферополѣ. Принимая припасы, доставленные 7-ю Воловою полубригадою или прямо изъ Симферопольскаго магазина,—подвозитъ таковые въ учрежденные въ г. Бахчисараѣ склады.

2-я и 3-я роты 11-й Конной полубригады откомандированы для отвоза больныхъ изъ Симферопольскаго въ Херсонскій военный госпиталь. 1-я же рота сей полубригады расположится въ г. Армянскѣ, а 4-я въ Айбарѣ, для подкрѣпленія 1-й и 7-й Воловыхъ полубригадъ, въ усиленномъ подвозѣ припасовъ до Симферополя.

12-я Конная полубригада, по доставленіи на-дняхъ сухарей съ пропорціею крупъ въ Бахчисарай, расположена будетъ: первыя двѣ роты между Симферополемъ и станціею Сарабусъ, для подвоза изъ Евпаторійскаго уѣзда къ Бахчисараю зерноваго фуража и сѣна, отбитаго у непріятеля и оставленнаго бѣжавшими въ Евпаторію татарами; послѣднія

же двѣ роты останутся въ Бахчисараѣ, одна для подвоза припасовъ въ расположенія войскъ, а другая для сей же надобности и кромѣ того можетъ быть употреблена подъ свозъ больныхъ изъ Севастополя въ Бахчисарай.

Затѣмъ всѣ бригады подвижнаго магазина, по выгрузкѣ припасовъ на обратномъ слѣдованіи, могутъ доставлять до слѣдующихъ этаповъ больныхъ воинскихъ чиновъ и другія тяжести, не болѣе однако какъ по разсчету: на воловую подводу до 15-ти пудовъ, а на конную отъ 10-ти до 12-ти пудовъ.

О чемъ объявляя по ввѣреннымъ мнѣ войскамъ, вмѣняю въ обязанность коммиссіонерству главныхъ силъ: независимо настоящаго расположенія и назначенія полубригадъ армейскаго подвижнаго магазина, въ экстренныхъ случаяхъ измѣнять оные по своему усмотрѣнію, примѣняясь къ видамъ продовольствія и воинскимъ потребностямъ; гг. же бригадные и ротные командиры, равно помощники ихъ обязаны исполнять безъ измѣненія всѣ письменныя распоряженія коммиссіонерства и личныя приказанія оберъ-провіантмейстера, въ отношеніи перевозокъ продовольственныхъ припасовъ и другихъ военныхъ тяжестей, подъ строгою отвѣтственностію за противное.

Приложеніе № 26-й.

1.

Письмо начальника штаба Севастопольскаго гарнизона князя В. И. Васильчикова князю Меншикову, отъ 10-го декабря 1854 года.

Должность начальника штаба, непріятную сторону которой я къ несчастію уже имѣлъ случай испытать въ прошедшей кампаніи противъ турецкихъ войскъ въ Княжествахъ, заставляетъ меня безпокоить васъ симъ посланіемъ. Главная тяжкая сторона этого положенія состоитъ въ томъ, что полуотвѣтственность, постоянно тяготѣющая на лицѣ, занимающемъ подобное мѣсто, не представляетъ ему никакихъ фактическихъ средствъ, для несомнѣннаго доказательства предъ царемъ и отечествомъ, что онъ въ нужную минуту высказалъ свое мнѣніе и тѣмъ долгъ свой

исполнилъ. Разъ въ моей жизни я прошелъ чрезъ это испытаніе, мнѣ кажется, что того достаточно.

Севастополь, несмотря на огромныя средства, въ немъ сосредоточенныя обстоятельствами, не можетъ держаться противъ усилій французской арміи, если, съ одной стороны, не будетъ принято никакихъ мѣръ для снятія осады, на что нужны довольно значительныя силы, а съ другой, если непріятель успѣетъ овладѣть Сѣверною частію бухты. Не стану говорить о томъ, есть ли возможность усилить Крымскую армію; но полагаю необходимымъ употребить всѣ возможныя средства:

1) Къ сосредоточенію въ одно цѣлое войскъ, внѣ города находящихся, 2) къ возведенію на выгодныхъ мѣстахъ полевыхъ укрѣпленій, съ помощію которыхъ мы могли бы съ меньшими силами противустоять сильнѣйшему непріятелю на Сѣверной сторонѣ. Для сего кромѣ самихъ укрѣпленій нужна масса батарейныхъ орудій.

Сосредоточеніе войскъ, по мнѣнію моему, кромѣ пользы, которую оно принесетъ, для отпора непріятеля въ случаѣ неизбѣжнаго его наступленія, есть мѣра необходимости еще потому, что отрядъ князя Горчакова подверженъ опасности сдѣлаться напрасной жертвой и быть отрѣзаннымъ отъ главныхъ силъ вашей свѣтлости, въ минуту рѣшительнаго боя. Я утверждаю это на томъ основаніи, что непріятелю двигаться во внутрь края по дорогамъ, занимаемымъ войсками 6-го корпуса, нѣтъ ни возможности безъ перевозочныхъ средствъ, ни даже надобности, ибо ему не нужны ни Байдарская долина, ни с. Шуля. Что же касается до сношеній съ татарскимъ народонаселеніемъ, то оно и нынѣ можетъ существовать черезъ южный берегъ. Слѣдственно, летучіе отряды достаточны для наблюденія за непріятельскими партіями, могущими двигаться по симъ направленіямъ. Главное же наступленіе непріятеля можетъ быть произведено черезъ Каменный мостъ, съ тѣмъ чтобы овладѣть Мекензіевой горой и въ то же время, если не разбить князя Горчакова, то удержать его отъ всякаго движенія изъ занимаемаго имъ ущелья и участія въ рѣшительномъ дѣлѣ. Батальонъ, занимающій Мекензіеву гору, недостаточенъ для удержанія непріятеля, который уже бралъ такія же неприступныя высоты; другія войска, которыя будутъ двинуты къ нему на помощь, не придутъ во-время и подвергнутся опасности частнаго пораженія; наконецъ, главныя силы, ослабленныя этими авангардными дѣ-

лами и частію войскъ, которую ваша свѣтлость будете въ необходимости командировать на Качу, если бы тамъ была даже слабая диверсія, не будутъ въ состояніи держаться въ полѣ и оставятъ Севастополь на произволъ союзниковъ. Укрѣпившись противъ непріятеля идущаго отъ Черной рѣчки, и въ то же время на Бельбекѣ, собравши войска на центральной позиціи, можно, смотря по обстоятельствамъ, двинуть полки, куда надобность укажетъ. Но укрѣпленія эти надобно строить усиленно; лучше сегодня, чѣмъ завтра, и стараться выгадать утраченное время.

Вотъ, ваша свѣтлость, мое мнѣніе, которое раздѣляютъ многіе благонамѣренные люди. Если вы съ нимъ не согласны, то дай Богъ, чтобы оно было ошибочно, если же послѣдствія докажутъ, что я былъ правъ, то пусть же Россія узнаетъ, что я не молчалъ и сдѣлалъ, что могъ, чтобы избавить ее отъ напрасной скорби и несчастія.

2.

Письмо князя Меншикова князю Васильчикову отъ 11-го декабря 1854 года.

Въ письмѣ вашего сіятельства отъ 10-го сего декабря изъ Севастополя, усматриваются *два* желанія: во 1-хъ, высказать ваше мнѣніе о мѣрахъ къ защитѣ, если бы непріятель сталъ дѣйствовать противу насъ въ полѣ и во 2-хъ, чтобы эти вышесказанныя вами мѣры, раздѣляемыя, какъ вы пишете, многими благонамѣренными людьми, которыхъ однако не называете, не оставались безъизвѣстными Россіи, дабы „въ случаѣ ея напрасной скорби и несчастія отъ непринятія предлагаемыхъ вами мѣръ, она знала, что вы были правы и не молчали“.

Сознавая вполнѣ горячее участіе ваше къ близкому и дорогому для каждаго изъ насъ, русскихъ, дѣлу, я считаю моимъ долгомъ поспѣшить успокоить васъ по тому и другому изъ вашихъ желаній.

Предлагаемыя вашимъ сіятельствомъ мѣры, частію весьма основательныя, согласуются въ общемъ смыслѣ съ тѣми распоряженіями, которыя уже принимаются и имѣются въ виду.

Что же касается до втораго вашего желанія, можете быть увѣрены, что если бы только не польза общаго дѣла требовала содержать безъ огласки, до окончанія военныхъ обстоятельствъ, всякія вообще соображенія противу непріятеля,—предложенія ваши теперь же были бы огла-

шены *такъ, чтобы знала объ нихъ Россія.* Не останутся они скрытными по минованіи въ томъ полезной необходимости [1]).

Приложеніе № 27-й.

Записка фонъ-деръ Вельдта.

On dit qu'Omer Pacha va passer en Crimée pour débarquer à Eupatorie. Si les alliés portent leur armée à 200.000 h. (12 divisions françaises—120.000 h., 40.000 anglais et 40.000 turcs) je crois deviner le but de ce débarquement. Avec ce chiffre de 200.000 h. ils doivent prendre l'offensive et pour l'offensive je crois qu'ils sont forcés de choisir une nouvelle base d'opération, à moins qu'ils ne parviennent à se rendre maîtres de Sévastopol, ce qui me paraît impossible. Les alliés ne peuvent pas abandonner le cap Chersonnèse pour pénétrer dans l'intérieur de la Crimée, en laissant Sévastopol sur leurs derrières à moins de retrancher un autre point de la côte qui pourraît leur servir de base. Et puis, il serait fort difficile de déboucher de ce cap à travers les défilés étroits et tortueux de la Tchernaya en présence de l'armée russe maîtresse des défilés. Il est vrai que cette opération a réussi une fois en sens contraire, mais aujourd'hui le Prince Menchikoff est plus en mesure de s'y opposer que cinq jours après la bataille de l'Alma. Ce serait dangereux que de compter sur les fautes de son adversaire pour entreprendre une manœuvre aussi hasardée et délicate. Les alliés s'exposeraient donc fortement s'ils voulaient prendre l'offensive dans les gorges de la Tchernaya avant de s'être assurés d'un nouveau point de la côte, pouvant leur servir de base. C'est pour obvier à ce danger, sans doute, qu'ils veulent établir un camp retranché à Eupatorie.

Ici se présentent deux questions: les alliés vont-ils garder deux points comme base, ou vont-ils abandonner le cap Chersonnèse et concentrer toutes leurs forces à Eupatorie? Dans le premier cas l'armée russe loin d'être prise entre deux jeux et perdue, aurait au contraire pour elle

---

[1]) Воен.-Учен. Арх., д. № 4263.

l'avantage de la mobilité et pourrait alternativement et successivement frapper avec ses masses réunies sur les forces divisées. Les Russes pourraient écraser les turcs avant que Raglan ou Canrobert puissent les secourir, mais, pour obtenir ce résultat, il ne faudrait pas que Menchikoff perdît du temps. Il suffit de jeter les yeux sur le croquis ci-joint pour voir que le terrain autour d'Eupatorie offre tous les avantages possibles pour y établir un camp retranché inexpugnable, et cela avec peu de travaux. Si Menchikoff laissait aux alliés le temps d'établir le camp, il aurait autant de peine à les en déloger qu'ils en ont à se rendre maîtres de Sévastopol. Maîtres de la mer les alliés peuvent appuyer leur armée sur chaque point de la côte qui offre des facilités pour établir un camp retranché, si les Russes les laissaient faire.

Le second plan pourrait être plus dangereux. Si les alliés après avoir occupé Eupatorie quittent par mer le cap Chersonnèse pour concentrer ensuite toutes leurs forces dans cette ville et aux environs, il se pourrait que Menchikoff rencontre des difficultés sérieuses à maintenir ses communications avec le centre de l'Empire. Si les alliés veulent employer 200.000 h. et toute une campagne à la prise de Sévastopol, ils pourraient en se plaçant en avant d'Eupatorie avec des forces aussi considérables, rayonner sur la plus grande partie de la Crimée et Menchikoff se verrait obligé de se tenir sur les murs de Sévastopol. Dans cette position il pourrait encore tenir indéfiniment s'il avait les moyens d'approvisionner son armée. C'est là la difficulté. Si les alliés ont conçu ce projet fort difficile du reste à exécuter, ce n'est ni l'argent, ni les hommes, ni le matériel qui leur feront défaut. Il paraît que c'est un parti pris chez eux, coûte que coûte, de détruire Sévastopol.

Si j'étais général Russe, je n'hésiterais pas un seul instant. Je dirigerais 30.000 hommes sur Eupatorie, avec ordre d'enlever cette place, mais pour le faire je n'employerais que l'artillerie de campagne.

En arrivant devant la place, pendant que je préparerais mes colonnes d'attaque, j'enverrais cent bouches à feu canonner ce point. Les six mille projectiles qui auraient été lancés en moins de 25 minutes sur un petit espace de terrain, aurait déblayé la position que mes colonnes enlèveraient alors sans grandes difficultés, ni perte en hommes. Cela fait, j'aurais toujours l'oeil ouvert sur ce point qui de toute la Crimée

est le plus favorablement situé sous le rapport stratégique et maritime pour opérer une descente avec de grandes masses de troupes.

De ce qui précède il ne faut cependant pas conclure qu'un nouveau débarquement à Eupatorie offrirait tous les dangers que je viens de décrire. Pour réussir dans une pareille entreprise il faudrait beaucoup d'ensemble. Les demi mesures la feraient avorter. Si Omer-Pacha débarque ses turcs sans avoir au moins une vingtaine de mille Anglo-Français pour les soutenir, il risque fort d'être écrasé avant l'arrivée des troupes d'Occident. Si les alliés ne veulent faire qu'une diversion du côté d'Eupatorie avec 30.000 ou 40.000 hommes seulement, ce projet ne saurait aboutir à des résultats importants.

Приложеніе № 28-й.

Письмо генералъ-лейтенанта Богушевскаго генералъ-адъютанту Коцебу 12-го декабря 1854 года.

Получивъ приказъ по Южной арміи, 24-го ноября за № 377, о внесеніи въ формулярные списки сраженій и походовъ, я усмотрѣлъ, что дѣло 20-го февраля прошлаго (1853) года, при г. Каралашѣ, сказано, было подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Хрулева.

Генералъ-лейтенантъ Хрулевъ былъ присланъ устраивать тамъ батареи, но отрядъ былъ ввѣренъ мнѣ и имѣлъ тогда подъ моимъ начальствомъ дѣло. Генералъ-лейтенантъ Хрулевъ, пользуясь старшинствомъ своимъ, вмѣшался въ это дѣло и позволилъ себѣ писать реляціи, не бывъ отряднымъ командиромъ, и тѣмъ затмилъ мои распоряженія.—Безъ приказа г. главнокомандующаго, случайнымъ присутствіемъ генералъ-лейтенанта Хрулева, я не могъ быть лишенъ командованія отрядомъ.

Генералъ-лейтенантъ Хрулевъ съ эскадрономъ кавалеріи и двумя легкими орудіями отправился на правый флангъ позиціи, а мнѣ оставались всѣ распоряженія главныхъ дѣйствій противъ Силистріи, и у меня находящимися войсками нанесенъ главный вредъ непріятелю. Генералъ-лейтенантъ Хрулевъ и реляціями и частными разсказами совершенно

уничтожилъ мое въ этомъ дѣлѣ присутствіе. Но какъ уже идетъ дѣло объ исторической важности, то я долженъ нѣсколько отступить отъ той скромности, которую до сего имѣлъ. Хрулевъ уже довольно награжденъ за эту кампанію, за что же ему приписывать дѣло, не принадлежащее ему? Съ него довольно и своихъ дѣлъ. Позвольте, ваше превосходительство, покорнѣйше просить васъ обратить на это вниманіе ваше и, если возможно, соблаговолите представить это обстоятельство на благоусмотрѣніе его свѣтлости г-на главнокомандующаго, котораго справедливость мнѣ хорошо извѣстна [1]).

Генералъ-адъютантъ Коцебу отвѣчалъ Богушевскому, что, по докладѣ его письма, главнокомандующій находитъ претензію его уважительною.

Приложеніе № 29-й.

Списокъ деревень въ окрестностяхъ Евпаторіи, назначенныхъ для занятія ихъ войсками.

НАЗВАНІЕ ДЕРЕВЕНЬ.	Число домовъ.	Число колодцевъ.	КАКІЕ МОЖНО ПРІОБРѢСТЬ ВЪ ТѢХЪ ДЕРЕВНЯХЪ ПРОДУКТЫ.
Оразъ	4	2	Сѣно и кирпичъ для топлива.
Ай-Сабай	20	2	Сѣно, солому и овесъ.
Аджи-Тарханъ	17	2	Кирпичъ для топлива.
Джайлавъ	15	1	Ничего.
Богай	28	2	
Шабанъ	25	3	Ячмень, сѣно, солому и кирпичъ для топлива.
Орта-Мамай	30	7	Почти ничего.
Курулу	40	3	Ячмень, сѣно, солому и кирпичъ для топлива.
Катуръ	32	2	
Ташкѣ	22	4	Ничего.

---

[1]) Воен.-Учен. Арх., д. № 3346.

Название деревень.	Число домовъ.	Число колодцевъ.	Какіе можно пріобрѣсть въ тѣхъ деревняхъ продукты.
Тегемъ	30	3	Ячмень, сѣно, солому и кирпичъ для топлива.
Кудайгулъ . . .	50	70	
Картъ-біи. . . .	5	1	Ничего.
Курулу-Кенегецъ	15	2	Ячмень, сѣно, солому и кирпичъ для топлива.
Тюпъ-Мамай . .	32	16	

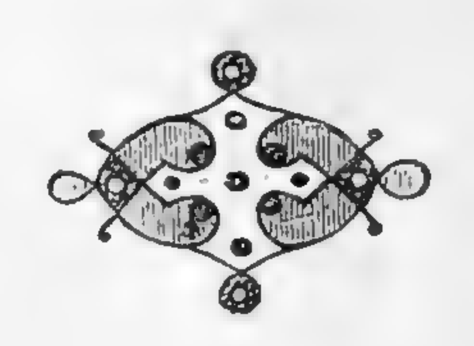
Примѣчаніе 1-е. Въ деревняхъ, гдѣ нѣтъ ничего, можно доставлять изъ ближайшихъ, гдѣ продуктовъ въ достаточномъ числѣ.

Примѣчаніе 2-е. На правомъ флангѣ въ этихъ деревняхъ удобно поставить 8-ю пѣхотную дивизію, а на лѣвомъ сводную бригаду, за нею артиллерійскіе парки и госпиталь.

Подписалъ: флигель-адъютантъ полковникъ Волковъ.

(Воен.-Учен. Арх., д. № 4318).

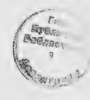
АЛФАВИТЪ
собственныхъ именъ, упоминаемыхъ въ текстѣ.

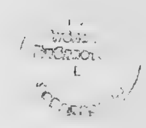

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ
при
КАДИКІОЙ (БАЛАКЛАВѢ),
13 (25) Октября 1855 года
Условные знаки
Русские
Пѣхота
Кавалерія
Пѣхота
Кавалерія
Масштабъ
СЕВАСТОПОЛЬ
Кадикой

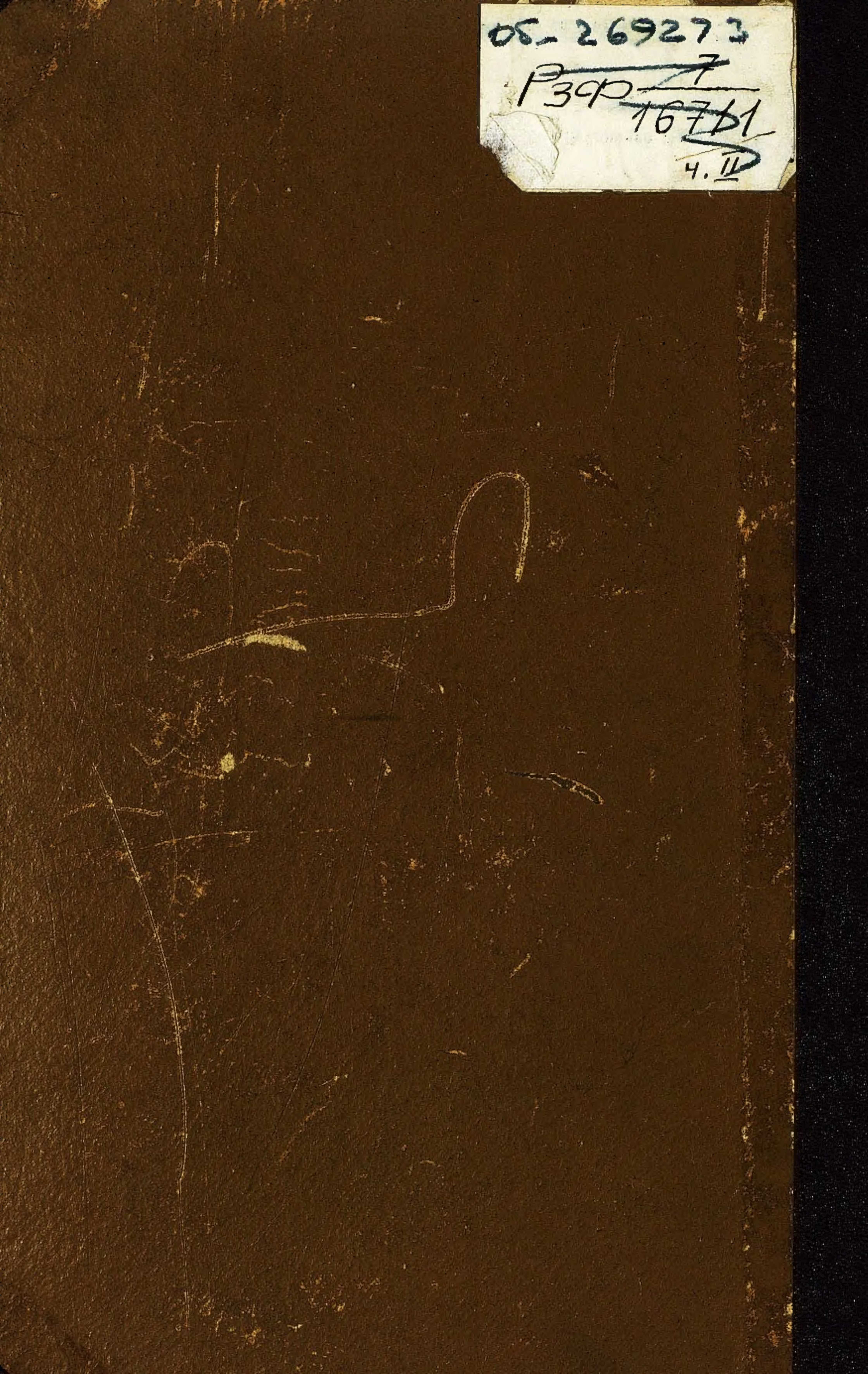

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ
при
ИНКЕРМАНѢ,
24 октября (5 ноября) 1854 года.
Условные знаки
Русскіе
Союзники
Масштабъ
0 60 120 180 240 300 600 900 саж.
СЕВАСТОПОЛЬ
Инкерм. мостъ
Р. Черная
Кадикіой

д. Джайлавъ
2 бр. Рез. Ул. Дивиз.
д. Отаръ-бойнакъ
Дор. въ Мирки
Дворъ Г.жи Грудницкой
Правая Колонна
Средняя Колонна
Лѣвая Колонна
76 Орудій
ЕВПАТОРІЯ
Озеро Сасыкъ
Турец. пар.
Франц. пар.
Черное море

05-269273
Р3ф 7 / 16761
ч. II